

ugr | Universidad
de Granada

ФОНД РУССКИЙ МИР

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года

МАТЕРИАЛЫ XIII КОНГРЕССА МАПРЯЛ

В 15 томах

Том 6

НАПРАВЛЕНИЕ 5

Язык. Сознание. Культура

Санкт-Петербург
2015

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)

ББК 81.2Рус

P89

**ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»**

Рецензенты

Л. А. Вербицкая, Р. Беленчикова, Р. Гусман Тирадо,
Д. Ю. Дэвидсон, Лю Лиминь, А. Мустайоки, Ю. Е. Прохоров,
Т. П. Млечко, В. Н. Аврамова, Д. З. Гоциридзе, И. Клапка,
А. Красовски, Л. А. Кудрявцева, С. Оде, Э. Д. Сулейменова,
Чжэн Тиу, Л. Шипелевич, Т. Шмидт

Редакционная коллегия

Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова, Т. Б. Авлова,
Н. А. Буре, Г. М. Васильева, И. М. Вознесенская, С. В. Вяткина,
В. П. Казаков, Т. Н. Колосова, Н. А. Любимова, Н. М. Марусенко,
Л. В. Миллер, В. М. Мокиенко, Ю. Е. Прохоров, С. Т. Саевич,
Е. И. Селиверстова, А. Д. Степанов, И. Н. Сухих, Н. Л. Федотова,
В. В. Химик, М. С. Шишков, Д. А. Щукина

Составители

Н. М. Марусенко, М. С. Шишков

P89 Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — Т. 6. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — 657 с.

Сборник включает тексты докладов участников XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года), посвящённых актуальным проблемам современной русистики и методики преподавания русского языка и литературы. Проблематика лингвистических статей связана с вопросами изучения русского языка в его современном состоянии и историческом развитии. В статьях исследователей русской классической и современной литературы осмысливается её роль в мировом культурном и образовательном пространстве. Особое внимание уделено современным концепциям, технологиям и методикам обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному. Сборник материалов Конгресса адресован филологам-русистам, преподавателям русского языка и литературы, студентам и аспирантам гуманитарного профиля, а также всем интересующимся русским языком, литературой и культурой.

В 6-й том вошли материалы направления 5 «Язык. Сознание. Культура».

ISBN 978-5-9906635-6-5 (Т.6)
ISBN 978-5-9906635-0-3 (серия)

© МАПРЯЛ, 2015
© Коллектив авторов, 2015

НАПРАВЛЕНИЕ 5

ЯЗЫК. СОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

Концептуальная
и языковая картина мира

Этническая ментальность

Русская языковая личность

Концептосфера
русского речевого общения

Отражение единиц этнолингвокультурного
сознания в языковой системе
и речевой деятельности

Дисциплинарный статус, методология,
методы и базовые понятия
лингвокультурологии

Национально-культурная специфика слова,
текста, дискурса, коммуникации

Экспериментальные исследования
особенностей этноязыкового сознания

МИР ПРИРОДЫ В МИНИАТЮРАХ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В докладе рассматриваются в аспекте этнокультурного стиля коммуникации особенности функционирования русского литературного языка в условиях территориальной локализации, воздействующей на отбор и организацию языковых средств при создании образа действительности и её эмоционального восприятия. К анализу привлекаются художественные тексты писателей Сибири.

Ключевые слова: этнокультурный стиль коммуникации, типовые ситуации отражения действительности, описание природы; средства языковой актуализации.

Устойчивый интерес современной лингвистики к человеку в языке проявляется, в частности, в обращении к проблемам языковой картины мира и национального своеобразия языкового отображения действительности. Свои права на разработку лингвокультурной проблематики отстаивает этнолингвистика, изучающая взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Этнолингвистика как направление и как определенный подход к языку сквозь призму его духовной культуры возникла в первой трети XX века и была связана с именами выдающегося российского философа Густава Шпета (1879–1937) и швейцарского лингвиста Шарля Балли (1865–1947), которые оказали значительное влияние на развитие семиотики и философии языка. Язык, по мнению Г. Шпета, порождается не только необходимостью общения, но и внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа, и при этом он имеет независимое, внешнее бытие, оказывающее влияние на самого человека. Именно это определение было характерно для начальных этапов освоения историко-культурного аспекта языка. Исследования Г. Шпета и Ш. Балли в области философии языка легли в основание новой философии культуры, в центре которой стоит проблема творческого понимания, интерпретации, истолкования смысла. Такой подход открыл дорогу исследователям, понимающим слово как шифр культуры, закодированный в сообщении (см. Н. И. Толстой, Ю. А. Сорокин, В. В. Телия, К. А. Рогова, А. Д. Шмелёв и др.).

Среди внутренних подразделений, которые обращены к выявлению связи языка и культуры, выделяется такое направление, как исследование этнокультурного стиля коммуникации, под которым понимается «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закреплённый традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определённых стра-

тегий и средств коммуникации (вербальных и невербальных)»¹ Основа описания этнокультурного стиля коммуникации базируется на разноректорных составляющих, связанных с социокультурными, аксиологическими, социолингвистическими, психолингвистическими и др. характеристиками, поскольку только комплексное описание национального стиля коммуникации может дать полное о нём представление. При этом анализ может быть обращён как к глобальным, так и локальным проявлениям этого стиля.

Так, с указанных позиций может рассматриваться этнокультурный стиль коммуникации определённого региона страны. Для России с её огромными пространствами, отличающимися географическими и климатическими особенностями, это актуальная задача изучения её языкового существования. Интерес с указанной точки зрения представляет этнокультурный стиль коммуникации Сибири.

Историко-географическая справка.

Сибирь — обширный географический регион в центре Российской Федерации, геополитическое применение слова «Сибирь» связано обозначением всех территорий, лежащих к востоку от Волги. В послании к королеве Елизавете (1570 г.) Иван Грозный так и называл себя: «Государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, земли Черниговский, Рязанский, Полоцкий и всея Сибирские земли» Имея площадь около 10 000 000 км², Сибирь составляет около 73,56 % территории России, Крупнейшие реки Сибири — Енисей, Обь, Ангара, Иртыш, Лена, Амур. Крупнейшие озёра — Байкал, Таймыр и Убсу-Нур. До распада Золотой Орды Сибирь заселяли монгольские и тюркские народы, но в XVI в. хан Едигер обратился к Ивану Грозному с просьбой о подданстве. С этого времени начинается освоение сибирских земель русскими, которое велось вдоль рек Тобола, Иртыша, Оби, Енисея. После отмены крепостного права приток русского населения увеличился: в Сибири было много свободных неосвоенных земель. В настоящее время население Сибири составляет около 18% от общего населения РФ. Население Сибири говорит на 32 языках, для сохранения и развития которых прилагается много усилий со стороны этнокультурных научных учреждений².

«Русский язык в Сибири, как пишет А. И. Фёдоров, — это тот же русский национальный язык, но имеющий много своеобразных черт, прежде всего, в лексике, меньше — в фонетике, морфологии, синтаксисе. Это своеобразие русского языка в Сибири сформировалось за четырёхста лет его употребления многими поколениями русских людей (начиная от первопроходцев и кончая нашими современниками) в условиях сибирской географической среды, к которой они должны были приспособляться, осваивая новые виды производства, при длительных контактах с аборигенным населением Сибири³.

Лингвистические исследования русского языка Сибири, как правило, осуществляются в рамках языковой системы: ведётся наблюдение за лексикой, которая обнаруживает много специфического в своём составе, морфологией и синтаксисом, в которых «меньше своеобразных черт». В исследованиях подробно описываются диалектизмы, составляются диалектные словари, монографии, атласы. Из лексикографических источников большой авторитет сегодня завоевал сорокаторый «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-

Медведевой, впервые опубликованный в 2006 году в Санкт-Петербурге⁴. В настоящее время словарь выходит в Иркутске при активном участии Т. Д. Романцовой, сохраняя научный патронат Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института лингвистический исследований РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Словарь предоставляет исследователям уникальные материалы для изучения собственно лингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, лингвогеографических и других явлений.

В поле зрения попали и просторечные элементы сибирской речи, где обнаружены вариантные цепочки или их звенья *страшный* — *страшной*. Междометия, частицы *ну*, *чё*, *вот*, *почему*, выражающие различные эмоции:

*Ну вот а насчет переселения значит это/ как было. Ну вот он Георгий Несторович Аристов/ она/ Мария Григорьевна Аристова/
Вот// <...> Ну/ а значит вот/ мама моя. Да// Вот/ был магазин/ рыбой они торговали/ вот// Ну а потом вот Ну мы догадывались что/ потому что сотни/ тысячи/ десятки тысяч были арестованы/ ну через одного буквально/ во//⁵.*

Текстологические наблюдения над тем, как восприятие мира отражается в функционировании русского языка в Сибири, пока ещё мало представлены, хотя они способны передать специфику сибирского мировидения и мировосприятия, как и приобретение языковыми средствами особых коннотативных значений. Эта специфика настолько ярка, что она очевидна не только для тех, кто серьёзно изучает этнолингвистические особенности этой российской территории, но и для тех, кто впервые знакомится с местной речью, региональной литературой. В основу её изучения может быть положено наблюдение над использованием языковых средств русского литературного языка при описании ситуаций действительности, связанных с восприятием сибирской природы, её климатических особенностей, с их влиянием на ощущение сибиряков, близости к ней через преодоление сложных жизненных условий, удалённость от центральных регионов.

Писателей-сибиряков, как отметил, например, П. Басинский в статье, посвящённой В. П. Астафьеву, отличает непосредственная, органическая слитность с миром, в котором живут их герои, живут они сами: «Подозреваю, что для Астафьева-художника не существовало так называемой проблемы России — ни в личном, ни во вселенском масштабе. Какая ещё, прости Господи, проблема! Вот заботы челдонских ребятишек, выбравшихся из душной избы после нескончаемой зимы на свет Божий и собирающих на припёке дикий лук, щавель, а если повезёт, то и яйца крякв и куликов, — это проблема живая, трепетная, сердечная!»⁶.

Прежде всего, необходимо выяснить, что попадает в общий фокус и видится доминантой в воспринимаемом мире в процессе взаимодействия с окружающей средой. Обратим внимание, что Сибирь восприни-

мают, называют «страной рек», «краем тысячи рек». Самые крупные из них — спокойная Обь, быстрый Енисей, широкая Лена, глубокая синяя Ангара, текущие в Северный Ледовитый океан. Уникальность Сибири: территориальная целостность и наднациональная общность, сравнение со страной (перифразы: страна рек; эпитеты: могучая, суровая), номинация сибиряк не только объединяет различных жителей Сибири, но и включает ряд характеристик, устойчивые словосочетания, стереотипы: сибирское здоровье, ссылка в Сибирь, сибирские морозы, бескрайняя тайга. Красота, первозданность и чистота природы (самые длинные и полноводные реки, самое глубокое озеро), суровый климат (холодные длинные зимы), гиперболизированные меры (расстояние, мороз, характер, здоровье, закалка).

Здесь сложился особый тип человека — сибиряк. Это труженик, знающий свое дело, любящий свою работу и свой край. Человек самостоятельный, бесстрашный, доброжелательный. Может быть, это сибирские просторы дали ему широкую душу, а суровая природа — смелость и настойчивость. В. Г. Распутин в очерке «Сибирь, Сибирь...» замечал, что «сибиряк, получившийся от слияния славянской и азиатской крови, приобрел некоторые специфические черты: наблюдательность, обостренное чувство собственного достоинства, иступленность в работе, чередующаяся с периодами лени»⁷. Интересно отметить, что сибиряками называют себя даже иностранцы, прожившие в Сибири несколько лет.

По данным «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова⁸, в котором зафиксирован речемыслительный портрет современного русского человека, его картина мира, особенности национального менталитета содержание ассоциативно-вербального поля в прямом словаре на слово-стимул Сибирь представлено лексемами: *тайга, холод, матушка, снег, ссылка, холодная, далеко, лес*.

В связи с вышесказанным представляется интересным, как это отражается в творчестве сибирских писателей. Воспользуемся текстами коротких рассказов и лирических миниатюр сибирских писателей. Для миниатюр и рассказов В. П. Астафьева, А. В. Вампилова, В. Г. Распутина⁹ характерно органическое соединение черт быта, жизни с общечеловеческими проблемами. К этим же чертам относится лейтмотив описания природы, с особым идеальным восприятием её автором, что вызывает размышления о человеке. Именно в речевом поведении авторов прямо или косвенно эти черты находят своё отражение. Любовь, приверженность сибирской земле, природе, сибиряку как особому этносоциальному типу русского человека, всегда была их творческой доминантой, нашедшей непосредственное отражение в речевом представлении. Например:

Байкал славен и свят¹⁰ другим — своей чудесной животворной силой, духом величия и могущества.

Был август, лучшее время на Байкале, когда, кажется, даже камень цветет, полая красками. Когда солнце высвечивает снег на дальних гольцах Саян. Когда уже запасся Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто,

спокойно, набираясь сил для осенних штормов. Когда щедро играет подле берега рыба и на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — то малина, то смородина, то жимолость (В. Г. Распутин).

В данном фрагменте описание Байкала включает определения и предикаты высокого эмоционального напряжения: *чудесная животворная сила; дух величия и могущества; полая красками, метафоризацию: Байкал запасся водой; лежит сыто, спокойно; рыба играет*, создавая образ, передающий адресату восторженное отношение автора.

Анализ речевых форм в миниатюрах и рассказах сибирских писателей показывает, что их набор и характер семантики речевого материала прямо и непосредственно отражают общие идеи их творчества. Одной из особенностей миниатюр является их климатическая составляющая, органически связанная с пейзажем, что непосредственно влияет на создание и выстраивание целостного образа Сибири. Природа у сибирских писателей находится в Абсолюте, в необычайно высоком статусе; она многоконтурна, и по определению, включает в себя весь поименованный многочисленными эпитетами и метафорами природный географический комплекс: реки, озера, горы, скалы, небо, тундра, тайга, районы вечной мерзлоты, смена времен года. Выделим словосочетания: *широкая река, буйная река, непостижимо яркие цветы Сибири, державная поклонная тайга*.

В коротких рассказах природа по праву сильного занимает место главного действующего субъекта. Именно она определяет образ жизни, привычки, мировоззрение людей, обладает своими функциями, законами и правами. Собственно такое общее понимание и связывает сибирских писателей. Идея покорения природы, активно пропагандируемая и в идеологических предпочтениях советского периода, и в литературе соцреализма, чужда и А. В. Вампилову, и В. П. Астафьеву, и В. Г. Распутину (вспомним, например, идею поворота сибирских рек в Среднюю Азию), доказательством чему служат многочисленные интервью, публицистика самих авторов.

Ведущим типом речевых действий в миниатюрах и коротких рассказах являются речевые действия с предметной семантикой. Они имеют большой объем, занимают в тексте сильные позиции. Наиболее активную роль в текстах выполняют предметное описание, предметное повествование и сравнение. В большинстве миниатюр они становятся смысловым центром, представляя картину мира в ее многообразных проявлениях: предметах, лицах, их действиях, качествах, сенсорных свойствах. Авторы обращаются к лексике с предметной семантикой в разных целях: одни типы текстов используют способность слова наглядно отображать окружающий мир как чувственно, эмоционально воспринимаемый, другие — актуализируют весь понятийный объем значения слова, в них предметная лексика наращивает отвлеченность, вырастая до символических образов, формируя у читателя определенное представление об окружающем мире и выражая при этом отношение автора к описываемому.

Сфера смыслов, связанная с областью познания, в миниатюрах выражаются в желании расширить знания читателей о сибирской природе: информация выходит за рамки узкой, единичной ситуации одного события, сообщая о явлениях существенных, протяженных во времени.

Природные явления, как правило, представляются в их динамике, переходных состояниях:

*В четвертом часу светало, становилось зябко: Уже вся река застыла, смирилась природа с зимою; На реке чуть посветлело (В. П. Астафьев).
Весна растормошила заснувшую реку (А. В. Вампилова)*

Эта, последняя, фраза представляет собой своеобразное «кольцо», она начинается и заканчивается номинациями, именуемыми природные и сезонные объекты — весна, река. Внутри него находятся разнонаправленные по динамике олицетворенные, «очеловеченные» метафоры: *глагольная*¹¹ и *отглагольная*¹². Активность олицетворенных метафор различна: субъект (весна) при своей неодушевленности динамичен, его действие представлено разговорным, экспрессивным глаголом совершенного вида прошедшего времени. Объект действия менее активен, инертность в тексте усиливается причастием, которое менее действенно по морфологической генетике, его семантика неактивна. Таким образом, благодаря лексико-грамматической нагрузке каждого члена высказывания, в предложении возникает дополнительная стилистическая экспрессия.

Образ динамичного субъекта (весна) ориентирован на лексико-семантическое поле «жизнь, пробуждение», образ пассивного объекта включается в лексико-семантическое поле «сон, смерть». Создается как бы двойная антитеза: природная, поскольку заснувшая река организует ассоциации с лексемой «зима», формально отсутствующей в тексте, но активной в подтексте. С другой стороны, возникает «философская» антитеза жизни и смерти, извечной борьбы между этими двумя стихиями. Антитезы организуют важные для этого текста и для всего творчества А. В. Вампилова мощные символы. Жизнь и смерть, движение и покой, время и пространство организуют все процессы во вселенной, объединяют и синхронизируют, делают гармоничными, «справедливыми» и наполненными высшим смыслом процессы, параллельно происходящие в природе и социуме. Метафоры позволяют автору передать характеристики сложных сторон эмоциональной сферы человека, логически трудно выразимых аспектов мироустройства. При этом авторское является одновременно и системным, и несистемным, приближенным к этнокультуре и удаленным от нее, что, в конечном счете, свидетельствует об авторской «многосистемности» (Ю. М. Лотман).

В общий природный мир включается человек:

А тут еще ветер. Конечно, ветер не может иметь никакого отношения ни к истории с Марией, ни к поездке в город, он дует сам по себе, как дул, наверно, и в прошлом и в позапрошлом году, когда у Кузьмы с Марией было все

хорошо, и тем не менее Кузьма не может отделаться от чувства, что одно с другим связано и ветер дует не зря. ...Кузьма подумал о снеге: наверно, к утру соберется и пойдет, пойдет, пойдет — как благодать (В. Г. Распутин «Деньги для Марии»).

Происходит переключение восприятия природы с обыденного на эмоционально-возвышенное, включаясь в общий эмоциональный тон повествования:

А Саня сидел у лесины, где пили чай, на камне, и, расслабившись, безвольно и дремотно, смотря и не видя, слушая и не слыша, открылся для всего, для всего, что было вокруг: для широкой заболоченной низины за речкой, сплошь заросшей голубичником и размеченной корявыми берёзками; для низкого неба, начинающего постепенно натекать какой-то мутной плотью, для приглушённых и зыбких звуков, доносящихся, как неверное эхо, из глубины переполненного тишиной мира. Всё это заворожило и обморозило его до того, что захотелось застыть здесь, как истукану, и никуда не двигаться (В. Г. Распутин «Костёр»).

Саню всё в это яркое утро приводило в восторг — и то, как обрывались с кедра и шлёпались о шалаши и о землю последние крупные капли дождя; и то, как умиротворённо и грустно, вызывая какую-то непонятную сладость в груди, затихал костёр; и то, как дурманяще и терпко пахла после дождя лесная земля; как всё больше и больше выбеливалась низина, куда им предстояло идти; и даже то, как неожиданно и дурногласно, напугав их, закричала над головами кедровка (В. Г. Распутин «Утро»).

Речевые формы, выбираемые для описания природы дают представление о том общем, что роднит творчество писателей-сибиряков, неразрывно связанных с окружающим их неповторимым миром, который настраивает на высокую эмоциональную тональность всего повествования. Образность, внушённая самой природой, и в значительной степени определяемая ею эмоциональность, могут быть выделены в качестве специфических свойств данного этнокультурного стиля коммуникации, что, однако, не препятствует проявлению индивидуальной манеры каждого. Но это составляет уже специальный предмет исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларина Т. В. Коммуникативная этностилистика и предмет её изучения. // Вторая междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». М.: МедиаМир, 2012. С. 132.

² Широкова Н. Н., Мальцева Н. Б., Кошкарева Н. Б. Роль науки в сохранении и развитии языков коренных народов Сибири // Наука в Сибири. 2007. № 49 (2634). URL: <http://www.sbras.ru/HBC/hbc.phtml?4+444+1>

³ Фёдоров А. И. Русский язык в Сибири // Вопр. языкознания. 1982. № 2. С. 81–89. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/fedorov-82.htm>

⁴ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб.: Наука, 2006.

⁵ А. Радышевская (пример семейного рассказа о переселении записала А. Радышевская-внучка).

⁶ Басинский П. В. Сороковины // Басинский П. В. Скрипач не нужен. М.: АСТ, 2014. С. 147.

⁷ Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... М.: Молодая гвардия, 1991. С. 121.

ЯЗЫКОВОЙ КОД КУЛЬТУРЫ

В докладе рассматривается возможность выявления универсального и национально-специфического компонента лингвокультурного кода в русском и болгарском языках. Основывается положение о наличии национальных стереотипов и эталонов в обеих лингвокультурах.

Ключевые слова: код культуры, языковой код культуры, лингвокультурология.

Термин *код* применяется семиотике культуры, которая рассматривается как совокупность текстов, понимаемых как последовательность знаков любой природы. Тексты — это «истинные хранители культуры»¹. Именно в тексте отображается духовный мир человека, в нем же хранится информация об истории, культуре, национальном поведении этноса. Таким образом, тексты содержат культурные коды, представляющие «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных»². Поскольку семиотика имеет междисциплинарный характер, понятие *код* стало широко использоваться и в других науках. В современных лингвистических исследованиях код рассматривается как одно из ключевых понятий лингвокультурологии.

В лингвистике некоторые исследователи (В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская) под кодом понимают «языковые образования (язык, территориальный или социальный диалект, городское койне), то есть те варианты языка, которые используют участники данного коммуникативного акта»³. В. М. Савицкий определяет код как «генеративно-интерпретативное начало языковой системы», как «язык в функции генератора текстов при порождении речи и в функции регенератора смыслов при понимании речи»⁴. В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии код культуры определяется как «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставши носителями культурных смыслов»⁵. Под кодом культуры понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его»⁶, «совокупность окультуренных представлений о картине мира данного социума (природные объекты, артефакты, явления, действия, события, ментефакты)»⁷. Код «действует как принцип выбора значений в соответствующей коммуникативно-прагматической системе»⁸. Коды культуры универсальны, но «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также

⁸ Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Т. 1 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: АСТ-Астрель, 2002.

⁹ В работе цитируются тексты по следующим изданиям: Астафьев В. П. Затеси М., 2008; Вампилов А. В. Избранное. М.: Согласие, 1999; Распутин В. Г. Век живи — век любви: повести, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.

¹⁰ Здесь и далее выделение в цитатах наше. — Т. А.

¹¹ «**Растормошить**, -шу, -шишь; растормошённый; -шён, -шена, -шено; *св. Разг.* 1. кого. Тормоша, разбудить. *Р. спящего.* 2. кого что. вывести из состояния вялости, равнодушия; расшевелить. *Он так обленился, что его уже трудно р. з. что.* Привести в беспорядок, разбирая, перекалывая что-л. *Р. сумочку. Р. свёртки и пакеты»* (Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд.: СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=растормошить&all=x>)

¹² «**Заснуть**, -сну, -снёшь; *св.* 1. Погрузиться в сон. *Ребёнок заснул. Крепко з. З. с трудом. З. после принятия лекарства. З. глубоким, тревожным сном. З., склонившись над книгой.* 2. Стать безлюдным; замереть, затихнуть. *Город заснул. В селе всё заснуло. Природа заснула до весны. З. только з л. Разг.* Перестать дышать, умереть (о рыбе). *Сом заснул. Заснувшие караси.* ♦ Заснуть вечным (последним, могильным и т. п.) сном (*см. Сон.*) <Засыпать, -аю, -аешь; *нсв.*> (Там же. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=заснуть&all=x>)

Avlova T. B.

THE WORLD OF NATURE IN THE SIBERIAN WRITERS' MINIATURES

The article deals with functioning of the Russian literary language peculiarities from the aspect of ethnic and cultural style of communication in terms of the territory localization that influences selection and organization of the language means during the image of the realty creation and its emotional perception. The author analyzes texts of the Siberian writers.

Keywords: ethnic and cultural style of communication, typical situations of the realty depiction, nature depiction, means of the language actualization.

метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой»⁹. Исследовательница выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный код, то есть те, которые соотносятся с архетипическими представлениями культуры народа и в которых зафиксированы наивные представления человека о мироздании¹⁰.

Для раскрытия культурного содержания языкового кода применяется описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих ментальные языковые структуры, реализованные культуре. Культурный код вербализуется в семантике названия, усваиваемой носителями языка на основе общего и индивидуального опыта.

Код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка, в других текстах, реализованных в данной культуре.

Коды культуры, в которых фиксируются коллективные представления, универсальны как феномен, свойственный человеку. В культуре коды образуют систему координат, связанных с эталонами и стереотипами культуры. Выделяется ряд кодов культуры: космогонический (витать в облаках), соматический (держат в голове, на глазах, до мозга костей), пространственный (к черту на кулички, на дворе), временной (впасть в детство, перед Пасхой), предметный (до лампочки), зооморфный (львы, медведи в геральдике), природно-ландшафтный (дать дуба, камень на душе, лес рук), архитектурный (крыша едет, ума палата), гастрономический (каша в голове, котелок не варит, на десерт), код одежды (снимать шляпу, под каблуком), количественный (раз плюнуть, не все дома), цветовой (в черном цвете, розовые мечты), религиозно-артефактивный (дышать на ладан), и др. Активно образуют метафоры названия артефактов (рукав, бриллиант, зеркало), имена действия (акцентирование, бомбардировка, завоевание), реже — номинации явлений природы (тень, молния, чащоба), частей организма (аорта, голова, горло, сердце, уши), свойств (яркость, шершавость, твердость), состояний (радость, жажда), единиц рельефно-ландшафтной лексики (болото, гора, пропасть) и т. д. В кодах культуры зафиксированы «наивные» представления о мироздании.

Самые разнообразны объекты, вовлеченные в сферу социальной и культурной действительности, обладают аксиологической значимостью, которая ложится в основу их символического функционирования в социуме. Одни признаки объектов не являются релевантными (значимыми) для человека, а другие, напротив, имеют ту или иную предметно-практическую или духовно-теоретическую социокультурную значимость. Эта значимость ложится в основу условно-символического значения.

Этническое значение эталонов формируется под воздействием различных факторов. В. Г. Гак отмечает объективный фактор, который «заключается в природных и культурных реальностях, свойственных

жизни данного народа и не существующих в жизни другого», а также субъективный, который «состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков»¹¹. Мифологический фактор тоже является немаловажной причиной при образовании смысла национальных стереотипов. Существенными оказываются в этом смысле анималистические представления древних людей: «Анимализм всегда остается тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т. п.»¹².

Сопоставление языковых кодов культуры даёт возможность выявить фрагменты национальных менталитетов, отличающихся сходством и спецификой образной выразительности. В специфике образной формы отражается особое видение национально-культурной реальности. Так, при исследовании наблюдается частичная общность стереотипов в сравниваемых культурах и в образном фонде сопоставляемых языков.

В языках европейского ареала наблюдаются многие случаи совпадения образной основы культурного кода, например, рус. *работать как вол*, болгар. *работя като вол*, фр. *travailler comme un boeuf*, ит. *lavorare come un bue*, венг. *dolgozom, mint egy ökör*, англ. *I work as an ox*, чеш. *pracuji jako vůl*, нем. *Ich arbeite wie ein Ochse*, рум. *lucrez ca un bou*, серб. *радим као во*, словац. *pracujem ako vol*, словен. *delam kot vola*, исп. *Yo trabajo como un buey*, укр. *я працюю як вол*, греч. *Λουγέτω ως ένα βόδι*.

А разница в употреблении образности уже определяет национально-специфическое видение в культурном коде. Так например, значение «носитя как безумный» передается с помощью идиом, включающих различные зоонимы: рус. *носитя как угорелая кошка*, болгар. *тича, върти се като метилява овца, като луд*, фр. *aller/courir) comme un chat maigre* (букв.: идти/бежать как тощий кот). Значение «нелепый вид» передается с помощью идиом, также включающих не только зоонимы: рус. *как корове седло, как собаке ермолка*, болгар. *като на свиня звънец/обица/седло/ботуши* (букв. как свинье колокольчик/сережки/седло/сапоги), *като на магаре седло* (букв. как ослу седло), *като на спукани пети жълти чехли* (букв. как потертым пяткам желтые шлепанцы), *като на тиква обръч* (букв. как тыкве обруч), фр. *aller comme un pardessus à un canard* (букв. идёт как плащ утке), *aller comme un tablier à une vache* (букв. идёт как фартук корове). Приведенные в примерах стереотипы-образы, символы-образы отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными.

Вербализуясь, культурный код становится лингвокультурным кодом. Весьма примечательным примером является кинесический лингвокультурный код, например, *прятать глаза, брать/хватать за горло, показать зубы, совать свой нос, притянуть за уши, склонить голову, локти кусать, пожимать плечами, чесать затылок*; болгар. *свеждам очи,*

хващам за гърлото, пъхам си носа, навеждам глава, клатя глава, превивам гръб (гнуть спину), *изплезвам език* (валиться с ног), *точа си зъбите, влача се по корем* (угодничать, заискивать перед кем-нибудь) и др.

Анализ сравнительных конструкций, передающих способ действия, например, показывает, что в сопоставляемых языковых картинах мира содержатся одинаковые знания об одних и тех же сторонах действительности. Это проявляется в существовании межъязыковых параллельных структурно-семантических эквивалентов, совпадающих по всем компонентам, таких, как *ладить/жить/быть как кошка с собакой* (рус.) — *гледаме се/живеем като куче и котка* (болг.) — *s'entendre/vivre/s'accorder/être comme un chien et un chat* (фр.). Такие совпадения сравнительных оборотов обусловлены, очевидно, сходством восприятия и переосмысления действительности русскими, болгарскими и французами.

Сходство в видении мира может быть обнаружено на более обобщенно-глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения сравнительной конструкции, передающей способ действия. При этом межъязыковые структурно-семантические эквиваленты сравнительных конструкций при общей сходности значений допускают лексические, семантические различия, различия во внутренней форме, например, рус. *ни рыба ни мясо* и болг. *ни риба — ни рак*.

Интерес представляют те случаи употребления одного и того же образа в одном языке в то время, как в другом языке наблюдается различие в употреблении образных сравнений, например, болг. *виждам всичко в розово* и рус. *видеть все в розовом свете*; болг. *положението ми не е розово* и рус. *положение не блестяще*. Во втором примере очевидно, что сохранению образа в русском языке препятствует невозможность лексической сочетаемости слов. И такие случаи нередки в обоих языках. Ср., с одной стороны, наблюдается полное совпадение плана содержания и плана выражения в обоих языках: *под ръка съм — быть под рукой, стоя със скръстени ръце — сидеть сложа руки, държа в ръцете си някого — держать в своих руках кого-либо, измивам си ръцете — умывать руки, кърша ръце — ломать руки, махам с ръка — махнуть рукой, нося на ръце — носить на руках* и многие другие. С другой стороны, в двух языках наблюдается расхождение в выражении образности при соответствии плана содержания, ср. *бият през ръцете — за это по головке не погладят, вземам си хляба в ръцете — встать/подняться на ноги, получить профессию, навирам се в ръцете на някого — вешаться на шею кому-либо, оставям си ръцете в нещо — халтурить, плюя си на ръцете — засучить рукава*. Проанализированный материал свидетельствует о том, что у носителей разных языков и культур наименования частей тела могут порождать только им понятные ассоциации, вызывать непохожие эмоции и оценку и нести различное символическое значение. Притом, в процессе символизации присутствует и лингвистиче-

ское ограничение и упорядочивание семантической сочетаемости слов, ср. *вдигам ръка — просить слова; вдигам ръка — голосовать; вдигам ръце — сдаваться, признаваться побежденным; вдигам ръце от някого — приходит в отчаяние от кого-либо, махнеть рукой, опустить руки; държа ръцете си в джобовете — сидеть сложа руки; държа в ръцете си някого — держать в своих руках кого-либо; държа положението — владеть положением; държа хляба в ръцете си — самому добывать себе кусок хлеба* и др.

Символические образы в конечном счете отражают важнейшие черты реального мира, однако делают это опосредованно и не во всем адекватно. Множества образов образуют системы, которые функционируют в рамках культуры в качестве образных кодов. Образы, воплощенные в различных субстанциях, составляют план выражения символических знаков (единиц образных кодов), а их символический смысл составляет план содержания этих кодов.

Пересечение в области метафоризации символов в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а также об определенной содержательной константе сопоставляемых языков. Различие в области коннотации лингвокультурных кодов свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры. Специфический набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, в каждом языке своеобразен. Непересечение коннотативной системы рассматриваемых единиц в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов — истории, культуры, ментальности, религий, географии, традиций, что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2001. С. 30.

² Там же.

³ Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 14.

⁴ Савицкий В. М. Проблема моделирования во фразеологической системе языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. С. 7, 24.

⁵ Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. С. 9.

⁶ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. С.232.

⁷ Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы. // Лингвистические исследования в конце XX в. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. С.26–55.

⁸ Парахонский Б. А. Язык культуры и генезис знания. Киев: Наукова думка, 1988. С.46.

⁹ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология... С.233.

¹⁰ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С.298.

¹¹ Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.

¹² Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. С. 128

The article discusses the possibilities for identifying universal and nation-specific components of the linguo-cultural code in Russian and Bulgarian languages. It provides motifs for the existence of national stereotypes and standards in both linguo-cultures.

Keywords: cultural code, language code of culture, linguoculture.

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Роман, в котором «все смешалось» — «Анна Каренина» содержит довольно большое количество отрицательных когнитивных слов, таких как: *не понимать, не знать, не догадываться, не видеть* и т. п. В первую очередь, это касается коммуникации между персонажами. Нередко коммуникация срывается из-за несознательной лжи (или притворства), из-за нежелания одного из ее участников понять другого. Столь частое непонимание других усугубляется тем обстоятельством, что иногда герои не отдают себе отчета в собственных поступках, затрудняются разобраться в своих мыслях и ощущениях. Общей запутанности мыслей и чувств персонажей романа «Анна Каренина» соответствует авторская позиция Л. Н. Толстого, который изображает события в основном через призму восприятия персонажей или постороннего наблюдателя. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы ответить на вопрос, какова функция этих ситуаций понимания/непонимания в повествовательной системе романа «Анна Каренина».

Ключевые слова: коммуникация, запутанность, непонимание, авторская позиция.

Однажды Виктор Шкловский сделал для себя следующее поразительное открытие: «Роман „Анна Каренина“ весь построен на внутренних монологах, как бы на *непонимании* людей друг другом.

Может быть, это сказано неожиданно, но, перечитывая книгу не в первый раз, удивился больше, чем читая Достоевского. Там герои мыслят одинаково, как будто они читали с детства одного автора — Достоевского»¹.

Действительно, роман «Анна Каренина», в котором развивается драматический жизненный конфликт, содержит настолько большое количество утвердительных и особенно отрицательных когнитивных глаголов (таких как: *не понимать, не знать, не догадываться, не видеть*), что создается ощущение, что именно человеческое непонимание является его внутренним сюжетом. То, что в романе «все смешалось», показано в первую очередь на уровне коммуникации между персонажами, в которой главенствует непонимание, приводящее к более или менее выраженному конфликту. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы ответить на вопрос, какова роль этих многочисленных когнитивных ситуаций в повествовательной системе романа и проследить, как они работают на оценочном уровне, то есть «с какой точки зрения (в смысле композиционном) автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир»².

При этом мы исходим из гипотезы, согласно которой общей запутанности мыслей и чувств персонажей романа содействует специфика его авторской позиции. Иными словами, Толстой намеренно усложняет од-

нозначное толкование своего романа, как бы заражая читателей вирусом непонимания, поразившим его главных героев.

О степени понимания персонажами происходящего нередко сообщает всевидящий и всезнающий автор-рассказчик. «Он как бы ставит себя *над действием* — в такую позицию, что ему становятся доступны не только все поступки, но и все мысли и ощущения»³, — характеризует такую позицию Б. Успенский, называя ее «ирреальной». В интересующем нас романе самым элементарным вариантом такой позиции является однозначная авторская оценка в небольшом описательном эпизоде.

Возьмем маленькую XXIX главку в начале романа, где Анна, удобно устроившись в вагоне поезда, мчащего ее обратно в Петербург, читает английский роман. Этот эпизод полностью соответствует главной установке данной работы, поскольку в нем происходит не что иное, как постепенный переход от понимания к непониманию читаемого. При этом, короткие авторские ремарки четко передают все когнитивные стадии процесса чтения: возрастающий интерес после начального рассеянного отношения к книге («Анна стала читать и понимать читаемое»), внезапно возникшее чувство досады («Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать») и конечное недоумение («Она презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу; но уже решительно не понимала того, что читала»⁴).

Более распространенным приемом в романе Толстого является чередование двух точек зрения, то есть внутреннего недоумения персонажа (прямая речь *Icherzählung*), сопровождаемого однозначным утвердительным или отрицательным пояснением от инстанции автора-рассказчика. Например, когда Анна, увидев встречающего ее Каренина, удивляется: «Ах, Боже мой! отчего у него стали такие уши?», — тут же дается (в косвенной речи) поправка всезнающего автора, свидетельствующая о неискренности героини: «В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его» (9, 108). Ту же самую комбинацию иллюстрирует сцена объяснения с Карениным. Вернувшись домой после очередной встречи с Вронским у Бетси Тверской, Анна старается уклониться от неприятного разговора с мужем. Но почти за каждым кратким обменом репликами следует разоблачение притворства героини: то с «ирреальной» позиции автора («Анна говорила, что приходило ей на язык, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи»); то через взгляд непосредственно участвующего в действии Каренина («Она смотрела так просто, так весело, что кто не знал ее, как знал муж, не мог бы заметить ничего неестественного ни в звуках, ни в смысле ее слов» — 9, 149). Не менее трезво Анна судит и об истин-

ной природе своего чувства к Вронскому: «Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни» (9, 132). Здесь имеет место психический конфликт, когда душу человека раздирают противоречивые чувства и желания. Даже когда героиня делает вид, что не понимает чего-то, автор информирует, что она не только догадывается, но и внутренне содрогается от каждого своего ложного слова.

Однако далеко не все персонажи задаются вопросом о своей подлинной натуре. Если Анну отличает повышенная склонность к самоанализу, то константой авторского отношения к Вронскому является подчеркивание моральной тупости последнего. Анна боится открываться Вронскому и ведет себя с ним враждебно, потому что чувствует вину перед мужем и сыном. Автор-рассказчик подтверждает всю правоту ее опасений о дефиците чуткости любовника: «Вронский не мог понять, как она, со своею сильною честною натурой, могла переносить это положение обмана и не желать выйти из него; но он не догадывался, что главная причина этого было то слово *сын*, которого она не могла выговорить (9, 195). Эпизод скачек, несет в себе явный символический параллелизм, предвещающий, что Вронский так же несознательно, не понимая, погубит Анну — «сломает ей хребет».

Само по себе утверждение о том, что кто — то из персонажей этого романа очень хорошо знает и понимает, должно вызывать читательское недоверие и наводить на мысль о несоответствии этого сообщения с реальностью. Обратимся к знаменитому эпизоду на скачках, содержащему богатейшую палитру прямых и косвенных способов выражения авторского взгляда. Сидя в окружении светского общества, Анна с отвращением наблюдает за всеми, как ей кажется, одиозными и предсказуемыми, движениями Алексея Александровича: «Одно честолюбие, одно желание успеть — вот все, что есть в его душе, — думала она, — а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, все это — только орудия для того, чтобы успеть» (9, 212). Однако, чем больше настаивает Анна на ничтожности мужа, тем больше усердствует автор-рассказчик, чтобы дать понять, что Каренин достоин не только более снисходительного отношения к себе, но и истинной читательской симпатии. В объяснении между мужем и женой, состоявшемся в карете после скачек, типично по-толстовски сочетаются такие взаимоисключающие явления, как ясное понимание и глубокое заблуждение: «Алексей Александрович начал говорить смело, но когда он ясно понял то, о чем он говорит, — страх, который она испытывала, сообщился ему. Он увидел эту улыбку, и странное заблуждение нашло на него» (9, 218).

Даже свершившийся факт предательства Вронского не заставит мать признаться в собственном лицемерии, отсюда и ее упреки мужу, и апеллирование к законам нравственности, которые она так легко попирает по отношению к другим: «Я не понимаю, как нет законов против таких гадких, неблагоприятных людей» (9, 126).

Вопреки мнению В. Б. Шкловского, согласно которому роман «Анна Каренина» весь построен на внутренних монологах, в нем довольно много пространных диалогов. Однако, чуть ли не каждый из этих диалогов, неизбежно спотыкаясь о трудности коммуникации, приводит к разногласию и даже отчуждению. Можно сказать, что в «Анне Карениной» взаимопонимание путем диалога еще более затруднено, чем при монологической внутренней речи. Тут далеко от «единения душ», которое восхищало С. Г. Бочарова в «Войне и мире»: прямо противоположному тому единению душ, о: «До Толстого в литературе такого диалога не было. В романах Тургенева, например, совсем не так построены разговоры Рудина с Лежневым и Пигасовым, Лаврецкого с Паншиным и Михалевичем, Базарова с Павлом Петровичем. Там тоже споры, словесные поединки, но столкновение высказываемых взглядов непосредственно выражает столкновение характеров, люди представлены теми речами, которые говорят. У Толстого в Богучарове идет острый спор, однако в то же самое время совершается душевное сближение спорящих людей, то, что идет между ними, не совпадает с речами и точками зрения. Во внутреннем этом соединении, в прикосновении князя Андрея, его оживляющем, к горячей одушевленности Пьера — самое глубокое существо разговора, подлинная связь собеседников во время спора неясная им самим»⁵.

Диалог не приводит к какому-то логическому концу или действительному перелому, а, вращаясь вокруг «специфически толстовской оси»⁶, прерывается: «Диалоги у Толстого только на первый взгляд обрываются случайно. В действительности они с удивительным умом и художественной проницательностью доводятся как раз до того момента, когда человек с беспощадной точностью постигает мучащее его противоречие в его чистой форме и устанавливает для себя его неразрешимость»⁷.

Толстой, сомневаясь в возможностях слов и разума, для настоящего взаимопонимания предпочитает интуицию, выражение глаз, интонации. О том, что в процессе работы над «Анной Карениной» Лев Николаевич размышлял о функции текста и о специфике понимания и оформления мысли словами, он писал Н. Н. Страхову в письме от 26 апреля 1876 года: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслию (я думаю),

а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами нельзя; а можно только посредственно словами, описывая образы, действия, положения»⁸.

В «Анне Карениной» диалоги, даже когда они не конфликтны, все же кончаются скорее непониманием и отчуждением, чем взаимопониманием говорящих. А что касается знаменитой сцены объяснения Кити и Левина, то тут мы имеем дело с редчайшим случаем бессознательного духовного общения. Ю. Лотман определяет этот тип коммуникации, как «возможность чтения только при знании наизусть», и в скобках поясняет: «у Толстого — в результате того, что Кити и Левин — духовно уже одно существо; слияние адресата и адресанта здесь происходит на наших глазах»⁹.

С середины XX века ученые все чаще говорят об интерактивной динамике человеческого общения, о том, что коммуникация не просто передача информации от адресанта или передатчика к адресату или получателю, как думали раньше, а в некотором роде «со-конструирование смысла»¹⁰. Процесс рецепции предполагает построение значений путем толкования сообщений другого. Все это придает особую актуальность роману «Анна Каренина», глубинным сюжетом которого является растущая проблема коммуникации между людьми.

Роман гениального писателя призывает читателей не судить другого и не забывать, что сама по себе жизнь есть нечто очень бестолковое и непонятное. Роман «Анна Каренина» показывает состояние общества, близкое к современному миру, где царит непонимание, а понимание — «либо благодать либо результат огромного труда».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шкловский В. Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете / ред. К. Н. Полонская М.: Советский писатель, 1981. С. 171.

² Успенский Б. А. Поэтика композиции / ред. Инна Гурвиц. СПб.: Изд-во Азбука, 2000. С. 22.

³ Там же. С. 163–164.

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 24 т. / под ред. П. И. Бирюкова. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1913. Т. 9. С. 104–105. Далее цитаты из романа Толстого приводятся по этому изданию с указанием номера тома и страницы в тексте статьи.

⁵ Бочаров С. Г. «Война и мир» Л. Н. Толстого // Бочаров С., Кожин В., Николаев Д. Три шедевра русской классики / ред. С. Краснова. М.: Худ. лит., 1971. С. 54–55.

⁶ Лукач Г. Толстой и развитие реализма // Литературное наследство. Т. 35–36. Л. Н. Толстой / науч. ред. П. И. Лебдев-Полянский. М: Наука, 1939. Кн. 2. С. 59.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Об отражении жизни в «Анне Карениной»: Из воспоминаний С. Л. Толстого // Литературное наследство. Л. Н. Толстой / науч. ред. П. И. Лебдев-Полянский. М.: Наука, 1939. Кн. 2. С. 566.

⁹ Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты: О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Семисфера. Статьи и заметки. СПб.: Искусство — СПб, 2000. С. 169.

¹⁰ Dominique Picard, Edmond Marc. Petit traité des conflits ordinaires. Editions du Seuil. Paris, 2006. P. 102–106. (Перевод с французского мой. — К. А.)

**THE PROBLEM OF COMMUNICATION
IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY LEO TOLSTOY**

The author argues that "Anna Karenina", a novel in which "everything was in confusion", contains a large amount of terms referring to the cognitive area of experience, such as: *nie ponimat', nie znat', nie dogadyvatsa, nie videt'*, etc. The origin of the confusion, which is at the heart of the novel, can be traced in the communication problems that seem to exist among the characters. Very often, the communication among them is disrupted because of a lie, be it intentional or unintentional, or when one of the speakers pretends not understanding his or her interlocutor. The widespread mutual lack of understanding is occasionally made worse by the fact that the characters are not always fully aware of the meaning and consequences of their own actions and can neither put their thoughts in order nor control their emotions. Such general confusion of thoughts and emotions, which is so typical of the characters of "Anna Karenina", is mirrored in the author's technical choice of representing the events through the point of view of the different characters or of an external observer. The objective of the article is to understand the function that the often depicted lack of understanding has within the narrative system of the novel.

Keywords: communication, confusion, misunderstanding, author's point of view.

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан

amirova2006@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Личные местоимения как носители дейктических функций являются эгоцентрическими единицами текста и выражают существующие в данном национальном языке нормы речевого этикета, с которыми связаны специфические религиозные, исторические и бытовые ассоциации, отражающие национально-исторический опыт народа, его культуру. Традиционно определяемые как стилистически нейтральные единицы речи, местоимения в рамках текста могут быть наделены значимой интеллектуальной и эмоционально-экспрессивной информацией, часть которой нередко утрачивается при переводе.

Ключевые слова: личное местоимение, лингвокультурема, дейксис, семантико-референциальное содержание, прагматическое содержание.

В условиях активизации межкультурной коммуникации, бурного развития ее новых форм мировая лингвистика наряду с комплексным сопоставительным изучением парадигматики и синтагматики системных элементов типологически различных языков все больше внимания уделяет проблемам национально-культурной специфики коммуникации, исследованию семантики и тональности общения, а также возможностей их адекватного воспроизведения в условиях межкультурной коммуникации при переводе текстов различных жанров и функциональных стилей. При этом особого подхода, как известно, требует перевод художественного текста, поскольку природа заложенной в нем информации необычайно сложна и включает несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных сторон — интеллектуальную и эмоционально-экспрессивную, социально-историческую и лингвокультурную.

Художественный текст нередко отмечен и своим стилистическим кодом (индивидуальной авторской системой художественной речи), который часто затрудняет его эквивалентный перевод с одного языка на другой без информативных потерь и искажений. Одним из факторов, влияющих на объем таких информативных потерь, является национальная специфичность грамматики языка оригинала и языка перевода. Грамматика как важнейшая абстрактная составляющая языка, отражающая «структуру мысли в чистом виде»¹, вместе с тем передает базовое концептуальное содержание языка, отражающее специфику национальной ментальности и характера национального мышления². Грамматические средства выражения в языке «духа народа», в отличие от лексико-фразеологического материала, в современной лингвистической литературе недостаточно описаны и нуждаются в более глубоком

исследовании с привлечением языкового и речевого материала типологически и генеалогически различных языков. В этом плане представляет интерес сопоставление системы личных местоимений русского языка с аналогичными грамматическими элементами других языков (в данной статье — английского, испанского, казахского и эстонского).

При переводе художественного текста неизбежно возникает проблема адекватной передачи *диалогов* персонажей, отражающих разнообразные социально определенные ситуации общения, семантика и тональность которых опирается на существующие в данном национальном языке нормы речевого этикета, образующие национально специфическую микросистему стереотипных формул общения (приветствия, обращения и т. п.), обусловленную специфическими религиозными, историческими и бытовыми ассоциациями, отражающими национально-исторический опыт народа, его культуру. Часть этого набора имеет *универсальный* характер, повторяясь функционально-семантически в национально специфических микросистемах, но существуют и значительные различия в традиционных обращениях, наименованиях лиц, участвующих в диалоге или являющихся его «объектами». В художественном тексте эти элементы содержат очень важную информацию, как социально-культурного, так и эмоционально-экспрессивного плана, поскольку обычно передают нюансы социальных отношений между персонажами, выражают эмоционально-экспрессивную ситуацию общения как важную сторону развития сюжетной линии.

Универсальной частью набора традиционных наименований лиц в диалогической речи для многих современных языков является, прежде всего, фонд *личных местоимений*, которые выражают в диалогической речи противопоставление трех позиций в речевой ситуации «**адресант речи / адресат речи / объект речи**», актуализируют компоненты ситуации речи и компоненты референциального содержания высказывания, т. е. включают компонент дейксиса. При этом дейктические функции достаточно четко разграничены в системе личных местоимений и системно закреплены за конкретными лексемами, определяя их семантико-референциальное содержание, образуя языковую универсалию. Так, например, в любом языке личные местоимения 1-го и 2-го лица (рус. *я — ты, мы — вы*; англ. *I — you, we — you*; исп. *yo — tú, nosotros — vosotros*; казахск. *мен — сен, біз — сендер*; эстонск. *mina — sina, meie — teie* и т. п.) в первую очередь указывают на определенную позицию участника речевого акта, противопоставляя адресанта и адресата речи (ролевой дейксис), местоимения 3-го лица (рус. *он, она, оно, они*; англ. *he, she, they*; исп. *El, ella, ellos/ellas*; казахск. *ол, олар*; эстонск. *tema, nemad* и т. п.) отмечают объект речи (объектный дейксис). Однако, как отмечает Дж. Лайонз, «участники ситуации выступают не только в ролях говорящего и слушающего», но они «могут находиться в определенном, релевантном с точки

зрения языка, отношении *статуса* относительно друг друга (родители: дети, хозяин: слуга, учитель: ученик и т. д.)»³. Указание на социальный статус по отношению к другим лицам (социальный дейксис⁴), так же, как и указание на степень эмоциональной близости или отдаленности участников речи (*эмоциональный дейксис* по Ч. Филлмору⁵), как по своему содержанию, так и по форме выражения имеют значительные отличия в языках, обусловленные национально-культурной спецификой коммуникации. В этом случае личные местоимения несут коммуникативно-прагматическое содержание, связанное с национально-историческим опытом, национальным менталитетом. Именно это содержание чаще всего представляет объективные трудности для эквивалентного перевода.

Употребление личных местоимений в значениях адресанта, адресата и объекта в диалогических текстах при наличии общей универсальной функциональной базы имеет и некоторые особенности, свойственные только конкретным лингвокультурным сообществам. Так, общим для этих языков является обозначение адресанта местоимениями 1-го лица. При этом местоимение со значением *множественного числа* (рус. *мы*; англ. *we*; испанск. *nosotros/nosotras*; казах. *біз*; эстонск. *meie*) во всех данных языках может употребляться как для обозначения группы говорящих ('я + другое лицо или лица'), так и для обозначения одного лица ('я'). Во втором случае такое местоимение наделяется особой экспрессией: «*Мы* — это *я*, которое говорит от лица коллектива или которое скрывает себя за другими, или, наконец, облакает себя атмосферой скромности, авторского величия, торжественной важности»⁶.

В современном русском языке выделяется не менее шести значений слова *мы*⁷, не все из которых встречаются в других языках. Так, универсальными оказываются: 1) «формула скромности» или «авторское *мы*»; 2) «торжественное *мы*». «Формула скромности» (в испанской лингвистической традиции — *el plural de modestia* — «множественное скромности») характерна, например, для научного стиля в любом из данных языков. «Торжественное *мы*» (испанское *plural de majestático* — «множественное церемониальное») обнаруживаем лишь в трех языках — русском (в устаревшей формуле *Мы, император всеподданнейший...*), английском (*We, the King of England...*) и испанском (*Nosotros, el rey de España* или *Nos, el rey de España*). Нежелательность, ненормативность подобного употребления местоимения *біз* ('мы') в казахском или *meie* ('мы') в эстонском языке объясняется причинами социально-исторического характера, а именно отсутствием в историческом прошлом казахов или у эстонцев единого правящего монарха, исключительное положение которого в социальной иерархии требовалось бы обозначать подобной формой. Однако иные значения местоимения *мы*, характерные для русского языка, в других языках не отмечаются. Не является нормой, например, для английского, испанского и эстонского языков употребление лексем

со значением 'мы' вместо 'ты' или 'вы', подобно русскому: *Видно лишний наследник нам не по нутру?* (И. С. Тургенев) или *Значит, правду писать мы не захотели?* (А. Вайнер, Б. Вайнер). При переводе таких конструкций на английский, испанский или эстонский в первом случае местоимение *нам* будет передано словом со значением 'вам', а во втором *мы* превратится в 'ты'. Интеллектуальная, фактологическая информация будет сохранена, но оттенок язвительной иронии, свойственный русскому контексту, будет утрачен.

Универсальным представляется и наличие в фонде личных местоимений во всех четырех языках особой вежливой формы — *уважительного наименования адресата* (русс. *Вы*, англ. *You*, испанск. *usted — usted*, казахск. *Сіз — Сіздер*; эстонск. *Teie*). Вместе с тем в коммуникативно-прагматическом содержании и экспрессивно-эмоциональной окраске отмеченных единиц обнаруживаются и национально-специфические отличия, которые проявляются также и в наличии или отсутствии у специальной вежливой формы лексико-семантического коррелята, в сочетаемости этой формы с личными формами глагола и т. п. Например, если в русском языке коррелируют *ты / Вы*, в испанском *tu / usted* и *vosotros (as) / ustedes*, в казахском *сен / Сіз*; в эстонском *sina / Teie*, то в английском эта корреляция отсутствует: англ. *you* = русск. 'ты, вы, Вы'). Семантически различия заключаются в выражении этими элементами разной степени *уважительности* и *почтения* к собеседнику (адресату).

Наибольшей степенью почтительности в этом ряду отличается испанское *usted — usted*. На русский язык это обычно переводится как вежливое *Вы*, что не совсем адекватно испанской традиционной формуле. Во-первых, испанское местоимение имеет две формы числа — единственное *usted* и множественное — *ustedes*, которые сочетаются в речи с глаголами в форме третьего лица единственного или множественного числа. Поэтому испанские фразы *¿Qué quiere usted? — ¿Qué quieren ustedes?*, обычно переводимые одинаково *Что Вы хотите (желаете)?*, семантически соответствуют устаревшим русским формулам *Что желает уважаемый (господин)?* и *Что желают уважаемые (господа)?*, содержащим необходимый элемент подчеркнутой почтительности и некоторой отстраненности по отношению к собеседнику (собеседникам). Во-вторых, местоименные формы *usted* и *ustedes* предназначены именно для выражения уважения и почтения по отношению к собеседнику, поскольку наряду с ними для обозначения адресата в диалогах употребляются местоимения *tu* и *vosotros / vosotras*, отмечающие количество собеседников (а во множественном числе и их пол), но лишённые семы подчеркнутой почтительности. Ближе всех по коммуникативно-прагматическому содержанию к испанским формам *usted* и *ustedes* оказываются казахские *Сіз* и *Сіздер*, употребляемые именно для выражения уважения

и почтения к одному собеседнику (*Сіз*) и нескольким (*Сіздер*). Наличие в испанском языке этих специальных форм, противопоставленных другим личным местоимениям со значением адресата, делает ненужным их орфографическое выделение в письменном тексте с помощью прописных букв, как в русском или в эстонском языках, в которых именно написание местоимений *Вы* и *Teie (Te)* строго регламентирует тональность и семантику общения. Так, например, эстонская фраза *Aga kas Te oskate vene keelt?* полностью соответствует русскому *А Вы говорите по-русски?* В устной речи эти оттенки значений передаются невербальными средствами и ситуативно понятны. В русском *вы*, как и в эстонском *teie (te)*, употребленном по отношению к группе лиц (т. е. в значении собственно множественного числа), почтительность / непочтительность строго не дифференцирована. Таким образом, в русском или эстонском языке в системе личных местоимений экспрессия уважительности выражается, строго говоря, не лексически, а интонационно (в устной речи) и орфографически (в письменном тексте).

Английское *you* в этом ряду отличается крайней недифференцированностью почтительности / непочтительности, поскольку семантически соответствует русским *ты* и *вы*. В современном английском языке лишь в цитатах из Библии или в поэтических текстах встречается личное местоимение 2-го лица *thou*, имеющее оттенок «возвышенности». Подобное употребление как торжественно-риторическое обращение имеет и русское *ты* в поэтических текстах: *О ты, эпическая муза!* (А. С. Пушкин). Местоимения *thou* (ты) и *thee* (тебя) уже в XIX веке были вытеснены из употребления местоимением *you*, значение которого (*ты, вы* или *Вы*) определяется для переводчика ситуацией общения или контекстом.

Определенные трудности для перевода представляют и национально-специфические наименования лиц, являющихся «объектами» в диалоге. Например, в английском переводе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»⁸ встречаются информативно-стилистические искажения при передаче наименований «третьих лиц», о которых сообщается в диалоге. Так, в ответ на сообщение Степана Аркадьевича Облонского о приезде его сестры Анны Аркадьевны Карениной камердинер Облонского Матвей спрашивает: «*Одни или с супругом?*» В английском переводе: «*Is she coming alone, or with Mr. Karenin?*» Русское *одни* обозначает *одно лицо*, к которому говорящий выражает особое почтение, подчеркнутую уважительность. Фамилия мужа Анны в тексте Л. Н. Толстого Матвеем не упоминается. Таким образом, в русском оригинале подчеркивается особое отношение уважения и даже подобострастия камердинера Матвея к Анне — сестре его хозяина, а не к ее мужу. Точно также трудно перевести на английский язык с сохранением всех коммуникативно-прагматических оттенков специфическую русскую конструкцию с местоимением 3-го лица множественного числа и глаголом в соответствующей форме,

обозначающую *одно* лицо. В том же романе Л. Н. Толстого Степан Аркадьевич Облонский, отправляя Матвея с поручением к своей жене Дарье Александровне Облонской, говорит: «*Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут*». Они — это Дарья Александровна, перед которой Степан Аркадьевич провинился и всячески старается загладить свою вину. Все эти оттенки (указание на статус хозяйки по отношению к слуге Матвею, уважительность, чувство вины самого Облонского) передаются у Л. Н. Толстого фразой «что **они** скажут». В переводе объект диалога обозначается местоимением 3-го лица единственного числа: «*Yes, tell her. Give her the telegram, and see what she says*».

Таким образом, личные местоимения в диалогах художественного текста нередко несут значимое коммуникативно-прагматическое содержание, для передачи которого переводчику необходимы знания лингвокультурологических сфер различных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радбиль Т. В. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 133.

² Карасик В. И. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. С. 144.

³ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 292.

⁴ Rauh G. Tenses as Deictic Categories. // Essays on Deixis. Tübingen. 1983. P 231.

⁵ Fillmore Ch. Toward a Theory of Deixis. // Univ. Hawaii Working Papers in Linguistics. 1971. № 3.4.

⁶ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М., 1972. С. 265.

⁷ См., например: Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука. 1980. С. 534–535.

⁸ См.: Leo Tolstoy (58 том). Anna Karenina. London, 1992.

AMIROVA ZH. G.

COMMUNICATIVE PRAGMATICS AND LINGUOCULTURAL ASPECT OF PERSONAL PRONOUNS IN RUSSIAN LANGUAGE

The author argues that personal pronouns as bearers of deixis functions are egocentric units of the text and express the standards of speech etiquette of a concrete language, connected to specific religious and historical associations, morals and manners, history and culture of nation. Personal pronouns are defined indifferent units of the speech but will have a most important intellectual and emotive information in the text. This information will be lost in translation as inexpressible sense.

Keywords: personal pronoun, deixis, semantic-referential content, pragmatic content.

Аристова Наталия Сергеевна

Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А. Н. Туполева — КАИ, Россия

Natalie_aristova@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ БАЗОВЫХ ЕДИНИЦ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: КОНЦЕПТ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ, МЕМ

В статье предпринята попытка комплексного сравнительного анализа существующих лингвокультурологических теорий; предложена концепция, отражающая потенциальную взаимосвязь базовых лингвокультурологических единиц (концепт, лингвокультурный типаж, мем) и возможность перехода из одной в другую.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, лингвокультурный типаж, мем, языковой образ.

В рамках глобальной мировой культуры, пронизывающей все без исключения лингвистические сообщества, вопрос преемственности и потенциальной кросс-культурной взаимосвязи языковых и культурологических знаков, единиц, компонентов является как никогда важным. Языковые образы неотделимы от языковой деятельности говорящих: они участвуют в создании и восприятии высказываний, не занимая при этом в процессе языковой деятельности какого-либо устойчивого положения, так как «степень их осознанности и воплощенности в представлениях говорящего субъекта все время варьируется. В основном образные проекции лишь мелькают на заднем плане речевого потока. Один образ сменяется другим — или, вернее, перетекает в него и сливается с ним, не успев проясниться и выделиться в осознанную перцепцию». Однако зачастую образы, значимые для той или иной национальной языковой культуры все же проступают на поверхность, определяя перспективу всего окружающего смыслового ландшафта¹. Этот постулат Б. М. Гаспарова еще раз подтверждает тот факт, что проблема базовых единиц лингвокультурологии, привлекающая внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, является основополагающей для установления закономерностей и взаимосвязей между элементами глобальной культуры современности.

Н. Д. Арутюнова рассматривает *универсальные термины культуры*, извлекаемые из текстов разных времен и народов²; работы лингвистической школы В. Н. Телия посвящены вопросам описания *национально-культурных коннотаций* во фразеологии и выявления «характерологических черт менталитета»³. Гумбольдианские традиции продолжает В. В. Воробьев, рассматривающий воплощенную в языке культуру на основе гипотез Сепира-Уорфа и Л. Вайсгербера. Характерной чертой его теории является системно-целостный подход к интерпре-

тации «взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования», «национальных форм бытия общества, воспроизводимых в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», — всего того, что составляет «языковую картину мира»⁴. При этом за основную единицу лингвокультурологического анализа принимается *лингвокультурема* — «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания»⁵. Разграничение категорий «слово» и «лингвокультурема» автор основывает на категории «ближайшего/дальнейшего значения слова», предложенной в своей время А. А. Потебней. Исходя из того, что лингвокультурема представляет собой более сложное структурно-семантическое явление, чем слово, в котором семантическое ядро подразделяется на непосредственно языковое значение и культурный смысл, автор приходит к выводу о том, что лингвокультурема обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший»⁶.

Несколько иначе проблема поиска минимальной единицы лингвокультурологического анализа решается В. И. Карасиком, рассматривающим данную «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» в сопоставительном аспекте. Основной единицей лингвокультурологии признается *культурный концепт*, а также реалии и «фоновые значения, т. е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа»⁷ (применительно к русскому языку, необходимо отметить, безусловно, работы Ю. С. Степанова⁸, описавшего актуальные составляющие русской культуры). Следуя предложенной В. И. Карасиком терминологии, следующей ступенью в иерархии лингвокультурных единиц является «*лингвокультурный типаж*» — производный от «концепта». Так, лингвокультурными типажам можно считать «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества»⁹. Исходя из данного определения, можно предположить, что по своей сути лингвокультурный типаж является в определенной мере более статичным конструктом, нежели концепт, так как он отражает степень культурного развития общества и национального языка в синхроническом аспекте. Поэтому несомненный интерес представляет изучение его дальнейшего развития как в рамках породившей его национальной лингвокультуры, так и при переносе на другие лингвокультуры. Стоит отметить, однако, что применительно к литературоведческому анализу национального языка понятие «лингвокультурный типаж» шире понятий «литературный образ» и «литературный персонаж»: оно обладает свойствами репликации и зачастую выходит за рамки не только произведения, его создавшего, но и за рамки национальной культуры, становясь достоянием всемирного культурного наследия.

Что же именно можно считать «идейным продолжением» концепта и следующей ступенью в развитии лингвокультурного типажа в кросс-культурной среде? На протяжении многих столетий идея о глобальном характере культуры и ее способности распространения за пределы национальных сообществ интересовала философов, мыслителей и просветителей всего мира. Понимание механизмов возникновения стереотипов и шаблонов в языках, культуре, искусстве различных стран являлись ключевыми в постижении процессов мироустройства. В конце XX века неожиданное решение этого вопроса предложил биолог из Оксфордского университета Р. Доукинз, впервые введший термин «мем» как «основную единицу передачи культурной информации, то есть имитации»¹⁰.

Согласно гипотезе Р. Доукинза, «мем» — единица культурной эволюции, а идеи и образы, закрепленные в языковом сознании, по аналогии с эволюцией биологической, также способны эволюционировать, обладая большей или меньшей степенью устойчивости, «живучести». Таким образом, культурная эволюция всего мира в целом и отдельных национальных культур в частности происходит в результате отбора наиболее значимых концептов, идей и ценностей посредством их репликации из культуры-источника в другие сообщества. Разработанная Р. Доукинзом концепция была развита психологами и культурологами Г. Плоткиным, Р. Броуди, Д. Хофстедтером и Д. Деннеттом, применившими данную модель к психологическим и философским теориям.

Так, появилось несколько определений понятия «мем». Согласно Г. Плоткину, мем является «единицей культурной наследственности, аналогичной гену», «внутренней репрезентацией знания»¹¹. В соответствии с этим определением, мемы живут не во внешних атрибутах культуры, а в самом сознании, играя регулятивную роль в нашем поведении, и проявляются в поведении человека и его культурных артефактах. Психолог-когнитивист Д. Деннетт, рассматривавший понятие мема в общей картине мира без учета влияния деятельности индивидов, предложил следующее определение: «Мем — это комплексная идея, которая формирует себя в виде чего-то определенного и запоминаемого»¹². При таком рассмотрении мема некоторую трудность вызывает вопрос о способе его передачи, и в этой связи именно языковая репрезентация мема (как средство неограниченного реплицирования лингвокультурного концепта или типажа в языке и речи в процессе межкультурной коммуникации) играет роль передатчика-ретранслятора. В национальном языке, как способе фиксации культурного наследия нации, несомненно, заложен огромный потенциал идентификации мемов, их зарождения и дальнейшего развития.

Вслед за Р. Доукинзом, описавшим концепцию мема как репликатора социокультурных процессов, где понятие «мем» используется для описания процессов хранения и распространения отдельных элементов

культуры, Ч. Ламсен и Э. Уилсон предложили концепцию *культургена*, выстроенную на аналогии между механизмами передачи генетической и культурной информации¹³.

Существует два основных способа репликации мемов — вертикальный и горизонтальный, отличающиеся по темпоральному и пространственному принципу. Первый тип состоит в получении тех или иных идей «в наследство» от поколения к поколению — от предшественников, родителей, воспитателей, через устную передачу, книги, или другие культурные артефакты. Горизонтальная передача идей происходит от человека к человеку между представителями одного поколения и от культуры к культуре. Такой способ подразделяется на внутрикультурную и кросс-культурную передачу, в результате которой мемы получают распространение либо исключительно в национальной культуре, либо в нескольких лингвокультурных сообществах.

Меметика как наука, изучающая эволюционные модели передачи мемов — единиц культурной информации, распространяемых между людьми посредством имитации, научения и др., подразделяется на два течения — «интерналистское» и «экстерналистское». «Интерналисты», к числу которых относятся А. Линч и Р. Броуди, следуют определению мемов как единиц информации в мозгу, данного Р. Доукинзом, «экстерналисты» же определяют мемы как наблюдаемые культурные артефакты и манеры поведения. Точка зрения экстерналистов зиждется на утверждении о невозможности наблюдения внутренних структур мозга. Согласно их позиции, меметика лишь тогда сможет считаться точной наукой, основанной на количественных измерениях, когда её акцент будет перенесен на аспекты культуры, поддающиеся переводу в количественные данные. Интерналисты, со своей стороны, парируют, что, по мнению большинства культурных антропологов, культура включает в себя убеждения, а не артефакты.

С. Блэкмор определяет мем как «любую информацию, скопированную от одной персоны к другой, будь то привычки, навыки, песни, истории и т. д.». Она также утверждает, что мемы, подобно генам, следует рассматривать как информацию, копируемую «вариационно и селективно»¹⁴. Мемы копируются путём имитации, обучения и других методов, и борются за выживание в нашей памяти и шанс быть вновь реплицированными. На лингвистическом уровне этим объясняется, к примеру, возрастание популярности периферийных лексических единиц в определенные исторические эпохи, следование тем или иным произносительным или грамматическим нормам в зависимости от языковой моды и т. п. По мнению С. Блэкмор, мем реплицируется посредством имитации, а процесс социального научения может иметь различный характер в зависимости от индивидуальных особенностей людей, значит, и процесс имитации не может быть абсолютно точным. Это приводит к обра-

зованию схожих мемов, как правило, в тех случаях, если темпоральная или просторанственная дистанция между исходным мемом и его репликациями велики или труднопреодолимы — как, например, в неродственных национальных культурах или ввиду геополитических особенностей, степени открытости/закрытости обществ.

Данное наблюдение вызывает несомненный интерес в контексте переноса лингвокультурного наследия из одной языковой системы в другую путем заимствований лексических единиц, отражающих национально-специфические концепты и реалии, их ассимиляции в родственных и неродственных языках. Как ни парадоксально, именно подобные «ошибки» и неточности в репликации одного набора национально-специфических лингвокультурных концептов в составе мема на другую национальную культуру могут свидетельствовать о степени культурной интеграции мема и его «освоенности» в рамках новой среды существования.

Подводя итог вышесказанному, представляется необходимым выстроить общую концепцию передачи культурного наследия из одной национальной лингвокультуры в другую в диахроническом аспекте. «Концепт» (и более сложный конструкт «лингвокультурный типаж») являются базовыми единицами лингвострановедческого анализа, составляющими национальную картину мира в синхроническом аспекте на определенном этапе его исторического развития. Национально-специфические концепты, составляющие основу любой культурной общности, существуют преимущественно в национальном языке и общественном национальном сознании, породившем их. При переносе из одной национальной лингвокультуры в другую/другие с течением времени «концепт» становится «мемом», репликацией исходного ментального конструкта, и обретает новые черты, новый компонентный состав в зависимости от особенностей культуры-реципиента.

В современном глобальном мире, где границы между культурами становятся все более и более размытыми, мемы обретают все большую значимость, становясь проводниками культуры отдельных стран в интегрированную культуру мирового сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Электронный ресурс]. М., 1996. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/1%3Dl.pdf> (дата обращения 10.12.2014).

² Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

³ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

⁴ Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М. Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. С. 32.

⁵ Там же. С. 44–45.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 127–129.

⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

⁹ Карасик В. И. Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 8.

¹⁰ Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1992. 366 p.

¹¹ Бродиди Р. Психические вирусы. Как программируют высшее сознание [Электронный ресурс]. М.: Поколение, 2007. URL: http://dalib.ru/b/broudi_psihicheskie_virusy/8 (дата обращения 12.12.2014).

¹² Там же. С. 9–10.

¹³ Wilson E.O., Lamsden C. Promethean fire: reflections on the origin of mind. Harvard University Press, 1983. P. 17.

¹⁴ Blackmore, S. The Meme Machine. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 24.

Aristova N. S.

EVOLUTION OF BASIC UNITS OF LINGUO-CULTURAL ANALYSIS: CONCEPT, LINGUO-CULTURAL TYPE, MEME

The article presents an attempt of complex comparative analysis of the existing linguo-cultural theories and offers the conception reflecting the potential interconnection of basic linguo-cultural units (concept, linguo-cultural type, meme) and the possibility of their shifting from one to another.

Keywords: linguo-cultural studies, concept, linguo-cultural type, meme, linguistic image.

Атабаева Мереке Сатылгановна

Казахский Национальный педагогический
университет имени Абая, Казахстан

mereke.atabaeva@gmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РАССТОЯНИЕ» В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье речь идет об этнокультурной специфике понятия «расстояние» в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнокультурная специфика, понятие «расстояние», межкультурная коммуникация.

На современном этапе развития человеческого общества, в эпоху всеобщей глобализации главной темой межкультурной и межэтнической коммуникации является взаимодействие языка и культуры, выражающих национальные особенности другого народа. Исследователь этой проблемы С. Г. Тер-Минасова определяет его следующим образом: «язык как один из видов человеческой деятельности является составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной»¹.

Как видим, все же язык является средством общения в культурном контексте в качестве этнического знака социума, к тому же может выступать в роли инструмента, отделяющего человеческое общество от других форм существования индивидов: «На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: по направлению «внутрь», и тогда он выступает как главный фактор этнической интеграции; по направлению «наружу», и в этом случае он — основной этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления «своих» и «чужих»².

В триаде мышление-язык-этнос до настоящего времени основная проблема, которая рождает разные мнения и точки зрения, — взаимовлияние и взаимоотношение языка и мышления, оно требует исследования особенностей концептуальной и языковой картины мира, с точки зрения антропогенной парадигмы. Если следовать устоявшимся точкам зрения, то необходимо согласиться с тем, что концепт состоит из смысловых, образных, ценностных компонентов, и его основное значение — в связи с культурным опытом общества, в способности показать национальное и индивидуальное в каждом явлении.

Концепты определяют картину коллективного мышления в сознании определенного этноса, по мнению Д. С. Лихачева, образуются всеми

потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера языка³.

Только коллективный общественный разум сохраняет информацию, составляющую целостную картину национальной культуры; единицы языка, которые определяют базовые категории культуры, служат средствами создания ее основных понятий. Это означает, что в лексическом фонде любого языка есть два типа языковых единиц. Н. В. Телия к первому относит языковые единицы, которые показывают содержательную информацию в денотативном аспекте, в том числе и материально-культурную информацию, и духовные, социальные концепты культуры. Второй тип — языковые единицы, показывающие культурное содержание в коннотативном аспекте⁴.

По заключению В. А. Масловой, пространство характеризует протяженность мира, его связанность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) и т. д. Как важнейшая форма мира и жизни в нем человека, пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности⁵. Категория пространства по своему универсализму и всеобъемлющему значению определяет круг действия человеческого существования. Ученые считают, что в зависимости от мировосприятия и мировоззрения той или иной этнической группы определяется тип и вид безграничного движения в горизонтальном направлении или по кругу, по вертикали, или в космическом пространстве и т. д. Но все же, согласно антропоцентристской теории, точка определения пространства — сам человек, следующий круг пространства — его дом.

Как считают исследователи, кочевой образ жизни, культураномада, представление казаха о пространстве, сохранившееся в течение долгого времени связано с безграничной Степью. В степи небо над головой круглое, поэтому дом казахов — *киіз үй* имеет круглую форму, в мировоззрении кочевников юрта — малый образ планеты — микрокосмос. Кочевник-скотовод во все времена года, заботясь о своем скоте, исследуя тайну природы, живет в гармонии с природой. В процессе кочевого образа жизни внутри бесконечного круга один раз в году они кружили в горизонтальном направлении⁶. Исследователи Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают, что «граница номадов простирается по ровному пространству и это пространство, не ограниченное ничем, и есть его родина», именуемое степью⁷. Бесконечность открытого пространства рождает у кочевников иное представление о расстоянии, которое, наряду с протяженностью и открытостью, является значимым компонентом характеристики пространства в сознании казаха.

Понятие «расстояние» измеряется значениями *далеко* и *близко*, в казахском языке они имеют множество лексических синонимических рядов.

В нашем докладе мы остановимся на то, как казахский народ использует фразеологизмы, выражающие значение слова «расстояние». Фразеологизмы создают зрительно-осознаваемую, наглядно-чувственную языковую картину мира определенного народа, говорящего на конкретном языке. В силу своей двуплановости, они «обладают памятью» и яркой образно-эмоциональной экспрессивностью и ассоциативностью, к тому же сохраняют архаичные формы слова и структуры, некогда существовавшие в языке. Эти знаки каждый этнос по мере познания жизни создает веками, поэтому во фразеологизмах сохранены пути создания и закономерности существования древних культурных ценностей каждого народа. Они возникают на основе усвоения жизненного пространства, определяющего экономические и географические условия проживания людей. Если современные, технологические мысли направлены на покорение внешнего мира, то традиционная культура позволяет понять тайны окружающего мира, познать его «язык», установить контакт с природой.

В языковой картине мира казахов расстояние ассоциируется с пространством, направленным в ширину и вдаль во все стороны горизонта. В устойчивых словосочетаниях — казахских фразеологизмах содержится много мировоззренческой информации, и это обусловлено определенными условиями традиционного быта казахов, долгое время подчинявшихся законам кочевого образа жизни. Источником знаний и сбора информации является окружающая казахов среда — Степь, выступающая гарантом жизни, богатства, благополучия и спокойствия кочевника. Знания о ней привели к развитию понятия расстояния, которое в сознании людей измерялось количественно и требовало меры. Расстояние у казахов рассматривалось как дистанция, которую предстоит преодолеть кочевникам. При этом ориентировались на всех членов сообщества, учитывали и женщин, стариков, детей. Семантическая классификация измерения расстояния позволяет нам распределить их по нескольким группам, исходя из оппозиции *близко* — *далеко*:

1. Первичной мерой расстояния выступал *көш* (*қозы көш жер*) — расстояние, равное дневному переходу, совершаемому ягненком, обычно составляет 3–4 версты, связан с одним перегоном ягнят. Другие фразеологические образования с тем же значением:

- *қозы көген жер, қозы өрісіндей жер, бойдақ қой ауылындай жер* — универсальные фразеологизмы, созданные для обычного познания картины мира при помощи привычных для казахского менталитета зоонимов, используются для обозначения близкого расстояния;
- *бие бауындай* — ‘очень близко’, обозначает место, куда можно добраться пешком, оно измеряется понятием *биебау* — место, где привязывают кобылу для доения, недалеко от места обитания людей;
- понятие *близко* обозначается также и соматическими единицами: *көз, қол, шек* (глаз, рука, подбородок), *шек астында* — в ближайшем месте, на этом самом месте, *шек артым жер* — очень близко, место под одним холмом, *қол созым* — самый ближний, подать рукой (на расстоянии вытянутой руки);

– значение понятия *очень близко* передается через фразеологизм *қарға адым* (букв. шаг вороны), здесь сравнивается форма вороны, т. е. длина ее полета; *таяқ тастам жер* — расстояние брошенной палки, относится к категории народных измерений расстояния и обозначает расстояние, равное примерно 40–50 м. В большой группе народных измерений данное выражение также выражает значение «небольшое расстояние».

2. Казахи в силу кочевого образа жизни хорошо знали цену домашним животным, в первую очередь, лошади / коню, который выступал и мерилом богатства. Для содержания этого вида скота требовались земли, пригодные для выпаса, то есть большие дистанции / пространства. Кочевники могли совершать передвижение на большие расстояния, то есть мера кочевья составляла более 1000 км. Эта мера зафиксирована фразеологизмами, в основе которых активно актуализируется семантика лошади / коня.

ат шаптырым
құнан шаптырым
тай шаптырым жер
ат жетпес
атан жетпес жер/ат тұяғы жетер жер

Ат шаптырым жер (досл. ‘расстояние одной конской скачки’) расстояние одной конской скачки (20–25 км), *құнан шаптырым* (*құнан* — ‘конь-трехлетка’) — расстояние в 8–10 км, *тай шаптырым жер* — расстояние, преодолеваемое двухгодовалым жеребенком за одни скачки, в 5–6 км⁸. Данные фразеологизмы, родившиеся в лексиконе казахских конюхов, созданы в качестве народной меры измерения, связаны с традициями байги — лошадиного соревнования. Архаическое значение этого вида праздника показывает глубину народной памяти, поэтому является украшением праздников, свадеб и по сегодняшний день.

Вышеназванные фразеологические единицы используются для измерения очень большого расстояния, в оценочном сознании человека сортируются возраст коня, физиологические способности, его сила, поэтому в казахском мировосприятии во фразеологизмах *ат жетпес*, *атан жетпес жер/ат тұяғы жетер жер* имеется в виду быстрота летящего животного, его выносливость в дальней дороге, которые присущи этим персонажам и в батырлар жыры (богатырском эпосе). «Основной функцией фразеологизмов является не номинирование, а оценивание предметов, явления и условия их характеристики»⁹, поэтому в казахских фразеологизмах больше сигнификативных знаков, нежели денотативных. Благодаря дополнительным подтекстовым значениям некоторые прямые значения предметов, явлений получают более полное определение.

Казахи, прямые потомки кочевников, до сих пор используют и другие меры измерения расстояния, уходящие в глубокую древность и также связанные с кочевым укладом жизни, полной гармонии и единения с живой и неживой природой:

таяқ тастам жер, найза бойы, арқан бойы, әудем жер, оқ бойы, қол созым жер, бес сүйем, қадам, құрық сілтер жер, тұтам, құлаш, балтасап, қарыс, бір күндік жер, айшылық жол, иек астында, бір төбе астында, дауыс жететін жер, әй дейтін жер, қамшы бойы, есік пен төрдей, түйе қой жер (50 верст), қой өрісінде жер, бие бауындай жер и др.

Среди них особое место занимают фразеологизмы *ит өлген жер, ит арқасы қиян, ит шеккен*, в которых отражено представление казахов о роли собаки, существа, наиболее близкого к людям, в жизни и быту кочевников, поэтому казахи самое дальнее расстояние связывали с ее действиями. Собака в тюркской мифологии и казахском быту занимает особое место, выступает как второе я человека, является одной из составляющих «семи ценностей» казаха: *быстрый конь, зоркий беркут, охотничья собака, ружье, знания, красивая жена, мужчина-воин*. По древним поверьям, если все это будет иметь мужчина, то он будет счастлив и исполнятся его мечты. У народа, занимающегося разведением животных, собака — верный спутник, охраняющий стада, поэтому крылатое выражение: «Кто отстраняет от себя собаку, тот потеряет свое счастье» — глубоко полисемантически: не теряя своего достоинства, не вредничай, уважай других, не отпугивай свое богатство и достаток.

В силу мифологичности фразеологизмов с компонентом *собака* в казахском языке довольно много. Фразеологизмы *ит арқасы қиянда* (букв. ‘где собак запрягают’, в значении ‘очень далеко’), *ит өлген жер* (‘место, где умерла собака’) употребляются в значении *очень далеко*. При этом нужно учесть, что собака в мифологии связана с царством мертвых, поэтому семантика фразеологизма осложняется и углубляется: не только отдаленное пространство, но и мифологическое пространство, мир мертвых. Они также близки по содержанию к фразеологизмам: *хорошая собака не умрет возле хозяина; собака не делает плохого своему хозяину*, в которых подчеркивается преданность, честность собаки по отношению к своему хозяину.

У казахов есть и другие единицы традиционных названий для обозначения понятия «расстояние». В дошедшей из глубины веков семантики языковых знаков отражается ценность роли животных в жизни народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.

² Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю. и др. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

³ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М.: Academia, 1997. С. 12–18.

⁴ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Русский язык культуры», 1996. 288 с.

⁵ Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

⁶ Сағидолда Г. Поэтикалық фразеологизмдердің эномәдени мазмұны. Алматы: Ғылым, 2003. 248 б.

⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Номадология туралы трактат (перевод А. Кодара) // Тамыр. 2001. № 2 (4). С. 94–99.

⁸ Куркебаев К. К. Этнолингвистические описание измерительных названий в казахском языке (на основе длины, расстояние, веса и объема): Автореф. дис.... канд. филол. наук, Алматы 2003. 30 с.

⁹ Смағұлова Г. Н. Мағыналас фразеологизмдердің ұлттық-мәдени аспектілері. Алматы: Ғылым, 1998. 196 б.

Atabaeva M. S.

ON ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE DISTANCE NOTION DENOMINATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article deals with the ethnocultural specificity of the *distance* notion denomination in intercultural communication.

Keywords: ethnocultural specificity, *distance* notion, intercultural communication.

Ахметжанова Зауреш Канашовна

Мирзоева Лейла Юрьевна

Университет имени Сулеймана Демиреля,
Республика Казахстан

mirzoeva@list.ru, zauresh.ahmetzhanova@sdu.edu.kz

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ЧУЖДОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЛИГОНИМА БАСУРМАН)

В статье рассматривается оценочный потенциал религонима *басурман*, реализующийся как в рамках бинарной оппозиции «свой — чужой», так и за ее пределами. Авторами предпринимается попытка проследить диахроническую эволюцию оценочной семантики и прагматики данного религонима на материале, представленном в Национальном корпусе русского языка, с учетом данных лексикографических источников.

Ключевые слова: религоним, межкультурная коммуникация, концепт, оценочность.

Аксиологический и лингвокультурологический потенциал понятия чуждости выходит за рамки бинарной оппозиции «свой — чужой». На наш взгляд, вполне правомерно считать чуждость концептом, т. к., по словам Ю. С. Степанова, «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»¹. Рассматриваемые в нашей статье случаи употребления религонима *басурман* как репрезентанта концепта чуждости имеют аксиологическую основу; более того, архаичный характер лексемы (отмеченный как в толковых, так и в переводных словарях) не является препятствием как для ее использования в речи, так и для восприятия реципиентами. Немаловажную роль в данном процессе играет и такой прецедентный текст, знаковый для русской культуры, каким является «Бородино» М. Ю. Лермонтова: *Вот затрещали барабаны — и отступили басурманы*. Как указывают Е. Ю. Кислякова и В. В. Соломина, оппозиция «свой — чужой» представлена во всех ипостасях межличностного общения и кросс-культурной коммуникации; при этом *чужое* может восприниматься либо как «враждебное, несущее потенциальную угрозу» и представлять собой аксиологически (пейоративно) значимый компонент коммуникации, либо просто как иное, аксиологически нейтральное или наделенное положительными коннотациями². Во втором случае, по мнению Л. И. Гришаевой, имеет место аккультурация³.

Словарные дефиниции отражают сложную гамму оценок, выражаемых при помощи данного религонима, ср.: *басурман* -а, м. 1. устар. и народно-поэт. Человек иной веры (преимущественно о магометанине). И пришла она [рать], незваная, К царству славному, Казанскому, —

К басурману — хану лютому, К своему недругу заклятому. Кольцов, Старая песня. 2. *прост. устар.* Употребляется как бранное слово. [Федосья:] *Ты, басурман, сними шапку-то!* М. Горький, Последние⁴; **басурман** **бусурман** «нехристь, мусульманин», др.-русск. бесурменинь, Ипатьевск. под 1184 г. Заимств. из тат., казах. musulman, тур. müslim, müslümân, народн. müsürman. Особенно близки русск. формам тюрк. формы с b-, напр. кирг. busurman, кумык., балкар. busurman; см. Радлов 4, 2205 и сл.; KSz 15, 212. b- имеет также в кыпч. и волжскоболг. Источником этих слов является перс. muslimân (мн.) из араб. muslim; см. Мелиоранский, ИОРЯС 10, 4, 113 и сл.; Шёлд, «Slavia», 2, 290 и сл.⁵ Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова приводит и такое значение: *Шутл.* О чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребёнке. *Опять босиком бегаешь, басурман!* Как наиболее интересную, на наш взгляд, тенденцию, следует отметить генерализацию значения данного религонима (от *мусульманин* до *иноверец* и далее — до *чуждый, иной*). «По своей природе человек все свое родное воспринимает как нечто положительное и позитивное, а чужое на подсознательном уровне вызывает негативные, отрицательные эмоции. Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»⁶. Как указывает А. П. Чудинов, «термин этот произошел от названия мусульманских откупщиков «бесерменов», собиравших в русских землях дань для Золотой Орды, и имел четко выраженные отрицательные коннотации. В XIX веке он использовался для обозначения мусульман, обычно в негативном контексте, а в более широком смысле — всех иноземных врагов вообще, ибо те по определению считались людьми иной, враждебной христианству веры. В фольклоре понятие «басурмане» применяется ко всем недругам вне зависимости от исторической эпохи, о которой идет речь»⁷.

Усложняется в ходе диахронической эволюции и сопряженная с религонимом гамма оценок; возможной причиной усложнения значения и расширения спектра аксиологических коннотаций можно считать секуляризацию сознания, т. е. *басурман* перестает означать просто *иной в сфере религии и веры*. При этом связи между *мусульманин* и *басурман* уже не являются однозначными, ср.:

Вчера Афанасий Никитин начал современную ему повесть о немчине, прозванном басурманом... Не скрывает он своей ненависти к немцам при самом великом князе; раз при нем назвал в лицо поганым басурманом немецкого посла, рыцаря Поппеля (И. И. Лажечников. Басурман);

Ты бы сходил к Ляховскому-то, — советовала она Привалову материнским тоном, он хоть и басурман, а всех умнее в городе-то (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы);

И как пришли на поля мьзы той, где их немецкие полки стоят в ополчении к лютому бою, и генерал их шведский Шлюфинбах, осмотря, что государевых полков пришло немного, и он, басурман, приказал полкам своим ополчиться

к великому бою, и велел обходить кругом государевы полки, рубить до жадной души, ни единого человека жива не отпустить и в полон не брать, и его такое басурманское намерение и стало (И. А. Желябужский. Дневные записки);

В конце концов я был совершенно огорошен и уничтожен; не умолкая в лганы, мой патрон неожиданно указал на меня старосте и произнес с улыбкой: Вот везу детям француза — три тысячи счистил, басурман... (Г. И. Успенский. Новые времена).

Как мы видим, оценочный колорит лексемы позволяет выйти за пределы религонима не только на уровне прагматики, но и на уровне семантики; в последнем же случае негативная оценка имеет своим основанием не концепт чуждости, а этическую составляющую, и актуализируется здесь не столько понятие *иноверец*, сколько понятие *неверный, неправильный*, но основанием по-прежнему служит концепт чуждости. По мнению А. А. Константиновой, «синонимические отношения «чужого» и «чуждого» подчеркивают отличие первых от «своих», но не отрицают права «чужих» на «свой», пускай не совпадающие и, в чем-то «неправильные» законы, обычаи и привычки. Синонимия пары «свой — чужой» и «правильный» — «неправильный» указана в ряду других также и в «Словаре славянских древностей»⁸. Аналогичные случаи отмечены и в текстах XVIII века, например:

Этот целкопёр, басурман, который пьёт табак да волосы корчит? (П. А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина)

В этом примере анализируемая лексическая единица совершенно очевидно выступает не в статусе религонима, а лишь в качестве средства выражения негативной оценки (на что указывает и контекстуальная синонимия — *целкопер*).

В ходе анализа представляется необходимым отразить количественные данные, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁹. Анализируемый религоним представлен здесь в двух фонетических разновидностях: *басурман/бусурман*. В первом случае система поиска НКРЯ отразила данные о 48 документах, содержащих анализируемую языковую единицу; соответственно было отмечено 84 вхождения. Именно этот фонетический облик слова фиксируется в большинстве лексикографических источников. Второй из вариантов представлен 23 документами; вхождений зафиксировано 40. За пределами НКРЯ осталось индивидуально-характеристическое *Пошел он в пусурманы?* (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Анализ частоты употребления данной лексемы в диахроническом аспекте (также на основе данных НКРЯ) показал, что «пик» его использования в литературных текстах пришелся на первую половину XIX века (период между 1820 и 1840 годом); затем наблюдалось увеличение частоты употребления в 60-х и 90-х годах XIX века. В XX веке отмечается резкое падение частоты использования (можно даже говорить о его периферийном положении в литературных текстах первой половины XX века); однако рост частоты употребления

налицо в 1980–1990 годах, а также в начале XXI века/ (рис.). Частота употребления падает в том случае, если представляемое словом понятие утрачивает актуальность; и эта закономерность отчетливо прослеживается в употреблении анализируемой лексики.

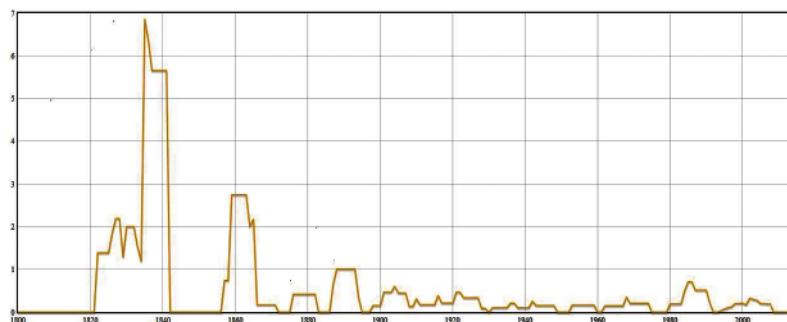

Рис. Распределение по годам (частота на миллион словоформ), 1800–2013

Можно также утверждать, что в настоящее время гораздо большее значение для актуализации аксиологического потенциала рассматриваемого религонима в речи имеет прецедентный лермонтовский текст, нежели вышеприведенные словарные дефиниции. Так, в текстах, представленных в сети Интернет, встречаем:

И отступили басурманы. Факт бессмысленный и беспощадный: сокращается поголовье французов в Москве. Где-то полторы осталось тысячи. Не говорю про 1812-й — тогда их тут было, как в Париже, — но даже и на зорьке перестройки гостило поболее. При Наполеоне тянуло, в тяжелых кирасах, на гужевом, а теперь брезгуют?! (URL: <http://www.stolitsa.org/206-i-otstupili-basurmany.html>);

...И отступили басурманы. Вчера в одном хитром магазинчике видел, как молодые люди придирчиво исследовали фишеровский металлоискатель, прежде чем приобрести его (...) Клад Наполеона, вот что они намерены искать (Д. Липскеров. Фрики в поисках. URL: <http://lipskerov.ru/?p=1170>)

Вот с моря подошли «Джейраны». И отступили басурманы! Репортаж из района крупнейших в истории России международных военно-морских учений на Каспии: ... Очень скоро басурманы жизнерадостно выбросили белый флаг, к месту недавней битвы заспешили машины ФСБ и МВД для отправки захваченных боевиков в зинданы. То бишь в столовую, на обед. Любые учения всегда заканчиваются обедом. (<http://www.kp.ru/daily/22609/19571/>, 13.08.2002).

Как видно из этих контекстов, налицо использование прецедентного текста в ироническом ключе, что, в свою очередь, обусловлено несколькими факторами. Можно предположительно говорить об архаичности религонима (на данный момент уже не воспринимаемого в этом качестве) как об одном из этих факторов. Помимо этого, в первых двух случаях налицо аллюзия (прецедентный текст отражал события войны 1812 года; в текстах-рецепторах мы также видим отсылку к ситуации «французы

в Москве»); во втором случае (как это имело место и в текстах XIX века) слово *басурман* актуализирует значение *чужой, враг*.

В то же время в XXI веке отмечается возвращение к исконно заложной в данном религониме пейоративной оценке; иными словами, в совершенно ином языковом и политическом контексте слово вновь обретает практически утраченный статус религонима. Можно говорить и о лингвистической (равно как и о политической) манипуляции данным понятием, ср.:

... глава парламента (Дагестана) Хизри Шихсаидов привел строки песни «А теперь здесь, вспоминая, как о матери родной, на врага на басурманна мы идем на смертный бой». «Зачем одних верующих настраивать против других? У каждого народа есть представители, которые подводят свой народ. Но в основе своей все мы — дружелюбны и во все времена поддерживали друг друга», — заявил парламентарий (Басурмане против гимна Кубани) (URL: <http://www.peoples-rights.ru/basurmane-protiv-gimna-kubani/>)

... в сформировавшемся русском языке такие слова, как «басурман» (т. е. иноверец, мусульманин), «басурманство» и «латинянин» (папист, католик), «латинство» всегда имели негативный, отрицательный оттенок. И это понятно. Слово, обозначающее врага, всегда звучит негативно. (И. Артемов. О врагах русского народа// «Золотой Лев» № 95–96. URL: http://www.zlev.ru/95_20.htm).

По нашему мнению, применительно к концепту «свой / чужой» и, в частности, к религониму *басурман* как к одному из репрезентантов данного значения применимо понятие оценочной амбивалентности, так как он «характеризует разные грани и градации межкультурных взаимоотношений, при этом одновременно сочетая представления о «культурном» и «инокультурном», которые, сами по себе, весьма условны и вариативны — в зависимости от культурно-исторического и бытового контекста, от характера и стиля межкультурной коммуникации и т. д.»¹⁰ Как писал Ж.-П. Сартр, «появление другого необходимо больше не для конституирования мира и моего эмпирического «эго», а для самого существования моего сознания как самосознания», что обуславливает ценность антиномии¹¹. В языке же благодаря бинарному противопоставлению «свой — чужой» субъект оценки оказывается в состоянии познать собственную сущность, приложить к ней шкалу оценок и воспринять «чуждость» как иную точку отсчета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.

² Кислякова Е. Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «свой — чужой — иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 72–76.

³ Гришаева Л. И. Аккультурация как трансформация оппозиции «свой» — «чужой». Волгоград: Перемена, 2003. 36 с.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

⁵ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.

⁶ Чернобай С. Е., Мансурова А. В. Семантические особенности фразеологических единиц, вербализирующих концепты «свой — чужой» в английском языке // Уч. зап. Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». Т. 26 (65), № 2. 2013. С. 331–336.

⁷ Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Tchoudinov.pdf>

⁸ Константинова А. А. Концептуализация пространства религиозимов «свой — чужой» // «Magister Dixit» — научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 4 (12). URL: <http://md.islu.ru/>; Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2008. Т. 4. 2009. 656 с.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>

¹⁰ Петрова М. Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. М, 2006. 197 с.

¹¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.

Akhmetzhanova Z. K., Mirzoyeva L. Yu.

EVALUATIVE MEANING OF THE “FOREIGNNESS” CONCEPT (ON THE MATERIAL OF THE CONTEXTS CONTAINING WORD “INFIDEL”/ “BASSURMAN”)

The paper deals with the evaluative meaning of the religious concept “infidel”. It is necessary to point out that it is represented both in the frame of binary opposition between “our own” and “alienus” and out of its bound. The authors analyze historical evolution on the aforementioned word on the basis of National Russian Corpus and dictionary entries.

Keywords: religious name, intercultural communication, concept, evaluation in language.

Байгарина Герта Петровна

Казахстанский филиал
МГУ им. М. В. Ломоносова, Казахстан

oirat60@mail.ru

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДИСКУРС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается явление метаязыковой рефлексии как проявление личностного начала в языке. Определен круг рефлексивов, в которых выражаются мировоззренческие установки носителей языка. Основное внимание сосредоточено на метакомментариях, значимых для лингвокультурного пространства Казахстана.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаязыковой комментарий, рефлексив.

Метаязыковое сознание рядовых носителей языка рассматривается как составная часть национальной ментальности. «Русское метаязыковое сознание имеет свои специфические черты как в своей обыденной, так и научной разновидностях»¹. По мнению исследователей, метаязыковые высказывания могут служить источником информации об изменениях в национальных языковых картинах мира, в них вербализованы реакции носителей языка на происходящие изменения в политической, социальной и культурной жизни общества².

Языковая рефлексия является неотъемлемой чертой языковой личности. Мы являемся свидетелями языковой рефлексии коммуникантов, вызванной необходимостью выбрать из имеющихся вариантов более точное слово, которое бы адекватно называло то или иное понятие, например:

О политике... Как в той политической ситуации себя чувствовал, так и сейчас. Таким... слово бы найти... (Новая газета. № 20. 2012).

Метаязыковое сознание фиксирует появление новых слов, оценивает их, демонстрирует динамику языковых процессов. Метаязыковой комментарий может проявлять отношение автора к любому слову: для современного языкового сознания в основном характерно именно оценочное отношение к слову, то есть в метакомментарии актуализируется аксиологическая составляющая. Например:

Казахстан сегодня является независимым и авторитетным в мире государством. Как вы себе представляете шантаж казахстанского министра...?.. Слово-то какое! — сказала N (www.zonakz.net).

На первый взгляд, в этом высказывании выражена прямая реакция на общеупотребительное слово. Однако здесь, скорее, вербализована реакция на ассоциации, связанные со словом «шантаж», то есть языковая информация оказывается сопряженной с морально-этической, хранящейся в языковом сознании говорящего.

Объектом метаязыковой рефлексии часто являются контактно-языковые явления: метаязыковой комментарий осуществляется как через толкование лексического значения заимствованного слова, так и посредством оценки номинации. Подобные рефлексивы можно воспринимать как проявление реакции носителей языка «на словесное обновление современной эпохи»³:

Тень ювенальной юстиции накрыла счастливую жизнь ячейки общества... Название-то какое нерусское — ювенальная... (http://www.novayagazeta.ru/columns/56712.html)

Однако для характеристики языковых процессов, происходящих в постсоветских государствах, более важными являются контактно-языковые явления, относящиеся прежде всего к взаимодействию родного языка с русским языком. Применительно к полилингвальному пространству Казахстана рефлексивы как вербализованная реакция носителя языка на тот или иной факт речи представляют собой комментарии к словам и выражениям казахского языка, к языковым единицам, значимым для казахстанской языковой картины мира. Подобного рода реакции могут реализовываться в виде нейтрально-оценочного перевода казахского слова или выражения на русский язык:

Мы — народ, который испокон веков уважал правдивое слово...и никогда не препятствовал степным принципам свободы слова: «Бас кеспек болса да тіл кеспек жок» («Можно отрубить голову, но не язык») (Новая газета. 05. 09. 2013).

Добавим, что приведенное высказывание, представленное в виде мнения, в целом можно отнести к контекстам рефлексивного характера. Автор может прибегнуть к рефлексиву с намерением подчеркнуть несоответствие понятийного объема русского и казахского слов.

(1) *Елді ер көтереді, ерді — ел. То есть, «страну поднимает мужчина, мужчину — страна». Слово «ер» в казахском языке наполнено более емким смыслом, его одним словом «герой» или «мужчина» на другом языке не выразишь (Central Asia Monitor, №9. 7–13 марта, 2014).*

В следующем примере также подчеркивается отсутствие содержательного тождества между русским и соответствующим казахским словом, ё и, как в предыдущем случае, это несоответствие сопровождается оценкой, которая входит в состав рефлексива:

(2) *Но при этом хочу уточнить, что в казахском языке «националист» переводится как «ултишил» и звучит более конкретно и не так радикально... (http://camonitor.com/archives/).*

Если в (1) вербализованная оценка предстает как лингвистический комментарий, то во (2) выбор оценочных средств обусловлен, в первую очередь, не собственно вербальной стороной обсуждаемого слова, а проявленным отношением к самому явлению. Типичным является исполь-

зование рефлексивов, демонстрирующих ситуацию, которая связана с выбором более точного казахского эквивалента русскому слову, при этом для обсуждения привлекаются близкие по семантике слова:

Поэтому не совсем понятно то, почему же наши юристы решили обозначать «коррупцию» и «коррупционера» не как «паракорлык» и «паракор», а именно как «жемкор» и «жемкорлык» (http://loto.zakon.kz).

Как видим, при осмыслении номинации сталкивается узуальное значение слова с индивидуальным, личностным смыслом, оформленным в сознании говорящего. Можно отметить и метаязыковые комментарии, отражающие неприятие норм и ценностей, которые проиворечат национальной культуре:

Митинговщина вообще не казахское понятие. В этом митинге я не увидел ничего казахского, типично европейский митинг (http://www.altyn-orda.kz).

Метаязыковым комментированием сопровождаются авторские неологизмы:

Из-за таких действий мы все больше становимся похожими на общество, где место демократов заполнили жемократы (от слова жемкор — «коррупционер») (Новая-Казахстан, №35, 2013).

Рефлексив, графическим маркером которого являются скобки, представляет собой комментарий к языковому знаку — поясняется его внутренняя форма, семантическая мотивированность. Однако уже самим фактом введения в коммуникацию новообразованного слова отчетливо проявлено отношение к самому обсуждаемому явлению.

Рефлексивы, по замечанию И. Т. Вепревой, «позволяют выявить «болевые точки» современного лингвокультурного пространства⁴. Многочисленны контексты рефлексивного характера по поводу понятий, актуализированных в современную эпоху национальным самосознанием. В полиэтническом пространстве Казахстана в контексте обсуждения вопроса о совмещении этнической и гражданской идентичности вполне объяснимым является размышление над соотношением слов *казах* и *казахстанец*, например:

Во всей этой ситуации нет такого начала, которое объединяло бы казахов, казахстанцев. Хватит нам стесняться этого слова — казахстанец, потому что мы — огромная нация (http://www.altyn-orda.kz).

Не вызывает сомнений тот факт, что обыденное языковое сознание отражает не только и не столько оценку собственно языковой стороны номинации: оцениваемые факты речи проявляют отношение к обсуждаемой проблеме.

Рефлексивные контексты, опосредованно отражающие «болевые точки» лингвокультурного пространства Казахстана, никогда не бывают беспристрастными, они всегда содержат оценку, производную от мировоззренческой установки говорящего. Метаязыковой дискурс отчетливо

демонстрирует неоднородность современного казахстанского общества, аксиологические рефлексивы этого дискурса вполне вписываются в рамки базовой архетипической оппозиции «свой — чужой»: терпимое отношение к «своим» и неприятие «чужих»:

шала-казахи, именуемые оппонентами в категориях слова «предатель», и нагыз-казахи, идентифицируемые шала-казахами как «варвары» (<http://literatura.kg>).

Этот вывод, представленный в виде метакомментария, извлечен из обширного метаязыкового дискурса как реакции на известное в Казахстане противостояние так называемых шала-казахов и нагыз-казахов:

Похоже, что размежевание между так называемыми шала-казахами и нагыз, то бишь настоящими казахами, выходит на новый уровень...полуказахи (хотя их оппоненты предпочитают формулировку «недоказахи») решили поднять голову и заявить о своих правах. Что показательно, этого хотели сами русскоязычные (в дальнейшем под этим определением я буду иметь в виду именно шала-казахов...). (<http://www.centrazia.ru/news>).

Как видим, на слово переносится отношение, которое вызывает обозначаемое этим словом явление, оценке подвергается денотат, стоящий за фактом речи.

Метавысказывания демонстрируют развитие рефлексивного контекста, расширение его смысловых компонентов: от собственно лингвистической интерпретации названия до «идеологической интерпретации событий». Этот вывод может быть подкреплён метаязыковым дискурсом, обобщившим реакцию граждан страны на совсем недавнее предложение Президента Казахстана изменить ее название: переименовать Казахстан в «Казах Ели». В отмеченных нами рефлексивах представлено, во-первых, толкование этого названия: «Ел» в переводе с казахского означает «государство», «отечество», «родина». То есть в буквальном переводе означает «Отечество казахов». Метаязыковой комментарий включает и оценку номинации:

Я сам лично горжусь словом «Казахстан» — это исторический термин. Но и «Казах ели» звучит гордо. «Казахстан» и «Казах Ели» оба означают «Страна Казахов». (<http://esquire.kz>).

Однако и в этом случае обыденное языковое сознание отражает не только и не столько оценку собственно языковой стороны обсуждаемой номинации. За оценкой фактов речи скрываются различные мировоззренческие установки:

Но мне больше нравится — Казахстан (<http://yvision.kz>). *Да, лучше Казахстан ели, чем Казахстан... Так оригинальнее* (<http://www.bbc.co.uk>).
«Казахстан» переводится — «государство казахов». И надо ли изменять такое название? Согласен, не всем нравится (<http://yvision.kz>).

На примере метаязыковых контекстов, комментирующих, интерпретирующих и оценивающих эти важные для национального сознания

явления, видим, что рефлексивы участвуют в создании соответствующего «идеологического фона», отражая различные представления о мире.

Итак, рефлексивы, с одной стороны, способствуют прояснению информации, а с другой, они участвуют в реализации интерпретационной функции: оценочно-интерпретирующая деятельность субъекта речи реализуется в различных способах толкования того или иного события. Информация оказывается «помещенной» в нужный для автора идеологический контекст. Тем самым рефлексивы участвуют в выражении идеологической модальности, то есть в «идеологической интерпретации событий». Не случайно, в ходе обсуждения вопроса о переименовании государства были предложены и другие номинации с их обоснованием, носящим явный социально-оценочный смысл, например:

...Казахстан следует назвать Тураном... Новое образование, которое может с казахского перерасти в общетюркское, должно называться не республикой, ханством, халифатом, не государством, а сообществом тюркских народов «Туран» (<http://news.mail.ru/inword/kazakhstan/societi>).

Подобного рода высказывания свидетельствуют о том, что человек как языковая личность переосмысливает сложившиеся представления о мире, в них можно видеть проявление национально-культурной специфики языкового сознания, социокультурных умонастроений общества в целом. Сопровождающий значимые для лингвокультурного пространства понятия метаязыковой комментарий выявляет вариативность их содержательного наполнения, что проявляется в коннотативных характеристиках одних и тех же лексем и в их синтагматических связях. Такого рода языковые механизмы апеллируют к чувствам и настроению определенных социальных групп, являясь действенным инструментом для манипулирования.

Рефлексивы, представляющие собой вербализованное проявление метаязыкового сознания, могут служить показателями ключевых слов современности. Ключевые слова рассматривают «в качестве индикаторов социальных изменений, поскольку они являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей»⁵. Одним из признаков ключевых слов текущего момента (термин, введенный Т. В. Шмелевой) — «такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии»⁶. Вполне естественно, что в центре метаязыкового внимания оказываются новые, актуализированные в современную эпоху, но при этом «временные» понятия, о которых речь шла выше. Однако, как показывают наблюдения, в целом для современного казахстанского лингвокультурного пространства в качестве ключевых, если судить по числу рефлексивных высказываний, сопровождающих эти концепты, являются такие «вневременные» понятия, как *Родина, патриотизм, патриот, нация, народ, гражданин*. Не случайно, все они являются объектом осмысления в интервью с Олжасом Сулейменовым

вым — «Мы часто спорим, не совсем понимая предмет спора. Не договорившись о терминах» (17.09.2014): *Хорошо бы помочь разобраться молодым в сути терминов «патриотизм» и «гражданство»*. Примечательно, что метаязыковой контекст объединяет эти слова с другими ключевыми словами текущего момента:

В рамках этой темы выяснить наше казахстанское отношение к знакомым понятиям «демократия», «независимость», «свобода», которые за последние четверть века прошли нелегкие испытания... Результаты лишили универсальной многозначности значения этих слов (<http://camonitor.com/13468-esche-raz-k-voprosu-o-gosudarstvennosti.html>).

Эти номинации, обладающая референциальной неопределенностью, приводят к широкому разбросу в интерпретациях и, следовательно, нуждаются в комментировании, то есть в прояснении авторской позиции. Однако обычно уточняется, если судить по многочисленным метавысказываниям, не их лексическая семантика, а идеологическая составляющая этих понятий. Метаязыковые контексты проявляют концептуальный смысл, который скрывается за комментируемыми языковыми единицами. Таким образом, рефлексивы являются средством выражения мировоззренческих установок автора, участвуют в создании нужной для автора картины мира, выступая одним из средств манипулирования общественным сознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голев Н. Д.* Обыденное метаязыковое сознание как объект лингвистического изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 10.

² *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с. *Вепрева И. Т.* Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 27.

³ *Вепрева И. Т.* О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 416.

⁴ *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

⁵ *Иссерс О. С., Ганеева Д. А.* «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: диалог, оппозиция, креативный класс // Политическая лингвистика. №3, 2013. С. 38.

⁶ *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). 2009. С. 63.

Baigarina G. P.

METALINGUISTIC DISCOURSE AS AN EXPRESSION OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article deals with the phenomenon of metalinguistic reflection as a manifestation of the personal principle in the language, and defines the circle of reflexives expressing ideological preferences of native speakers, focusing on understanding of metaexpressions, which are significant for Kazakhstan's linguocultural space.

Keywords: metalinguistic reflection, metalinguistic comment, reflexive.

Бектемирова Сауле Бекмухамедовна

Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, Казахстан

bektemirova_s77@mail.ru

ОБРАЗ СОБАКИ В ТЮРКСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются языковые единицы и образные слова тюркского/славянского языков, содержащие сему 'собака' с точки зрения этнолингвистики. Познавательная ценность киноморфизмов в тюркском/славянском языках раскрывается на основе лексикографических источников, которые включают культурно-национальные словосочетания, описывающие национальную особенность, поскольку образное восприятие, полученное в результате влияния друг на друга повседневной жизни и предметов и явлений, которые окружают нас имеет отношение к формированию фразеологизмов. Фразеологизмы в языке определяют менталитет, взгляды, мировоззрение того или иного народа путем оценивания и описания предметов и явлений в окружающей среде с лингвистической точки зрения. Эти языковые единицы сохранились только в материальной и духовной культуре, передаваемой из поколения в поколение. Во многих случаях в эмпирическом восприятии животных образ собаки становится сложным раскрыть с мифологической стороны. Это расширяет семантический потенциал и обогащает культурную коннотацию основного слова.

Ключевые слова: Киноморфизм, коннотация, семантика, сема, лексика, фразеология

Животные по своей природе ближе к человеку и больше втянуты им в мир своих преобразований, больше связаны с историческими развитием цивилизации. Культурные изображения животных — древнейшее проявление творчества человека. Культ животных — первая грань, которую древний человек провел между собой и миром природы, признавая еще ее господство, но уже не отождествляя себя с ней. Как бы впоследствии не снижалась роль животных в духовной культуре, анимализм всегда остается смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т. д.

Известным является положение о том, что в отличие от других народов, у казахов имеется богатый фонд фразем — *байлаулы иттей, иттің етіндей жек көру, аузы итаяқтай, ит өлген жер, ит арқасы қиянда, ит терісін басына қаптады, ит пен мысықтай, итше ырылдады*; пословиц — *аузынан ақ ит кіріп, қара ит шықты; қатын көп болса шөмішті ит жалайды; итті күшігім десең, аузыңды жалайды*; сравнений — *ұялас күшіктердей, ылыққан иттей, адасқан күшік секілді, сүтке тиген күшіктей, күшіктей қыңсылау*; и терминов — *итбүлдірген, итмұрын, италақаз, итсабын, ителгі, итжуа, итқұлақ* и т. д., в которых отражаются специфика и различные свойства домашних животных. Так, прямое значение языковых единиц, относящиеся непосредственно к характеристике собаки, с течением времени в казахском языке стали употребляться в переносном значении по отношению к определению тех или иных качеств человека. Эти единицы в казахском языке составляют многочисленный корпус.

На основе типологического метода и лексикографических источников были проанализированы лексемы *ит, төбет, тазы, күшік, итаршы, кәнден* на материале тюркских языков и пратюркских языков алтайской языковой семьи, а также мифологемы, табу и эвфемизмы, которые составляют ассоциативное поле лексемы 'собака', связанные с национально-познавательным бытием казахского народа¹. Например: *ит құтырса жаман болады, ит баласын үйде ұстама, итке ожаумен ас құйма, итті теппе, иттің құйрығын тартпа, ит аспанға қарап ұлыса жаман болады* и т. д. Вместе с тем, показана взаимосвязь антропоцентрического направления с философскими, психологическими, логическими, этнографическими, мифологемическими положениями.

В переходной обрядности ранней стадии у тюрков особое место отводилось собаке, по словам Ф. Ф. Илимбетова, «собака играла центральную роль в магических обрядах башкир, туркмен, чувашей, казанских татар, якутов». По-видимому, аналогичное положение можно было бы наблюдать и у некоторых народов Сибири. Так у эвенков было принято, что «колыбель новорожденному должен делать чужой человек», существовал обычай, предписывавший: «В новую колыбель положи *щенка*, чтобы ребенок не болел». В свое время С. П. Толстов высказал «гипотезу о том, что культ собаки своим происхождением связан с культом волка»².

Образ собаки широко задействован в тюркской антропонимии. По Радлову, если первые дети умирали сразу после рождения, у алтайцев мальчику давалось такое имя, как *ит көдөн* ('собачий зад'). У алтайцев и хакасов среди тех неблагозвучных имен, которые присваивались в охранительных целях детям, родившимся в год Свиньи, зафиксировано *ijt qulaq* (собачье ухо). Среди северных чувашей в случае, если прежде у матери не оставалось в живых ни одного ребенка, рождающемуся сыну давали имя *Модка* 'черная собака', считалось, что с таким именем сын останется в живых. В подобных случаях мальчикам иногда давалось имя: *Захай* 'ворон' или *Курак* 'грач', чтобы они оставались в живых³.

Значение «собачьих имен» («перен, знач. неодобр.») связано с ролью собаки как покровителя новорожденных и обычаем древних тюрков отгонять от новорожденного злых духов, надевая на него через сорок дней после рождения *ит kojlek* (собачью рубашку). В карачай-балкарском языке *itlik köjlek* (первая рубашка младенца) *itlik çaç* (волосы первой стрижки младенца).

По башкирским народным поверьям считается, что у больного ребенка дополнительно имеются две собачьих души, которые помещаются у него в животе.

Среднеуйгурское *yt saman* (собачья подстилка), по всей видимости, связано с древним обычаем класть ребенка на место собаки. Если не тронула ребенка и собака, то считается, что злые духи тем более его не тронут. В татарском языке имена *et almas* (собака не возьмет), *et tigas* (собака не тронет), туркменском. *italmaz*. У якутов в семьях, где не выживают

дети, новорожденного ребенка называли щенком (*ыт оуото*) или собачьей кличкой, причем собак одновременно называли детскими именами⁴.

В совокупности все эти сведения дают яркое представление о том, насколько своеобразно и неоднозначно место образа собаки в мифологической картине мира древнетюркского этноса, где взаимодействовали и единоборствовали мифологические воззрения и рационалистическое начало. Особого внимания заслуживает 'собака', наименование которой стало компонентом множества фразеологизмов у славян, действующим лицом многих пословиц, поговорок, сказок, загадок, легенд, прочно вошло в нашу жизнь.

В русском языке широко распространены так называемые 'собачьи' метафоры — *собачиться, грызться, выть, огрызаться, оцетиниваться, перебеситься, подкусить, подлизываться, рычать, скулить, тявкать*; известны многочисленные фразеологизмы: *собака на сене, гонять собак, вилять хвостом, собачий голод, собачий холод, как собаке пятая нога, сукины дети, бросать собаке под хвост* — имеющие негативную оценку. Компонент «собака» (пес) есть в названиях целого ряда созвездий — созвездие Гончих Псов, Большого Пса, Малого Пса. Слово *каникулы* также связано с собакой. В средние века, точнее, во времена Юлия Цезаря, в самое жаркое время в учебных заведениях устраивали перерыв в занятиях, который совпадал с появлением на небе созвездия Гончего Пса, поэтому данное время называлось *песью дни*, т. е. каникулы. Вероятно, этим фактом можно объяснить фразеологизмы *собачья жара* и противоположное ему *собачий холод*; это вторичные номинации, метафоры, связанные с каникулами.

У всех восточных славян, впрочем, как и у некоторых других народов, существует много пословиц, где главным «действующим лицом» выступает собака: русские пословицы типа *Ласковая собака и во сне хвостиком виляет; И собака на того не лает, чей хлеб ест; Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; При верном псе сторож спит; Какая на собаке шерсть, такая ей и честь*; белорусские пословицы — *Добры сабака на вецер не броша; I сабака намятае, хто яго корміць; Добры сабака лепш за ліхога чалавека*; польские выражения — *wierny jak pies, chodzi sa nim jakpies* и другие⁵.

Русские толкователи сновидений также используют собаку в качестве символа: «Видеть во сне собаку, которая не проявляет к вам интереса или ждать подачки, означает: получить прибыль от врага»; «Видеть во сне маленькую собачку, лающую прибыль на вес, — к ссоре, временной враждебности» и т. д. Все приведенные выражения имеют простой образ, яркую внутреннюю форму, не противоречат здравому смыслу, вероятно, потому, что основаны на наблюдениях и опыте человека.

Часто эмпирическое восприятие животного осложняется мифологическим переосмыслением образа 'собаки'. Это расширяет семантический потенциал данного слова, которое обрастает культурными коннотациями. Чтобы верно истолковать такие выражения, как *вешать собак, собачий*

вальс, устал как собака (хотя на собаках у нас не сеют и не пахнут), *съесть собаку* и подобные, нужно знание мифа, архетипа, которые наложили отпечаток на семантику этих выражений. Мы полностью солидарны с З. Фрейдом, который писал, что «человеческая культура возведена из кирпичей давно забытого мировосприятия»⁶. В мифологическом осмыслении ‘собака’ — хтоническое животное, поэтому чаще всего встречается в мифах в связи с мотивами земли и загробного мира, ибо она сопровождает души умерших в нижний мир, кроме того, она есть сторож у ворот ада.

Думается, что амбивалентность образа собаки в славянской культуре (в первую очередь русской и белорусской) объясняется несколькими факторами. Хотя ‘собака’ сблизилась с человеком «как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок», но у многих индоевропейских народов существовало отношение к ней, как к животному, наделенному божественной силой: ‘Собака’ — символ смерти, хтонических и лунных божеств и олицетворяется триадой «земля — вода — луна». Таким образом, с одной стороны, с ‘собакой’ связано доброе начало, что нашло отражение в картине мира и языке славян: *собачья верность, собачья преданность* «о верном, преданном человеке», *собаку съесть* «об опытном человеке»; *дзе сабака зарыты* «установить суть дела», *сабака не параскочыць* «об очень большом»; а с другой, собака — воплощение зла: *собачья злоба* «об очень злобном человеке», *сдохнуть в подворотие* «о смерти бездомного, неприкаянного человека», *как собаку* «без всякой жалости»; *распицца на сабачую пугу* «совершенно», *хоць на сабаку вылі* «о невкусной еде» и т. д. Семантика второго ряда фразеологизмов формируется с учетом того, в мифологической картине мира славян ‘собака’ занимает крайне низкое положение и причисляется к нечистым существам, более того, в народном сознании она часто отождествляется с дьяволом⁷.

Русские крестьяне вплоть до XX века не пускали собаку в избу, которую она якобы способна осквернить; нечистое тело похороненной собаки вызывало гнев земли и вело к бедствиям, поэтому собаку нельзя было хоронить. Соответственно, хоронили ‘собак’ в укромных местах, найти которые было трудно. Отсюда фразеологизм *где собака зарыта* в значении «раскрыть первопричину событий, причину бедствия». Верой в нечистоту собаки объясняется до сих пор сохранившееся поверье, что если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболит.

С одной стороны, в белорусских сказках «Собака и волк», «Война волка с собаками» собака выступает как умный и преданный помощник человека, а с другой — собака, пес часто оказывается субъектом брани у славян: *собачиться* «браниться непристойными словами», *собачливый* «тот, кто матерится» — у русских; *псовать* «портить», *з роту сабакі скачуць* «о сквернословии» — у белорусов; *psia krew* «собачья кровь — ругательство», *psi syn* «собачий сын — ругательство» — у поляков⁸.

Собака — жертвенное животное, отсюда фразеологизмы *вешать собаку* «порочить другого человека», *как собак нерезанных* «много», свя-

занные с обрядовыми закланиями пса. Есть и другие объяснения данных выражений с алогичной семантикой: связью с арабским словом. Кроме того, собака — архетип обмана, он формирует семантику таких славянских выражений, как *брехать* «обманывать — просторечие», *сука* «человек, нарушивший клятву, обманувший — вороский жаргон»; *ілжэ як сабака* «о лживом человеке», *сабакам падшыты* «лживый человек».

Поскольку собака соотносится с загробным миром, она обладает способностью чутя демонов и предвещать смерть, с этим связана следующая примета у белорусов: если сабака воет по ночам, это к смерти; поедание собачьего мяса как бы приобщало человека к вещим способностям, отсюда фразеологизм *съесть собаку*, глагол *насобачиться* «стать опытным».

В христианской культуре собака ассоциируется с язычниками: «Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам».

Она же сказала Ему в ответ: «Господи; но и псы столом едят крохи у детей».

В представлениях народов мира, в их мифах также можно наблюдать полярное отношение к собаке: для ацтеков собаки священны, с помощью собак их душа получает бессмертие, поэтому при умирающем у них должна быть собака. В иранском мире собака, в противоположность славянам, — чистое животное. Зороастрийский обряд очищения предписывает прикосновение к собаке, которое приравнивается к омовению. В мифах якутов, тувинцев, алтайцев, хантов, чукчей, нивхов признается небесное происхождение собаки⁹. Африканские племена, говорящие на берберских языках, наоборот, считают собаку настолько нечистой, что убивший ее тоже считается нечистым.

Русские и белорусы также по-разному воспринимают собаку: если в русском языковом сознании с ней связаны положительные качества личности — *собачья преданность* «о преданном человеке», *собаку съесть* «об опытном», то для белорусов фразеологизмы с компонентом ‘сабака’ являются носителями негативной оценки, отрицательной коннотации — *з роту сабакі скачуць* «о сквернословящем человеке», *ушыцца у сабачую скуру* «о негодном, ленивом человеке», *сабакам падшыты* «о плохом человеке», *у сабакі вачэй пазычыць* «о бессовестном человеке», *сабакам сена косіць* «о скрывающемся от семьи, занимающемся пустым делом человеке», *за сабаку* «о плохом человеке», *сабаке под хвост* «о пустом деле», *была у сабакі хата* «отрицательной отказ о существовании чего-либо», *што пан-то сабака* «о плохом человеке» и другие. Таким образом, язык фиксирует особенности национального самосознания, национальной картины мира¹⁰.

Таким образом в ходе проведенного исследования раскрыто коннотативное значение семы ‘собака’ в фраземах; определено, что наибольший количественный объем собранного материала составляет фразеологический фонд. В свою очередь, полученные языковые единицы диффе-

ренцированы в лексико-сематические группы, фраземы подвергнуты семантическому анализу; как отдельная группа рассмотрены и проанализированы компаративные киноморфизмы.

В ходе исследования природы киноморфизмов систематизированы паремииологические единицы, имеющие в своем составе сему 'собака'; паремии, отражающие национальное сознание, подвергнуты специальному исследованию, отдельные паремии получили свое толкование.

В процессе классификации собранного материала выявлена группа названий растений, а также группа названий, в которых вычленяется сема 'собака'. Подобные названия, также как и любые другие названия предметов, образованы в соответствии с потребностью номинации объектов действительности. Человек присваивает имя определенному предмету для того, чтобы не путать с другими предметами. В этих случаях большая роль отводится метафоре. В казахском языке имеется определенное количество метафорических названий с семой 'собака', которые проанализированы, систематизированы и классифицированы в отдельные группы на основе лексико-семантических признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахметов Ә. Түркі тілдеріндегі табу мен эвфемизмдер. Алматы, 1995. 127–128 бб.

² Сравнительная-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркской язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языке / отв.ред. Ә. Р. Тенишев. М.: Наука, 2006. С. 730–732.

³ Кормушин И. В. Домашние животные // Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. С. 590–677.

⁴ Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 120–136.

⁵ Трубачев О. Н. Происхождение названий животных в славянских языках. М., 1960. С. 736–737.

⁶ Фрейд З. Тотем и табу. М., 1992. С. 215.

⁷ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 320.

⁸ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 736–737.

⁹ Дорошенко Е. А. Зароастрійцы в Иране. М., 1982. С. 186.

¹⁰ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 186.

Bektemirova S. B.

THE IMAGE OF A DOG IN TURKIC AND SLAVIC CULTURES

The article explores language units and figurative words of the Turkic / Slavic languages containing the seme 'dog' from the point of ethnolinguistics. The informative value of cynomorphisms in the Turkic / Slavic languages are disclosed on the basis of lexicographic sources as cultural-national phrases describing national features. The figurative perception is the result of influence of daily living, subjects and phenomena surrounding us on each other. Phrasological units in language define mentality, views, outlook of the people by estimation and description of subjects and phenomena in surrounding world from the linguistic point of view. These language units were saved only in the material and spiritual culture transferred from generation to generation. In many cases in empirical perception of animals the image of a dog becomes difficult to be defined from the mythological point. It expands semantic potential and enriches a cultural connotation of the main word.

Keywords: connotation, semantics, sema, lexis, phraseology.

Боженкова Наталья Александровна

Юго-Западный государственный университет, Россия

natalyach@mal.ru

Боженкова Раиса Константиновна

Московский государственный технический университет

им. Н. Э. Баумана, Россия

rkbzhenkova@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНЫХ СМЫСЛОВ

В лингвокультурологическом контексте рассматриваются сложные процессы много-стороннего и многоуровневого взаимодействия семантики отражения и семантики языка, корреляции интересующих компонентов и текстовых средств, в совокупности определяющих структурно-функциональные и регулятивно-содержательные аспекты речевой модели, выступающей актом творческого развития языка и сознания коммуниканта.

Ключевые слова: биактуальный текст, речевая модель, возможный культурный смысл.

Отправной точкой в исследовании приемов рождения возможной текстовой культуры является лингвокультурологическое моделирование, при котором специфика коммуникативно-познавательного отношения определяется бивалентностью (неким удвоением второго и третьего членов): отражаемый фрагмент возможной культуры возникает в сознании не только автора, но и адресата, и результат отражения дается познающему сознанию не непосредственно, а в форме биактуального текста (БТ), представляющего собой образование как со знаковыми свойствами (дискретностью, линейностью и др.), так и сверхзнаковыми характеристиками (связностью, целостностью, прагматичностью, оценочностью) и являющегося его репрезентантом в акте речи. Из этого следует, что текстовая форма культурного смысла (будучи не тождественной ни отражаемому фрагменту культуры, ни вербализованной мысли) выступает в роли специфического посредника между возможной культурой и сознанием общающихся, так как только с ее помощью коммуникант может выявить общее в предмете отражения с другим субъектом и воздействовать желаемым образом на сознание партнера.

Определяя специфику отношения текста к реальности, Л. Витгенштейн сформулировал следующий тезис: «Предложение — модель действительности, как мы ее мыслим». С нашей точки зрения, данное положение нуждается в следующем уточнении: во-первых, саму реальность следует представлять в виде возможного пространства многоуровневой человеческой деятельности — культурной, практической, познавательной, речевой; во-вторых, речевая модель формируется в этом простран-

стве как динамическое процессуальное образование, функционально отражающее реальность. Образуюсь на пересечении отношений языка, возможной культуры, мышления и коммуникации, речевая модель соотносится с предметной реальностью многосторонне. Это отношение предстает проблемой взаимозависимости возможного культурного значения и речевого смысла БТ.

Рассмотрение возможного культурного значения как языкового феномена и возможного культурного смысла как коммуникативного образования согласуется с лингвистическими подходами, различающими смысловую (семантику отражения) и языковую семантику. Представляется, что в аспекте функционального отражения не возможный культурный смысл выступает в качестве компонента языковой семантики, а, напротив, значения языка являются фундаментом возможного культурного смысла БТ. Более того, лингвокультурологическая направленность исследования предоставляет возможность обнаружения их взаимосвязи, которая выражает движение мысли от знака к возможному культурному образу, когда семантика языка преобразуется в семантику БТ, при этом последняя насыщается предметным и мотивационным содержанием возможной культурной ситуации. Сказанное позволяет заключить, что в лингвокультурологическом преломлении необходим углубленный анализ следующих вопросов: каковы культурные возможности языковых значений? как соотносятся уровни возможных культурных смыслов? наконец, каким образом возможен переход от уровня значений языковых знаков к возможному культурному смыслу речевой модели и целостного БТ?

В лингвистике существует ряд моделей, эксплицирующих механизмы этого процесса (Н. Д. Арутюнова; В. А. Звегинцев; А. К. Жолковский, И. А. Мельчук) и дающих основание утверждать, что возможные культурные смыслы, опознаваемые при разложении БТ на отдельные значащие компоненты, не равны сумме значений входящих в них знаков; в то же время без помощи языковых значений культурный смысл не может образовываться. Другими словами, функционально-операциональный план языкового значения организует своего рода группу диспозиций к формированию возможного культурного смысла текста, в рамках которого субъект строит определенную речевую модель. Языковые значения задают спектр возможностей и ограничений для выражения культурного содержания; с ними связано действие языковой нормы, определяющей уместность и языковую правильность высказывания. Что касается целостного смысла высказывания, то он складывается как итог отражения субъектом всей ситуации культурной деятельности и коммуникации.

Таким образом, если система языковых значений как бы задает область определения функций речевой модели, то с ситуацией культурной деятельности связана область определения ее значений, так как именно в ней конструируется возможный смысловой мир БТ. Структура возможного культурного смысла, организующего своими семантико-синтакси-

ческими механизмами БТ в целом, обуславливается прагматической направленностью БТ как коммуникативной единицы.

Как отмечалось ранее, фрагмент реальности, который стоит за БТ, — это ситуация культурной деятельности и общения. Однако ее определяющая роль по отношению к содержанию высказывания и семантической структуре соответствующего предложения не означает, что они связаны отношениями строгого изоморфизма, поскольку отражение — многоуровневый процесс дискретизации, конструктивизации и превращения реальности в формы культуры и языка. Из этого вытекает, что структурная проективность реальной ситуации, возможного культурного смысла и семантической организации предложения подчиняется принципу соответствия «крайней степени абстрактности».

Всеобщим абстрактным условием, обеспечивающим соответствие реальной ситуации, возможного текстового и культурного смысла является их субъект-объектная организация. Это значит, что трехчленность деятельностной ситуации (субъект, объект и связывающее их действие) так или иначе проявляется и в основных содержательных планах БТ (культурном, мотивационном, смысловом, коммуникативном, целевом), и в семантико-синтаксических структурах предложения (предикативной, актуальной, модальной), последняя из которых оказывается аналитически наиболее дискуссионной.

Обсуждение категории модальности в логико-лингвистической литературе привело к различению объективного и субъективного ее типов. Представляется, что правы авторы, которые видят их общую содержательную основу, заключающуюся в конкретизации способа (модуса) существования события с точки зрения субъекта, поэтому при анализе категории модальности важно учитывать, что она продукт не только отражения культуры в языке, но и акта коммуникации: выражаемый БТ модус существования события так или иначе обусловлен коммуникативной целью — оказать управляющее воздействие на адресата. Соответственно, указанная категория в превращенной форме отражает факт наличия коммуникативной цели, а следовательно, организует общекультурное содержание БТ в субъект-объектном отношении. Отсюда — наличие не только ряда семантико-синтаксических планов, но и соответствующих структур, воспроизводящих логическими и грамматическими средствами названные отношения внеречевой культурной реальности.

Логически структура БТ, как правило, бывает выражена биактуальной со-логичной конъюнкцией антецедента и правилоподобных условий с консеквентом. В конъюнкции представлен семантико-синтаксический инвариант, который не зависит, с одной стороны, от субъективных моментов, с другой — от синтаксической специфики конкретного языка. Центральным ее членом является диспозиционный предикат, в семантическом плане несущий информацию о существенном свойстве или отношении, характеризующем событие.

Лингвистически структура БТ описывается предикатно-актантными отношениями, что в формульно-знаковом выражении представляет следующее: предикатно-актантная структура соответствует логической формуле пропозиции aRb , где R — предикат; a — актаны; b — сирконстанты. Ее грамматическим аналогом является универсальная формула предложения SVO , где V — глагол-сказуемое; S — имя-подлежащее; O — имя-дополнение. Данный трехчлен можно интерпретировать также и как отражение в форме языковой структуры фрагментов возможной культурной реальности: предмета (S), его свойства (O), отношения (V).

При развертывании структуры БТ, в значительной мере обусловленном ценностно-мотивационными установками говорящего, актуальная структура побуждает пропозицию трансформироваться в субъектно-предикатную форму ($S-P$) с выделением логического субъекта и логического предиката. Однако полного ее совпадения с субъектно-предикатной структурой все же не происходит, и именно поэтому коммуникативное членение более содержательно и подвижно в выражении тончайших оттенков вербализованной мысли, в то время как логико-грамматическое — более формально и устойчиво: его компоненты имеют строго фиксированные функции. В целом обозначенные выше основные семантико-синтаксические структуры можно охарактеризовать как интересующие культурные составляющие БТ. Биактуальный текст (и любая его разновидность) соотносится с обозначаемым (возможной культурной ситуацией) не непосредственно, а через семантически переработанные структуры языка, которые уже в качестве семантизированных объектов конструируют его смысл. В своей совокупности предикативная, актуальная и модальная структуры организуют указанный смысл как семантический конструкт, оформляя возможный культурный компонент БТ.

Роль этого собственно культурного аспекта речи в реальном общении вариативна. Анализ многообразных форм и типов вербальной коммуникации показывает, что целостный культурный смысл образуется не только благодаря текстовым, но и внетекстовым содержательным компонентам, задаваемым целевыми, мотивационными и смысловыми условиями речевой ситуации. Коммуникативный фактор точки зрения, позиции говорящего в превращенной форме присутствует в самих семантико-синтаксических структурах, организующих возможный культурный смысл. Его носитель — обобщенный субъект лингвокультурного сознания, в распоряжении которого имеется арсенал типовых средств языка для выражения своей субъективности (актуальные и модальные структуры). На уровне речевого смысла субъективность проявляется иначе. Это позиция данного участника речевого акта, присутствующая в оценочном и целеполагающем отношении к предмету речи, фиксированном, главным образом, внетекстовыми средствами. Чтобы эксплицитировать речевой смысл, адресат должен совершить серию логи-

ческих шагов, оперируя текстовой информацией, возможным культурным контекстом речи и в целом привлекая свои знания о мире, этносе и многом другом.

В результативном осмыслении значение и возможный культурный смысл высказывания есть семантические конструкты, продукты взаимодействия вербальной и внеречевой семантик. Согласно современным лингвистическим толкованиям, значение представлено в языковом сознании в виде кода, пучка смысловозначительных признаков, сетевой структуры связей языковых единиц. Надо полагать, что именно так преобразуется и свертывается в материи языка идеальная форма существования мира возможной культуры. Важно, что эта форма — не мертвый капитал, но свернутая деятельность, обнаруживающая способность к освоению и выражению практически бесконечного нового содержания.

В процессе коммуникации типовые значения и структуры наполняются смысловым содержанием, почерпнутым из культурной ситуации. Образующие в итоге новые семантические конструкты — возможные культурные смыслы — выполняют прежде всего собственно отражательную роль, дискретизируя и категоризируя средствами языка многообразный внеречевой опыт, поскольку «мысль не выражается, но совершается в слове». Причем здесь важно и их обратное творческое воздействие на семантическую систему языка. Создавая на основе своих значений новые культурные смыслы, язык не столько извлекает их из своей семантики, сколько формирует при ее посредстве, развиваясь и обогащаясь при этом сам.

Таким образом, значения и возможный культурный смысл выступают как акты творческого развития языка и сознания. Совершая моделирующие движения в сфере языковой формы, выявляя возможности ее обозначения и комбинаторики, сознание как субстрат производит проекцию прошлого опыта на будущий, то есть экстраполирует имеющиеся коммуникативно-когнитивные знания и умения. В свое время еще Р.Якобсон отмечал, что, как и всякое правило, языковое правило никогда «не может быть реализовано полностью. Это потенциальность; и его способ существования — *esse in future* (быть в будущем)». Именно БТ и является ареной сложного взаимодействия языковой нормы и свободы культурного смыслообразования, преодоления «мук слова», штампов, клише, отработанных стереотипов, а отсюда — расширения оперативных и означивающих возможностей языка.

Bozhenkova N. A., Bozhenkova R. K.

THE MECHANISMS OF LINGUO-CULTURAL MODELLING OF NEW POSSIBLE MEANINGS

The article deals with the mechanisms of linguo-cultural modelling of new possible meanings.
Keywords: linguo-cultural modelling, possible meanings.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Обсуждаются проблемы взаимодействия коллективного и индивидуального знания, структуры и содержания индивидуальных концептуальных систем коммуникантов в процессах речевого общения.

Ключевые слова: концептуальная система, концептуальное взаимодействие, речевое общение.

Речевое общение является одним из главных аспектов жизнедеятельности человека. Оно опосредует практически все виды деятельности и в значительной степени определяет их результативность. Особая роль при этом отводится именно языковой коммуникации, что связано с преимущественно социальным характером человеческого бытия. Структура и содержание языкового общения, выбор цели, основных принципов, механизмов и языковых средств ее достижения обуславливают успешность взаимодействия человека с окружающим миром во всех его проявлениях: в быту, профессиональной деятельности, социальном взаимодействии.

Проблема видится в том, что современный взгляд на язык и речевое общение не ограничивается их собственно семиотическим аспектом, вопросами знаковой функции языка, соотношения формы и содержания языкового знака. Он предполагает учет комплексного взаимодействия разных языковых функций и их реализаций: когнитивной, коммуникативной, интерпретирующей. Это, в свою очередь, обуславливает разработку многоуровневой теории значения — **когнитивной семантики** — и выход за пределы языковой системы в область неязыковых, энциклопедических знаний, обеспечивающих формирование и понимание конкретных смыслов в процессе общения.

Один из главных постулатов лингвистической науки на современном этапе её развития, в частности, гласит, что языковые значения и смыслы интерпретируются в рамках всей концептуальной системы человека (Р. Джэкендофф, Р. Лэнекер и др.). Это означает, что эффективность любого общения зависит и определяется эффективностью концептуального взаимодействия, степенью адекватной «настройки» индивидуальных когнитивных систем участников коммуникации относительно друг дру-

га. Соответственно проблемы такого взаимодействия непосредственно влияют на результаты коммуникации и находят своё отражение в языке.

К числу **основных проблем концептуального взаимодействия** в процессе речевого общения можно отнести следующие: 1) структурное соответствие концептуальных систем участников коммуникации, 2) содержательное соответствие этих систем, 3) адекватность оценки концептуальной системы собеседника, 4) степень владения коллективным знанием и языковым опытом, включая их социокультурную специфику, 5) соответствие принципов, механизмов и когнитивных контекстов формирования и понимания смыслов, используемых коммуникантами.

Первая проблема связана со спецификой структурной организации индивидуальных концептуальных систем, которая проявляется в составе их единиц и связей между ними¹. В **любом познавательном процессе**, обеспечивающем саму возможность коммуникации, его концептуальную основу, **необходимо выделять две его стороны, или аспекта: статический и динамический**. Статический аспект познавательной деятельности отражает определённые результаты этого процесса (система знаний в виде концептуальной или категориальной систем). Динамический аспект связан с самими мыслительными операциями, ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление. В данном случае речь, прежде всего, идет о двух основных, опосредованных языком познавательных процессах — концептуализации и категоризации. Напомним, что **концептуализация** — это познавательный процесс, направленный на выделение, осмысление и закрепление результатов познания (в том числе с помощью языка) в виде единиц знания — концептов. **Категоризация** — отнесение единиц знания к определенным рубрикам опыта — категориям и присвоение им имен этих категорий.

И статический, и динамический аспекты познавательных процессов имеют индивидуальный характер в том смысле, что они интенционально заданны, акцентированы на определённых сферах жизнедеятельности человека. Каждый человек по-своему структурирует жизненный опыт в процессах языковой концептуализации и категоризации, выделяя разные концептуальные области и используя разные модели их схематизации и обозначения. Соответственно концептуальные системы жителей разных континентов, стран и регионов, людей разных профессий, возрастов и социальных групп, разного образовательного материального уровней различаются по составу концептов и категорий, по характеру межконцептуальных и межкатегориальных связей.

Например, автомобиль для сельского и городского жителей, для бизнесмена или чиновника, для пешехода и автомеханика связан с разными видами деятельности, жизненными условиями и статусными характеристиками. Поэтому каждый из них акцентирует разные параметры автомобиля и устанавливает для него разные межконцептуальные

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект №15–18–10006
«Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте»
в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина

связи. Так, фраза: *Берегись автомобиля*, — ориентирована, прежде всего, на пешехода. Аналогично аспирантура в быту часто сравнивалась (по типу структурной метафоры) с подготовкой студентов: наличие учебного процесса, отделений, занятий, сессий и т. д., и таковой она в настоящее время стала в России в результате принятия нового закона об образовании — третьей ступенью высшего образования.

Р. И. Павилёнис, используя термины «объективная концептуальная система» и «индивидуальная концептуальная система», специально подчёркивал отличие концептуальной системы, отражающей весь познавательный опыт человека во всём его разнообразии, от концептуальной картины мира носителя языка как системы мнений, воплощающей выбор, предпочтение, отдаваемые определённому концепту или концептуальной структуре в качестве мнения носителя языка².

Это утверждение подтверждает актуальность второй проблемы — соответствие содержания индивидуальных концептуальных систем. Содержательные различия характерны для концептов как конкретных, так и абстрактных объектов. Например, слово *стол* для учителя, ученика, профессора, врача, бизнесмена, чиновника, вахтёра, повара, участника застолья и т. д. репрезентирует разные знания. Соответственно фраза *просидеть весь день за столом* для каждого из них наполняется разным содержанием: ‘проверять тетради’, ‘готовиться к урокам’, ‘подписывать бумаги или вести прием’, ‘просидеть без дела’, ‘много съесть’ и т. д.

В то же время наиболее значимые отличия проявляются на уровне абстрактных и оценочных концептов и категорий, формирование которых в большей степени имеет индивидуальный характер. Например, *дождь* для сельского труженика может соотноситься и с категорией «хорошо» и с категорией «плохо», в зависимости от времени года и, прежде всего, полевых работ. Для городского жителя *дождь* — тоже хорошо или плохо в зависимости уже от разного рода ситуаций (*спадет жара; сметет пыль; хороший урожай на даче; начнется грязь; машину снова мыть; идти с собакой гулять; стоять на посту; зонт забыл* и т. д.), а для любого отпускника — это практически всегда плохо.

К нарушению концептуального взаимодействия и, соответственно, сбоям в коммуникации приводит также неадекватная оценка (или игнорирование) уровня знаний собеседника, специфики его концептуальной системы. Для одних концепт УНИВЕРСИТЕТ — это абстракция: *Университет — это куда внучка каждый день ходит* (ответ одной бабушки на вопрос, что такое университет). Для других *университет* — это конкретное здание или автобусная остановка: *За университетом поверните налево; У университета выходите?* Для третьих — место учёбы или работы, предполагающее знание специфики его организации, уровень образования (*Окончил университет; получил университетское образование*) или просто место работы, аналогичное многим другим (например, для вахтёра, охранника, коменданта, гардеробщицы, технички и т. п.).

Отсюда возможные сбои в коммуникации между студентами, профессорами, с одной стороны, и вахтёрами и охранниками, с другой, основанные на неправильной оценке уровня знаний и понимания статуса и тех или иных функций собеседником.

Другим примером коммуникативных сбоев из-за неправильной оценки концептуальной системы другого человека может служить поручение руководителем своих функций техническим работникам (написание планов и отчетов, инструктивных и информационных писем, разработка разного рода концепций, программ и т. п.), квалификации которых для реализации этих функций явно не достаточно. В результате, в тексте полученного документа, не проверенного и подписанного руководителем, оказываются общие фразы, скопированные из предыдущего документа или типового образца, разные названия организаций и должностных лиц в разных частях текста, устаревшие даты, непонятные слова и опечатки, отсутствие согласования в содержании и т. п.: *«Прошу представить план мероприятий по ребредингу [...] области»; «Приглашаем принять участие в написании коллективной монографии..., которая состоится 10 апреля 2014 года»; «Слушали: об отчислении соискателя И. А. Нестерук. Постановили: отчислить соискателя А. П. Воробьева»* и др.

Затронутые вопросы выводят на более широкую проблему коллективного и индивидуального аспектов в процессах познания как необходимого общего контекста рассмотрения, в том числе, следующей заявленной конкретной проблемы — степени владения коллективным знанием и языковым опытом.

Коллективность знания обусловлена различными видами социума: культурной, национальной, территориальной, социальной общностью людей. Индивидуальность знания имеет относительный характер. По отношению к тому или иному социуму знание человека, принадлежащего другой культурной, национальной, территориальной, профессиональной общности людей, всегда будет приобретать характер индивидуального, равно как и знания отдельных представителей другого социума по отношению к данному человеку. Более того, знание каждого конкретного человека индивидуально, и лишь в сравнении с другими членами того или иного коллектива можно говорить о разделяемом ими, и в этом смысле общем для них, т. е. коллективном знании.

С этой точки зрения индивидуальность знания отдельного человека заключается в индивидуальном характере его содержания и способов схематизации, или структурирования. Это проявляется в количественном и содержательном показателях уровня усвоения коллективного знания, в его индивидуальной оценке и интерпретации. Иначе говоря, **индивидуальность знания означает индивидуальность конфигурации коллективного знания в плане объема, содержания и интерпретации в концептуальной системе каждого отдельного человека**³.

Концептуально-речевое взаимодействие обеспечивается сходством конфигурации коллективного знания в индивидуальном сознании участников коммуникации. Ограниченность коллективного знания логично ведет к коммуникативным сбоям, особенно характерным для рекламы и связанным с неадекватной интерпретацией полученного сообщения или неправильной инференцией. Например: «*Секонд-хэнд класса люкс*»; «*Парикмахерская Дежавю*»; «*Магазин Живые диваны (не просто диваны)*»; «*При покупке товара на 30000 рублей и выше каждому покупателю пучок укропа в подарок*».

Частью коллективного знания является опыт использования языка, или языковой опыт. Отсутствие данного опыта в сознании коммуникантов, в том числе банальные ошибки и опечатки, незнание значений используемых слов, также становятся причиной концептуального «сбоя». Например: *продается префаратор* (объявление в интернете); *Косметология по лицу и телу* (название салона); «*Я не копаю яму среди депутатов*» (высказывание политика); «*добрый, жизни радостный человек*» (из резюме в интернете); «*Сыкономьте 20% на эссенциале форте*» (бегущая строка над входом в аптеку).

Незнание иностранного языка или культурно обусловленных различий также может стать причиной отсутствия концептуального взаимодействия и, как следствие, коммуникативного сбоя. Всем хорошо известен пример с кнопкой, преподнесенной Х. Клинтон, госсекретарем США, С.Лаврову, министру иностранных дел РФ, на которой вместо слова *перезагрузка* было написано *перегрузка*. Аналогично в гостинице одного из крупных российских городов на бирках со словами: *Прошу не беспокоить* и *Прошу убрать комнату*, - английский вариант звучал следующим образом: *Do not worry (worry — ‘беспокоиться’)* и *Please, remove the room (remove — ‘удалять, перемещать’)*.

К числу факторов, препятствующих концептуальному взаимодействию в коммуникации в плане владения коллективным знанием и языковым опытом, вероятно, следует отнести и чрезмерное использование заимствований в рекламе, названиях фирм, бытовом общении, в том числе морфологического характера, сравните: *Випселинг* (вероятно, от англ. VIP — ‘очень важная персона’ и ceiling — ‘потолок’), *Рафтинг*, *Джипинг*, *Лошадинг ежедневно* (от англ. rafting — ‘путешествие на плотах’); «*Извините, почему-то аттачмент (англ. attachment — ‘вложение’) не приаттачился. Не буду его переаттачивать, а вот лучше ссылка на нужный файл в дроббоксе ...*» (англ. drop — ‘бросать, оставлять’, box — ‘ящик’, в интернете — сайт, где хранятся файлы).

Отсутствие достаточного языкового опыта или его игнорирование порождает и последнюю проблему из числа названных выше — проблему концептуального взаимодействия в устной и письменной коммуникации, которая непосредственно связана со знанием принципов

и механизмов формирования смыслов. Различные способы профилирования и интерпретации знаний обуславливают формирование индивидуальных, функциональных смыслов в высказывании как результата **функциональной концептуализации и функциональной категоризации** объектов и явлений, т. е. определяют индивидуальные способы их речевой репрезентации. Например: *Академия педикюра; Парад обезьян* (реклама зверинца); «*При Екатерине II страна покрылась университетами*» (из сочинений на ЕГЭ по истории); «*Вина ручной работы*» (?) и т. п. Сравните пример удачной рекламы и успешного концептуального взаимодействия: «*Мы работаем на Карла Маркса*» (реклама магазина, расположенного на ул. им. Карла Маркса).

Таким образом, речевое общение предполагает концептуальное взаимодействие ее участников, которое основывается на соответствии структурных и содержательных доминант их концептуальных систем, адекватной оценке уровня знаний друг друга, на достаточном владении коллективным знанием о мире и языковым опытом его структурирования и репрезентации, в том числе с помощью иностранного языка, а также владение когнитивными и языковыми механизмами формирования смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о концептуально-простых и концептуально-сложных форматах знания, тематических и операциональных концептах, разных типах категорий в: *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77; *Болдырев Н. Н.* О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. С. 23–32; *Болдырев Н. Н.* Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 10. Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 17–120.

² *Павилёнис Р. И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / под ред. Д. П. Горского. М.: Мысль, 1983. С. 209, 239, 240, 259.

³ Об интерпретации знаний и интерпретирующей функции языка см. подробнее: *Болдырев Н. Н.* Указ. соч., а также: *Болдырев Н. Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. I. 2011. С. 9–16; *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С.11–16.

Boldyrev N.N.

CONCEPTUAL INTERACTION IN VERBAL COMMUNICATION

The paper focuses on the problems of interaction of collective and individual knowledge, of structure and content of interlocutors' individual conceptual systems in the process of verbal communication.

Keywords: conceptual system, conceptual interaction, verbal communication.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ

В статье анализируется современное состояние изучения языка религиозной сферы, например, религиозной лексики, религиозного стиля, религиозного дискурса, религиозных концептов, описывается предмет, объект и единицы исследования теолингвистики, предлагается новое направление изучения — лингвотеология.

Ключевые слова: религиозный стиль, теолингвистика, этнокультурные концепты, религиозный дискурс, лингвотеология

С конца XX века в России изменилось отношение к религии, начала возрождаться церковная жизнь, появились новые коммуникативные ситуации, что естественно привлекло внимание ученых, которые старались осмыслить и описать отличительные черты речи верующих.

Первыми были отмечены изменения в лексике, которые характеризуются актуализацией традиционных пластов национального словаря. Большое число лексем, относящихся к религиозной сфере, которые в словарях XX века имели пометы *архаизм* и *историзм*, стали восприниматься молодым поколением как неологизмы. Среди динамических процессов в лексике назовем следующие: деархаизация религиозной лексики, сужение лексического значения, расширение лексического значения, семантическая трансформация лексики, появление неологизмов и окказионализмов, деатеизация и десакрализация лексики¹.

Лексикография пополнялась словарями библеизмов, библейской фразеологии², православной церковной культуры³, словарями ударений и сокращений религиозной лексики⁴, религиозной лексики⁵ и т. п.

В стилистике стали выделять самостоятельный функциональный стиль, название которого варьируется в разных работах: религиозно-проповеднический⁶, церковно-религиозный⁷, религиозный стиль⁸ и др.

В когнитивных исследованиях последнего времени уделяется внимание описанию религиозной картины мира, религиозной языковой картины мира и этнокультурных концептов. Анализ научной литературы показывает, что подробно изучены базовые для русской ментальности концепты *вера, бог, неверие, жизнь, смерть, душа, дух, путь, дорога, память, страдание, грех, искупление, жертва, еда, пища, исповедь, святой, герой, праздник, добро, зло, труд, работа, бытие, красота, свет, счастье* и др. Но в большинстве случаев не учитывается религиозный компонент многих концептов, не имеющих непосредственное отношение к религии, например, *подвиг, герой, праздник, труд* и др. Без этого некорректно го-

ворить о полном описании концепта и об адекватном отражении ментальности русского народа. Христианство было принято на Руси более тысячи лет назад, следовательно, на протяжении веков естественным было религиозное сознание и религиозная языковая картина мира.

В ряде работ при упоминании религиозной составляющей концепта при сопоставительных исследованиях не принимается во внимание различие религий или конфессий в изучаемых культурах (например, русско-английские, русско-немецкие, русско-арабские лингвокультурологические описания). В христианстве, исламе, иудаизме, буддизме есть лексем *вера, жертва, отец, жизнь, смерть*, но как богословские термины они содержательно отличаются. И этот факт необходимо учитывать.

Использование Национального корпуса русского языка для примеров помогает, но, к сожалению, не дает полной картины, поскольку религиозная литература на сегодняшний день еще недостаточно представлена в НКРЯ.

При изучении лексической сочетаемости иногда не учитывается дистрибуция языковых единиц в религиозной коммуникации (*жизнь вечная, принять на себя подвиг, бескровная жертва*).

Значительно отличаются результаты ассоциативного анализа базовых этнокультурных концептов, проводимых в группах верующих и атеистов⁹.

С позиции теории дискурса религиозная сфера также стала предметом научного изучения зарубежными и отечественными исследователями¹⁰. Сравнительно недавно в отечественном языкознании появился термин *теолингвистика*. Историю становления теолингвистики как науки подробно изложил А. К. Гадомский¹¹.

Предметом исследования теолингвистики является изучение различных сторон взаимодействия религии и языка, анализ того, как язык функционирует в религиозных ситуациях, с одной стороны, и как различные проявления религии отражаются в языке, с другой стороны. Объектом исследования теолингвистики могут служить «религиозный язык», этапы развития языкознания, истории языкознания, обусловленные профессиональными причинами; теории происхождения языка (и прежде всего теория божественной сущности происхождения языка) и другие вопросы — одним словом, все явления, связанные с Богом, которые закрепились и отразились в языке.

Сформулируем основные положения нового направления в языкознании.

Теолингвистика — это раздел языкознания, который носит светский, наднациональный и надрелигиозный характер. Предметом изучения теолингвистики является отражение в языке религиозного мировоззрения. Исследовать это возможно несколькими путями.

Во-первых, это вопросы онтологической трактовки природы языка. Религиозное осмысление мира — это специфическая сфера исследований.

Многие понятия, явления и предметы в религиозном контексте имеют особый смысл. Такой смысл, актуальный и реальный для определенного социума, может либо полностью отсутствовать в узусе, либо быть трансформированным. Во-вторых, анализ религиозной коммуникации (общение верующих людей с Богом; общение верующих людей между собой; общение верующих и атеистов; поведение атеистов в религиозной среде и т. д.). Тогда чётко видны различия в коммуникативном поведении верующих и атеистов, либо верующих (т. е. носителей религиозного сознания), но исповедующих разные религии. Для этого важным оказывается изучение религиозной языковой личности в условиях светской и религиозной коммуникации. В-третьих, изучение религиозных текстов.

Подобно лингвистике, теолингвистика может подразделяться на общую и частную теолингвистику. Общая теолингвистика должна заниматься общими вопросами, категориями, универсалиями — другими словами, проявлениями, которые могут иметь место в любых языках и могут быть связаны с любой религией и конфессией. К таким общим вопросам относятся вопросы истории языкознания, проблемы теоретического описания религиозного языка в узком и широком понимании этого термина, вопросы терминологии теолингвистики и ряд других.

Частная теолингвистика должна исследовать проявления конкретной религии в конкретном языке или конкретной проблемы, нашедшей отражение в конкретном языке (языках). К частным теолингвистикам могут быть отнесены, например, ведическая теолингвистика, иудаистическая теолингвистика, христианская теолингвистика, исламская теолингвистика и другие, проблемы описания религиозной лексики в конкретном языке.

Теолингвистика, как и любой другой раздел языкознания, может описываться в синхронии и диахронии. Тогда синхронная теолингвистика изучает процессы, происходящие в языке и обществе на определенном синхронном срезе, а в центре внимания диахронной теолингвистики оказывается анализ тех процессов и изменений, которые происходят в религиозном языке в процесс исторического развития. Это, например, проблемы, связанные с фонетикой, особенностями словообразования, религиозной лексикой, с архаизацией и деархаизацией религиозной лексики, вопросы морфологии и синтаксиса религиозного языка и ряд других.

Теолингвистика может быть сравнительной и сопоставительной. В этом аспекте основные труды принадлежат А. К. Гадомскому¹² и К. Кончаревич¹³.

К. Кончаревич предложила определение предмета, цели, задач и методов сопоставительной теолингвистики: «Предмет сопоставительной теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в синхронно рассматриваемых языках, независимо от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и пере-

дачи религиозного содержания»¹⁴. Но следует обратить внимание на то, что при сопоставлении языков необходимо учитывать особенности и отличия религий и конфессий, так как, например, на русском языке могут быть переданы идеи Православия, католицизма, баптизма, ислама, буддизма и т. д.

Для обозначения языковых средств, предназначенных для передачи религиозного содержания, в научный оборот введён термин *теонема*, под которой понимается функциональная языковая единица, служащая для передачи теологического содержания, то есть, инвариант, реализующийся на разных уровнях (ярусах) языковой системы в виде синтаксических, лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, фонологических вариантов. Сопоставительные исследования К. Кончаревич позволили сделать вывод о том, что теонема скромно представлена на большинстве уровней (за исключением лексического и фразеологического) и подходит для типологических исследований¹⁵. Для сопоставительных исследований основной единицей становится *религиолектизм* как единица религиозного языка (инварианта) в рамках национального языка.

В настоящее время в центре теолингвистических исследований находятся следующие проблемы: описание языка религиозной коммуникации, генология религиозных текстов, терминология теолингвистики, язык гомилий и проповедей, вопросы перевода религиозных текстов, язык Библии и библеизмы, евангелизмы, язык молитвы, религиозная лексика и лексикография, стилистика религиозных текстов, религия в средствах массовой информации, сакральная ономастика, язык церковных документов и т. д. Но пока вне поля зрения ученых-лингвистов осталась проблема кодирования богословских знаний языковыми средствами. Возможно, именно этот аспект станет ядром *лингвотеологии*, еще одного нового вектора исследования проблемы языка и религии. Осмелимся сегодня предложить новый термин и новое направление исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бугаева И. В. Язык православных верующих в конце XX — начале XXI века: монография. М.: Изд-во РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2008. 239 с.

² Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейской фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2010.

³ Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000. 278 с.

⁴ Бугаева И. В. Словарь ударений религиозной лексики. Словарь сокращений религиозной лексики: Русский язык. Православие. М.: Кругъ, 2009. 224 с.

⁵ Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.

⁶ Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 135–138.

⁷ Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль / Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 612–616.

⁸ Прохватилова О. А., Стрельникова Е. С. Стилистика русского языка: Учебное пособие. Волгоград: Волгоградское научное общество, 2006. С. 75–84.

⁹ Рыбалова М. И. Евангелизмы русского языка в лексикографическом и ассоциативном аспектах: дис. ... канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2014. 24 с.

¹⁰ Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.

¹¹ Гадомский А. К. Теолингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ. Т. 18 (57). № 1. Филология. Симферополь: ТНУ, 2005. С. 16–26.

¹² Гадомский А. К. Русско-польская терминология теолингвистики // Хрестоматия теолингвистики. Симферополь: Универсум, 2008. С. 247–268.

¹³ Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) // Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков. Белград, 2012. С. 14–22.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Там же.

Bugaeva I. V.

MODERN STATE OF LANGUAGE RESEARCH OF THE RELIGIOUS SPHERE

The article analyzes the recent situation of learning the language of the religious sphere, the religious vocabulary, religious discourse, religious concepts, describes the subject, object and research units of the theolinguistics, proposes a new direction: linguistic theology study.

Keywords: religious style, theolinguistics, ethno-cultural concepts, religious discourse, linguistic theology.

Вардзелашвили Жанетта Александровна

Грузинский технический университет, Грузия

vjanetta@yandex.ru

Певная Наталья Петровна

Государственный университет Илии, Грузия

napevnaya@yandex.ru

ЛЕКСЕМА ТЕРПЕНИЕ

КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И ГИПЕРТЕКСТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье предлагается кумулятивный анализ лексемы *терпение* как единицы языкового, концептуального, лингвокультурного, дискурсивного и гипертекстуального пространства. Воссоздание объёмной модели одноименного концептуально-текстуального конструкта проводится на материале филологических и специальных тезаурусов, прецедентных текстов и корпуса текстов русской литературы XIX–XXI веков. Данная методика позволяет воссоздать дескрипторы его гипертекстуального пространства в русской культуре.

Ключевые слова: терпение, универсалия, язык, текст, гипертекст.

Русская лексема *терпение*, связывающая в единый семантический узел физическое и нравственное, конкретное и абстрактное, имеет не только объективную форму обобщения, которая выражена в связи денотата понятия с его десигнатом, но и синктерический внутренний смысл, созидаемый в культурной процессуальности как человеческий отклик на боль и страдание.

Терпение — человеческая способность, которую мы рассматриваем как нравственно-психологическую универсалию. Понятие «универсалия» используется здесь в значении, принятом в современной философии культуры, т. е. в ряду основ понимания мира, имплицитно формирующихся и «служащих мыслительным инструментарием для человека каждой конкретной эпохи, задавая в своем историческом варьировании систему координат, исходя из которой человек воспринимает явления действительности и сводит их в своем сознании воедино»¹. Признано, что универсалии культуры принимают участие в когнитивных процедурах и являются инструментарием чувственно артикулированных мироощущений, которые эволюционируют и специфицируются в зависимости от традиций конкретной культуры. Каждая культура, таким образом, задает свою систему координат, в которой универсалии приобретают характерные символические значения, реализующиеся в дискурсивных практиках.

Работа посвящена анализу языковой воплощенности нравственно-психологической универсалии «терпение». Вопрос состоит в следующем: является ли её языковая реализация вариативно-паллиативной или константной на уровне языка, текста и дискурса? Ниже предлагается кумулятивный анализ лексемы *терпение* как единицы языкового,

концептуального, лингвокультурного, дискурсивного и гипертекстуального пространства.

В русском языке лексема *терпение* является вершинной в когнитивном деривационном тернаре «*терпение — терпеть — терпеливый*». Этот трехкомпонентный объект мы рассматриваем как единую культурно маркированную лингво-ментальную структуру. Вершина когнитивного деривационного тернара является и его номинатором, поэтому, согласно принятой методологии, анализ структуры следует начать с сопоставительного обзора дистрибуций единицы *терпение* в филологических и специальных тезаурусах.

Диахронный анализ лексемы по материалам словаря М. Фасмера² демонстрирует следующие этимологические составляющие: *цепенеть, страдать, длиться, становиться терпким, затекать, нижняя часть ствола с корнями, ствол, дерево, род*. Этот перечень с применением методики компонентного анализа позволяет реконструировать эволюционный комплекс ощущений и переживаний, связанный с рассматриваемым явлением. Итак, когнитивный отклик на восприятие анализируемого явления зафиксировал в пралексеме следующие элементы: *неподвижность + физическая/нравственная боль + происходит в течение какого-л. времени + вызывающий горечь, вязкий/тягостный + деревенеть/становиться твердым, затвердевать + дерево (культурный символ/внутренний паттерн аналога вертикальной структуры репрезентации системы мироздания)*. Метод лингво-когнитивного анализа³ позволяет установить линки, которые формируют абстрактную фрейм-структуру пралексемы: *терпение → отсутствие движения → психофизическая сфера → темпоральность → вкус → изменение состояния → растение*.

Дальнейшую лексико-этимологическую эволюцию слова-линки «терпение» можно проследить по словарю Вл. Даля: «ТЕРПЕТЬ, терпиво что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; крепиться, об (пере)могаться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать; безличн. <...> Терпение, свойство, состояние по гл.; противоп. нетерпение, спешливость, непостоянство, опрометчивость, горячность, запальчивость, требовательность напр. В терпении является сила и величие духа, терпение же есть признак кротости, смирения, снисхождения»⁴. **Интересно, что на этом этапе со всей очевидностью прослеживается изменение параметров фреймовых составляющих прототермина. Проследим: отличительный признак + способность выдерживать воздействие на организм + испытывать сильную физическую или нравственную боль + демонстрировать выдержку, способность противостоять трудностям + надеяться на получение ожидаемого**

+ нестрогая тенденция восприятия другого человека или фрагмента действительности. Таким образом, на этом историческом срезе актуализируются линки: *терпение → качественная характеристика человека → суггестивная способность духовных и физических свойств человека → реакция организма на сильное психическое или физиологическое воздействие → проявление самообладания → вера в достижение желаемого → положительная перцепция альтернативной позиции адресата или сегмента общественных/исторических явлений*.

Следующий этап анализа предполагал сопоставление лексического значения слова по современным идеографическим источникам, идентифицирующих лексему *терпение*. К исследованию были привлечены «Большой толковый словарь русского языка»⁵, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева⁶ и «Толковый словарь» Т. Ф. Ефремовой⁷. Ограниченный объем статьи не позволяет представить сопоставительную парадигму словарных дефиниций, на базе которых были установлены понятийные спецификации, в которых значения декларируют секвестрированный перечень идентификаторов слова. Но любой заинтересованный исследователь может обратиться к материалу по указанным в сносках адресам. Установлено, что на современном этапе лексема «терпение» включает гиперссылки: *процессуальность → нативная или приобретенная способность человека → выдержка → психофизическое воздействие → хронометрия*. Таким образом, в русском языковом сознании терпение представляется как комплекс ментальных и соматических состояний, реакция человека на травмирующее внешнее воздействие. Кроме того, лексема *терпение* обладает и темпоральной характеристикой.

Если развить абстракцию и попытаться представить лексему *терпение* как одноименный тег, то для определения его расширяющегося понятийного состава необходим и анализ феномена с гносеологических и теистических позиций. Энциклопедическое издание «Основы духовной культуры»⁸ трактует терпение как аксиологически качественную характеристику личности, чувствительную, интеллектуальную, деятельную способность человека, христианскую добродетель. «Философский словарь» Г. Шмидта⁹ определяет *терпение* как «сдержанность, наивысшее проявление фундаментальных трансцендентных качеств личности». Существенно, что в понятии выделяется бинарная оппозиция в отношении достижения поставленной цели: инициативное — инертное терпение. В другом философском словаре, привлеченном к анализу¹⁰, *терпение* интерпретируется не только как антропологический классификатор, но и как одна из основных теологических категорий. В приведенных источниках нормативное и аксиологическое наполнение тега «терпение», в основном, совпадает: *стремление, стоицизм, настойчивость*. Несовпадения: *уступчивость, испытание* (только в словаре Безруковой), *добродетель* (в обоих философских словарях, но отсутствует у Безруковой);

непоколебимость (отсутствует в словаре Шмидта); *уступчивость, испытание* (только у Безруковой); *примирение* (только во втором философском словаре).

Воссоздание объёмной модели концептуально-текстуального конструкта и установления изоморфизма между энциклопедической, наивной и индивидуально-авторской картинами мира невозможно без исследования и прецедентных художественных текстов. Прецедентные тексты были отобраны 23 пословицы из сборника Вл. Даля¹¹. Фольклорные изречения о терпении в русском языке имеют прагматический характер, манифестируют мелиоративное описание этого качества и соотносят его с ценностной шкалой. Паремии, выявленные в ходе эмпирического исследования, можно классифицировать, исходя из их контент-наполнения, по следующим условным тегам.

Терпение 1 (бытийный контекст), который состоит из линков: *настойчивость (Терпенье и труд все перетрут); упорство (Терпи горе: пей мед. Терпи, голова, в кости скована); целеустремлённость (Терпи, казак, атаман будешь. Терпенье даёт уменьё); честолюбие (Оттерпимся — и мы люди будем. Терпя, в люди выходят); воля (Час терпеть, а век жить); ситуационное мужество (Терпи горе неделю, а царствуй год. Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть); возмущение / раздражение / несогласие (Тут и у святого терпенье лопнет. Терпя, и камень треснет. Молчан-собака (не лающая) — да и та, терпя, вавкнет. Терпит брага долго, а через край пойдёт — не уймешь); ситуационное наставление при манипулятивных действиях со стороны другого человека (На хотенье есть терпенье); примирение (Лихо терпеть, а оттерпится — слюбится. Оттерпимся — до чего-нибудь дотерпимся).*

Тег **терпение 2 (спиритуальный контекст)** представлен шестью паремиями, в которых фиксируется понятие о терпении как вершинном модусе трех основных христианских добродетелей Веры, Надежды, Любви: *Бог терпел, да и нам велел. Терпенью — спасенье. Без терпенья нет спасенья. Не потерпев, не спасешься. Работай — сыт будешь; молись — спасешься; терпи — взмилуются. За терпенье даёт Бог спасенье.* В фольклорной концепции данного феномена прослеживается связь с библейским осмыслением детерминированного понятия, например — из Книги Притчей: *Вспылчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю* (Гл. 15, Стих 18), *Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою [лучше] завоевателя города* (Гл. 16, Стих 32). Таким образом, можно сделать вывод об изоморфном характере лексикографического, энциклопедического, наивного и прецедентного представления дескриптора «терпение», но при этом каждое описание отличается гиперссылками.

Следующий этап — анализ функционирования лингво-ментального конструкта «терпение» в текстах художественной литературы. Нами

был изучен корпус текстов русской литературы XIX–XXI вв.¹² С позиций данного исследования, интерес представляло установление интертекстуальной когезии, стимулирующей, так называемое, «парадигматическое чтение». Межтекстуальные аналогии актуальны не только с точки зрения воздействия одного идиолекта на другой, а наличием экстратекста, в котором соплагаются и индивидуальные векторы мыслеобразов, и универсальный лингво-ментальный конструкт. Установлено, что лексема *терпение* на синтагматическом уровне активизируется в глагольных и атрибутивных сочетаниях. В составе предикативной группы, определяющей микроконтекст семемы ‘терпение’, выявлен целый спектр компонентов, например: *терпение + недоставать/достать — квантитативная оценка / выполнение / намерение / совершение: На малое терпение у меня часто недоставало характера...* [Достоевский. Подросток (1875)]; *терпение + должен — субъективная аксиологическая характеристика / подчинение / зависимость:... твоя семейная жизнь вступила в тот период, когда ты, чтобы сохранить равновесие, так сказать, должен пустить в ход всё свое терпение...* [Чехов. Дуэль (1891)]. Атрибутивы отражают авторскую концептуальную систему и выражают индивидуальный гносеологический опыт, например: *терпение + резиновое — физическое свойство / эмотивно-волевое качество / поведение / ситуация: Шевели мозгами... У меня терпение не резиновое...* [М. Елизаров. Библиотекарь (2007)].

Выявленные на синхроническом и диахроническом уровне интерпретанты создают прагматический квазитекстовый интенционал. Так, выражения *железное терпение, терпение не резиновое* устанавливают имплицитную связь между семами: *терпение + труд, терпение + объем*, из чего можно заключить, что актуализируются интенциональные атрибуты мелиоративной эвальвации в определении параметров понятия «терпение». Топик «терпение» продуцирует несколько актуальных элементов. Например: *Но ей не было даровано ни счастливое облегчающее рыдание, ни заламывание рук, ни освобождающая молитва — только терпение, каменное крестьянское терпение* [Л. Улицкая. Медя и ее дети (1996)]. Десигнат *терпение* коррелирует с двумя атрибутами: *каменное* и *крестьянское*. Контекст актуализирует мелиоративный признак при отсутствии очевидного аксиологического квантора. Коннотации, связанные со значениями лексем *каменный* и *крестьянский* проявляются на уровне метафорического уподобления. Так, член таксономического класса /природа/ соотносится с составляющим класса /человек/ → /земледелие/ → /религия/. Положительную окраску придает элемент класса /религия/, изменяя координаты устоявшихся отрицательных ассоциативных моделей, связанных с метафорическим использованием атрибута «каменный», например, *каменное сердце, каменное лицо*.

Таким образом, применение различных поисковых стратегий в процедуре расшифровки кодов инвариантной языковой единицы позволяет воссоздать дескрипторы его гипертекстуального пространства в русской культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Можейко М. А.* Универсалии // Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Universalii-2444.html> (дата обращения: 21.05.2014).

² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1987. С. 49.

³ Подробно изложено в: *Вардзелашвили Ж.* Наносемы лексических структур // Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003. С. 226–232; *Вардзелашвили Ж.* Наносемы как латеральный компонент значения слова // *Acta Linguistica*. Vol. 1. Sofia, 2007. С. 55–62.

⁴ Толковый словарь В. И. Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/363634> (дата обращения: 15.03.2014).

⁵ *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://mirslavare.com/content_kuznec/terpenie-122254.html#ixzz2t73WqfGH (дата обращения: 12.02. 2014).

⁶ *Дмитриев Д. В.* Толковый словарь русского языка. 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://mirslavare.com/content_kuznec/terpenie-122254.html#ixzz2t73WqfGH (дата обращения: 12.02. 2014).

⁷ *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь. 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253696> (дата обращения: 12.02. 2014).

⁸ *Безрукова В. С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс]. URL: spiritual_culture.academic.ru/ (дата обращения: 26.02.2014).

⁹ *Шмидт Г.* Философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.harc.ru/slovar/2168.html> (дата обращения: 3.01.2014).

¹⁰ Философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari-online.ru/> (дата обращения: 3.01.2014)

¹¹ *Даль Вл.* Пословицы русского народа. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/rusproverb/terpenie---nadezhda-5857.html> (дата обращения: 10.03.2014).

¹² По данным Национального корпуса русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 4.04.2014).

Vardzeshvili J. A., Pevnaya N. P.

LEXEME 'PATIENCE' AS A UNIT OF LANGUAGE AND HYPERTEXT IN RUSSIAN CULTURE

The article offers a cumulative analysis of the lexeme 'patience' as a unit of language, conceptual, linguistic-cultural, discursive and hyper-textual space. A solid same-name conceptual-textual construct model is recreated using philological and special thesauri materials, precedent texts and the text corpus of 19th – 21st century Russian literature. This method gives a possibility to recreate descriptors of its hyper textual space in Russian culture.

Keywords: patience, universalia, language, text, hypertext.

Васильева Галина Михайловна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия

galinav44@mail.ru

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ «ИСПАНИЯ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена выявлению изменений в представлениях об Испании, произошедших в сознании носителей русского языка. Эти изменения определяются на основании сопоставления направлений ассоциирования, зафиксированных в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю. Н. Караулова и данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальное поле, культурно-географический образ, направления ассоциирования, языковая картина мира.

Проблемы концептуализации и репрезентации действительности исследуются в лингвокультурологии, лингвоконцептологии, психолингвистике и многих других антропоцентрически ориентированных направлениях лингвистической науки. Как известно, языковая картина мира содержит устойчивые представления носителей языка и о важнейших географических объектах: городах, странах, континентах. Исследователи, работающие в области гуманитарной географии, говорят о том что представления о подобных объектах концентрируются вокруг определенного культурно-географического образа, который не относится к области естественнонаучного знания, а представляет собой комплекс устойчивых пространственных и культурологических представлений, являющихся компактными моделями определенного географического пространства и возникающих «в результате пересечения и взаимодействия различных географических или парагеографических понятий»¹.

Одним из источников, позволяющим реконструировать динамику представлений о том или ином географическом объекте (в данном случае — об Испании), является ассоциативно-вербальная сеть, в которой собственно географические реалии интерпретируются как культурно-ценностные явления.

С целью реконструкции и выявления динамики культурно-географического образа Испании в сознании носителей русского языка были проанализированы материалы «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова (далее РАС), который построен на материалах свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов московских университетов в 80–90-е годы XX века и данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2014 году среди студентов филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге (95 человек).

Как известно, в первую часть словаря, построенную по принципу «от стимула — к реакции», составители отбирали наиболее актуальные для носителей русского языка лексемы (их актуальность определялась на основе частотных, семантических и других словарей русского языка)². К сожалению, в эту часть словаря не попали интересующие нас лексемы «Испания», «испанский», «испанец». Однако в нее были включены два стимула, имеющие непосредственное отношение к Испании, это *Дон Кихот* и *Дон Жуан*. Сам по себе этот факт уже свидетельствует о «литературоцентричности» восприятия Испании носителями русского языка последней четверти XX века, поскольку *Дон Жуан* воспринимается нами прежде всего не как реальное историческое лицо (дон Хуан Тенорио или дон Хуан де Маранья), а как герой знаменитой севильской легенды, получившей вслед за пьесой Тирсо де Молина множество интерпретаций в мировой литературе, музыке и кинематографе. «Литературоцентризм», или «книгоцентризм» сознания российской молодежи второй половины XX века очень точно передан в известном стихотворении В. Высоцкого «Книжные дети»: *И злодея следам / Не давали остыть, / И прекраснейших дам / Обещали любить, / И, друзей успокоив / И близких любя, / Мы на роли героев / Вводили себя.*

Содержание названных ассоциативных полей позволяет говорить о том, что представления студентов о *Дон Жуане* содержат следующие направления ассоциирования: связь с прецедентными именами (*Испания, Пушкин, Высоцкий*); связь с литературным произведением (*герой, персонаж, книга, произведение, роман, Пушкин*). Сам герой получает как негативную оценку (*зверь, козел, плохой*), так и позитивную (*интеллигент, очаровашка*). Показательно, что в сознании носителей русского языка активно функционирует очень длинный синонимический ряд к понятию *Дон Жуан*, зафиксированный в его ассоциативно-вербальном поле: *бабник, ловелас, Казанова, альфонс, кобель, изменник, обольститель, озабоченный, любитель женщин, развратник, сердцеед, соблазнитель, повеса.*

Содержание ассоциативно-вербального поля *Дон-Кихот* свидетельствует о близком знакомстве респондентов с текстом романа Сервантеса. Это и прецедентные имена (*Ламанчский, Санчо Панса, Дульсиня*) и конкретные реалии (*рыцарь, мельница, путешественник, воин, кляча, лошадь, мельницы*). В ассоциативном поле содержатся как негативные оценки личности героя (*романтик, рыцарь, добрый, молодец*), так и негативные (*придурок, больной, дурак, идиот, нелюбимый герой, ненормальный, осел*).

Возвращаясь к общему образу Испании, следует отметить, что в обратном словаре, построенном по принципу «от реакции — к стимулу» зафиксирован ряд ассоциаций: «испанец» на стимулы *ловелас и ревность* «Испании» на стимулы *король* и *правительство*; «Испания» на сти-

мулы *Дон Кихот, Дон Жуан, поездка, сапог, Франция*; «испанская» на стимул *кухня*; «испано-русский» на стимул *словарь*; «испанский» на стимулы: *акцент, кинофильм, французский, характер*. Как видно из этих материалов, студенты имели некоторые представления об истории и государственном устройстве страны (*король, правительство, сапог (испанский сапог)*); испанском кино (*кинофильм*), характере и темпераменте (*характер, ревность, ловелас*), языке (*акцент, словарь*) и, конечно же, о литературе (*Дон Кихот, Дон Жуан*). Кроме того, Испания в сознании студентов оказалась связанной с Францией.

С целью сопоставления культурно-географического образа Испании, зафиксированного в сознании студентов в последней четверти XX века, с современными представлениями в 2014 году был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди студентов филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена (70 человек). На данный студентам стимулы *Испания, испанский, испанец* было получено более 1000 реакций. Анализ этих ассоциативных реакций позволил выделить следующие направления ассоциирования, не зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре»:

- географический образ Испании, который формируют конкретные географические объекты, а также представления о ландшафте и климате страны: *Мадрид, Барселона, Гранада, Коста-Брава, Майорка, Жирона, Сарагоса, Севилья, Сьера Морена, острова, море, жарко, горы, солнце, побережье*;
- широкие представления об испанской кухне (в этом ассоциативном векторе появились наименования конкретных блюд, напитков и продуктов): *паэльля, хамон, вино, алкогольные напитки, красное вино, сангрия, хорошее вино, дешевое вино, апельсины*;
- представители испанского искусства: *Гауди, великий Гауди, Саграда Фамилия, парк Гюэль, Пикассо, Сальвадор Дали, Гала*;
- футбол: *футбол, настоящий футбол, Реал Мадрид, клуб «Барселона»*;
- коррида: *коррида, быки, бой быков, тореадор, тореро*;
- Испания как большая туристская зона и зона шопинга: *курорт, престижные курорты, побережье, пляжи, турист, средиземноморские пляжи, русский турист, шопинг, хороший шопинг, «Зара»*;
- реальный образ Испании и испанцев: *платаны, бульвары, кафе, дешевый кофе, сестра, красивые мужчины, открытые люди, громко говорят, дружелюбный народ, комфортно общаться, весело, фламенко, танцы, сальса, танго, кино, музыка, гитара, все сидят в кафе, красивая одежда*.

Однако некоторые направления ассоциирования, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре», значительно редуцировались или оказались вовсе утраченными.

Например, исчезли ассоциации, связанные с историей Испании. Ассоциативный ряд студентов оказался в большей степени связанным с современной Испанией и ее каждодневной жизнью. В ассоциативно-вербальном поле современных студентов оказались единичными реакции *Дон Жуан* и *Дон Кихот*, которые явились его основными репрезентантами в «Русском ассоциативном словаре».

На предложенные им дополнительные стимулы *Дон Жуан* и *Дон Кихот* они дали значительно меньшее число реакций по сравнению со студентами последней трети XX века. В их ассоциативном поле отсутствуют реакции, свидетельствующие о близком знакомстве с текстом великого романа Мигеля де Сервантеса Сааведра (отсутствуют имена персонажей и многие конкретные реалии). Нет в нем и яркой оценочности, зафиксированной в РАС. С именем Дон Жуана у студентов связаны общие представления о герое-любовнике и соблазнителе. Среди реакций — имен собственных зафиксированы только *Пушкин*, *Маленькие трагедии* и *Высоцкий* (исполнитель роли Дон Жуана в художественном фильме М. Швейцера «Маленькие трагедии»). Стимул *Дон Кихот* связан у студентов с общими представлениями о справедливости, благородстве, мечтательности и ветряных мельницах. Многие из них назвали имя Сервантеса.

Изменения, произошедшие в мире, которые связаны с открытостью границ и свободой передвижения, массовым развитием туризма, общей девербализацией сознания и многие другие факторы повлияли на образ Испании, существующий в сознании российских студентов. Их интерес к Испании в целом увеличился. Это произошло не столько благодаря знанию ее истории, великой культуры и литературы, о котором они узнавали из учебников и других книг, а благодаря возможности встретиться с открытыми доброжелательными людьми, ощутить неповторимую атмосферу реальной страны, в которую они смогли окунуться и которую полюбили. Можно, наверное, сказать, что на смену «литературоцентричности» восприятия Испании, характерной для XX века, пришла «другоцентричность», ставшая основой нового образа Испании в сознании носителей русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов — СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

² Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Том 1/ Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: АСТ-Астрель, 2002. С. 752

Vasileva G. M.

DYNAMICS OF ASSOCIATIVE AND VERBAL FIELD "SPAIN" IN THE CONSCIOUSNESS OF NATIVE-SPEAKERS OF RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the identification of the changes in the perception of Spain that have occurred in the consciousness of native-speakers of Russian language. These changes are determined on the basis of the comparison of directions of association, which have been recorded in the "Russian Associative Dictionary" under the editorship of Ju. N. Karaulov and the results of an open associative experiment carried out among the students in Saint-Petersburg, Russia.

Keywords: associative and verbal field, cultural and geographical image, directions of association, linguistic world view.

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Доклад посвящен герменевтическому анализу регулятивного принципа языка традиционной духовной культуры. По мнению автора, ее главным регулятивным принципом является антропоцентризм и как производный от него принцип социализации нравственных постулатов.

Ключевые слова: русские диалекты, традиционная духовная культура

Осмысление языка любой культуры начинается со слова, с постижения его словаря. Исследователь, обратившийся к изучению языка культуры, неизбежно сталкивается с необходимостью семантического анализа слова и тех мотивационных признаков, которые актуализируются в языкотворческом акте, ибо эти признаки есть неотъемлемое свойство всякого объекта — реального или ирреального. В основе их лежит интерпретация субъектом действительности, при этом любая интерпретация есть результат культурной рефлексии. Выбор того или иного мотивационного признака, как показывают исследования, не является случайным, он предопределен языком культуры, той культурной информацией, которая соответствует главному «регулятивному принципу эпохи»¹, ее сущностной характеристике. Поэтому внутренняя форма слова, система его значений являются часто отражением категориального членения мира не с точки зрения его объективной реальности, а с точки зрения осмысления его человеком — продуктом определенных эпох.

Традиционная духовная культура характеризуется довольно хорошо проработанным ландшафтом диалектного слова. Диалектологи собрали богатый урожай с поля диалектологии, доказательством чему служат многочисленные диалектные словари, монографии, диссертации и атласы. В этих работах представлены самые разные аспекты языка традиционной духовной культуры русского народа — от микрокосма (см., например, исследования, посвященные названию терминов родства, семейным отношениям, отдельным характерологическим особенностям человека, его воспитанию, социальному статусу и проч.) до макрокосма (см., например, работы, посвященные описанию различных участков семантической сферы «Природа»: названию грибов, ягод, трав, особенностям ландшафта, метеорологии и т. д.). В связи с этим закономерно встает вопрос, что объединяет все эти семантические сферы языка традиционной духовной культуры, является ли их существование в языке стихийным, хаотическим или оно подчинено некоему системному принципу? Что стоит за этой мозаикой лексико-семантических и тематических групп?

Ответ на этот вопрос найти не просто. Однако если исходить из того, что «культура живет и развивается в языковой оболочке, влияя на ее характер и состояние»², то ответ на этот вопрос следует искать в самой этой оболочке, т. е. в языке традиционной духовной культуры. Тем более что «облеченная в языковую оболочку культура «говорит» с человеком и существует в непрестанном диалоге с ним»³. Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы «прислушаться» к ее языку, ибо, по мысли немецкого философа Мартина Хайдеггера, не люди говорят «языком», а язык «говорит людям».

При этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое «связано с мировосприятием данного этноса/народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и/или верой (имеется в виду не только и не столько прямое дескриптивное выражение знаний и представлений о мире, например в виде основного мифа, но прежде всего скрытое, пронизывающее язык и речевые произведения преломление категориальных оснований культуры)»⁴.

Но как и в чем искать конкретное основание пугающе пестрого и разнородного материала «языка культуры». Думается, что его основой является **смысл**. Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. Смысл связан со стимулом, и в частности, с языкотворческим. Поэтому для лингвиста ключом к тайнам многослойного смыслового универсума любой культуры является язык, именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира.

Но для того, чтобы говорить о содержании той или иной культуры, нужно найти ее ведущую культурную мотивацию. А для этого необходимо понять, как устроен ее язык, определить тот главный **регулятивный принцип**, который управляет ее языком, ценностями, схемами их восприятия. Регулятивный принцип языка той или иной культуры пронизывает всю лексическую систему языка, оказывая влияние не только на восприятие предметов и явлений внешнего мира, но и на их интерпретацию. Именно он придает смысл и значение каждому языкотворческому акту, объединяет в одно единое целое лексико-семантические и тематические группы лексики, позволяя понять логическое основание их выделения в языке культуры. Благодаря ему достигается свойство семантической непрерывности словаря, поскольку «в языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других»⁵, организуя всю понятийно-логическую концептосферу языка этой культуры.

Существование регулятивного принципа языка традиционной духовной культуры говорит о том, что язык — это не пассивная хаотическая объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное слово-

творчество, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Сам процесс «означивания» предметов и явлений внешнего мира в этом языке представляет измерение их значимости для диалектоносителей, поскольку механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, что было важным для языкового сознания человека той или иной культуры, ибо, чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его.

Открыть этот принцип возможно лишь в том случае, если изучаются не единичные, произвольно выбранные слова (логично укладываемые в концепцию исследователя), а весь корпус словаря языка той или иной культуры. Только так можно избежать субъективности в оценке и отборе материала и обеспечить надежность выводов, т. е. необходим системный подход к изучению ее лексикона. Культурная информация, существующая в языке большей частью в непроявленном, латентном состоянии, при системном подходе к описанию слова неизбежно должна проявиться, т. к. механизмы языкового словотворчества всегда включаются избирательно. В любом языке лексически маркируется то, что является биологически, социально или культурно значимо в сознании народа, и то, «что не описывается на этом языке, как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения»⁶. И эта лексическая избирательность позволяет понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека. А поскольку «смысл никогда не ограничивается «пространством» одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу»⁷, то одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие — довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и есть тот ключ, который позволит открыть «сокрытые смыслы» языка любой культуры.

Многочисленные диалектологические исследования, материалы «Лексического атласа русских народных» говоров позволяют высказать предположение, что ведущая культурная мотивация языка русской традиционной духовной культуры связана с человеком.

Человек является своеобразной точкой отсчета в познании мира, поэтому мир осваивается человеком «от себя», ср., например, такую особенность восприятия пространства человеком, как стремление определить и измерить его своим телом (*пяденица* ‘мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев’ Тамбов., Пск., Волог., СРНГ⁸ 33: 210; *рука* ‘мера длины, равная ширине сжатой в кулак ладонь’ Калинин., Волхов., Ильмень, СРНГ 35: 238; *нога* ‘участок земли, луга’ Арх.: *На своей ноге зарод сена поставлю* СРНГ

21: 264; *плечо*, ‘мера длины от кисти одной руки до плеча второй руки’ Волхов, Ильмень, СРНГ 27: 135 и т. д.).

Причем это не просто человек — это человек-крестьянин, жизнь которого подчинена размеренному ритму крестьянского труда, о чем свидетельствует глубокая семантическая проработанность тех участков этой семантической сферы, которые связаны с обработкой земли и в целом с сельским хозяйством. Это его взгляд отражается в именах, указывающих на время вспашки парового поля (*пары* Костром., Вост., СРНГ 25: 250); время вывоза навоза на пашню (*навозница* Влад., Нижегород., Костром., Яросл., Волог., Твер., Калуж., Пск., СРНГ 19: 175); время, когда сеяли яровую рожь (*ярица, яровица* Яросл., ЯОС⁹ 10: 93–94); время посадки огородных растений (*посад* Костром., СРНГ 30: 132); время прополки (*полотьё* Иркут., Пенз., Новосиб., Волог., СРНГ 29: 126); время жатвы (*зажинка, зажинуха* ‘время начала жатвы’ Яросл., ЯОС 4: 72; Вят., Том., СРНГ 10: 87); время сенокоса (*закоски* ‘время начала сенокоса’ Яросл., ЯОС 4: 76); время складывания хлеба в скирды (*кладево* Вят., Краснояр., Иркут., Тюмен., Тобол., СРНГ 13: 254); время молотбы (*молотенья* Арх., СРНГ 18: 239); время уборки картофеля (*покопки* ‘время окончания копки картофеля’ Латв., СРНГ 28: 427); время дойки коровы (*наполдень* ‘время дневной дойки коров’ Яросл., ЯОС 6: 107) и т. д.

Лексическое выделение этих временных периодов является не просто осмыслением и обобщением коллективного жизненного опыта, а свидетельством того значения, которое придавал им крестьянин в своей хозяйственно-практической деятельности. Такое обилие имен, структурирующих бытовое время в самых разных аспектах, говорит о том, что человек стремился строго регламентировать во времени тот или иной вид работы, ибо «выбор «правильного» времени являлся неперемным условием успеха любого начинания: сева, жатвы, выгона скота на пастбище, закладки дома, снования полотна, сватовства и т. д.»¹⁰, т. е. категория времени служила регламентации хозяйственной деятельности и в целом всей жизни человека.

Особенно ярко присутствие человека прослеживается в семантической сфере «Природа», ибо «человеческие» признаки являются неотъемлемой частью любого ее номинативного участка. Они используются **либо прямо**, (ср., например, многочисленные названия растений, в основе которых лежат термины родства с корнями *баб-*: *бабка* 1) ‘растение сем. подорожниковых’ Юго-Зап.; 2) ‘гриб боровик’ Смол., СРНГ 2: 21; *дед-*: *дед* ‘бодяк полевой’ Брян., СРНГ 7: 205; *дедок, дедки* ‘лопух с колючими листьями’ Орл., Смол., СРНГ 7: 206; *мат-*: *материнка* ‘земляника’ Волог., СРНГ 18: 24; *брат-*: *братики* ‘растение Иван-да-Марья’ Южн., СРНГ 3: 157; *сестр-*: *брат с сестрой* ‘растение Иван-да-Марья’ Тамбов., Ворон., Курск., СРНГ 37: 233; *сын-*: *сын-без-отца* ‘безвременник осенний’ СРНГ без указ. места 43: 135 и т. д.); **либо опосредованно**, через

восприятие или действия человека (ср., например, названия: *бредник* ‘отмель, поросшая водорослями, которую можно пройти в брод’ Беломор., СРНГ 3: 171; *вонючка* ‘хорь’ ЛАРНГ; *непроходь* ‘топкое, непроходимое болото’ СРНГ без указ. места, 21: 134; *непашь* ‘истощенная земля, утратившая плодородие’ Пенз., Иван., Ворон., СРНГ 21: 108 *обдуванчик* ‘одуванчик’ Калуж., СРНГ 22: 24; *плоскоместье* ‘равнина’ Ворон., СРНГ 27: 146; *солонуха* ‘гриб, идущий на засолку’ Твер., Даль¹¹, IV: 268 и т. д.).

Присутствие человека в языке традиционной духовной культуры проявляется и в том, что разные участки семантической сферы «Природа» лексически проработаны не одинаково. И эта неравномерность в распределении смысловой информации является ярким свидетельством проявления его жизненных интересов. Описывая русскую языковую картину мира сквозь призму словообразования, мы обратили внимание на то, что наибольшая ее лексико-словообразовательная детализация наблюдается на семантическом участке «Растительный мир»¹², что свидетельствует о земледельческих приоритетах русского человека, его связях в первую очередь с растительным миром.

Описание человека в языке традиционной духовной культуры ведется с позиций социальной нормы. Собственно «природный» человек противопоставлен человеку «социальному». Не случайно в традиционной духовной культуре существует множество ритуалов, связанных с социализацией человека. В его поведении отчетливо прослеживается социоцентризм, т. е. ориентация на других. Объясняется это тем, что традиционная духовная культура — это коллективистски ориентированная культура, культура безраздельного господства социальной этики.

О социоцентризме языка традиционной духовной культуры свидетельствует факт существования обширного пласта лексики, характеризующей человека с точки зрения его способности жить в обществе и соответствовать тем социальным нормам общечеловеческого, которые в нем закреплены (ср.: *ветлый* ‘приветливый, ласковый; милый; общительный’ Пск. *Соседи — ветлые люди* Смол., Калуж., Калинин. Ч-к¹³: 77; *вожеватый* ‘вежливый, ласковый, приветливый’ Яросл., Влад., Костром., Нижегород., Новг., Олон., Арх., Перм. // ‘общительный, веселый’ Яросл., Волог., Костром., Олон., Ч-к: 84 и т. д.).

Социальные мотивы звучат и в лексике, описывающей человека с точки зрения его отношения к труду, к хозяйству и шире — к собственности, его социального статуса, воспитания и т. д., а главное — с точки зрения его отношения к нравственным нормам социума. Причем эти мотивы присутствуют даже в таких семантических группах лексики, которые далеки от социальной сферы (ср., например, обозначение красивого ~ некрасивого человека: *знаткий* 1) ‘видный, красивый’ Бурят.; 2) ‘известный, уважаемый’ Ср. Урал, Ч-к: 198; *неловкий* 1) ‘некрасивый’;

2) 'неуживчивый' Арх., СРНГ 21: 73; *выходной* 'красивый, выросший в хороших условиях' *Выходная была шибко дочь-та, скоко женихов сваталось*. Перм. Ч-К: 95; *знакомистый* 'красивый' Курск. // 'ласковый, вежливый, обходительный' Яросл., Даль, Пск. Ч-к: 197).

Ярким примером социализации человека может служить осмысленные слова, которое в традиционной русской культуре воспринимается как христианская этическая ценность (ср. *божье слово* 'молитва' Перм., Оренб., Сиб., СРНГ 3: 63). Эта духовно-христианская направленность в восприятии слова проявляется и в том, что оно осмысливается как категория этики, формирующая нравственные основы человеческих отношений, и прежде всего сострадания (ср. *дать ласковое слово* 'утешить' Калуж., Жиздр., СРНГ 38: 294; *словом принять кого-л.* 'пожалеть кого-л.' Свердл., СРНГ 38: 295).

При этом слово в языке русской традиционной культуры пережило своеобразную социализацию, ибо оно воспринимается и как категория социальная, в которой слово тесно связано с делом (ср. *Словом-делом* 'слово не расходится с делом, сказано— сделано' Новосиб., Тюмен.: *Ну и словом-делом, сел он и уехал* СРНГ 38: 295, или *словутный* 1) 'известный в каком-л. отношении (человек)' Олон., Карел., Арх., Волхов., Ильмень., Яросл., Свердл.// 'авторитетный' Кемер.: *Отец-то был словутный*; 2) 'богатый, зажиточный' Север., Олон.: *То ведь жирушка-то наша небогатая, а жите-то не словутное* СРНГ 38: 296).

Слово в языке крестьянской культуры осмысливается и как категория аксиологическая, обладающая высокой ценностью, отсюда так много русских народных пословиц, в которых определяется ценность слова, ср. *добрым словом и бездомный богат; ласковое слово, что великий день; слово закон, держись за него, как за кон; не дав слово — крепись, а дав слово — держись* и др. (Даль, Пословицы¹⁴). Наделяя слово ценностью, культура накладывает запрет на «разбазаривание» этой ценности, поэтому язык относится отрицательно к многословию, к пустым, бессодержательным разговорам (ср. *брехото* 'болтовня, пустословие' Волог., СРНГ 3: 177; *лясы* 'болтовня, пустословие' Костром., СРНГ 17: 284; *пустоговорье* 'пустословие' Урал., СРНГ 33: 145). Об этом говорит и русская пословица: *Лишнее слово во грех вводит*.

Социализации подвергаются даже личные свойства и качества человека (ср.: *вихляй* 1) 'тонкий, худой и высокий человек' Ряз., Волог.; 2) 'ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек' Волог., Новг. // 'разиня, ротозей, нерасторопный человек' Тамб.; 3) 'лодырь, лентяй' Смол., Влад.; 4) 'неуживчивый человек' Олон., Ч-к: 81).

Все это дает основания для заключения о том, что **главным регулятивным принципом языка традиционной духовной культуры является антропоцентризм** и как производный от него **принцип социализации нравственных постулатов** этой культуры. Какую бы семантическую сфе-

ру языка мы ни рассматривали, мы всегда будем возвращаться к человеку, ибо это его взгляды, его интересы и потребности получили свою конкретизацию в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 296.

² Кармин А. С. Основы культурологии. Мифология культуры. СПб., 1997. С. 86.

³ Телия В. Н. Реконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1999. С. 92.

⁴ Виноградов В. А. Языковая семантика в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 462.

⁵ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 75.

⁶ Успенский Б. А. История и семиотика // Избр. труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры М., 1994. С. 10.

⁷ Топоров В. Н. Предисловие к книге В. Айрапетяна Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992. С. 16.

⁸ СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1-. М.; Л., 1965-

⁹ ЯОС — Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль 1981–1991. Т. 1–10.

¹⁰ Толстая С. М. Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 28.

¹¹ Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980.

¹² Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. С. 223.

¹³ Ч-к — Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. М., 2007.

¹⁴ Даль. Пословицы — Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2004.

Vendina T. I.

THE RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE THROUGH THE PRISM OF THE DIALECT WORD

The paper deals with hermeneutical analyses of the regulatory principle in the language of the traditional spiritual culture. For the author's opinion, its main regulatory principle is anthropocentrism and, as its derivative, the principle of the socialization of moral postulates.

Keywords: Russian dialects, traditional spiritual culture.

Вильегас Кара Франсиско Мануэль

Гранадский университет, Испания

fvillegasc1@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В. В. ПУТИНА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются разные аспекты формирования политического дискурса президента Российской Федерации, предпринимаются попытки определить отношение между дискурсивными элементами (слова, выражения, метафоры, стиль и т. д.) и раскрыть идеологическую основу данного дискурса. Для этой работы мы рассмотрели конкретные выступления российского президента. С одной стороны, отобрали языковые элементы из его ответов в передаче «Прямая линия с Президентом», начиная с 2001 года и до 2014 года. С другой стороны, проанализировали одно из его последних выступлений перед посланием Федеральному Собранию — его речь на «Форуме Действия» Общероссийского народного фронта в декабре 2014 года.

Ключевые слова: дискурс, идеология, язык, нарратив, русский, идентичность.

Дискурс и языкознание

Мы понимаем дискурс не только как речь или элемент языковой деятельности, но и как совокупность речевых и невербальных элементов, отражающих различные аспекты власти и одновременно борьбу за эту власть. Какими правилами мы руководствуемся при создании дискурса и какие способы используем — главные вопросы этого исследования. При этом важно учитывать, что в процессе формирования дискурса необходимо принимать во внимание важность взаимодействия разных научных областей: политологии, философии, языкознания, социологии и др.

Как подчеркнул Мишель Фуко, обладать дискурсом — значит обладать властью. В нашем современном мире государства и те, кто доминирует в средствах производства нарративов¹ (литература в широком смысле, кино, телевидение, образование и т. д.), не осуществляет свою политику с помощью прямого принуждения.

Для решения задачи мы будем опираться на критический анализ дискурса (КАД) — *Critical Discourse Analysis*, в основе которого лежит так называемая системно-функциональная грамматика, созданная английским лингвистом М. Хэллидеем. Он считает, что, во-первых, язык нельзя рассматривать как совокупность всех грамматических предложений (the set of all grammatical sentences) и, во-вторых, язык в первую очередь является системным ресурсом². В то же время мы не можем не учитывать влияние постструктурализма и его концепции дискурса. Постструктурализм учитывает не только элементы языка, но и рассматривает тесные связи между языком и властью. В постструктурализме мы говорим о существовании нарратива, и в этом случае тот, кто контролирует механизм образования дискурса, будет последовательно вызывать и отражать свой

«narrative» или мировоззрение. Формами проявления самосознания народа являются мифы, сказки, анекдоты, песни и т. д. И здесь мы можем найти первые элементы идеологии.

Политический дискурс

Политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»³. Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс».

Идеология

Нас интересует политический дискурс, поскольку он в большей степени активно демонстрирует свою способность быть средством управления в процесс формирования общественного мнения. Но для такого процесса в любом случае нужна основа, на которой элита сможет построить свой образец общества, государства. Такую основу будем называть идеологией. Бельгийский социолингвист Ян Бломмэрт⁴ перечисляет некоторые основополагающие положения концепции «идеологии», неоднозначно понимаемой в гуманитарно-общественных науках, в том числе и в лингвистике. По словам Бломмэрта, концепция идеологии восходит к двум традициям. Первая — это марксистская традиция, согласно которой анализ идеологии представляет собой связь между материальными и идеациональными аспектами деятельности человека. По мысли Маркса и Энгельса, продолжает Бломмэрт, идеологию следует понимать как неправильное сознание, т. е. сознание одного, а именно управляющего класса⁵. Позднее такие известные деятели общественных наук, как Грамси, Алтуссер, Хабермас и Бурдиэ (Gramsci, Althusser, Habermas, Bourdieu) разработали марксистскую концепцию идеологии. Например, в работах Нормана Фэркло⁶ их трактовка играет важную роль. Особенно ярко это отражается в представлениях Фэркло о связи между гегемонией и дискурсом.

Корни второй традиции идеологии, упомянутой выше, восходят к так называемой «дуркхеймской социологии»⁷, согласно которой идеациональные и культурные элементы, в противоположность мнению Маркса, нейтральны. Эти элементы нередко представляют собой основу культуры и общества, «несказанные» и имплицитные предположения, образующие своего рода общий «общественный цемент», который объединяет людей в коллективы, общества и культуры. Эта дуркхеймская концепция идеологии называется «тотальной концепцией» идеологии⁸.

Ван Дейк отмечает в своих работах, что государственная власть еще никогда не обладала таким аппаратом социально-когнитивного воздействия на субъекта, как сегодня⁹. Более того, как показывает практика современных политических решений, демократические институты не всегда в состоянии защитить общество от злоупотребления элитой власти.

Нелегитимные политические, экономические и даже военные меры могут приниматься вопреки общественному мнению или, как говорится в России, «на благо народа».

Отметим также проблемы национальной идеи. С нашей точки зрения, национальная идея — как и дискурс — не результат, а процесс. Нация, пишет Хоми Баба, — это «система культурных значений»¹⁰, которая реализуется во флагах, гимнах, памятниках, народных героях, образовательной практике, фольклоре и литературе. С другой стороны, идеи о России и «русском», нельзя рассматривать только как творение аппарата государственного управления. Нельзя считать их продуктом какого-нибудь инстинктивного народного чувства. Они являются производным одновременно от деятельности государства и народа, политики и практики.

Дискурс В. В. Путина

Как уже было сказано, говоря о дискурсе, мы рассматриваем не только аспекты речи Президента РФ, но и контекст разработки данного дискурса, а также ряд других элементов той атмосферы, в которой мы уже не только слушаем речь одного конкретного человека, но и воспринимаем в очень конкретном образе то, что нам представлено в форме вербальной коммуникации.

В. В. Путин выступил в роли лидера, в котором нуждалась страна, способного читать свои речи не «по бумажкам». Его политическую философию можно определить как либеральный консерватизм или «русский консерватизм», суть которого руководители партии, одним из которых является В. В. Путин, определили следующим: «...идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций»¹¹.

В связи с формированием конкретного *нарратива* в дискурсе В. В. Путина мы часто встречаем использование иронии и метафор, в которых местоимение «мы» противопоставляется местоимению «они», часто отражающему противопоставление Россия — Запад; русские — нерусские. Примеров на самом деле много. На «Форуме действия» Общероссийского народного фронта Президент РФ заявил: «*Они не унизили нас, хотя мы хотим их подчинить. Хотят за наш счет решать свои проблемы, хотят подчинить нас своему влиянию. Никогда ни у кого это в истории в отношении России не получалось, и ни у кого не получится*»¹². Этот очень яркий пример, где местоимение «они» уже ясно указывает на одно конкретное лицо. Перед нами конкретный языковой способ выражения соперничества между Россией и Америкой (если не Западом в целом).

Прямая линия

Передача «Прямая линия» — традиционное общение президента с гражданами в прямом эфире. Впервые она состоялась 24 декабря 2001

года. Тогда передача называлась «Разговор с Владимиром Путиным». Всего Владимир Путин общался с жителями России в прямом эфире 12 раз. Исключение составили 2004 и 2012 года, когда «Прямая линия» не проводилась.

В 2014 году многие вопросы были о ситуации на Украине. В целом можно сказать, что в своих ответах В. В. Путин пытается тоже инкорпорировать старые советские исторические мифы и традицию почитания прошлого в новую модель репрезентации российской истории, но делает это с большей интенсивностью. Российский Президент также использует ссылки на разные исторические факты и события. К этому еще можно добавить, что в последние годы существует тенденция к частому употреблению таких прилагательных, как «национальный» или «русский». Например, в «Прямой линии 2014» был задан вопрос о «русском народе». В его ответе российский президент подчеркнул следующее: «русский человек, или, сказать пошлее, человек русского мира, он прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало»¹³

Приведенные ниже данные демонстрируют, что прилагательные *русский, национальный* занимают все больше место в речи В. В. Путина:

Русский: 2001 — 6, 2005 — 8, 2011 — 15, 2014 — 27;

Национальный: 2001 — 4; 2005 — 5; 2011 — 19; 2014 — 24.

Заключение

Проанализировав конкретные примеры, мы пришли к выводу, что существует яркая тенденция к употреблению прилагательных «русский» и «национальный» в одном конкретном контексте, в передаче «Прямая линия», которая играет важную роль как средства коммуникации между Президентом РФ и россиянами. Данную передачу мы можем рассматривать как важнейший элемент политического дискурса Путина, более важный для нашей работы, чем, например, Послание Федеральному Собранию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По определению психологов и философов Рома Харре и Йенса Брокмейера, нарратив — это совокупность «лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством».

² Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1985.

³ Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // Сов. полит. яз. (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 63 с.

⁴ Blommaert J. Language Ideology // Keith Brown, (Editor-in-Chief) Encyclopedia of Language & Linguistics, Second Edition. Vol. 6. Oxford: Elsevier. 2006. P. 510–522.

⁵ Ibid. P. 511.

⁶ Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989.

⁷ Французский социолог и философ Emile Durkheim (1858–1917).

⁸ Blommaert J. Op. cit. P. 557.

⁹ Van Dijk T. Дискурс и власть. М.: URSS, 2013.

¹⁰ Homi Bhabha (ed.). Nation and Narration. London, 1990.

¹¹ В 21 ноября 2009 председатель Государственной Думы Борис Грызлов, выступая на XI съезде партии, представил новую программу «Единой России». См.: Грызлов Б. Идеология стабильности и развития // Стратегия России. 2009. № 12.

¹² Выступление В. В. Путина на Форуме Действий» Общероссийского народного фронта. URL: <http://www.interfax.ru/russia/407958> 18.01.2015

¹³ Прямая Линия с Президентом, 2014. URL: <http://kremlin.ru/news/20796#sel=591:22,591:50>

Villegas Cara Francisco Manuel

VLADIMIR PUTIN'S POLITICAL DISCOURSE AS AN ELEMENT IN THE CREATION OF NATIONAL IDEOLOGY IN RUSSIA

The article deals with different aspects in the formation of Russian President's political discourse. Author's task was to try to determine the relationship between the discourse elements (words, phrases, metaphors, style, etc.) and to reveal the ideological foundation of this discourse. For this work, the author had to look to specific texts of the Russian President: some elements were collected from his answers in the TV program "Direct Line with the President" since 2001 to 2014, and from one of his last appearances in 2014 before his speech to the Russian Federal Assembly, at the forum "Deistvie" of the Russian Popular Front in December 2014.

Keywords: discourse, narrative, language, identity, *russkiy*.

Винникова Татьяна Александровна
Федорова Мария Александровна

Омский государственный технический университет, Россия

vitalexa@rambler.ru, sidorova_ma79@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ КИНОТЕКСТА В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье исследуется детерминированность смыслопорождающих механизмов понимания кинотекста культурными кодами этноязыкового сознания реципиента. В силу того, что реализуемые кинотекстом культурные коды могут быть расшифрованы получателем кинематографического сообщения максимально приближено к замыслу отправителя при условии включенности всех участников коммуникации (продюцент — текст — реципиент) в единый культурный контекст, то при рецепции инокультурного кинотекста возможна нулевая рецепция кинематографических кодов или замена их кодами своей культуры.

Ключевые слова: концептуальная система, рецепция, лингвокультурный код, кинотекст.

Восприятие и понимание текста во многом определяются рядом факторов, оказывающих влияние на рецепцию текста. Поскольку рецепция любого текста происходит с опорой на концептуальную систему индивида, которая воспринимает и структурирует поток информации, формирование ментальной репрезентации текста определяется соотношением систем понятий, которыми оперируют отправитель и получатель информации, то есть общими и специальными знаниями реципиента и продюцента.

Данные знания непосредственно связаны с концептуальной системой индивида и определяют ее специфику, находящую отражение в языковой картине мира субъекта. Поскольку понимание представляется как процесс, строящийся на взаимодействии концептуальных систем индивидов (продюцента и реципиента), то, чем больше общность последних, тем адекватнее понимание¹. В случае принадлежности автора текста и воспринимающего индивида к одной лингвокультуре можно ожидать меньшего расхождения в ментальных репрезентациях текста продюцента и реципиента в отличие от ситуации понимания инокультурного текста. В таком случае автор и воспринимающий индивид оказываются носителями разных культур, в связи с чем возникает необходимость адаптации образов другого национального сознания на базе имеющихся знаний и представлений, сформировавшихся в родной культуре. Если автор и реципиент находятся в разных лингвокультурных сообществах, задача по осмыслению текста усложняется, поскольку требует от иноязычных реципиентов не только сформированных лингвистической, лингвокультурологической и коммуникативной компетенции, но и приобщения к иному национальному сознанию².

Предполагается, что одной из форм выражения национального сознания и частью национальной культуры является кинематограф и продуцируемые им кинотексты, поскольку, кино, как вид искусства,

отражает специфические черты менталитета народа, его национальные ценности и модели поведения³.

Для того чтобы определить, чем именно отличается понимание и последующая интерпретация кинофильма реципиентом «родной» и «чужой» тексту культуры, были проанализированы интерпретации кинотекстов британских и русских зрителей, сформированные в результате просмотра исторической драмы «Агония» (Режиссер Элем Климов, сценарий: Семен Лунгин, Илья Нусинов. Производство: СССР 1974–81 год).

Зрительская интерпретация кинотекстов, представляющая собой рефлексию над пониманием текста, была получена путем реконструкции разных типов зрительских реакций на кинофильм и их последующего анализа. Рассматривались эссе, полученные непосредственно после просмотра фильма в группах студентов 2–4-го курсов филологического факультета Омского государственного университета и студентов технических специальностей 2–5 курсов Омского государственного технического университета, а также отзывы, зафиксированные на англоязычном сайте www.imdb.com и характеризующиеся указанием каждым автором-участником форума своей страны проживания. Подобное указание позволило отобрать из всех отзывов только те, что принадлежат авторам-британцам, не принимая во внимание ответы участников из других стран и, соответственно, сужая круг реципиентов до одной лингвокультуры.

Особого внимания заслуживает тот факт, что главные персонажи фильма «Агония» репрезентируют реальных людей (Николай II, его супруга, цесаревич, Распутин и т. д.). Таким образом, у зрителей, особенно у носителей той же лингвокультуры, что и кинотекст, еще до просмотра есть сложившиеся образы данных людей, характер их взаимоотношений и т. д. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова⁴, и в русской, и английской культуре сохраняется положительный образ монарха, закрепленный и отраженный в языке, а именно во фразеологически устойчивых единицах, содержащих позитивные коннотации в отношении монархии, ее власти, неделимости царства/королевства, превозношения монарха (Например, *'The King can do no wrong'*, *'The King's word is more than another man's oath'* и *'Где царь, там и правда'*, *'Без царя народ супота'*). Тем не менее можно предположить, что для современной концептуальной системы русских и англичан характерно более сложное представление взаимоотношений «монархия — общество», сложившееся в результате утраты фактической власти монархами (как в России, так и в Великобритании), что должно оказать влияние на восприятие и понимание кинотекстов, в центре которых стоит вопрос отношения «монарх — народ».

Для сопоставительного анализа было получено 46 русских и 40 английских отзывов-реакций на фильм «Агония» (средний объем — 20 предложений).

Общая оценка исторического фильма «Агония» русским зрителем в основном выражается достаточно экспрессивными положительными высказываниями (61% от всех зрительских реакций): *«Фильм великолепен!»*, *«По-моему, это гениальный фильм»*. Оценка распространяется как на весь фильм целиком: *«Работа Климова — это все гениально»*, так и на его отдельные кинематографические составляющие: *«Гениальная музыка Шнитке»*, *«Верно и точно подобранные документальные кадры»*. Отрицательные оценки единичны: *«Глупый фильм»* (4%).

Высокая оценка также характерна для большинства отзывов британских реципиентов (37% от всех британских отзывов): *'The film is in anyway a masterpiece'*. Однако из некоторых зрительских реакций следует, что кинотекст вызвал непонимание и неприятие (17%): *'An hysterical and overly melodramatic biopic' 'But it's not entertaining'*. Подобное неприятие можно объяснить неверной установкой на фильм инокультурного зрителя, например, ожиданием текста развлекательного характера (*'But it's not entertaining!'*) или раскрывающего определенные исторические вопросы: *'Why is this such a dull, turgid movie? I still await the film that will give me some understanding of the phenomenon of Rasputin'*. Очевидно, что возникшее в результате просмотра чувство обманутого ожидания (так как у зрителя изначально была установка на фильм о феномене Распутина) является причиной более низкой оценки кинофильма инокультурным реципиентом.

Так как жанр данного фильма подразумевает авторскую интерпретацию некоторых исторических событий и их оценку, сходство или расхождение зрителя с авторской позицией может обуславливать оценку достоверность — недостоверность фильма в целом. 11% русских зрителей отметили недостоверность «Агонии»: *«Режиссер берется за то, о чем представления не имеет»*. Однако 48% воспринимают фильм как исторически правдоподобный: *«Такова история нашего отечества!»*, *«Но еще более мне пришла по душе правда в фильме. Я словно понял что-то, хотя, казалось бы, чего нам неизвестно о том злом времени?»*. «Достоверность» для русского реципиента заключается в воспроизведении атмосферы, духа времени, о котором у отечественного зрителя есть сложившиеся представления и о котором, как считает сам зритель, он достаточно осведомлен: *«Художественный фильм не может претендовать на документалистическую точность, хотя сам дух времени, суть событий изложены верно»*, *«Главное в фильме — изображение эмоционального состояния того времени. Передано оно в фильме с небывалой мощью и в то же время точностью»*.

Примечательно, что у инокультурного реципиента такой компонент оценки как правдоподобность — неправдоподобность отсутствует. Вероятно, что кинотекст служит для британского зрителя источником исторической информации, правдивость которой он не берется оценивать,

так как не обладает достаточной осведомленностью: *'If this was so, Russian society from 1905 1917 was truly lawless and degenerate'*.

Отмечается существенное расхождение у реципиентов разных культур восприятия персонажей кинотекста. Русский зритель отмечает *символичность образа Распутина (11%)*: «Атмосфера неуправляемого, стихийного хода истории сконцентрирована в фигуре Распутина», «Распутин искуситель, вселяющий бесовскую атмосферу».

Для британцев он экстраординарная личность в мировой истории (68%): *'He is a man who finds himself with more power than he knows what to do and with no real plans to put into effect. He is an opportunist who may well believe in his own powers', 'The mad monk is an evil force in Russian politics'*. Образ Распутина для инокультурного зрителя оказывается недостаточным раскрытым: *'As the viewer we are left to wonder, what do these people see in him, how does he control them so?', 'Rasputin is portrayed as a completely insane person. We get no insight at all into his personality'*. Такое восприятие персонажа, очевидно, свидетельствующее об установке реципиента на данный кинофильм как на фильм-биографию конкретной личности, может объяснять то, что оценка фильма в целом оказывается ниже, чем у русского реципиента. Такое снижение может являться результатом обманутого ожидания инокультурного зрителя на всесторонний психологический портрет центрального персонажа.

Восприятие образа Императора также характеризуется значительным несовпадением у представителей разных культур. У русского зрителя он получает невысокую оценку (67%): «У власти пребывает, безвольный, бесхарактерный царь Николай, II, бессильный что-либо исправить или изменить», «Абсурдно поведение царя, слепо верующего, что народ любит его». Стоит отметить, что сложившийся до просмотра образ Императора не входит в противоречие с образом, полученным в результате восприятия кинотекста: «Я увидела того, кого ожидала. Фигура его трагична, но он не вызывает жалость». Напротив, у инокультурного зрителя фигура царя вызывает, прежде всего, сочувствие и получает более положительную оценку (20%): *'It gives us an almost sympathetic picture of Czar Nicolas, presented as a befuddled, weak but essentially decent man, dependent on his superstitious wife', 'a sympathetic figure'*.

Данное несходство восприятия персонажей свидетельствует о значительном расхождении национально обусловленных образов сознания, зафиксированных в русской и английской культурах, в отношении последнего русского монарха и его окружения.

Таким образом, сопоставив возникающие в результате рецепции ментальные репрезентации содержания кинотекста зрителей разных культур — «родной» и «чужой», была определена зависимость понимания кинотекста от лингвокультурной принадлежности воспринимающего индивида. Анализ зрительской реакции показал, что общеоценочное

отношение к кинотексту, понимание его содержания, восприятие персонажей находятся в непосредственной зависимости от национально обусловленных когнитивных структур. Максимальное совпадение содержания кинотекста отмечается относительно оценки авторов фильма и киноактеров, меньшее — в оценке фильма в целом и его художественного воздействия на зрителя. Большее расхождение отмечено в восприятии тематического содержания и образа персонажей.

Таким образом, в целом положительно оценивая фильм, «зрители разных лингвокультур видят в нем каждый свою проблематику и воспринимают киногероев через призму своих культурных представлений о соответствующих исторических личностях»⁵. Инокультурный зритель, воспринимая чужой его культуре текст, может не понять ряд значимых кинематографических кодов, что приводит к их нулевой рецепции или замене кодами своей культуры. Примером может служить отмеченные русским зрителем музыкальное сопровождение фильма «Агония» («Гениальная музыка Шнитке»), удачный подбор документальных кадров («Верно и точно подобранные документальные кадры») и отсутствие подобной интерпретации у инокультурного реципиента.

Таким образом, несходная когнитивная база реципиентов, хранящая культурно-детерминированное знание, опыт, ценностные установки и стереотипы, оказывает влияние на формирование ментальной репрезентации содержания кинотекста, так что можно говорить о лингвокультурной принадлежности как об одном из решающих факторов в рецепции кинотекста.

Стоит отметить, что в ряде случаев зритель не просто подчеркивает совпадение/расхождение личностных смыслов со смыслами текста («Я так себе все и представляла», *'I was astounded of how real the film seemed'*), но и отмечает изменения указанных смыслов, происходящих в результате восприятия и понимания кинотекста: *'I almost ended up liking him, myself and I can't stand the bloke in real life'*. Данное явление может свидетельствовать об изменении индивидуальных структур сознания реципиентов, приводящих к трансформации личностных смыслов воспринимающего кинотекст субъекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пищальникова В. А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. науч. конф. / [Сост. : Тарасов Е. Ф. и др.]. — М.: МОРУ, 2002. — С. 145–152

² Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

³ Винникова Т. А. Смысловое восприятие исторического художественного кинофильма (на материале фильмов 'The Queen' и «Агония») // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2006. — № 4. — Т. 2. — СПб.: ЛГУ. — С. 184–195

⁴ Тер-Минасова С. Г. Указ. соч.

⁵ Винникова Т. А. Особенности построения зрительской проекции кинотекста (на материале исторической драмы 'The Queen') // Языки и культуры: материалы XII региональной научно-практической конференции. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2009. — С. 109.

Vinnikova T. A., Fedorova M. A.

CINEMATEXT PERCEPTION IN DIFFERENT LINGUOCULTURES

The paper examines the determinism of cinematic meaning-understanding mechanisms by cultural codes of ethnolinguistic recipient consciousness. Due to the fact that the cinematically implemented cultural codes can be decrypted by the cinematic messages recipient as close as possible to the idea of the sender in case of all participants inclusion in communication (producer — text — recipient) into a single cultural context, then the reception of the different cinematext can equal to zero reception of the cinematic codes or to the replacement by those of their own culture.

Keywords: conceptual system, reception, linguoculture code, cinematext.

Вознесенская Мария Марковна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук, Россия

voznnes-masha@yandex.com

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О БЮРОКРАТИИ И БЮРОКРАТАХ

Статья посвящена описанию одной из составляющих фразеологической картины мира русского языка — семантической области «бюрократия». В результате анализа фразеологических единиц, в основе которых лежит бюрократическая метафора, выделяются такие признаки русской бюрократии, как иерархическая структура, письменная форма деятельности, неэффективность, взяточничество, всеильность и формализм чиновников.

Ключевые слова: русская фразеология, внутренняя форма, бюрократическая метафора, фразеологическая картина мира.

*Оковы измученного человечества
сделаны из канцелярской бумаги.
(Франц Кафка)*

«Бюрократия (от франц. *bureau* — канцелярия и греч. *кратос* — власть) — система управления, основанная на вертикальной иерархии и призванная выполнять поставленные перед нею задачи наиболее эффективным способом. «Бюрократией» часто называют не только систему управления, осуществляемую специальным властным аппаратом, но и сам этот аппарат. Термины «бюрократия» и «бюрократизм» могут также использоваться в негативном смысле для обозначения неэффективной, чрезмерно формализованной системы управления»¹. Русскому человеку, безусловно, ближе «отрицательное» отношение к бюрократии, что нашло отражение в литературе, поэзии и языке (Ср. специальные «бюрократические» номинации *волохитчик*, *крюкотвор* и т. п.). Естественно, что бюрократия как хорошо известное и широко распространенное явление не могла не попасть в «круг интересов» фразеологии. Во фразеологических словарях русского языка² представлен ряд фразеологических единиц (ФЕ), внутренняя форма или актуальное значение которых относятся к семантической области «бюрократия». Если говорить в терминах концептуальной теории метафоры³, бюрократия является или областью источника (*небесная канцелярия; положить по сукно; откладывать в долгий ящик; пошла писать губерния*), или областью цели (*крапивное семя; борзые щенки; барашек в бумажке*) различных тропических переинтерпретаций. В ряде ФЕ отсылка к бюрократической сфере одновременно присутствует и в области источника, и в области цели (*приказная строка; чернильная душа*). Все эти случаи представляют собой реализацию бюрократической метафоры в широком смысле. Анализ фразеологизмов, построенных на бюрократической ме-

тафоре, позволил выделить основные составляющие понятия «русская бюрократия», а именно те ее признаки (качества и свойства), которые оказались значимыми для фразеологической картины мира русского языка. Естественно, что одна ФЕ может содержать информацию о нескольких признаках, а несколько разных выражений характеризовать какое-то одно свойство или качество.

Русская бюрократия обладает строгой иерархической структурой, что получило выражение в таких идиомах как *небесная канцелярия*, *табель о рангах*, *истина в последней/конечной инстанции*, *служебная/карьерная лестница*, *приказная строка*. Как видно, эти ФЕ содержат наименование различных органов управления, существовавших в России на протяжении ее истории — *приказы*, *канцелярии*, *инстанции*. Выражение *небесная канцелярия* построено на метафорическом уподоблении бюрократическому аппарату высшей, небесной, власти, которая распоряжается и судьбами людей, и природными явлениями. Идиомой *истина в последней инстанции* обозначается некоторое суждение, претендующее на абсолютную верность и правильность, а также люди, высказывающие такие суждения. Внутренняя форма выражения отсылает к российской судебной системе, в которой выделялись низшие, средние и конечные инстанции — места судопроизводства. «Табель о рангах» — это утвержденный Петром I в 1722 году Закон о порядке государственной службы в Российской империи, в котором описывались соотношение чинов по старшинству и порядок чиновничества. Выражение *табель о рангах* в наши дни обозначает ранжирование по любому признаку (возраст, статус) в каких-либо организациях, социальных группах и коллективах.

Главное действующее лицо в русской бюрократической системе — это чиновник, бюрократ, для номинации которого в русской фразеологии представлено большое количество различных выражений: *крапивное семя*, *приказная строка*; *чернильная душа*; *бумажная душа*; *канцелярская крыса*; *чернильная крыса*; *приказной крючок*; *судейский крючок* и др. Устаревшее наименование мелкого чиновничества *крапивное семя* основано на растительной метафоре, которая профилирует такие признаки, как мелкость, массовость, вездесущность и вредоносность. В выражении *приказная строка* присутствует метафоро-метонимическое переосмысление, когда чиновник характеризуется через «результаты» своей деятельности, и это сопряжение человека и письменного текста высвечивает такие свойства чиновника, как формализм и бездушность. Вообще, почти все фразеологические выражения, при помощи которых называются чиновники и бюрократы, построены по одной схеме «прилагательное + существительное», где атрибут метонимически отсылает к бюрократическому органу управления (*канцелярский*, *приказной*, *судейский*) или к «канцелярским принадлежностям» (*чернильная*, *бумажная*), а существительное (*крыса*, *крючок*, *душа*) обозначает метафорически переосмысляемые сущности. Так, уподобление чиновника крысе

связывают со «сходством звуков от скрипа старинных гусиных перьев и скребущейся крысы»⁴, по другой версии слово крыса «напоминает о когда-то обычных пропажах необходимых для справок дел и отговорке приказных, что «дело — крысы съели»»⁵. В современном употреблении эта метафора носит явный уничижительный оттенок и подчеркивает такие качества чиновника, как трусость, неприятность, мелкость и вездесущность. Интересно переосмысление слова *крючок* при назывании чиновников — это тот, кто цепляется и придирается. Многие из этих выражений расширили свое значение и стали обозначать не только чиновников и бюрократов, а вообще бездушных, черствых формалистов, людей, равнодушных к действительным нуждам людей.

Естественно, что и деятельность, осуществляемая такими «специалистами», малоэффективна, ей присущи медлительность, волокита и крючкотворство. Такое представление отражается в идиомах *класть/положить под сукно* («откладывать реализацию какого-либо дела; оставлять его без внимания; препятствовать осуществлению чего-либо»); *откладывать в долгий ящик* («откладывать исполнение какого-либо дела на неопределенно длительное время»), внутренняя форма которых отсылает к неповоротливой и медлительной системе российского делопроизводства. (Подробнее о разных версиях происхождения идиомы *откладывать в долгий ящик* см. в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология»⁶.)

Один из способов повышения эффективности бюрократической деятельности — это взятка, которая имеет различные метафорические наименования — *борзые щенки*; *барашек в бумажке*; *не подмажешь — не поедешь*; *дать/взять на лапу*. Всем известное выражение *борзые щенки* восходит к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», где судья Ляпкин-Тяпкин так говорит о своих прегрешениях: «Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? *Борзыми щенками*. Это совсем иное дело». В современном употреблении идиома используется для обозначения взятки натурой, а не деньгами. Другое наименование «подношения» — *барашек в бумажке*, так, начиная с XVII века, назывались деньги, обернутые бумагой, которые челобитчики вручали подъячим. В выражении *не подмажешь — не поедешь* представлено сравнение бюрократического аппарата с транспортным средством — телегой, колеса которой для более быстрого передвижения нуждались в регулярном смазывании. Идиома *дать/взять на лапу* основана на животной метафоре (лапа — часть тела животного), что подчеркивает силу «берущего» чиновника.

Всесильность бюрократического аппарата, зависимость простого человека от административных решений и его бесправность отражены в выражениях *одним росчерком пера*; *взять на карандаш*; *без бумажки ты букашка*, а с бумажкой — человек. Как уже говорилось выше, бюрократическая деятельность является символом медлительности и волокиты, но иногда (обычно при помощи взятки) чиновник может решить

вопрос *одним росчерком пера*, т. е. очень быстро, достаточно для этого поставить свою подпись, дать резолюцию и т. п. Одно из значений идиомы *взять на карандаш* — ‘обеспечить особый контроль за надлежащим исполнением какой-либо деятельности — рассмотрения каких-либо вопросов, принятия и выполнения каких-либо решений и т. п.’ характерно для канцелярского языка. Внутренняя форма этого фразеологизма отсылает к хрестоматийному образу бюрократа с карандашом в руке. Выражение *без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек* по происхождению является цитатой из «Песенки бюрократа» В. И. Лебедева-Кумача и в переносно-шутливой форме говорит о зависимости человека от бюрократической деятельности.

Бюрократическая работа выгодна и доходна (*хлебное место, теплое/тепленькое место/местечко*), поэтому бюрократ дорожит своей работой, старается двигаться по *служебной лестнице*, иметь отличный *послужной список* и нередко испытывает *административный восторг*, именно так назвал Ф. М. Достоевский в романе «Бесы» упоение бюрократа собственной деятельностью и властью.

Обращает на себя внимание то, что в состав многих выражений входят слова, обозначающие «вещный мир» русского бюрократа — *стол, сукно, ящик, бумага, перо, карандаш, чернила*. Почти все эти номинации связаны с письмом, что отражает основной признак бюрократической деятельности — письменную форму ее осуществления. Этот же признак лежит в основе фразеологизма *пошла писать губерния*, который употребляется для иронического обозначения какой-либо деятельности, совершаемой со слишком большим усердием. Оборот является крылатой фразой из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Первоначально «выражение употреблялось в насмешку над пристрастием чиновников губернских канцелярий к бюрократической переписке»⁷.

В наши дни на смену канцеляриям и приказам пришли офис и Интернет, а волокитчиков и крючкотворов сменили менеджеры. И в современном русском языке последнего времени представлены новые выражения, которые могут считаться развитием бюрократической метафоры — это *офисный планктон, офисная крыса; офисные/сетевые хомячки* (все — наименования мелких офисных работников) и *эффективный менеджер* (ироническое наименование И. В. Сталина).

Таким образом, средствами фразеологии дается развернутое и детальное описание такого феномена русской жизни, как бюрократия. В нем находят отражения те черты русской бюрократии, которые оказались важными и значимыми для фразеологической картины мира русского языка — иерархическая структура, письменная форма осуществления; доходность профессии, неэффективная деятельность, взяточничество, формализм, бездушие, оторванность от реальной жизни и потребностей людей, всесильность, контроль, зависимость простого человека от бюрократической машины.

Несмотря на то, что фразеологизмы относятся к разным временным периодам, общее представление о бюрократии по данным русской фразеологии является достаточно цельным и непротиворечивым и имеет ярко выраженную иронически-негативную оценку. Это насмешливо-критическое отношение может рассматриваться как своеобразная «языковая оборона»⁸, когда язык становится тем орудием, часто единственным, при помощи которого можно противостоять враждебной действительности, в нашем случае — бюрократии во всех ее проявлениях. Одним из главных участников этого «фразеологического сопротивления» является смех, тот самый смех, который направлен одновременно и на самого смеющегося, и на окружающий мир, смех, который доводит существующие в этом мире социальные отношения до абсурда, тем самым критикуя и разоблачая их⁹. Хочется надеяться, что когда-нибудь усилия языка увенчаются успехом — рассмотренные выражения превратятся в семантически «затемненные» и останутся только предметом историко-этимологического, страноведческого и культурологического изучения, а конкретное содержание, стоящее за ними, исчезнет из нашей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. 1997–2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html (дата обращения 12.12.2014).

² Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель. 2006. 524 с.; *Лубенская С. И.* Русско-английский фразеологический словарь. М.: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2004. 1056 с.

³ *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

⁴ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 362.

⁵ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Терра, 1994. 1600 с.

⁶ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Указ. соч. С. 786–787.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ *Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

⁹ *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. С. 3–6.

Voznesenskaya M. M.

RUSSIAN PHRASEOLOGY ON BUREAUCRACY AND BUREAUCRATS

The paper considers the description of the semantic field “Bureaucracy” in Russian phraseology and analyses the idioms representing “The Bureaucracy Metaphor” and such main characteristics of the Russian bureaucracy as hierarchical structure, written communication, inefficiency, bribery, all-powerful and formalistic officials. etc.

Keywords: Russian phraseology, inner form, bureaucracy metaphor, phraseological world-image.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ:
ЕСТЬ ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ОПИСАНИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА—КУЛЬТУРЫ—ЛИЧНОСТИ
И КАКОВЫ ПРИКЛАДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ?**

В докладе речь идет о лингвокультурологии как современной научной парадигме, за последнее тридцатилетие утвердившей свой дисциплинарный статус в теоретическом описании взаимосвязи языка — культуры — личности, и пытающейся сегодня выработать собственную методологическую прикладную базу как учебная инновационная дисциплина по межкультурной коммуникации для успешного ведения диалога культур.

Ключевые слова: лингвокультурология: когнитивная, сопоставительная, прикладная; межкультурная коммуникация, диалог культур.

В своем докладе я остановлюсь на трех лингвокультурологических направлениях по исследованию русского языка в социокультурной реальности в соответствии с исполняемым проектом по Гранту РГНФ № 13–04–00377 / 2013–2015 гг.

Во-первых, о разработке теоретических основ лингвокультурологии как нового научного направления современной лингвистики, в связи с чем уточняются вопросы теории, методы и общие принципы лингвокультурологического исследования: основы лингвокультурологической теории слова, представляющей собой теоретическую модель описания когнитивной и языковой деятельности языковой личности. Для лингвокультурологии практика построения самих этих направлений, теоретического и прикладного, входит в сферу применения соответствующих аспектов: это первый исходный опыт такого применения. Когда одним из важнейших и, при этом, дискуссионных вопросов в системе лингвокультурологического знания продолжает оставаться вопрос о соотношении теоретического и прикладного знания, а также ситуация все более расширяющегося спектра прикладных исследований при весьма ограниченной проработке их теоретико-методологической базы, то это снижает эффективность прикладной лингвокультурологии, как важнейшего инструмента методологической базы преподавания иностранных языков. Современное состояние методики преподавания иностранных языков и, особенно русского как иностранного, насыщено проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, что делает актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвометодическое состояние той или иной проблемы и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого лингвокультурного контекста.

Во-вторых, в рамках второго направления нами была продолжена разработка лингвокультурологической теории грамматики и исследование влияния общественных изменений на модификацию языковой ситуации в целом, проводилось описание специфики выражения модальных значений в условиях современной коммуникации.

В-третьих, продолжалась теоретическая разработка лингвокультурологической теории слова. В настоящее время стало возможным объективно оценить некоторые результаты произошедших процессов и описать их, достаточно четко определить общее и различное в состоянии лексических систем в так называемые переходные эпохи, периоды общественной нестабильности.

Предмет моего сообщения — это не абстрактная теория, а разработанные после XII Конгресса МАПРЯЛ в Шанхае (2011) методологические принципы научной и учебной деятельности Лаборатории лингвокультурологии и профессионального общения Российского университета дружбы народов.

Начну с небольшого исторического экскурса и скажу о «днях минувших», точнее трех десятилетиях становления развития лингвокультурологии, потому, что, во-первых, имею на это право, а, во-вторых, обеспокоен сверхмерной дифференциацией теоретических и прикладных исследований, получающих различные наименования, например, таких как лингвокультурология: когнитивная, сопоставительная, педагогическая, прикладная и др.

При этом замечу, что меня не очень радует широкий спектр анализа разнообразных проблем от особенностей национального менталитета и языковой картины мира до изучения отражения специфических черт формирования и развития материальной культуры в языке, от фольклора и юмора до искусственного интеллекта.

Такой экспансионизм лингвокультурологии, ее излишне чрезмерная активность, естественно, имеют объяснение: она до сих пор как лингвистическая наука и учебная инновационная дисциплина еще формируется, на нее неизбежно распространяется многозначность и противоречивость, свойственные при подходе к языку, культуре и личности — триаде и фокусу рассмотрения указанных проблем.

Укажу и на то, что по самой природе у лингвокультурологии есть та же существенная специфика, которая присуща, например, философии и культурологии. Подобно тому, как каждый философ выступает творцом своего индивидуального, субъективного и неповторимого мира, лингвист и культуролог точно также поступают с предметами своего главного интереса — языком, культурой и личностью. Уже этого достаточно для затяжной и острой дискуссии о ее дисциплинарном статусе, методологии, методах, предмете и месте в системе гуманитарных знаний.

Да, сегодня, лингвокультурология находится на стадии поиска и уточнения своего предмета и методов. Однако при всех разногласиях

и спорах о ней как о науке и как об учебной дисциплине сделан большой шаг вперед. И та положительная динамика в изучении феноменов языка-культуры-личности, которую мы сегодня наблюдаем, тот обширный накопленный научный опыт, который зафиксирован в самых серьезных фундаментальных исследованиях, написанных монографиях, в десятках защищенных докторских, более чем в сотне кандидатских диссертаций, обусловили перевод лингвокультурологии как многоуровневой системы в другой ранг, научно-методический, что находит закономерное и адекватное отражение в терминологии.

Поэтому сейчас, как мне кажется, уместно и совершенно естественно называть лингвокультурологию наукой. Она обрела самостоятельность, набрала научный вес и стала привычной учебной дисциплиной в ряде ведущих российских вузов. Произошло это не случайно, ибо отечественной лингвистике предназначено быть своеобразным культурологическим форпостом. К этому есть все предпосылки и, прежде всего, духовно-интеллектуальные — в виде огромного потенциала русского языка и национальной культуры, а главное — педагогов, исследователей, радеющих за чистоту родного языка и сберегающих нужную сегодня всем духовность.

Лингвокультурология, сделавшая своей центральной задачей уход от одностороннего детерминизма в трактовке проблемы язык — культура — личность, призвана рассматривать все три феномена в их неразрывном единстве. Задача эта оказывается достаточно сложной, поскольку и язык, и культура, и личность — чрезвычайно сложны по своей природе. Невыясненность многих базовых вопросов соотношения языка — культуры — личности приводит к тому, что большая часть необходимого знания существует в виде вопросов, на которые и мы пытаемся ответить. Тридцатилетнее утверждение *лингвокультурологии* как новой филологической парадигмы научного знания связано с непрекращающимся сложным и противоречивым процессом становления ее структуры и типологии, формирования терминосистемы и, следовательно, различием теоретического и прикладного аспектов, что, в свою очередь, ценностно нагружено и задает новую лингвометодическую реальность. Для лингвокультурологии практика построения самих этих направлений, теоретического и прикладного, входит в сферу применения соответствующих аспектов: это первый исходный опыт такого применения. Здесь складываются две области использования научных знаний и исследований: во-первых, ориентированные на решение теоретических проблем и задач данной научной дисциплины (соответственно — «внутренне-дисциплинарные») и, во-вторых, ориентированные на практические задачи преподавания русского языка как иностранного — «внешние прикладные исследования». Если внутренне-дисциплинарные потому, что при их решении использовались уже полученные в науке о взаимодействии языка и культуры, к коей относится и лингвокультурология, представления, то внешние прикладные исследования

ориентированы на решение практических задач обучения иностранным языкам, то чем занимается лингвострановедение. Здесь решение теоретической и прикладной задач совпадают. Когда одним из важнейших и при этом дискуссионных вопросов в системе лингвокультурологического знания продолжает оставаться вопрос о соотношении теоретического и прикладного знания, а также ситуация все более расширяющегося спектра прикладных исследований при весьма ограниченной проработке их теоретико-методологической базы, то это снижает эффективность прикладной лингвокультурологии как важнейшего инструмента методологической базы преподавания иностранных языков. В центре внимания является положение о том, что, наряду с внутренними, собственно научными факторами становления самостоятельного направления в языкознании, связанными с осознанием потребности в формировании единой «системы координат» для разноректорных исследований лингвокультурных феноменов (что предопределило постепенное конституирование лингвокультурологии как фундаментального, теоретико-методологического знания), мощным стимулом для становления этой отрасли в качестве прикладной науки стало все более явное расширение «социального заказа» на практически ориентированное знание о развитии и функционировании языка и культуры в различных их проявлениях, о культурных процессах, закономерностях их протекания и механизмах регулирования. Современное состояние методики преподавания иностранных языков и, особенно русского как иностранного, насыщенное проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвометодическое состояние той или иной проблемы при обучении русского языка как иностранного и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого лингвокультурного контекста. Исследования, связанные с разработкой лингвокультурологических научных оснований для практического решения методически значимых проблем, коими богата российская методическая школа русистики, не могли уйти в небытие — они стимулированы самой реальностью многих нерешенных еще проблем при обучении иностранных студентов. Однако теперь, если это не просто научные исследования, а те, которые должны быть еще представлены и как диссертационные, их приходится втискивать в «прокрустово ложе» специальности «Методика преподавания и воспитания...» (отличающееся при этом — вот парадокс — невероятной широтой, всеобъемлемостью, но, увы, — несовпадением по «жанру»).

В докладе мы попытаемся структурно выделить некоторые общие маркеры-разграничители теоретического и прикладного в лингвокультурологическом знании, сведя их суть к следующим позициям. В отличие от **фундаментально-теоретического** уровня лингвокультурологического познания, направленного на формирование и развитие собственно

теории взаимодействия языка и культуры, объяснительных моделей и концепций языковой личности, языковой картины мира, на получение **обобщенного знания** о лингвокультурных явлениях и процессах, т. е. на **приращение, получение нового знания** о языке и культуре как целом и о ее отдельных составляющих, задачей лингвокультурологического познания **прикладного** характера является **научное обеспечение решения практических проблем преподавания русского языка как иностранного** на основе максимально эффективного **использования теоретического знания** о языке — культуре — личности. Если запрос на теоретическое знание формируется, прежде всего, в рамках **внутренней логики** движения самого этого знания, выявляющей потребность в построении недостающих объяснительных схем, концептуальных обобщений, то развитие прикладного, практически ориентированного знания обусловлено, прежде всего, **«социальным заказом преподавания русского языка как иностранного»** на научную разработку решения той или иной реально существующей проблемы. Резюмируя, еще раз подчеркнем, что основным результатом прикладного лингвокультурологического исследования является построение **теоретико-методологического обоснования, принципов и моделей** преподавательской деятельности, обеспечивающей возможность решения реальных методических проблем, существующих в практике обучения иностранным языкам.

Таким образом, несмотря на прагматическую ориентированность прикладной лингвокультурологии, она отнюдь не тождественна собственно практической и даже методической по характеру лингвострановедческой деятельности по разрешению реально сложившихся проблем, а лишь обеспечивает научную базу для практических действий преподавателей-русистов.

Значительный интерес вызывает сегодня парадоксальная проблема развития отечественной прикладной лингвокультурологии. Подчеркнем, что появление фундаментальной лингвокультурологии, казалось, вводит прикладную лингвокультурологию в нужное русло, все расставляет по своим местам. Но не все так просто. Прикладная лингвокультурология — не просто приложение общих идей к практическим ситуациям. Тут следует разобраться в оппозиции между разными научными традициями или парадигмами: лингвострановедении, лингвокультуроведении, межкультурной коммуникации и пр. Становление лингвокультурологии в тех формах, в каких она в последние годы имеет место, как нам представляется, — это продолжение лингвострановедения, но не сопротивление ему, не его преодоление. Лингвострановедческие исследования, конечно, можно назвать прикладной лингвокультурологией, хотя не исключено, что могут существовать и какие-то другие точки зрения. Как может быть, что наука о взаимодействии языка-культуры-личности еще не успела сложиться, лингвокультурологии в полном смысле как науки еще нет, а прикладная лингвокультурология уже развивается? Как в таком случае назвать раз-

вертывание конкретно-лингвокультурологических исследований в сфере языка и культуры, если не прикладной лингвокультурологией? Прикладная лингвокультурология имеет практическую нацеленность. Но именно такую цель и имели эмпирические исследования языка и культуры. В данном случае мы имеем дело с «социальным заказом». Развертывание таких исследований, как уже отмечалось, имело место по инициативе не столько самих ученых В. Г. Костомарова, Е. М. Верещагина и их последователей или научных учреждений (Институт русского языка им. А. С. Пушкина), сколько поединститутов, занимающихся организацией и управлением сферы образования и культуры, т. е. министерств и ведомств. Однако, как нам представляется, этот парадокс — появление прикладной лингвокультурологии раньше лингвокультурологии теоретической легко устраняется тем, что и лингвистику в ее теоретических постулатах, и культурологию в ее зрелом варианте роднит одно важное обстоятельство. И та, и другая наука основывалась на установках классического функционализма, а он является реальным не только для одной науки.

До появления культурологии, лингвокультурология была просто обречена на то, чтобы оставаться лишь теорией «среднего ряда». Может быть, лишь появление лингвокультурологии представит новую, более высокую ступень обобщений. Может быть, фундаментальная лингвокультурология как раз и оказывается теорией высшего уровня для языка и культуры. О том, что функционализм с 60-х годов многое определял во многих гуманитарных науках, свидетельствует одна из центральных тем науки о языке с 60-х годов. Эта проблематика не перестает быть актуальной и сейчас, в период бурного развития культурологии. Собственно, будущее лингвокультурологии во многом зависит от понимания тех функций — явных и латентных, которые язык и культура в новой ситуации призваны осуществить. В какой-то степени это функции универсальные, т. е. одинаково присущие всем мировым теориям о языке и культуре, в какой-то степени в России они будут специфическими. Подчас возникающая наука слишком занята собой, это мы наблюдаем по защищаемым докторским диссертациям особенно, она замыкается в себе, забывая о том, ради чего когда-то была вызвана к жизни, т. е. для более точного разрешения постоянно возникающих в лингвистике и методике противоречий. Кстати, печатью этого недуга было отмечено и бурно развивающееся во 2-й половине XX века лингвострановедение. Будем надеяться, что это не будет присуще лингвокультурологии: в ней самой какие-то проблемы со временем выдвигаются на первый план и не сразу осознаются, а какие-то становятся второстепенными или вообще неактуальными. В этом и проявляется лингвокультурная динамика. В осознании латентных функций языка и культуры наука о них должна делать систематический вклад. Но с этим связана и прикладная лингвокультурология. Без разгадки меняющихся и предстающих в латентных формах общих ориентиров, прикладная лингвокультурология оказывается бес-

сильной, а полученные в ходе эмпирических опытов результаты накапливаются, оставаясь неосмысленными, что в реальности и происходило.

Таким образом, сделаем некоторые выводы.

1. Развитие прикладного направления в структуре современной лингвокультурологии все более получает поддержку и распространение как в собственно научно-исследовательской практике, так и в системе высшего профессионального образования при обучении иностранных студентов.

2. Указанные тенденции продвижения данного научного направления обусловлены как логикой развития научного методико-гуманитарного знания, так и все более возрастающим уровнем востребованности прикладных лингвокультурологических исследований в различных видах педагогических практик (методике обучения русского языка как иностранного и как неродного), очевидно расширяющимся «социальным заказом».

3. Современное языковое пространство, насыщенное проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвокультурное измерение той или иной проблемы и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого культурного контекста.

4. Необходима более интенсивная работа над теоретико-методологическими основаниями прикладной лингвокультурологии, что является важным условием укрепления статуса данного научного направления. Развитие прикладной лингвокультурологии требует разрешения многих сложных вопросов, возникающих в процессе ее становления и развития. В частности, одним из значимых вопросов продолжает оставаться избыточная «разножанровость» проблемных блоков, которые включаются в данное направление, что приводит к значительной размытости границ прикладной лингвокультурологии и, вследствие этого, к определенному скепсису в ее отношении. Данная ситуация требует серьезной дальнейшей методологической работы специалистов-русистов.

5. Учитывая относительную молодость прикладной лингвокультурологии, представляется целесообразным продолжить работу над развитием междисциплинарных связей в данной области.

Vorobiev V. V.

LINGUISTIC CULTUROLOGY 30 YEARS LATER: ACHIEVEMENTS AND PERSPECTIVES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN DESCRIPTION OF INTERACTION OF LANGUAGE, CULTURE AND PERSON

The article is devoted to linguistic culturology as modern scientific paradigm, which has fixed its place, since its creation thirty years ago, as a discipline in the theoretical description of interconnection between language, culture and person. Today the discipline is trying to develop its own methodological practical base as an innovative crosscultural communication discipline helping to establish the dialogue of cultures.

Keywords: linguistic culturology, cognitive, comparative, practical, crosscultural communication, dialogue of cultures.

Воронина Татьяна Михайловна

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия

tmv313@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВА И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ)

В статье рассматриваются пространственные характеристики (такие как *расстояние*, *обширный*, *безграничный* и др.) и различные их аспекты, репрезентируемые словами в составе идеографической группы и синонимических рядов. Показывается, что эти характеристики преимущественно являются антропометричными.

Ключевые слова: пространство, синонимы, идеографический словарь.

Совокупность признаков, по которым может характеризоваться пространство — важный фрагмент концептуальной и языковой картины мира. Об этом свидетельствует, в частности, значительное количество языковых средств их репрезентации. В рамках данного исследования при описании синонимических рядов сферы «Пространство» в идеографическом словаре синонимов (проект под рук. проф. Л. Г. Бабенко) в группе «Характеристика пространства» нами было выявлено около 90 слов различных частей речи (наибольшее количество среди них — это, конечно, имена прилагательные), которые объединяются в 19 синонимических рядов. Как справедливо отмечает Л. Г. Бабенко, «сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта — это показатель сущности, выделенности, выдвигания данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов»¹.

Кроме того, большинство рассматриваемых единиц представляет пространство как антропометричное, воспринимаемое человеком и оцениваемое им; ср. мнение Е. С. Кубряковой: «...в осмыслении разных концептов нашего сознания постоянно присутствует не только отражение объективного мира, мира „как он есть“, но и чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью его взглядов и оценок...»².

Покажем это на примерах.

Наиболее объективным из рассмотренных параметров пространства является параметр *расстояние*, репрезентируемый словами синонимического ряда *Расстояние, дистанция, интервал, пролет, промежутки*.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006)

Расстояние определяется как протяженность пространства, разделяющего кого-, что-л. (два объекта или пункта). Расстояние может быть незначительным или большим; оно измеряется или может быть измерено в линейных единицах (по прямой линии) — напр., в миллиметрах, метрах, километрах и т. д. Расстояние может существовать независимо от человека (например, расстояние между природными объектами) либо определяться, специально устанавливаться человеком для какой-л. цели. Контексты употребления данных слов³ показывают, что, хотя расстояние может быть объективно оценено, т. е. измерено, оно тем не менее часто оценивается человеком и субъективно — как большое/небольшое с точки зрения возможности/невозможности его преодоления, достижения объекта, отделенного от говорящего или другого объекта:

Расстояния в двадцать — тридцать километров от дома до работы считаются здесь обычными (Д. Гранин);

Наверное, такое расстояние можно одолеть лишь в два прыжка (С. Довлатов);

Соревнуются, разумеется, близкие соседи, но прежде всего — глобальные и мировые города, географическая дистанция между которыми уже не имеет принципиального значения (А. Согомонов).

Достаточно объективным является и параметр размера какого-либо участка пространства, территории, помещения, репрезентируемый словами синонимического ряда *Обширный, просторный, широкий, устар. пространный* — занимающий большое пространство, большой по занимаемой площади. Кроме собственно параметрической характеристики, слова данного ряда могут выражать и восприятие такого пространства: если оно занято кем-, чем-либо, то предполагает возможность свободного размещения объектов, даже большого их количества, свободного перемещения кого-, чего-либо:

На этой площади, впрочем, довольно обширной, росло несколько яблонь, несколько лип, несколько елей, дубков и тянулись две длинные аллеи разросшихся акаций (И. Панаев);

Просторный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность (Н. Костомаров).

В наибольшей степени такой смысл выражается прилагательным *просторный*:

Сад оказался просторным, почти бескрайним, облетевшие деревья были одинаковы, но формами стволов напоминали о растительном многообразии (В. Месяц);

Компания несколько раз укрупнялась, переезжая во все более просторные здания <...> (газ.);

Посреди этого дворца поблескивал зеркальной гладью просторный бассейн, а в нем плескались золотые рыбы, каждая величиной с доброго осетра (Л. Лагин).

Важность признака 'значительный размер' для пространства подчеркивается, с одной стороны, тем, что противоположный признак ре-

презентируется не антонимичным синонимическим рядом, а отдельными лексемами: *узкий* (к *широкий*) и *тесный* (к *просторный*); с другой стороны — наличием синонимического ряда со значением усиления признака: *Безграничный, безбрежный, бесконечный, беспредельный, необозримый, необъятный, книжн. бескрайний, книжн. неоглядный, книжн. неохватный, устар. безоглядный, устар. бескрайный* — не имеющий видимых границ, предела в пространстве, такой, который невозможно окинуть взглядом, простирающийся очень далеко в разных направлениях. Обычно таким признаком характеризуются природные объекты значительных размеров, например, поле, степь, равнина, лес, водоем и т. п., а также небесное пространство. Важно именно зрительное восприятие таких объектов: они открываются взгляду, когда человек находится перед ними или наблюдает их с более высокой точки (за исключением, конечно, неба, при восприятии которого взгляд направлен снизу вверх). Безграничное пространство обычно оценивается положительно — как красивое, величественное зрелище, или наоборот, как угнетающее, подавляющее человека своей огромностью:

Важно одно: хотя однажды, хотя на миг попасть в безбрежное море, над собой увидеть безбрежное небо (О. Форш);

Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами... (А. Чехов);

VS

В темноватой дымке пасмурного дня перед ними открылась однообразная, тоскливая панорама бескрайней равнины (А. Рыбаков);

На повороте тропинки о. Василий остановился. Впереди и кругом, далеко во все стороны зыбились на тонких стеблях тяжелые колосья, над головой было безбрежное, пламенное июльское небо, побелевшее от жары, — и ничего больше: ни деревца, ни строения, ни человека. Один он был затерянный среди частых колосьев, перед лицом высокого пламенного неба (Л. Андреев).

Многие исследователи отмечают⁴, что понятие простора является очень важным для русского человека, связывается с возможностью широкого обзора, перемещения на сколь угодно дальние расстояния и, шире, со свободой.

Наоборот, пространство может характеризоваться и с точки зрения невозможности свободного перемещения в нем, ср. синонимический ряд *Непроходимый, труднопроходимый, непроезжий, разг. непролазный, устар. непрохожий*: такой, по которому или через который трудно или невозможно передвигаться — идти или ехать (об участке земли, месте, местности, дороге, пути). Участок может быть непроходимым из-за того, что он слишком узкий (такая дорога, такой путь могут быть вообще не предназначенными для передвижения, проезда), или расположен в лесу, в болоте, покрыт густой растительностью, грязью, снегом и т. п.:

Вся дача состояла из непроходимых болот и дремучего леса (Д. Мамин-Сибиряк);

Измученные люди побрели через непролазный лес, загроможденный осколками камней (А. Н. Толстой).

Участок, путь может быть непроходимым всегда, а может становиться таким на некоторое время — например, в распутицу. Наличие таких участков связывается с удаленными от жилья, дикими местами или с захолустьем:

В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей <...> (Ф. Достоевский);

Пошлют тебя куда-нибудь за тыщу верст, где одни степи, к примеру, или тайга непролазная <...> (Ю. Трифонов).

Отдаленные местности характеризуются также отсутствием людей: *Безлюдный, глухой, малолюдный, малонаселенный, нежилой, незаселенный, ненаселенный, необитаемый, пустынный, устар. нелюдимый* — имеющий малое количество или не имеющий населения, жителей, что часто маркируется как далекое, чужое место, возможно, опасное по сравнению с известными, освоенными, заселенными территориями:

Место, давно облюбованное для этого эпизода, было на повороте шоссе, там, где в соснах сквозило серое море, где над кюветами нависали дикие валуны, совершенно безлюдное, мрачное место (В. Аксенов);

К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса (А. Пушкин).

Вспомним известное высказывание Е. С. Яковлевой о том, что язык описывает «„обжитое“ человеком пространство»⁵.

Кроме того, как *безлюдное* может определяться место или помещение, где в данный момент нет (не видно) или совсем мало людей, отсутствует или практически отсутствует движение, деятельность по сравнению с обычным состоянием этого места, помещения — *Безлюдный, глухой, малолюдный, пустой, пустынный*. В семантике слов данного ряда обнаруживается компонент не только зрительного восприятия, но и слухового: отсутствие людей где-либо обычно сопровождается тишиной:

Огромный каток возле набережной, еще час назад полный стремительной и бурной жизнью, был теперь безлюден (Ю. Трифонов);

Деревня в этот уже неранний час была затаенно нема и безлюдна: все, кому предназначалось идти, еще досиживали свое по домам, обряжались в походное, завтракали, давали последние заветы <...> (Е. Носов);

Больные отчасти прогуливались в саду, а отчасти разбрелись по номерам, и потому зала была пуста (М. Салтыков-Щедрин).

Отсутствие людей, звуков, движения в безлюдном месте воспринимается как проявление спокойствия, покоя, возможность уединения или, наоборот, как сигнал неизвестности, тревоги, скрытой опасности:

Все ему казалось обновленным и нежным — малолюдные дома с прикрытыми от солнца ставнями окон, горячий ветерок, изредка невысоко отрывающийся от дороги сухую кисейку пыли (К. Федин)

VS

В сумерки из-под крыши театра вылетали летучие мыши и шныряли над глухими аллеями (К. Паустовский); Вид у него был таков, что каждый думал: — Не дай бог встретиться с ним ночью в глухом месте! (Е. Пермитин).

Признак способа достижения в пространстве нужного пункта выявляется в семантике слов ряда *Окольный, обходный и разг. обходной, объездной, окружной и устар. окружный, устар. или разг. объезжий, разг. кружной и кружный* — находящийся в стороне от прямого, кратчайшего направления, делающий крюк, дугу (о дороге, пути). Для этого ряда важен и компонент цели: использование окольного пути, как правило, необходимо, чтобы обойти или объехать какое-либо препятствие или чтобы добраться куда-либо незамеченным:

Завязался спор, каким путем идти домой: через узкий дощатый настил, по которому ходили в школу всю зиму, или окружной дорогой, через мост. Алеша Семушкин, юркий, как вьюн, рассудительно заметил, что дощатый настил через реку, наверное, уже снесло ледоходом и идти надо большаком, через мост (А. Мусатов);

<...> к заветному месту нужно было подойти обходным путем, чтобы запутать все следы и обмануть охотников открыть наш секрет (Д. Мамин-Сибиряк).

Окольный путь, несмотря на то что он более длинный, в некоторых ситуациях может оказаться удобнее, безопаснее и т. п., чем прямой:

Дорога лежала лугом, но по лугу было опасно ехать, поэтому Григорий избрал несколько кружный путь <...> (М. Шолохов);

и даже позволяет добраться до нужной точки быстрее:

Гости удивляются, что в Москве все окольные дороги короче прямых (А. Аронов).

Таким образом, в синонимической картине мира характеристики пространства предстают в большей степени как субъективные, антропометричные; широкая представленность пространственных признаков синонимическими средствами языка свидетельствует об их когнитивной значимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бабенко Л. Г.* Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Матер. Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005, Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 17.

² *Кубрякова Е. С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств: [Сб. ст.] / РАН, Ин-т языкознания / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). М.: Языки рус. культуры, 2000. 448 с. С. 84–92. С. 91.

³ Примеры из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2014).

⁴ См., например: Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с. (Язык. Семиотика. Культура).

⁵ Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. С. 20.

Voronina T. M.

MAIN SPATIAL CHARACTERISTICS AND THEIR REPRESENTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE SYNONYMIC GROUPS MATERIAL)

The article deals with the spatial characteristics (such as *distance, vast, unbounded* and other) and their aspects, which are represented by words of the ideographical and synonymic groups. It shows they are closely connected with human concepts, ideas and assesses.

Keywords: space, synonyms, ideographical dictionary.

Вотякова Ирина Александровна

Удмуртский государственный университет, Россия

irinavotyacova@udm.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразовательное поле концепта является наименее изученным среди других группировок подобного типа, имеющих полевою структуру и определяющих номинативное поле концепта. Анализ словообразовательного поля концепта «страх» говорит о значимости таких позиций, как номинация признака и действия. При этом особую роль играет выражение субъективной оценки и интенсивности, начала и конца действия, отсутствие номинации деятеля.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, страх, словообразовательное поле.

Описание полевой организации концептов является важной составляющей исследований в области когнитивной лингвистики. Выделение номинативного поля как некой упорядоченной совокупности «языковых средств, объективирующих (вербализирующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества»¹ определяет его комплексный характер и позволяет включить в его состав группировки различного типа, также имеющие полевою структуру: ассоциативное поле, лексико-семантическое поле, лексико-фразеологическое поле, паремиологическое поле, ассоциативное поле, деривационное поле², — среди которых наименее разработанной, на наш взгляд, является методика анализа словообразовательного поля концепта.

В научной литературе словообразовательное поле определяется следующим образом: «набор суффиксов, обладающих следующими свойствами: 1) они сообщают производным именам одно и то же словообразовательное значение, 2) они сообщают производным именам один и тот же пучок значений определенных грамматических категорий: числа и одушевленности»³; «иерархически организованная по степени продуктивности совокупность словообразовательных средств и словообразовательных элементов, характеризующих словообразовательную активность определенной группы лексики»⁴; «совокупность способов словообразования»⁵; группировка суффиксов, объединенных сходным словообразовательным значением⁶. Таким образом, наиболее релевантными признаками являются системность, наличие определенных парадигматических связей, единое словообразовательное значение, продуктивность или непродуктивность аффиксов.

Выделяются такие единицы, как комплексное словообразовательное поле, а также словообразовательное микрополе, указывающее на способ словообразования, (например, микрополе суффиксации, микрополе префиксации и т. д.) и обладающее ядром и периферией, в рамках ко-

торых анализируются и описываются словообразовательные модели. Границы словообразовательного поля определяются границами некой группы производных, что дает основание применить полевую методологию и при описании концепта, когда мы в результате анализа выделяем достаточно ограниченную группу слов — репрезентантов концепта.

По нашему мнению, такой анализ требует в первую очередь обратить внимание на прямой номинант концепта, который, как правило, обладает непроизводной основой и является вершиной большого словообразовательного гнезда или входит в него. В этом случае порядок образования производных слов может не играть важной роли, т. к., «человек «связывает» мир, замечая и фиксируя в нем «очевидные» отношения между вещами (объектами). Носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему «очевидных» ролевых связей между словами-явлениями»⁷.

Страх является базисной эмоцией, являющейся отрицательной, т. к. вызывает неприятные чувства и возникает при оценке ситуации как опасной и вредной, а также при мобилизации всех ресурсов для борьбы с угрожающими обстоятельствами. Прямым номинантом данного концепта является существительное *страх* «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь». В результате проведенного анализа сочетаемости прямого номинанта эмоционального концепта *страх* мы можем говорить о значимости следующих признаков: движение — отсутствие движения, сильная — слабая интенсивность, краткое — длительное проживание страха, жизнь (частичный контроль человека страхом) — смерть (полный контроль человека страхом), способность преодолеть — породить, показать — скрыть, понять страх и избежать его.

Словообразовательное гнездо существительного *страх* включает 50 производных: 11 существительных, 15 прилагательных, 17 глаголов, 7 наречий. Рассмотрим словообразовательные модели и словообразовательных значения производных.

И. Имена существительные образуются только при помощи суффиксов (микрополе суффиксации).

1. Модель V→N: производные со словообразовательным значением лица по действию, образованные при помощи суффикса -л-: *страшить* → *страшила*, с суффиксом -лиц-: *страшить* → *страшилище*. Существительное общего рода *страшила* может обозначать как мужчину, так и женщину, а также нечто бесполое и нечеловеческое. *Страшилище* также в самой свое семантике предполагает нечто, только напоминающее людей: сказочное чудовище, памятник и т. д. Оба существительных характерны для разговорной речи и просторечия и характеризуются особой экспрессивностью. Производные со словообразовательным значением действия, образованные при помощи суффикса -ени/-ниж-: *страшить* → *страшение*, *устрашить* → *устрашение*, *стращать* → *стращение*, *застрачивать* → *застрачивание*, *пристрачивать* → *пристрачивание*.

2. Модель A → N: производные со словообразовательным значением отвлеченного признака, образованные при помощи суффикса -иц-: *бесстрашный* — *бесстрашие*; суффикса -ость-: *неустрашимый* → *неустрашимость*.

3. Модель N→N: производные с субъективно-оценочным значением, образованные при помощи суффикса -ок-: *страх* → *страшок*; суффикса -от-: *страх* → *страхота*. Существительные с суффиксом -от- имеют увеличительное значение и характеризуются как разговорно-сниженные, существительные с суффиксом -ок-, как правило, имеют уменьшительно-ласкательное значение, но данное существительное имеет отрицательную коннотацию.

II. Имя прилагательное.

А. Микрополе суффиксации.

1. Модель N → A: производные со словообразовательным значением признака, относящегося к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, с суффиксом -н-: *страх* → *страшный*, *страшилище* → *страшилищный*; производные со словообразовательным значением «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом», с суффиксом -овит-: *страх* → *страховитый*.

2. Модель A → A. Все прилагательные, образованные по данной модели, употребляются в разговорной речи. Выделяются производные субъективно-оценочным значением, образованные при помощи суффикса -еньк- (уменьшительно-ласкательное значение: -еньк-: *страшный* → *страшенький*; производные со словообразовательным значением «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством» с суффиксом -оват-: *страшный* → *страшно-ватый*; производные со словообразовательным значением «усиленная степень качества, признака», образованные при помощи суффикса -н-: *страшный* → *страшенный*.

3. Модель V → A: производные со словообразовательным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» с суффиксом -лив-: *страшиться* → *страшливый*; производные со словообразовательным значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом» с суффиксом -тельн-: *устрашить* → *устрашительный*; производные со словообразовательным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» с суффиксом -ущ-: *устрашать* → *устрашающий*, — который отмечается в Русской Грамматике как непродуктивный.

Б. Микрополе конфиксации.

1. Модель N → A: производные со словообразовательным значением признака по отсутствию чего-либо, образованные при помощи конфикса бес...н: *страх* → *бесстрашный*.

2. Модель V → A: производные со словообразовательным значением признака по отсутствию чего-либо, образованные при помощи конфикса не...и.м: *устрашить* → *неустрашимый*.

В. Микрополе префиксации.

1. Модель A → A: производные со словообразовательным значением «высшая степень качества, названного мотивирующим словом», образованные при помощи префикса пре-: *страшный* → *престрашный*, *страшенный* → *престрашенный*.

Г. Микрополе основосложения: производные, образованные при помощи трансфикса: о...н: *страховидный*, *страхолудный*.

III. Наречия образуются только при помощи суффиксов.

1. Модель А → Adv: производные наречия с суффиксами –о (-е), как известно, совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи, обозначающей признак действия, признак признака. Все отмеченные нами наречия образованы при помощи суффикса –о: *страшный* → *страшно*, *бесстрашный* → *бесстрашно*, *страшеный* → *страшененько*, *страшноватый* → *страшновато*, *страховитый* → *страховито*, *неустрашимый* → *неустрашимо*; а также суффикса –е: *устрашающий* → *устрашающе*. В этом случае мы можем говорить о внутригнездовом словообразовательном взаимодействии, т. к. мы можем говорить, с другой стороны, о производных с субъективно-оценочным значением на базе наречий: *страшно* → *страшененько*, *страшно* → *страшновато*.

IV. Глаголы

А. Микрополе суффиксации.

1. Модель N — V: производные со словообразовательным значением «наделять кого- или что-л. тем, что названо мотивирующим существительным», образованные при помощи суффикса –и: *страх* → *страшить*, суффикса –а: *страх* → *стращать*.

2. Модель V- V (3): производные со словообразовательным значением многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом, образованные при помощи суффикса –ива-: *застрачивать* → *застращивать*, *пристрачивать* → *пристращивать*, суффикс –а-: *устрашить* → *устрашать*.

Б. Микрополе постфиксации. Модель V- V: производные с собственно-возвратным значением, образованные при помощи постфикса –ся: *страшить* → *страшиться*, *устрашить* → *устрашиться*, *застращивать* → *застращиваться*, *настрачивать* → *настращаться*, *пристращивать* → *пристращиваться*, *устрашать* → *устрашаться*.

В. Микрополе префиксации.

1. Модель V- V: производные со словообразовательным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи префикса у-: *страшить* → *устрашить*, префикс при-: *стращать* → *пристращать*; производные со словообразовательным значением значение «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», образованные при помощи префикса на-: *стращать* → *настращать*; префикс пере-: *стращать* → *перестращать*; префикс за-: *стращать* → *застращать*; производные со словообразовательным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени (чаще недолго)», образованные при помощи префикса по-: *стращать* → *постращать*.

Характеризуя словообразовательное поле с точки зрения его структуры, исследователи, как правило, брали за основу способ образования производных: суффиксация, префиксация и т. д. На наш взгляд, говоря о словообразовательном поле концепта, мы должны обратить большее внимание на семантический аспект, а именно, дать оценку словообразовательному полю сквозь призму репрезентации словообразовательных значений, когда способ образования может быть не так важен, т. к. в какой-то степени он может быть определен принадлежностью нового

производного данной части речи. Сказанное позволяет нам, например, объединить производные, выражающие действие, субъективную оценку или отражающие интенсивность признака или действия. В таком случае наиболее важные позиции в структуре рассматриваемого словообразовательного поля распределяются следующим образом: временное действие 2%, лицо по действию 4%, субъективная оценка: 6%, «финальность», результативность — многократность 10%, собственно возвратность 12%, интенсивность 14%, действие 14%, наличие — отсутствие признака 36%. Ядерная зона поля отражает потребность в безусловной номинации признака: имеющего отношение, характеризующийся отношением, склонный к действию и т. д. С другой стороны, значимым также является характер действия. Кроме этого, необходимо отметить и то, что многие производные характеризуются как разговорные или сниженные, что отражает их эмоционально-экспрессивную окраску.

Следующим этапом работы, по нашему мнению, является комплексный анализ словообразовательного поля всех синонимов прямого номинанта концепта, а также все основных репрезентантов. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют представить нам результаты подобного исследования, выполненного в рамках гранта ERANET-PLUS, Erasmus Mundus Action 2, 2012–2734 / 001–001–EMA.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. С. 47.

² Там же. С. 130.

³ Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969. С. 10.

⁴ Иванова И. П. О полевой структуре частей речи в английском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981. С. 78–83.

⁵ Милькевич Е. С. Словообразовательное поле отглагольных существительных в современном английском языке: автореферат канд. диссертации / Ростов. гос. пед. ун-т. Пятигорск, 1996. 18 с.

⁶ Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969. С. 111.

⁷ Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. фил. наук / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2007. С. 6–7.

Votyakova Irina

DERIVATIONAL FIELD OF THE CONCEPT “FEAR” IN RUSSIAN

The author argues that derivational field of concepts is the least studied field among other groups of this type having a field structure and defining the nominative field of concept. Analysis of the derivative field of the concept «fear» shows the significance of such items as nomination of the feature and action. A special role is played by the expression of subjective evaluation and intensity, beginning and end of the action, the absence of nomination of the agent.

Keywords: emotional concept, fear, derivational field.

Габунна Зинаида Михайловна

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, Россия

abazg@hotmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ Ф. ИСКАНДЕРА

Доклад посвящен анализу этнокультурной концептуализации Дома в произведениях Ф. Искандера. Художественный текст представлен как когнитивный процесс, демонстрирующий интеграцию индивидуальной авторской мысли в широкие сферы человеческой деятельности. Тексты Ф. Искандера помогают пониманию когнитивно-социального познания картины мира определенного этноса. Пространственная картина *дома* многослойна и напрямую связана с категориями духовности и бытийности в виде организованной системы: дом — жилье — строение — семья — род — этнос — соседи — убежище — родина — многоязычное сообщество и многое другое.

Ключевые слова: этнокультурная концептуализация, дом, Ф. Искандер, когнитивный процесс, авторская индивидуальность, посредник двух культур, пространственная картина дома.

В современной лингвистике художественный текст рассматривается прежде всего как когнитивный процесс, демонстрирующий интеграцию индивидуальной мысли автора в широкие сферы человеческой деятельности, а с другой стороны, как сложное интеркогнитивное действие по выявлению смыслов.

В любом художественном тексте заложены данные об отношении художника к своему детищу, к языку — к тому материалу, который является основой вербального искусства и маркирует этническую языковую картину мира. В этом аспекте художественный текст — это модель автора, уровень его интеллектуальных, морально-нравственных, философских, социальных, этнических и других качеств. Концепт *дом* в этом отношении особенно показателен, поскольку дом является реалией, многосторонне осваиваемой человеком в различные периоды его бытия и во многом составляющей и смысл, и образ, и цель человеческой жизни¹.

Анализ концептов в тексте Ф. Искандера позволяет выявить философскую, социальную, историческую и культурную информацию об описываемом этносе. Приступая к созданию своего художественного мира, писатель представляет его в концептуальном виде, при этом в его памяти «заложены» тексты, связанные с внутренней основой его произведения. Такой подход к объектам окружающего мира выявляет образные номинации, которые создают новые представления, характеристики, признаки и особенности речи. Произведения Ф. Искандера уникальны по своему содержанию, самобытны по своей идейно-тематической направленности и получению новых этнокультурных знаний.

В художественном тексте наличие трех составляющих структуры концепта — понятийной, ценностной и образной номинации — предопределяет связь концепта, во-первых, с языком, который его объективирует, во-вторых, с культурой как национальной системой ценностей и идеей, обусловленной историей народа и его духовно-психическим складом, а в-третьих, с осознанием человека и его деятельностью. Вследствие этого концепт характеризуется содержательной и структурной многомерностью.

Подход к анализу концепта в художественном тексте Ф. Искандера, как нам представляется, созвучен с определением концепта философа и лингвиста М. Хайдеггера: «Концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия»². Но здесь, как видно, концепт не непосредственно возникает из значения слова, а выявляется в столкновении словарного значения слова с личным авторским пониманием и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. В результате взаимодействия человека с миром складывается его представление о нем, формируется некоторая модель, которая в литературе именуется картиной мира.

Известно, что человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Последовательность построения концептуальной системы в сознании человека отвечает принципам содержательной языковой модели мира. В основе ее лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, по-разному структурированных в границах этого поля.

Следуя данной мысли, текст как способ индивидуально-авторского восприятия представляет собой сложный многоуровневый процесс, который дает возможность определить механизмы создания и функционирования единиц номинации, а также выявить закономерности внутреннего развития языка в их соотношении с потребностями языкового сообщества. Текст апеллирует к фоновым знаниям индивидуума, его ментальности, чувственности, адекватному восприятию окружающего мира, а также способности экспрессивного реагирования на вербальные знаки и к выработке собственной оценочности.

В этом плане произведения Ф. Искандера являются образцами мастерского изображения абхазской народной культуры на русском языке во взаимодействии с «размышляющей мудростью» и юмором концептуального видения мира родного этноса. По А. Леонтьеву, этническая

картина мира обладает этническими константами, ценностями, признаками, традициями, представлениями о жизни, о мироздании, поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных знаний. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием перевести на язык культуры другого народа»³. Исходя из сказанного, картина мира предстает в русскоязычном художественном тексте в виде культурно-прагматического пространства, включающего: окружающий мир, как видят его представители той или иной лингвокультурной общности, уклад жизни представителей этой общности, запас и опыт знаний, т. е. культурно-когнитивный фонд, которым владеет типичный представитель этой общности, образцы и оценки «своих» и «чужих» и т. д.

Анализ текстов Ф. Искандера, выступающего в качестве посредника двух языков и двух культур, усиливает внимание к когнитивно-социальному познанию для понимания информации и картин мира определенного этноса.

В основе художественной системы Ф. Искандера лежит, как нам представляется, концепция мира и человека как диалектика «макрокосма» и «микрокосма». Большое отражается в малом подобно тому, как в капле воды отражается часть мира. Малое — частица большого, неповторимая, неотъемлемая, и бесконечное количество этих малых «неотъемлемых неповторимостей» в своем единстве составляют глубину, целесообразность, неоднозначность и, в конце концов, гармонию большого. Целостность творчества Ф. Искандера и, следовательно, его художественной системы обусловлена «чегемской идеей» писателя. Чегем — центр «абхазского космоса», его душа, его совесть, его откровение. Это отправная точка, место, где рождаются, живут и откуда уходят в мир любимые герои; и это место, куда они возвращаются. Возвращаются если не в буквальном смысле, то сердцем, душой и мыслями.

Искандер отмечает, что человек создает в своей голове образ мира и действует в основном в согласии с этой моделью. Но у чегемцев «модель» особенная. Она специфична огромной мерой ответственности перед родом, семьей, другими людьми, перед неписаными законами и обычаями, установленными далекими предками. Это органичная часть существования в чегемском мире. Большинство героев живут в ладу с законами рода, семьи, соседей, совестью. Все они составляют сложный, гармоничный мир художественной системы Ф. Искандера. В искандеровском образном мышлении — скрытая сила⁴.

Ф. Искандер в своих размышлениях отмечает, что высшая духовная правда и порождает энергию вдохновения. И он неизменно руководствуется этим и воспроизводит свое миропонимание на бумаге. Остановимся на одном ключевом концепте его творчества — *дом*.

Художественный концепт *дом* занимает в индивидуально-авторских концептосферах писателя особое место. События большинства эпизодов романа Искандера «Сандро из Чегема»⁵ разворачиваются в пространстве села Чегем, в пространстве человеческого жилища. История дома, история села Чегем, история Абхазии и весь остальной мир, как он видится с чегемских высот, — основная канва замысла произведения Искандера.

В «Сандро из Чегема» концепт *дом* вербализуется лексемой *дом*. Данная форма встретилась более 400 раз, при этом образ дома в творчестве писателя приобретает разные значения, получает развитие во всей лексической системе его произведений. Так, дом дяди Сандро, который изображен в главе «Большой день Большого дома», символизирует детство, являет собой особую модель мира, представленную с позиции повествователя. В детстве, а затем и в молодости происходит переосмысление пространства дома, которое формирует духовный мир человека, определяет его жизненный путь. В связи с этим *дом* и его составляющие приобретают сюжетобразующую функцию.

В романе лексема *дом* актуализируется в следующих значениях.

1. *Дом* — ‘здание, строение, участок, гнездо, очаг, память’, предназначенные для жилья:

Он показал рукой на цементные сваи, подпиравшие дом. На двух сваях в самом деле были трещины, на мой взгляд, не слишком катастрофические. Забегая вперед, скажу, что дом его до сих пор стоит на месте, хотя с тех пор прошло несколько лет; Абхазец этот хорошо говорил по-русски, и дом его на высоких сваях выглядел, даже на взыскательный взгляд дяди Сандро, внушительно и красиво. Так что, учитывая, что дом стоял у самой дороги на Мухус, все удобства у комиссара оказывались под рукой. И толмач рядом, и дом зажиточнее и ближе всех к проезжей дороге; На следующий день я не без труда нашел участок дяди Сандро, как я его потом называл; После обеда Эсма прошла по комнатам родного дома, слушая знакомый скрип половиц, вдыхая грустный запах отчего жилья и вспоминая детские и юношеские годы... Вдруг как-то сникла, видимо поняв, что прошлое не вернешь. И тогда она заторопилась, ощутив спасительную тягу к своему собственному гнезду, тягу, сдувающую с души ненужную грусть по дому детства.

2. *Дом* — ‘пространство, населенное людьми’, ограниченное, но свободное:

Возможно, ему нужно было, чтобы во время длительных охотничьих отлучек в доме оставался расторопный и храбрый молодой человек, который мог бы развлекать княгиню, принимать гостей, а если надо, и защитить честь дома. Именно таким молодым человеком и был в те времена дядя Сандро;

3. *Дом* — ‘личное пространство человека’ (закрытое место внутренней свободы, сокровенное, дающее силы):

*И вот он подъехал к воротам его дома и крикнул своим зычным голосом:
— Эй, хозяин!
Ему никто не ответил... Тогда он пригнулся и, открыв себе ворота, въехал во двор.
— Не подъезжай, стрелять буду!*

В произведениях Ф. Искандера значение *‘жилище’* репрезентируют не только многочисленные номинации с общим семантическим компонентом *‘граница дома’*, *‘пространство дома’*, *‘предметы быта дома’*, но и метафорические «заместители» базовой лексемы: *окно, дверь, ворота, двор, передняя, ставни* и т. д. Перечисленные номинации жилища являются показателями своеобразия индивидуального мировидения, однако основой для них становятся общенациональные представления о жилище и уюте.

4. *Дом*, репрезентируемый с помощью значения *‘семья’*.

Основа национального мира в произведениях Ф. Искандера — это *дедушкин дом*. Самую земную действительность писатель воспринимает сквозь призму своего родословия. Род для Искандера — дедушки, бабушки, родители, дяди, тети, сестры, дети, внуки, дети внуков, однофамильцы:

Однажды, когда я собирался уехать из горной деревушки Чегем, где гостил у своих родичей в доме дедушки, мне сказали, что меня хочет видеть один человек... И только потом я вспомнил, что в детстве во время войны, когда я жил у дедушки, этот человек проходил время от времени мимо нашего дома, он здесь отдыхал, потому что болел малярией, может быть захотел по-родственному увидеть меня.

В произведениях Искандера род — это магический защитный круг, символ, универсальный код Родины, главный корень, очаг, исток, проводник, кредит судьбы, историческая жизнь, вера в будущее, наконец, вдохновитель автора. Даже ласточки выют гнезда только под крышей человеческого дома, потому что ищут у человека защиты. Вот почему густота населенности его сочинений, обилие в них разных родственников, плюс еще и соседей с их родственниками, плюс еще и друзей и близких знакомых, как бы тоже получивших статус родственности, — знак дома, знак родины Абхазии, из которого разворачиваются прошлые и настоящие события в его произведениях. В таком окружении — родные люди со всех сторон — тепло, как у кавказского домашнего очага. Например:

Недавно я был в селе Анхара у своих родственников. Это большая семья, где под одной крышей живут отец и мать, двое сыновей с детьми и две дочери, еще незамужние. Старшая хозяйка дома — двоюродная сестра моей тётюшки. Она дочь брата моего деда и воспитывалась в его доме. Всего в одном доме живут двенадцать человек, если, пока я пишу эти строки, не народились новые дети и т. д.

Как видно, *дом* — это семья, род, фамилия, поколение. Поэтому образ дома, связан с существительными *мать, отец, бабушка, дедушка, брат, сестра, тетя, дядя, дочь, сын, внук, внучка*, имеющими общий семантический компонент — *‘тот, кто находится в родстве’*, а также *‘люди, близкие к дому, родственники, соседи’*.

Таким образом, в художественном мире Ф. Искандера *дом* — *‘семья’* несет на себе не только и не столько отпечаток утилитарно-практическо-

го видения совместного проживания родных в стенах одного дома, сколько получает этнопсихологическое наполнение родословия. Перечисленные номинации указывают на то, что в произведениях писателя семья характеризуется особыми духовными связями, отношениями, родством душ. Значимой этической категорией социума в творчестве Искандера является также концепт *гость*, тесно связанный с *домом*. В текстах происходит расширение границ семьи за счет введения номинаций *род, этнос, соседи, сослуживцы, друзья, гости... Гостеприимство (асасра, асасджылар)*, согласно вековым абхазским народным понятиям, — священный закон, обязательный для всех. Человек может обладать всякими добродетелями, но достаточно не быть ему хлебосольным и гостеприимным, чтобы оказаться морально осужденным и в какой-то мере ущербным в своем обществе. Например:

В честь дяди Сандро хозяин послал своего мальчика зарезать барана, достал вино, и, хотя гость для приличия старался удерживать его от кровопролития, все было сделано как надо. Дядя Сандро был рад, что остановил выбор на этом доме, что ему не изменило его тогда еще только брезжущее чутье на возможность гостеприимства, заложенные в малознакомых людях. Впоследствии бесперывными упражнениями он это чутье развил до степени абсолютного слуха, что отчасти позволило ему стать знаменитым в наших краях тамадой...

В произведениях Фазиля Искандера понятие *этнос* занимает особое место — как историческая жизнь Абхазии, как густота населенности Родины, разных национальностей и многоязычия, как бы получивших статус родственности, это знак дома, знак Абхазии, из которого разворачиваются прошлые и настоящие события в его произведениях. С этим, по всей видимости, связано частое отождествление этноса и общества. Например:

Он вспомнил, что где-то поблизости живет один богатый армянин. Дядя Сандро был с ним немного знаком. Этот армянин в свое время бежал из Турции от резни. Здесь он выращивал высокосортные табак и продавал их трапезундским и батумским купцам, которые платили ему, по словам дяди Сандро, чистым золотом; На легких кавказских хлебах Даша расцвела и, как свойственно славянской натуре, быстро приспособилась к чуждым формам блаженства; Вскоре дядя Сандро узнал, что в его невесте действительно есть эндурская кровь, но было поздно. Дядя Сандро мужественно перенес этот удар, а это действительно было ударом. Абхазцы мирно жили с самыми разными нациями — с греками, русскими, турками, грузинами, армянами, евреями, даже с эстонцами, но вот эндурцев они боялись и не любили. И переселить этого не могли. Эндурцы — это такая очень-очень похожая на абхазцев нация — с одним языком, образом жизни, обычаями, но при этом — очень плохая нация. Эндурцы хотят взять власть над всеми нашими абхазцами.

В силу специфики жанра в творчестве Ф. Искандера происходит переосмысление содержания, перераспределение словарных компонентов лексемы *дом*: *жилище — здание — семья — род — этнос — пространство — земля — соседи — гости — родина — многоязычие*.

Концепт *дом* в творчестве Ф. Искандера отражает национальную и общечеловеческую специфику восприятия пространства, а также особенности индивидуального мировидения писателя, свидетельствующие о том, что пространственная картина *дома* многослойна и напрямую связана с категориями духовности, бытийности. Концепт дает возможность выявить ментальное содержание Дома в художественном тексте, подтверждая замечания А. Ф. Лосева о том, что язык, как мир, существует в виде иерархически организованной системы, поскольку иерархия для него — обязательная категория, как пространство и время⁶. В случае Искандера к этому можно добавить: *дом — жилье — строение — земля — этнос — род — семья — убежище — соседи — защита — родина — многоязычное сообщество* и многое другое.

В процессе реконструкции понятийного слоя концепта *дом* видится, что художественное значение данной лексемы в творчестве писателя характеризуется в большей степени индивидуальностью и разнообразием по сравнению со словарной дефиницией. Исследование в этом направлении нам представляется перспективным.

В следующей части нашего исследования мы намерены рассмотреть реализацию концепта *дом* в произведениях Ф. Искандера в аспекте литературы дома и литературы бездомья, литературы достигнутой гармонии и литературы тоски по гармонии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фешенко О. А. Концепт Дом в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале /прозаических текстов). Автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.

² Хайдеггер М. Проблема человека в западной философии: Сб. переводов / общ. ред. Ю. А. Попова. М.: Прогресс, 1992. С. 15.

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1997. С. 123.

⁴ Габуниа З. М. Лингвокультурологические особенности художественного мышления Ф. Искандера // Языковая ситуация в современном мире: междисциплинарный анализ глобальной и региональной проблематики. Пятигорск, 1998. С. 214.

⁵ Искандер Ф. Сандро из Чегема [Электронный ресурс]. URL: http://read.newlibrary.ru/read/iskander_fazil/sandro_iz_chegema.html

⁶ Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Наука, 1990. С. 135.

Gabunia Z.

THE ETHNO- AND LINGUO-CULTURAL CONCEPTUALIZATION OF HOME IN THE WORKS OF THE RUSSIAN WRITER F. ISKANDER

The paper is dedicated to the analysis of ethno- and linguo-cultural conceptualization of HOME in the works of the Russian writer F. Iskander. The literary text is presented as a cognitive process, demonstrating the integration of the author's individual idea with the wide sphere of human life and activities. The texts of Iskander assists in understanding the cognitive and social knowledge of the world picture of a certain ethnos. HOME space picture is multilayer and is directly connected with the categories of spirituality and consciousness in the form of an organized system, such as: HOME- dwelling, house, land, family, kin, ethnos, neighbors, shelter, homeland, multilingual community and etc.

Keywords: Ethno- and linguo-cultural conceptualization, home, F. Iskander, cognitive process, space of HOME.

РОССИЯ И РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЬСКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА (НА ОСНОВАНИИ ИЗДАНИЙ ВАСИЛИАНСКИХ ТИПОГРАФИЙ)

Василианские издания доказывают, что иноки интересовались судьбой страны и ее населения. Кроме книг на религиозные темы они печатали тексты, связанные с актуальной политической проблематикой — разделов Речи Посполитой. Поэтому особое место здесь занимает антироссийское книгопечатание. Это и понятно — православная церковь угрожала униатской: вопрос был связан с сохранением ордена василиан.

Ключевые слова: Василианские издания, русский язык, XVIII век, антироссийское книгопечатание.

После времен расцвета империи Петра Великого в начале XVIII века, а потом нестабильного времени правления его преемников, в конце XVIII века Россия снова становится сильной державой. Проводимая Екатериной II политика завоевания соседних земель принесла ощутимые результаты — колонизацию Сибири и зауральских областей Российской Империи, аннексию причерноморских территорий и Крыма после победы в войнах с Турцией (1768–1774 гг., 1787–1791 гг. и др.).

Этот период — конец XVIII века — является одновременно периодом падения шляхетской демократии Речи Посполитой. Надо отметить, что это не было неожиданное событие — с середины XVII века углублялся политический и экономический кризис (застой в сельском хозяйстве и торговле, деградация городов). На фоне сильных соседей — Австрии, Пруссии и России — политический кризис в Речи Посполитой имел трагические последствия. Экспансионная политика России была направлена также против западного соседа: с середины XVIII века усиливаются дипломатические и военные действия с целью добиться максимального влияния на Речь Посполитую. Это нашло свое отражение не только во вмешательстве во внутренние дела страны (например, интронизации короля Станислава Августа Понятовского в 1764 году), скрытых политических действиях (работа Коллегии иностранных дел России и Никиты Панина¹ для поддержания дисфункциональной политической системы Польши), но и в открытых военных действиях.

Эта политика была усилена после 1764 года. 24 февраля 1768 Польша и Россия подписали договор «о вечной дружбе», в соответствии с которым Речь Посполитая стала практически протекторатом России, хотя теоретически договор гарантировал неприкосновенность ее границ. В итоге долговременного кризиса в 1772 году произошел I раздел земель Речи Посполитой, в результате которого Россия получила в общей сложности 92 000 км² территории Польши: Ливонию, восточные земли за Днепром, Друтью и Двиной с 1,3 миллионным населением².

Василиане — инокс греко-католической церкви — по естественным причинам опасались восточного соседа Республики — Российской Империи. Перед реальной угрозой ликвидации униатской церкви после III раздела Польши задачей монахов стала борьба не только за религиозное, но и политическое сознание униатов. В результате, несмотря на то, что главной целью типографий, образованных в василианских монастырях на восточных границах бывшей Речи Посполитой (в Вильнюсе, Супрасли, Минске, Уневе, Почаеве и Львове) была популяризация Брестской унии (1596) среди «русскоязычных» жителей этих земель и униатского духовенства, василианские печатники вышли за рамки возложенной на них миссии. Значительное место занимает светское наследие типографий³, в котором много книг, посвященных актуальным политическим вопросам. Целью выпущенной в монашеских типографиях публицистики было формирование общественного мнения и убеждение читателей в необходимости проведения политических реформ. Благодаря географическому положению василианских типографий, их продукция попадала в первую очередь в руки местной знати, известной своим консерватизмом⁴.

По вышеперечисленным причинам (борьба за выживание униатской церкви) эти тексты были связаны с предлагаемой василианами политикой по отношению к России и печатались с целью дискредитации её политики по отношению к Речи Посполитой. Наглядным этого примером служат тексты, изданные в Супрасли: *Tajemnica podziału Polski odkryta* Константина Казимежа Платера⁵, *Sekrety gabinetów europejskich* (мемуары Фридриха II, одного из инициаторов проведения первого раздела Речи Посполитой⁶) и *O niebezpieczeństwie wagi politycznej* о политике Екатерины II⁷. Эти книги затрагивают вопросы политики двух империй по отношению к Польше, и в них делается вывод о том, что Пруссия и Россия издавна стремились к ослаблению Речи Посполитой «свободными выборами» короля, в отличие от принятого в большинстве европейских стран наследования престола. Целью изданий было раскрытие враждебной по отношению к Польше политики России и Пруссии и убеждение читателей в том, что её соседи уже давно работают против интересов Речи Посполитой (это совпадает с исторической правдой: первый секретный русско-пруссский договор о поддержке свободных выборов в Речи Посполитой был подписан уже в 1720 году⁸), а также указание на необходимость реформ, ведущих к укреплению страны, и тем самым улучшение позиции Польши в неблагоприятной международной обстановке.

В контексте нынешних рассуждений, особенно интересная последняя из упомянутых работ: *O niebezpieczeństwie wagi politycznej*..⁹, напечатана в 1790 году и переиздана через год под названием: *Katarzyna Druga Imperatorowa rosyjska* (1791). Книга имела антирусский характер, и поэтому, вероятно, из страха перед репрессиями, как место издания указаны Бжег и Санкт-Петербург. Книга представляет неизвестные то-

гда детали вступления Екатерины II на престол. Екатерина II, как жена Петра III, была регенткой несовершеннолетнего Павла, однако, в результате заговора, Петр III отрекся от престола в пользу своей жены, и вскоре после этого был убит. В дополнение к вызывающему сопротивление незаконному захвату власти в России Екатериной II, книга раскрывает механизмы ее политики, которые порочили образ восточного соседа Польши. Чтобы не пустить на престол связанных с Патриотической партией (*Stronnictwo Patriotyczne*) саксонских кандидатов, Россия навязала своего кандидата: Станислава Августа. Его коронацию «защищало» десять тысяч русских солдат. Этот прецедент, вступление иностранных войск на территорию Польши, чтобы «гарантировать» стабильную обстановку выборов, вместе с вмешательством в дела религиозной толерантности были, как отмечает автор, доказательством военного вмешательства России во внутренние дела Речи Посполитой. Эти события (политическое и военное вмешательство во внутренние дела Польши) были, по мнению автора, основной причиной объявления войны России со стороны Оттоманской Порты. Тема Польши, хотя широко обсуждалась в работе, не была единственным элементом описания внешней политики Екатерины II. Автор рассматривает также вопросы отношений России с Данией, Швецией, Оттоманской Портой, крымскими татарами, Грузией, Кабардинией. Названные страны подверглись незаконным захватам больших территорий и военных трофеев. Благодаря интригам и махинациям, политика России привела к нарушению установленного порядка в Европе. Россия была представлена в книге как государство без многовековой традиции, которое, благодаря захватнической политике, направленной против соседей, нарушило порядок во всей Европе. Автор возмущается тем, что нападение на Речь Посполитую (которое в его глазах будет позором XVIII века) и авторитарная политика Екатерины II, часто нарушающая международные договоры, могла вызывать восхищение у интеллектуальной элиты того времени: Вольтер называл Екатерину «Звездой Севера», а себя самого «священником ее церкви». Книга предупреждает, что надежды на улучшение судьбы страны нет, благодаря договорам с Россией: Екатерина II негативно относилась к реформам в Польше как угрозе для внутренней ситуации в России (идеи отмены крепостного права или придания личной свободы всем жителям Речи Посполитой) и поддерживала все движения, направленные против реформ.

Тема России появляется также в контексте Барской конфедерации, которая стала одной из причин первого раздела Польши. Стоит отметить, что она представлена иначе, чем в других изданиях напечатанных с одобрения соседей непосредственно перед и после раздела Польши, в которых предполагалось, что поляки сами виноваты в поражении страны¹⁰. Здесь, видимо, и лежит начало мифа о барской конфедерации, который появился в романтической литературе: ее представляли как знак

протеста против нарушения международного права, великий подвиг польских «сарматов».

В упомянутой выше работе *O niebezpieczeństwie wagi politycznej...* в контексте конфедерации упоминаются незаконное похищение Солтыка и пребывающих с ним в Кракове представителей знати, а затем их ссылка в Сибирь. О ссылных в Сибирь участниках барской конфедерации можно прочесть в дневнике одного из них: Кароля Любича Хоецкого¹¹. В книге можно найти подробное описание судьбы первой массовой волны польских ссылных (по оценкам историков, после барской конфедерации вглубь России сослали около 10000 человек¹²). Кароль Любич Хоецкий, автор воспоминаний, был похищен в Кракове, затем прошел путь, который стал обычным маршрутом приговоренных к ссылке поляков: из Кракова в Киев, а затем в Сибирь. В книге показаны трудные условия жизни в Сибири, истощение ссылных, которые путь в Сибирь проделали пешком¹³. Его дневник рассказывает также о дальнейшей судьбе поляков, насильственно включенных в состав российской армии и отправленных подавлять бунт против Российской империи (подавление пугачевского восстания, колонизация азиатских территорий). С ростом популярности книги быстро распространился представленный в ней новый образ России: она стала страной, в которую борцов за свободу ожидает каторга, насильственное включение в царскую армию и смерть.

Тема России встречается также в календарях конца XVIII века, которые, помимо праздников, содержат ряд советов по сельскому хозяйству, здоровью, воспитанию, политике и истории с учетом уровня читателей. В этом контексте стоит отметить, что, если издания до 1794 года информировали об основных исторических событиях на польских землях, то издание за 1795 год дает факты по истории России, что указывает на изменение исторической ситуации после разделов Речи Посполитой (после третьего раздела Польши, Супрасль, место печати календарей по договору попал в Пруссию, но весь рынок супрасльских календарей, литовско-белорусские земли бывшей Речи Посполитой, был в России). Перечисляются даты, связанные с культурой и образованием на территории России (напр. книгопечатание в Москве началось 251 лет назад, от создания университета в Киеве прошло 175 лет, Славяно-греко-латинской Академии в Москве — 118 лет, и т. д.), а также факты из экономической жизни страны (открытие медной руды и железа: 1630 год, открытие ладожского канала: 1719, екатеринского: 1665 гда). В календаре приводятся также факты из жизни Российского императорского дома, даты рождения отдельных членов императорской семьи и праздничные государственные дни.

В конце этого календаря размещено незаметное примечание, со ссылкой на одно из предыдущих изданий календаря, в котором был напечатан стих-гадание: *Wieszczba dla Polski w 1763 roku napisanej*. Стих пред-

сказывал, что Польша как Феникс поднимется из пепла и когда-то будет гордостью Европы¹⁴. В этом контексте Россия рассматривается как «империя зла», которую, однако, можно преодолеть.

С политической ситуацией после разделов Речи Посполитой связано издание книги Михаила Любича *Gramatyka rosyjska* (1778¹⁵). Это было первое василианское пособие по грамматике русского языка (ранее они издавали только грамматику церковнославянского языка). По мнению Веслава Витковского, она была сокращённым и не очень хорошим переводом известного произведения Михаила Ломоносова — «ещё не школьным учебником, но уже ярким анонсом новой исторической эпохи»¹⁶.

Книга, посвященная князю Адаму Чарторыскому, генералу Подольской земли, кавалеру ордена Белого Орла, Святого Андрея и Станислава, делится на пять глав. Первая направлена на обучение чтению и письму на русском языке и содержит алфавит, элементы произношения, правила правописания. Следующие три главы рассказывают о частях речи: имя существительное (тип, склонение и т. д.); глагол (свойства глаголов, их спряжение) и другие части речи (местоимение, причастие, наречие, предлог, союзы, междометие). Последняя глава содержит информацию о «расположении» частей речи в предложении: синтаксисе.

Тематика книг, выпущенных в василианских униатских типографиях в конце XVIII века, тесно связана с актуальной политической ситуацией и доказывает, что монахи были глубоко взволнованы судьбой страны и ее населения. Издания василианских типографий формировали мировоззрение читателей в духе открытости для политических изменений, провозглашенных польскими реформаторами. Особое место здесь занимает антироссийское книгопечатание. Это и понятно — православная церковь угрожала униатской церкви: вопрос о выборе союзников был связан с выживанием. В связи с геополитическими изменениями, которые произошли в конце XVIII века, василиане решили помочь своим читателям адаптироваться к новым реалиям, о чем свидетельствует издание грамматики русского языка или изданий календарного формата о жизни Империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Konopczyński W.*, Pierwszy rozbiór Polski, Kraków: Изд-во Acana, 2010, с. 58–60.

² *Gierowski J. A.*, Historia Polski 1764–1864. Warszawa: Изд-во PWN 1987, с. 71.

³ *Getka J.* Polskojęzyczne druki bazylikańskie (XVIII w.), Warszawa: Изд-во Bel Studio 2013, с. 52.

⁴ *Zielińska Z.* Republikanizm spod znaku buławy: publicystyka Seweryna Rzewuskiego z lat 1788 — 1790. Warszawa: Изд-во Uniwersytet Warszawski 1988, с. 20 и 44.

⁵ *Plater K.K.*, Tajemnica podziału Polski odkryta. Supraśl: Изд-во Drukarnia Bazylianów 1789.

⁶ *Fridericus II rex Prussie*. Sekreta gabinetów europejskich od r.1763 aż do terażniejszych czasów [tłum. Antoni Maksymilian Prokopowicz], [Supraśl]: Изд-во [Drukarnia Bazylianów] [1789]

⁷ [Claude Charles de Peyssonel]. O niebezpieczeństwie wagi politycznej, albo wykład przyczyn, które zepsuły równowagę na północy od wstąpienia na tron rosyjski Katarzyna II... [перевод: Antoni Bieńkowski] Brzeg (Supraśl) : Изд-во Drukarnia Bazyliańców 1790.

⁸ Konopczyński W., op.cit., c. 44.

⁹ [Claude Charles de Peyssonel], op. cit.

¹⁰ Cegielski T., Kądziela Ł. Rozbiory Polski 1772–1793–1795. Warszawa: Изд-во Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne 1990, c. 142–148.

¹¹ Chojecki K.L. Polak konfederat przez Moskwę na Syberię zaprowadzony. Razem wiadomość o buncie Puchaczowa. Supraśl : Изд-во Drukarnia Bazyliańców.

¹² Kuczyński A., Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wyd. II. Warszawa-Wrocław: Изд-во Stowarzyszenie «Wspólnota Polska» 1995, c. 58.

¹³ Chojecki K.L. op. cit., c. 78.

¹⁴ Kalendarz polski y ruski na rok 1795 pod znakiem księżycy..., Supraśl: Изд-во Drukarnia Bazyliańców 1791.

¹⁵ Lubowicz M.K.Ł.O., Gramatyka rosyjska. Poczajów: Изд-во Drukarnia Bazyliańców 1778.

¹⁶ Witkowski W. Drukarnia Bazyliańska w Poczajowie — osiemnastowieczny ośrodek kultury na Wołyniu; в: Rusek J., Witkowski W., Naumow A., Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji piśmienniczej, Kraków Изд-во Uniwersytet Jagielloński 1993, c. 236.

Getka J. P.

RUSSIA AND RUSSIAN LANGUAGE IN POLISH 18TH CENTURY PRINTS (ON MATERIAL OF BASILIANS TYPOGRAPHY)

The author argues that Basilian's printings prove that the Basilians were deeply interested in the fate of Poland and its population in the past two decades of the 18th century. The Basilians were involved in anti-Russian activities, for a simple reason: the Russian Orthodox Church threatened the viability of the Uniate Church. That can explain why the monks printed texts on the political subjects. Print of the Russian grammar was a result of a new political situation after partition of Poland.

Keywords: Basilian's printings, Russian Orthodox Church, Uniate Church, Russian language.

Глазанова Евгения Валентиновна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

zhee.glazanova@gmail.com

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (ОБРАЗ ТИПИЧНОГО МУЖЧИНЫ И ТИПИЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ)

В статье представлены результаты психолингвистического исследования стереотипных представлений о чертах личности и внешнем облике человека на русскоязычном материале. В качестве метода использовалась методика градуального эталона, предложенная В. Я. Шабесом. Материалом послужили два набора прилагательных, описывающих характер и внешность человека. Испытуемые — 50 студентов СПбГУ (25 девушек и 25 юношей) гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: психолингвистическое исследование, градуальный эталон, стереотипные представления.

В данной работе представлены результаты исследования, в котором стереотипные представления о чертах личности и внешнем облике человека изучались с помощью психолингвистической методики градуального эталона, предложенной В. Я. Шабесом¹. Материалом послужили составленные по результатам предварительного эксперимента опроса два списка прилагательных, описывающих а) характер человека (42 прилагательных) и б) внешность человека (30 прилагательных). Испытуемые — 50 студентов (25 девушек и 25 юношей) — преимущественно гуманитарных специальностей ранжировали прилагательные, описывающие характер человека, по двум параметрам — мужественность/женственность и положительность/отрицательность, а прилагательные, описывающие внешность — только по параметру мужественность/женственность². При статистической обработке результатов в качестве меры центральной тенденции распределения оценок была выбрана медиана (Me), также подсчитывался коэффициент согласованности оценок и коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Упорядочив списки прилагательных, описывающих характер и внешность, по возрастанию медиан³, мы получили соответствующие градуальные эталоны.

Начнем с результатов ранжирования у девушек-студенток. Градуальный эталон «Характер» (параметр мужественность/женственность):

мужественный (0,96), угрюмый (3,75), прямолинейный (4,5), агрессивный (5,5), грубый (6,75), молчаливый (8,5), наглый (9,17), вспыльчивый (11,5), самоуверенный (12,5), рассеянный (12,75), спокойный (14,25), остроумный (14,5), скучный (14,5), серьезный (14,75), вялый (15,17), злобный (16,5), неприятный (16,5), энергичный (17,25), адекватный (17,75), задумчивый (17,83), застенчивый (19,5), тупой (19,75), дружелюбный (20,5), забавный (20,5), надоедливый (21,5), веселый (22,17), общительный (23,25), добрый (24,5), приветливый (24,75), тихий (25,25), приятный (26,25), привередливый (27,5),

разговорчивый (27,5), строгий (28,25), живой (29,25), любопытный (33,38), взбалмошный (36,17), загадочный (37,13), капризный (37,13), истеричный (37,36), кокетливый (40,07), женственный (40,75).

В целом, девушки были более единодушны в выделении из списка типично мужских и типично женских характеристик, чем в оценке более или менее нейтральных, для которых наблюдался больший разброс оценок.

Градуальный эталон «Характер» (параметр положительность/отрицательность, девушки):

добрый (1,42), живой (5,5), адекватный (6,5), дружелюбный (6,5), остроумный (6,5), приветливый (6,5), приятный (6,5), веселый (6,7), общительный (8,5), энергичный (9,25), спокойный (10,5), забавный (11,17), мужественный (12,17), женственный (13,75), серьезный (15,25), загадочный (16,63), разговорчивый (17,5), молчаливый (17,75), задумчивый (18,25), кокетливый (18,5), тихий (20,25), застенчивый (20,38), любопытный (20,75), строгий (22,25), рассеянный (23,83), прямолинейный (24,38), самоуверенный (25,5), взбалмошный (28,25), вялый (29,5), привередливый (30,17), вспыльчивый (30,5), скучный (30,5), капризный (31,5), угрюмый (31,75), надоедливый (34,5), истеричный (34,75), неприятный (35,5), наглый (35,75), грубый (37,63), тупой (38,38), агрессивный (38,5), злобный (39,17).

Для изучения связи между двумя параметрами был подсчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена, однако он показал, что значимой корреляции между двумя градуальными эталонами не наблюдается (корреляция между двумя параметрами отрицательная и слабая ($r=-0,253$), незначимая). Следовательно, нельзя утверждать, что в целом характеристики, оцененные как наиболее мужественные, были также оценены как отрицательные, а более женственные — как более положительные.

Рассмотрим градуальный эталон, полученный при ранжировании студентками характеристик внешнего облика человека по параметру мужественность/женственность:

коренастый (1,38), накачанный (1,83), широкоплечий (1,93), большой (4,38), неуклюжий (7,25), высокий (8,25), сутулый (9,25), худощавый (9,5), некрасивый (11,75), тощий (12,25), толстый (12,38), худой (12,5), невзрачный (13,17), страшный (13,5), симпатичный (14,17), невысокий (14,25), загорелый (14,5), бледный (16,5), красивый (16,83), сексуальный (17,5), костлявый (18,25), привлекательный (18,38), полный (19,25), маленький (22,75), очаровательный (22,75), стройный (24,13), яркий (26,1), фигуристый (26,5), изящный (27,42), миниатюрный (28,17).

Согласованность оценок оказалась выше для типично мужских и типично женских характеристик, чем для нейтральных.

Перейдем к результатам ранжирования у юношей-студентов. Градуальный эталон «Характер» (параметр мужественность/женственность):

агрессивный (3,25), грубый (5,5), мужественный (5,5), угрюмый (7,5), самоуверенный (7,75), вспыльчивый (9,25), прямолинейный (9,5), серьезный (10,75), задумчивый (11,5), остроумный (11,63), наглый (12,5), рассеянный (13,75),

адекватный (14,25), скучный (15,5), неприятный (16,5), вялый (16,75), спокойный (16,75), тупой (17,25), молчаливый (18,17), злобный (18,5), надоедливый (19,83), энергичный (20,5), строгий (21,5), веселый (22,5), застенчивый (23,5), тихий (23,83), приветливый (25,25), дружелюбный (25,5), живой (25,5), общительный (25,5), приятный (28,38), привередливый (29,5), разговорчивый (30,38), добрый (30,83), взбалмошный (31,5), забавный (31,5), любопытный (33,25), загадочный (34,17), капризный (37,25), истеричный (38,63), кокетливый (39,5), женственный (40,5).

Согласованность оценок для прилагательных, расположившихся на шкале ближе к полюсам, также как и у девушек оказалась сильнее согласованности оценок прилагательных в нейтральной зоне.

Градуальный эталон «Характер» (параметр положительность/отрицательность, юноши):

остроумный (3,5), добрый (4,5), дружелюбный (4,92), живой (5,13), адекватный (6,17), приятный (6,63), веселый (8,13), спокойный (9,58), забавный (9,88), энергичный (10,5), приветливый (11,25), общительный (11,5), женственный (13,88), мужественный (14,25), разговорчивый (14,5), задумчивый (15,25), серьезный (16,17), загадочный (16,75), молчаливый (16,75), любопытный (17,5), тихий (17,63), застенчивый (19,5), прямолинейный (23,25), кокетливый (23,5), самоуверенный (25,13), рассеянный (25,5), строгий (25,5), взбалмошный (26,25), угрюмый (29,64), привередливый (30,17), вспыльчивый (30,5), скучный (30,75), капризный (31,25), надоедливый (32,75), вялый (33,25), неприятный (33,75), истеричный (35,13), грубый (36,75), тупой (36,75), наглый (37,13), агрессивный (37,25), злобный (39,17).

Согласованность оценок в среднем оказалась приблизительно одинакова для всех стимулов.

Был подсчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена для обоих параметров. Как и в группе девушек, корреляция параметров мужественность/женственность и положительность/отрицательность оказалась слабой, отрицательной ($r=-0,25$), незначимой. Это означает, что и среди юношей не распространено представление о характеристиках мужчины или женщины как в большей степени отрицательных.

Рассмотрим градуальный эталон, полученный при ранжировании студентами-юношами характеристик внешнего облика человека по параметру мужественность/женственность:

накачанный (1,1), широкоплечий (1,72), коренастый (4,25), большой (5,7), высокий (6,79), неуклюжий (8,17), сутулый (8,17), худощавый (8,25), толстый (10,75), невзрачный (11,5), тощий (11,5), худой (12,5), невысокий (13,25), бледный (13,83), некрасивый (14,17), костлявый (15,5), загорелый (16,75), страшный (16,75), полный (17,7), маленький (18,5), фигуристый (19,75), яркий (20,5), симпатичный (21,25), стройный (21,5), красивый (22,5), привлекательный (22,5), миниатюрный (24,88), очаровательный (25,75), сексуальный (26,13), изящный (26,5).

Согласованность оценок, как и у девушек, выше для типично мужских и типично женских характеристик, по сравнению с характеристиками в нейтральной зоне.

Обратимся теперь к сравнению градуальных эталонов, описывающих характер человека, полученных на группах юношей и девушек. По параметру мужественность/женственность корреляция оказалась очень высокой, положительной ($r=0,92$). Из этого следует, что девушки и юноши в целом имеют схожие представления о типичных мужских и типичных женских характеристиках, хотя для некоторых характеристик наблюдается значимое различие в их восприятии представителями разного пола. По параметру положительность/отрицательность корреляция между двумя группами оказалась также очень высокой, положительной ($r=0,98$) — несколько выше, чем по параметру мужественность/женственность. Этого, вполне, можно было ожидать: представления о положительных и отрицательных свойствах личности у представителей разных полов должны быть больше похожи, чем представления о качествах, характеризующих типичного представителя пола.

Корреляция между двумя группами при описании внешности оказалась также очень высокой, положительной ($r=0,90$). Однако при детальном рассмотрении структуры двух градуальных эталонов легко заметить, что в нижней части (ближе к полюсу женственности) наблюдаются некоторые расхождения в оценках между группами.

В целом среди испытуемых наблюдается большее согласие относительно свойств характера и темперамента типичной женщины, нежели типичного мужчины. В представлении девушек типичный мужчина характеризуется следующими качествами: *мужественный, угрюмый, прямолинейный, агрессивный, грубый, молчаливый*. Некоторые из этих характеристик оцениваются девушками как крайне отрицательные (*агрессивный, грубый, угрюмый*), напротив, *мужественный* оценивается как скорее положительная характеристика. В представлении юношей типичный мужчина характеризуется следующими качествами: *агрессивный, грубый, мужественный, угрюмый, самоуверенный, вспыльчивый*. Как и в случае девушек, какие-то из этих характеристик оцениваются юношами как отрицательные (*агрессивный, грубый, угрюмый*), остальные как более или менее нейтральные. В представлении девушек типичная женщина характеризуется следующими качествами: *женственная, кокетливая, истеричная, капризная, загадочная, взбалмошная*. Только две из этих характеристик оцениваются девушками как близкие к очень отрицательным качествам (*истеричная, капризная*), остальные же скорее нейтральны или ближе к положительным (*женственная, загадочная*). В представлении юношей типичная женщина характеризуется следующими качествами: *женственная, кокетливая, истеричная, капризная, загадочная, любопытная*. Две из этих характеристик оцениваются юношами как отрицательные (*истеричная, капризная*), остальные как более или менее нейтральные или ближе к положительному полюсу (*женственная, загадочная*).

Среди испытуемых наблюдается большее согласие относительно внешнего облика типичного мужчины, чем внешнего облика типичной женщины. В представлении девушек *коренастый, накачанный, широкоплечий, большой, неуклюжий, высокий* являются типично мужскими характеристиками. В представлении юношей типично мужские характеристики те же, однако расположены в другом порядке: *накачанный, широкоплечий, коренастый, большой, высокий, неуклюжий*. В представлении девушек типичная женщина характеризуется следующими качествами: *миниатюрная, изящная, фигуристая, яркая, стройная, очаровательная*. В представлении юношей типично женскими характеристиками являются: *изящная, сексуальная, очаровательная, миниатюрная, привлекательная, красивая*.

Как показали результаты данного исследования, гендерные стереотипы и представления об образах типичного мужчины и типичной женщины могут быть описаны с помощью психолингвистической методики градуального эталона. Полученные в настоящей работе экспериментальные данные о том, как студенты и студентки представляют себе и оценивают образы типичного мужчины и типичной женщины, в целом не противоречат данным, полученным в этой области исследователями, использовавшими другие методики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

² Каждая характеристика давалась в виде «красивый/красивая», «агрессивный/агрессивная» и т. п., но далее в тексте мы будем приводить только одну форму.

³ В тексте медианы указаны в скобках непосредственно после соответствующего стимула.

Glazanova E. V.

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH ON STEREOTYPICAL IMAGES OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS (IMAGE OF A TYPICAL MAN AND A TYPICAL WOMAN)

The article presents the results of psycholinguistic research on stereotypes of personality traits and appearances, based on the Russian language material. The method used for the research was the gradual etalon method offered by V. Y. Shabes. Material for the research were two sets of adjectives describing character and appearance of a person. The subjects were 50 students of humanitarian faculties of the St. Petersburg State University (25 women and 25 men).

Keywords: psycholinguistic research, gradual etalon, stereotypical images.

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова, Россия

golmonat@mail.ru

Шестакова Лариса Леонидовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук, Россия

lara.shestakova@mail.ru

О КОРПУСНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМИГРАНТСКОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются результаты применения корпусных методов в исследовании русской эмигрантской речи.

Ключевые слова: эмигрантская русская речь, корпусное исследование, ономастика, топоним.

Материал исследования — корпус текстов устной речи представителей первого и второго поколений русской эмиграции «первой волны», который складывался преимущественно в 1991–1992 гг. во Франции¹ и в 1995 и 1998 гг. в Канаде², где было опрошено 97 человек (количество интервью — 85). Текстовая база включает в себя 181 519 словоупотреблений.

Староэмигрантская русская речь, звучавшая в 1990-е гг. на Западе, — это тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной, «волны», жившие в разных странах русского «рассеяния». В указанное время во Франции и в Канаде носителями ее были те очень немногочисленные представители самого первого поколения русского зарубежья, которым на момент записи интервью было за 90 лет, а также их дети, большинство которых родились еще в России, были привезены в эмиграцию в возрасте от четырех месяцев до восьми лет и которым в период записи интервью было, в основном, за 70 лет. Эта речь несет на себе отпечаток произносительных, грамматических и лексических норм русского литературного языка конца XIX — начала XX в., иногда словоупотребления 1930–40-х гг. В ней видны разрушительные для фонетической, грамматической и лексической систем следы многолетнего «погружения» носителей русского языка в иноязычную среду.

Как известно, изучение языкового материала с помощью корпусных методов открывает перед лингвистами новые возможности. Так, обработка корпуса староэмигрантских текстов с помощью автоматизированной системы «Диктум-1» (система «содержит в себе морфологический, лексико-семантический и морфемный анализаторы русского языка, поисковый и сортировочный аппарат, аппарат получения первичной статистики <...>, сортировки и просмотра отобранных единиц в конкордансе

переменной длины и просмотра отобранных единиц в режиме „прозрачного текста“»³), полученные в результате этого словники и конкордансы позволяют выявить состав и структуру лексикона носителей староэмигрантской речи, выделить в нем единицы разных классов, разной частоты употребления, системно изучить грамматические, стилистические и иные особенности этой речи. Те направления изучения лексики, которые были выявлены при обработке материала «ручным» способом, могут быть продолжены с опорой на корпус. Здесь же, используя наш опыт в изучении имен собственных⁴, остановимся на ономастической лексике, обилие которой бросается в глаза даже при беглом просмотре материалов.

Общий ономастический словник, выделенный с применением пометы SOBST., показывает, что объем имен собственных в корпусе составляет 1816 словоформ, включая иноязычные вкрапления (преимущественно французские, но также английские, немецкие, испанские — в латинице и реже в транслитерированном виде). В составе ономастикона выделяются совокупности географических названий — топонимов и примыкающих к ним гидронимов — двух типов: иностранные и российские. Наличие большого числа топонимов объяснимо — в картине мира носителей эмигрантской речи понятие географического пространства с вынужденными в нем перемещениями — важнейший фактор существования. Начало частотного топонимического словника выглядит следующим образом:

1. Россия [388]
2. Франция [288]
3. Париж [244]
4. Москва [102]
5. Америка [92]
6. Петербург [86]
7. Германия [82]
8. Канада [76]
9. Польша [76]
10. Югославия [62]

Как видно, в этом списке преобладают иностранные топонимы. Однако обратим внимание на то, что первые две строчки занимают *Россия* и *Франция*, вторые две — *Париж* и *Москва*. При этом российские столицы Москва + Петербург + Петроград + Ленинград дают в совокупности 223 употребления — немногим меньше, чем Париж.

Рассмотрим массив иностранных географических названий.

Иностранные топонимы и гидронимы представлены 134 единицами с общей частотой употребления 2700. Это названия континентов, стран (включая регионы, провинции, города и т. п.), океанов, морей, рек (список дан в сокращенном виде):

- ЕВРОПА 14: Дунай 6, Балканы 4; Франция 290: Нормандия 5, Турень 2 / Touraine 1, Бретань 1 / Bretagne 3, Иль-де-Франс 1, Лотарингия 1 / Lorraine 1, Эльзас 1, Сена 2, La-Manche 1, île Maurice 1; Париж 248, Ницца 47, Тур 13, Версаль 8 / Versailles 1, Медон 8, Кламар 5 / Clamart 2, Лион 5 / Lyon 1, Бордо 4 / Bordeaux 2, Мурмелон 4, Брест 3, Марсель 3, Тулон 3, Биарица 2, Гренобль 2, Фавьер 2 /

(La) Favière 2, Аньер 1 / Asnières 1, Булонь 1 / Boulogne 2, Лилль 1, Намюр 1, Руан 1, Сеп-Женевьев-де-Буа 1 / Sainte-Geneviève-des-Bois 2, Труа 1, Тулуза 1, Quincy 12, Fontainebleau 11, Richelieu 10, Saint-Cloud 4, Lonjumeau 3, Névers 3, Beauvais 2, Cannes 2, Gagny 2, Rambouillet 2, Bormes-les-Mimosas 1, Caen 1, Chantilly 1, Courbevoie 1, Drancy 1, Indre-et-Loire 2, Melun 2, Metz 1, Monmorency 1, Promainville 1, Reims 1, Saint-Lo 1, Saint-Quentin-les-Îvelines 1, Vichy 1, Ville-Paris 1; *Германия* 83: Берлин 24, Мюнхен 5, Франкфурт 3, Одер 3, Висбаден 3, Восточная Пруссия 2, Тироль 2, Гамбург 1, Рейн 1, Аушвиц 1, Нойнгам 1, Саксония 1; *Польша* 76: Варшава 7, Быдгощ 2, Люблин 2; *Югославия* 62: Сербия 19, Белград 12, Дубровник 3, Сремски Карловцы 2, Загреб 1; *Чехословакия* 25 и Чехия 13, Словакия 9: Прага 32 / Prague 1, Моравская Тржебова 3, Богемия 1, Братислава 8, Владомирово 1; *Болгария* 32: София 9; *Румыния* 30: Бухарест 4; *Англия* 24: Лондон 7; *Бельгия* 20: Брюссель 3; *Италия* 15: Триест 3, Milano 1; *Испания* 9; *Австрия* 7: Вена 18; *Греция* 6: Афины 1, Афон 1; Швейцария 6; *Турция* 3: Константинополь 48, Галиполи 10.

АМЕРИКА 94 и *Соединенные Штаты (Штаты)* 1) 26: Нью-Йорк 30, Син-Клиф 6, Сан-Франциско 5, Флорида 4, Брайтон 2, Виргиния 2, Джорданвилл(ь) 2, Калифорния 1, Гарвард 1, Монпелье (Вермонт) 1, Санта-Барбара 1, Аляска 1, Бостон 1, Pearl Harbor (Гавайи) 2; *Канада* 76: Монреаль 21, Оттава 3, Квебек 3, Роуден 4, Торонто 3, Ладель 1.

АФРИКА 7: Марокко 25, Египет 8, Бизерта 5 / Biserte 1, Касабланка 1, Тунис / Тунизия 1, Раббат 1, Абиджан 1, Liotet 4.

АЗИЯ 1: Китай 24: Шанхай 11, Харбин 5, Пекин 2, Тяньцзинь 1; Персия 8: Тегеран 1; Индия 6, Памир 2; Святая земля 1; Индонезия 1: Ява 3; Вьетнам 1.

АВСТРАЛИЯ 5.

Адриатическое море 1, Аравийское море 1, Атлантический океан 2, Каспийское море 1, Индийский / Индусский океан 3.

Иностранная топонимика ясно отражает прошлое и «настоящее» (1990-е гг.) «рассеяния» российских эмигрантов по странам и континентам: *Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия*. Среди топонимов имеются не только, по определению А. В. Суперанской, «имена объектов со всемирной (всеобщей) известностью» (например, *Франция, Париж*), но и «именования, известные более или менее широкому кругу лиц» (таковы, в частности, *Медон и Кламар / Clamart*, тесно связанные с прошлым и настоящим русской эмиграции во Франции), а также «узколокальные именованья с малой известностью»⁵ (*Quincy* под Парижем, *Син-Клиф* в США).

Особенно хорошо представлены *Франция* (288) и *Париж* (244), где с середины 1920-х гг. формируется центр русского «рассеяния», причем частотность французских топонимов может отражать и прошлое, и настоящее самих эмигрантов. Так, Б. Н. Лосский, сын философа Н. О. Лосского, был в 1947–1970 гг. хранителем музеев в нескольких городках Франции — Туре (*Tur* 13), Ришелье (*Richelieu* 10), а присутствие в списке таких французских топонимов, как *Нормандия* (5) и *Sarentan* (3) обусловлено местом работы и проживания (на момент записи интервью) одного из информантов.

Топонимы «рассказывают» о черноморском «исходе» армии Врангеля и ее пребывании в Константинополе (*Константинополь* 48), Галиполи (*Галиполи* 10) и на острове Лемнос (*Лемнос* 12), прибытии в декабре

1920 г. четырех тысяч моряков и двух тысяч членов их семей на 33 русских кораблях Черноморского флота на французскую военно-морскую базу в Тунисе (*Бизерта* 5 / *Biserte* 1, *Тунис* / *Тунизия* 1). Позже русских эмигрантов принимают Болгария (*Болгария* 32), королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (*Югославия* 62, *Сербия* 19) и другие страны.

Что касается Канады (*Канада* 76), то небольшое количество ее топонимов в корпусе текстов объясняется тем, что основная часть эмигрантов «первой волны» и их потомков въехали в страну лишь после 1945 г., покинув по разным причинам Чехословакию, Болгарию, Югославию, Румынию, Францию, Бельгию, Китай. Именно поэтому в интервью с канадскими эмигрантами топонимы, связанные с перечисленными странами, присутствуют чаще, чем топонимы канадские.

При том, что иностранные топонимы занимают большую часть выделенного топонимического пространства, самым частотным географическим названием является имя собственное *Россия* (388). Прямое сопряжение России и Франции выражено в таком определении одного из информантов: «две родины: Россия и Франция».

Особенности употребления топонимической лексики демонстрируют данные конкордансов. Конкорданс имен собственных показывает, что в эмигрантской речи оним *Россия* выступает в виде словоформ: *Россия* (38), *России* (258; род., дат., предл.), *Россию* (75), *Россией* (17). Этот топоним слабо «поддерживается» своими производными: *россиянин, россияне* (3), *российский* (3), т. е. название страны, «родины отцов» оказывается самодостаточным (вопроса о соотношении в корпусе эмигрантской речи слов *Россия* и *русский* мы здесь не касаемся).

Анализ контекстов с топонимом *Россия* позволяет воссоздать представление о родине, характерное для эмигрантов «первой волны» (в особенности второго поколения), вычленив ассоциации, уловить эмоции, которые вызывает у эмигрантов «реалия», стоящая за этим именем собственным. Так, для них важно идентифицировать себя с Россией (прежней, «старой», другой, «которой нету»), акцентировать свою принадлежность к ней по рождению: «говорю / что Россия моя отчизна», «Россия / родина отцов» (встречается в речи разных информантов), «принадлежали к России», «родилась в России», а также подчеркнуть ее величие: «этой великой России», «Это великая / богатая / знатная [Россия]», «Россия была богатая». Не случайны поэтому многочисленные высказывания, в которых Россия является предметом мыслей, разговоров, интересов (в качестве опорных здесь выступают глаголы *думать, интересоваться* и др.): «думала о России», «говорить о России», «интересуюсь Россией», «молюсь о России». Ср. также конструкции с глаголом *жить* в значении «быть целиком занятым, поглощенным чем-л.»: «я живу Россией», «живем только Россией», «Мы-то живем Россией старой / все-таки». Для эмигрантов «первой волны» важно и прямо выразить свою любовь к родине. Свидетельство этого — повторяющиеся высказы-

вания с глаголом *любить*: «Я люблю Россию», «всегда любила Россию», «очень любили Россию» и под. С этим непосредственно связаны и желания добра родине, и вера в ее будущее: «думаю / что Россия воскреснет», «и Россия восстановится», «/ чтобы Россия снова воскресла».

Эмигрантский образ России формируют и другие имена собственные, зафиксированные в ономастическом словнике:

Агашкино 1, Александровск 1, Байкал 1, Беленькое 5, Владивосток 2, Владикавказ 2, Волга 4, Волокитино 1, Воронеж 6, Гатчина 1, Дон 7, Екатеринославская губерния 1, Новгород 3, Новороссийск 7, Кавказ 7 / Саусасе 1, Кисловодск 4, Кострома 4, Крым 23, Ленинград 19, Москва 102, Новочеркасск 3, Петербург 86 / Saint-Petersbourg 1, Петергоф 2, Петроград 16, Свистовка 1, Севастополь 8, Сергиевское 3, Сибирь 13, Симферополь 3, Сталинград 3, Тверская губерния 1, Феодосия 1, Финский залив 1, Черноморье 1, Чиченик(и) 2, Ялта 3.

Эти имена образуют своего рода географическую карту, которая может быть детализирована, местами «дешифрована» (ср.: *Волокитино*, *Свистовка* и под.). Но, как видно, на ней представлены названия российских регионов, губерний, городов, деревень, а также водных пространств, среди которых выделяются *Волга* и *Байкал*.

Обработанный материал показал, что данные даже предварительного анализа корпуса староэмигрантской речи позволяют получить такую картину словоупотребления (в нашем случае — употребления ономастических единиц), которую с помощью традиционных методов обработки языкового материала выявить было бы весьма затруднительно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голубева-Монаткина Н. И.* Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС, 2004. 480 с.

² *Голубева-Монаткина Н. И.* Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС, 2004. 384 с.

³ *Поликарпов А. А.* Славянская компьютерная лексикография: задачи и проблемы [Электронный ресурс] // [МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии]. [Москва, 2001]. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_lex.htm (дата обращения: 14.11.2014).

⁴ *Шестакова Л. Л.* Личные имена в рифмах Марины Цветаевой (по материалам словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века») // Чужбина, Родина моя! Эмигрантский период в жизни и творчестве Марины Цветаевой / отв. ред. И. Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. С. 441–453; *Шестакова Л. Л.* Мифоним *Азраил* в истории поэтического языка // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей / отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 81–116.

⁵ *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.

Golubeva-Monatkina N. I., Shestakova L. L.

CORPUS-BASED APPROACH TO RUSSIAN EMIGRANT LANGUAGE STUDY

The paper discusses the efficiency of applying the corpus-based approach to Russian emigrant language study.

Keywords: Russian emigrant language, corpus-based approach, onomastics, toponym.

Голяк Светлана Владимировна

Белградский университет, Сербия

svetlanagoljak@yahoo.co.uk

НОМО SAPIENS И «ЧЕЛОВЕК НЕРАЗУМНЫЙ» В ОБРАЗАХ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В работе на материале русской и сербской фразеологии проанализированы культурные стереотипы и представления, выражающие оценку разумности / неразумности человека. Во фразеологических образах *ум* обычно представляется как внутреннее пространство человека, имеющее ряд атрибутов: свое, замкнутое, устойчивое, целостное, полное. Отклонения от нормы показаны как нарушения указанных атрибутов, отсутствие ума (головы) как воздействие внешней силы и др.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурологический, русский, сербский.

Восприятие человеком своего внутреннего «я», оценка собственных и чужих ментальных процессов, оценка рациональности поведения, соответствующего общественной норме или являющегося отклонением от нее, находит широкое отражение во фразеологии. Подобные культурные установки и стереотипы выражают общую оценку разумности / неразумности человека, в связи с чем конкретный индивид классифицируется как «нормальный», здравомыслящий, предсказуемый член социума или как «ненормальный» (*странный, дурак, сумасшедший* и т. д.). Целью настоящей работы было выявление, систематизация и сопоставление данных культурных установок и средств их языкового выражения на материале русской и сербской фразеологии. В качестве основного метода анализа выбрана лингвокультурологическая интерпретация фразеологизмов.

Лингвокультурологическая интерпретация, разработанная школой В. Н. Телия, базируется на многопараметрической модели значения фразеологизмов¹ и заключается в соотношении образного основания оборотов со сферой культуры как особой знаковой системы. В образном основании фразеологизмов выделяются культурно-смысловые слои: архетипические оппозиции, базовые мифологические представления; библейские, фольклорные, этнографические, исторические, литературно-публицистические слои культуры; символы, эталоны и стереотипы, что показано в ряде монографий, а также в словаре нового типа «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телия², материал которого использован в данной работе.

Основной материал исследования составили русские и сербские фразеологизмы с компонентами *ум, голова* — *память, глава*, а также другие обороты, содержащие в своем значении оценку разумности / неразумности человека, взятые из фразеологических словарей двух языков.

Восприятие человека как разумного существа в нашей культуре предполагает наличие у него *ума* (рассудка) и соответствующих умений, черт поведения: умения правильно рассуждать и адекватно оцени-

вать окружение и события; умения адекватно (рационально, ожидаемо, уместно, в соответствии с принятыми нормами) реагировать на происходящее; способности самоконтроля, управления своими эмоциями и поступками. По словам М. Л. Ковшовой, «представление об уме как о естественно присущей способности человека мыслить и действовать адекватно относится к культурным универсалиям»³. Наличие ума отождествляется с нормальным психическим состоянием человека, что проявляется в его действиях и поступках. При этом уму, как справедливо отмечает В. В. Красных, отводится главенствующая, руководящая роль: «рациональное (интеллектуально-волевое) «я» контролирует эмоциональное и чувственно-мысленное «я», что в духовном коде культуры, т. е. в совокупности нравственных ценностей, установок и представлений, оценивается положительно»⁴.

В образах анализируемых фразеологизмов обоих языков содержится несколько базовых семантических переносов: во-первых, это многочисленные пространственные метафоры, когда ум представляется как некое пространство с рядом атрибутов, необходимых в норме (свое, замкнутое, устойчивое, целостное, полное и др.); пространственные представления о голове как месте нахождения мозга, а также мыслей как независимых сущностей; во-вторых, метонимическое отождествление ума и головы в функции мыслительной деятельности и синекдохическое отождествление ума (головы) и человека как части и целого. Отклонения от нормы соответственно чаще всего показываются как отсутствие ума, головы или недостаточное количество их внутреннего содержания (мозга и под.), как нарушение указанных атрибутов внутреннего пространства человеческого «я», как воздействие внешней силы и др., что показано на конкретных примерах ниже.

Многие фразеологические образы изображают внутреннее «я» как внутренний мир, или пространство личности и, в частности, ум как внутреннее мыслительное пространство каждого человека, присущее ему от рождения. Мысли описываются как некоторые независимые сущности («приходящие» в ум как «вместилище» и под.): рус. *приходить / прийти в голову* — серб. *пасти на памет* (досл. «упасть на ум»); рус. *на уме (в голове) у кого* — серб. *држати у глави* (досл. «держат в голове») и *имати на уму (памети)*; рус. *в голове не укладывается* — серб. *не иде ми у главу* (досл. «мне в голову не идет») «не могу поверить / понять» и др.

По данным фразеологии, внутреннее личностное пространство имеет ряд важных атрибутов: в норме оно является «своим», закрытым (замкнутым, имеющим границы); устойчивым, полным (заполненным), целостным. Отсутствие данных атрибутов получает негативную оценку. Тем самым во фразеологизмах реализуются архетипические оппозиции «свой — чужой», «внутренний — внешний», «полный (целый) — неполный (пустой, нецелый)».

Пребывание человека в своем уме (во внутреннем пространстве) отвечает норме, состоянию здоровой психики: ср. рус. *в своем уме, в полном (здоровом) уме, в полном (здоровом, твердом) рассудке* — серб. *бити при здравој памети* «в нормальном психическом состоянии»; рус. *прийти в себя* — серб. *доћи (к) себи* «...обретать способность здраво размышлять»; серб. *при себи* (досл. «при себе (в себе)») «быть собранным; нормальным, предсказуемым». Соответственно психически ненормальные состояния, неспособность контролировать эмоции изображаются как ненахождение во внутреннем пространстве, выход за его пределы: *не в своем уме* «в ненормальном психическом состоянии»; рус. *не в себе* — серб. *(из)ван себе* «в сильном душевном расстройстве»; *выйти из себя* «лишиться самообладания» (неконтролируемый выход эмоций за пределы личности расценивается негативно); рус. *вывести из себя* «лишать самообладания» — серб. *избити из такта* (досл. «выбить из такта»); в сербском обороте проводится параллель между нарушением внутренней гармонии и музыкальной.

К идее выхода за пределы близка и идея движения, т. е. сдвига во внутреннем пространстве (в отличие от устойчивости, стабильности психики в норме). Эта идея отражена в переносном значении многих глаголов движения и образованных от них слов, а также в семантике фразеологизмов, описывающих странного или сумасшедшего человека: рус. *сойти с ума* — серб. *скренути памећу (с ума)*; *спянуть, тронуться в уме (рассудке) / умом (рассудком)* «стать психически больным, ненормальным человеком», *сумасшедший, тронутый*, серб. жарг. *скренути* (досл. «свернуть») «сойти с ума»; *мозги набекрень* «кто-либо с придурью, с причудами». Здесь ум символизирует саму основу человеческого бытия, опору человека, его «твердую почву под ногами». С другой стороны, ряд оборотов со значением потери способности рассуждать, действовать разумно (вследствие усталости, каких-либо событий и др.) изображает нарушение неподвижности верха дома или другого строения, что имеет прямую параллель с разумом как интеллектуальным «верхом»: *крыша поехала, башню снесло* и др.

Иной идеей, отличной от идеи устойчивости, стабильности ума как внутреннего пространства и опоры человека, является идея движения как олицетворения работы мозга: ср. *шевелить мозгами (извилинами)* «соображать, думать, размышлять»; серб. *(не) раде му кликери* («у него (не) работают шарики») «(не) понимает»; ср. также обороты, описывающие последствия перенапряжения работы мозга: *шарики за ролики заходят, ум за разум заходит*. Работа мозга может представляться и при помощи «пищевой» метафоры: ср. *голова (котелок, мозги) варит (варят) у кого-л.* «сообразительность имеется», где голова уподобляется котлу как круглому сосуду, а процесс размышления — варению в нем пищи.

Важным атрибутом внутреннего мыслительного пространства является его полнота, наполненность; при этом ум отождествляется с мозгом,

«серым веществом» в голове человека, а отсутствие ума уподобляется пустоте в голове: *пустая голова, (голова) без мозгов, голова два уха, пенек с ушами*. В обороте *без царя в голове* ‘глуповат, без соображения’ к этим представлениям добавляется метафорическое уподобление ума как руководящего начала личности и царя как идеи высшей власти (ср. также пословицы *Свой ум — царь в голове; У каждого свой царь в голове*). Высокие количественные параметры внутреннего содержания головы указывают на высокую оценку способностей человека: ср. *ума палата*. «Вещественное» восприятие ума делает возможными многочисленные метафоры, показывающие, что содержимое сознания, наподобие вещам, можно продавать, приобретать, покупать, накапливать, выбрасывать, терять, складывать, сортировать или пропивать: ср. *набираться ума, растерять последний ум, перебирать в уме, пропить последний ум, выбросить (выкинуть) из головы*; серб. *просипати (продавати) памет* (досл. «рассыпать (продавать) ум») ‘умничать’, *солити некоме памет* (досл. «солить кому-л. ум») ‘навязывать свое мнение; давать ненужные советы’ и мн. др.

Полнота как внутренняя целостность служит в качестве важнейшего атрибута нормы. Так, В. В. Красных пишет о «древнейшей форме осознания мира и коллективно-родового (надличностного) моделирования мира-хаоса, в которых представление о здоровье связывается с идеей цельности (ср. *ис-цел-ить, цел-итель*)»⁵. Отсутствие цельности, неполнота, ущербность указывают на болезнь. Это справедливо и в отношении психического здоровья, примеры чему мы находим в различных языках. Так, сербская лексема *читав* ‘весь, целый’ имеет переносное значение ‘умный, нормальный’, что реализуется обычно в конструкциях с отрицанием типа *Он није читав* ‘Он ненормальный’. Идея неполноты как психического отклонения отражена в оборотах: рус. *не в полном уме, не вполне нормальный*, серб. *фали му нешто* (досл. «ему чего-то не хватает») ‘ненормальный’. Конкретизацией подобных представлений о неполноте как отклонении от нормы, а также о «вещественном» наполнении головы служат образы ущербных конструкций и механизмов в голове: рус. *винтика (клепки) в голове не хватает у кого-л.* ‘кто-л. глуповат, придурковат, со странностями’; сербские обороты с тем же значением: *немати све шарафе у глави* (досл. «не иметь всех шурупов в голове»), *фали (недостаје) некоме једна (трећа, четврта) даска у глави* (досл. «кому-л. не хватает одной (третьей, четвертой) доски в голове»).

В обороте *не все дома у кого-л.* ‘не все в порядке с головой’ заключено сопоставление полноты мыслительного пространства человека (нормы) с присутствием в доме всех домочадцев, т. е. слаженным устройством быта, укладом семьи. Ср. сербский (реже употребительный) оборот с тем же значением: *нису му све козе (овце) на броју* (досл. «у него не все козы (овцы) целы»), где интеллектуальная полнота уподобляется наличию всех животных в крестьянском хозяйстве.

Умственные отклонения и неразумное или странное поведение человека в многочисленных фразеологизмах изображаются как результат внешнего воздействия. Здесь реализованы ассоциации с животным миром: ср. *вожжа (шлея) под хвост попала, какая муха укусила кого*; серб. *врана је некоме мозак попила* (досл. «ворона у кого-л. мозг выпила») ‘кто-л. не в себе’; ассоциации с растительным миром: рус. *белены обзелся*, серб. *нисам пао с крушке* (досл. «я не упал с груши») ‘нормальный’; с мифологическим миром: серб. *ђаво је ушао у главу* (досл. «дьявол вошел в голову») и др. Выше уже упоминались воздействия других субъектов, нарушающие целостность, гармонию человека; они могут быть представлены как удар по голове и под.: рус. *как (будто) пыльным мешком (из-за угла) ударенный* — серб. *добити врећом (џаком) по глави*; серб. *ударен (мокром крпом по глави)* (досл. «ударенный (мокрой тряпкой по голове)») ‘ненормальный’.

Дополнением к рассмотренным представлениям о разумности / неразумности человека могут служить стереотипы восприятия глупости и безумия, отраженные во многих экспрессивных выражениях с компонентами *дурак*, серб. *луд* ‘сумасшедший’ и т. п. Данный материал не вошел в работу в силу ее ограниченного объема.

Сопоставление сербских и русских фразеологических оборотов показало общие (общечеловеческие) оценки и представления, связанные с нормами и странностями поведения человека. Фразеологизмы отражают восприятие ума как своего, закрытого внутреннего пространства, устойчивого, полного и целостного. Нарушение одного или нескольких данных параметров указывает на умственные отклонения, на неразумное поведение.

Сопоставление фразеологических образов двух языков (в данном случае русского и сербского) служит дополнительным средством для осознания культурной семантики: оно выявляет основную линию переосмысления (модель), базовую метафору и под., тогда как конкретно-языковое лексическое наполнение модели делает сопоставляемые образы ярче и понятнее. Поэтому применение подобных методов и результатов анализа в преподавании РКИ обеспечивает лучшее понимание комплексного значения фразеологизмов и особенностей их употребления, нахождение общечеловеческих и специфических в национально-языковом отношении компонентов фразеологической семантики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

² Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 461.

Golyak S. V.

**HOMO SAPIENS AND HOMO STULTUS («FOOLISH MAN»)
IN SLAVIC PHRASEOLOGY IMAGES**

Exploring Russian and Serbian phraseology, this article analyzes cultural stereotypes and images which represent the evaluation of how reasonable / unreasonable a person is. In idiomatic images human mind is usually represented as a person's internal space having a number of attributes: one's own, closed, sustainable, holistic, complete. Deviations from the norm are shown as a breach of these attributes, being out of mind (losing head), or as the effect of external forces etc.

Keywords: phraseology, linguocultural, Russian, Serbian.

Гоциридзе Давид Зурабович

*Тбилисский государственный университет
им. Иванэ Джавахишвили, Грузия*

davidgotsiridze@yahoo.com

**Имнадзе Борис Леонидович
Джагоднишвили Темур Иванович**

Грузинский Технический университет, Грузия

boris151132@rambler.ru, jago-temo@rambler.ru

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНОФАКТУРНЫХ БЛОКОВ
В СТРУКТУРЕ ПЛАКАТНОГО ТЕКСТА**

В работе рассматриваются лингвистические механизмы исследования плаката, представляющего специфическую разновидность комбинированного текста, включающего в себя разнофактурные информационные блоки, взаимодействие которых определяет композиционные возможности и закономерности в построении произведений искусства. Теоретическая сущность плакатного текста анализируется на материале творческого наследия В. В. Маяковского, искусство которого реализует все типовые структуры плакатного жанра.

Ключевые слова: комбинированный текст, интенция, структура, фактура речи.

Исследование композиционных возможностей и закономерностей в построении произведений искусства относится к числу наиболее интересных проблем лингвистики текста. Атомистский подход к кино- и телетексту позволяет утверждать, что минимальной информационной единицей выступает кадр, который фактически является сочетанием изображения и вербального текста. Если вспомнить историю кино, то следует отметить, что первые «движущиеся фотографии» сопровождались соответствующими титрами, которые в звуковом кино были заменены звучащим словом. Сочетание рисунка и текста легло в основу теории кадра. И кадр, и плакат имеют свои границы, и свои внутренние сюжеты, и свою внутреннюю структуру. Однако на этом их сходство кончается, ибо плакат обладает значением целостности, независимости, а кадр представляет собой элемент телетекста. Кино, возникшее на базе фотографий, которые образовывали последовательную серию и приводились в движение, имеет фотографию своим далеким предком, а о родственности фотографии и плаката говорить не приходится. Таким образом, современный телетекст можно так или иначе признать усложненным и усовершенствованным родственником фотографии и, следовательно, плаката, несмотря на некоторое различие. Известно, что эстетические принципы создания фильма подсказали С. Эйзенштейну мысль о возможности (и даже необходимости) подхода к любому виду искусства под углом зрения монтажности, т. е. целостного впечатления от индивидуальных элементов художественного произведения, скомпонованных

в единое целое. В основе этой закономерности лежит важнейший композиционный прием, когда два самостоятельных художественных элемента, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество.

Вербальный блок плакатного текста в смысловом восприятии следует за так называемым первичным текстом, представляя собой его своеобразную интерпретацию. Несмотря на то, что в плакатном тексте ведущим следует признать графико-изобразительный блок, имеющий иную семиотическую фактуру, а в мегатекстах, содержащих комментарий, резюме, заключение и т. д., первичным является вербально выраженная информация. «Зависимые» компоненты мегатекстов, интегрирующих указанные структуры, фактически выполняют одну и ту же функцию — интерпретируют содержание основной части, т. е. текста-дистиллята.

Характеризуя функции, характерные для интертекстовых отношений в составе плакатного мегатекста, следует отметить, что вербальная часть может иметь интерпретирующую функцию, что проявляется в том, что происходит своеобразное объяснение смысла графического изображения, разъяснительную-комментирующую мотивы графико-изобразительного текста, указательную, отсылающую к графико-изобразительному блоку и не содержащую разъяснительной информации, референтную (соотносящую комментирующую информацию с соответствующей ситуацией), репрезентативную (когда графико-изобразительная часть в коммуникативной ситуации замещается вербальной частью).

Указанные функции относятся к вербальной части. К ним необходимо добавить и функции, которые выполняет графико-изобразительная часть по отношению к вербальной. В первую очередь, следует отметить эстетическую функцию, ибо, чтобы обратить на себя внимание, плакат должен смотреться, и здесь не последнее место занимает художественность его формы. Наряду с эстетической функцией следует выделить также установочную функцию, сущность которой заключается не в простом изображении того или иного явления, а в том, чтобы заставить получателя информации воспринимать его согласно прагматической установке «отправителя сообщения». Говоря иными словами, данная функция формирует установку, т. е. готовность поведения в определенном, нужном для воздействующего субъекта направлении. Разумеется, текстовые функции вербальной и графико-изобразительной частей характеризуют синтагматические отношения внутри плакатного мегатекста. Что касается самого плаката, то и у него есть свои функции, не сводимые к функциям, возникающим внутри текста. Плакатный текст выступает как единый целостный знак, и его значение не сводимо к значению его отдельных частей. В процессе реальной коммуникации его основным назначением является обеспечение интенциональной программы отправителя, что выражается в следующих функциях: апеллятивной (плакат

должен обратить на себя внимание, чтобы реализовать свою коммуникативную функцию), информативной (он должен нести определенное содержание, нужное и полезное с точки зрения адресата), воздействующей (помимо информирования плакат должен заставлять адресата принять точку зрения отправителя сообщения).

Следует отметить, что плакатные функции взаимосвязаны и выдвигаются на первый план в зависимости от интенциональной программы конкретного текста. Если в коммуникативной ситуации важным является привлечение внимания, то на первый план выдвигается апеллятивная функция, если необходимо точно передать конкретное сообщение — актуализируется информативная функция и т. д., но даже при выдвигении на передний план той или иной функции возможно их сосуществование в пределах одного плаката.

По своему жанровому характеру плакатные тексты неоднородны. Существуют следующие разновидности плаката: художественный, политический, агитационный, сатирический, агитационно-пропагандистский и др. Данные разновидности жанра связаны, в основном, с выдвиганием на передний план той или иной функции, указанной выше. Что касается их текст-лингвистической природы, то с полным основанием можно утверждать, что они абсолютно идентичны как в общетак и интрасемиотическом значении, что делает излишним их рассмотрение по отдельности.

Исходя из ключевых категорий лингвистики текста, попытаемся сформулировать наши соображения по поводу текст-лингвистического статуса плаката и на их фоне рассмотреть специфику плакатного текста, представляющего особую разновидность дискурса. С нашей точки зрения, из существующих в современной лингвистике текст-типологических концепций для интерпретации плакатного текста релевантными являются следующие классификационные признаки, отражающие его специфику и место в общей системе теории дискурса: а) форма существования; б) характер проявления связности и цельности; в) внутрискруктурные семантические отношения; г) коммуникативные задачи. С точки зрения формы существования, плакат представляет собой смешанный, бифактурный текст, реализованный графико-изобразительной и графико-вербальной фактурами.

С точки зрения характера проявления связности, следует отметить взаимодетерминированность внутрискруктурных структур. В отличие от вербальных текстов, имеющих различные показатели (грамматические, лексические, семантико-синтаксические), связность в плакатном тексте реализуется в особых знаковых отношениях конститuantов, когда графико-изобразительная часть выступает как пресуппозиция вербальной, а последняя выступает по отношению к первой как импликация, что предполагает тесные смысловые контакты. Именно в характере ука-

занной взаимообусловленности и проявляется цельность плаката, выступающего уже в роли сложного семиотического знака. Специфика внутривидовых семиотических отношений определяется характером отношений как внутри графико-изобразительного и вербального блоков, так и между указанными конституантами в пределах мегатекста.

С точки зрения структуры плакатные тексты могут быть простыми, сложными и осложненными. Простыми являются такие плакатные тексты, которые сочетают монотематический графико-изобразительный блок и неразвернутый вербальный текст. Сложными являются плакатные тексты, которые содержат в своем составе несколько взаимосвязанных информационных компонентов — в виде серии графических рисунков, развивающих одну тему, или в виде развернутого сложного текста, поясняющего сущность изображаемых явлений. Осложненными мы называем такие плакатные тексты, структура которых включает т.н. прецедентные тексты. Причем прецедентным значением может обладать как графико-изобразительный блок, так и вербальный.

Включение «инородного» текста в состав плакатного имеет некоторую специфику, ибо в первом случае смысловые связи с текстом-дистиллятом устанавливаются на основе визуально-семиотических ассоциаций, а во втором — вербально-текстовых. Взаимоотношения между плакатными конституантами можно квалифицировать как синтагматическое сочетание текстов с изъяснительными отношениями. Вербальный блок, следующий в плане восприятия за графико-изобразительным, представляет собой интерпретацию последнего. Хотя, следует отметить, что характер интерпретации может быть довольно свободным, но с сохранением смысловой точки соприкосновения с графико-изобразительным блоком.

Что касается коммуникативных задач плакатного текста, то они обнаруживаются в системе функций, выполняемых указанным типом дискурса. Система функций как бы распределяется между блоками с тем, чтобы оказать влияние на различные факторы человеческого восприятия. Графико-изобразительный блок обеспечивает привлечение внимания, создание на базе визуального образа специальной установки, а также эстетическое воздействие (что выражается апеллятивной, установочной и эстетической функциями), а вербальный — интерпретирует, комментирует мотивы графико-изобразительного блока, направляя «читательское» внимание (выражаясь в интерпретирующей, разъяснительной и указательной функциях).

С точки зрения деления текстов по фактуре словесности, плакатный текст относится к текстам массовой коммуникации, опережая своих сложноструктурных собратьев (телетексты и кинофильмы) как по времени появления, так и технической простотой исполнения, уступая, однако, в масштабности аудитории и возможности дистантного (как пространственного, так и временного) восприятия.

Теоретический анализ сущности плакатного текста мы попытались проанализировать на материале художественного наследия В. В. Маяковского, плакатное искусство которого настолько богато, что все основные типовые разновидности структур плакатного жанра полностью укладываются в творческие модели поэта-художника. Плакатная работа Маяковского, протекавшая в РОСТА, позволяет сказать, что здесь он нашел себя как художник и «здесь он блестяще применил все многообразные данные своего таланта: и чувство юмора, и экономичность деталей, и все те достоинства реалистического письма, которые подчеркнул в Маяковском И. Репин»*.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Эвентов И. С.* Маяковский-плакатист. М.; Л.: Искусство, 1940. С. 11.

Gotsiridze D. Z., Imnadze B. L., Jagodnishvili T. I.

INTERACTION OF INFORMATION BLOCKS IN THE TEXTURE OF THE POSTER TEXT

In this paper the authors discuss linguistically useful method for describing mixed texts (especially poster text), characterizing their structure primarily in terms of relations between parts of the text. It identifies hierarchic structure in poster text and describes the relations between verbal and graphic parts in functional terms. Finally, the paper suggests theoretical and practical reasons why textual analysis ought to be more widely recognized as a method in social research.

Keywords: mixed texts, structure, intention, texture of speech.

Гоциридзе Зураб Давидович

Грузинский технический университет, Грузия

zuragotsiridze@yahoo.com

**Гаприндашвили Нана Нодаровна
Твалтвадзе Дареджан Ширимовна**

*Тбилисский государственный университет
им. Ив. Джавахишвили, Грузия*

nana.gaprindashvili@tsu.ge, darejan.tvaltvadze@tsu.ge

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В работе на фактическом материале рассматривается модель этнопсихолингвистической интерпретации фактов языкового сознания, позволяющая теоретически осмыслить принципы описания концептуального поля «человек» и выработать практические рекомендации в сфере межкультурного общения. Исследование этноментальной природы концептосферы «человек» с лингвокогнитивных позиций выявляет принципы сегментации концептуально-семантического поля «человек» и тип его внутрислоевого организации.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, антропоцентризм, ментальность.

Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их назначению и роли в жизнедеятельности человека в процессе развития человеческой личности и ее усовершенствования. Человек становится точкой отсчета тех или иных явлений, он вовлечен в анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Антропоцентризм знаменует особую тенденцию — «поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования»¹. Сфера «Человек» обозначает человека в его многостороннем отношении к другим людям, к предметам и вещам реального мира, к обществу — его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризующего со стороны его физических качеств, психических свойств, этических и нравственных норм. В формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами — мышлением и самосознанием. Человек выступает как существо биологическое, интеллектуальное, духовное и социальное. «Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, понимает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, воображает, представляет себе «возможные миры». Образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия»².

В сфере «Человек» поля формируются на основе системных связей, устанавливаемых на разных уровнях человеческого существования: физическое существование, интеллектуальная деятельность, духовная деятельность, социальная деятельность, что находит отражение в соответствующих четырех полях: 1) Поле «Человек как существо биологическое». 2) Поле «Человек как существо социальное». 3) Поле «Человек как существо духовное». 4) Поле «Человек как существо социальное».

Первое микрополе — «Человек как существо биологическое» предстает в совокупности биолого-физиологических, т. е. природных свойств, которые существуют и манифестируются совместно друг с другом. Описание внешнего вида человека отвечает практическим и эстетическим потребностям участников коммуникативного акта, являясь физическими «формулами» узнавания: оно предполагает фиксацию статичных анатомических деталей, признаков наружности³. Когнитивная модель этого поля покоится на фундаменте зрительного восприятия, что согласуется с современными психологическими теориями, согласно которым свыше 80% всех сенсорных данных приходится на органы зрения⁴.

Второе микрополе — «Человек как существо интеллектуальное» — противостоит первому как высшая ступень развития — низшей. На протяжении веков постоянно развивались формы мышления и приемы более точного отражения действительности. Феномен интеллекта связывается со способностью говорить и понимать услышанное, видеть и воспринимать действительность, учиться или обучаться, а с другой — рассуждать и приходиться к определенным умозаключениям, планировать действия, вспоминать, фантазировать. «В современной лингвистике представлен термин «языковая ментальность», который обозначает различные способы выражения всех сторон интеллектуальной жизни человека в категориях и формах языка»⁵. Говоря об основных системах, из которых «складывается» человек, исследователи отмечают в составе интеллекта такие подсистемы как знание, вера, понимание, память и др., которые обслуживаются своими органами⁶. Процесс познания и преобразования мира невозможен без осознания человеком своих действий, поступков, мыслей. Сознательные действия, являющиеся основой или мотивом поведения человека, тесно переплетаются с мышлением. Традиция применения терминов сознание и мышление в философии, логике, психологии и в языкознании предполагает их взаимодействие. В тесном взаимодействии с мышлением находятся воображение и фантазия, являющиеся выражением творческого начала человеческой мысли, стремящейся к познанию и преобразованию мира. Ю. М. Лотман отмечал, что помимо способности к логическим операциям, т. е. к трансформации некоторых исходных высказываний в соответствии с определенными алгоритмами, всякое сознание включает в себя и элементы творческого мышления⁷. Творческое мышление связано со способностью трансформировать ис-

ходные высказывания однозначно непредсказуемым образом: существенную роль здесь играют аналоговые механизмы. Умственная деятельность человека представляет собой сложный процесс. Умственные (или мыслительные) процессы не существуют в чистом виде: они переплетаются с психическими процессами (ощущениями, восприятиями), помогающими человеку проникать в сущность предметов и явлений. Вслед за А. Н. Леонтьевым ученые полагают, что сознание охватывает весь процесс восприятия действительности нервно-мозговой системой человека и включает в свой состав мышление, а также эмоциональные, эстетические, волевые, конкретно-чувственные формы отображения действительности. Мышление, таким образом, составляет часть сознания и является отображением действительности в формах понятий, суждений и умозаключений⁸. Понятие «думать» входит как необходимый компонент во все слова, связанные с обозначением умственной деятельности. Инвариант значения поля — наличие, проявление способности думать, рассуждать, мыслить, высказывать мнение.

Третье поле — «Человек как существо духовное». В сфере психической духовной деятельности человек наделен чувствами и свойствами характера. В этом поле человек представлен как существо, обладающее способностью проявлять волю, давать эмоциональную оценку лицам; здесь выражается отношение человека к себе. «С психологической точки зрения психическое взаимодействие сводится к обмену различными представлениями, восприятиями, чувствами, хотениями и вообще всем тем, что известно под именем психических переживаний», — писал известный философ П. А. Сорокин⁹. Разделяют и объединяют людей интуиция, воображение, интеллект, высшие эмоции, нравственные чувства и воля¹⁰. При анализе духовных свойств личности следует учитывать, что духовный мир человека формируется под влиянием социальной жизни. Между социальными и духовными (нравственными) отношениями наблюдается сложное взаимодействие: нравственное отношение входит в систему социальных отношений как часть в целое. С изменением социальных отношений изменяются и появляются новые духовные качества человека¹¹. Социологи считают, что правомерно говорить о выделении социально-психологических, социально-этических (или нравственных) свойств личности. Сложность разграничения нравственных (духовных) и социальных свойств личности обусловила определенную «условность» выделения лексических единиц, обозначающих духовные свойства человека. Инвариант значения поля «человек как существо духовное» — наличие внутренних духовных свойств и качеств.

Четвертое поле — «Человек как существо социальное». В данном поле человек представлен в отношениях человека к человеку, к собственности, к труду, к политическим, социальным институтам и организациям («социальное поведение»). Живя в обществе, человек подпадает

под действие общих законов его развития, становится «социальным». Именно поле «человек как существо социальное» отличается семантической расчлененностью, достигая конкретизации человеческих отношений: человек общается с целью вступления в дружеские отношения и в родственные отношения, во враждебные отношения, с целью разрыва социальных отношений или для их восстановления. В этой связи можно привести слова А. Вежбицкой: «Русский язык располагает особенно хорошо разработанной категоризацией отношений между людьми не только по отношению с западноевропейскими языками, но и по сравнению с другими славянскими языками»¹². При выделении данного поля мы придерживаемся широкого понимания социальности — это изначально непрерывные связи между людьми во всех видах активности, независимо от степени их общественной полезности, нравственной оценки и значимости. Это социальность всех взаимодействий человека с миром (с обществом, природой, с другими людьми). Любой человеческий индивид и его психика изначально социальны. В социально-психологических особенностях характера, темперамента, в формах и манере поведения, в образе жизни проявляется общность индивидов, представляющих определенные социальные группы. В чертах личности фиксируется социально значимая информация, передаваемая и усваиваемая людьми через общение. Пограничная черта между индивидуальными и групповыми связями говорящего весьма неопределенна: индивид в обществе всегда принадлежит к той или иной социальной группе, участвует во многих социальных ситуациях, которые содержат нормы поведения и «языковые коды».

Важнейшим из социальных институтов принято считать армию, церковь, школу, политические, экономические и профессиональные организации, семью, брак¹³. Традиционно в лингвистике принято говорить о правилах социального функционирования языка: это правила речевого акта (Дж. Серль), правила обращения (С. Эрвин-Трипп), правила дискурса (У. Лабов), которые отражают различные аспекты речевого взаимодействия. В семантической структуре слов с помощью сем различного статуса (дифференциальных, коннотативных, потенциальных) реализуется социальный компонент, который более других подвержен динамике. Этот социальный компонент указывает на неравенство статусов (или асимметрию социальных ролей) участников, называемой словом, ситуации. Возможно более широкое использование термина «социальный компонент» — для указания на отношения, положение людей в обществе. Семантическим инвариантом поля «человек как существо социальное» выступает значение — отношение человека к кому/чему-либо, установление связей. Таким образом, в языковой модели сферы «человек» были выделены четыре направления, характеризующие человека с различных точек зрения — в биологическом, интеллектуальном, духовном

и социальном планах. В пределах каждой из подгрупп существуют свои внутренние градации. Так, например, «внешние свойства и качества человека» включают: «внешние привлекательные свойства и качества человека», «внешние непривлекательные свойства и качества человека» и «внешние отличительные свойства и качества человека».

«Интеллектуальные качества и свойства человека» представлены следующими единицами: «оценка мыслительной деятельности», «проявление способности к мыслительной деятельности», «свойства и качества человека по характеру мыслительной деятельности». «Человек как существо духовное» включает два компонента — «моральные и духовные свойства и качества человека» и «психологические состояния человека». Первый компонент представлен «положительными свойствами и качествами человека», а второй — «отрицательными свойствами и качествами человека». Что касается «психологического состояния человека», то он включает «состояние, обусловленное ситуацией, обстоятельствами». И, наконец — четвертая группа «человек как существо социальное» включает две группы — «свойства и качества человека по отношению к другим людям» и «личные и общественные связи и отношения человека в обществе, социуме». Первая группа объединяет две подгруппы: «проявление свойств и качеств человека по отношению к другим людям» и «действия человека по отношению к другим людям», а вторая — три: «социальный статус, род занятий», «семейные отношения, состояние в браке» и «свойства и качества человека по отношению к определенному занятию, делу». Такая внутренняя градация дает возможность максимально адекватно охарактеризовать рассматриваемый концепт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 51.

² Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. С. 20.

³ Гамалей Т. В. Система лексико-синтаксических средств описания внешности человека в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 21 с.

⁴ Кравченко А. В. Восприятие и категоризация // *Языковая категоризация*. Материалы круглого стола, посв. юбилею Е. С. Кубряковой. М.; Тамбов: ИЯ РАН; ТГУ, 1997. С. 39–46.

⁵ Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопросы языкознания*. 1990. № 6. С. 110–122.

⁶ Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: опыт системного описания // *Избранные труды*. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 48.

⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 112.

⁸ Панфилов В. З. Категория модальности и её роль в конституировании структуры предложения и суждения // *Вопросы языкознания*. 1977. № 4. С. 73

⁹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 47.

¹⁰ Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978. С. 63–90.

¹¹ Соколов В. М. Социология нравственного развития личности. М.: Политиздат, 1986. С. 9.

¹² Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 106.

¹³ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 393–404.

Gotsiridze Z. D., Gaprindashvili N. N., Tvaltvadze D. Sh.

“MAN” AS AN OBJECT OF LINGUOCULTURAL DESCRIPTION

The paper, based on factual material, describes the model of ethnopsychological interpretation of the facts of language consciousness, allowing to conceptualize the principles of description of “a man” conceptual field and to create practical recommendations for intercultural communication. The authors intend to expose the ethnomental nature of the concept “man”; to define conceptual field “man” and determine the relationships within the field component units and correlated fields; to reveal the principles of their description.

Keywords: concept, mentality, culture, field.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОППОЗИЦИИ 'ОСТРЫЙ — ТУПОЙ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается одна из ключевых метафорических бинарных оппозиций 'острый — тупой' в качестве маркера в процессе оценивания действительности, описываются особенности ее метафоризации. С опорой на данные толкового словаря, а также художественные и публицистические тексты Национального корпуса русского языка автор характеризует сферы жизнедеятельности, для интерпретации которых человек использует эту диаду.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорическое значение, символ.

Одним из способов изучения когнитивных механизмов оценочной деятельности человека является анализ аксиологической функции бинарной оппозиции — пары противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры и свойства и используемых языковым сообществом в метафорическом выражении для оценки умопостижимых сфер жизнедеятельности человека. Эти оппозиции, важные еще для древнего носителя языка как атрибуты ритуалов и мифов, в современном языке определяют речемыслительную деятельность человека, выступая в качестве знаков, за которыми стоит особый способ осмысления мира.

В разряд доминантных архетипических бинарных оппозиций входит и противоположность 'острый — тупой', языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих перцептивное и, в первую очередь, тактильное восприятие окружающего пространства и самого человека, т. е. в основе семантики оппозиции лежит перцептивная ситуация, в которой участвуют воспринимающее лицо и воспринимаемый объект, связанные определенным отношением. Главные языковые единицы оппозиции — качественные прилагательные *острый* и *тупой*, которые в своем значении содержат информацию о способе функционирования объекта и о процессе его восприятия, поэтому называются функциональными именами¹. Они рассеивают данную информацию по дериватам, парасемантам и иррадируют ее своим семантическим партнерам, создавая вокруг себя языковое поле оппозиции.

Изучение оценочных значений языковых единиц оппозиции 'острый — тупой', представленных в Толковом словаре² и текстах Национального корпуса русского языка³, показывает, что в основе ее метафорической картины лежит функциональная успешность предмета-инструмента и реакция субъекта, который воспринимает действия этого инструмента: *острый взгляд, слух, острое зрение* — 'такое, которое наилучшим обра-

зом выполняет свои функции'; *чувства, интуиция, слух, зрение обострились* 'стали лучше выполнять свои функции'; *острота зрения, слуха* 'способность в лучшей степени выполнять свои функции' (*Его острая память сохранила встречи, беседы, картины северной природы*. Б. Полевой; *Мое зрение как-то неожиданно обострилось, даже показалось, что я вижу свисающие с верхней челюсти два длинных кривых зуба и капли яда на них*. «Наука и жизнь», 2006); *притупленный взгляд, обоняние* — 'такое, которое стало хуже выполнять свои основные функции' (*Уже нет прежнего свежего наслаждения едой — как будто все вкусы надоели, притупились*. А. Солженицын). Слух, взгляд, зрение, обоняние и др. чувства и способности выступают в качестве инструментов, которые в остром состоянии качественно выполняют свои функции и положительно оцениваются языковым сообществом (острый слух = хороший слух), а в тупом состоянии, как правило, — отрицательно (притупившийся взгляд = неспособный все увидеть). Следует отметить, что контексты метафорического употребления языковых представителей компонентов оппозиции несимметричны: *острая память*, но не *тупая*, а *притупившаяся память* или *память притупилась*. Отсутствие контекстов типа **тупой слух, память* и т. д. можно связать с первичностью положительной оценки, с необходимостью оценить именно успешность работы данных способностей восприятия и смягчить их недостаточно качественную функциональность. Характеризуя работу способностей восприятия человека, языковые единицы оппозиции 'острый — тупой' становятся знаками общей оценки: 'острый' — хорошо, 'тупой' — плохо.

Главные сферы, которые описывает данная оппозиция в русском языке, — эмоциональная, связанная с проявлением человеческих чувств, и гносеологическая, отражающая его интеллектуальные и познавательные способности. Однако характер метафоризации в этих сферах различается. Так, при интерпретации эмоциональной сферы компоненты оппозиции выступают как самостоятельные единицы, реализуя каждый свои собственные перцептивные признаки не в составе оценочной оппозиции, и в своей семантике отражают особенности восприятия человеком внутреннего состояния (*острое любопытство, болезнь обострилась, тупая обида*) или внешнего события (*острый матч*), нашедшее отклик в его эмоциональном мире. При описании процессов, происходящих внутри человека, часто передается субъективное усиление этого процесса или состояния (*острая ненависть*), при этом оценочность уходит на второй план, уступая место интенсивности. И только в контекстах с лексемой *тупой* типа *тупое отчаяние*, в которых интенсивность не выражается, в определённой степени проявляется оценка (ср.: *почувствовать приятную / тупую усталость*).

При осмыслении гносеологической сферы компоненты 'острый' и 'тупой' не просто описывают — они оценивают объекты интеллектуальной

деятельности (*острые / тупые слово, высказывание, текст, шутка, статья, передача*), средство создания этой деятельности (*острый язык*) или самого субъекта (*тупой человек*). Они с разных сторон высвечивают участников перцептивной ситуации. В зоне 'острый' субъект предстает как наделенный способностью создавать объекты интеллектуальной деятельности и умело пользоваться ими, как острым оружием, что хорошо его характеризует (*Старческого, однако, не было, заматерел — да, но стариком так и не успел стать. Мысль его оставалась свежей и острой.* Д. Гранин). У адресата же этой деятельности данные объекты могут вызывать неприятную, болезненную реакцию, ранить его (*И всё это при том, что Виктор Владимирович отличался на редкость острым языком (его замечания порой были такими едкими, такими саркастичными, что многие их побаивались).* И. Архипова). В зоне 'тупой' субъект интеллектуальной деятельности оценивается как не обладающий достаточными умственными способностями (*тупой ученик, тупица, тупоголовый, тупоумный*) для создания осмысленного, интересного, содержательного продукта, результата этой деятельности (*тупые шутки, юмор, статья*), это может выражаться и внешне (*тупой взгляд, выражение лица, улыбка*), и во внутренних качествах, которые проявляются в его поведении (*тупое самодовольство, высокомерие, упрямство*) и получают отрицательную оценку общества (*тупые сериалы*).

При описании гносеологической сферы проявляется именно аксиологическая природа оппозиции: ее компоненты становятся символами: 'острый' — символом хороших умственных способностей — умения чувствовать ситуацию и отражать ее в своем интеллектуальном произведении (слове, тексте и т. п.), хотя и вызывая в адресате не всегда приятные чувства; 'тупой' — символом недостаточной развитости умственных способностей или неумения их продемонстрировать в данной ситуации, что перерастает в общую отрицательную оценку субъекта, предмета или ситуации.

Таким образом, оппозиция 'острый — тупой' вписывается в мировоззренческую систему координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных ('верх — низ', 'право — лево'), параметрических ('большой — маленький', 'широкий — узкий'), цветовых ('белый — черный', 'яркий — тусклый'), временных ('весна — осень', 'день — ночь') и т. д., — которая помогает человеку ориентироваться в многообразии окружающего мира. Наблюдая за предметами и явлениями действительности, человек выделяет их параметры и свойства, важные для его жизнедеятельности, и отражает их в языке, а затем номинацию этих признаков использует в качестве оценочной шкалы при интерпретации разных умпостигаемых сфер, передавая вместе с оценкой особенности отражения прототипической для данных признаков ситуации. Компоненты оппозиции 'острый — тупой', в основе метафо-

рической картины которой лежит функциональная успешность предмета-инструмента и реакция воспринимаемого действия этого инструмента лица, передавая сложные взаимоотношения участников перцептивной ситуации, описывают эмоциональную и гносеологическую сферы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мусеева С. А., Бубырева Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 84–88.

² Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2013)

Grigoreva T. V.

AXIOLOGICAL FEATURES OF OPPOSITION 'ACUTE-BLUNT' IN RUSSIAN LANGUAGE

The author analyses the peculiarities of one of key axiological metaphorical oppositions 'acute-blunt' as a marker in the process of evaluation of reality. She describes the design features of its semantic space, highlighting the symbolic level, which is especially important for complex axiological processes. Based on data from modern dictionaries and texts of Russian National Corpus, the author distinguishes and characterizes aspects of life for interpretation of which a person uses this antonymic dyad.

Keywords: opposition, axiological, metaphorical, symbol.

Губайдуллина Анастасия Николаевна

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Россия

gubgub@ngs.ru

«ВЗРОСЛОЕ СЛОВО» В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Современная поэзия для детей существует в пространстве двойной адресации: она обращена сразу к детям и к взрослым. Существует три типа функционирования «взрослого слова» в детской поэзии: искажение сложных понятий, пародирование официального языка и перенос взрослого экзистенциального опыта в сферу детства.

Ключевые слова: поэзия для детей, двойная адресация, взрослое слово, экзистенциальный опыт.

Движение современной поэзии для взрослых и детской поэзии «на встречу» друг другу уже не является открытием для литературоведов. Если современную поэзию упрекают в незрелости авторского сознания и инфантилизме, то стихотворения и проза для детей, наоборот, стремительно «взрослеют». И. Н. Арзамасцева и С. А. Николаева отмечают изменение системы жанров в последнем десятилетии XX века: «Любовный роман для мамы и такой же — для дочки, детектив для папы и детектив для сына. Происходило дублирование и взаимопроникновение взрослой и детской литератур, путались границы детского и недетского»¹. В аннотациях к поэтическим детским книгам все реже можно встретить конкретные указания: «для дошкольного возраста», «для младшего школьного возраста», зато часто встречается адресация «для семейного чтения». Так, сборник 2003 года «Классики: Лучшие стихи современных детских писателей» имеет подзаголовок «Хохотально-литературно-художественное издание для детей от 7 до 70 лет». Сборник Марины Бородинской «С музыкой и пением» (2011) предназначен «для взрослых и детей». В тексте, сопровождающем книгу Григория Кружкова «Рукопись, найденная в капусте» (2007), сказано: «Это книга для взрослых, которые еще не разучились читать вместе с детьми. „Весна наступила“ — типичное чтение для взрослых»².

Двойная адресация обусловлена тем, что детская поэзия изменяется содержательно. В нее проникает дискурс взрослой жизни, названный в этой статье «взрослым словом». «Взрослое слово» понимается, в соответствии с разработанной теорией «чужого слова» (М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Хализев), как высказывание, несвойственное для ребёнка, пересказанное или передразненное внутри текста стихотворения, при этом не обособленное от основного текста.

Есть несколько типов функционирования «взрослого слова» в детском стихотворении. Первая, наиболее традиционная форма, — искажение понятий «взрослого» мира в детском восприятии:

Вмещает чемоданчик «дипломат»
бумаги, книжки, даже сала шмат.
В переговорах дипломата с дипломатом
враг станет другом, друг и вовсе — братом.
Вам дипломат не скажет никогда
ни твёрдо «Нет», ни однозначно «Да».
Вот, например, дипломатический ответ:
— Ты выучил стихи?
— А можно в туалет?
(М. Першин «Дипломат»³).

Для подобных примеров характерно сознательное упрощение или искажение смысла понятия, относящегося к лексикону взрослых. Каким образом это понятие проникает в среду детства? Чаще всего его навязывают взрослые. Они предстают в роли наставников, пытающихся передать воспитанникам определенное знание. Ученики же не принимают это знание, поскольку оно формально не подкреплено их жизненным опытом. Сложные термины или абстрактная информация, неактуальная для детей, трансформируется в мире детства и получает новую семантику.

Например, Борис Хан воспроизводит индуктивный подход ребенка к школьному предмету. Вычленив из устойчивой для мировоззрения взрослых науки (из литературы, географии, лексики русского языка) частную информацию, Хан подчеркивает отсутствие внутриспредметных связей, фиксируемое сознанием ребенка:

Был Пушкин маленьким, Толстой был необутым,
А Герцен — спал. Я ничего не спутал?⁴.

Или:

Рога есть у коровы, хвост и вымя.
За это ей дано «корова» имя!
(«Рассуждения Афанасия Ботана на уроке биологии»⁵)

Случайный перебор единиц внутри множества дискредитирует его в целом. Пространство взрослого мира и пространство детства не только не коррелируют, но жестко разграничены и противопоставлены друг другу. У детей и взрослых Хана разные системы исчисления. И каждая из них достаточно авторитарна. То же можно сказать и о систематизации в поэзии для детей Артура Гиваргизова: «Для жизни нужен холодильник, / Кровать, магнитофон и «ящик». / Ну а для жизни настоящей: / Лопата, дрель, пила, напильник, / Шурупы, гвозди, черепица / И доски — лучше сороковка. / И вот за этим, понял Вовка, / Ты должен хорошо учиться» («За этим»)⁶. Подобные стихи касаются сферы должностования и корректируют социальные отношения. Этот тип «взрослого слова» наиболее традиционен, поскольку взрослые и дети в детской литературе были противопоставлены друг другу всегда. То, как ребенок адаптирует слово, смысл которого не понимает, — один из источников комического как в художественном творчестве, так и в эссеистике о детстве (см. в книге К. Чуковского «От двух до пяти»).

Искажение «взрослого слова» происходит не только в процессе жонглирования терминами, но и во время пародирования стиля речи взрослых. Детская поэзия, в духе постмодернизма, разоблачает дискредитировавший себя шаблонный язык. «При этом детские писатели стремились избавиться от “советизмов” — речевых штампов и клише, накопившихся и растиражированных за несколько десятилетий развития литературы, оттого в литературной речи смешивались элементы публицистики и сниженного разговорного стиля (анекдот, частушка, устная пародия)» — полагает Ирина Арзамасцева⁷. Однако у детской поэзии есть преимущество перед пародийным дискурсом концептуализма или поэзии соц-арта. Поэзия для детей имеет возможность придать шаблонным фразам свежее значение. Так, Игорь Шевчук начинает стихотворение «Прогноз погоды» с традиционного безличностного сообщения: «Сегодня ожидается / Погода переменная. / Температура воздуха — / Пять градусов тепла», — а заканчивает личным обращением: «Товарищ Вова Трактор, / Сейчас же бросьте плакать! / Мы дальше сообщаем / Для вас передаем: / Для вас сегодня подана / отличнейшая слякоть / И грязи — по колено вам! — / Огромный водоем!»⁸. Общее место высказывания художник уравнивает эвристикой детского. Апелляция к детскому восприятию позволяет индивидуализировать смысл, адресат заново семантизирует высказывание.

Поэзия для маленьких пародирует прозаические жанры: детектив, боевик, деловое письмо, даже брошюру (Тим Собакин «Как откормить свинью»). Иронический вектор возникает в силу дуальности отношений «взрослый» / «ребенок». С одной стороны, стороны состоят в конфликте, с другой стороны, между ними есть взаимовлияние: в частности, ребенок, понимая мир по-детски, демонстрирует модель поведения взрослого героя, как, например, в «вестерне» А. Гиваргизова. Автор использует декорации классического вестерна:

Летит куда-то кондор,
Бежит куда-то лошадь.
Сидит за стойкой мальчик
По имени Алёша.

При этом лирический сюжет раскрывает традиционное напряжение в отношениях «родитель» — «ребенок»:

А ты уроки сделал?
Ты выучил английский?
Ведь ты у англичанки,
Алёша, в чёрном списке.

В последних строках стихотворения, в соответствии с законами жанра «вестерна», происходит неожиданное взросление, огрубление героя:

Алёша затянулся,
Допил двойное виски
И выругался грубо,
Но, вроде, по-английски
(«По-английски»⁹).

Удовлетворяя формальное требование взрослых (знание английских слов), герой искажает феноменологию детства. Этот тип детских стихов можно назвать поэзией с ролевой инверсией: ребенку предлагается взять на себя функции зрелого, опытного человека. Обязательное условие этой группы текстов — сниженный стиль, ирония.

Более сложный случай функционирования «взрослого слова» — попытка «вживить» некий априорный культурный опыт, давно существующий эстетический объект в произведение для детей. Речь идет об интертекстуальности, не отменяющей смысл исконного текста, а продлевающей его жизнь. Писатели используют цитаты предшественников как фоновые ссылки, прибегают к аллюзиям:

Это что ползёт такое,
Незнакомое?
Здравствуй, племя молодое,
Насекомое!

(М. Яснов «Это что ползёт такое?»¹⁰).

Близкий пример — четверостишие И. Шевчука («Одиночество»¹¹):

И скучно!
И грустно!
И некому руку подать...
Придётся в этом болоте
Мне одному пропадать.

Иллюстрацией к данному стихотворению в книге «Педадь от огурца» (2011) служит картинка, где герой — маленький человечек — буквально сидит в болоте. Но название «Одиночество» актуализирует вполне «взрослую» эмоцию, родственную чувству лирического героя стихотворения М. Лермонтова «И скучно, и грустно...». Для героя поэзии Лермонтова «болото» — метафора современного общества. Таким образом предлагается два уровня понимания произведения: упрощенный и более сложный. Интертекст функционирует как «средство для отождествления определенных фиксированных характеристик <...> объясняет саму возможность взаимопроникновения текстов, факт существования их в объединенном пространстве в виде единого текста, который представляет собой вся человеческая культура»¹². Этот тип поэзии сближает взрослого читателя и ребенка. Текст предполагает неоднократное прочтение и формирует культурное сознание, делает возможным движение от эстетического впечатления к постижению глубокого смысла искусства.

Наконец, третий, наиболее сложный вариант «взрослого слова» в детской поэзии — это описание неорганичной для ребенка экзистенции, иного личностного опыта:

Слышите песню: та-ра-ра, ра-ра —
Как будто пилой по тёрке?
Это уборщица — тётя Тамара
Поёт у себя в каморке.
Она давно работает в школе:

Скребёт, вытирает, моет.
Но иногда вспомнит о воле,
Сядет и тихо завоет
(А. Гиваргизов «Тара-ра-рара»¹³).

Текст не оставляет возможности для непосредственного прочтения. Чтобы его понять, нужно иметь представления о «неволе», о бытовой рутине; требуется прочувствовать внутреннее состояние человека, располагающее к звериному вою. В этом типе стихов переживание лирического персонажа яснее взрослому, чем ребенку.

Два поэта, не отграничивающие содержательно многие произведения для детей от «взрослых» стихов, — Марина Бородинская и Михаил Яснов.

М. Яснов в детской поэзии обращается к теме старости и смерти. В поэзии Яснова происходит воспитание чувств. Ребенку предлагается прочувствовать специфику старческого существования: немощность, болезненность («Передохни! / Ведь мы с тобой/ Почти дошли до дому. / Я подожду!» — сказал глухой / Отставшему хромоту» («Два старика идут домой...»¹⁴)); ночное одиночество («А сторож ходит — / Шарк да шарк: / Он сторожит / Трамвайный парк»¹⁵) и, наконец, смерть. В детском времени, с помощью творческой игры становится преодолимым то, что составляет зону трагедии во взрослом времени. В стихотворении М. Яснова «Крылатое деревце»¹⁶ мальчик находит мертвую птицу и хоронит ее; точнее, сажает, как зерно, в землю, чтобы на следующий год проклюнулась новая птица. Детство в современной поэзии обладает магией бесконечности времени, находится внутри круга вечного возвращения. С этим связана взаимозаменяемость героев, окружающих явлений, условное «бессмертие».

М. Бородинская последовательно выстраивает драматичную биографию лирического героя в своей детской поэзии. Детство лирической героини Бородинской, как и детские годы автора, приходится на начало 1950-х. Юность описывается как счастье обладания простыми вещами при сохраняющемся ощущении трагичности жизни. И у Яснова («Мы пришли к блокаднице»¹⁷), и у Бородинской («Бывало, зуб молочный рвут...»¹⁸) последствия войны переданы в детском восприятии. В стихотворении Бородинской «Первый класс»¹⁹ взросление героини предопределено внутренней драмой ее отца, связанной с пережитой войной:

Сестрёнка крихтит и мяучит во сне.
С отцом на диване постелено мне.

...Опять среди ночи вопьется в мой сон
Тот сдавленный вой, тот мучительный стон:

«Огонь!» — он кричит, он кричит на меня —
Бойтся огня или просит огня?

«Огонь!» — он кричит, я его тормошу,
Зову и реву и проснуться прошу...

Чужое время становится зоной личной ответственности.

Героиня Бородинской немыслима вне прошедшего времени. В цикле стихотворений, посвященных игрушкам юности, перечисляются вещи, неизвестные современным дошкольникам и школьникам: медный кран, папиросы «Казбек», платье «фигаро». Поэзия проникнута ностальгическими мотивами, и это неожиданно для детской литературы, так как ребенок не сожалеет об утраченном, поскольку находится в состоянии накопления опыта, а не осмысления его. По мере прочтения книги «С музыкой и пением» открывается, что адресат этой поэзии — не столько ребенок, сколько взрослый. Может быть, сам автор. Центральным произведением книги, её «гимном» является стихотворение без названия:

Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Финские снежные, в синих обложках тетради...²⁰

Детскую поэзию можно считать «терапевтической» (этот термин Е. Тиновицкой был применен к российской детской прозе 1990–2000-х годов)²¹: она решает задачи преодоления тоски по ушедшей юности, страха смерти, решения конфликтов в семье. Адресат поэзии становится предельно условным. Лирика направлена не «куда», а «откуда» — из болезненного внутреннего мира. Если ранее (например, в детской поэзии 1920–30-х годов) латентный трагизм облекался в приемлемую для ребенка шуточную, легкую форму, прорывался намёком, то в конце XX века писатель не адаптирует эмоцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / науч. ред. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. 7-е изд. М.: Академия, 2011. С. 470

² Кружков Г. Рукопись, найденная в капусте. Стихи и сказки. М.: Время, 2007. С. 4.

³ Першин М. Дипломат / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 15.

⁴ Хан Б. Был Пушкин маленьким / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 13.

⁵ Хан Б. Рассуждение Афанасия Ботана на уроке биологии / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 10.

⁶ Гиваргизов А. За этим / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 71.

⁷ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Указ. соч. С. 471.

⁸ Шевчук И. М. Педаль от огурца: Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 37.

⁹ Гиваргизов А. Мы так похожи. М.: Самокат, 2001. С. 43.

¹⁰ Яснов М. Это что ползет такое? / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 134

¹¹ Шевчук И. М. Указ. соч. С. 53.

¹² Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 95.

¹³ Гиваргизов А. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ Яснов М. Собираетел сосулек. М.: Самокат, 2009. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Бородицкая М.Я. С музыкой и пением: Стихотворения. М.: Арт Хаус медиа, 2011. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Тиновицкая Е. Терапия вместо «морали». Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе / Вопросы литературы. 2007. №4. С. 157.

Gubaidullina A. N.

«ADULT'S WORD» IN THE LANGUAGE OF CONTEMPORARY POETRY FOR CHILDREN

The autor argues that modern poetry for children exists in the space of «double reception»: it is addressed directly to children and to adults. There are three types of functioning of «adult's word» in children's poetry: the distortion of complex concepts, mimicking the official language and the transfer of adult existential experience in childhood.

Keywords: literature for children, literature of “double reception”, adult's word, existential experience.

Гузи Любомир

Прешовский университет, Словакия

lubomir.guzi@unipo.sk

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕДИНИЦ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

При освоении иностранного языка, его основной знаковой кодировки в содержательном и выразительном плане, сталкиваемся также с восприятием его культурного кода. Он иногда даётся не легче, чем само «технологическое устройство» языка. В нашей статье мы стремимся на материале прецедентно и метафорически обусловленных выражений показать особенности функционирования концептуальной стороны языкового исторического символа и её реализацию в современном русском языке и сегодняшней картине русскоязычного пространства с его языковой картины мира.

Ключевые слова: культурный код, исторический символ в языке, метафора, прецедентность, языковая картина мира.

С 90-х годов прошлого столетия началась волна лингвистических поисков в так называемом лингвокультурологическом подходе к рассмотрению языка/речи. С. Г. Воркачѳв замечает, что «возникшая потребность породила появление целого ряда соперничающих номинативных единиц, общим для которых было стремление «отразить в понятиях» неуловимый «дух народа» — этническую специфику представления языковых знаний»¹. В этом *поединке*, который С. Г. Воркачѳв называет *конкурентной борьбой*, в российской лингвистической литературе столкнулись с начала 90-х годов прошлого века «концепт» (Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачѳв, С. Х. Ляпин, В. П. Нерознак и др.), «лингвокультурема» (В. В. Воробѳв), «мифологема» (М. Ляхтеянмяки, В. Н. Базылѳв) и «логосистема» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова).

Отправной точкой нашего исследования считаем концептуальную сторону языкового исторического символа и её реализацию в современном русском языке, или лучше, сегодняшней картины русскоязычного пространства, его языковой картины мира. Словарный состав национального языка фиксирует и передаѳт от поколения к поколению специфику этносоциокультурных норм, поддерживая, таким образом, преемственность и устойчивость этнического менталитета. Изучая особенности словоупотребления в его этнокультурной коммуникативной надстройке, можно диагностировать состояние духовного здоровья этноса, и, до определённой степени, прогнозировать его эволюцию — разумеется, при условии адекватной оценки фактов, последовательной их регистрации и установлении направленности динамики. В такой же обстановке функционирует исторический символ, который мы рассматриваем как готовую языковую, когнитивную единицу, которую пользователь в процессе дискурса

This contribution is the result of the project implementation: VEGA ѳ. 1/0792/13

Developmental Aspects in the Russian Language and Russian Language Environment in Relation to the Social Changes in Russia in the Last Century, supported by Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, science, research and sport of the Slovak Republic

или коммуникации, при определённой обработке сознанием, употребляет в «чистом» или «метафорическом» виде. Построение языковой картины мира исторических символов языка и речи происходит с помощью интенсивного использования слов и фразеологизмов (с исторической семантикой и содержанием), которые формируют комплексный речевой — коммуникативный фон. Они одновременно являются или постепенно становятся ключевыми и их употребление с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка.

Также и прецедентность субконцептуальности исторического символа в языке, наедине с описываемым и исследуемым предметом лингвокультурологических исканий, стоит на пересечении вышеприведённых понятийных множеств, но, практически соответствует в грубых чертах тому, что Е. А. Нахимова определяет «исторической (социальной, политической) или литературной, документаристической (театральная, медиальной) метафорой»². Ниже постараемся показать функционирование прецедентности (субконцептуального) исторического символа.

Невзирая, например, на одиозность имён наркомов безопасности советского государства Ягода или Ежов, эти лексемы давно стали прецедентными именами. Эти фамилии — имена собственные с богатой исторической насыщенностью, которая из них делает имя нарицательное для обозначения прецедентного культурного знака — становятся фактически исторической метафорой, определяющей с одной стороны бывшие времена, с другой, факты современности.

Символизации и метафоризации этих имён помогла не только неславная деятельность обоих на поприще нестабильных, и во многом мрачных 30-х годов, но, также, их первичная семантика — мотивация — *ёж, ёжик*, возможно *ежевика*; *ягода*. Таким образом, мог, по словам известного советского писателя А. А. Фадеева или А. Н. Рыбакова «*Сталин выращивать Ежова, как садовник выращивает облюбванное им дерево*»³. Борис Ефимов, наоборот, нарисовал в Журнале «Крокодил», № 34 за декабрь 1937 года рисунок под названием «*Стальные Ежовы рукавицы*». Встречаем также образы *карликовая сталинская ежевика*, пренебр. *ежовщина*, как название для времени чисток половины 30-х лет XX века (напр. у А. Ахматовой, «Реквием»). Слияние двух символов с похожим негативным восприятием представляет словосочетание «волчья ягода» из ряда «*ягодовщина*», «*ежевщина*», «*бериевщина*» — «*волчьи ягоды*» сталинизма.

В метафоризации прецедентного имени играет важную роль присущие характеристик предыдущего прецедентного имени (часто с другой, чужой, даже подражаемой языковой культурологической среды) новому прецеденту. Николай Ежов становится «*Дважды Маратом Советского Союза*», за то, что репрессировал больше людей, чем Жан Пол Марат, предводитель якобинцев во время якобинского террора времён Великой Французской революции. На целой прецедентной фразе интересны намёки на явный негативный концепт «*героя*», но в советском

понимании и восприятии. Похожие сравнения могут быть нейтральными, напр. Б. Соколов в заголовке к биографии С. М. Буденного приводит метафорическую прецедентную характеристику «*красный Мюрат*»⁴ (сравнение с известным наполеоновским маршалом Иоахимом Мюратом, о котором сам Наполеон говорил, что «Не было более решительного, бесстрашного и блестящего *кавалерийского начальника*»).

Именно в таких прецедентных исторических символах часто возникает смысловое и метафорическое перекрытие или слияние значений исторических символов. Например, «*Тамбовская Вандея*» — для печально известных событий Гражданской войны в сравнении с героическими защитниками Вандеи (фр. Vendée), «*прорубить окно в Европу*» (Альгаротти⁵, Пушкин) — частушка 1939 года: «*Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл (прорубил) окно в Европу*»⁶; в 1996 году было очень популярным выражением «*семибанкищина*»⁷. Удачной мутацией исторических символов на уровне прецедентного имени числительного и аббревиатуры является выражение *ГКЧП 1917 года*, для обозначения «мятежа» или неудачного военного выступления Лавра Георгиевича Корнилова⁸.

Сильным формообразующим и содержательным началом является много раз упоминаемый *литературоцентризм русской культурной среды*, включая СМИ с их разного вида и типа медиа текстами, которые для современной аудитории являются первоплановыми, так как «тексты, продуцируемые масс-медиа, представляют собой социально значимые сообщения, превалирующие в обществе над всеми другими видами текстов»⁹. Например, в известной авторской передаче Российская империя, в серии о Павле Первом приводятся параллели с известными персонажами Шекспировского Гамлета, так как в русской среде Павел ассоциируется и рисуется как «самый романтичный российский император» (Пушкин) или «*Русский Гамлет*» (также «*Русский Дон Кихот*»). Ведущий передачи уточнял еще глубже: «Мрачноватый *Гатчинский дворец* назовут «*Русским Эльсинором*», слишком очевидна параллель с Шекспировским Гамлетом: *русский Клавдий* — Орлов, у него бывала *русская Гертруда* — Екатерина и, наконец, поселился *русский Гамлет* — Павел Первый»¹⁰. Свойственно созидательному времени 20 — 30-х годов двадцатого века, в русском языке появилось мужское имя *Гертруд* и параллельно с ним *Гертруда*, которые являлись сложением слов «*герой труда*» или «*героиня труда*»¹¹. Новые коннотации слово получило в 60–70-ые годы, когда *Гертрудой* начали называть именно престижное звание «ГСТ» — Герой социалистического труда. Это не случайно, а «в честь» матери шекспировского Гамлета — Гертруды. Может быть, это произошло под влиянием художественного фильма, снятого Григорием Козинцевым на киностудии «Ленфильм» в 1964 году в главной роли с Иннокентием Смоктуновским, в переводе Бориса Пастернака.

Второй большой составляющей повествовательной техники авторов передачи о Российской империи представляет параллелизм и отсылы

к советскому прошлому, политическо-общественной ситуации 90-х годов или прямо к современной ситуации в стране. Они создают ситуативный контекст вокруг прецедентного имени (не только собственного!), которое его практически вызвало.

В серии об Анне Иоанновне и Елизавете Петровне это выглядит следующим образом:

- *Тогдашний «День Победы» — это 27 июня — «Полтавская битва».*
- «Гостями на „потешной свадьбе“ были также представители „нацменьшинств“ — „свозят по два человека — представителя от каждого племени, населяющего Российскую Империю“. *Иностранцев первый раз собрали в Петербурге — живая этнографическая выставка — такой „Фонтан Дружба народов“*¹².
- «Мария Фёдоровна совершила подвиг — за 25 лет супружеской жизни родила 10 детей. Мать — Героиня».

Шагая по компьютерно моделированной карте Восточной Европы, автор, раскладывая силы вокруг Восточной Пруссии, продолжает: «Подобно превращению Кёнигсберга в Калининград, здесь вообще переименованы все города, причём с некоторой исторической двусмысленностью¹³. *Прёйсиш-Эйлау* — место кровопролитной ничьей *теперь Багратионовск*, по имени генерала, прикрывавшего русское отступление. *Фридланд*, возле которого Наполеон разгромил русских — это *теперь Правдинск* и *Тильзит*, в котором пришлось заключить договор о мире и дружбе с Наполеоном — это *теперь Советск*. Таким образом *путь из Багратионовска через Правдинск на Советск; и позорный Тильзитский мир*, для одного упоминания о котором, по словам Пушкина, «*всякий русский должен побледнеть*», *позорный Тильзитский мир* — это, по-нашему, *позорный «Советский мир»*¹⁴.

Довольно «легкомысленная» метафора, но авторы снова предполагают определённые знания (фоновые) с ссылкой на «знание Пушкина», так как авторы приводят цитату (точнее её негацию) из его произведения о Наполеоне, которое русский поэт пишет уже после смерти французского диктатора в «победной атмосфере»: «*Всё пало с шумом пред тобой: / Европа гибла; сон могильный / Носился над ее главой. / И се, в величии постыдном / Ступил на грудь ее колосс. Тильзит!.. (при звуке сем обидном Теперь не побледнеет росс)...*»¹⁵.

Таким образом, это приводит к значимым сдвигам и дифференциальному понятию и подходу к использованию прецедентных текстов, включая ситуации, имена, реминисценции, аллюзии и проч. Они особо ярко реализуются в сфере так называемого документаристического нарратива и СМИ, которые характеризуются, как видно из указанного выше, литературо- и историоцентричностью, метафоризацией и даже иронизацией, сатиризацией, разного рода эвристическими приёмами, значительной долей оценочности и прочими суггестивно-эмоциональными сдвигами.

Нам удалось показать лишь некоторые стороны функционирования прецедентности субконцептуального исторического языкового символа

в русском языке и русской языковой «исторической» картине мира. Для её активной и правильной постуляции необходимо не только владеть русским языком, но также быть постоянно «в курсе языкового и речевого дела» русских реалий и многослойной, многоплановой русской истории, собственно говоря, её исторических символов. Таким образом, изучающий иностранный язык попадет в ситуацию, о которой М. М. Бахтин писал, что «я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. Москва: 2003. С. 5–12.

² Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. С. 18.

³ Рыбаков А. Н. Дети Арбата. Кн. 2. Страх. М.: Терра 1998. С. 99.

⁴ Соколов Б. Красный Мюрат Москва: Молодая гвардия 2007. 336 с.

⁵ *Algarotti F. Viaggi di Russia. I Grandi libri, a cura di William Spaggiari. Milano: Garzanti libri 2006. p. 202.*

⁶ Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел. Внешняя политика России: от Ленина и Троцкого — до Путина и Медведева. Москва: Центрполиграф 2011. С. 143.

⁷ Сипко Й. В поисках истинного смысла. ФФ ПУ Прешов, 2008. С. 56; *Ананьев В. Г.* К вопросу о происхождении термина «семибоярщина» // Русская литература. 2012. № 1. С. 44–47.

⁸ Млечин Л. Февральская революция: заговор или неизбежность? «ГКЧП 1917 года» Россия, ТВЦ 2007.

⁹ Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания / под ред. А. А. Стриженко. Томск; Барнаул: Изд-во АГТУ, 2003. С. 8.

¹⁰ *РИ* — «Российская Империя», проект Леонида Парфенова, посвященный 300-летию основания Империи и Санкт-Петербурга. Телекомпания «НТВ» 2001–2003. *РИ* — Серия «Павел Первый».

¹¹ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. Москва: «АСТ: Астрель» 2005. С. 89.

¹² *РИ* — Серия «Анна Иоанновна и Елизавета Петровна».

¹³ *РИ* — Серия «Александр Первый». Ч. 1.

¹⁴ Там же. Ч. 1, 2.

¹⁵ *Пушкин А. С.* Наполеон: («Чудесный жребий совершился...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1977–1979. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. С. 58–59.

¹⁶ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство 1979. С. 119.

Guzi L.

HISTORIC IMAGES IN LANGUAGE AS A REFLECTION OF ETHNOLINGUOCULTURALLY DETERMINED ELEMENTS OF CONSCIOUSNESS

The author argues that in learning and studying foreign language, its primary semiotic code in content and expression planes, we often come across the problems of its cultural code perception. This phenomenon sometimes don't come easier than own "technological arrangements" of language. The paper tries to demonstrate and analyse on the precedently and metaphorically conditioned expressions the distinctive features of conceptual points of historic symbol in language, focusing on the realisation of this conceptual points in contemporary Russian language, Russian speaking environ and its linguistic world image.

Keywords: cultural code, historic symbol in language, metaphor, precedent, language world image.

СОБЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В СУПЕРСТРУКТУРАХ И МАКРОСТРУКТУРАХ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье приведены результаты исследования суперструктур и макроструктур газетных изданий с точки зрения представления в них событий в культурной жизни. Описаны и классифицированы закономерности формирования суперструктур и макроструктур. Установлено, что заголовки и подзаголовки находятся в системе взаимных зависимостей, выраженной во взаимной семантической дополняемости при формировании макропропозиций дискурса.

Ключевые слова: суперструктура, макроструктура, публицистический дискурс, макропропозиция, интерактивный заголовок.

В современном языкознании под суперструктурой текста понимается общая, интегральная схема его построения, его структурная модель¹, однако применение понятия суперструктуры возможно и целесообразно, по нашему мнению, также и при описании интегральной схемы газеты или отдельной ее рубрики², то есть при построении ее структурной модели, поскольку такая модель имеет, как правило, устойчивый характер и однажды усвоенная читателем может в дальнейшем выступать в качестве прагматической пресуппозиции при интерпретации газетного издания³. Т. ван Дейк и У. Кинч по этому поводу пишут следующее: «При необходимости обработки какого-либо текста управляющая система насыщается определенной информацией о типах ситуации и текста, целях читающего, слушающего или пишущего/говорящего, **схематической суперструктурой или макроструктурами (основное содержание, суть темы) текста** или планами его порождения [Выделено нами. — Г. С.]»⁴. Таким образом, если постоянные рубрики и разделы формируют преимущественно стабильную суперструктуру газетного издания, то его макроструктуру формируют основные темы, затронутые в каждом конкретном номере. Пропозициональное выражение темы дискурса в терминологии Т. ван Дейка и У. Кинча именуется макропропозицией.

Цель предлагаемой статьи — выявление и описание основных закономерностей представления событий культурной жизни в суперструктурах и макроструктурах российского газетно-публицистического дискурса. В качестве материала исследования были использованы интернет-версии «Российской газеты» — газеты российского правительства, газеты «Коммерсантъ», позиционирующей себя как качественное независимое издание, и газеты «Комсомольская правда» — издания, более тяготеющего, по нашему мнению, к таблоидам. Столь широкий

разброс характеристик анализируемых материалов позволит объективно выявить, с одной стороны, общее в предмете исследования, присущее всем трем анализируемым изданиям, с другой стороны, существенные различия между ними.

Прежде всего отметим расположение интерактивной клавиши «Культура» в суперструктуре главной страницы каждой из газет. В ряду интерактивных клавиш, расположенных сразу под названием газеты, в «Коммерсанте» и «Российской газете» рубрика «Культура» занимает одно из последних мест после таких рубрик, как «Политика», «Общество», «Экономика» и др., что вполне объяснимо, поскольку эти издания не специализируются на освещении культурной жизни страны. В суперструктуре главной страницы «Комсомольской правды», в ряду интерактивных клавиш под названием газеты, рубрика «Культура» вообще отсутствует как постоянный элемент, между тем как далее в самом низу первой (главной) страницы, такая рубрика присутствует. Обращает на себя внимание тот факт, что при отсутствии постоянной интерактивной рубрики «Культура» вверху главной страницы, в этой части суперструктуры газеты присутствует рубрика «Звезды», в то время как киноафиши, объявления о театральных премьерах расположены в маргинальных позициях, что весьма симптоматично: создатели газеты, на наш взгляд, не намерены «отпугивать» серьезным словом «культура» потенциальных читателей, запросы которых им известны и в полной мере учитываются. В суперструктурах страниц — рубрик «Культура» интерактивные заголовки и подзаголовки расположены сплошным вертикальным рядом с маргинальными врезками на правой стороне страницы. Об иерархии значимостей культурных событий, представленных в макроструктурах, говорить можно только в случае, если исходить из иконичности представления этих событий: главные, по представлениям редакторов, — в верхней части страницы. Если же исходить из действительной значимости событий для культурной жизни страны, то она, на наш взгляд, далеко не всегда представлена в суперструктурах рассмотренных номеров газет.

Другой важной чертой организации газетных изданий выступают их макроструктуры, формируемые в том числе посредством применения определенных стратегий представления основных тем дискурса⁵, в нашем случае — тем, связанных с культурной жизнью России. Ввод темы дискурса в интернет-версии газетного издания осуществляется посредством интерактивного заголовка статьи и интерактивного подзаголовка, расположенных в определенной позиции в суперструктуре страницы «Культура», поэтому анализу будут подвергнуты как сами заголовки статей и их подзаголовки, так и соотношение между этими элементами макроструктуры рубрики «Культура».

Интерактивные заголовки статей, сообщающих о событиях в культурной жизни, можно поделить по функционально-семантическому

основанию на два типа: 1) заголовки, именующие тему дискурса, 2) заголовки, представляющие строевой элемент темы дискурса. В этом отношении существенных различий в подвергнутых анализу номерах трех разных газет выявлено не было. Приведем примеры заголовков, именующих тему дискурса:

- (1) *В Лондоне вручили Mercury Music Prize.*
(Коммерсант, 30 октября 2014 года)
- (2) *Робби Уильямс в апреле даст концерты в Москве и Петербурге.*
(Российская газета, 30 октября 2014 года)
- (3) *Борис Гребенщиков выпустил новый альбом в интернете.*
(Комсомольская правда, 30 октября 2014 года)

Все три приведенных выше заголовка называют саму суть культурного события и в смысле представления темы информативно достаточны. Заголовки, представляющие строевой элемент темы дискурса, в этом отношении существенно отличаются:

- (4) *От готики до футуризма.*
(Коммерсант, 30 октября 2014 года)
- (5) *Просто сюр какой-то.*
(Российская газета, 30 октября 2014 года)
- (6) *Пугачева похвасталась на показе Юдашкина модной шляпкой и стройными ножками.*
(Комсомольская правда, 30 октября 2014 года)

Заголовок (4) представляет собой строевой элемент темы «Неделя моды Mercedes Fashion Week в Москве», заголовок (5) — темы «Экспозиция произведений и других артефактов С. Дали как художника, писателя и редактора», заголовок (6) — темы «Посещение дефиле В. Юдашкина А. Пугачевой и М. Галкиным».

Что касается интерактивных подзаголовков, то выявлены два основных типа взаимодействия подзаголовка и заголовка статьи: (а) если заголовок представляет собой именование темы статьи, то подзаголовок выступает ее дальнейшим развертыванием, то есть содержит ее строевые элементы; (б) если заголовок представляет строевой элемент темы статьи, то подзаголовок содержит ее именование. Рассмотрим соотношение (а) с привлечением приведенных выше примеров:

- (7) Заголовок: *В Лондоне вручили Mercury Music Prize.*
Подзаголовок: *Лучшим альбомом признана пластинка «Dead» эдинбургских рэперов Young Fathers.*
(Коммерсант, 30 октября 2014 года)
- (8) Заголовок: *Робби Уильямс в апреле даст концерты в Москве и Петербурге.*
Подзаголовок: *Знаменитый британский певец Робби Уильямс объявил о старте нового мирового турне Let Me Entertain You, в рамках которого он выступит и в России. Концерты Уильямса состоятся 9-го апреля в Санкт-Петербурге, а 12 — в Москве. На пространстве СНГ певец также выступит в Минске, а вот на Украине в этот раз концертов не будет.*
(Российская газета, 30 октября 2014 года)
- (9) Заголовок: *Борис Гребенщиков выпустил новый альбом в интернете.*
Подзаголовок: *Но через несколько дней его начнут продавать в магазинах.*
(Комсомольская правда, 30 октября 2014 года)

Во всех трех примерах подзаголовки содержат определенные подробности события, которое заявлено в заголовке. При всем разнообразии тем, при всей разнице объемов подзаголовков — каждый из них содержит либо один строевой элемент темы, как в примерах (7) и (9), либо несколько, как в примере (8).

Далее рассмотрим соотношение (б), при котором заголовок содержит строевой элемент темы статьи, а подзаголовок включает ее именование:

- (10) Заголовок: *От готики до футуризма.*
Подзаголовок: *В Москве завершилась Mercedes Fashion Week.*
(Коммерсант, 30 октября 2014 года)
- (11) Заголовок: *Просто сюр какой-то.*
Подзаголовок: *Все, что вы хотели знать о медиа и Дали ищите в ММОМА на Гоголевском бульваре. Экспозиция поделена на два блока. Один представляет Дали как иллюстратора, арт-директора, писателя и редактора. Второй — устроит очередную встречу с образами, созданными великим мистификатором.*
(Российская газета, 30 октября 2014 года)
- (12) Заголовок: *Пугачева похвасталась на показе Юдашкина модной шляпкой и стройными ножками.*
Подзаголовок: *На дефиле старинного друга Алла Борисовна пришла с Максимом Галкиным.*
(Комсомольская правда, 30 октября 2014 года)

В примере (10) подзаголовок содержит ключевой элемент именованной темы статьи — *Mercedes Fashion Week* (Неделя моды Mercedes) в сочетании с сирконстантом *в Москве*, что в комплексе формирует тему «Неделя моды Mercedes Fashion Week в Москве»; при этом глагол *завершилась* имеет лингвистическую пресуппозицию *имела место, состоялась*. В примере (11) подзаголовок содержит ряд взаимосвязанных между собой именованных: *Дали — экспозиция — иллюстратор — арт-директор — писатель — редактор — образы, созданные великим мистификатором*, — которые формируют тему: «Экспозиция произведений и других артефактов С. Дали как иллюстратора, арт-директора, писателя, редактора, художника» (процедуры инференции и атрибуции при выведении темы дискурса не являются темой данной статьи). В примере (12) подзаголовок также содержит весь исходный материал для формирования темы дискурса: «Посещение дефиле В. Юдашкина А. Пугачевой и М. Галкиным».

Проведенный анализ изданий «Коммерсантъ», «Российская газета» и «Комсомольская правда» обнаруживает определенное единство в расположении рубрики «Культура»: ей отведена маргинальная позиция в суперструктурах этих газет. Иерархия значимостей событий для культурной жизни страны, по нашим оценкам, не соответствует действительным значимостям. В макроструктурах страниц — рубрик «Культура» прослеживается системность, выражающаяся во взаимной дополняемости заголовков и подзаголовков при формировании и выражении макропропозиций, отображающих тематический подбор номера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С.153–211.

² Щербакова О. В. Взаимодействие прагматических пресуппозиций, референциальных и фреймовых структур знания в когнитивной обработке речевых произведений газетно-публицистического дискурса (на материале интернет-версий британских и американских газет). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 21 с.

³ Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1981. Т.40. № 4. С.368–377.

⁴ Дейк Т. А. ван, Кинч В. Указ. соч. С. 165.

⁵ Рахимова А. Л. Речевые стратегии ввода темы в аналитической статье // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012. Выпуск № 4. С. 131–136.

Gusarenko S. V.

EVENTS AND CULTURAL LIFE OF RUSSIA IN SUPERSTRUCTURES AND MACROSTRUCTURES OF JOURNALISTIC DISCOURSE

The article contains the results of studying superstructures and macrostructures of newspapers in terms of how events and cultural life are represented in them. The author describes and classifies the rules of formation of superstructures and macrostructures; proves that headlines and subheadings are systematically interrelated, which manifests itself in mutual semantic complementarity when discourse macropropositions are formed.

Keywords: superstructure, macrostructure, journalistic discourse, macroproposition, interactive headline.

Давыдова Ольга Андреевна

Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова

dav.ol@mail.ru

РУССКИЕ И КАЗАЧЬИ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ (В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. ШОЛОХОВА)

М. А. Шолохов эпически отразил жизнь России (прежде всего донского казачества) 30–50 гг. XX в. Формулы приветствия разнообразны. Некоторые из них традиционны и нейтральны (*Здравствуйте!*), другие носят региональный характер и выражены диалектными выражениями (*Здорово дневали! Здорово ночевали!*). Приветствие отражает гендерные отличия: рукопожатие характерно в большей степени для мужчин, у казаков есть особый глагол — *ручкаться*. Приветствия сопровождаются, а иногда заменяются жестами.

Ключевые слова: формулы приветствия, речевой этикет, казаки, М. А. Шолохов.

М. А. Шолохов создал эпическое полотно жизни России в переломные годы XX в. Прежде всего, он познакомил с жизнью, традициями и обычаями донских казаков, среди которых он жил, они стали главными героями его книг. Их язык был родным и для Шолохова, его особенности он отразил в художественных произведениях.

Формулы приветствия — это часть речевого этикета любого народа. Хотя русские этикетные формулы частично описаны¹, этикетные формулы других народов России еще ждут своих исследователей, также как и описание жестов, которые часто сопровождают, а иногда и заменяют собственно языковые формулы.

Самым распространенным приветствием казаков является *Здорово!*, которое характеризуется как *просторечие*. 'Широко распространенная форма приветствия при встрече с родственниками, приятелями, знакомыми, с которыми говорящий обычно общается на «ты»'². Его используют самые разные герои М. А. Шолохова:

Лошади в мыле потном. — Здорово, пастух!.. — Здравствуйте!.. — Мы к тебе приехали... Пастух³; ...гость <...> снял старенькую солдатскую фуражку, улыбнулся Ильиничне. — Здорово, тетка Ильинична! Не ждала? — Здравствуй. А ты кто такой мне, чтобы я тебя ждала? Нашему забору двоюродный плетень? — грубо ответила Ильинична, негодуя глянув в ненавистное ей лицо Кошевого. Тих. Дон, 8, II; Щукарь поразмыслил и вечером, как только стемнело, пошел к Нагульному на квартиру. — Здорово, Макарушка! — Здорово. Ну, чего явился? Подн. цел., 1, XXXVII; Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском: — Здорово, браток! — Здравствуй. — Я пожал протянутую мне большую, черствую руку. Мужчина наклонился к мальчику, сказал: — Поздоровайся с дядей, сынок.

Судьба человека (из примеров видно, что писатель использует такую форму приветствия во всех произведениях: от «Донских рассказов» до «Судьбы человека»). Общерусское приветствие *Здравствуй(те)! так-*

же широко представлено в шолоховских текстах и как ответная реплика (в предыдущих примерах), и как основная формула приветствия. Причем, некоторые из шолоховских героев используют только его (Семен Давыдов, питерский рабочий, приехавший на Дон по призыву партии):

Мать Вари он встретил во дворе, почтительно поздоровался: — Ну, здравствуй, мать! Как живешь? — Здорово, председатель! Живем помаленьку. Ты что хотел? Какая нужда тебя принесла поутру? Подн. цел., 2, XXIII и др.

Такое же приветствие особенность русской эпистолярной традиции:

Здравствуй, дорогой сын наш, Григорий Пантелеевич! Шлем мы тебе нижайший поклон и от всего родительского сердца, с матерью твоей Василисой Ильинишной, родительское благословение. Тих.Дон, 3, I; Здравствуйте, дорогие родители, — писал Петро в письме, помеченном 20 сентября. Тих. Дон, 3, XVII и др.

Широко распространенным приветствием является *здорово живешь(те)!* Оно является не только просторечным, но и широко распространенным донским, которое в отличие от других диалектных используется в любое время суток на всех казачьих территориях: 'Приветствие в любой час дня; здравствуйте, здравствуй'⁴:

Поравнялся Арсений. — Здорово живешь, молодка. — Слава богу, Арсений Андреевич. Жаркой радостью хлестнуло Арсения, колени дрогнули. Двухмужняя; — Здорово живете! — Слава богу, — ответил, встав с лавки, хозяин — невысокий конопатый престарелый казак. Тих. Дон, I, XVI; — Здорово живете, бабочки! — Слава богу —, сдержанно ответила ему хозяйка, выжидательно, вопрошающе глянув на мужа: «Что это, дескать, за человека ты привел и какое с ним нужно обхождение?» Подн. цел., I, I.

Другие, более конкретные формулы, которые употребляются в определенное время суток, являются также особенностью диалектной речи. Если *здорово ночевал (а,и)!* 'Доброе утро' характерна для нескольких русских территорий (Арх., Волг., Волог., Дон., Перм., Помор., Урал.), то *здорово дневал(а,и)!* 'Приветствие днем и вечером: здравствуй, добрый день' только для Дона⁵:

Вошел Григорий. Зыркнул по сторонам. — Здорово ночевали. — Слава богу, — протяжно ответила хозяйка. — Слава богу, — подтвердил и хозяин. Тих.Дон, I, XVI; — Здорово ночевал, Мирон Григорич! — поздоровался Христоня. — Слава богу, служивые! — Иди под общий кур. — Спаси Христос. Недавно покурил. Тих. Дон, 5, VIII; Ефим <...> увидел Игната. <...> Вошли оба в хату и, сняв шапки, истово перекрестились. — Здорово дневали! — Здравствуйте, — ответил Ефим. Смертный враг; Вечером прибежал к Гавриле соседский парень, на образа второпях перекрестился. — Здорово дневали! — Слава богу. — Слыхал, дедушка? Прохор Лиховидов из Турции пришел. Чужая кровь.

Литературные эквиваленты выражений представлены в шолоховских текстах лишь двумя примерами:

Не дойдя шагов восемь <...>, небрежно приложил два пальца к козырьку фуражки. — Добрый день, Анна Сергеевна! — Здравствуйте, Иван Арсеньевич! Что это у вас за убийство было? Путь-дороженька, I, IV; Остановив-

шись у костра, он (Лопухин. — О.Д.) галантно раскланялся. — Доброе утро, Наталья Степановна! <...> — Здравствуйте, — тихо сказала она. — Уж вы меня извиняйте, Петр Федотович... ОСзаР.

Для казаков, которые были военным сословием России, характерна военная форма приветствия *Здравия желаю (желаем)!* 'Уставная форма приветствия в армии (полиции, милиции или других военизированных службах) младшего по званию в ответ на приветствие старшего по званию', причем используют его казаки не только в боевой обстановке:

На пятой подводе краснели околыши казачьих фуражек. Трое казаков удобно разместились на широком возу, молча глядели на Листницкого, и на их запыленных суровых лицах не было и тени той почтительности, которую видишь в строю. — Здорово, станичники! — приветствовал их сотник. — Здравия желаю, — вяло ответил ближайший к подводчику, красивый серебряноусый и бровястый казак. Тих.Дон, 3, XVI, но и вне строя: так отвечают старики хутора на приветствие генерала: Пантелей Прокофьевич шагнул вперед. Генерал Сидорин через его голову бегло оглядел толпу, звучно произнес: — Здравствуйте, господа старики! — Здравия желаю, ваше превосходительство! — взвизгнул загомонили хуторяне. Тих Дон, 7, XII;

Так же отвечает старик на военное приветствие солдата Отечественной войны:

Бегло взглянув на прямые плечи и несутулую спину старика, Лопухин подумал: «Наверно, фельдфебелем служил, бородатый дьявол! Почтительностью его надо брать, не иначе». Не доходя несколько шагов, он щелкнул каблуками, поздоровался и отковырял так, словно перед ним стоял по меньшей мере командир дивизии. Расчет оказался безошибочным: на старика это явно произвело впечатление, и он, тоже приложив узловатую ладонь к козырьку выцветшей казачьей фуражки, не менее почтительно ответил гулким басом: — Здравия желаю! ОСзаР.

В шолоховских текстах есть и другие формы приветствия, реже употребляемые русскими: *Доброе здоровье! (Доброго здоровья!) Разг.* 'Формулы вежливого или учтивого приветствия, употребляемые преимущественно людьми среднего или старшего возраста'⁶:

— Доброго здоровья! — спотыкаясь о порог, кукарекнул Пантелей Прокофьевич и, сконфузясь зычного своего голоса, лишний раз перекрестился на образ. — Здравствуйте, — приветствовал хозяин, чертом оглядывая сватов. Тих Дон, I, XVIII; Мелеховы припозднились. Выехали на покос, когда уже на лугу была чуть не половина хутора. <...> — Доброго здоровье, однесум! Припозднился, браток, припозднился... — Высокий казак в соломенной шляпе качал головой, отбивая у дороги косу. Тих.Дон, I, IX; Лошади с шершавой, смерзшейся от пота шерстью остановились около крыльца. — Здравствуйте, граждане! Где тут конюшня? — Доброго здоровья, — за всех ответил пожилой казак, донеся руку до края заячьей папахи. Подн. цел., I, II.

У Шолохова отражено украинское приветствие, понятное русским:

В этот момент Кондратько, заслышав разговор, повернулся багровым лицом к Давыдову, под висячими бурьми усами его в улыбке бело вспыхнули зубы: — Оце, мабуть, и радянська власть? Здоровеньки булы, братки! — Здравствуйте, товарищ. Я — председатель колхоза, а это — секретарь партячейки. Подн. цел., I, XXII.

Традиционный казачий ответ на приветствие, как видно из уже приведенных формул, *слава богу!* (в таком качестве не отмеченное словарями). Кроме него, встречается шутливо-просторечный ответ:

Лопахин <...> глядя на повара сверху вниз, сказал шипящим и ничего доброго не предвещающим голосом: — Здравствуйте. — Наше вам, — холодно ответил Лисиченко. ОСзаР. (Прост. Шутл. или фамильярн. 'Форма преимущ. мужск. Приветствия. Сокращение от Наше Вам почтение'⁷).

Часто ответом служит традиционное приветствие, дополненное словами:

Возле Авдеевых копен увидел Нюрку. <...> — Здорово, раскрасавица! — Здорово, коль не шутишь. — И улыбнулась. Кривая стежка; — Бабочки-красавицы, здравствуйте! — с наигранной веселостью приветствовал богомолок Давыдов. — Здорово, коли не шутишь, — ответила за всех самая бойкая из женщин. Подн. цел., 2, XIII.

Среди этих дополнений есть, по-видимому, донское присловье:

Здорово, Иван Алексеевич! Здорово живешь, дядя Христан! — Здорово, да, стал-быть, не дюже семенна, — посмеивался Христаня, забирая в свою полуаршинную ладонь всю руку Григория. Тих. Дон, 5, VIII; — Садись, Григорий Пантелеевич. — Здорово, начальник! — Эх, здорова-то здорова, да не семенна, как говорится. Ну, что там у тебя? Жмут? Тих. Дон, 6, LVIII.

Исследователи русского речевого этикета уже неоднократно отмечали, что вербальное приветствие сопровождается жестами, самым распространенным из которых является рукопожатие. Этот жест имеет глубокие исторические корни, в разных культурах нюансы в использовании, но почти везде оценивается как знак особого уважительного отношения к собеседнику как равному и в большей степени присущ мужчинам (они с незапамятных времен обязательно снимают перчатки, показывая, что не держат в руке оружия). М. А. Шолохов во многих контекстах показывает внимательному читателю особенности отношения между героями, использующими именно эту форму приветствия:

Григорий снял папаху, негромко сказал: — Здравствуйте! — Мелехов! Вот уж воистину степь широкая, а дорога узкая! Пришлось-таки опять увидеться! <...> — Фомин встал из-за стола, подошел к Григорию, протягивая руку. — Ты чего тут околачивался? — По делу пришел. Тих. Дон, 8, XI; Христаню и всех остальных хуторян Григорий угостил припасенным табаком; и уже перед тем, как ехать, увидел Степана Астахова. Степан подошел, не спеша поздоровался, но руки не подал. Тих. Дон, 6, LXIII; — Человека во мне увидели, как же мне не радоваться? Мне руку, как ровне, дал, посадил... Тих. Дон, 6, XX; Давыдов обошел вокруг стола, со всеми здороваясь за руку. Мужчины обменивались с ним привычно крепким рукопожатием, а женщины, глядя в глаза, смущались и протягивали руки лодочкой: свои, местные казаки не очень-то баловали их таким вниманием и почти никогда не снисходили до того, чтобы при встрече, как равной, протянуть женщине руку. Подн. цел., 2, V и др.

В казачьем диалекте есть даже специальный глагол *ручкаться* 'Здороваться за руку', которым передается это действие:

Председатель поручкался с Гаврилой и сразу, как обухом по затылку: — Ну, признавайся, дед: хлеб есть? Чужая кровь; Поручкавшись с казаками, Мирон Григорьевич снял красноватый треух, погладил торчмя стоявшие белесые волосы и улыбнулся. Тих. Дон, 5, VIII; Ну, я поручкался с инженером, а он смотрит на меня чертом: дескать, почему я так с его женой по-простому разговариваю? Подн. цел., 2, 28.

Однако рукопожатие не единственный жест, которым сопровождается приветствие или который употребляется вместо приветствия. При более близких отношениях используются *объятия*:

Григорий бережно опустил ребенка на пол, пошел навстречу зятю, улыбаясь, протягивая большую смуглую руку. Он хотел обнять Михаила, но увидел в безудыбчивых глазах его холодок, неприязнь и сдержался. — Ну, здравствуй, Миша! — Здравствуй. Тих. Дон, 8, V; Игнат с база пришел, следя грязными сапогами. — Ну, здорово, братуха!.. С прибытием. — Здравствуй. Руку протянул Игнат, хотел обнять, но как-то разминулись и пальцы сошлись в холодном и неприязненном пожатии. Коловерть, 4.

Еще большую близость и теплоту передают поцелуи:

Восемь офицеров спешили, и есаул, подойдя к вахмистру, снял защитную фуражку с ярко белевшей на околыше офицерской кокардой, улыбаясь, сказал: — Ну, здравствуйте, станичники! Что ж, по старому казачьему обычаю — поцелуемся. — Крест-накрест поцеловал вахмистра, вытер платком губы и усы. Тих. Дон, 7, V.

Говорит писатель и об обычаях русских, связанных с приветствием:

Он протянул Половцеву руку: — Здравия желаю, господин есаул! По русскому обычаю через порог не здороваются... Подн. цел, 2, XXVIII.

В небольшой по объему публикации невозможно рассказать обо всей палитре вербальных и кинетических средств, используемых русскими, в том числе и донскими казаками — героями произведений М. А. Шолохова. Лингвистические и паралингвистические этикетные средства представляют известную трудность при переводе, так как обладают культурологической спецификой и должны изучаться в курсе русский язык как иностранный (неродной)⁸. Произведения лауреата Нобелевской премии по литературе дают широкий материал для такого изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем обществе). Изд. 3-е. М.: Знание, 1989. 160 с.

² *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

³ Здесь и далее все цитаты даны по изданию: *Шолохов М. А.* Собр. соч. В 8 т. М.: Худож. лит., 1985. После названия романов арабскими цифрами указана часть, римскими — глава.

⁴ Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 608 с.

⁵ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М. ЗДФО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

⁶ *Балакай А. Г.* Указ соч. С. 186

⁷ Там же. С. 295.

⁸ Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд.2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 248 с.

Davydova O. A.

RUSSIAN AND COSSACK SET PHRASES OF GREETING IN M. SHOLOKHOV'S OEUVRE

The author argues that Sholokhov had epically reflected Russian life, primarily that of the Don Cossacks, of the 1930s–1950s, and recorded both traditional and neutral (Zdravstvuy(te) — Hello!) and regional greeting formulae expressed by dialect words (Zdorovo dnevali! — Good day! Zdorovo nochevali! — Good morning!). The greetings reflect gender differences: handshake is typical for men, Cossacks have a special verb for it (ruchkatsya). Greetings are accompanied, and sometimes replaced, with gestures.

Keywords: set phrases of greeting, Cossacks, M. Sholokhov.

Демешкина Татьяна Алексеевна

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Россия

demeta@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируется чужая речь в когнитивном и коммуникативном аспектах. В качестве материала используются записи диалогов сибирских старожилов — представителей народной речевой культуры. Выявляется зависимость способов когнитивной обработки чужой речи от нескольких факторов, среди которых важнейшим является непосредственное / опосредованное участие источника информации в ситуации общения.

Ключевые слова: чужая речь, диалог, коммуникация, диалект.

Изучение языковых структур с чужой речью вписывается в общую проблематику философско-лингвистического характера, связанную с исследованием когнитивных категорий «свое» и «чужое». В диалектном высказывании взаимодействие этих смыслов проявляется на разных участках семантической организации. Оно формирует своеобразие метакомпонентов, авторизационных и актуализационных категорий модуса. Подобное взаимодействие, по наблюдению Н. Д. Арутюновой, «стимулирует такие процессы, как образование экспрессивных и оценочных коннотаций, монтаж синтаксических структур, базой которого служит явление цитации, развитие системы диалогических модальностей, порождаемых отношением к чужому слову, преобразование объективной информации (или запроса об информации) в модальную (например, частного вопроса в модальную реакцию), развитие диалогической тактики»¹

Диалектная речь в силу своего диалогического характера представляет собой репрезентативный материал для анализа названных процессов и явлений. В фокус исследовательского внимания диалектологов попали черты, составляющие специфику чужой речи в языке диалектной личности: способы ввода чужой речи, характер соотношения воспроизведенной речи и первичного высказывания, авторский план чужой речи². Представлен также перечень типовых диалектных высказываний, содержащих чужую речь³.

Одним из основных принципов коммуникации на диалекте, является принцип совмещения ситуации темы и ситуации текущего общения, впервые выявленный и описанный В. Е. Гольдиным⁴. Суть этого принципа заключается в том, что говорящий, обращаясь к той или иной ситуации, имеющей место быть в прошлом, не просто описывает ее, а воспроизводит, воссоздает заново во всей полноте с использованием речевых особенностей каждого из участников. Этот принцип носит когнитивный характер, поскольку он отражает специфику познавательной деятель-

ности на диалекте. Названное свойство проявляется в симметричности глубинных и поверхностных структур диалектного высказывания, в отсутствии редуцированных форм выражения пропозиций в речи, что приводит к изобразительности, иконичности диалектного текста. Наиболее типичным метатекстовым вводом чужой речи является глагол *говорить* в определенных его формах, который может опускаться, что способствует совмещению планов своей и чужой речи. Яркий пример сочетания неречевых и речевых компонентов ситуации представлен в следующем фрагменте текста:

Она пришла к моёмu мужу, старику: «Кузя, чё делать-то, ли-ка, чё делат-то!» А он гыт: «Ты вот сходи, соседа своёго зови домой». А у ей там в избушке скотина велась шибко хорошо. «Соседа проси». А видит — никто его не видит. «Сосед-батюшка... Давай, иди к нам, на нóво место, уважай, нашу скотинушку и нас не тревожь, спасай».

Взаимодействие чужой и своей речи рассматривается исследователями в аспекте выстраивания коммуникативной стратегии субъекта речи. Так, Н. В. Максимова с учетом «взаимодействия логических и диалогических отношений» различает восемь коммуникативных стратегий: развитие, применение, переоформление, переопределение, оценивание, отрицание, толкование, комментирование⁵. Реализация названных стратегий проанализирована автором на материале текстов-рассуждений, или, в терминологии автора, текстов-ментативов.

Для диалектной коммуникации подобные тексты не являются типичными в силу его устно-речевой формы существования. Вместе с тем, наличие большого количества структур с чужой речью заставляет задуматься над спецификой функционирования чужой речи в диалекте и поставить проблему исследования коммуникативных стратегий в диалекте как особой форме коммуникации.

Представляется, что коммуникативные стратегии имеют когнитивную основу, поскольку отражают способы концептуализации тех или иных ситуаций, одним из компонентов которых является речевое поведение ее участников. Материалом для анализа послужили записи (опубликованные и рукописные) диалектной речи сибирских старожилов — носителей русских среднеобских говоров.

В зависимости от того, является ли автор чужой речи участником ситуации общения или только участником ситуации, которую описывает говорящий, осуществляются разные виды когнитивной обработки чужой речи, вводимой в собственную речь.

Проанализируем диалоги, записанные томскими диалектологами в селе Вершинино Томского района Томской области, в которых оба участника находятся в прямом контакте.

Одним из способов введения в реплику чужой речи является диалогическая цитация, используемая, как правило, для выражения несогласия с мнением собеседника. Она служит основой для формирования стратегии отрицания.

Отрицанию подвергается:

а) выбор формы слова, его стилистическая характеристика:

Ну а кто имеет право снимать директора на сессии? Эти наши нещасны депутатишки? Котóры они... толку не знают... — Ты пошто́ так дешёво говоришь — «депутатишки»?

В приведенном примере оценивается стилевая принадлежность лексем, ее сниженная коннотативная характеристика. Автор речи реагирует на пренебрежительную форму слова (*депутатишки*), соответствующим образом оценивая ее: *дешёво говоришь*.

б) сам человек, его социальная (жизненная) позиция через парную цитацию не одобрения:

А кто они? Это только чтобы время отвести, и всё. Зачем за них голосовать-то? Они кода́ вот все готовы. А толку от них чё? — Дак ты пошто́ такой-то? «Толку, толку»?

В данном случае критика позиции осуществляется через повтор лексем из речи собеседника. В качестве аргумента несогласия с точкой зрения собеседника приводится пример из жизни оппонента:

Да ну тебя! Ну вот у Батурского работал два года.

в) восприятие и интерпретация происходящих событий:

Раньше все колхозы непосредственно сельсоветам подчинялись. Вся власть Советам была отдана. А щас сделали перестройку! Вон председатель сельсовета придёт, ёлки, ты его больше боишься, чем председателя колхоза. Так же, тётя Вера? — Ну только ты говоришь «перестройка» — это же не перестройка была. Какá тут перестройка была? Перестройка щас началась, а сколько лет уж.

Из речи собеседника выбирается для повтора ключевое слово, выражающее его отрицательное отношение к переменам, происходящим в общественной сфере. Оно находится в рематическом фокусе. Отрицательной оценке подвергается не высказанная точка зрения, а интерпретация событий. Приведенные фрагменты спора отражают ситуацию несогласия двух участников диалога, и диалоговая цитация формирует основу стратегии отрицания выраженной позиции собеседника. Средствами выражения служат риторические вопросы, а также отрицательные структуры (*это не...*). В диалоге отсутствуют развернутые аргументы несогласия. Отрицание выражено экспрессивными средствами языка. Рассуждения в тексте тесно переплетены с конкретно-событийными фрагментами.

Цитация используется для выражения согласия с позицией собеседника. В этих случаях она формирует основу для реализации коммуникативной стратегии дальнейшего развития мысли собеседника, уточнения ее в каких-либо аспектах:

А там ешо́ никого нет, наших-то [в газете]? — Нет, ну, да... «наших»! Это в область, тут уж своих-то... Это самы-самы-самы [крупные?]; Ага, ну и он говорит: «Ну де же набрать, де же набрать? — скромно так, вежливо, — Где же набрать много? Всё равно ешо много, участников войны, и участников тыла, много...».

В целях экспрессивного утверждения наиболее значимые фрагменты могут быть повторены несколько раз:

Кого, всё равно их мало уже осталось. — Мало, мало. Мало. А так, по все-му-то это... белому свету-то много их, всё равно.

Иную цель преследует диалоговая цитация в ситуации общения носителя диалекта с представителем другой культуры, «чужой» среды, в частности, с диалектологом. Включение чужой речи производится говорящим с целью актуализации темы дальнейшего высказывания. Цитация, как правило, является основой толкования слова. Повторяется то слово, значение которого просит объяснить собиратель (Почему так называется?):

Запечка — там можно стираться, класть чего, чтоб люди не видали, во это-то пространство от стенки до печки; Засыпушка — столбы ставят по одну сторону и по другую. А в середине отверстие находится. И вот его засыпают, кто землей, а кто опилками.

Более развернуто представлены виды когнитивных действий в тех случаях, когда в речь говорящего включается речь лица, не участвующего в диалоге. Цитирование используется для выражения либо согласия с высказанной позицией, либо для выражения неприятия, отрицания этой позиции. Говорящий производит разные операции с чужой речью: оценивает, комментирует ее, развивает, досказывает. Источником чужой информации выступают конкретные лица (родственники, соседи, односельчане), средства массовой информации. По сравнению с прямыми диалогами в этих «заочных» диалогах (при сохранении общего экспрессивного фона) приводятся более развернутые аргументы в пользу своей позиции: а) Комментарий по поводу речевого поведения собеседника:

А теперь че — у него ни звания, ни образования, а он козыряет этого директора: «А, директор такой-сякой, немазаний-сухой, я больше его знаю» — ну как же это так? Ну раз больше знаешь, ну ты будь директором, если больше знаешь; б) Развитие мысли собеседника : У нас старушка была старая, она неграмотна была, всё про эту жизнь говорила, что будет. «Придёт то время, не будет ни птицы, ни рыбы, народ будет бесстыжий, беззаконство будет, безбожество». Как могла знать? А всё и правда. Теперь народ бесстыжий, с реки гбы идут. Беззаконство, безбожество, закон божий не принимают, не венчают. Вот это пришло, всё пришло.

В примерах присутствуют риторические вопросы, синтаксические и лексические повторы. Вместе с тем, используется абстрактная лексика, маркирующая тексты-рассуждения.

Выводы

Диалектная речь является по своему преимуществу диалогической, что обуславливает в ней наличие значительного пласта чужой речи, представленной в разных формах. Основным способом выражения является цитация, проявляющаяся в зависимости от присутствия / отсутствия в ситуации общения того лица, речь которого цитируется. Степень освоенности чужой речи детерминирует реализацию разных видов ком-

муникативных стратегий, в основе которых лежит когнитивная обработка вводимой информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 668–669.

² Гынгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск. 2000. С. 230–238.

³ Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Учеб. пособие для студ. гуманитарных специальностей. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 16–19.

⁴ Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде научного доклада, представленного на соискание д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

⁵ Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 26.

Demeshkina T. A.

COGNITIVE OPERATIONS WITH ANOTHER PERSON'S SPEECH IN DIALECTAL COMMUNICATION

The article is devoted to studying another person's speech in cognitive and communicative aspects. The study materials are records of dialogues of Siberian long-term residents, representatives of folk speech culture. The author finds out the dependence between methods of cognitive processing another person's speech and several factors, among which the most significant is direct / indirect participation of the source of information in the communicative situation.

Keywords: another person's speech, communication, dialogue, dialect.

ФУНКЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В статье поднимается проблема функциональной интерпретации языкового знака, реализованного в семантическом поле. Предложенная методика исследования чрезвычайно важна для определения статуса единиц (лексико-семантических вариантов) в структуре поля, их принадлежности к ядру, центру или периферии. Составной частью целостной интерпретации функциональной структуры языковой единицы предлагается считать общее (инвариантное) значение слова, которое присутствует во всех значениях многозначного слова. В качестве примера анализируются классы семантического поля *изменение*.

Ключевые слова: значение, семантический класс, функционально-семантическое поле, семантика, функция.

Сближение различных наук как знаковых систем на основе семиотической методологии, начатое в первые десятилетия XX века, привело к плодотворному использованию некоторых понятий в качестве универсальных, лежащих в основе функционирования разных систем.

К их числу должно быть, безусловно, отнесено понятие «функция», заимствованное из математики, где она проявляется как зависимая переменная величина, с помощью которой выражаются разнообразные связи объектов наук, в том числе языковых единиц в лингвистике. Математическая и логическая сущность функции состоит в определённом заданном соответствии исходного элемента одного множества — элементу другого множества. Функцией мы будем называть операцию, которая, будучи применена к чему-то как *аргументу*, даёт некоторую вещь в качестве *значения* функции для данного аргумента. Сама функция состоит в определении некоторого значения для каждого аргумента из области определения функции.

Мы будем говорить о функции, *отображающей некоторый класс в некоторый другой класс*, имея в виду функцию, область определения которой есть первый класс и все значения которой лежат во втором классе¹. Функция (лат. *functio* — исполнение, соответствие, совершение, отображение) — некоторое правило, закон, дающий возможность каждому элементу множества *M*, под которым понимается область значений независимого переменного *x*, ставить в соответствие определённый элемент множества *M*₁, под которым понимается область значений зависимого переменного *y*².

Главным в этих (и им подобных) определениях является указание на отражение одного элемента исходного множества в другом элементе второго множества. Лингвистически первый элемент *x* может быть интерпретирован как знак, а второй *y* — как его значение. В этом соотношении и проявляется глубокая фундаментальная связь понятий «функция»

и «значение», поскольку, согласно известному положению Ч. С. Пирса³, значением знака является его перевод в другой знак. Понимание функции как отражения элементов одного класса в элементах другого класса и обеспечивает переход «функция» ↔ «значение» со всей строгостью одной из основных семиотических закономерностей. Такой переход может совершаться только в пределах определённой системы, к числу которых принадлежит язык.

В языкознании функциональное понимание языка разрабатывалось в различных его направлениях. Особый интерес в этом отношении представляет деятельностная концепция понимания языка как совокупности речевых актов, творчества, развития языковой системы В. Гумбольдта⁴ и А. А. Потебни⁵. Сущность языка как понятия *energeia*, по В. Гумбольдту, отразилась в концепции А. А. Потебни в понимании единства слова и значения как постоянно развивающегося феномена. Слово живёт в речи, творчестве языкового коллектива, в его употреблении, функционировании.

Развитием функциональной концепции значения языковых единиц явилась работа С. О. Карцевского⁶ «Об асимметричном дуализме лингвистического знака». Обозначающее — это звучание, а обозначаемое — функция. Обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны, будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать⁷.

Проблема функциональной интерпретации языкового значения нашла наиболее полное и убедительное воплощение в статье Е. Куриловича «Заметки о значении слова»⁸. Значения слова — главное и частное — интерпретируются соответственно как первичная и вторичная семантическая функции. Эти понятия соответствуют в системе Р. О. Якобсона главному и частному значениям. Первичная семантическая функция «не определяется контекстом», вторичные функции слова «к семантическим элементам главного значения прибавляют ещё и элементы контекста»⁹. Такая зависимость существует не только между лексико-семантическими вариантами слова и отдельными словами, например, синонимами, но и всей системой единиц поля, где каждое предшествующее звено (иерархически более высокое) может быть представлено как первичная функция по отношению к последующим, реализующим вторичные, производные функции.

Выделение первичной и вторичной функции лексических единиц (в другом плане — главного и частного значения) чрезвычайно важно для определения статуса единиц (ЛСВ) в структуре поля, их принадлежности к его ядру, центру, периферии.

Такая структурно-семантическая квалификация единиц важна и для учёта широты их функционирования, более свободной или, наоборот, ограниченной, строго фиксированной синтагматикой. Это существенно для характеристики синтагматического аспекта семантического поля. «Главное значение (ЛСВ в первичной семантической функции) наиболее бедно и, следовательно, общо по своему содержанию. <...> Поэтому слово в таком значении обладает самой широкой системой сочетаемости». Частное значение слова (соответствующее его второй семантической функции) «богаче по своему содержанию, чем главное значение, а само слово, употребляясь в таких значениях, имеет в соответствии с этим ограниченную, избирательную сочетаемость»¹⁰. Между объёмом и употреблением лексических единиц существует отношение обратной пропорциональности: чем семантически богаче слово (ЛСВ), тем уже его сочетаемость и наоборот.

Целостная интерпретация функциональной структуры языковой единицы невозможна без ещё одного существенного понятия. Это общее (инвариантное) значение слова, которое присутствует во всех значениях многозначного слова. Общее содержание выделяется подобно тому, как в многочлене выделяется общий множитель: $ab + ac + ad = a(b + c + d)$. Это общее, или инвариантное значение слова. Так, в слове *вода* общее значение — ‘H₂O (aqua distilata), главное значение — ‘прозрачная бесцветная жидкость’ и частные значения — например, ‘напиток’ (фруктовая вода).

В семантическом поле под исходной функцией (*f*) следует понимать его инвариантное значение при аргументе неспециализированном, предельно обобщенном — x_0 ; тогда значение функции будет иметь смысл имени поля y_0 .

При специализированных аргументах значение функции конкретизируется и усложняется как семантика соответствующих специализированных классов единиц:

$$y_1 = f(x_1), y_2 = f(x_2), y_3 = f(x_3) \text{ и т. д.}$$

Например, функциональный подход позволяет интерпретировать семантическое поле *изменение* как целостную и «напряжённую» структуру иерархически зависимых единиц, интерпретация значения как функции дает возможность представить инвариантное значение поля в его функциональном аспекте.

Наименования изменения в русском языке представляют значительный и разнообразный по тематике пласт слов, центральной частью которого являются глаголы, мотивирующие соответствующие отглагольные существительные.

Глаголы как исходные обозначения изменения образуют основу определенных семантических классов, содержание которых может быть интерпретировано через набор функций, обозначаемых нами основами латинских слов, а также заимствованных из модели «Смысл — Текст»¹¹.

Рассмотрим в качестве иллюстрации некоторые семантические классы поля ‘изменение’, общие значения которых являются функционально производными от инвариантного значения имени поля — $f = \text{mut}$.

Ряд семантических классов слов обозначает изменение цвета, света, звука, температуры, влажности и других природных явлений.

Изменение цвета: *mut & color* (от лат. *color* — ‘цвет’). Это глаголы (*по*) *краснеть*, (*по*)*желтеть*, (*по*)*зеленеть*, (*по*)*синеть*, (*по*)*белеть*, (*по*)*чернеть*, (*по*)*багроветь* и др. и некоторые их соответствия с каузативным значением типа *желтить*, *зеленить*, *синить*, *белить* и др. «[У старца] седина в бороде уже *зеленеть* стала» (Л. Толстой. *Три старца*). «Побледневшее небо стало опять *синеть*, но то уже была синева ночи» (И. Тургенев. *Бежин луг*).

Цветовые изменения обозначают также эмоционально-психическое и другие состояния человека (*mut & color & hom*): (*по*)*бледнеть*, (*по*)*краснеть*, (*по*)*багроветь*, (*по*)*зеленеть*, (*по*)*чернеть* и т. п. «У Андрея быстро *побагровело* лицо. Он смотрел прямо на капитана Озерова, но от волнения не слышал, что говорил тот» (М. Бубеннов. *Белая береза*). «Уши *краснели* у него от волнения» (А. Чехов. *О любви*).

Изменение света (яркости), представленное функциональными маркерами *mut & lux* (от лат. *lux* — ‘свет, освещение’) можно проиллюстрировать словами типа (*по*)*светлеть*, (*за*)*блестеть* и их антонимами (*по*)*темнеть*, (*по*)*мрачнеть* и под. «*Светлело*. Вот-вот взойдет солнце» (П. Вершигора. *Люди с чистой совестью*). «Уже *темнело*, и на небе показывались там и сям звезды» (А. Чехов. *Печенег*).

Изменение звука, звучания: *mut & son* (от лат. *sonus* — ‘звук’). Класс единиц представлен глаголами типа *зашептать*, *стихнуть*, (*по*)*утихнуть* и противоположными им по смыслу *раскричаться*, *заголосить*, *расшуметься*. «Излив мое негодование в самых сильных выражениях, <...> я *поутих*» (С. Аксаков. *Детские годы Багрова-внука*). «Хоть жарок, но хорош был день, — в небольших рощах, в покинутых сейчас садах распелись, *раскричались* птицы» (А. Толстой. *Петр Первый*).

Изменение температуры: *mut & calid* можно проиллюстрировать глаголами типа *теплеть*, *нагреть(ся)*, *растаять* и их противоположными по смыслу коррелятами *холодать*, *охлаждаться*, *замерзать* и др. «Море *тепело* с каждым днем. Ялта оживала» (Д. Мамин-Сибиряк. *Перекало-поле*). «Уже совсем *стемнело* и начинало *холодать*» (И. Тургенев. *Ермолай и мельничиха*).

Определенный подкласс единиц образуют названия изменения температуры человеческого тела: *mut & calid & hom*. Это антонимичные векторные слова, направленные в разные стороны от точки отсчета: *теплеть*, *согреваться*, *отогреваться*, *взопреть* и (*по*)*холодеть*, *замерзать*, *околотеть*, *продрогнуть* и др. «Пойдемте скорее, Александр Васильевич, я совсем *замерз*» (Е. Катерли. *Бронзовая прялка*). «Гроза прошла, снова стало тихо, засверкало солнце. Степа переменял мокрую одежку и лег в постель *отогреваться*» (А. Кожевников. *Живая вода*).

Изменение степени влажности, обозначаемое конъюнкцией основной и дополнительной функций: *mut & aqua* (от лат. *aqua* — ‘вода, влага’), также представлено разновекторными словами-антонимами типа *мокнуть*, *намокать*, *отсыревать* и *сохнуть*, *высыхать* (ср. каузативные пары вида *мочить* — *сушить*). «Рабочим приходилось целые дни стоять в воде и *мокнуть* на дожде» (Д. Мамин-Сибиряк. *Злой дух*). «В камере стоял пар от *сохнувшей* мокрой одежды...» (Л. Толстой. *Воскресение*).

Большие классы глаголов в русском языке, требующие отдельного рассмотрения, обозначают различного рода интеллектуальные, психические, эмоциональные процессы, а также изменения социального характера (*умнеть, умудряться, глупеть, понимать, уяснять, усложнять, укрощать, (по)тревожиться, (по)радоваться, потрясаться, помрачнеть, приспособливаться, жениться, богатеть, нищать, нормализоваться, повышаться и падать* (о ценах) и мн. др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Черч А. Введение в математическую логику Т. 1. М.: ИЛ, 1960. С. 24.
- ² Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 580.
- ³ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
- ⁴ Гумбольдт, Вильгельм фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–300.
- ⁵ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.
- ⁶ Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
- ⁷ Там же. С. 90.
- ⁸ Куршович Е. Заметки о значении слов // Очерки по лингвистике. М., 1955.
- ⁹ Там же. С. 246.
- ¹⁰ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
- ¹¹ Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М.; Вена, 1995.

Denisenko V. N.

FUNCTION AND MEANING OF LINGUISTIC UNITS

The article raises the problem of the functional interpretation of the linguistic sign, realized in the semantic field. The proposed research method is extremely important to determine the status of units (lexical-semantic variants) in the structure of the field, their belonging to the core, the center or the periphery. The total (invariant) meaning of the word consistent of all meanings of the polysemantic word is considered to be an integral part of the interpretation of the functional structure of a linguistic unit. As an example, classes of the semantic field change are analyzed.

Keywords: value, semantic class, functional-semantic field, semantics, function.

Денисенко Елена Николаевна

Московский институт открытого образования, Россия

olenaden@gmail.com

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖНОГО КОМПЛЕКСА В РУССКОМ ОБРЯДОВОМ КОНТЕКСТЕ

В статье исследуется символическая семантика некоторых головных уборов и их номинаций — обрядовых терминов, используемых в русской семейной и календарной обрядовости, рассматриваются апотропеическая, маркированная, магическая, сакральная и другие характерные функции анализируемых реалий, прослеживается функция головного убора как различителя обрядовой и необрядовой ситуации, указывается на причинно-следственные связи языческих реликтов в христианских праздниках.

Ключевые слова: головной убор, обрядовый, реалия, термин, функция, символический.

Во многих исследованиях широко представлены воплощенные в языке особенности русской духовной культуры (работы А. Вежицкой, Вяч. Вс. Иванова, Ю. С. Степанова, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова и др.), что свидетельствует о значительной изученности «духовной составляющей» языковой картины мира. Однако другая составляющая, обусловленная ее материальным, утилитарным, бытовым значением, которая составляет «мир русской повседневности», исследована значительно меньше. Это может быть в определенной степени объяснено тем, что в работах филологов, филологов, культурологов духовный аспект культуры значительно превалировал и превалирует над материальным и бытовым. И. Ильин писал, что «в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством... а верою и ее содержанием»¹.

Язык культуры пользуется естественным языком, но при особом употреблении слова быденного языка получают символические значения², трансформируясь в обрядовые термины. Проходит значимый процесс преобразования «реалия>обрядовая реалия» и «общеупотребительное слово>обрядовый термин». Под обрядовым термином понимается словесное обозначение предметов, лиц, действий, входящих в среду обряда, которые сами, в отличие от внеобрядовой реальности, являются знаками и символами³.

В качестве обрядовых реалий выступают и предметы одежды, а их номинации приобретают статус обрядовых терминов. В ряд материальных атрибутов обряда включаются не только специально приобретенные или изготовленные предметы (венчальный платок, венок, фата и др.), но и вещи (ожерелье, пояс, фартук и др.), которые выполняют несвойственную им в обычной жизни обрядовую функцию. Некоторые предметы, являющиеся обрядовыми реалиями, имеют магическое значение (венок оберегает от сглаза и насилия, фартук защищает от нечистой силы и т. д.),

становятся вещами-символами, выражающими наравне с другими ритуальными средствами идеи и понятия через предметный уровень (золотые украшения — символ богатства, благополучия и плодородия, платок, фата — символ замужества, чистоты и невинности, фартук — символ полового созревания и др.). Н. И. Толстой называет реалию, употребляемую в символическом значении, «словом» языка культуры и пишет, что в свою очередь «называющее ее настоящее слово приобретает вторичную, символическую семантику, становится знаком «вдвойне»⁴.

Головные уборы занимают свое место в системе символизации. Они являют собой пример трансформации обычного предмета одежного комплекса в обрядовую реалию, а их номинации приобретают семантику обрядового термина. Примером может служить, *венок*, который на протяжении многих веков являлся украшением девичьей головы. Его плели из различных материалов, использовали бумагу, птичьи перья, цветы и т. д. Венки из бумажных и восковых цветов получили название «*киевские венки*», их плели монахини православных монастырей и продавали в качестве *свадебных венков*. По представлениям восточных славян, девушка с венком из живых цветов на голове обладала особой силой, которая могла наказывать насильника. Венок, выполняя апотропеическую функцию, защищал девушку и от «злого глаза», и от нечистой силы: накануне дня Святого Юрия на Зеленой неделе, в ночь на Ивана Купала, когда по народным верованиям появляется на земле всякая нечистая сила, девушки не снимают с головы венки. Чтобы усилить защитную силу, в венки вплетают чеснок, полынь и мяту — траву, которая имеет чудодейственную силу против всякой «чертовщины». Особую значимость венки имеют в семейной обрядовости, в частности, в свадебном обряде, выполняя роль подвенечного головного убора⁵. Характерным для него было то, что верх головы был всегда открытым для защиты высших сил. М. Забылин, прослеживая связь между православным венчанием и реликтовой клятвой в верности, отмечает ведущую роль венка/венца в обоих обрядах: «Влюбленные клялись именем Ярилы в вечной верности друг другу, ходили трижды вокруг цветущего куста и считались с этого дня женихом и невестой. Отсюда и поговорка «вокруг куста венчаны», ибо оба они надевали на головы венки из цветов и были, таким образом, «увенчаны»⁶. Обряд венчания в православной церкви отчасти сохранил эту церемонию, но цветы заменились *коронами, венцами*. «Венец» — заявлять «вено», т. е. предлагать выкуп за невесту, «венчать» — увенчивать венками брачующихся, «венить» — жать, «вено» — жатва. Брачующийся получал помощницу на «вено», а родители теряли работницу «по вену». Венки как кольцеобразный предмет символизируют нечто бесконечное, постоянное. В гаданиях основным мотивом бесконечности, постоянства является любовь, прослеживается и мотив долгой жизни. В Полесье записана примета: если в купальскую ночь венки на голове расплетутся, девушку ждет смерть, если на воде — смерть придет к ро-

дителям или к суженому. Сакральный смысл носит *завивание венков*. С. В. Максимов⁷, описывая языческие реликты в христианских праздниках, пишет: «Основное ядро... праздника (Семика) и главная отличительная его особенность — завивание венков. ...Девушки... выбирают кудрявую березу, срубают самую густую ветку, украшают ее лентами..., с той же березы рвут ветки и плетут венки, с которыми водят хороводы, поют песни...: «Положу тебя, веночек, на головку, ко душе милой девице, ко названной сестрице»... Придя на пруд или реку... бросают венки на воду и гадают. Потонул венки — в этот год замуж не выйти, ... умереть можно...». В Ярославской губернии отмечен обычай целоваться через венки из березовых веток в знак дружбы. Свить и подарить венки можно только суженому, и символизирует он долголетие.

В качестве обрядовой реалии венки используются в календарных обрядах. Так, в праздник Успения Пресвятой Богородицы отмечают Госпожинки или Спожинки — начало жатвы. Напр., в Торжке первый снопырядят в тулуп, второй — в сарафан, при этом раньше пели: «На Спожины шли. Снопа-Деда несли! Снопе, дед, Отец, на Тебе венец Из веня, ячменя, из высока жита, росами умыта!». Около Углича венки участвуют в гаданиях на будущий урожай.

В качестве обрядовой реалии выступает *платок*. В свадебном обряде он имел апотропеическое значение. На Тамбовщине существовал обычай закрывания невесты платком: «...к гостям ее выводили с наброшенным на голову «посадным» шелковым платком»⁸. Вариантом символического действия «*закрывать платком*» является действие «*накрывать кукушкой*» — платком черного цвета, если невеста была сиротой. Как отмечает Г. С. Маслова, в связи с тем, что «охране молодых от порчи в ответственные для них дни свадьбы придавалось первостепенное значение»⁹, апотропеическую силу платка усиливали с помощью воткнутых в него иголок-оберегов: «На лицо невесты набрасывали платок, а в платок втыкают иголки вверх концами, чтобы никто не взглянул»¹⁰.

Головные уборы в обрядовом контексте выполняют, наряду с другими, маркированную функцию. Одним из примеров является использование платка в свадебном обряде. Известен обычай повязывать жениху поверх белой рубахи *красный* головной *платок* с опущенным на спине концом, который, очевидно, является отличительным признаком костюма жениха, маркером его социального статуса. Как предполагает Г. С. Маслова, в таких случаях платок «был пережитком какой-либо древней плащевидной одежды»¹¹. Статус невесты маркирует *фата*. Именно этот предмет является наиболее значимым в костюме невесты. Платье может быть разным, но фата на протяжении долгого времени является наиболее устойчивым элементом, сохраняя определенную форму и цвет. Красный платок и фата в момент использования указывают на обрядовую ситуацию. Как только, напр., невеста снимает фату, конкретная обрядовая ситуация либо исчезает, либо возникает другая обрядовая ситуация, кото-

рая будет маркирована другими материальными атрибутами. На голову новобрачной надевают также *кокошник, шемшуру, кокуй, кикку* и др. Эти головные уборы выполняют и апотропеическую функцию — охраняют невесту от «сглаза» и «порчи».

Нагрузку вторичного обрядового использования фата и *венчальный платок* несут в похоронном обряде. Умершую девушку в гробу украшают фатой, безвременно ушедшую молодницу — венчальным платком. Зафиксированы случаи украшения девушки церковным венцом, короной. Эти примеры указывают не только на взаимодействие элементов свадебного и похоронного обрядов, включения их в сферу магических действий, но на особую значимость предметов одежды, которую они приобретают в связи с использованием во время богослужения в церкви.

Повторное использование «*плата венчального*» отмечено в обрядовой магии. Венчальный платок может прогнать заразную болезнь, если его использовать в церемонии опахивания¹². В заговорной магии для того, чтобы снять с ребенка порчу, мать в венчальную чашу наливает воду, проговаривая молитву или заговор, умывает ребенка, вытирает его венчальным платком. Это должно уберечь его и дать силу, которой одарил бог мать под венцом. На южном пограничье русско-украинского континуума записан обряд свадебного заговорного действия, который проводит мать с целью скорейшего завершения сватовства: мать надевает на голову дочери свой свадебный венок, сверху покрывает венчальным платком и обходит вокруг нее с молитвой или свадебным заговором три раза. Семантическая связь реалии с первичным обрядом придает ей особую сакральность и магическую силу. Таким образом, при вторичном обрядовом использовании головного убора или его дополнительной символизации прослеживается семантическая связь с протообрядом. Важна значимость данных реалий для носителей обряда: по мнению Н. И. Толстого, объектом вторичного ритуального воспроизведения выступают чаще всего существенные, ключевые элементы традиционной культуры¹³.

Функция головного убора как различителя обрядовой и необрядовой ситуации наиболее ярко проявляется в обрядах, связанных с ряженьем и переряживанием. Упоминания о ряженье на Руси встречаются в документах X–XI вв.: «...Церковь пыталась бороться с ним, но оно продолжало бытовать в деревне в измененной форме, дожив до наших дней»¹⁴. М. М. Громыко подробно описывает забавы с ряжеными в разных областях России и отмечает, что «ряженье не было принадлежностью одних только святок», а являлось частью и других календарных, трудовых и семейных праздников¹⁵. Так, в семейной обрядовости наряду с обычным венчанием широко известно пародийное венчание, которое может устраиваться в завершение свадьбы. Ряженые «поп» и «дьяк» старым венчиком на мусорной куче или вокруг ступы «венчают молодых» — гостей или родителей, часто переодетых в одежду противоположного пола. При этом маркером «невесты» является фата. Свадьбу с пародийным «венча-

нием» разыгрывают и святочные ряженые¹⁶. В календарной обрядности ряженые принимали участие в святочном, масленичном и троичном обрядовых комплексах. Единство человека и природы отражено в ряжении чучел, деревьев, веток и др., украшении их венками, платками, что свидетельствует об объединительной функции головных уборов. В святочном и масленичном ряженьи для создания персонажей использовались головные уборы, которые связаны с продуцирующей магией. На Масленицу рядят саму Масленицу: «одетая в длинную женскую рубаху... Головной убор представляет собой корону, устроенную из лыка и мочала»¹⁷. Семантика венкоподобных головных уборов органично входит в общую семантику обрядов. Если на святках — это пожелание плодovitости и богатства в течение всего года в целом, то, напр., в цикле тамбовских масленичных обрядов прослеживаются идеи плодородия в связи с идеей возрождения на границе сезонов¹⁸.

В период празднования Троицы отмечен обряд, связанный с переряживаниями. С. В. Максимов пишет, что на русальной неделе молодые мужчины, накрывшись холщовой тканью или мешковиной с венками из голых веток на головах, изображали русалок¹⁹. Ряженье в русалок носит условный характер: кусок ткани или мешковина далеки от традиционно представляемого наряда русалок²⁰. Только венки олицетворяли и перевоплощали человека в персонаж, выполняющий ритуально-мифологическую роль. Головной убор в этом случае не только маркер обрядовой ситуации, но и средство создания ритуальных персонажей.

Большинство женских головных уборов является социовозрастными маркерами. Так, невеста имела отличительный знак «просватанной»: в косу вплеталась широкая *лента*, а к платку или *косынке* прикалывался цветок. Женские головные уборы выполняли трехаспектную маркированную функцию: собственно возрастную (напр., обряд вплетения в косу лент был связан с наступлением половой зрелости), социальную (напр., обряд надевания особых головных уборов связан с посвящением девушки в социальный статус невесты; обряд надевания кички в свадебном обряде символизировал переход из социальной группы «незамужняя женщина» в социальную группу «замужняя женщина»; эта же дифференциация находит отражение в погребальных женских головных уборах), брачную (напр., головной убор, закрывающий волосы, являлся символом замужества).

Номинации — обрядовые термины, функционируя в обряде, концентрируют в себе значимую информацию и приобретают символическую семантику, которая является отражением символического значения самой реалии. Многоаспектность символического значения головного убора как обрядового компонента обеспечивает многоуровневость семантической структуры номинирующей его лексемы. Каждый конкретный уровень актуализируется лишь в контексте конкретного обряда или обрядового комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма: [ст. 1951 г.]. // Поле Куликово. 1995. № 2. С. 58.

² Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. / Сост. С. М. Толстая, Отв. ред. А. Ф. Журавлев. 2е изд., испр. М.: Индрик, 1995. С. 291.

³ Седякова О. А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста: Погребальный обряд восточных и южных славян: дис. канд. филол. наук / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1983. Т.1. С.6.

⁴ Толстой Н. И. Указ. соч. С. 293.

⁵ По мнению К. Тертуллиана, покрытие головы новобрачной отмечалось у евреев, П. Карпини говорил о заимствовании действия у татар, Я. Гримм отмечал аналогичный обычай у немцев, Д. Фрезер писал о подобном случаях у язычников Полинезии и Австралии. Вероятно, обычай покрытия головы невесты следует считать прототипическим явлением у многих народов.

⁶ Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М.: Книга Принт-шоп, 1989. С. 92.

⁷ Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия / отв. ред. М. Стерлигов. СПб.: ТОО «Полисет», 1994. С. 381.

⁸ Тамбовский фольклор: Сборник сост. Коллективом фольклорной экспедиции МИФЛИ / ред и предисловие Ю. М. Соколова, Э. В. Гофман. Тамбов, 1941. С. 88

⁹ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. С. 36.

¹⁰ Тамбовский фольклор... С. 40

¹¹ Маслова Г. С. Указ. соч. С.34

¹² Забылин М. Указ. соч. С.409–413

¹³ Толстой Н. И. Указ. соч. С. 184.

¹⁴ Маслова Г. С. Указ. соч. С. 111.

¹⁵ Громько М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 325

¹⁶ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. С. 79.

¹⁷ Милованов М. Масленица. Рассказ из сельского быта // Тамбовские епархиальные ведомости. Тамбов, 1900. № 8. С. 241.

¹⁸ Алпатова П. Н. Тамбовская масленица как текст: семантика, символика и терминология обрядов (на общерусском фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Тамбов, 2002. 25 с.

¹⁹ Максимов С. В. Указ. соч. С. 110.

²⁰ Зеленин Д. К. К вопросу о русалках // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / вступ. ст. Н. И. Толстого; сост. А. Л. Топоркова; подгот. текста Т. А. Агапкиной. М.: Индрик, 1994. С. 235.

Denisenko E. N.

THE SYMBOLIC SEMANTICS OF NAMES OF APPAREL OBJECTS IN THE RUSSIAN RITUAL CONTEXT

The article explores the symbolic semantics of some headdresses and their nominations, i.e. the ritual terms, used in the Russian family and calendar rites, and considers protective, marked, magical, sacred and other characteristic functions of the analyzed objects, the function of headdresses as distinguishing property of the ritual and the usual situation, the cause-effect relationship of pagan relics in Christian holidays.

Keywords: headdress, ritual, the real, the term function, symbolic.

Диасамидзе Хатуна Гизиевна
Шамилишвили Инга Автандиловна

Батумский государственный университет
им. Шота Руставели, Грузия

ingashamilishvili@yahoo.com, khatuna_d@yahoo.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА БАТУМИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ЗАРИСОВКАХ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к Грузии была присоединена ее важная часть, Аджария, более трех веков находившаяся под османским господством. Именно с этого времени начинается история становления и развития Батуми как приморского города.

Ключевые слова: Осип Манделъштам, «Батум», Аджария, историческая, культурная.

В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 годов к Грузии была присоединена ее важная часть, Аджария, более трех веков находившаяся под османским господством. Именно с этого времени начинается история становления и развития Батуми как приморского города. Грузинский писатель Давид Клдиашвили на рубеже XIX–XX вв., будучи полковником российской армии, именно в Батуми проходил военную службу. В своих мемуарах он следующим образом описывает этот приморский город: «Батуми был очень маленький. Число жителей достигало 4 тысяч, и это с учетом военных частей. Город был весьма пестрым с точки зрения национальной принадлежности его жителей. Здесь жили: грузины, русские, армяне, греки, татары, османы, а также абхазы, среди которых было много негров. Управлял этой местностью губернатор, известный в то время администратор генерал Смекалов, главой же города, его градоначальником был шурин Льва Толстого Берс, женатый на представительнице семьи Эристави»¹.

Даже из этого маленького отрывка видно, что город с самого начала формировался многонациональным. Важную роль в его развитии сыграла нефть. Именно отсюда вывозили в Европу каспийскую нефть, что ускорило развитие портового города, и он даже получил имя города нефти.

Большими политическими потрясениями отличается политическая жизнь Батуми начала XX века. На нее явно влияли процессы, протекающие в мире. Большая часть дезертиров Первой мировой войны скрывалась в данном портовом городе. Это была территория, где столкнулись интересы Грузии, Турции, России и Англии. И все это, конечно же, оказывало влияние на культурную картину города. Батуми был местом, где пересекались восток и запад, север и юг, и это нашло отражение в его культурной жизни.

А все это, в свою очередь, предопределило то, что в 20-е годы XX века в Батуми, этом экзотическом приморском городе, побывал не один дея-

тель культуры.. Не составили исключения и русские писатели. Гостями Батуми были Есенин, Мандельштам, Паустовский, Булгаков и многие другие. Произведения, созданные ими здесь, отличаются особыми, ранее невиданными подходами и находками. Свое внимание мы хотим обратить на то, каким увидел Батуми Мандельштам и как отразилась историческая и культурная жизнь города в его очерке «Батум».

Осип Мандельштам приехал в Батуми в 1919 году и провел здесь определенное время. Следует отметить, что вместе с другими русскими писателями он печатался в выходящей в городе русскоязычной газете «Батумский рабочий», которая и сегодня выходит под названием «Аджария».

Батуми показался Мандельштаму маленьким, игрушечным городом, напоминавшим американскую Калифорнию: «Весь Батум как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний. Бегаешь по нему, как по комнате: к тому же и воздух всегда какой-то парной, комнатный. Механизм этого маленького, почти игрушечного городка, вознесенного условиями нашего времени на высоту русской спекулятивной Калифорнии, необычайно прост»².

Интересно, что когда позже американский писатель Джон Стейнбек путешествовал по Советскому Союзу и ему пришлось побывать на грузинском побережье Черного моря, при виде этой местности в нем немедленно проснулись калифорнийские воспоминания времен его детства, и «впервые за все время путешествия он произнес слово — Калифорния. В восприятии писателя географическое положение, климат, растительный покров грузинского Причерноморья идентифицируется с близким и родным ему миром — Калифорнией, особенно, с «прекрасными холмами, с обильно покрытыми листвой деревьями, черными кипарисами, с селами, расположенными между холмами»³.

Несколькими годами ранее Мандельштам также сравнивает этот колоритный город с Калифорнией, хотя акцент он, в основном, переносит на протекающие здесь экономические процессы, точнее, на утвердившийся здесь тип спекулятивного «производства». Исторически также подтверждено, что на начальном этапе развития Батуми эта форма экономики была направляющей, и это в свое время было предопределено политикой «Порто-франко» (города свободной торговли), а после его упразднения — английской оккупацией и дружественной «политикой» Турции.

Русский писатель пишет: «Спекулятивная иерархия Батума тоже очень ясна и проста. В центре системы стоит десяток крупных иностранных фирм, известных каждому ребенку и окруженных божественным почитанием — Валацци, Ллойд Триестина, Sago, Sala, и пр.»⁴.

Особую прелесть этому приморскому городу и столетие назад и сегодня придают синее море, аромат оранжевых цитрусовых и экзотический запах восточных сладостей, которые неоднократно становились музой как грузинских, так и иностранных творческих деятелей. Не был исклю-

чением и Мандельштам, когда писал: «Зимы нет. Продавцы мандаринов и чумазы мальчишки с баклавой и бузинаками на каждом шагу. Чуть нагретое, нежно-голубое море ласково полощется вокруг многоэтажного корпуса «Франца-Фердинанда» (только что из Константинополя) — многопалубной океанской гостиницы».

Интересно, что в своих впечатлениях Мандельштам не воспринял Батуми как грузинский город. Несмотря на то, что эта часть Грузии издавна упоминалась в качестве колыбели грузинской культуры и истории и именно в этом уголке Причерноморья зародилась общепризнанная колхидская цивилизация (что подтверждается выявленным здесь археологическим материалом), Мандельштам не находит в нем ничего грузинского и отождествляет Батуми с Константинополем. Основу подобного отношения предположительно следует искать в глубинах истории. В частности, на это повлияло трехсотлетнее турецкое господство, когда исламское государство, активно используя религиозные, языковые и государственные механизмы, всячески старалось искоренить все грузинское в этом уголке. В результате победы в войне 1877–1878 гг. Россия вытеснила отсюда турок и немало местных жителей переселилось в Турцию. После этого на данной территории укоренился русский язык, ставший, в основном, языком официального общения и торговли. Именно на это и указывает писатель, когда пишет: «Господствующий язык в Батуме — русский, даже самые матерые иностранцы на третий день начинают говорить по-русски. Это тем более забавно, что русских в Батуми почти совсем нет, да, пожалуй, и грузин немного — город без национальности — в погоне за наживой люди потеряли ее. У иностранца, который свое посещение Советской федерации ограничивает Батумом, должно получиться очень странное впечатление, зато для нас Батум вполне достаточен, чтобы судить о прелестях Константинополя»⁵.

Кроме торгового города, в Батуми начала XX века Мандельштам видит и культурную привлекательность. Потому и пишет: «... Это все чрево и служение лире, но у Батума есть и высшие потребности, кое-что для души. На Мариинской улице кружок «ОДИ» — «Общество деятелей искусств». Здесь устраиваются смехотворные выставки макулатурных живописцев, скупаемые оптом заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем вернисаже. Здесь же дамы обучаются пению, музыке и пластике под руководством опытных в этом деле специалистов. Есть в Батуми и поэты, изысканней которых трудно себе представить»⁶.

«Это именно та прелесть, которая привлекала не одну творческую личность, в том числе и русских писателей. В подтверждение этого хочется привести воспоминания Анны Чачуа, в которых читаем: „Каждый четверг в доме сестер Чачуа устраивались музыкальные вечера, на которых собирался батумский бомонд. В домашних концертах, которые

устраивала свекровь тети Ольги пианистка Елена Селезнева, участвовали ее зять скрипач Д. Легкер, пианист Нейштадт, и другие. На концерты приглашали и Есенина, хотя, по мнению Анны, он был грустным — классическая музыка не находила отклика в его сердце“. Перед глазами стоит его напряженная фигура на краю дивана, и взгляд, устремленный в сторону двери. После получасового молчаливого сидения он незаметно исчезал. Видно звуки родной тальянки его больше привлекали, — говорила тетя,- на всю жизнь запомнила: с кем бы он ни встречался, где бы он ни был, всегда был замкнутый, грустный и отсутствующий...».

Салонные встречи переходили на главный, Мариинский проспект и не давали спать городу. «...Наступают сумерки, но Батум не хочет ложиться спать. По Мариинской улице до поздней ночи движется сплошная праздничная лавина; чувствуется, что каждый в этой толпе „сделал дело“ и теперь пожинает плоды своей коммерческой тонкости. Ярко освещенные лари и подворотни с фруктами и южной зимней утехой — мандаринами. Какие-то предприимчивые чумазы мальчишки, выплясывая лезгинку, бросаются под ноги прохожим, которые в ужасе откупаются мелкой подачкой. Толпа настолько оживлена, что ее радостный и громкий ропот долетает на четвертый этаж и баюкает ваш первый сон»⁷.

И все-таки, каков Батуми, увиденный глазами русского поэта, имевшего творческий почерк? Автор в конце делает своеобразное заключение: «Что же такое теперешний Батум: вольный торговый город, Калифорния — рай золотоискателей, ...очаровательный полувосточный средиземноморский порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами, которые топчут его хищную почву так же беззаботно, как они топтали почву Шанхая и Сан-Франциско?.. По характеру своего интернационального торгового оживления Батум напоминает колониальный город или европейский квартал где-нибудь в Шанхае. До чего убогим кажется после него Новороссийск со своим прекрасным, гигантским оборудованным портом, со своими элеваторами, которые высоко поднимают на курьих ножках фантастически длинные, похожие на купальни, приемники для зерна. Все это спит и ждет пробуждения».

Согласитесь, очень интересное заключение, которое еще раз подтверждает, что Батуми изначально формировался многонациональным городом, чему способствовало его географическое положение, всегда вызывающее повышенный к нему интерес со стороны различных стран. Он и к началу 20-х годов оставался таким же. Так, по данным за 1919 год (справка командира английского крейсера «Theseus» Рональда Эверед Чилколта (Ronald Evered Chilcott), составленная из материалов местной прессы) в городе жили: грузины, русские, греки, армяне, мусульмане (местные?), евреи, поляки, немцы, французы и другие. Многообразие национальностей создавало также основу диалога культур, что в значительной мере и предопределило культурный облик современного Батуми.

Эти торговые и культурные отношения вызвали к нему интерес, что неудивительно, ведь именно эта экзотика восхищала приезжих. Батуми, как и в целом Грузия, всегда тепло, с открытой душой встречал представителей русской культуры. Поэтому и писал Н. Тихонов: «Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты».

Город и ныне сохраняет старинную прелесть. И сегодня здесь рядом друг с другом живут люди различных национальностей и конфессий, которые вместе создают реально многообразный культурный облик сегодняшнего Батуми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клдиашивили Д. На дороге моей жизни // Грузинская проза. Т. 14. Тбилиси, 1988. С. 402–403.

² Мандельштам О. Батум. URL: <http://www.google.ge/webhp?sourceid=chrome-instant&ion>

³ Жгенти О. Батуми — Калифорния: географическое и семантическое пространство в «Русских дневниках» Джона Стейнбека // Батуми: прошлое и современность. Т. 3. 2013. С. 314–315.

⁴ Мандельштам О. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Diasamidze Kh. G., Shamilishvili I. A.

HISTORICAL AND CULTURAL IMAGE OF BATUMI OF THE BEGINNING OF 20TH CENTURY AS REFLECTED IN THE SKETCHES OF OSIP MANDELSHTAM

The authors argue that after the Russo-Turkish war of 1877–78 a significant part of Georgia, Adjara, was reunited with the country, after 300 years of life under the Turkish rule, and since that time had started the process of formation and development of the seaside city of Batumi. The article deals with the image of Batumi, seen by the eyes of Russian poet Osip Mandelstam, who characterized the historical and cultural life of the city in his sketch “Batumi”.

Keywords : Osip Mandelstam, “Batumi”, Adjara, history, culture.

Долгополова Татьяна Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, Россия

dolgopolova_ta@inbox.ru

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ

Статья раскрывает содержание понятий интернационализации права с точки зрения исторических и этнокультурных особенностей Российской Федерации. Правовая система является частью социокультурного развития общества, отражает необходимость сочетания лингвистических особенностей в интерпретации правовых норм и формирования правовых отношений. Федеративная структура Российской Федерации закреплена в Конституции Российской Федерации, национальная правовая система отражает развитие права в его взаимоотношении с правовыми особенностями составных частей государства и воспринимает правовые традиции и достижения в области сравнительного правоведения, современного развития международного права.

Ключевые слова: юридическое образование, правовые системы, конституция, отрасли права, принципы права, международное право, сравнительное правоведение.

Юридическое образование является необходимой составной частью культурно-лингвистического образования современной личности вне зависимости от различий национального, этнического или политического характера. Профессия юриста всегда была одной из основных профессий, изучаемых в университетах мира, начиная с открытия первых университетов в странах Европы, начиная с XII–XIII вв. Россия, по примеру Италии, Франции, Англии, Германии и Испании, учреждая университеты в Москве и Санкт-Петербурге большое внимание уделяла юридическому образованию. Среди выпускников высших учебных заведений в России, на рубеже XIX и XX веков, добрая половина обладала глубокими познаниями в области правовых дисциплин государственного, гражданского, коммерческого, международного права. Потребность в специалистах в области права никогда не исчезнет, так как право динамично, оно развивается, впитывает в себя достижения различных правовых систем, и миру требуются подготовленные профессионалы в области социальных отношений, способные реализовать потребности людей в спокойном направляемом разумом общении между собой.

Как и во все времена, сегодня юридическое образование играет большую роль в развитии всех государства, так как правовое государство не может существовать нигде и никогда, если в стране не хватает профессионалов, способных регулировать общественные и экономические отношения с учетом особенностей исторического, культурного и лингвистического развития. Юридическое образование не только дает перспективную профессию, но и воспитывает в людях правовую культуру

и политическую активность. Юридическое образование включает в себя множества наук об обществе и общественных отношениях. В СПбГПУ в рамках юридического образования изучаются история государства и права зарубежных стран, гражданское и уголовное право, публичное и частное международное право, право Европейского союза, история отечественного государства и права, философия и философия права, экономические науки, социология, а также другие дисциплины правового и социокультурного направления.

Начиная с 1902 года в Политехническом институте Санкт-Петербурга преподавались юридические дисциплины на одном из четырех существовавших тогда отделений. Но уже к 1917 году стало уделяться огромное внимание изучению историко-правовых дисциплин, и преподавание экономических дисциплин уступило свое, первое место, юридическому. На отделении работали такие известные правоведы как М. А. Дьяконов, М. М. Ковалевский, В. Б. Ельяшевич и многие другие. К сожалению, в последующие после революции годы дисциплины подверглись сокращению. И наконец, спустя 65 лет в 1995 году было принято решение о создании кафедры «Юриспруденция» и возрождении традиции юридического образования в Политехническом институте. С 2003 года кафедра «Теории и истории государства и права» стала осуществлять подготовку специалистов широкого профиля в области юриспруденции. 18 февраля 2003 года был создан юридический факультет, который начал свою работу в составе трех кафедр: «Теория и история государства и права», «Гражданское и международное право», «Уголовное право и криминология». В настоящее время юридическое образование предоставляет Гуманитарный институт СПбГПУ, продолжая традиции российской школы гуманитарного и юридического образования.

Изучение современных правовых систем стран Европы и права Европейского союза, в их взаимосвязи и взаимопроникновении расширяет процесс усвоения правовых знаний как мирового наследия человечества. Современная правовая система отдельного государства вряд ли может существовать абсолютно независимой, не восприимчивой к сформировавшимся на протяжении последних веков романо-германской, англо-саксонской, религиозной, традиционной и некоторых других переходных правовых систем, возникших в силу коренных изменений общественно-экономических отношений.

Современное развитие правовой системы России отражает и исторический и современный процессы формирования правового регулирования. Принцип федерализма, заложенный в системе законодательства Российской Федерации, обуславливает формирование сложносоставной правовой системы, состоящей из соответствующих правовых систем ее субъектов. Обязательным условием успеха начатых преобразований является урегулирование отношений между федеральным и региональ-

ным уровнями власти, так как отсутствие должного механизма взаимодействия между ними приводит к возникновению определенных проблем в процессе созидания ценностей, соответствующих уровню гражданского общества и правового государства.

Теория государства и права входит в систему юридических наук, объединенных общим понятием — юриспруденция. Существует именно система, множество юридических наук. Это объясняется тем, что государство и право — явления сложные и многогранные, имеющие непосредственное отношение к различным сторонам общественной жизни. На этой основе происходит классификация юридических наук по определенным отраслям знания о государстве и праве.

В современной системе право рассматривается как система норм и принципов, правоотношения, правосознания, правовой культуры, правового воспитания и образования. Каждый из указанных элементов образует соответствующую ей подсистему элементов, имеющую свою структуру и функциональную нагрузку. Все элементы правовой системы образуют внутрисистемные связи, характеризую правовую систему как единое целое.

Одной из особенностей романо-германского права является его концептуальность и доктринальность. В условиях интернационализации и взаимопроникновения правовых начал в странах формируются схожие подходы к оценке общественных процессов, реализации прав и свобод личности. В условиях единых подходов к праву должны в процессе взаимодействия сглаживаться противоречия национального, этнического, религиозного характера. Формирование наднационального права отражает стремление к унификации правового регулирования, применения единообразного лингвистического толкования правовых норм и правовых институтов.

На протяжении последних более чем 20 лет процессы в России характеризуются процессом становления нового экономического и правового общества на современном этапе, кардинальными изменениями в политической системе, приведшими к становлению качественно нового государства, стремящегося к формированию гражданского общества, к установлению подлинной демократии через воплощение демократических идей на практике, реализацию конституционно закрепленных прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из исторического опыта России, ее этнического состава и этнокультурной специфики, формирование ее правовой системы по субъективным и объективным основаниям имплантировало в себя весь сложившийся в мировой практике опыт по созданию правовых систем.

В условиях развития новой демократической страны после 1991 года формирование нового подхода к ценностным приоритетам в праве является основной целью деятельности законодателей в системе законодательных органов федерального и регионального уровней.

Своеобразие российского федерализма состоит в том, что он теперь сочетает в себе как территориальное, так и национальное начало. Вместе с тем, субъекты Российской Федерации обладают неодинаковым конституционно-правовым статусом, что отражает специфику российской действительности. В соответствии с Федеративным Договором и ст. 65 Конституции в Российской Федерации три типа субъектов федерации: национально-государственный (республики), административно-территориальный (края, области, города федерального значения), автономный (автономная область, автономные округа). Все субъекты Федерации равноправны, имеют одни и те же права и полномочия, а также несут равные обязанности в социальной, экономической и культурной областях. В то же время, исходя из сложившихся традиций, за республиками в составе Российской Федерации закрепляется статус национально-государственного образования: они имеют свои конституции, принимают законы, в них избираются законодательные органы (парламенты), верховные суды, президенты.

Современное отношение к принципам права, сформировавшихся в мировой практике в последние десятилетия воспринято и российской правовой системой, прежде всего — практикой конституционного правосудия. Конституционный Суд Российской Федерации активно оперирует современными принципами права при вынесении своих решений. Перечень этих принципов и их содержательная интерпретация практически полностью совпадают с международными стандартами.

Правовая реформа должна рассматриваться как составная часть всего реформаторского процесса в стране, поскольку она имеет важное значение для стимулирования и легализации всестороннего развития, для поддержания равновесия в государстве и обществе. Она является инструментом проведения необходимых реформ и примирения противоборствующих сторон, обновления и поддержания экономики и развития гражданского общества. Реформы затрагивают отрасли и публичного и частного права: в 2013–2014 гг. принята новая редакция Гражданского кодекса Российской Федерации, реформируются нормы уголовного и административного права. Процесс развития современного российского права отвечает социокультурным потребностям современного общества и его экономическим интересам.

Безусловно, конституционное право является ведущей отраслью. Поскольку Российская Федерация — многонациональное государство и включает в себя 85 субъектов, процесс сохранения единства и целостности государства поддерживается элементами гражданского общества, взаимопониманием и взаимопомощью братских народов и в вопросах правового регулирования. В немалой степени это зависит от совершенствования региональной политики.

Ядром этой отрасли, как и всего права в целом, является высший в системе права особый нормативный правовой акт, имеющий учреди-

тельный характер, — Конституция Российской Федерации. В ней устанавливаются основополагающие принципы устройства общества и государства, определяются общие основы управления всеми общественными процессами, какой бы стороны жизни общества они ни касались, тем самым она дает ориентиры правового регулирования во всех сферах общественных отношений. В Конституции прописаны основные права и свободы человека, являющиеся высшей ценностью государства.

По сути дела, во всех отраслях российского права получают воплощение и конкретизацию закрепленные в нормах конституционного права незыблемые, прирожденные права и свободы человека и гражданина, конституционно-правовой принцип: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

В системе конституционно-правовых средств принципам права принадлежит роль исходных и основополагающих начал конституционного регулирования. Высокий уровень нормативности принципов конституционного права позволяет им выполнять роль не только конкретных регуляторов поведения участников конституционно-правовых отношений, но и выступать критерием для определения конституционности актов, действий и решений органов государственной власти.

«Статья 15.1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации»¹.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Нормы международного права содержатся в Уставе ООН, Совета Европы, международных договорах, конвенциях (конвенционные нормы), декларациях, пактах, в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, статутах и иных международных правовых актах. Основные принципы международного права (неприменение силы, невмешательство во внутреннюю политику другого государства, суверенное равенство государств, равноправие и самоопределение народов, добросовестное выполнение государственных обязательств и др.) содержатся в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.)².

Интернационализация открывает новые возможности воспринять правовые достижения отдельных стран и их сообществ в области гарантий прав человека, условий развития личности. Следует привести слова выдающего юриста компаративиста Рене Давида» Мир стал един.

Мы не можем отгородиться от людей, которые в других государствах, других частях земного шара... Необходимо международное взаимодействие или, во всяком случае, простое сосуществование требует, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право»³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения. 1997. С. 6.

² Конституция Российской Федерации (с изменениями на 21 июля 2014 года). Текст Конституции Российской Федерации с изменениями на 21 июля 2014 года, опубликованный на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> 01.08.2014, дата обращения 15.11. 2014.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч.

Dolgopolova T. A.

INTERNATIONALIZATION AND INTERPENETRATION OF LEGAL SYSTEMS AS CULTURAL ASPECT OF HIGHER EDUCATION

The article is devoted to the problems of internationalization and interpenetration of legal systems in modern Russia. Comparative Law influences the national legal systems, legal documents, including the Constitution of the Russian Federation, federal laws. Modern law of Russia consists of Constitutional Law, Civil Law, Criminal Law and many other branches. The article analyzes the political and legal system of Russian Federation as a result of interpenetration of national systems of subjects. Thus, based on these data we can come to conclusions about the general nature of relations between cultural, the state and citizens at the level of legislation.

Keywords: cultural aspects of law, Comparative Law, legal system, International Law, Constitutional Law, State Government, Normative Regulation.

Ермекова Жаннат Тишкуловна

*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Казахстан*

Zhannat2211@yandex.ru

МИРОВОСПРИЯТИЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО КАЗАХА (НА ПРИМЕРЕ ФИТООБРАЗОВ)

В статье поднимается вопрос восприятия окружающего мира русскоязычной творческой личностью, воспитанной в поликультурном Казахстане, определены особенности словесных фитообразов, модели их образования, отмечены специфические этнокультурные компоненты образов, созданных А. Жаксылыковым. Сформированное языковое сознание на родном языке служит основой для восприятия новых культур, разрушающих стереотипы мышления моноцентрического сознания.

Ключевые слова: образ, фитообраз, языковое сознание, мировосприятие.

Интенсивный процесс становления и эволюции казахстанской русскоязычной литературы, начавшийся в конце XX века, предполагает, как нам кажется, притяжение соседних культур, нежели отталкивание. Создаваемое русскоязычными писателями творчество приобретает особую актуальность, вызывает неподдельный интерес, поскольку формирование русскоязычной личности происходило в условиях Союза, мирного и плодотворного взаимодействия разных культур, и получило возможность реализоваться при становлении нового суверенного государства, где язык и литература являются ведущим критерием нации. Обычно переход от одной стадии общественного развития к другой сопровождается резким изменением или ломкой общественной картины мира, утверждением новых эталонов мирообъяснения. Новое мировоззрение формирует новое мировосприятие и мироощущение в конечном счёте — новую картину мира. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира.

В концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческие, национальные и личностные начала. Каковы же особенности языковой картины мира русскоязычной личности в Казахстане? Каково ее мировосприятие? Творческим личностям, воспитанным в поликультурной среде, присуще **опережающее обыденность сознание**¹. Эта мысль У. М. Бахтиреевой представляется нам достаточно ценной и перспективной в научном изучении. Именно потому в настоящей работе объектом исследовательского интереса являются образы языкового опережающего обыденность сознания творческой личности. Язык образов — одно из средств, способных помочь проникнуть в скрытую от непосредственного восприятия сферу ментальности творческой личности, ее картину мира.

Мировосприятие, точнее чувственно-образная его часть, — это совокупность наглядных образов культуры, представлений о мире и месте человека в нём, сведений о взаимоотношениях индивида с действитель-

ностью (природой, социумом) и самим собой. Сведения чаще всего имеют эмоциональную окраску.

Коль языковые картины мира в реальности отражают специфические особенности конкретного языка, а язык — это общественное, психосоциальное явление, существующее во времени и в пространстве, то разнообразие языков обусловлено, по Бодуэну де Куртенэ, географическими, хронологическими и социологическими различиями, потому и язык осознается как этноспецифическое явление, чаще рассматриваемое через призму этнокультурных традиций и ценностей².

Сложившиеся в современной языковой ситуации тенденции, связанные с объективностью взаимоотношений между языком и культурой, мышлением и сознанием индивида, как следствие, их взаимосвязи и взаимопроникновения, обуславливают образное восприятие окружающего мира поликультурной творческой личностью. В связи с этим направлением научного познания описание образной парадигмы русскоязычных индивидов рассматривается как явление, возникшее в таком полиэтничном обществе, как Казахстан, в результате взаимодействия представителей различных этнолингвокультур, детерминированное этнокультурными факторами.

Интеграционность языкового сознания членов полиэтничного казахстанского сообщества позволила провести интересные наблюдения по изучению языкового сознания творческой русскоязычной личности, внутренней детерминанты создаваемых ею словесных образов. Конечно, национальные данные того или иного писателя не могут не оказать воздействие на творчество поликультурной личности, в значительной степени предreshают его манеру письма. Сформированное языковое сознание на родном языке служит основой для восприятия новых смыслов и контекстов параллельно усваиваемой картины мира. Видение окружающего мира меняется с включением в его контекст новых смыслов, разрушающих привычную в рамках родного языка картину мира. Происходят качественные изменения в языковом сознании. Изменения в сознании предполагают разрушение стереотипов мышления моноцентрического сознания и формирование, как правило, толерантного отношения к особенностям иной национальной картины мира.

Творчество современных русскоязычных казахстанских писателей постмодернистов, в частности А. Жаксылыкова, изучено далеко не полно и, главное, недостаточно осознается строй художественной мысли автора. В его художественном тексте наблюдается одновременная палитра культур Европы, Азии, а также Индии, Китая, в то же время обнаруживается «своя национальная содержательность, упругость, сознательное, критическое отношение и отбор чужеземного материала»³, национальный образ первичной культуры описывается средствами его вторичной / приобретенной, в нашем случае — русской языковой культуры⁴.

Специфика художественного творчества А. Жаксылыкова проявляется в том, что, «обращаясь к русскому языку как к форме художественной практики, как к форме создания литературных произведений», писатель развивает «не только традиции русской, но и своей национальной литературы и культуры. Это развитие выражается в отборе жизненного материала, в его освещении, в образной системе, в использовании фольклорных мотивов, в употреблении слов из своих родных языков»⁵.

По мнению Н. В. Павлович, каждый художественно-поэтический образ существует не сам по себе, он не случаен, не обусловлен только данным контекстом, а реализует некоторую «вечную идею», модель, инвариант, парадигму. Понять образ означает узнать эту «вечную идею», а точнее узнать некий смысловой закон, или парадигму. И чем больше синонимов, прототипов или членов парадигмы мы найдем, тем точнее удастся определить искомый закон, тем глубже будет наше понимание образа⁶. Интересно знать не столько большие (универсальные) парадигмы, сколько малые, поскольку именно они не только подчеркивают индивидуальность автора, но служат этнокультурным маркером.

В предыдущих наших исследованиях действительно было обнаружено, что фактически доминантные понятия, типа «человек», «пространство», «время» и др. вызывают на уровне больших парадигм одинаковые ассоциации у носителей казахского и русского языков⁷. Универсальный характер вечным образам придают единая природа психофизиологических качеств человека и принципиальное сходство стоящих перед ним задач. Как отмечал Г. Д. Гачев, «жизнь долгой работой естественного отбора создает высокую культуру животных и растений, идеально прилаженных к данному космосу»⁸.

Представляют интерес в этом отношении словесные образы с фитоморфной номинантой, т. е. использование названий растений для обозначения других объектов и среди них характеристики человека. Возможность такого переноса на человека объясняется сложившимися представлениями у человека о флористическом мире. В статье мы попытаемся рассказать о том, какие есть парадигмы образов в русскоязычной прозе казахстанского писателя, как они связаны друг с другом, и как в этом участвуют разные типы парадигм с номинантой «фитоморф». В рамках этой базовой ассоциации наблюдается наиболее широкий спектр актуализируемых смыслов, которые характеризуют человека с точки зрения его состояния, ощущений, психофизиологических свойств (характер, темперамент и т. д.).

Иллюстративным материалом в настоящей статье послужили романы русскоязычного писателя А. Жаксылыкова «Поющие камни», «Другой берег», «Сны окаянных», «Дом суриката»⁹. Автор романов обладает достаточно ярким художественно-эстетическим сознанием: развитым воображением, утонченными чувствами, тягой к прекрасному, способностью

ценить красоту, художественным вкусом, умением разбираться в произведениях искусства, что приобреталось в процессе жизненного пути.

Парадигма образа — это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления, или сравнения — левый член парадигмы (растение) и то, а с чем происходит сравнение — правый член парадигмы (живое существо). Чем больше членов парадигмы нам известно, тем глубже понимание образа. И это понимание определяется не столько основанием для сравнения (которое может вообще отсутствовать), сколько его парадигмой.

Так, наиболее продуктивной у А. Жаксылыкова оказалась глагольная модель фитообразов:

Лес переговаривал со скалами во тьме, то отходил в сторону, то шумно подбегал на тысячах ножках, недовольно скрипел и потрескивал издали, выжидал твоей паники; Лес вздыхал всей грудью, облегченно и бодро; парк любовался, дубы и ясени стояли по стойке «смирно» и провожали тебя преданными глазами, парк вздохнул объемным ветром и заметно вытянулся косматой тенью; устремил взгляд на прикорнувшую серую долину; ...вздыхают томятся травы; строй караульных деревьев, провожает его зелеными взглядами; дерево, откликаясь всей душой, широкой, щедрой, обильной, обещающей неисчислимые плоды, баюкала тебя ладонями-ветками; Они (растения) тоже часто болели, погибали, между ними шла борьба за место под солнцем, но они не знали ни зла, ни жестокости, ни чрезмерности, ибо они были плодотворением; бежали вдаль верхушки высоких растений; карагачи манили в тень; Белая береза сосками кормила ветер; боролись со сном деревья, акации умоляли далекое небо выпустить их на воздух, в объятия свежего ветра; Старые раскидистые, неохватные зубабы издавали рыкающие рылады; Каштан улыбнулся тебе, как бы махнув приветливо ветвями; Каштан и дождь всегда будили тебя по ночам, звали побродить; Джусойные деревья оживленно о чем-то лопотали, помахивая щупальцами; Они (растения) любили золотые нити светила и хотели раскрыться во всей красе расцвета — это было главное делание деревьев и трав; Замерли в морозном сне заросли таволги и карагана; неистребимые и вездесущие растения, травы и мхи заботливо прикрывая зеленью кирпичную кладку, маскируя стеблями скелеты разбитых зданий; алье груды помидоров дразнили взор; серый бурьян тоскливо и нелюдно безмолвствовал; цветы ластятся и признаются в вечной любви...; подсолнух улыбался широким радушным лицом щедрого крестьянина; Вы прорастали всюду, где сыро и темно...Робкой поростью тянетесь вы к свету создателя, неся ядовитые споры. Блеклые, хилые, плакучие, вы тоже движетесь, растете кусочки истины, которые ужачены вами, тоже отравлены. Но не суждено вам подняться выше мха и травы. Никогда не сравняться вам с могучими деревьями. Всегда вас будут топтать, давить грязными подошвами... Да, вас, мухоморов и поганок человечества; До самого утра качала и нянчила тебя древесная маетная колыбель, реяла тучей листьев, дождем веток и стеблей.

Достаточно частотны номинативные модели, олицетворяющие растения:

Навостренное ухо безмолвья внимало лопотанью ивы; Безмолвие чаи, молчание тростниковых зарослей; стояли таборы плотоядных кустов-полуживотных, полурастений, таились грибы-убийцы; луг весь был живым жужжащим хором, россытью голосов; Среди ивовых и ветловых шатров,

кучкующихся вдоль русла, оцепеневших во сне тополевых роц; Ветер раскачивал тонкие пряди березы; ...спросил что-то глупое про лиловую орхидею, цветками напоминающую улыбающиеся губы; услышал ты голос тростников в ушах; голоса растений обнажили прежде скрытую глубину, где зжидились отношения деревьев и трав; радость листвы, восторг ветвей, прорастающих навстречу дождю; к деревьям-убийцам направлялась группа зубуйволов; смотришь на медсестру Сауле, робкую, словно первый стебелек; Толстый, полосатый, готовый лопнуть от важности, арбуз взобрался на кафедру, хмуря желтый стебелек, строго произнес: «А теперь прослушайте лекцию о международном положении. Зрелая дыня лоснилась, потягивалась всем загорелым телом...; Слово обнаженные коленки, бесстыдно белели яблоки-антоновки; Фасолины кружили, мельтешили перед глазами, разбегаясь в символы знакового гадания...; Внезапно красавица дыня куда-то исчезла.

Итак, левый член парадигмы «фитоморф — живое существо» представлен лексическим рядом: *деревья (каштан, ива, дуб, ясень, карагач, акация, береза, караган, фикус), кусты, трава, бурьян, мох, листва, ветви, тростник, цветы (орхидея, роза), грибы (поганки, мухомор), плоды (помидоры, дыня, арбуз, яблоко), роща, долина, лес, луг, парк, сад* и т. д. Перечисленные растения олицетворяются посредством глаголов: *вздыхают, томятся, дразнят, провожают, любят, стоят, бегут, манят, будят, кормят, борются, умоляют, переговаривают, лопочут, выжидают, погибают, молчат, безмолвствуют, ластятся, признаются, улыбаются, маскируют, прикрывают* и т. п. Вряд ли в приведенных глагольных моделях увидится специфическое национальное даже на уровне малых парадигм, кроме отдельных звеньев левого лексического ряда: *караган, карагач*. Остальные же существительные и глаголы к ним характерны и для казахских просторов, и для соседних русских широт.

Адъективных моделей фитообразов зафиксировано значительно меньше ожидаемого, казалось, казахскому сознанию характерна признаковость:

Он (камень) освобождает боль, отпускает ее на дикие склоны, где цветут кровавые воплевые цветы; Сентябрьский сад особенно задумчив, немного даже как-то мрачноват; цветы молчаливые одинокие обиженные; на лугах квакающих, стрекоучих, жужжащих и влюбленных тебе одиноко и холодно коке; Уези меня в горы заberi меня с собой на луг поднебесный одинокий; оберегаемые листьями золотистого фикуса.

Практически все определения, создающие образную картину главного героя-мальчика, живущего в предгорье, характеризуют его настроение: *то вопят цветы, окровавленные раненым в голову мальчиком, то они молчаливы, одиноки, обижены, то одинок обманутый отец (коке) на лугу, полном жизни, стрекоучем, жужжащем, квакающем, то одинок сам родной, любимый луг.*

Эти же растения ассоциируются прямо и латентно в правом ряду парадигмы с живым существом. Так, в образе «фитоморф (дерево, ковыль, полынь, трава) — живое существо» соотносятся с: невестой, лошастью, волком, питоном:

деревья, укутанные паутиной, подобно невестам самой смерти; Когда снится конь небесный, дыбящийся тучно над гривами ковыля и седой полыни с волчьими очами, кренящийся в развороте шального бега черную чашу долины; ...заросли среди пальм и бамбуков, похожие на питонов, и змеи, не отличимые от лиан; Каштан качался, потряхивая буйной зеленой гривой, рвался с места, словно застоявшийся боевой конь; восхищенные травы вздыбились, ходя ходуном в половодье джугарной долины.

Обратим внимание на фитоморфный лексический ряд (*дерево, ковыль, полынь, трава*), рисующий живую картину степи, а соотнесение растений с конем, волком — явная нить, указывающая на связь с конно-кочевой цивилизацией.

В то же время обнаруживаются словесные образы, дающие возможность утверждать, что А. Жаксылыков — личность, воспитанная не на одной, родной, казахской культуре, влияние других, в частности русской, налицо. Это и бунинские «антоновские яблоки — женские коленки», это нехарактерные космо-психо-логосу казаха каштаны, орхидеи, питоны, а также нехарактерная для казахского языка высокочастотная в произведениях русскоязычного казаха глагольная модель фитообразов. Для языкового сознания А. Жаксылыкова характерно национально-культурное своеобразие: языковое сознание влияет на национально-культурное восприятие и пронизывает весь пласт языковых приобретений от лексико-грамматического до социально-культурного уровней. Внутренняя детерминанта структуры казахского языка порождает причудливую смесь образного мировосприятия русскоязычной личности. Не учитывая закономерных связей между исторической жизнью народа и его языком, закрепляющим психологический склад, этические и эстетические взгляды людей, невозможно объяснить образный строй современной русскоязычной литературы, тесно связанной с космо-психо-логосом казаха, невозможно проникнуть в истоки поэтических символов, их литературно-поэтической трансформации, фразеологического и метафорического богатства, а главное, системы художественно-выразительного мышления¹⁰.

Фитоморфизм А. Жаксылыкова является источником нового смыслообразования в художественном тексте, средством создания различных словесных образов с этнокультурным компонентом. Например, образ «фитоморф — музыкальный инструмент (кобыза)»:

Нечто похожее на пение кобыза издавали роци бамбука, качаясь на ветру, играя длинными зелено-серебристыми листьями, они издавали свой темный надрывный плач, хватающий за душу.

Звуки, издающий экзотический для жителя казахских степей бамбук, сродни пению главного струнного музыкального инструмента казахского баксы (шамана) кобызу.

Образ «орган человека — фитоморф», характерный для многих творцов слова (глаза — огонь, уста — лепестки, вишенки), очень своеобразен у казаха: *чтобы спасти, успеть остановить рычащего человека-барсу-*

ка, папу, занесшего свиристящий кулак над пшеничной дымной щекой дорогой моей матушки, поющей и плачущей на краю пустынной польниной целинной дороги, заросшей сизыми седыми бредовыми дождями. Лицо, щека матушки, постоянно стоящей у домашнего очага, выпекающей пшеничные лепешки, пропитана дымом.

Обнаружены обратные парадигмы «фитоморф — живое существо, орган», где родная степь ассоциируется у героя с кормилицей-матерью, женщиной:

*Но она, пшеничная женщина, хлынула отовсюду потоком, расплескивая
гремучие руки-стебли.*

И в прямых, и в обратных парадигмах созданные образы на уровне малых парадигм имеют национальную специфику.

Некий национальный колорит характерен образам «время — фитоморф»: *Ночь летит в шорохах, словно огромное перекасти-поле*; травянистое растение степей и пустынь, приобретающее во время цветения шарообразную кустистую форму; «пространство — фитоморф»: *Луна заглядывала в окно, она была похожа на желтую налитую дыню*, растущую в солнечной Средней и Малой Азии; *спасти призрачный домик среди поля-джугары, заросший седыми прошлогодними дождями, польниными дымами*, где польнь, травянистое растение, дымом которого очищают помещения от злых духов; «фитоморф — образ жизни»: *осеннего дворцового парка, слегка оголившегося вершинами и осыпавшегося кружевной кочевой листвой*, ведь опавшая листва свободно перемещается, как кочевник по степи, под дуновением ветра.

Видение окружающего мира художника-казаха отличается включением в его контекст новых смыслов, элементов, характерных для родной языковой картины мира: *польнь, перекасти-поле, пшеница, кочевье, кобыз*.

Таким образом, сформированный метафорой когнитивно-чувственно-наглядный образ с номинантой *растение* (фитоморф) фиксирует восприятие окружающего мира А. Жаксылыкова, отражает в сознании и эксплицирует в виде необыкновенных малых парадигм словесных образов. Феномен русскоязычной творческой личности в том, что транскультура освобождает автора от символических зависимостей его «врожденной» культуры, при этом место культурной идентичности занимают не просто гибридные образования, но набор потенциальных культурных признаков, универсальная символическая палитра, из которой любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в собственную картину. Русскоязычная творческая личность — это новая индивидуальность, которой характерно «опережающее обыденность сознание», полифоничность и многоликость, это писатель, который, создавая художественное произведение, усваивает некоторые ментальные интенциональные и неинтенциональные действия, передает с помощью языка созданного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности, а потому заслуживает глубокого научного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахтикиреева У. М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. С. 11.

² Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 91.

³ Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы: на материале болгарской литературы первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 89

⁴ Бахтикиреева У. М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. С. 11.

⁵ Иванов В. В., Михайловская Н. Г., Панькин В. М. Язык великого братства. М., 1986. С. 90.

⁶ Павлович Н. В. Язык образов. М.: «Азбуковник», 2004. С. 14.

⁷ Ермекова Ж. Т. Особенности когнитивных пространств носителей русского и казахского языков // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 78–83; Ермекова Ж. Т. Инвариант как парадигма образов национального сознания // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. М., 2011. № 2. С. 20–24.

⁸ Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Изд-кая гр. «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 170.

⁹ Жаксылыков А. Сны окаянных. Алматы, 2005. 480 с.

¹⁰ Гачев Г. Указ. раб. С. 170.

Yermekova Zh. T.

RUSSIAN-SPEAKING KAZAKH'S WORLDVIEW (ON THE EXAMPLE OF PHYTOIMAGES)

The article discusses the question of perception of the Russian-speaking creative personality, brought up in multicultural Kazakhstan, especially his verbal phytoimages: the model of their creation, marked by specific ethnic and cultural components of A. Zhaksylykov's images. The linguistic consciousness formed in the native language is the basis for the perception of new cultures, meanings, destroying stereotypes of thinking of monocentric consciousness.

Keywords: phytoimage, linguistic consciousness, paradigm, phytomorph.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ СЛОВА ЗАЯЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается описание ассоциативного поля слова «заяц», которое реконструируется через значения реакций, выявленных посредством анкетирования. Структуру ассоциативного поля представляют категориальные, признаковые и смешанные реакции.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, категориальные реакции, признаковые реакции, смешанные реакции.

Одним из новых объектов современной лингвистики, характеризующейся действием принципов интегративности, полиаспектности, становится языковое сознание, все более активно осваиваемое как теоретическими, так и прикладными дисциплинами¹. В данной статье делается попытка описать ассоциативное поле (АП) слова-стимула *заяц*, реконструирующее особенности фрагмента обыденного языкового сознания. В нем представлены результаты участия автора в международном проекте, возглавляемом профессором Н. Д. Голевым. В качестве материала для исследования используется словарная статья слова *заяц* из ассоциативного словаря². Из ее частей, выявленных путем анкетирования, сохранены три, наиболее презентативные для решения поставленной в работе задачи. Эти части состоят из ответов респондентов на следующие задания анкеты: 1) Что обозначает данное слово? 2) Назовите первое, пришедшее Вам на ум слово, после того как Вы услышали или прочитали данное слово. 3) Напишите рядом с приведенным словом фразу, которая сразу приходит Вам на ум. В соответствии с ними в АП были выделены три зоны: значение (Z), ассоциации (A), фразы (F).

При сравнении реакций в словарной статье были обнаружены три главных основания для их классификации: формальное, релятивное и когнитивное³. Формальные типы реакций в виде словных и несколькословных отражают взаимодействие операций анализа и синтеза в формировании обыденных представлений об объекте. Релятивные типы реакций, отражающие их отношения друг с другом, а именно наличие, отсутствие у них общих составляющих, — автосемантические и синсемантические (совмещенные и контаминирующие) служат показателями (1) объема АП, его развертывания за счет разных отдельных реакций, раздвигающих границы поля «равновесными» смыслами, или (2) «глубины» АП, сгущения в нем повторяющихся когнитивных компонентов, возникающих при наложении реакций.

Содержание и объем АП очерчиваются когнитивными типами реакций. Они и характеризуются в статье, так как представляют когнитивное

пространство поля и его структуру, организованную категорией, заданной стимулом. Различаются категориальные, признаковые и смешанные реакции. Категориальные несут информацию о категории, о принадлежности к исходной базовой категории, на которую выводит стимул. Такие категориальные реакции названы однокатегориальными. Они обеспечивают целостность и компактность АП. Есть также категориальные реакции, которые демонстрируют отнесенность к другой категории, связанной с базовой. Такие реакции названы неоднокатегориальными. Они намечают позицию АП в языковом сознании.

Признаковые реакции выражают дифференциальные, идентифицирующие признаки биообъекта, расширяют объем АП и определяются развитием знания. Смешанные реакции относятся к промежуточному типу и включают категориальные и дифференциальные компоненты.

Рассмотрим структурные отличия зон поля по количеству и составу данных типов реакций.

Зона Z содержит **12** признаковых, **9** категориальных, **13** смешанных реакций.

Среди словных реакций — 2 признаковые (трус 2, волк), 4 категориальные реакции (животное 15; зверёк 12; грызун 4; млекопитающее 4).

Среди несколькословных реакций — 10 признаковых реакций (добыча лисы 2; белый и пушистый; лесной житель; маленький, молниеносный пушистик; мясо-представитель грызунов, с пушистой шерсткой; прячется в норках; пушистый, маленький; ушастая прелесть; хвастливый, быстрый); 5 категориальных реакций (дикий кролик 4; лесное животное 4; грызун, родственник кроликов и белок; дикое животное; млекопитающее животное из отряда зайцеобразных; дикое животное; млекопитающее животное из отряда зайцеобразных).

13 смешанных реакций (живёт в лесу, животное с длинными ушами 24; пушистый зверек 7; зверь, который меняет свою шкуру два раза в год 5; травоядное животное 4; маленькое животное 2; грызун, покрытый мехом 2; животное, живет в лесу, пушистый, с большими ушами; зверек, который живет в лесу; зверёк, который скачет, роет норки; зверёк, меняет цвет шкурки, летом — серая, зимой — белая; зверёк, прыгающий по земле, пушистый; мелкий грызун, дикий зверёк; ушастое, мохнатое животное).

Рассмотренные группы категориальных, признаковых и смешанных реакций, с одной стороны, представляют объем «психологически реального значения» (И. А. Стернин), хранимого в памяти носителей языка в виде их индивидуальных интерпретаций значения бионима *заяц*, с другой стороны — они реконструируют процессы концептуализации и категоризации, отражающие базы и профили в их иерархии как структуры знания о биообъекте. В последнем случае выявляется: 1) тяготение к предельному «облегчению» концепта, ограничению входящих в него признаков; 2) предпочтение наблюдаемых признаков.

Слова в виде реакций приобретают когнитивную лабильность, демонстрируя расплывчатость границ между концептами и категориями.

Способностью перемещаться из области категорий в область составляющих их концептов обладают признаковые реакции. Например: реакция *белый и пушистый* выступает как признаковая, называя идентифицирующий компонент при категориальном компоненте *заяц*. Но в систему языка слова *белый* и *пушистый* входят как названия категорий.

Проявление нестабильности признаковых реакций уравнивается стабильностью категориальных. Их устойчивость обеспечивает структура категориального концепта, не включающего дифференциальных компонентов.

Зона А содержит **38** признаковых реакций, **2** категориальные реакции и **2** смешанные реакции.

Среди словных реакций — 32 признаковые (ушастый 14; трус 10; пушистый 8; ушки 8; морковка 6; волк 5; белый 4; снег 4; серый 3; трусость 3; быстрый 2; маленький 2; мягкий 2; хвостик 2; беленький; бурый; косой; лис; лиса; мягкий; мясо; нора; поскокун; прыгать; прыгун; пугливый; пушнина; скорость; трусливый; хвост; хороший; шкурка; шуба) и 2 категориальные реакции (беляк 3; кролик 2).

Среди несколькихсловных реакций — 2 признаковые реакции (большие уши 6; следы на белом снегу).

2 смешанные реакции (шустрый зверек 2; маленький пушистый зверек).

Особую группу в составе несколькихсловных реакций образуют **4** реакции, выходящие за пределы базовой категории АП: *бесплатный проезд; корейская группа (у нее символ — заяц); мультфильм «Ну, погоди!» 7; дед Мазай*. Они выполняют не номинативную функцию, как проанализированные выше реакции, а культурологическую функцию, благодаря приобретению статуса прецедентов в качестве фразеологизмов и имен собственных.

Однословные категориальные реакции сохраняют границы категории, заданной стимулом (*кролик*), или выводят на уровень вида (*беляк*).

Однословные признаковые реакции являются продолжением категориальных по принципу дополнительности и представляют разные дифференциальные признаки биообъекта.

Зона А в области словных реакций демонстрирует вхождение наряду с однокатегориальными компонентами компонентов неоднокатегориальных. Преобладают первые, отражающие естественный (компактный), системный способ хранения знаний о мире с их распределением по категориям, и их развитие в соответствии со сложившейся системой. Наиболее высокую степень идентифицирующей силы наблюдаемых признаков подтверждает преобладание ассоциаций, связывающих с внешними и физическими характеристиками зайца признаковые (*ушастый 14; пушистый 8; ушки 8; волк 5; белый 4; снег 4; серый 3; маленький 2; мягкий 2; хвостик 2; беленький; бурый; косой; мягкий; пушнина; хвост; хороший; шкурка; шуба*). Далее идут реакции, которые отражают внутренние качества, черты характера и поведения: *трус 10; трусость 3; трус-*

ливый 2; пугливый; поскокун; прыгать; прыгун; быстрый; скорость. Их ценность для обыденного сознания доказывает не только количество разных реакций, но и их самая высокая для данной зоны повторяемость. Единичные ассоциации описывают образ жизни: питание *морковка 6; мясо*; среду обитания: *лес; нора*.

Неоднокатегориальные реакции в зоне малочисленны, но показательны в том плане, что выявляют связи как с базовой категорией, так и с другими категориями, представленными в материале эксперимента и обозначенными другими бионимами: *волк; лиса*.

Несколькословные реакции единичны, и эта единичность проявляется в реализации ими разных типов реакций. Они включают однокатегориальные реакции: **1** признаковая (*большие уши 6*) и **2** смешанные реакции (*шустрый зверек 2; маленький пушистый зверек*). Они выражены словами в номинативной функции, очерчивающими объем категории. Есть **2** неоднокатегориальные реакции с символическим способом представления категории: *бесплатный проезд; корейская группа* (у нее символ — заяц); *следы на белом снегу* и две реакции в виде имен собственных, значения которых аконцептуальны (*мультфильм «Ну, погоди!» 7; дед Мазай*). Но в когнитивной среде модели «стимул — реакция», как и сознании в целом, аконцептуальность относительная и снимается имплицитной фоновой категорией.

Зона F имеет особую формальную структуру, проявляющуюся в доминировании несколькихсловных реакций (**19**), дополняемых синкретическими реакциями, которые могут квалифицироваться и как составные слова, и как предикативные сочетания (**7**). Так как фразы задаются стимулом *заяц*, то это определяет его роль места пересечения синсемантических реакций вместе с однокоренными словами *заяц, зайка*, о чем говорилось выше. Но из **24** синсемантических контаминирующих реакций (на **7** автосемантических, не имеющих общих компонентов с другими реакциями) только **9** реакций содержат категориальный компонент, причем **5** из них являются *смешанными*, **1** относится к *категориальным*. В смешанных реакциях категориальные компоненты сочетаются с признаковыми (*заяц-беляк; заяц-засранец; заяц-красавец; косой заяц, заяц-попрыгаец; зайчик-попрыгайчик 3; зайка серенький; зайца ноги кормят*), в категориальной реакции *заяц-волк 2* принадлежность объекта, заключенного в стимуле, к категории уточняется ее общими границами с противоположной категорией.

Ближайшее пространство других категорий образуют неоднокатегориальные реакции в виде прецедентных текстов, выполняющих не только номинативную, как проанализированные категориальные, признаковые и смешанные реакции, но и лингвокультурологическую функцию. Они демонстрируют когнитивную специфику зоны F. Показателями выхода за пределы базовой категории рассматриваемого АП яв-

ляются 17 неоднокатегориальных фраз. Они делятся на 3 подгруппы. Первая — пословицы, фразеологизмы, считалочки, загадки, фрагменты текстов: *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь 15; «зайчиков поймать» (смотреть долго на солнце); трусишка зайка серенький под ёлочкой скакал; два, три, четыре, пять, вышел заяц погулять; ехал зайцем 4; летом — серый, зимой — белый; Зайцев+1*. Всего 7 реакций. Как генерализованные, данные реакции относятся к категориальным концептам, представленным не «тематическими» (простыми), а «операционными» (сложными) концептами — фреймами и сценариями⁴. Вторую группу из 6 реакций образуют символические реакции, имеющие особую лингвокультурологическую ценность и включающие слова *заяц* и *заячий*. Они перемещают в другие категории способами метафоры и метонимии: *трусливый, как заяц; быстрый, как заяц; зубастый, как заяц, зайчики-трамвайчики; заяка моя!* В подобном когнитивном преобразовании слово-стимул может участвовать имплицитно: *у страха глаза велики*. Третья группа из 4 реакций переводит в категории «место», «материал», «еда»: *заячья избушка; заячья нора, заячья шуба; картошка с кроликом; вкусное мясо*. К неоднокатегориальным реакциям примыкают единичные «референциальные» (аконцептуальные) 2 реакции в виде имен собственных: *Ну, заяц, погоди!; Дед Мазай и зайцы*.

Анализ статьи ассоциативного словаря слова *заяц* позволяет реконструировать АП как фрагмент языкового сознания, в котором категориальные, признаковые и смешанные когнитивные реакции раскрывают процесс формирования знания об объекте. Доминируют признаковые ассоциации (62 реакции) над категориальными (34 реакции). Данное соотношение раздвигает границы АП и аналогично строению АП слова *волк*. Признаковые реакции отражают многомерность объекта, последовательность и непрерывность его познания и образуют наиболее подвижную часть поля. Им уступают по количеству категориальные ассоциации, которые передают более устойчивые и наиболее обобщенные, свернутые элементы знания.

АП подтверждает категориальный характер человеческого мышления доминированием в нем однокатегориальных реакций, выполняющих номинативную и гносеологическую функции и представляющих универсальные и специфически национальные черты языкового сознания и менталитета. Они очерчивают границы, объем, структуру базовой категории, расставленные в нем акценты. Место категории в языковом сознании, его статус отмечается неоднокатегориальными реакциями, которые выполняют лингвокультурологическую функцию. АП бинима *заяц* демонстрирует безусловное преобладание универсальной информации над культурологической в обыденных представлениях носителей языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 4 / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд. Кемеровского гос. ун-та. 2012. 639 с.; *Алефиренко Н. Ф.* Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009; *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987 / под ред. Д. Н. Шмелева. М.: Наука. 262 с.; *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в понимании мира / РАН. Институт языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

² Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2-х т. Т.1: А–М (Абрикос — Муравей) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012. С. 309–311.

³ *Жаналина Л. К.* Ассоциативные поля как фрагменты языкового сознания в сопоставительном аспекте // Труды Института магистратуры и докторантуры PhD КазНПУ им. Абая. Вып. 18. Алматы. 2014. С. 3–19.

⁴ *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е испр. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 67–83.

Zhanalina L. K.

THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE WORD 'HARE' IN RUSSIAN LANGUAGE

The paper presents a description of the associative field of the word "hare" which is reconstructed via reaction data acquired through questionnaires. Structure of the associative field is represented by categorical, feature and mixed reactions.

Keywords: linguistic conscience, associative field, categorical reactions, feature reactions, mixed reactions.

Зиновьева Елена Иннокентьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

e_zinovieva@mail.ru

Абьякая Олеся Викторовна

Цукубский государственный университет, Япония

olesya_vik@mail.ru

ЧЕЛОВЕК, ИСПЫТЫВАЮЩИЙ ЧУВСТВО ХОЛОДА, В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются сходства и различия в вербализации стереотипного представления об испытывающем чувство холода человеке в русской, китайской и японской языковых картинах мира. Проводится лингвокультурологический анализ русских идиом и устойчивых сравнений на фоне китайского и японского языков. Представлены данные анкетирования носителей трех языков. Доказывается, что наивные представления в трех лингвокультурах совпадают в целом, различаясь рядом специфических черт, что дает основание говорить о существовании квазистереотипов.

Ключевые слова: языковая картина мира, квазистереотип, лингвокультура, устойчивое сравнение.

Под языковой картиной мира (ЯКМ) понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности¹. ЯКМ формируют различные языковые средства: лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические, тексты, а также вербализованные стереотипные представления носителей лингвокультуры. Стереотипное представление, на наш взгляд, — это устойчивая в национальном языковом сознании «мыслительная картинка», соответствующая мировосприятию данного фрагмента ЯКМ представителями лингвокультурного сообщества. Стереотипные представления, как справедливо отмечает Н. В. Уфимцева, всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это *квазистереотипы*, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение². Рассмотрим стереотипное представление о человеке, испытывающем чувство холода, как фрагмент русской ЯКМ, основываясь на данных анкетирования носителей языка. Фоном для исследования являются результаты анкетирования представителей двух восточных лингвокультур — китайской и японской.

В анкетировании приняли участие жители Санкт-Петербурга (91 человек от 17 до 65 лет). Основную массу респондентов составили люди в возрасте от 30 до 40 лет (45 %), представители разных профессий (менеджеры, экономисты, редакторы, бизнес-тренеры, инженеры, препода-

ватели и т. д.) с высшим образованием (68 %). В анкеты были включены задание продолжить сравнения: *мерзнуть как...*, *трястись от холода как...*, *дрожать от холода как...*, *холодный как...* и написать фразеологизмы, обозначающие сильно замерзшего человека. Полученные в результате анкетирования данные подтверждают в целом устойчивость сравнений в русском языке. Наиболее частотными оказались следующие сравнения: *мерзнуть/вмерзнуть/замерзнуть как собака* (с расширением *бездомная собака*), *цуцик* — 37 ответов, *суслик* — 9, *волк* — 2, *волчий хвост* — 2. Можно выделить группу эталонов «Наименования лиц»: *мерзнуть как сволочь* — 4 ответа, *Маугли* — 2, *как негр, индеец, Снегурочка*. Отдельную группу эталонов УС составляют единицы, связанные с восприятием зимы как холодного времени года: *мерзнуть как зимой* — 2, *мерзнуть/замерзнуть как ледышка, как сосулька* (интересно расширение УС, возникновение которого связано с экстралингвистической ситуацией в городе в последние годы — *бесхозная сосулька*). К эталонам-топонимам можно отнести ответы: *как на морском дне* — 2 и *как на Северном полюсе*. Наиболее частотным эталоном УС с основаниями *трястись* и *дрожать (от холода)* оказалось словосочетание *осиновый лист*: 11 и 35 ответов соответственно. В УС с основанием *трястись* встретились также эталоны тематической группы «наименования растений»: *осина* — 3, *лист* — 2, *лист/тростинка/травинка на ветру, деревья от ветра*. Отчетливо выделяется и группа эталонов-зоонимов: *трястись от холода как суслик* — 8, *собака* — 6, *маленькая собачка* (варианты: *щенок, Чихуа-хуа*), *цуцик* — 5, *заяц* — 4, *зяблик* — 3, *волчий/заячий/собачий хвост/хвостик* — 5, *мышь, паршивый поросенок* — 2. Объемные тематические группы эталонов составляют наименования болезней и эмоциональных состояний: *трястись от холода как эпилептик* — 3, *паралитик* — 2, *как в лихорадке* — 6, *как от нервного тика* — 2 и др. К эталонам-наименованиям бытовых реалий можно отнести *трястись от холода как студень* — 3, *как мороженое/эскимо* — 3, *желе* — 2. В УС с основанием *дрожать* использованы следующие тематические группы эталонов: «наименования растений» — *осиновый лист/листок/на ветру* — 38 ответов, *лист* (с расширениями *банный/осенний/березовый/на ветру*) — 10, *береза/березка/осина/травинка* — 5, *лепесток, стебель, рябинушка, осина*; «наименования животных» — *собака* — 4, *цуцик, щенок, заяц* — 2 (с расширениями: *заяц от страха, заяц при виде волка*). Среди УС с основанием — прилагательным *холодный* на первое место по частотности выходит существительное *лед* (46 ответов), а также группа ассоциативно связанных с ним эталонов, в том числе и прецедентное высказывание: *ледышка* — 7, *сосулька* — 3, *кубик льда, айсберг/айсберг в океане/, а ты такой холодный, как айсберг в океане* — 9. Выделяется тематическая группа эталонов, связанных со смертью: *труп/трупик* — 8, *покойник* — 7. Мир

природы вербализован в эталонах *лягушка* — 6; *камень* — 3; *мрамор*, *космос*, *рыба* — 2. Информанты привели следующие УС и идиомы, характеризующие сильно замерзшего человека: *зуб на зуб не попадает* (с расширением *от холода*) (17), *превратился в ледышку* (11), *промерзнуть/продрогнуть до костей* (7), *превратился в сосульку* (3), *превратился в льдинку/лед*, *превратился в снеговика/снежную бабу*; *пробирает до костей*, *промерзнуть до животиков*, *окоченеть/замерзнуть до мозга костей*; *зубы сводит от холода*, *стучать/застучать зубами*, *стучать зубами так, что зуб на зуб не попадает*, *кляцать (лязгать) зубами от холода*, *дубу давать, чуть дуба не врезал/не дал* (2). Выделяются устойчивые сочетания, описывающие части тела человека: *губы посинели/синие* (2), *покрыться гусиной кожей/пупырышками* (2).

Для выявления интересующего нас стереотипного представления о мерзнувшем человеке в китайской языковой картине мира был проведен опрос 65 носителей китайского языка. В качестве респондентов выступили бакалавры, магистранты и аспиранты, обучающиеся в вузах Санкт-Петербурга, преподаватели русского языка в Китае, переводчики. Возраст опрошенных от 19 до 44 лет. В результате анализа полученных данных можно констатировать в целом меньшую устойчивость сравнений китайского языка по сравнению с русским, что проявилось в наличии большого количества единичных сравнений в анкетах. Наиболее частотными явились следующие сравнения (в порядке убывания частотности и в буквальном переводе на русский язык): *мерзнуть как мороженое* (с расширением сравнения *мороженое на палочке*) — 14 ответов, *как сосулька* — 7, *как собака* (с вариантом *как дрожащая собачка*) — 6, *мерзнуть как (покойник, мертвый, мертвец, труп)* — 6, *как морковь* — 4, *как камень* — 4, *как ад* (вариант *как в аду*) — 2, *мерзнуть как умереть (как смерть)* — 2, *как твердая сталь* (вариант *как железо*) — 2, *как дерево* — 2, *как ягодицы обезьяны* — 2, *как цыпленок* — 2, *как сердце* — 2, *как дурак (глупец)* — 2. УС с основаниями *трястись (дрожать) от холода* следует признать следующие: *как лист (листья, осенний лист, листья на осеннем ветру, листья при буре, два вялых вьющихся листа)* — 18 ответов, *как решето* — 16, *как кошка* — 7, *как щенок* — 5, *больные эпилепсией (при приступе эпилепсии)* — 5, *пациент (больной, заболел)* — 5, *как трава* (вариант *как трава наверху стены*) — 3, *как удар электрического разряда* — 2, *как перебранные струны музыкального инструмента* (вариант *как шелестят струны музыкального инструмента*) — 2, *как судорога* — 2. Только с основанием сравнения *трястись* были даны следующие ответы: *как пациент, у которого Паркинсон* — 4, а только с основанием *дрожать* были получены такие ответы: *как пламя* — 3, *как встряска (дрожание) телефона (мобильника)* — 2, *как утка* — 2, *как собачка* — 2. К УС китайского языка можно отнести такие сравнения с основанием-прилагательным *холодный как*:

холодный как лед — 17 ответов, *как ледник (погреб)* — 13, *камень* — 5, *мороженое* — 4, *зима* — 4, *труп* — 3, *ветер* — 3, *сосулька* — 2, *собака* — 2, *иней* — 2, *мороз* — 2, *прорубь* — 2. В этой группе сравнений выделяются УС с эталонами-топонимами: *холодный как в России* — 4, *на Северном полюсе* — 3, *в Арктике* — 2, *в Сибири* — 2. Информанты привели следующие фразеологизмы, характеризующие сильно замерзшего человека: *замерзнуть в кость* (вариант: *в костный мозг*), *ветер вошел в кость* (*морозный ветер как будто входит в кость*), *холод проходит сквозь кость*, *холод проходит сквозь кожу*, *мороз так силен, как будто прокалывает в кость*; *холодный воздух (зимний ветер) проникает в тело*; *страдать от голода и холода*; *налить холодную воду на спину*; *холодный как лед и иней*; *нельзя расправлять конечности от холода*; *шелестеть и дрожать*; *дрожать от холода*; *верхние зубы бьют нижние*. В анкетах было приведено прецедентное высказывание: *у богатых ворот запах мяса и вин, на дорогах же кости замерзших* (стихотворение Ду фу эпохи Тан). Из частей тела, которые сильно мерзнут и фигурируют в сравнениях китайского языка, следует отметить следующие: *конечности* — прежде всего, *руки*: *руки мерзнут как камень, холодная рука как редька, холодные руки как свиные ноги, руки и морковь как колбаса, руки и ноги как лед*. Кроме того, зафиксированы фразеологизмы *руки и ноги онемели, руки и ноги не мои*. Соматизм *лицо* функционирует в составе следующих УС: *лицо как красное яблоко, лицо как хурма после заморозки, лицо как попка обезьяны, холодное лицо как фиолетовый батат*. Ср. фразеологизм — *лицо синее от холода*.

Для выявления стереотипного представления о мерзнувшем человеке в японской языковой картине мира был проведен опрос 95 носителей японского языка. В качестве респондентов выступили студенты (91% от общего числа опрошенных) различных специальностей, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники Цукубского государственного университета (Япония). Возраст опрошенных от 18 до 80 лет. Форма анкеты была такой же, как и для носителей русского и китайского языков, но к прилагательному *холодный* мы добавили категорию состояния *холодно* в качестве дополнительного основания сравнения для уточнения того факта, что речь идет именно о человеке. Анализ полученных данных позволяет констатировать меньшее количество устойчивых единиц, связанных с представлением о мерзнувшем человеке в языковом сознании носителей японского языка. Необходимо отметить, что большинство опрошиваемых утверждало, что они не употребляют в своей речи ни устойчивых сравнений, ни идиом, говоря просто *samui* «холодно» или *totemo samui* («очень холодно»). Кроме того, многие носители указывали, что в японском языке вообще отсутствуют устойчивые единицы, связанные с ощущениями замерзшего человека. (Мы не будем останавливаться на причинах данного явления, поскольку это связано с особен-

ностями строя японского языка и большим количеством оноματοпоэтической лексики, придающей уникальную образность японскому языку, что не является целью данной статьи.) Однако наличие повторяющихся ответов позволяет утверждать обратное. Наиболее частотными стали сравнения ощущений замерзшего человека с такими эталонами, как *лед* (64), *Северный полюс* (13), *мертвый/покойник/умереть* (16), *зима* (12), *новорожденный оленёнок* (11), *Россия* (5), *сердцевина тела/ядро* (5). К УС японского языка с основанием *мерзнуть* можно отнести следующие: *как лед* — 12 ответов, *как Северный полюс/на Северном полюсе* — 4, *как умереть* — 2, *как в ледяной воде* — 2. УС с основаниями *трястись* (*дрожать*) *от холода* следует признать следующие: *как новорожденный олененок (ягненок/жеребенок)* — 11 ответов, *как щенок (маленькая собачка)* — 4, *как котенок (кошка)* — 5, *как собака* — 4, *как вибрация* — 3. Представляют интерес следующие ответы-ономатопеи: *гата-гата* (*gata-gata*) — ‘от холода или от напряжения трястись/дрожать’ (3 ответа), *гачи-гачи* (*gachi-gachi*) — ‘что-то твердое дрожит и стучит друг о друга, зубы стучат’. УС с основаниями *холодный* и *холодно*: *как лед* — 50 ответов; *зима/в середине зимы* — 12; *Северный полюс* — 9; *мертвый* — 6; *Россия, холодильник/в холодильнике, морозильник/в морозильнике, пронзает/щиплет кости (пробирает до костей, пронзает тело)* — 5; *Сибирь, северная/снежная страна (область, регион, город), Южный полюс, колоть/щипать кожу* — 3. Можно выделить повторяющиеся фразеологические единицы, которые явно относятся к устойчивым образам. Как и в ответах носителей русского языка, чаще всего встречаются идиомы, связанные с предельной, высшей степенью ощущения холода, когда человек обездвижен, находится уже на грани жизни и смерти: *холодный как мертвое тело/ мертвый/покойник* — 6 ответов; *холодный как лед* — 4; *замерзнуть до костей/холод пронзает до костей* — 4; *человек, у которого синие губы/который стал синим* — 3; *остыть до ядра тела* — 3; *побледнеть от холода (побледнеть от холода как мертвец)* — 3; *холод как ад/в аду* — 2; *холодно так, что руки онемели/окоченели* — 2. Культурная специфика наиболее ярко проявляется в таких ответах, как: *свернуться/скрючиться под котацу и холодно так, что неохота вылезать из-под котацу* (традиционный японский предмет мебели, низкий деревянный каркас стола, накрытый японским матрацем футоном или тяжелым одеялом, на который сверху положена столешница; под одеялом располагается источник тепла, часто встроенный в стол).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стереотипное представление о мерзнувшем человеке вербализуется в русской, китайской и японской ЯКМ фразеологизмами и устойчивыми сравнениями. При этом степень устойчивости сравнений выше в русской лингвокультуре. В русской и китайской ЯКМ тематические группы

эталонов УС совпадают: это зоонимы, фитонимы, наименования лиц, наименования реальных неживой природы, наименования хозяйственно-бытовых реалий, болезней, тематическая группа смерти. Совпадают и отдельные эталоны УС. В японской же ЯКМ при меньшем количестве УС в целом отчетливо выделяются эталоны, связанные с зимой, смертью, а также тематические группы топонимов и зоонимов. Обращает на себя внимание разница в восприятии ада носителями, с одной стороны, русского, с другой — китайского и японского языков: русские представляют ад как место, где очень жарко, а китайцы и японцы — как место, где очень холодно. Среди русских и японских эталонов УС не фигурирует *решето* — очень частотный эталон китайских УС. Представление о том, что кости — это последнее, что промерзает у человека, свойственно наивной картине мира и русских, и китайцев, и японцев, что вербализовано во фразеологии трех языков. Замерзающий человек испытывает одинаковые физические ощущения в любой культуре, поэтому и признаки проявления физического состояния одинаковы: *зуб на зуб не попадает* или «верхние зубы бьют нижние», «корни зубов не совпадают». При характеристике отдельных соматизмов в интересующем нас фрагменте ЯКМ трех языков выделяются конечности человека и лицо. Но характеристика лица замерзшего человека представлена в китайской фразеологии более детально. Исследование показало, что наивные представления представителей трех лингвокультур совпадают только в целом, различаясь рядом национально-специфических черт, что дает возможность говорить о существовании квазистереотипов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 34–48.

² Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания, 1996. С. 75–88.

Zinovieva E. I., Abyiakia O. V.

A PERSON WHO IS FEELING COLD IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW (AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE AND JAPANESE LANGUAGES)

The article deals with similarities and differences in the verbalisation of the stereotypical representation of a person experiencing the feeling of cold in Russian, Chinese and Japanese linguistic worldviews. The linguocultural analysis of Russian idioms and stable comparisons describing a person who feels cold is carried out against the background of the Chinese and Japanese languages. It is proved that the naive representations in the three linguocultures coincide in general, differing in the range of specific features which provides the basis for discussion of the existence of quasi-stereotypes.

Keywords: linguistic worldview, quasi-stereotype, linguoculture, conventional simile, psycholinguistic questionnaire.

Карпенко Людмила Борисовна

Самарский государственный университет, Россия

karpenko.gennady@gmail.com

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК «ПРЕЕМНИК ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

В статье рассматриваются исторические и современные реалии русского языка как аксиологической системы, сохраняющей свои онтологические, православные, церковно-славянские основания.

Ключевые слова: русский язык, традиция, ценностная система, славянизмы.

За официальными определениями статуса русского языка (национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации, язык международного общения, рабочий язык ООН, язык мировой коммуникации) не вполне открывается его ценностное начало. Эти определения указывают на сферу и диапазон функционирования русского языка, его статус. Однако мировые языки не только по распространенности и коммуникативным функциям выдвигаются на роль мостов, соединяющих человечество, но и по аксиологической значимости, по своему ресурсному потенциалу передавать ценностные смыслы. Возвышение мировых языков можно рассматривать с позиции прагматических преимуществ. Однако, кроме коммуникативных, технологических функций, мировые языки выполняют еще и особую цивилизационную миссию — обеспечивают целостность общечеловеческой культуры, преемственность ценностных смыслов. Это относится и к русскому языку. Когда мы говорим о русском языке как языке мировом, имеем в виду русский *литературный* язык. Ни по своему духовному потенциалу, ни по объему выразительных средств русский язык не уступает классическим языкам, т. к., развиваясь на их основе, он вбирает в себя необходимые ценностные смыслы и выразительные средства. Имея в виду именно выразительные возможности русского языка, Н. С. Трубецкой назвал его языком, стоящим «особняком среди литературных языков земного шара», указав на его преимущества внутреннего и внешнего характера: богатство лексических и словообразовательных ресурсов и устойчивость, обусловленную длительной литературной традицией¹.

Как и другие мировые языки, русский литературный язык является восприимчиком длительной культурной традиции, обладает собственной давней литературно-книжной историей и выполняет важнейшую цивилизационную миссию, участвует в сохранении целостности мировой культуры, обеспечивая таким образом взаимопонимание и единение разных поколений и разных народов. Не случайно и зарубежные специалисты признают его языком элитарной культуры, художественного

образования. В этом смысле русский язык является общечеловеческой ценностью, значение которой со временем будет только возрастать.

Русский язык включает в себе богатство исконного общеславянского словарного запаса, содержательность и образность библейского слова, а также древнегреческого, с которого переводилась Библия для славян, в нем органично присутствуют греческие и латинские термины, заимствования из западных и восточных языков. А в наибольшей степени синергетика русского языка определяется преемственной связью с языком славянской Библии — общеславянским литературным языком, усвоенные стилистические средства и формы которого главным образом и обеспечивают русской словесности гармонию высокого слога. Русский литературный язык на протяжении многих столетий формировался в условиях русско-славянского двуязычия, когда в его функциональную парадигму родственный церковнославянский язык входил на правах основной системы. Имея в виду непрерывность взаимодействия русского и церковнославянского языков и гомогенность русско-славянского двуязычия, Н. С. Трубецкой охарактеризовал русский язык как «единственный непосредственный преемник общеславянского литературного языка»². Церковнославянский язык (общеславянский литературный язык, по терминологии Н. С. Трубецкого, созданный в IX веке равноапостольными святыми Константином-Кирилом Философом и Мефодием при переводе богослужебных книг с греческого) начинался с Библии. Онтологическая связь церковнославянского языка с образным строем Библии в соответствии со словом евангелиста (Вы познали Сущего от начала — 1 Ин.: 2, 13) прежде всего нашла отражение в славянской азбуке глаголице, т. е. в первичной знаковой системе письма, к которой восходит кириллица современного русского языка и которая получила отражение и в древнерусской эпиграфике, и в рукописных памятниках Древней Руси. Глаголица в графической (визуальной) форме запечатлела те же важнейшие смыслы христианского вероучения, которые дискурсивно выражены в евангельском тексте — исповедание божественности Спасителя, нисшедшего и претерпевшего воплощение и вознесение. Наиболее наглядно соответствие христологическому контексту обнаруживают матричные знаки глаголицы Ижеи, Слово, Ерь, Хль (Хльмъ), завершающие десятизнаковые ряды азбуки. Своими фонетическими значениями (И С Ъ Х), именами (Ижеи «Тот, Который», Слово, Ерь «Священный», Хль «Холм») эти знаки кодируют имя Христа. Начертания знаков Ижеи, Слово, Ерь, Хль в визуальной форме передают мессианскую идею о нисхождении и восхождении, рождении и вознесении Христа. Их символические образы имеют опору в тексте Евангелия от Иоанна, вторичным по отношению к нему контекстом, раскрывающим содержание этих знаков, является Никейский Символ веры³. Смысловая соотнесенность этих знаков дает ключ к пониманию и всей азбуки как

целостной христианской религиозно-философской системы, в которой заключена идея единства и полноты божественного мира⁴. Символическая природа азбуки проливает свет на наследуемый, поддерживаемый богатейшей предшествующей традицией, характер русской словесности. Глаголица — общий исток славянской книжной традиции, кириллица — историческое лоно нашей культуры. Кириллица, вторая по времени появления система письма, послужившая основным средством оформления православной традиции, сегодня задает своеобразную цивилизационную конфигурацию, базирующуюся на отличных основаниях, чем только лишь происхождение письма, генетические связи или религиозная принадлежность народов, поскольку на территории бывшего СССР славянская азбука кириллица получила широкое распространение среди неславянских народов и не по религиозному принципу. В настоящее время кириллица получила распространение на пятой части земного шара в пятнадцати странах Восточной Европы и Азии. Таким образом, можно говорить об интегрирующем значении кириллического письма, в котором русский язык получил закрепление. Оно обусловлено исторически сложившейся многовековой традицией использования русского языка разными народами, распространенностью, востребованностью, статусом коммуникативного средства мирового значения.

Не только в системах письма, но и на других языковых уровнях можно наблюдать преемственность традиции. Вместе с принятием христианства на Руси получает распространение церковная книжность, в ее составе переведенные с греческого языка Номоканон, Кормчие книги, из которых был усвоен корпус церковнославянской религиозной и правовой лексики. Ядро поля юридической лексики современного русского языка (*закон, законодатель, беззаконие, преступление, свидетельство, осуждение, наказание*) образовано было на этапе создания корпуса библейских переводов на церковнославянский язык. Преемственность этой лексики и ее сохранность в современном правовом дискурсе не может иметь иного объяснения, кроме изначального влияния церковнославянской традиции. Так, еще в старославянском языке лексема *законъ* использовалась не только в значении «вера, вероисповедание», но и в значении «закон, установление». Словарь И. И. Срезневского содержит ряд примеров из Повести временных лет по Ипатьевскому списку (XV в.), раскрывающих (наряду с другими) правовое значение⁵. Слово *законодатель*, зафиксированное И. И. Срезневским, служит свидетельством связей русской юридической терминологии с церковнославянскими (древнеболгарскими) истоками. Употребительны были в старославянском и древнерусском языках и прилагательные *беззаконьныи, незаконьныи*, а также производные от них суффиксальные наречия.

Развиваясь на протяжении веков под влиянием церковнославянского, русский язык до сих пор хранит христианскую ценностную систему.

Славянизмы не только наполняют церковную, юридическую, научную терминологию, но организуют внутреннее устройство русского литературного языка, выражают представления об основных онтологических структурах, таких, как пространство, время, жизнь, человек:

- о пространстве и времени, природной среде: *бесконечный, восток, вселенная, Млечный путь, мрак, облако, пространство, среда, юг; вечный, будущий, время* и под.;
- о жизненном пути человека: *жизнь, родители, рождение, младенец, юность, юноша, возраст* и др.;
- о человеке «внутреннем», его духовных ценностях, творческих проявлениях: *вдохновение, воспитание, знание, образование, призвание, разум, совесть, талант, творение, учение, целомудрие* и др.;
- о социальной среде, государстве *гражданин, единение, общение, отечество, человечество* и т. д.

Примечательно, что в ближайшем к русскому языку украинском большинстве приведенных славянизмов преобразованы или заменены, ср.: *вселенная — всесвіт; пространство — простір; будущий — наступний, майбутній; время — час; жизнь — життя; родители — батьки; младенец — дитина; воспитание — виховання; воображение — уява; достоинство — вартість; общество — суспільство; согласие — згода; человечество — людство; страна — країна; отечество — батьківщина* и т. д. При таком сопоставлении славянизмов в русском языке с их соответствиями в украинском совпадения наблюдаются менее чем в 10% случаев. Не только украинский, ни один другой современный славянский литературный язык не сохраняет в такой мере, как русский, основы лексического строя церковнославянского языка. Разумеется, мы не имеем в виду, что за тысячелетнюю историю функционирования в лоне русскоязычного дискурса славянизмы не подвергались изменениям. Напротив, они не представляли собой застывших лексико-семантических единиц, но претерпевали словообразовательное и семантическое развитие. В историческом плане для развития славянизмов, характерны явления конкуренции словообразовательных типов, вариантности лексических образований, специализации значений, расширение употребительности в светской сфере при ограничении их использования в сфере религиозной.

Многообразием словообразовательных средств, воспринятых из старославянского языка, характеризуются целые классы и разряды производных слов русского языка: практически весь корпус отвлеченных существительных с суффиксами *-ение, -ние, -тие, -ие, -ота, -ета, -ость, -есть, -ина, -ба, -тва, -да, -ство, -ствие, -знь* и др; личные имена с суффиксами *-ник, -еник, -тель, -ец, -ица*; существительные и прилагательные отрицательной семантики с суффиксами *без-(бес), не-*; производные с префиксами *во-, воз-(вос-), из-(ис-), низ-(нис-), пре-, пред-, раз-(рас-), со-, чрез-* и пр.; сложные слова с корнями *благо-, бого-, велико-, добро-, ино-, ново-, руко-, само-, слово-, едино-* и др. Даже наименее употребительные

из старославянских моделей дают на русской почве большее количество производных, чем в современном церковнославянском. Например, существительные с суффиксом *-ба*. Их состав значительно расширен производными именами, образованными в русском языке по старославянской модели: *борьба, волиба, ворожба, гульба, женитьба, косьба, молотьба, пастьба, стрельба, тяжба, ходьба* и др. Данные примеры иллюстрируют усвоение и активное функционирование в русском языке одной из наименее продуктивных старославянских словообразовательных моделей. Наиболее продуктивные модели в классе отвлеченных существительных — с суффиксами *-ость, -ение, -ство*. Показательно, что существительных с суффиксом *-ение* и с фонетической приметой, безусловно свидетельствующей о славянском источнике (жд в соответствии с русским ж), в русском языке в 4,5 раза больше, чем в самом старославянском языке, и в 4 раза больше, чем в современном церковнославянском. Общее количество таких производных в русском составляет более сотни лексем. Так, генетическими славянизмами являются слова: *вырождение, деторождение, живорождение, зарождение, месторождение, перерождение, яйцерождение; местонахождение, первоисхождение, прохождение, происхождение, расхождение; древонасаждение, лесонасаждение, насаждение, осажение; высвобождение, самоосвобождение, освобождение; вождение, кораблевождение, самолетовождение, судовождение, танкововождение* и т. д. Но гораздо важнее не количественные показатели, а то, что церковнославянские модели в русском языке являются и сегодня живыми, действующими, они служат для пополнения словаря русского языка.

Русский литературный язык продолжает хранить славянизмы как устойчивые и продуктивные механизмы словообразования и фразообразования, как значительную часть своего словаря, морфологии (церковнославянскими по происхождению являются разряды причастий, формы превосходной степени прилагательных, номинатив местоименных прилагательных мужского рода на *-ый*). В нем воспроизводятся структурные модели словосочетаний, фразеологизмов, синтаксических структур, сформированных под влиянием церковнославянского языка (*по обычаю, по решению, по окончании, день встречи, день испытания, слезы радости, помощь ближнему, делом и словом, плоть от плоти, с головы до пят, со страхом и трепетом, невзирая на лица, жизнь есть свет, да сгинет тьма, да сбудется желание, мир вам!* и др.). Славянизмы в русском языке формируют целые фрагменты стилистически высокого дискурса. Для текстов разных стилей (в особенности для публицистического, делового и научного) характерно употребление выражений, целиком состоящих из генетических славянизмов: *язык есть средство международного общения, средство укрепления взаимопонимания между представителями разных стран; ответственность за духовное*

состояние общества; величие и слава отечества, есть закон и есть справедливость и др., что говорит об их важной строевой роли для русского литературного языка.

В последние десятилетия развивается динамичная языковая ситуация, отражающая на постсоветском пространстве, как последствия дезинтеграционных процессов, так и признаки позитивных изменений. В связи с восстановлением позиций Русской православной церкви в России воссоздаются условия для изучения и преподавания церковнославянского (общеславянского литературного) языка. В условиях всестороннего международного сотрудничества получают развитие новые тенденции языковой интеграции на основе русского языка, что способствует поддержанию русского языка как языка мировой коммуникации, воссозданию его духовных опор и сохранению его ценностной системы. Русский литературный язык сохраняет роль преемника общеславянской языковой традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н. И. Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках // История и структура славянских литературных языков / отв. ред. член-корр. АН СССР В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. С. 233.

² Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // К проблеме русского самопознания. Сборник статей / ред. Н. С. Трубецкой. Париж, 1927. С. 54–94.

³ Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Научный информационно-аналитический культурно-просветительный журнал / науч. ред. О. Ю. Васильева, В. В. Кравчук, В. В. Шмидт. М.: Издательство РАГС, 2009. С. 34.

⁴ Там же. С. 34–39.

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В трёх томах. Репринтное издание. М.: Знак, 2003. Т.1.С. 921–922.

Карпенко Л. В.

RUSSIAN LANGUAGE AS THE “SUCCESSOR OF ALL-SLAVONIC LITERARY LANGUAGE”

The article exams the historic distinguishing features of the Russian language as the value system, which preserves its ontological, orthodox, Church-Slavonic basis. Particular attention is devoted to the continuity of the Russian vocabulary with the Old Church-Slavonic word-formative system and vocabulary.

Keywords: Russian language, tradition, value system.

ОБРАЗНО-ОЦЕНОЧНАЯ МОТИВАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье анализируются особенности образования метафорических наименований в языке, выделяются их основные свойства.

Ключевые слова: метафора, картина мира, понятие, мотивация, национальная культура.

Антропоцентристское направление в языке предусматривает изучение языка и речи в единстве с бытием человечества, человека, поскольку языковая картина мира четко проявляется в изучении ее посредством ценностей, сотворенных рукой человека, являющихся результатом практической деятельности людей. Наименование, данное картине мира, напрямую связано с национальными традициями, в его внутренней сущности отражаются национальные познавательные понятия. В реальной действительности посредством свойств и признаков предмета и явлений определяется мотив. В мотивах некоторых метафорических наименований находят отражение быт, события, история целого народа. Язык — «зеркало» жизни этноса, тем не менее развитие языка, находясь во взаимосвязи с развитием этноса и его культуры, имеет своеобразные особенности. Язык во многих случаях опирается на свои внутренние закономерности. Образование, структура, значение и другие проблемы языковых единиц рассматриваются во взаимосвязи с национальной культурой, национальным бытием, а в их основе-семе находится культурно-познавательная информация.

Б. Касым при проведении анализа словообразовательных значений метафор рассматривает языковые единицы в когнитивном аспекте. Глубокое изучение образования метафорических наименований в казахском языке является предпосылкой анализа познавательных действий человека в языке, описания связи между языком и мышлением. Исследуя многозначность сложных наименований (*змея-стрела: 1) ядовитая змея; 2) лицемер, злодей*), омонимия сложных наименований (*латы: 1) оружие; 2) изделие быта; 3) рубрика, обобщающая близкие по содержанию материалы*), синонимичность сложных наименований (*атажұрт, ата-мекен, атақоныс — родина, отчизна, земля отцов*), ученый говорит о том, что имеющиеся в системе словообразования способы являются одним из источников пополнения словарного состава¹.

Активность метафоры как языкового явления проявляется в образовании единиц наименований. При определении наименования того или

иного явления или предмета человек широко использует свои способности метафорического мышления. Хорошо знакомые людям конкретные объекты сохраняются в их сознании в виде образов. Эти образы являются основой для образования метафор по отношению к оценке, взглядам, настроению пользователей языка. Оценка происходит при помощи «антропоцентризма». По этому поводу В. Н. Телия утверждает: «В основе тропных механизмов лежит принцип антропоизмеримости. Этот принцип проявляется в создании эталонов и стереотипов при определении качественного и количественного направлений реальной действительности»². Ученый считает, что метафоризация является одним из средств тропных механизмов.

Сходство внешней формы в наименованиях проявляется очень активно. Образование метафорических наименований чаще всего основывается на этих сходствах. Сходство внешней формы в некоторых случаях может иметь неожиданный характер. То есть встречаются факты несоответствия выбранного признака с реальной действительностью объекта. Такие наименования образуются в результате поиска сравнительного сходства внешней формы объекта или его одного признака с внешней формой другого объекта. Наименование «*желудок — асқазан*», образованное по сходству «внешняя форма» *фрейм-основа*, «внешняя форма» *фрейм-цель*, можно объяснить следующим образом: *ас* — фрейм-основа, *қазан* — фрейм-цель. «Люди, у которых болит *желудок*, должны принять соответствующее лекарство перед едой» (С. Субханбердин). «Желудок — это орган у людей и животных, который отвечает за переваривание пищи» (ТСКЯ, 61). Информация фрейм-основы «*Пища* — это питание, еда людей» (ТСКЯ, 60) была перенесена на фрейм-цель *қазан*, так было образовано новое слово. Внешняя форма тела *қазан* в фрейме *ас* в данном наименовании информация *ас* замещается в результате сходства с внешней формой фрейм-цели *қазан* на основе ассоциативного мышления. В создании наименования «казан с пищей» внутренняя содержательная структура слова направляет сознание человека к денотанту. То есть образность единства языка служит для обозначения предмета и точно определяет его лексическое значение. Поскольку мотивированность наименования определяет подборку мотивированных признаков слов *ас* и *қазан*, то языковые единицы признаются мотивированными единицами. Аналогично данному названию образуются и такие языковые единицы, как *жыланқұрт, ішек. Жыланқұрт (аскарида)* — аскариды, находящиеся внутри желудка людей или животных (ТСКЯ); «В организме людей встречается более ста видов червей» (Е. Оразакоев). «Аскарида, когда ей нечего есть, не умирает. Она начинает есть свое тело. Потом как ни в чем не бывало продолжает свое существование» (Журнал «Мөлдір бұлақ»).

Кишкі — 1. Один из внутренних органов людей, домашних животных, зверей, отвечающих за переваривание пищи (ТСКЯ; 10-т. 455). 2.

Орган после желудка, переваривающий пищу (Анатомия человека, 92). *Слепая кишка* — нарост в месте, где тонкая кишка присоединяется к толстой, находится в правом боку в организме людей (ТСКЯ, 8-т. 329); *Тонкая кишка* — нарост в месте, где органы пищеварения присоединяются к толстой кишке (ТСКЯ, 8-т. 329); *Прямая кишка* — последняя часть пути пищеварения в организме людей (АА, 92); *Толстая кишка* — часть кишки в организме людей и животных, находящаяся после тонкой кишки (ТСКЯ, 9-т. 167); *Двенадцатиперстная кишка* — начинается от желудка и продолжается до тонкой кишки (АА (Адам анатомиясы), 89).

Информация «тонкий, длинный», «извилистый», заложенная в гнездах фрейм-основы *змея, кишка*, замещается для наименования объектов, связанных с сходством внешних форм предметов в фрейм-целях «червь», «тонкая, толстая, прямая, слепая, двенадцатиперстная». В наименовании болезни *көктүйнек* (заворот кишок) — а) незрелый, б) заворот кишок (ТСКЯ, 407), образованное на основании сходства, содержит в себе три фреймовых отношений в создании метафорического наименования. В данном наименовании вид болезни фрейм-цель, основой его являются два фрейма *көк* — *синий и түйнек* — *заворот*. Если мы обозначим условно фреймы, участвующие в создании наименования, образованного по внешнему сходству предметов, *көк (синий)-Ф1, түйнек (заворот)-Ф2, ауру түрі (вид болезни)-Ф3*, то мы обнаружим, что в первую очередь, сходство проявляется между Ф3 и Ф2. Болезнь с *резкой и сильной* болью приводит к замещению значительной функции. На участке Ф2 произошел обмен информацией (после обмена в связи со сходством внешней формы Ф3 Ф1(Ф2(Ф3))). В данном случае под влиянием сходства фрейм-основы Ф2 полностью вливается в фрейм-цель Ф3, только в ассоциативном плане обозначает *посинение* человека от резкой и сильной боли в кишках. Внутреннюю структуру слова можно представить, изобразить как «*посинение лица человека от резкой боли*». Активность сходства в образовании наименования изображает сложность создания образа во внутренней значимой структуре слова.

Познавательность, образность метафорических наименований, образованных в целях необходимости, вначале проявляются отчетливо, затем постепенно слабеет. А поскольку значение образно-оценочных метафор определяется в процессе употребления, их изобразительность проявляется более отчетливо по сравнению с двумя первоначальными. В силу прагматической необходимости метафора является основным средством формирования представления о замысле, который говорящий должен донести до адресата. Поэтому метафоры, применяющиеся в прагматических целях, отличаются *экспрессивностью, оценочностью*.

Метафорические наименования применяются в различных настроениях, целях в результате оценки образности единиц носителями языка. Оценка свойств, функций, других признаков предметов может переда-

ваться *положительными* или *отрицательными* дополнительными значениями. Отбор носителями языка сведений в прагматических целях, содержащихся в фонде знаний, которые получают из языковых единиц, обозначение ими предметной сущности или абстрактного понятия связано с образом сформированным в сознании. Н. Д. Арутюнова считает: «Метафора — это, в первую очередь, средство выделения особенностей конкретных предметов и явлений, оценочные метафоры, перемещая предметы в другие категории, выделяют и обособляют их»³.

Номинативные сочетания: *қол қусырды — сидеть сложа руки, төрттүлігі санға жетсе — досл. увеличить приплод домашней скотины, Сұм дүние* эуре қылған жұрттың көбін, аударып *ақпейілін бұзықтыққа* — Жестокий мир породил множество смутьянов. **Фразеологические единицы:** *Ит арқасы қиында* (далеко), *қан жілік болу* (уставать), *көзінен қанды жас ағу* (плакать), *қызылөңеш* (говорить много), *Сарымайдай сақтау* (беречь как зеницу ока) и т. д. **Пословицы и поговорки: Крылатые выражения** (афоризмы): *Арғымаққа міндім деп, артқы топтан адаспа — Не отрывайся от группы, только лишь потому, что ты на скакуне* (Асанкайгы). *Өсек найзадан да өткір — Сплетня острее, чем молния* (А. Навои).

Анализируя особенности функции в образовании метафорических наименований в языке, можно выделить следующие их свойства и особенности:

- метафорические явления в сложных наименованиях — как результат мышления и познания человечества;
- метафоры в сложных наименованиях формируются на основе законов сходства;
- метафоры в сложных наименованиях — результат сравнения ассоциативных признаков реалий;
- метафоры в сложных наименованиях: развитие между основным и новым значениями;
- метафоры в образовании сложных наименований — проявление в языке явления компрессии, экономии слов; • в формировании метафор проявляются национальные особенности, эмоционально-экспрессивная окраска.

При образовании нового наименования основное лексическое значение подвергается изменениям, оно теряет свое первоначальное значение, семантическое значение его компонентов приобретает новое значение, образуется новое понятие, наименование. В произведениях М. Жусупа: «Показывает слабым свое превосходство» (М.Ж.) в данном контексте номинативное значение сочетания *жуан мойын* говорит о толстой, сильной шее человека, а в фразеологическом сочетании имеет значение показывать свою силу, превосходство над слабыми. Номинативное значение *жуан мойын*, являясь фразеологическим сочетанием, не может передавать его первоначальное прямое значение.

Явление метафоризации в языковых единицах образуется в силу применения одного объекта дальних групп вместо другого. Эти действия объектов имеют место в результате оценочности. Н. Д. Арутюнова

утверждает: «Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется. Мотив оценки всегда имеет объективный характер»⁴. Человек не ограничивается лишь тем, что дает наименования объектам окружающей среды. Вместе с тем они оцениваются, в соответствии с оценочностью они приобретают различные дополнительные значения. Виды оценочности классифицированы в работе Н. Д. Арутюновой⁵.

Сенсорная оценочность основывается на воздействии предметов и явлений внешнего мира посредством органов восприятия человека. Например, человек воспринимает холод как «отрицательное» явление, а тепло — как «положительное». В соответствии с этим первый компонент наименования *суыққол* — несет отрицательную семантику и передает образ вора. Как видно из данного примера, в создании наименований большое значение имеет оценочность предметов и явлений из окружающего людей мира.

В языковом употреблении, особенно в метафоризации отклонение от определенных стандартов несет в себе отрицательную семантику. Например: «Кенжегара өзі де сол *арамтамақтардан* құтылуға асық еді» — «Кенжегара и сам был рад поскорее избавиться от *туняедецев* (тот кто не трудиться)» (Г. Мусрепов); «Арғынның *тоңмойыны* Қуандық кімнің еркелігін көтеруші еді, соңыма түсіп кеп берсін» — «*Упертый* Қуандық из рода аргын не терпел ничьи капризы, начал преследовать меня» (Г. Мусрепов). В вышеприведенном примере «*туняедец* (букв. *незаработанная еда, туняедец, паразит* — арамтамақ) — это единица с отрицательным значением. Противоположное положительному значению «честный» понятие «нечистый» образует отрицательное значение. Образование наименования «*тоңмойын* — *упертый*» связано с передачей семантики «*упертый*», «*упрямый*» человек со схожестью семантики «неподвижности» шеи, то есть посредством сходства внешней формы данное слово приобрело отрицательный оттенок. Данное значение конкретизируется с помощью лексемы «тоң — затвердевший». По цели высказывания говорящего слова с метафорическим значением применяются для передачи различного настроения степени наименования. Кроме того они являются причиной порождения отрицательного значения. Такая оценочность посредством стереотипов и норм мира, созданного самим человеком, приобретает свойства *хорошего/плохого*. Образно-оценочным метафорам свойственны экспрессивные значения. Например: *Үлкен ағамның үйленгеніне аттай сегіз жыл. Бір шикіөкпе дегенге зар еңірейді* — С тех пор, как женился мой старший брат, прошло восемь лет. У них до сих пор нет *младенца* (М. Магауин). В употреблении слова *шикіөкпе* имеется различная эмоционально-экспрессивная окраска. Языковые единицы, выступающие в роли наименования, имеют различные свойства в их употреблении. Мотивированные наимено-

вания в связи с различными их свойствами могут отражать различные оттенки чувств в соответствии с *положительной/отрицательной* оценкой данных свойств. Например, *Арамтамақ* (туняедец, бездельник), *тоңмойын* (упертый, упрямый человек), *шикіөкпе* (малыш, младенец букв. *сырое легкое*), *құрсұлдер* (обессиленный человек), *көзі соқыр* (невежда), *сужүрек* (трусливый), *сұмұрын* (слабовольный), *шүйкебас*: (*шутл.-ирон. девушка, молодая женщина*), *шөпжелке* (*пренебр.девчушка*), *жезтырнақ* (*баба-яга*) — 1. Миф. Сказочный персонаж с длинными острыми когтями. 2. *Кровопийца, злодей* (ТСКЯ). В данных примерах четко проявляется образность внутренних значимых структур замещений. В речи наряду с метафорическими наименованиями, передающими такие чувства людей, как *жек көру* — *ненавидеть*, *кек тұту* — *мстить*, *менсінбеу* — *пренебрегать*, *мүсіркеу* — *сочувствовать*, *аяушылық* — *жалеть*, обозначают также *таңданыс* — *восхищение*, *сүйсіну* — *любоваться*, *мақтаныш* — *гордиться*, *көтермелеу* — *поощрять*. В примерах четко проявляется образность при переходе значений из одной категории в другую. Метафоричность данных наименований связана с контекстом, поскольку они применяются в прагматических целях, то есть для передачи личного взгляда, настроения человека.

В ходе исследования метафорических наименований разделение их на познавательные-номинативные и образно-оценочные необходимо, во-первых, для обозначения объектов, нуждающихся в метафорических наименованиях, во-вторых, используя ассоциации фоновые знаний языковых единиц, они выполняют прагматическую функцию посредством сформированных новых понятий и метафоризации наименований в целях передачи настроения. Образность ассоциотивно-оценочных метафор в отличие от других метафор выделяется двусторонностью внутренней значимой структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Қасым Б. Қ. Күрделі аталым жасалымы: Когнитивті-дискурстық ұстаным. (Зерттеулер). Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. 383 б.

² Телия В. Н. Вторичная номинация ее виды //Языковая номинация. Виды наименований. — М., 1977. — С. 129–221.

³ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). М.: Наука, 1988. С. 149.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 37.

Kasym B.

FIGURATIVE AND EVALUATIVE MOTIVATION OF METAPHORICAL DENOMINATIONS AND THEIR FUNCTIONAL ACTIVITY

The author analyzes specifics of the metaphor formation and describes their basic characteristics.

Keywords: metaphor picture of the world, the concept of motivation, national culture, national life, cultural mixing.

Касымова Рашида Таукеловна

Казахский национальный
педагогический университет имени Абая, Казахстан

rashida-kas@mail.ru

ОБЫДЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ СЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматриваются индивидуальные обыденные толкования слов в языковом сознании казахов. Данная работа представляет собой анализ результатов анкетирования, проведенного в Казахстане в 2013–2014 гг. Эксперимент проводился в рамках проекта создания разноязычного сопоставительного словаря бионимов.

Ключевые слова: наивная картина мира, бионимы, обыденная семантизация.

Согласно лингвокогнитивному подходу, в основе языкового сознания лежат вербализованные когнитивные структуры. «Языковое сознание как условие существования всех других форм сознания выполняет ряд **функций** когнитивного характера: отражательную (она конституирует языковую картину мира системой языковых значений), оценочную, селективную (отбор языковых средств в соответствии с коммуникативными намерениями общающихся), интерпретационную (интерпретация языковых, а не внеязыковых явлений)»¹. Многоуровневость языкового сознания позволяет «различать молчаливое знание, которое спрятано в «глубинах» человеческого сознания, но которое можно вытащить на поверхность, и научное знание, которого наивные носители могут просто не иметь и которое не могут обнаружить самые настойчивые поиски»².

Повышенный интерес ученых к особенностям обыденного знания вызван «...переносом фокуса на живого (познающего мир, мыслящего, чувствующего, переживающего) человека со всеми вытекающими отсюда следствиями...»³, поэтому «...параметризация действительности, находящая отображение в значении слова, должна не постулироваться «извне», а исходить от носителей определенного языка и культуры, обнаруживаясь через применение адекватных задачам исследования экспериментальных процедур и способов обработки полученных данных»⁴. Вслед за Н. Д. Голевым⁵ мы под обыденной семантизацией понимаем форму метаязыковой деятельности рядового носителя языка, которая направлена на экспликацию мыслительного содержания, представляемого словом в языковом сознании носителя языка.

Материалом для анализа послужили бионимы, представляющие собой определенную часть социокультурного контекста языка и языковой картины мира, а также результаты анкетирования. Описание значения слова *ворона* через обращение к носителям казахского языка вызвано тем, что говорящий способен внести в значение слова определенные дополнения, связанные с его знаниями об окружающем мире и личным

жизненным опытом, которые в результате влияют на обыденное толкование лексического значения слова. *Ворона* и *ворон* как единый древнейший мифологический образ характеризуется такими универсальными свойствами, как резкий крик и чёрный цвет.

Слово «*қарға*» / *ворона* определяется следующим образом:

*Қарға — тамақ талғамбай, қобіне өлексемен күнелтетін түсі қара, еті арам құс. Қара немесе сур қауырсынды тамақ талғамайтын еті арам құс. Ала (қара) ~ / Всеядная птица черного или серого оперения, питающаяся падалью, относится к нечистым (мясо птицы нельзя употреблять в пищу)*⁶.

На основе анализа приведенной дефиниции можно выделить следующие основные признаки в содержании рассматриваемого концепта: *хищная птица; черный цвет; злоеший крик птицы*. В казахском языке слово *қарға* является составным компонентом для обозначения других птиц, сравните: *ала қарға — серая ворона; көк қарға — сизоворонка; қара қарға — черная ворона; ұзақ қарға, құзғын қарға — грач*. Существует и целый ряд выражений, связанных с *вороной*: *◇ Қарға адым жер — незначительное расстояние (букв.: расстояние в вороный шаг); қарға бойлы — низкого роста; қарға тұмсық — остроносый (букв.: вороный клюв); қарға тамырлы қазақ (қарға тамыр)*.

А. Кайдар дает следующее объяснение одному из этих выражений: «*Қарға тамырлы қазақ (қарға тамыр)* — (досл. ‘казахи, связанные вороньими корнями, жилками’, ‘единокровные казахи’) своим общим значением указывает на тесное переплетение генетических узлов, общность происхождения и тесных родственных связей, хотя дословное значение слагаемых компонентов не дает четкого представления об этих возможных этнических связях. Ссылка на «вороньи корни» нуждается в дальнейшем изучении. Этот фразеологизм, являющийся как бы своеобразной характеристикой казахского этноса, имеет прямое и косвенное отношение к каждому из казахов или ко всем казахам в целом»⁷. Еще одним подтверждением этому служит выражение: *Сұрастыра келсең әйелің де қарын бөле (племянники по женской линии) болып шығады* (букв.: *при распросе и жена окажется племянницей по женской линии*).

Статья базируется на эксперименте, который проводился нами в рамках межнационального проекта создания разноязычного сопоставительного словаря бионимов, объединяющего представителей шести стран. В ходе эксперимента на определение значения слова было предложено информантам-носителям казахского языка (200 участников) ответить на вопрос: *Что обозначает данное слово? Продолжите фразу: Ворона — это... (Қарға — бұл...)*.

Полученные результаты

При анализе письменных ответов информантов было получено повторяющихся реакций — 11, неповторяющихся реакций — 52, отказов — нет. Современные информанты — носители казахского языка — дают следующие обыденные толкования слова:

ВОРОНА: это птица 97; черная птица 22; черная-пречерная птица 6; дикая птица 5; вид птиц 5; летающая птица 5; каркающая 5; бесполезная птица 3; черная 2; каркает 2; выносливая к холодам 2; птица, которая учила человека уму-разуму; летает в небе, улетает в холодные края; жадная (завистливая); безжалостность; продает по завышенной цене, чем по той, которую установил начальник; *букв.:* одним глазом на пулю, другим — на еду; своеобразная птица; обладатель голоса, который никому не нравится; неприятный голос; неприятная птица; хороший человек, но может быть с плохими намерениями; зло; летит ввысь; хищник; крылатая птица; черная дикая птица; похожа на человека со злыми намерениями; навевает злые намерения; птица черного оперения, все время каркающая кар-кар; черная, сурового вида птица; проклинающая птица; умеет только каркать; птица, которая способна каркать (*один признак из ряда других признаков — неядерность*); каркающая птица, не взлетающая выше дерева; каркая, весной не оставляет ничего от посева; каркает, подобно стервятнику; птица, способная каркать (*главное постоянное свойство: способность производить звук*); стервятник, черного цвета, с сильным голосом птицы; птица, причиняющая беспокойство человеку; обозначение птицы; птица, черная трусливая; *букв.:* ворона своего птенца называет беленьким; самая неприятная из всех птиц; один из видов птиц, черного цвета, все, что блестит, будет украдено вороной; разновидность птиц, в холодную пору улетает в теплые края; зимой летает, в поле проклинает; зимняя птица сурового вида; зимняя птица; прилетает зимой; зимующая птица; мне напоминает зиму, и она черная; беспокойная птица; очень плохая птица, еще разносит болезни; человек со злыми намерениями; стервятник (питающийся падалью); питается падалью; грозный вид; ворона живет долго 100–200 лет и более; одна из птиц-долгожителей; ворует вещи; неприятная; большая птица 1.

К ядру концепта *Ворона* относятся следующие ассоциаты: *птица, черная птица, черная-пречерная птица, дикая птица, вид птиц, летающая птица, каркающая.*

Хотя в обыденном сознании родо-видовые отношения используются не так часто, но в качестве идентификатора при толковании значения слов, обозначающих представителей животного и растительного мира, информанты используют слова, характеризующие отношения «род — вид»: «ворона — это птица». Нельзя не согласиться с тем, что «имена естественных классов преследуют более всего идентифицирующие цели. Для них акт идентификации мало чем отличается от акта классификации. Установить принадлежность к тому или другому классу цветка, букашки, насекомого, птицы, зерна, вещества и значит его идентифицировать. Поэтому с именами естественных родов ассоциируются прежде всего внешние, чувственно воспринимаемые признаки объектов»⁸.

Нами сделан разбор толкований лексического значения слова *ворона* носителями казахского языка по методике Н. Д. Голева и М. Дебрена⁹, реакции информантов были сведены в следующие наиболее важные признаки:

- а) **таксономические признаки:** *птица;*
- б) **параметрические признаки:** *дикая птица;*
- в) **внешние и физические характеристики:** *черная птица; выносливая к холодам; крылатая птица; большая птица; одна из птиц-долгожителей;*
- г) **внутренние качества, черты характера и поведения:** *жадная; безжалостность; зло; хищник; навевает злые намерения; все, что блестит, будет украдено вороной; беспокойная птица;*

- д) **место проживания / обитания:** *летающая птица;*
- е) **питание вороны:** *стервятник; хищник; каркая, весной не оставляет ничего от посева;*
- ж) **способ организации жизни (одиноко / в стае):** *толпа, сборище (воронье); ходят толпой;*
- з) **издаваемый звук:** *каркающая; обладательница голоса, который никому не нравится;*
- и) **время активного проявления:** *зимой летает, в поле проклинает; зимняя птица;*
- к) **отношение человека:** *бесполезная птица; жадная (завистливая); самая неприятная из всех птиц;*
- л) **мифологические и библейские представления и верования:** *птица, которая учила человека уму-разуму; зло; навевает злые намерения; проклинающая птица;*
- м) **мотив выклёвывания вороном глаз у жертвы):** *ворон ворону глаз (глаза) не выклюет (не выключет). (Часто ирон., неодобр.);*
- н) **ворона — птица, которую привлекают блестящие предметы:** *один из видов птиц; черного цвета; все, что блестит, будет украдено вороной;*
- о) **всякому свое дитя милее:** *карга баласын аппагым дейді (каз.посл.) — (букв.: Ворона своего птенца называет беленьким) — Всякому свое дитя милее (рус. посл.);*
- п) **ворона — символ человеческих качеств:** *жадности (бір көзі оқта, бір көзі тамақта (каз.посл.) — (букв.: одним глазом на пулю, другим — на еду); похожа на человека со злыми намерениями; наивности: қарға келіп қарқ етті, қалғанын ішіп ол кетті (досл.: Ворона каркнула, прилетев, и улетела, довольствуясь остатками еды — об обманутом человеке).*

В казахском языке русскому выражению *белая ворона* («человек, резко отличающийся от других») соответствует *елден ала бөтен*, т. е. *букв.: 'выделяться среди людей. Резко выделяться, быть не таким, как все в чем-л.'*¹⁰. В русской народной традиции ворону считают нахальной. О рассеянном, невнимательном человеке скажут, что он что-то проворонил, то есть сидит и ворон считает, словом, ничего не делает. Русскому фразеологизму «*Ворон считать*» в казахском языке соответствует «*Ай қарап жүрсің бе?*» (*букв.: на луну глядишь что ли?*). Русской пословице Пуганая *ворона куста* боится, характеризующей такое качество птицы, как пугливость, соответствует в казахском языке *Қоян көлеңкесінен коркады* (*букв.: заяц боится собственной тени*). Эти фразеологизмы отличаются и по компонентному составу (*ворона — луна; ворона — заяц; куст — тень*), и по тому образу, который лежит в основе формирования фразеологизма. Кроме того, можно проследить, как национально-языковые представления о свойствах животных и птиц находят отражение в зооморфных характеристиках:

каз. «қарға» / ворона» — «ашкөз» / жадная; каз. «есек» / осел — «қырсық» / упрямый; каз. «шыбын» / муха / — «беймаза» / назойливая; каз. «қасқыр / волк / — «батыл» / смелый; каз. «қоян» / заяц — «қорқақ» / трусливый.

Данные опроса информантов позволяют сделать выводы о том, что:

- в языковом сознании билингва представленные индивидуальные обыденные толкования слов определяются системой ценностей, обычая, традиций казахов;
- словарные статьи, полученные в результате ассоциативного эксперимента с носителями казахского языка, отражают наивные дефиниции бионимов в языко-

вой действительности современного Казахстана, что служит материалом для лингвокультурологии, этнокультурологии, двуязычной лексикографии; – результаты анкетирования в определенной степени подтверждают данные толковых словарей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие: Флинта, Наука; Москва; 2010. С. 85.

² *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз, Вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 244.

³ *Залевская А. А.* Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 8.

⁴ *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: РГУ, 1999. С. 100.

⁵ *Голев Н. Д.* Лексикографические аспекты изучения обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово, 2010. Ч. 3. С. 205.

⁶ *Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 15-томдық. 9 том / құраст.: Ә. Ыбырайым, А. Жанабекова, Қ. Рысбергенова және т.б.* Алматы, 2011. 744 б.

⁷ *Кайдар А.* Тысяча метких и образных выражений: Казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями. Астана: Білге, 2003. 368 б. С. 209.

⁸ *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 22.

⁹ *Голев Н. Д.* Указ. соч.; *Дебрени М.* Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: В 2 т. Т. 1: А–М (АБРИКОС–МУРАВЕЙ) (480 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева // Вестник Новосибирского государственного университета: Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 90–91.

¹⁰ *Кожамметова Х. К. и др.* Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. С. 65.

Kassymova R. T.

ORDINARY INTERPRETATION OF THE WORDS AS A REFLECTION OF THE NAIVE VIEW OF THE WORLD

The article considers the individual interpretation of the words in ordinary language consciousness of Kazakhs. This work presents an analysis of the results of the survey conducted in the Kazakhstan in 2013–2014. The experiment was conducted in the framework of the project to create a multilingual comparative dictionary of bionims.

Keywords: naive view of the world, bionimy, everyday semantization.

Кириченко Светлана Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

svetlana-kiritchenko@yandex.ru

Ракидель Гийом

Министерство иностранных дел, Франция

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена раскрытию смысла, заложенного в лексеме «интеллигентность», функционирующей в современном русском языке. Для анализа взяты материалы Национального корпуса русского языка, а также результаты проведенного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: лингвокультурная общность, концепт, русское языковое сознание, концептуальный признак.

Язык, по утверждению К. Леви-Стросса, есть «специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов». Формирование же культурного кода непосредственно связано с содержанием концепта как единицы языковой картины мира, отражающего особенности культуры и мировидения определенной лингвокультурной общности¹. Одним из базисных национальных концептов в русском языковом сознании является концепт *интеллигенция*, репрезентирующийся, прежде всего, через производную лексему *интеллигентность*.

Какой смысл мы, как лингвокультурная общность, вкладываем в понятие «*интеллигентность*», является ключевым вопросом при выявлении концептуальных признаков лексемы *интеллигенция*.

Интеллигентность (от прилагательного *интеллигентный* в значении 1) ‘свойственный, присущий интеллигенту, интеллигенции’ и 2) ‘обладающий большой внутренней культурой’²) обозначает свойство, присущее представителям определенного слоя социума.

Интеллигентность как свойство, присущее интеллигенту, определяется, прежде всего, наличием эрудиции, стремлением к знаниям:

Свободное владение русским языком, хорошее знакомство с русской литературой были первейшим и непреходящим признаком и условием *интеллигентности* («Жизнь национальностей», 2001.03.16)³.

Интеллигентность неразрывно связывается членами социума с образованностью, с одной стороны, и, как следствие, способностью к мыслительной и, вообще, к любой умственной деятельности, с другой:

Потому что знания, образование, наконец, само понятие *интеллигентности* ко многому обязывают. И, прежде всего — к *размышлению* («Вестник США», 2003.11.26).

Безусловным признаком *интеллигентности* является знание правил речевого этикета, принятых в русской культуре:

По тому, как пользуется индивид *правилами речевого поведения*, в определенной степени можно судить о его общей культуре, воспитанности, *интеллигентности, о его умении вступать в контакт с окружающими* («Жизнь национальностей», 2000.03.24).

Интересен тот факт, что *интеллигентность* представляет собой свойство, присущее работникам творческих профессий, людям, работающим в сфере культуры:

Зрители любят его за теплоту и душевность исполнительской манеры, *за сочетание непринужденности и интеллигентности*, с которыми он ведет телепередачи и концерты» (AIF.ru, 25.09.08);

Он не делил людей по сословному признаку, хотя *необходимость интеллигентности* для человека, занимающегося сочинением серьезной музыки, всегда отмечал, и очень строго, — это входило в состав его критериев («Наш современник», 2003.12.15);

Наделенный притягательным *сценическим обаянием*, и отличающийся *интеллигентностью* актерской манеры (izvestia.ru, 10.04.2008).

Однако *интеллигентность* как свойство, присущее интеллигенту, может быть утрачена в случае ухода его во властные структуры:

К сожалению, *власть и интеллигентность, нравственность, мораль несовместимы* (izvestia.ru, 21.11.07);

...а *пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности* (izvestia.ru, 17.01.08);

Ум и интеллигентность мешают их обладателю слепо выполнять приказы сверху (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)).

Интеллигентность отличает присутствие большой внутренней культуры, богатого духовного мира:

Но если *интеллигентность* — это не сумма знаний, а *нечто внутри человека*, то мама по своей сути была образцом интеллигентной женщины («Вечерняя Москва», 2002.04.11);

Внутренняя интеллигентность, одухотворенность выделили бы ее из толпы («Семья», 2001.11.14);

Сахаров, например, писал о своем товарище детства, в котором его «привлекала национальная еврейская *интеллигентность*, не знаю, как это назвать — может, *духовность*, которая часто проявляется даже в самых бедных семьях (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)).

В современном русском национальном сознании обнаруживается сочетание *интеллигентности* и *деловитости*, что свидетельствует об изменении стереотипа о непрактичности и бездеятельности интеллигента. Ср., например:

Интеллигентность сочетается в журналистах «Известий» с деловитостью (izvestia.ru, 13.03.07).

Интеллигентность проявляется через определенное отношение к людям:

Он — пример виртуозной дирижерской техники и глубочайшей *интеллигентности в отношениях с оркестрантами* (Юрий Башмет. Вокзал мечты).

Интеллигентность может быть врожденной, но не может передаваться по наследству. Ср.:

Похоже, только *врожденная интеллигентность* российских народных масс уберегла модератора слушаний — префекта Центрального округа Алексея Александрова и основного докладчика (izvestia.ru, 26.02.09);

...*интеллигентность по наследству* не передается и не вручается вместе с дипломом о высшем образовании (izvestia.ru, 21.06.07).

Это подтверждает мысль режиссера А. Прошкина о дифференциации понятий образованность и *интеллигентность* в современной действительности:

К сожалению, у нас почти не осталось интеллигенции в русском понимании этого слова — некоего слоя людей, которым стыдно, которые понимают, что они должны что-то сделать, чтобы ситуация изменилась к лучшему: что-то написать, крикнуть, дать денег, составить программу... Остаются лишь интеллектуалы, образованные люди. Но каждый из них живёт сам по себе (А. Прошкин. АиФ. № 24, 2008).

Интеллигентность обусловлена в русском национальном сознании благородством («*Интеллигентность и благородство* этого человека захватывали» (izvestia.ru, 07.04.08)), воспитанностью («Его злила и раздражала *интеллигентность и воспитанность* Юрия Любимова, который тоже не хотел подчиняться его деспотизму и хамству» (Владлен Давыдов. Театр моей мечты)), мягкостью и скромностью («*И* все до единого, писавшие о нем, отмечают, наряду с его обширными знаниями, тонким вкусом и пониманием поэзии, необыкновенную *мягкость, вздумчивость, интеллигентность, скромность*» («Вестник США», 2003.06.25)); добротой отзывчивостью, чуткостью («*Скромность, интеллигентность, высокая эрудиция, доброта, объективность, отзывчивость, внимательность, чуткость к окружающим* были неотъемлемыми его качествами» («Лесное хозяйство», 2003.12.23); независимостью и патриотизмом («*Интеллигентность, я думаю, — это прежде всего способность мыслить самостоятельно и независимо, это жажда знаний и потребность приносить эти знания, как говорится, на алтарь отечества*» (Александр Городницкий. «И жить еще надежде»); умом и целеустремленностью («При встрече с Вячеславом Тихоновым очень быстро понимаешь: это именно его *ум, интеллигентность, целеустремленность, доброту* мы узнаем в любимых героях культовых фильмов второй половины XX столетия» («Совершенно секретно», 2003.04.03); порядочностью (««АиФ» — за справедливость. От всей души поздравляю «АиФ», всех читателей газеты с юбилеем, потому что она является одним из немногих островков *интеллигентности и порядочности* в нашей журналистике. Ваша газета дает возможность обществу дышать» (AIF.RU, 2003.08.05); дисциплинированностью, фанатизмом в работе, жертвенностью и трудоспособностью («*Высокое качество* и оперативность работы как творческих, так и технических его сотрудников, их *интеллигентность, дисциплинированность, из-*

вестный радиный фанатизм, жертвенность, трудоспособность делали практически неограниченным творческий потенциал передач» («Наш современник», 2003.12.15); нравственностью и высокими жизненными принципами («Осенью «Радио России — Культура» уже удивило слушателей проектом «Воспоминания о Льве Толстом». Понятия *нравственности, интеллигентности, верности* не меняются» (AIF.RU, 10.12.08); деликатностью, чувством меры и такта «он являл собой образец *интеллигентности*. Он был *деликатен, тактичен и вежлив*, что помогало ему естественно находить достойные выходы из ситуаций, в которых другой человек вряд ли избежал бы скандала» (Самуил Алешин Встречи на грешной земле); толерантность («Интеллигентность — это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям» (Д. С. Лихачев. Письма к молодым читателям).

Интеллигентность связывается в сознании членов российского этносоциума с жителями Петербурга/Ленинграда:

И в поведении отличался *интеллигентностью* — Феона из Ленинграда, но по воспитанию он был не *ленинградец*, а именно *петербуржец* (Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось..);

...в ней угадывалась, как это ни странно, *подлинно ленинградская интеллигентность*, она подходила по возрасту — годы актрисы и героини совпадали (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги).

Кроме того, *интеллигентность* надо развивать:

Интеллигентность надо в себе развивать, тренировать — *тренировать душевные силы*, как тренируют и физические (Лихачев. Письма к молодым читателям).

При этом *интеллигентность* воспринимается членами российского этносоциума как исчезающее качество:

Вообще мне кажется, таких людей, — такой удивительной *интеллигентности*, такой культуры — *сегодня уже нет* (Анатолий Адоскин. Искусство, которое не прекратится никогда).

Однако в современной языковой картине мира наблюдается расширение сочетаемостных возможностей данной лексемы. Так, *интеллигентностью* определяется высокое качество товара, продукта или произведения:

...*канал*, посвященный исключительно культуре и науке, уникален еще своей *интеллигентностью* (izvestia.ru, 09.11.06);

При описании желаемого *автомобиля* используются такие понятия, как «*интеллигентность*», «*ум*», «*сила*», «*гибкость*» (izvestia.ru, 30.11.07);

Не знаю, почему его *портрет* на стене считался признаком *интеллигентности* (izvestia.ru, 16.11.07);

Стоит отметить, что эти черты — *приглушенность красок, мягкость очертаний*, то есть «*интеллигентность*» *пейзажа*, — заложены в нашем подсознательном представлении о характере среднерусской природы («Ландшафтный дизайн», 2001.11.15).

По соответствующему поведению *интеллигентностью* наделяются в современном языковом национальном сознании и представители животного мира, например, собаки:

То есть он был пожилым бездомным кобелем и со свойственной ему *интеллигентностью не возражал против того, чтобы мы пригласили его домой* — он сидел на лестничной клетке напротив нашей двери и стеснялся (Андрей Макаревич. Дом).

Интеллигентностью характеризуется место и его атмосфера:

Весь облик «Студии» дышит интеллигентностью и благородством (izvestia.ru, 25.05.08).

В русском по духу доме может предметно присутствовать и восток, и готика, но вместе с тем должны быть отражены черты *интеллигентности* его владельцев — людей, которые *интересуются русской историей и культурой* (Виктория Кручинина. Интересная штучка);

С первых же минут на вечере установилась *атмосфера доверия и доброжелательности, окрашенная отменным вкусом, интеллигентностью, скромностью* («Культура», 2002.04.01);

Интеллектуальность, *интеллигентность, изысканность* и стиль — все это создает «*Модерну*» особенное положение на театральной карте Москвы («Витрина читающей России», 2002.08.02).

Таким образом, в русском языковом сознании производное существительное *интеллигентность* концептуализируется как некий эталон:

Как есть эталонный метр и килограмм, так и они были *эталонном офицерской чести, военной интеллигентности, личной порядочности* — всего того, без чего любая армия мира рискует превратиться просто в ходящее строем вооруженное кодро («Известия», 2003.01.31).

Вследствие признания за *интеллигентностью* некой «эталонности» в русской языковой картине мира обнаруживается словосочетание *подлинная интеллигентность*.

Ср.:

Но стоит пожить с нами бок о бок какое-то время, и станет ясно, что русская *интеллигентность* — это гораздо проще, чем полагают культурологи, это прежде всего *подлинная иерархия ценностей*, адекватная нашему духовному естеству (Вячеслав Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь», 2001) —

Объединяли же всех *подлинная интеллигентность* и стремление выразить себя в печатном слове (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание).

В качестве эталона *интеллигентности* выступает в языковом национальном сознании белая гвардия:

Хочу сказать, что принадлежу к наивным мечтателям, которые хотели бы видеть современный офицерский корпус российской армии не уступающим по *интеллигентности*, образованию, аристократической привлекательности своим далеким предшественникам — *белой гвардии* (Марк Захаров. Суперпрофессия).

В современном русском национальном сознании появилось словосочетание *комплекс интеллигентности*, который возник, по-видимому, по аналогии со словосочетанием *комплекс неполноценности*:

...человек с ясно пропечатанным на лице *комплексом интеллигентности* вдруг оказался нашим современником (izvestia.ru, 19.11.08);

Выделяло другое — *комплекс интеллигентности* (izvestia.ru, 09.09.08);

У состоятельных людей в цивилизованных странах давно уже появился *комплекс интеллигентности*, синонимы которой *скромность и сдержанность* (izvestia.ru, 08.11.07).

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента (реакции на слово-стимул «интеллигентность») подтверждают контекстные данные Национального корпуса русского языка, что нашло отражение в диаграмме (рис.).

Клименко Галина Васильевна

Московский государственный лингвистический университет, Россия

gal.klim2009@yandex.ru

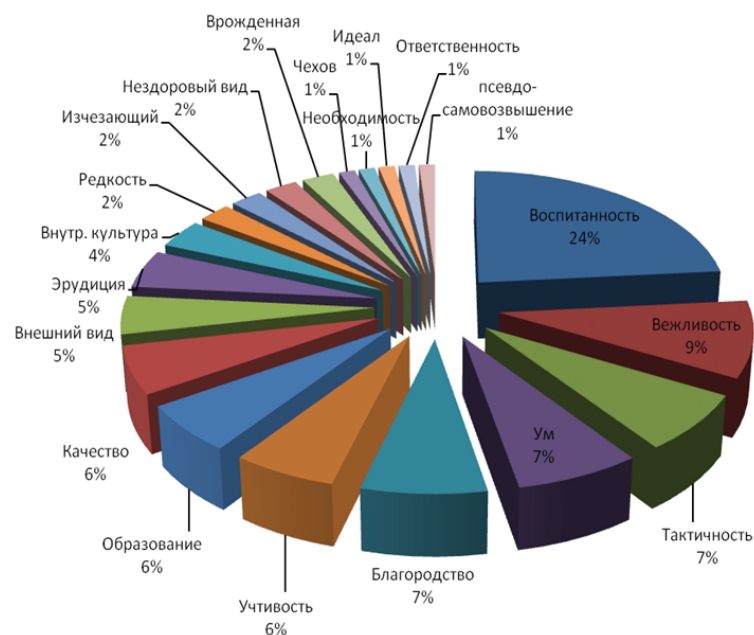

Рис. Диаграмма реакций на стимул «интеллигентность» (нач. XXI в.)

Таким образом, *интеллигентность* не относится к утраченным представителями современного общества свойствам. Однако смысл, вкладываемый в данное понятие носителями русского языка, несколько трансформировался под влиянием изменений в обществе.

ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена анализу лексического значения слов «голова», «лицо», «рука» и выявлению лингвокультурного компонента в их структуре. Автор исследует семантическую структуру, используя метод компонентного анализа и метод словарных дефиниций. Проведенное исследование позволяет уточнить семантический объем этих лексем, их сочетаемостные свойства и лингвокультурологическую ценность, что важно как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: лексическое значение, лингвокультурный компонент, части тела человека.

Проблема изучения и преподавания русского языка в лингвокультурологическом аспекте занимает важное место в науке, начиная с конца XX века. Это связано не только с расширением международных контактов и взаимодействием различных национальных культур, но также и с тем, что в этот период антропоцентрический подход в лингвистике начинает преобладать над системно-структурным.

Изучение культуры через ее отражение в национальных языках и интерпретация языковых фактов через культурный компонент представляется чрезвычайно перспективным для фундаментальной науки и, конечно же, абсолютно необходимым в преподавании иностранных языков в наше время. Объектом лингвокультурологии являются язык и культура в их взаимосвязи.

В относительно новой науке лингвокультурологии в настоящий момент уже сформировался свой терминологический аппарат. В качестве базовых единиц выделяются концепт (Т. В. Булыгина, В. Н. Телия) лингвокультурема (В. В. Воробьев), логоэпистема (Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров). При анализе внутренней структуры отдельных слов используются термины «социокультурный компонент», «национально-культурный компонент», «лингвокультурный компонент» и др.

Для наших целей был выбран термин «лингвокультурный компонент» как наиболее четко отражающий взаимосвязь культуры и языка и отвечающий целям нашего исследования. Под лингвокультурным компонентом понимается та часть содержания языкового знака, в которой отражается национально-специфическое восприятие реалий, а следовательно, элемент культуры того или иного языкового сообщества.

В рамках данной статьи была предпринята попытка описать лексические значения языковых единиц, выступающих как составляющие элементы культурных кодов. Эти значения отражают определенное видение мира носителей русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 114.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 395.

³ Примеры приводятся из Национального корпуса русского языка: <http://ruscorpora.ru/>

Kiritchenko S. V., Rakidel G.

REFINEMENT IN THE MODERN RUSSIAN PICTURE OF THE WORLD

The article is devoted to the functioning of the word “refinement” in the modern Russian language. The authors analyze contexts from the National corpus of the Russian language and results of the associative experiment.

Keywords: linguoculturology, concept, Russian picture of the world.

Чаще всего объектом лингвокультурологического анализа становится безэквивалентная лексика, логоэпистемы и лакуны, т. к. в них наиболее ярко проявляются различия в способах отражения действительности. Но эти явления уже давно отмечены лингвистами, культурологами, переводчиками и классифицированы довольно подробно. Нам же показалось интересным рассмотреть обычные, широко употребительные слова, относящиеся к немаркированной лексике.

Была предпринята попытка проанализировать структуру таких лексем русского языка, как «лицо», «голова», «рука» с точки зрения специфики плана выражения и плана содержания. Данные лексем относятся к базовой лексике любого языка. Но если их денотаты универсальны, то сигнификаты могут различаться в зависимости от мировосприятия тех или иных носителей языка.

Для исследования мы использовали метод компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции. Ценность лексикографического материала для описания семантики слов несомненна, т. к. словарная статья выявляет не только объем и содержание понятия, но нередко передает важную страноведческую и культурологическую информацию.

Обращаясь к лексеме «голова», мы видим почти полное совпадение значений в разных языках. Так, в русском языке толковые словари (БАС, МАС, Словарь Ожегова) отмечают следующие значения:

- 1) *верхняя часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного;*
- 2) *ум, рассудок.*
- 3) *руководитель, начальник; председатель некоторых выборных органов (городской голова) — арх.*
- 4) *передняя часть группы, колонны.*

Как первое (прямое), так и остальные (переносные) значения данной лексемы аналогичны составу соответствующих лексем в других языках, например, в английской лексеме «head»: *голова как верхняя часть туловища — the upper part of the body; руководитель, начальник — the head of school; ум, способность — two heads better than one; передняя часть чего-либо — the head on procession.* Во французской лексеме «la tete» присутствуют, как уже говорилось, те же основные значения: *верхняя часть туловища — la tete; ум, рассудок — la tete creuse; голова колонны — la tete de colonne*, лишь значение «руководитель» передается другими лексемами — *le chef, le maire.*

Все названные лексем (голова, a head, la tete) полисемичны и имеют схожую иерархию значений: в качестве главной родовой семы выступает обозначение верхней части туловища, в качестве видовых сем — обозначения ума, рассудка, передней части чего-либо, а также обозначение всего человека в целом с дополнительной семой «место в социуме (начальник, руководитель)».

Однако обратившись к обозначению такой важной части тела, как лицо, можно заметить, что в русском языке соответствующая лексема

намного сложнее по своей семантической структуре и «нагружена» культурными компонентами.

На первый взгляд, существительное «лицо» обладает простым и понятным денотатом, относится к конкретной лексике, имеет аналоги в европейских языках: a face (англ.), le visage (фр.). Однако анализ семантической структуры показывает сложную иерархию его значений, разнообразные типы связей между ними и, наконец, специфическую сочетаемость с именами прилагательными, а также связь с некоторыми основными концептами русской культуры.

Современные толковые словари приводят следующий набор значений:

- 1) *передняя часть головы человека;*
- 2) *перен. индивидуальный облик, отличительные черты кого, чего-л.;*
- 3) *отдельный человек в обществе, член общества;*
- 4) *передняя сторона дома, строения, фасад;*
- 5) *обращенная наружу (лицевая) сторона чего-л. (ткани, одежды и т. п.).*

Сопоставив прямое значение с производными, можно выделить еще одну сему — «наиболее заметный, важный для идентификации». «Лицо здания или города», «лицо автора» или «лицевая сторона материи» — эти переносные значения на основе метафоры или метонимии — обязательно содержат вышеуказанный компонент, например: «Лица московских фасадов» (газ. «Вечерняя Москва», 2013); «Нельзя не заметить, как сильно изменилось лицо страны за последнее десятилетие» («Российская газета», 2009).

Отдельного комментария требует значение «человек, личность, член общества». Употребление лексемы «лицо» в вышеуказанном значении является специфическим для русского языка. В европейских языках используется другая лексема — «person» (англ.), «personne» (фр.), «zelperson» (нем.).

Данное значение «человек, личность, член общества» в словарях обычно не расчленяется. Но на наш взгляд, это два разных значения. Первое содержит компонент «человек как отдельный индивидуум», второе — «человек как член общества», т. е. определяется место человека в социуме, например: «В каждой крупной фирме есть господствующая личность, главное лицо (газ. «Комсомольская правда»), «Приказчик на заводе — первое лицо после управляющего» (МАС). Оба значения связаны с ядерным, реализуя корреляцию «часть-целое». Некоторые юридические термины (физическое лицо, официальное лицо, доверенное лицо) развивают далее значение «член общества», например: «Физическое лицо сдает в аренду нежилое помещение юридическому лицу» (газ. «Центр-плюс»).

Обратившись к сочетаниям данной лексемы с различными прилагательными, можно отметить следующие факты:

- a) ядерная часть легко сочетается с самыми разными по семантике прилагательными — формы, размера, цвета, степени родства, оценивающими характер

человека или его социальный статус (*большое, круглое, красное лицо; хитрое, злобное, чужое лицо; крестьянское, царственное лицо* и т. д.);

б) все другие семы имеют ограниченную сочетаемость, например, лицо города — *интересное, оригинальное*, но не *большое, овальное*, лицо материи — *бархатистое, гладкое*, но не *длинное, круглое* и т. д.

Эти факты подтверждаются данными, приведенными в Ассоциативном словаре русского языка¹.

Вышеуказанный словарь дает также богатую информацию о национально-культурном компоненте существительного «лицо», связанного с русским концептом «душа». Среди ассоциатов отмечены: душа, душа человека, зеркало, зеркало души. Об этом же сообщает и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «Лицо человека — представитель высших духовных даров: лоб — небесная любовь, глаза — разуменье, рот — мысль и учение, губы — духовная хвала»².

Каждое полисемичное слово можно рассматривать как лексический фрейм, т. е. набор знаний о предмете, фиксируемый языковым кодом. В этом плане обозначение человека как индивидуума или члена общества словом «лицо» характерно именно для русской языковой картины мира и является специфически национальным компонентом в структуре лексемы.

Рассмотрим далее обозначение верхних конечностей человека. Во всех толковых словарях русского языка мы находим следующие дефиниции:

- Рука** — 1. Одна из верхних конечностей человека *от плеча до кончиков пальцев*; 2. О том, кто способен оказать помощь, протекцию.

Обратившись к иностранным словарям, мы видим совершенно иную картину, в которой эти части тела дробятся и соответственно появляется больше лексем: *an arm* (англ.) — рука от плеча до кисти; *a hand* (англ.) — кисть руки; *le bra* (фр.) — рука от плеча до кисти; *la main* (фр.) — кисть руки.

Такие различия демонстрируют специфику тех или иных картин мира даже в первичных, прямых значениях слов. Анализируя переносные значения, выявляем еще ряд различий, связанных непосредственно с социокультурными моментами. Так, например, только в русском языке слово «рука» может обозначать всего человека в целом: *У Антона своя рука в Министерстве; Валентин — правая рука нашего шефа*. Кроме того, в русском у данной лексемы отмечается значение «сила, власть»: *«Здесь наши западные коллеги опять увидели пресловутую «руку Москвы»* (газ. «Комсомольская правда», 2014). Нечто похожее можно встретить в английском: *the arm of law; taking the law into their hands*.

Проведенный анализ лексических значений слов «голова», «лицо», «рука» позволяет сделать вывод о том, что компоненты семантической структуры могут как непосредственно отражать культурно значимые явления действительности, так и интерпретировать универсальные знания в соответствии с культурными установками определенного социу-

ма. В нашем конкретном случае можно видеть, что даже эквивалентная немаркированная лексика может нести в себе информацию о культуре страны изучаемого языка. Так, для носителей русского языка культурно значимыми являются такие части тела, как голова, лицо, рука. Это подтверждается тем, что соответствующие лексемы используются не только как обозначения частей тела, но и как обозначения всего человека в целом и даже указывают на его место в социуме.

Актуальность аспекта «Лингвокультурология» в обучении иностранным языкам в настоящее время не вызывает сомнений. Комплексный подход, сочетающий собственно языковую подготовку и знания культурологического характера, обеспечивает адекватное восприятие неродного языка. В учебных условиях постичь все культурное многообразие, конечно, невозможно, однако можно снабдить учащегося приемами выявления лингвокультурного компонента, сформировать соответствующие мотивации для осмысления культурного кода изучаемого языка. Лингвокультурологический анализ, базирующийся на семантическом анализе, может быть эффективен в практике преподавания русского языка как иностранного, т. к. способствует формированию не только лингвистической, но и культурной и коммуникативной компетенций иностранных учащихся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасова Е. Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. От стимула к реакции. М., 1994. С. 142.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М.: Русский язык. Медиа, 2003. С. 258–259.

Klimenko G. V.

PARTS OF HUMAN BODY IN THE ASPECT OF LINGUOCULTURAL STUDIES

The article is devoted to the analysis of lexical meaning of words «head», «face», «arm» and the identification of linguistic-cultural components in the structure of these lexemes. The study allows to specify the semantic structure and crosscultural values of the words. This research has both theoretical and practical value.

Keywords: lexical meaning, linguistic-cultural components, lexemes «head», «face», «arm».

НАИМЕНОВАНИЯ И ОБРАЗЫ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье описываются наименования и образы головных уборов в русской лексике и фразеологии. Проводится анализ того, как воплощается в семантике разных языковых знаков культурная информация. Обосновывается идея особой значимости идиом в процессах семиозиса культуры.

Ключевые слова: номинация, фразеологизм, костюмная метафора, головной убор, коннотация.

Информация о головных уборах, сложенная за всю историю костюма, и те смыслы, которые культура соединила с образами головных уборов, входят в семантику языковых знаков. В лексике номинации головных уборов обозначают реалии материальной культуры; культурно значимая информация входит своими «добавками» в денотативный аспект значения лексических единиц. В однословных номинациях указаны основные виды головных уборов в русской культуре: *шапка, шляпа, платок, колпак, шлем, берет, кепка, фуражка*. Названия головных уборов указывают на материал изготовления (*кабардинка, бархатка*); способ изготовления (*валёнка, катанушка*), форму (*треуголка, косынка, бескозырка*), место создания, распространения (*панама, кубанка, ленинградская шапка*). Однословные наименования головных уборов могут создаваться с помощью метонимии, синекдохи (*боливар, буденовка, колчаковка*) или метафоры (*котелок, «пирожок», «гоголь», «колокол», «носок», «труба»*). Особую роль играют этнографические термины: *кика, кокошник, повойник, головодец, грешневик* и др. Большинство иноязычных названий полностью (или частично) освоены русским языком: *цилиндр, панама, чепец, сомбреро*; какие-то остаются экзотизмами: *слауч, акубра, клош*. Составные атрибутивные наименования представлены в трех конструкциях; они ограничивают предмет по материалу; способу; месту изготовления; времени; месту; виду использования; профессиональному статусу носителя; полу; возрасту.

В метафорических сочетаниях, коллокациях, образы головных уборов отрываются от «костюмной» сферы и широко используются для описания окружающего мира. Метафоры *шапка снега, снежная шапка вулкана* и т. п. основаны на семах «покрывающая поверхность», «положение вверху», «круглая форма». *Создается антропоморфная картина: как*

люди, в шапках стоят покрытые снегом вершины гор, деревьев, ледяные вершушки утесов и айсбергов, крыши домов, наверхия памятников, а также растительный мир (шапки цветов, шапки (шляпки) грибов). В артефактивной сфере используется метафора *пена шапкой* (про пиво, кофе, шампунь). Ср. также имя собственное *Красная Шапочка*, в нем абсолютизируется характерная черта персонажа. Ср. *красная шапка* — «1. Посыльный; 2. устар. Рекрут, солдат». Во фразеологии расширяются составные наименования, основанные на уподоблении части — целому, с вкрапленной цветовой символикой: *зеленые береты, голубые береты, черные береты, краповые береты* и т. д.; они содержат коннотации с идеями особенности и маркирования «своих». Волосы человека уподобляются шапке на основании сем «покрывающая поверхность», «положение вверху», «круглая форма» (*шапка волос/ кудрей*). На семах «положение вверху», «покрывающая поверхность», «включение во что-л.» основаны коллокации *статья под шапкой, дать общую шапку*; метафора «шапка» используется при описании верха автомобиля. Не столь активны коллокации со «шляпой» и «колпаком»: *шляпка гвоздя, спортивный кубок «Большая шляпа»; колпачок ручки, железный колпак, броневой колпак, стеклянный колпак; при этом издавна бытует однословная метафора колпак*, указывающая на недальновидного или излишне доверчивого человека; колпак, по метонимии, отождествляется с головой человека. Уподобление человека — бытовой вещи и ее связь с образами шутовства в культуре вызывают негативные эмоции. Ср. *околпачить, надеть шутовской колпак* на кого. (Про *шляпу* см. ниже).

В однословном употреблении и коллокациях активна метафора «корона», которая используется для именования природных реалий (*крона деревьев*), а также соматических элементов (*уложить волосы короной, зубная коронка*). *Короной* называют ореол вокруг Солнца, видимый во время затмения; см. также составные термины — созвездия *Корона Северная* и *Корона Южная*. Метафора «корона» передает древнейшую идею верховной власти, закрепленную за данной реалией в культуре: *корона* — «1. Власть монарха; 2. Государство, правительство в монархических странах». Ср.: *сложить с себя корону, отказаться от короны, сохранить корону, бороться за корону, служить короне, быть под началом короны, подданные короны, владения короны*. Переосмысление социального верха как достижений в той или иной деятельности, самого ценного, показательного, главного легло в основу коллокаций *коронный номер, коронное выступление* и др.

Во фразеологизмах-идиомах культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения. Идиомы выполняют собственно языковую и культурную функции: образно передают информацию о происходящем в мире и транслируют культурные смыслы, прескрипции культуры. В основу внутренней формы идиом попадают

уже окультуренные сущности, и идет связывание, рождается культурная значимость¹. Идиомы с «костюмными» компонентами распределяются по различным денотативным областям.

1. Духовная область. Две книжные идиомы с компонентами *венец* (*венюк*) создают образ страдания и жертвенности. *Терновый венец* <венюк> — ‘Мученичество, страдания’. Источник возникновения — Библия (Евангелие от Марка 15:17). *Принять мученический венец* — ‘Пострадать, умереть в тяжелых мучениях’. В эту же рубрику входят также идиомы, в образах которых семья предстает как освященный религиозным обрядом союз: *идти под венец* <к венцу> (*вести под венец*) — ‘Выходить замуж, жениться’.

2. Человек в деятельности. Идиома *Тяжела ты, шапка Мономаха!* — ‘О тяготах высокого социального положения, требующего труда и повышенной ответственности’. Восходит к заключительным словам сцены «Царские палаты» драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Ср.: «Меня била нервная дрожь. Шапка Мономаха оказалась тяжела. Ее несут те, кто жаждет власти» (В. Токарева «Один из нас» (1994))². Фразеологизм играет роль языкового стереотипа власти и сопряженного с ней груза ответственности.

Идиома *по Сеньке [и] шапка* <не по Сеньке шапка> — ‘Заслуженно. О справедливой, обычно низкой, оценке’. Восходит к поговорке *По Сеньке шапка, по Ерёме колпак (кафтан)*. Окказионализм *не по Хуану сомбреро*. Фразеологизм *по Сеньке шапка* является языковым эталоном соответствия, справедливой оценки. Высокая оценка качеств и свойств человека, проявленных в деятельности, ярко воплощена в единицах: *лавровый венок* <золотой венок> / *венчать лавровым венком* — ‘Символ славы, победы, награды’. Образ восходит к древнейшим ритуалам мировой культуры и закреплен в идиомах.

Идиома-комментарий *Дело в шляпе* — ‘Всё хорошо; благополучный результат, завершение (говорится с одобрением; иногда с иронией)’. Ср. поговорку: *Отрубил, да и в шапку*. Идиома символизирует решение, успешный результат.

Идиома *о шапочному разбору прийти* <явиться> — ‘К самому концу распределения чего-л. значимого; быть вынужденным довольствоваться чем-л. малоценным’. В образе идиомы компонент «шапочный» символизирует конечность, предельность чего-л.; в целом, идиома является стереотипом досадного опоздания.

Шапка издавна придавала человеку уверенности, и этот смысл «входит» в семантику идиомы, которая описывает излишне уверенного человека: *шапками закидать* — ‘Легко справиться, одолеть’. Образ идиомы основан на преувеличении роли количества вещей над возможностями их использования по назначению. Та же идея самоуверенности, но решенная в положительном смысле, прочитывается в идиоме *доставать/до-*

стать кролика из шляпы — ‘Неожиданно представить результат, удивить быстрым исполнением желаемого’. Идиома является языковым стереотипом неожиданного результата без наблюдаемых необходимых действий.

Целый «круг» идиом с компонентом *колпак* описывает действия, предпринимаемые по отношению к человеку. *Быть под колпаком* <попасть под колпак> — ‘Находиться под постоянным надзором, обычно — совершив неосторожность, дав повод для подозрений’. *Держать под колпаком* <укрыть, посадить под стеклянный колпак>. ‘1. Тщательно оберегать от внешних воздействий, от любых трудностей. 2. Тайно наблюдать за кем-л.’ *Жить под колпаком*. ‘Быть отчужденным, оторванным от внешнего мира’. В образах идиом компонент *колпак* символизирует улавливание кого-л., фиксирование чего-л.; в целом, фразеологизмы играют роль стереотипа ограничения деятельности.

Идиома *иметь шапочное знакомство*, восходящая по своему образованию к этикетной кинеме «снимать головной убор перед кем-л.», имеет два значения, одно из которых связано с описанием человека в деятельности — ‘1. О неглубоком знании, не систематизированных, не усвоенных сведениях’. Идиома выполняет функцию стереотипа поверхностных знаний, отсутствия владения предметом.

3. Поведение человека: этикет и этика. Идиома *иметь шапочное знакомство* — ‘2. О неблизких отношениях с кем-л., ограниченных приветствием при встрече’. Данная идиома в контексте может актуализировать неодобрение и описывать человека ловкого и расчетливого. Ср.: «Для русского человека *шапочное знакомство* с графом или князем лучше всяких тесных дружеских отношений» (Н. В. Гоголь «Мертвые души» (1842)). Речевая формула *Шапки долой!* — ‘Приказ снять головные уборы’ (воен., устар.). В данной идиоме «костюмный» верх переосмысливается как верх социальный; такое социальное переосмысление нашло отражение в различных единицах: *высшие силы, верховный правитель, высший чин, ваше высочорodie* и др. Идиома *ломать* <ломить> *шапку* — ‘Кланяться’. Подразумевается, что тот, перед кем снимают шапку, занимает высокое социальное положение. В русской литературе фразеологизм *ломать шапку* приводится обычно в отрицательной форме; в образе идиомы абсолютизируется не этикетная семантика кинемы, а поведенческая семантика — заискивание перед кем-л. В образе идиомы глагол *ломать* выражает идею уничтожения своей одежды, которая, по метонимии, замещает самого человека. Тем самым, эксплицируется идея самоуничтожения, которая вступает в противоречие с установками культуры, предписывающими утверждать честь и достоинство человеческой личности. Идиома *снимать / снять шляпу* <реже — шапку> — ‘Выражать своё глубокое уважение в отношении кого-л. (говорится с одобрением, иногда с шутивным оттенком)’. Этикетная семантика кинемы «снимать головной убор перед кем-л.» в идиоме переосмыслена как почтение, признание

достоинств кого-либо. Идиома *шутовской <дурацкий> колпак [надеть, нахлобучить]* <Нарядить в дурацкий колпак> — ‘Обмануть, одурачить; оскорбить, унижить’. Ср. выше *колпак, окопачить* — ‘Обмануть, одурачить’. Образ идиомы восходит к идеям шутства и вышучивания, идиома является языковым стереотипом насмешки.

4. Внешние качества и внутренние свойства человека. Идиома *аршин с шапкой <метр с кепкой>* имеет два значения — ‘1. О ребенке или человеке маленького роста; 2. О слишком молодом и неопытном человеке для понимания чего-л., выполнения какой-л. работы’. Подразумевается, что человек не достиг того роста или не имеет того внешнего вида, который бы указывал на взросление и становление его как личности. В образе идиомы рост переосмысливается как возраст и сопутствующие ему опытность, знание. Компонент *шапка (кепка)* шутливо подчеркивает недостаточную величину роста (возраста) человека, которая не может быть возмещена головным убором; головной убор не заменяет знания, опытности, не может скрыть их отсутствия. Идиома является языковым стереотипом несоответствия требованиям; в ней воплощены прескрипции культуры о значимости взросления и развития. Идиома-комментарий: *Без штанов, а в шляпе!* — ‘1. О полуодетом человеке; 2. О небрежно одетом человеке’. Внешний вид также должен быть достойным личности человека. Образ шляпы, которая не прикрыла наготу, только подчеркивает непристойность вида. Идиома-эмотив: *Эх [ты], шляпа!* — ‘Ошибся, не справился, показал свое незнание, неумение, неспособность в чем-л.’ — предполагает ответную реплику типа *Сам ты шляпа*. Ср. *шляпа; прошляпить*. В основе идиомы лежит уподобление, построенное на сходстве шляпы с головой человека, отождествлении части и целого. Идиома служит языковым символом неловкого человека, растяпы. Идиома-эмотив *А еще шляпу надел!* — ‘О человеке, не проявившем свои знания, не подтвердившем, по мнению говорящего, интеллектуальный статус’. Указанное распределение расширяется в диалектной и жаргонной фразеологии, где к образам шапки, шляпы, колпака, венца добавляются образы каски, короны, картуза, фуражки. Ср.: *биться каской об лед* жарг. спорт. ‘Испытывать неудачу в спортивной игре’; *на кепке* жарг. мол. ‘На улице играть, петь’; *засовывать фуражку в ухо* жарг. мол. ‘Лгать, обманывать кого-л.’; *грести короной* жарг. мол. ‘Вести себя вызывающе’; *зайти в картуз* псков. ‘Заупрямиться’³.

Тем самым, номинации и образы головного убора в лексике и фразеологии тесно связаны с семантикой головного убора в костюмном коде культуры. В идиомах костюмные образы обретают социально-моральную и духовно-нравственную мотивацию. Разные знаки языка по-своему способствуют сохранению и функционированию культуры, обеспечивая ее смысловую непрерывность и вырабатывая новые смыслы в новых культурных терминах или в костюмных метафорах, с помощью которых описывается мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012. 459 с.

² URL: <http://www.ruscorgora.ru> [Национальный корпус русского языка]

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА, 2008. 784 с.

Kovshova M. L.

NAMES AND IMAGES OF HEADWEAR IN RUSSIAN LANGUAGE

The paper describes names and images of different types of hats, caps and other items worn on the head in Russian language. The analysis reveals how cultural information is conveyed through the semantics of lexical as well as phraseological units. Special attention is paid to the significant role playing by the idioms in the processes of sign production in culture.

Keywords: naming phraseological unit vestimentary metaphor headwear connotation.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИМЯ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье исследуются характерные признаки мифологического имени как источника культурологической информации, рассматриваются имена славянских персонифицированных и персонифицированных божеств, их этимология, семантика, имплицитное символическое содержание, прослеживается связь с лексическими единицами современного русского языка, их причинно-следственное единство.

Ключевые слова: картина мира, мифологический, божество, лексика, значение.

Миф как система взглядов входит в сознание современного человека — представителя этноса — многими живыми явлениями. Славянская мифология пронизана идеей абсолютного единства, взаимосвязи всего происходящего в мире, отражая языческое мировидение и мировосприятие. Реконструируя древние семантические пласты языка и культуры, ученые особое внимание уделяют причинности славянской мифологической картины мира, указывая, что функции неотделимы от сущности того, кто обладает этой функцией. Мифологическое представление, являясь символическим, сочетает в себе и внимание к частному. Д. Шеппинг писал: «Имена и личности божеств играют самую второстепенную роль в нашей русской мифологии»¹, указывая на то, что много сходных в общих чертах божеств носят различные имена и имеют различные атрибуты, а одно имя, помещенное в другой миф, может менять значение, создавать иное «понятие-образ». Эти «частности» позволяют существовать «основному» имени наряду с множеством других имен и образов, часто подобных ему, в мифологической картине мира, и они объясняют многообразие и символичность этих имен².

Миф для мифологического сознания — определенная реальность, сама жизнь³. Для него характерна всеобщая персонификация всей природы. Миф дает всем предметам окружающего человека мира имена, кодируя их на эзотерическом культурном языке. Любое мифологическое имя значимо не само по себе, а в контексте целостной мифологической реальности. Поэтому предмет, получивший мифологическое имя, становится принадлежностью мировосприятия, приобретает сверхзначимость и раскрывается как потенциально бесконечный и вневременный. Славянская мифология соотносится с идеей вечного циклического возвращения и слагается из обоготворения сил природы, сводится к борьбе ее светлых и темных сил, плодородия с бесплодием, лета с зимой, света с тьмой, жизни со смертью. Боги, не имея ясных антропоморфических черт, сливаются с олицетворяющими их стихиями. С этими представлениями переплелись культ предков и воззрения на загробную жизнь.

Со времени распространения христианства мировосприятие славян смешало новую веру со старой, соединив «своих» богов с христианскими святыми и объявив их «бесами», при этом часто сохраняя им преданность. На это указывают факты современного языка, суеверия, гадания, приметы и пр.

В верованиях предков взаимосвязано существовали два равнозначных и уравниваемых мира — Явь как реальный «дневной» мир живых и Навь как мир «иной», скрытый от глаз людей, населенный божествами, душами предков. С Явью связаны русские слова *явно, явь, явление, наяву*, производные от глагола *являться* префиксами *по-, про-, об-, за-, вы-* и др. Древнейшими верховными божествами Яви, позднее получившими статус единичности, были *Род* и *Рожаницы*. В христианских поучениях против язычества XII–XIII вв. о *Роде* пишут как о боге, которому поклонялись все народы: «Начали эллины ставить трапезу Роду и Рожаницам, также египтяне, также римляне. ...славяне начали трапезу ставить Роду и Рожаницам прежде Перуна, бога их». Другой христианский книжник указывает на значительность бога в пантеоне древнеславянских божеств противопоставлением: «Всем бо есть творец Бог, а не Род». *Род*-творец, повелитель земли и всего живого, бог неба, грозы, плодородия: он едет на облаке, мечет на землю дождь и от этого рождаются дети. Мифологическое имя восходит к иранскому корню со значением божества и света. В славянских языках корень *-род-* означает родство (*родной, родственник, однородный*) и рождение (*родить, богородица*), воду (*родник*), прибыль (*урожай*), понятия *природа, народ* и *родина*, красный цвет (*рдяный*) и др. Рожаницы — хранительницы жизни. Дольше всего держалась вера в них как в защитниц молодых матерей и маленьких детей. С принятием на Руси христианства культ Рожаниц постепенно слился с культом Богородицы, надолго пережив культ Рода. Позже Род и Рожаницы унифицировались в верховных богов и в разных племенах славян персонифицировались, получив свои имена собственные.

Иной мир под землей или на небе воспринимался как очень далекий и труднодостижимый, но в то же время часто посещаемый. *Навь* — (др.-рус. *навь*, от слав. **navь*, из индоевроп. **naNu-*, вид погребального обряда) в славянской мифологии воплощение смерти, связанное с представлением о погребальной ладье⁴. Словари русского языка фиксируют слово *навь* как поднявшийся из могилы мертвец, призрак мертвеца, воплощение смерти, обитатель загробного мира⁵ и т. п.

Персонифицированные боги в славянском язычестве представляют силы *Прави* — идеального верхнего небесного мира, где господствует справедливость. Прослеживается явная связь с современными номинациями *правильный* (как в *Прави*), *справный* (добротный, крепкий), *справедливый* (с *Правью*), *правило* (по справедливости), *право, правда, правый, править, управление, направление*.

В антропонимы многих славянских богов входит составной частью морфема -бог-(ср.в совр. русск. яз. *богатый* — имеющий бога, долю, *убогий* — не имеющий бога, долю). *Дажьбог*- один из наиболее известных богов восточнославянских племен. Это предок, пращур, прародитель. Это бог дающий — податель земных благ, бог, охраняющий свой род. Он дал человеку солнце, свет, движение (природы или календарное — смену дня и ночи, времен года, лет и т. д.), он бог лета и счастья, бог времени созревания урожая, плодородия. Дажьбог обозначал то, что называется *весь белый свет*. Иногда основной формой имени божества считают *Дажьбог*, выводя ее из индоевр. *жечь*, — жгучий бог. Но большинство исследователей опирается на написание *Дажьбог* — дарующий бог.

Имя бога *Хорса* является основой для многих современных русских слов. От древних корней *-хоро-/-коло-*, означавших круг, образуются слова *хоровод, хоромы, колесо, хорошо* и др. Скифы-пахари (по одной из теорий, праславяне, жившие на юге) называли себя потомками бога солнца-*сколотами*. Сколотский царь носил имя *Колоксай* — царь народа, происходящего от солнца. *Хорсу* посвящены два крупных славянских языческих праздника (связанные и со Световидом, Ярилой-Яровитом и т. д.) — дни летнего (в июне, когда с горы к реке обязательно скатывали тележное колесо — солярный знак, символизирующее откат солнца на зиму) и зимнего (в декабре, когда чествовали Коляду, Ярилу и проч.) солнцестояния. Мифологическое имя восходит, как полагают, к скифо-сарматск.: совр. осетин. хорз — «хорошо», хор/хур — «солнце». Предполагают, что г. Корсунь получил название от *хорс* (изначально Хорсунь).

Сварог в мифах представлен как бог, пославший людям клещи, благодаря чему они научились обрабатывать железо. В «Слове о полку Игореве» Сварог упоминается как бог неба (санскр. *स्वर्ग*; *svarga* — небо), создатель мира. Согласно мифам, Сварог расколол облака стрелами молнии и зажег факел солнца, могучим мечом поража л демонов тени. Предполагается, что со *Сварогом* связаны слова *свара, свариться*- ругаться, браниться. Близок *Сварогу Стрибог* — бог воздушных течений и стихий. Согласно Т. В. Гамкрелидзе, этимологически имя восходит к индоевр. **dievas-pater* — Небо-Отец. Со временем части слова поменялись местами, а в ходе тесных контактов славян с ираноязычными племенами (скифами) часть **dievas* заменилась на иранск. **baγa*. Индоевр. **pater* перешло у славян в *стрый*⁶ (ср.стрий — старобелор. «дядя, брат отца»). Внуками *Стрибога* считались ветры. Многие антропонимы ветров утрачены, возможно, одного из них называли Ветер, другого Ураган и т. д. Но имена двух ветров дошли до нас: *Погода (Догода)* — легкий, приятный западный ветер (все остальное состояние атмосферы именуют непогодой) и *Посвист (Позвизд/Похвист/Вихрь)* — старший (или повелитель) ветер, живущий на севере. Он помянут в Синописе среди идолов, установленных князем Владимиром в Киеве. В сказках его ино-

гда заменяет Соловей-разбойник, образно воплотивший всю злую и разрушительную силу ветра.

Корень-жив восходит к имени богини *Живы* и связан с обозначениями плодородия и, как следствие, — богатства, обеспеченности, довольства: *живот, жилье, наживо, наживаться, выжить, зажить, жито, житница, живность* (съестные припасы), *жировать* (богатеть), *зажиточный* и т. д.

Единство землепашества и воинского дела, которые в восточной Славии связывают с именем Перуна, проявляется в родстве слов *оратай* (пахарь) и *рать* (войско); кузнечное дело связано и с тем, и с другим: кузнец делает плуг-борону для *оратая* и доспехи-меч для *ратника* (ср. старосл. *коварство*— «умение работать с металлом, ковать», «мудрость», «искусность»). «Боги, обладая...особостью, заключают в себе и множество свойств...»⁷.

Наиболее противоречивым и неясным является *Велес/Волос* -один из древнейших восточнославянских богов. Покровительствуя охотникам, вследствие табу на обожествляемого зверя, бог назывался *волохатый, волосатый*. Скот считался основным богатством племени, семьи, а скотий бог *Велес* был богом богатства. Корень *-воло-/-vlo-/-вел-*стал составной частью слова *володеть/владеть, власть, велеть, великий*. Некоторые исследователи связывают с именем *Велеса* названия шерсти *вовна, волна*. С культом бога связана и номинация *волхвы*, т. к. корень этого слова, по мнению некоторых ученых, происходит от *волохатый, волосатый*: *волхвы* при исполнении обрядов, ритуальных танцев, заклинаний одевались в шкуру животного.

Божества влаги почитались наравне с верховными богами. У славян известен бог *Сива/Сева/Сивыч* (от *сивый* — сияющий, ясный), разбрызгивающий воду над полями, чтобы был хороший урожай, однако развернутых сведений о нем не сохранилось. В науке актуальными являются версии, согласно которым имя *Сивы* этимологически связано с именем доведийского Шивы (санск. *शिवि*, *śiva*-милостивый, благосклонный, целебный, счастье) и с именем ведийского Савитара (санск. *सवतिर्*, *savitar*-солнце), происходящим от них по смыслу и функциям. Значения априори должны быть экстраполированы на функции славянского божества. Однако и собственные характеристики, воплощающие единство созидательных и разрушительных сил (известен миф о борьбе Сивы с Чернобогом и о наказании людей напущенном на скотину мором), наложили отпечаток на восприятие бога *Сивы* («Книга Коляды» 10 гл.). Мифологическое имя с учетом его смысловой нагрузки является составной частью прозвища солнечного коня *Сивки-бурки*. С именем Сивы некоторые ученые связывают и название части света — Север.

Прилетающие с небес *берегини* — полудевы-полуптицы — хозяйки колодцев и ручьев выливали на поля росу из волшебных рогов, хра-

нили благополучие природы (ср. *беречь, оберегать, оберег*), защищали человека, охраняли посевы, скотные дворы, пели детям колыбельные, рассказывали байки, навевали им сны. Приобретя определенные характеристики персонифицированности, они получили либо личные имена (Дид, Баба, др.), либо собственно-групповые (русалки, лешие и т. д.). Восходил к *берегиням* древний *Семаргл* — олицетворение вооруженного (воинственного) добра. Однако функции этого бога и семантика антропонима до конца не выяснены. Не определено, одно это божество или два, так как в древнерусских рукописях его имя пишется по-разному: Си(е)марьгл («Повесть временных лет»), разделяется на имена Сим и Регл (в слове Христолюбца «веруют... и в Сима и в Рьгла (Ерьгла»)). В поздних текстах фиксируется имя Си(е)маргл/Семургл. А. С. Фаминцын полагал, что это связано с ошибкой переписчика при написании мифологического имени, в котором Сим от древнесабинск. *semo*-«гений», «полубог», а Ерыла=Ярила. Разделение антропонима, возможно, основано и на том, что это имя было табуировано, так как Семаргл живет не только на Седьмом Небе, но и среди людей⁸. И. Е. Забелин полагал, что номинации Сим и Регл, известные по древнегреческой надписи Понтийской царицы Комосарии (II или III век до н.э.), ассирийские, означающие поклонение огню, а божества заимствованы от обитателей Киммерийского Боспора и южного Черноморья. Имя Семаргл толкуют как Семи-Ярило, предполагая, что оно называет идола Ярилы с семью головами. К. В. Тревер предположила, что божество было заимствовано из иранской мифологии⁹: перс. *Simurg* номинирует сказочную птицу-божество и происходит от *Сэнмурв* — образа полусобаки-полуптицы, встречавшейся в иранском словесном и изобразительном творчестве. Представление Симаргла в виде крылатой собаки поддерживал Б. А. Рыбаков, но давал происхождение имени от *семя*. Однако М. А. Васильев¹⁰ считает недоказанным проникновение иранского образа и на Русь, и на окраину иранского мира, где он теоретически мог быть заимствован славянами. Позже Семаргл стал называться Переплутом, возможно, потому, что он был больше связан с охраной корней растений.

Женским божеством плодородия, благополучия, весеннего расцвета жизни, подобно Рожаницам, была *Лада* — **богиня брака**, изобилия, времени созревания урожая, чей культ прослеживается до XV века. В русском языке с ее именем соотносятся слова со значением «установление порядка»: *наладить, сладить, ладно*. С корнем *-лад-* связаны многие слова брачного значения: *лад* — супружеское согласие; *ладить* — жить любовно, *ладушка, лада* — ласковое обращение к супругу, *ладины* — свадебный стговор и др. С наступлением весны наступали *Ладины* праздники. Пекли *олады* в честь возрождающейся жизни, играли в горелки (гореть — любить). Поздней весной и в течение лета *Ладе* молились, приносили в жертву белого петуха (белый цвет — символ блага). С богиней

связано ее дитя, чье имя встречается в женской и мужской ипостасях: *Лель, Леля, Ляля, Лелио/Лелия*. *Лель* побуждает природу к оплодотворению, людей — к брачным союзам. *Леля* — богиня первых весенних ростков, юной женственности, нежности (22 апреля отмечался весенний праздник — *ляльник*). Имя *Лели/Ляли* находит отражение в словах, связанных с детством: *ляля, лялька, лелеко* (аист, приносящий детей), *лелеять*. С *Ладой* связан и солярный *Зничь*-огонь, жар, пыл, пламя любовное (ср. *навзничь*).

Мифологические имена славянских богов функционируют в русской лингвокультуре в различных проявлениях, в частности, как репрезентанты фрагмента национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. 1849; переиздание. М.: ТЕРРА, 1997. С. 111.

² Пашинина Д. П. Неопределимость мифа и особенности организации мифопоэтической картины мира // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6. М.: МГУ, 2001. С. 104.

³ Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Академический Проект: Философские технологии, 2008. 303 с.

⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. Навь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 2. С. 195.

⁵ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ефремовой [2005–2014]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.11.2014); Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000; Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 и др.

⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1984. Т. 2. С. 791, 798.

⁷ Шуклин В. Мифы русского народа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 12.

⁸ Фаминцын А. С. Божества древних славян. 1884; переиздание. СПб.: Алетейя, 1995.

⁹ Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933.

¹⁰ Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром / отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 1999. С. 156–157.

Kozubenko I. I.

MYTHOLOGICAL NAME IN RUSSIAN LEXIS

The article examines the characteristics of the mythological name as a source of cultural information, considers Slavic names of impersonal and personified deities, their etymology, semantics, implicit symbolic content, their correlation with the lexical units of modern Russian language, their causal unity.

Keywords: world picture, mythological deity, lexis, value.

Кокетти Стефания

*Международный лингвистический лицей
«Грация Деледда» г. Генуи, Италия*

steffic@alice.it

Менгель Светлана

*Университет им. Мартина Лютера
Халле-Виттенберг, Германия*

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИОННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

В статье приводится опыт преподавания русского языка и культуры в итальянской аудитории путём использования традиционных методов и экспериментального творческого подхода к изучению литературы. Дается подробная информация об учебнике по географии, истории и литературе России «Поговорим о России. Введение в русскую культуру», выпущенном в Милане в 2009 году и созданном автором статьи для учащихся с уровнем владения русским языком В1. В учебнике предлагается особая методика работы с художественным оригинальным текстом.

Ключевые слова: связь языка и культуры, методика преподавания русского языка, учебник русского языка для итальянской аудитории, творческое чтение.

На наш взгляд преподавание литературы и культуры России, как и любой другой страны, в иностранной аудитории тесно связано с преподаванием языка; одно не существует без другого, и именно эта связь, мне кажется, интересует наших школьников и студентов, очень хорошо понимающих с самого начала, что изучение иностранного языка означает, в основном, изучение другого образа мыслей и возможность войти в другой, незнакомый, и поэтому обаятельный, мир, расширяющий и обогащающий собственный кругозор.

Первой проблемой, с которой сталкивается преподаватель русского языка и культуры в Италии является необходимость преподавать знания по литературе и культуре на языке, доступном учащимся. Обычно языковые компетенции по русскому языку, достигаемые в предпоследнем классе лица, в котором учатся ребята 17 лет, соответствуют первому уровню по системе ТРКИ — В1. Учитывая, что высокая степень трудности понимания языка может привести к спаду мотивации и интереса учащихся, я решила создать пособие, специально предназначенное для потребителей уровня В1, реализуя в учебнике идею объединения изучения языка и культуры.

Учебник был издан в Италии в 2009 году в издательстве Ноерли. Его название на русском языке — *Поговорим о России*, а на итальянском языке — *Introduzione alla cultura russa (Введение в русскую культуру)*. Книга не смогла бы появиться на свет без помощи близкой подруги Свет-

ланы Менгель, профессора славянской филологии в университете им. Мартина Лютера Халле-Виттенберг в Германии, которая с большим профессионализмом следила за всей проведённой работой с самого начала до конца опубликования.

Пособие написано исключительно на русском языке, поэтому оно может быть адресовано любой аудитории учащихся, изучающих русский язык, независимо от их родного языка. Учебник состоит из трёх частей — география, история и литература.

Для первоначального подхода к культуре страны изучаемого языка мне показалось необходимым передать сначала элементарные знания о географии России, самого крупного государства в мире, об её горах, реках, озёрах, климате, растительности, фауне, государственном устройстве, больших городах, в частности Москве и Санкт-Петербурге, в которых, разумеется, скорее всего смогут побывать итальянские и другие иностранные учащиеся.

Рассчитывая на то, что изучать русскую литературу и адекватно воспринимать художественные произведения вне исторического контекста очень трудно, я внесла в книгу раздел *Немного истории*. В нём принимаются во внимание значительные, на мой взгляд, этапы в русской истории. Это — *Киевская Русь; Монголо-татарское нашествие; Эпоха Ивана Грозного (1533–1584); Смутное время (1598–1613); Россия при Петре I (1682–1725); Эпоха Екатерины II (1762–1796); Россия XIX века. Социальные проблемы и революционное движение; XX век. Революции в России, Первая русская революция, Ленин. Большевики и меньшевики; Николай II; Октябрьская социалистическая революция; После Октябрьской революции; Эпоха Сталина; «Оттепель» — «Застой» — «Перестройка»: «Оттепель». Эпоха Хрущёва (1953–1964); «Застой». Эпоха Брежнева (1964–1982); «Перестройка». Эпоха Горбачёва (1985–1991); От Ельцина до Медведева (1991–2008)*.

Для изучения истории на иностранном языке необходимо, по моему мнению, знать специфичные термины, поэтому особенный акцент в этом разделе книги сделан на лексике; в послетекстовых рамках даются указания наиболее простых терминов и наименований одинакового корня и подсказки морфологического характера, напр.: *слабоумный (слабый, умный); правитель, править кем-чем; наследник, наследник престола; самозванец (мн. самозванцы), (сам, звать); лживый (ложь, ж.); выдавать — выдать кого-что за кого-что*.

Третья часть учебника *Из русской литературы* содержит две главы. В первой — под названием *Первое знакомство* предлагается прочтение трёх повестей: *Метель* А. С. Пушкина, *Дама с собачкой* А. П. Чехова, *Полотенце с петухом* М. А. Булгакова; во второй главе *Литературные направления, писатели, герои* перед стихотворениями и отрывками из художественной прозы даются сведения о писателях А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом,

А. А. Блоке, А. А. Ахматовой, В. В. Маяковском, А. И. Солженицыне, анализируются такие литературные направления как романтизм, реализм, символизм, акмеизм, футуризм, сопоставляется творчество писателей А. П. Чехова и М. А. Булгакова, сравниваются личности героинь повести *Кроткая* Ф. М. Достоевского и романа *Анна Каренина* Л. Н. Толстого. Примером современной прозы избраны рассказы *Случай в Сокольниках* Л. С. Петрушевской и *Мой любимый араб* Л. Е. Улицкой.

В основу методики чтения художественного текста заложено желание позволить учащимся читать подлинники русской художественной литературы, преодолевая трудности понимания. Неадаптированный текст оригинала читается с помощью заданий, направленных на понимание, а также ориентированных на развитие письменной и устной речи. Чтение предусматривает следующие фазы: *Прочитайте* (читается текст оригинала); *Вам понятен текст?* (задаются общие вопросы по тексту); *Что это значит?* (объясняется смысл ключевых слов и фраз); *Найдите в тексте* (предлагается найти нужную информацию); *Что вы думаете?* (запрашивается собственная точка зрения учащегося); *Расскажите* или *Напишите* (предлагается описать, объяснить, рассказать историю, аргументировать ответы). В конце книги даются ключи к заданиям.

Учебник был отрецензирован в эти последние годы такими специалистами по русистике как Г. В. Хруслов (*Русский язык за рубежом* № 5/2010), И. А. Гончар (*Мир русского слова* 3/2009), Клаудия Ласорса (*Studi slavistici* VI 2009), Джина Пигоццо Бернарди (*Slavia* 4/2010). Я очень довольна тем, что пособие используется на факультетах иностранных языков университетов и в лингвистических лицеях Италии и что до сих пор оно оказывается полезным инструментом для самих учеников.

Несмотря на то, что представленное пособие является, в общем, дидактическим средством традиционного подхода в преподавании культуры, всё-таки оно содержит некоторые *творческие* задания, которые поощряют учеников экспериментировать при чтении художественных произведений. Послетекстовое задание по повести А. П. Чехова *Дама с собачкой* — *Выделите из текста диалог, происходящий между Гуровым и Анной Сергеевной в момент их встречи в театре. Сыграйте сценку в классе по ролям и определите, кто лучше говорит по-русски, а кто имеет талант актёра* — родило в учениках идею создания короткого фильма по данному произведению.

Фильм был снят и смонтирован компетентным кинолюбителем, преподавателем итальянской литературы нашего Международного Лингвистического Лицея «Грация Деледда» Эдоардо Череди.

Вся работа над фильмом — концепция, сценарий, построение кадров, игра актёров — была проведена учениками четвёртого класса под руководством преподавателей. Было решено, что в фильме будут выступать и читатели, и актёры. В первую очередь надо было отобрать для чтения

самые подходящие согласно концепции фильма отрывки из повести. Эта фаза работы была весьма интересна и полезна с точки зрения понимания и восприятия художественного текста, так как она потребовала от ребят очень внимательного, углублённого чтения текста. Тщательный языковой анализ, а затем настоящее погружение в чеховское произведение дали возможность лицеистам преодолеть школьные барьеры и испытать при чтении реальное эстетическое удовольствие, которого при чтении художественного текста на иностранном языке очень трудно достигнуть, особенно в рамках школьной программы.

Когда наконец наступил момент съёмки фильма, читатели отрывков из повести начали упражняться очень серьёзно. Было件нятно, что для этой стадии работы, выступления в фильме, нужно не только совершенствовать произношение и дикцию, а также правильно воспринимать и передавать прочитанное с нужными интонациями и эмоциями.

Съёмка фильма заняла много времени. Снимали в разных местах: в школе, на набережной моря, в одной из старинных квартир города, в городском театре. Результат работы удовлетворил как преподавателя, так и учеников.

После *Дамы с собачкой* был реализован с другим классом второй фильм по повести Чехова *Спать хочется*. И в данном случае можно было наблюдать, что чтение оказалось для школьников сложным, ответственным процессом, требующим обсуждения происходящей в повести трагедии. Каждый ученик по-своему прокомментировал жест отчаяния главной героини повести Варьки. Комментарии ребят были вынесены в конец фильма.

Хочу привести ещё один пример *творческого* подхода к преподаванию / изучению литературы. Может быть не все знают, что великая поэтесса Марина Цветаева в 1902 году, когда ей было лишь 10 лет, жила со своей семьёй в Нерви, маленьком курортном местечке недалеко от города Генуи. Это счастливое время навсегда осталось в памяти поэтессы и её сестры Анастасии, которая описала его в своих *Воспоминаниях**. Семья Цветаевых приехала в Нерви, потому что мать Марины и Анастасии, талантливая пианистка, заболела туберкулёзом. Мягкий средиземноморский климат мог благотворно повлиять на лечение болезни. Здание Русского пансиона, где жила Марина Цветаева со своей семьёй в том далёком 1902 году, ещё существует. Смотри на него и перечитывая стихи Цветаевой, можно представить себе, как там жили сёстры Цветаевы, как они играли на скалах. Эти воспоминания и представления пробуждают глубокие эмоции, и мы, итальянские русисты, должны обязательно сохранять эту память, уметь передать её будущим поколениям.

Уже несколько лет лицеисты Международного Лингвистического Лицея «Грация Деледда» г. Генуи участвуют в театральных представ-

лениях в честь поэтессы, читают перед публикой стихи на итальянском и русском языках.

До этого я не давала читать на уроках стихи М. И. Цветаевой, думая, что они слишком трудны для школьников. Но когда было уже запланировано устроить спектакль и нас попросили принять в нём участие, я начала работать с ребятами и поняла, что читать с ними стихи не только можно, но и что поэзия сильно поражает чувствительность молодых девушек и парней 16–17 лет. Некоторые из них с восторгом выучили наизусть такие стихотворения, как *Я только девочка* и *В пятнадцать лет*.

Чтение перед публикой — ответственное дело, требующее длительной, индивидуальной работы с учащимися, которые должны достигнуть высокой степени понимания на иностранном языке, а также приобрести способность прочесть стихи корректно с точки зрения фонетики, толкования, их умения пробуждать в слушателях соответствующие чувства и эмоции. *Творческая* классная работа над художественным произведением является в конце концов по моему опыту самой подходящей для настоящего, полного восприятия прозы и поэзии любого автора.

Единственный недостаток — она занимает слишком много времени, которое в рамках учебной программы не всегда можно себе позволить.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Цветаева А. И.* Воспоминания. М.: Советский писатель, 1974.

Cochetti S., Mengel S.

TEACHING LITERATURE AND CULTURE: A TRADITIONAL AND CREATIVE APPROACH

The topic of this article is the experience of teaching Russian language and culture to Italian students using traditional methods and an experimental creative approach to literature studies. A detailed explanation is given of the course-book of Russian geography, history and literature “Let’s talk about Russia - Introduction to Russian Culture”, published by Hoepli in Milan in 2009, aimed at level B1 students, who are introduced to original methods of analyzing belles-lettres.

Keywords: link between language and culture, Russian language teaching methodology, manual of Russian language for Italian students, creative reading.

Колясева Алена Федоровна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия

alyona.kolyaseva@gmail.com

ОБЫДЕННОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: МЕДИЦИНСКАЯ СФЕРА

В статье рассматривается соотношение медицинских терминов и находящихся с ними в отношениях омонимии/полисемии слов обыденного языка. В статье показано, что одно и то же название болезни для обыденного и профессионального сознания может не только не совпадать по набору дифференциальных признаков (сужение или расширение значения), но и иметь различный денотат, обозначая совершенно различные состояния человека.

Ключевые слова: медицинская терминология, обыденное и профессиональное языковое сознание.

Медицинская терминология строго кодифицирована международными и национальными стандартами, однако специфика данной сферы такова, что любой человек сталкивается с медицинскими проблемами, и, несмотря на значительное количество узкоспециальных терминов, не понятных рядовому носителю русского языка, медицинская терминология содержит большое число номинаций, которые соотносятся с единицами обыденного языка, находясь с ними в отношениях омонимии или полисемии. Это значит, что термин, как отражение профессионального языкового сознания, и слово обыденного языка, как отражение сознания обыденного, при одинаковом языковом выражении имеют различные сигнификаты, поскольку объем их содержания не совпадает. Более того, как будет показано далее, встречаются и случаи несовпадения денотатов.

Цель настоящей статьи — сопоставить медицинские номинации с их «аналогами» в непрофессиональном употреблении. В качестве источников сведений для анализа профессионального языкового сознания были использованы специализированные медицинские словари: Энциклопедический медицинский словарь (ЭМС)¹, Новейший медицинский энциклопедический словарь (НМЭС)², Англо-русский медицинский энциклопедический словарь (АРМЭС)³, Медицинский толковый словарь (МТС)⁴, Англо-русский толковый медицинский словарь (АРТМС)⁵. Для анализа обыденного употребления были использованы материалы Национального корпуса русского языка (художественные тексты, статьи из газет, тексты Интернет-форумов, не относимые нами к профессиональному медицинскому дискурсу), а также данные толковых словарей: Малый академический словарь (МАС)⁶, Словарь Д. Н. Ушакова⁷, Словарь С. И. Ожегова⁸

Как правило, при определении болезни для специалиста-медика набор дифференциальных признаков оказывается шире. Например, для

носителя обыденного сознания представление о *бешенстве* как заболевании связано прежде всего с возможностью заразиться им от собак и необходимостью в случае укуса бешеного животного сделать большое количество уколов, чтобы предотвратить заражение. Для медицинского же сознания оказывается важным параметр водобоязни, болезнь также называют *гидрофобией* или *водобоязнью* (ЭМС): при попытке пить, при виде воды и упоминании о ней наблюдаются болезненные судороги мышц глотки, гортани, дыхательных мышц. Ср. определение в НМЭС: «Бешенство — инфекционная болезнь вирусной этиологии; характеризуется поражением центральной нервной системы с приступами водобоязни, приводит к смертельному исходу». Если для обыденного языкового сознания представление о бешенстве коннотативно связано с агрессивностью, крайней степенью раздражения (эти элементы значения выходят на первый план во втором, переносном, значении слова, относящегося не к болезни, а к эмоции: *Бешенство бросилось ему в голову, он сильно ударил сапогом — в морду Трайчо, в окровавленную морду!* ... (А. Солженицын. В круге первом)), то в определении *бешенства* как термина эти элементы даже не упоминаются, и, хотя повышенная возбудимость и отмечается среди проявлений заболевания, но в ряду с другими признаками (которые обыденное сознание к признакам бешенства не отнесет): чувство тревоги, депрессия, головная боль, боли в области укуса, повышенная возбудимость, кошмарные сновидения, затем водобоязнь, светобоязнь, фонобоязнь, слюнотечение, лихорадка и развитие паралича мышц.

Аналогично, не совпадает иерархия и состав элементов смысла в обыденном и медицинском понимании *мании*. Для обыденного языкового сознания *мания* — навязчивое стремление к чему-то. В проанализированных контекстах неспециализированного употребления также часто встречаются сочетания *мания преследования* и *мания величия*, причем последняя не воспринимается как нечто патологическое и может сочетаться с прилагательным *нормальный*: *Нормальная мания величия. Даже у самого глупого, самого неудачливого, самого неталантливого мужчины ее всегда хоть отбавляй* (А. Геласимов. Год обмана). В современном медицинском понимании *мания* (*маниакальный синдром*) — это «болезненное состояние, характеризующееся приподнятым, радостным (независимо от объективных обстоятельств) настроением, ускорением ассоциативных процессов (*мышления*) вплоть до скачки идей, усиленной, но не всегда продуктивной деятельностью, расторможенностью влечений» (НМЭС); «*психо-эмоциональное расстройство, сопровождающееся повышением двигательной активности, возбуждением, ускорением мышления, экзальтацией и неустойчивостью внимания*» (АРМЭС). Для профессионального медицинского языкового сознания существует *мания величия* (*мегаломания*), *веселая мания*, *гневливая*

мания, заторможенная, непродуктивная, при этом вполне знакомая обыденному сознанию *мания величия* определяется как «сочетание мании с бредом величия», т. е. семы ‘навязчивость идеи’, ‘неспособность с ней справиться’, выходящие на первый план в обыденном толковании, профессиональным языковым сознанием приписываются именно номинации *бред*.

Качества и явления, которые в обыденном языковом сознании не относятся к заболеваниям, в медицинском сознании могут восприниматься как нарушение. Так, явление *дежа вю* в медицинском словаре определяется как «*психическое расстройство* в виде ощущения, что все видимое в данный момент (лица, события, обстановка) уже переживалось в прошлом», «разновидность дереализации» и связывается с психическими заболеваниями, в том числе шизофренией, а также поражением височной доли головного мозга (НМЭС). *Дежа вю*, впрочем, может наблюдаться и у психически здоровых лиц, но «при некоторых эмоциональных и органических *расстройствах*» (АРМЭС). Кроме того, в профессиональном языковом сознании эта номинация связана с понятиями *дежа антандю*, *дежа веку* и противоположным им *жаме вю*, *жаме антандю*, *жаме веку*, и все эти явления рассматриваются как «разновидность дереализации».

Еще один пример — номинация *гедонизм*. Гедонизм понимается обыденным сознанием как стремление к удовольствию, наслаждениям, и может использоваться в контекстах, несущих отрицательную оценку: *Началась критика западной культуры за высокомерие и расизм, праздность и индивидуализм, гедонизм и бездумное отношение к будущему* (И. Ионов. Империя и цивилизация), — но может использоваться и безоценочно: *Он рассказал «РР»... что общего между уходом из бизнеса и отказом от курения и как поставит личный гедонизм на службу общественному благу.* (П. Бурмистров, Д. Зимин. Гедонист на службе обществу). В медицине же *гедонизм* может восприниматься как нарушение — «*патологически повышенное влечение к получению наслаждений, развлечениям*» (НМЭС).

С другой стороны, встречается и сужение денотата обыденным сознанием, т. е. в обыденном языковом сознании номинация применима к меньшему количеству явлений реальной действительности, чем в профессиональном. Так, в обыденном употреблении *инфаркт*, как правило, связывается с сердцем: *Мы осторожно перенесли его на ковёр — боялись, что инфаркт (нелады с сердцем у него случались)* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий). В медицине *инфаркт* — «участок органа или ткани, подвергшийся некрозу (омертвлению) вследствие прекращения его кровоснабжения» (НМЭС), поэтому для медицинского языкового сознания нормальными оказываются сочетания *инфаркты миокарда*, *головного мозга*, *легких*, *почек*, *кишечника*, *селезенки*.

Аналогично, *маразм* для обыденного языкового сознания — деградация мыслительных процессов вследствие старости (старческий маразм): *Мужик — он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм* (Г. Горин. Иронические мемуары). На базе этого значения возникает вторичное, и слово превращается в оценочное — ‘бред’, ‘глупость’ (вне зависимости от возраста): *А на вопросы учителей о том, почему не готовы к уроку — отвечают выпятив грудь колесом «Я же защищал честь школы!?» Полный маразм!* (Система начисления баллов. Справедлива ли она (2010–2011)). При этом *маразм* уже отличает не отдельного человека, а некий сложившийся порядок вещей, организации жизни: *Царящий в Доме маразм явно придумывался несколькими поколениями не совсем здоровых людей* (М. Петросян. Дом, в котором...). Интересно, что для контекстов советского периода характерно также значение, фиксируемое МАС и Словарем Ушакова, — упадок, разложение: — *Мандельштама я не знаю, — сказал Дрелинг, — а Хлебников — это маразм, распад* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). Для медицинского же сознания маразм как клинический случай (т. е. в прямом значении) — это «истощение организма с постепенным угасанием всех жизненных процессов, атрофией органов и тканей, в том числе кожи, скелета, мышц и внутренних органов» (НМЭС), он развивается не только вследствие старости, но и некоторых хронических заболеваний. По всей видимости, прототипом для маразма в обыденном понимании стал *психический маразм*, для которого характерно «преобладание распада психики с угасанием всех видов психической деятельности, утратой речи, беспомощностью в быту» (НМЭС).

В обыденном языковом сознании термины могут быть переосмыслены и сближены по значению, хотя в профессиональном сознании эти термины представляют собой эквиполентную оппозицию. Так, в русском обыденном языковом сознании понятия *дебил* и *идиот* практически совпадают в значении ‘дурак’, ‘болван’: *Он жуткий дурак, прямо дебил, но сильный и машину хорошо водит* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *А я-то, идиот, боялся, что он меня отругает!* (В. Белоусова. Второй выстрел). Однако для профессионального медицинского языкового сознания разница между этими понятиями существенная: хотя оба и классифицируются как умственная отсталость, но дебильность — это «легкая степень умственной отсталости, характеризующаяся примитивностью суждений и умозаключений, недостаточной дифференциацией эмоций, ограниченностью возможностей обучения, сниженной социальной адаптацией» (НМЭС), в то время как идиотия — «наиболее тяжелая форма умственной отсталости, характеризующаяся почти полным отсутствием адекватных психических реакций на окружающее; мышление и речь не развиваются, восприятия мало дифференцированы; эмоции примитивны, элементарны; любая осмысленная деятельность, в том числе на-

выки самообслуживания, недоступна» (НМЭС). Более того, люди с диагнозом идиотии часто не умеют самостоятельно стоять и ходить.

Наконец, есть случаи, когда термин имеет совершенно другое значение по сравнению со словом общеупотребительного языка. Так, согласно медицинским словарям, *ипохондрия* (ипохондрический синдром) — «патологически преувеличенное опасение за свое здоровье, а также убежденность в наличии того или иного заболевания при его отсутствии». Ипохондрия может проявляться с разной степенью тяжести: от навязчивых мыслей о наличии серьезного заболевания «при сохранении критики к этим переживаниям» до сопровождения этих мыслей неприятными ощущениями в разных частях тела и твердой убежденности в наличии болезни (вплоть до агрессивного поведения при отказе им в медицинской помощи). В некоторых случаях ипохондрический бред приобретает фантастический характер (внутренние органы «разрушились, сгнили» и т. п.)» (НМЭС). В других рассмотренных специализированных словарях определения аналогичны: «болезненная мнительность с чрезмерным вниманием к своему здоровью или бредовая уверенность в наличии неизлечимой болезни» (ЭМС), «мнительная убежденность в наличии болезни, с навязчивыми идеями или бредом» (АРТМС), «болезненная забота о собственном здоровье и преувеличенное внимание к различным обычным телесным и психическим ощущениям; ложная убежденность в наличии болезни» (АРМЭС). Слово *ипохондрия*, возможно, знакомо не всем носителям русского обыденного языкового сознания, однако, если и знакомо, то в другом значении — подавленность, угнетенное состояние, тоска: *Она застывала в тоске от одиноких часов как от взгляда медузы Горгоны, понимая, что ждать некого. Весьма временная осенняя ипохондрия...* (Д. Симонова. Сладкий запах вторых рук). Это же значение отражают и толковые словари: «болезненная мнительность, подавленность, угнетенное состояние, тоска» (МАС), «состояние мрачной безнадежности, подавленность» (Словарь Ушакова), «болезненно-угнетенное состояние, болезненная мнительность» (Словарь Ожегова).

Также для обыденного и профессионального медицинского языкового сознания не совпадают понятия о *склерозе*. В обыденном понимании *склероз* — снижение памяти вследствие возрастных изменений нервной системы, часто гиперболически употребляемое в шутку для указания на забывчивость: *К концу жизни Лидя стала терять память, приговаривала, что склероз — самое удобное заболевание, с ним забываешь о других болячках и о маразме тоже* (А. Иличевский. Медленный мальчик); *Она пояснила на случай, если у меня мощный склероз...* (В. Солдатенко. Ева). В профессиональном медицинском сознании *склероз* обозначает другое: «уплотнение ткани или орган, вызванное гибелью элементов паренхимы, с замещением их зрелой соединительной тканью, иногда с последующим его сморщиванием» (НМЭС), он может быть вы-

зван как возрастными изменениями, так и воспалением, нарушением обмена веществ и т. д. При этом в профессиональном языковом сознании склероз имеет определенную локализацию: в сердце (кардиосклероз), легких (пневмосклероз), сосудах и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Энциклопедический медицинский словарь. М.: РИПОЛ классик, 2011.
- ² Новейший медицинский энциклопедический словарь / Аветисов С.Э. и др.; под ред. В. И. Бородулина; сост.: В. И. Бородулин, А. В. Тополянский. М.: Эксмо, 2009.
- ³ Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Г. Чучалин, науч. ред. Э. Г. Улумбеков, О. К. Поздеев. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003.
- ⁴ Ривкин В. Л. Медицинский толковый словарь. М.: ИД «МЕДПРАКТИКА–М», 2010.
- ⁵ Ривкин В. Л., Луцевич О. Э., Хасанишин Е. А. Англо-русский толковый медицинский словарь, М.: ИД «МЕДПРАКТИКА–М», 2012.
- ⁶ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru>.
- ⁷ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>.
- ⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Kolyaseva A. F.

ORDINARY AND PROFESSIONAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN MEDICAL SPHERE

The article considers the correlation between medical terms and their “analogies” in ordinary language. It shows that the same disease nomination not only can have different set of distinctive semes within professional and ordinary consciousness (restriction or extension of meaning), but can also have different denotation referring to completely different human states.

Keywords: medical terminology, ordinary and professional linguistic consciousness.

Корнеева Алла Юрьевна

Российский университет дружбы народов, Россия

akorneeva08@mail.ru

СОЗНАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье структура человеческого сознания рассматривается под углом зрения когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, человеческий мозг, сознание, концепт.

В настоящее время когнитивная лингвистика является одной из самых востребованных и динамично развивающихся лингвистических дисциплин. Предмет когнитивной лингвистики можно определить как изучение единиц, а также явлений и процессов концептуально-понятийного (ментального) уровня в их сопоставимости, взаимосвязи и взаимодействии с соотносимыми единицами, явлениями и процессами языкового уровня. Если под тем, что принято сейчас называть когнитивной наукой, понимать комплекс научных дисциплин, с разных сторон изучающих когнитивные явления и процессы, связи и отношения, существующие в системе «объективный (внешний) мир — человек (человеческое сознание) — язык», то следует отметить, что когнитивная лингвистика основное внимание концентрирует на явлениях и процессах, связях и отношениях в подсистеме «человеческое сознание — язык», а явления и процессы в подсистеме «объективный (внешний) мир — язык» рассматривает с точки зрения изменений, происходящих в человеческом сознании. Таким образом, понятие сознания является одним из центральных и наиболее ёмких понятий когнитивной лингвистики.

Существует великое множество научных определений сознания, в которых высвечиваются разные стороны этого едва ли не самого сложного из всех известных нам явлений. Одно из наиболее удачных определений принадлежит выдающемуся российскому философу ушедшего столетия А. Г. Спиркину: «Сознание — это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщённом и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека». Впервые это определение приведено А. Г. Спиркиным в его популярном учебнике, первое издание которого вышло ещё в 1963, второе — в 1966 году¹. Интересно отметить, что это же определение воспроизведено автором без каких-либо изменений и в издании 2005 года², т. е. учёный не счёл нужным как-то его корректировать, рассматривал как вполне соответствующее уровню развития науки начала XXI века.

В приведённом определении подчёркивается активный, целенаправленный, опосредованный, прогностический характер сознания как свя-

занной с речью специфически человеческой функции мозга. Мозг человека функционирует как орган сознания. Мозг материален, мысль идеальна.

Согласно традиционному, давно установившемуся взгляду человеческий мозг является продуктом длительной эволюции. В последние два десятилетия распространились альтернативные точки зрения. К примеру, Н. П. Бехтерева, выдающийся исследователь человеческого мозга, считала весьма вероятной возможность его внеземного происхождения. Она, в частности, отмечала: «Моя тяга к вере в иное, чем принято сейчас в научном мире, происхождение мозга и, следовательно, человека базируется на исключительной сложности и, как принято считать, сверхизбыточности мозга. (...) Эти мысли не увядают у меня с годами нейрофизиологического общения с живым человеческим мозгом»³.

Сознанию в человеческом мозгу противостоит сфера бессознательного — неосознаваемой деятельности мозга. Эта сфера включает в себя три группы принципиально отличных друг от друга психических явлений:

- 1) бессознательное, отражающее биологические (витальные) потребности человека, проявляющиеся в безусловных рефлексах и врожденных формах поведения (инстинктах), а также в генетически заданных свойствах темперамента;
- 2) подсознание, к которому относится всё то неосознаваемое, что ранее было осознанным и вновь может стать осознаваемым при определённых условиях — неосознаваемые мотивы деятельности, автоматизированные навыки, стереотипы автоматизированного поведения, глубоко усвоенные человеком социальные нормы, вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты;
- 3) сверхсознание, которое охватывает не контролируемые сознанием процессы творчества, порождающие новые замыслы и гипотезы, логический анализ которых осуществляется уже на уровне сознания⁴.

Принято считать, что процессы, относящиеся к сфере неосознаваемой деятельности мозга, не связаны с речью, с какими-либо языковыми формами. Во всяком случае, сам человек (мыслящий субъект) воспринимает эти процессы как происходящие в неязыковой форме. Психофизиологические механизмы неосознаваемой деятельности мозга вплоть до самого последнего времени остаются недостаточно изученными. С уверенностью можно утверждать лишь то, что грань между сознанием и сферой бессознательного трудноопределима. Где-то на грани осознаваемого и бессознательного зарождается мысль. Процесс формирования и формулирования мысли, несмотря на имеющиеся попытки построения его алгоритма, вплоть до настоящего времени остаётся загадочно-запораживающим. Вот как, к примеру, описывает этот процесс К. Г. Паустовский: «Мысль живёт во мне, но во что она выльется, какие найдёт пути для своего выражения, мне не ясно ещё самому»⁵.

Если говорить о сознании, то следует отметить, что в структуре массового и индивидуального сознания важное место принадлежит мировоззрению, которое рассматривается как упорядоченная совокупность важнейших знаний о мире в его целостности, о месте человека в нём, о целях человеческой жизни, о путях и средствах достижения этих целей.

В структуре мировоззрения принято выделять две взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие: (1) идеологию, т. е. систему взглядов, целей, идеалов, представлений человека о смысле жизни, и (2) картину мира (или, как говорят лингвисты, концептуальную картину мира), т. е. целостный образ, целостное представление о мире и месте человека в нём. В связи с тем, что концептуальная картина мира *реально существует* лишь в индивидуальном сознании (сознании отдельного человека), весьма актуальным оказывается понятие индивидуальной концептуальной картины мира, разграничивающее понятия концептуальных картин мира как феноменов индивидуального и массового сознания.

Важно отметить, что индивидуальная концептуальная картина мира структурируется не из языковых единиц разного уровня, а из ментальных репрезентаций языковых единиц разного уровня. Ментальными репрезентациями слов и словосочетаний, эквивалентных слову, являются концепты, понятия и представления. (Эти единицы ментального уровня рассмотрены нами достаточно подробно в докладе на X Конгрессе МАПРЯЛ⁶.)

Следует подчеркнуть, что предметы, явления, процессы объективного мира есть некие целостности со всеми присущими им свойствами и признаками; в значении слова как языкового знака в виде отдельных семантических компонентов отражаются лишь наиболее существенные свойства и признаки обозначаемого этим словом материального или идеального объекта; сколько и какие именно свойства и признаки отражаемых объектов представлены в содержательно-оценочной структуре соотносимых со словами единиц ментального уровня зависит от многих факторов, в том числе и социальных.

В пространстве сознания концепты, понятия и представления располагаются не хаотично, а структурированы в особые образования, которые можно назвать концептуально-понятийными полями, являющимися, в свою очередь, структурными элементами более обширных пространственных образований — фрагментов индивидуальной концептуальной картины мира.

Концепты, понятия и представления одного концептуально-понятийного поля связаны между собой сложными, многомерными отношениями, описываемыми на языковом уровне как отношения синонимии, антонимии, гипонимии и др. Поэтому вполне правомерно говорить о синонимических и антонимических концептах (понятиях, представлениях), концептах-гипонимах и гиперонимах и т. д.

Ассоциативные связи могут существовать между концептами, понятиями и представлениями, относящимися как к одному, так и к разным, иногда очень далёким друг от друга, концептуально-понятийным полям.

В случае многозначности слова каждое отдельное его значение (если эти значения дифференцируются в сознании конкретного человека) соотносится с разными концептами (понятиями, представлениями); таким

образом, ментальные репрезентации отдельных значений многозначного слова могут быть элементами разных концептуально-понятийных полей.

Словосочетания, эквивалентные слову (с содержательной точки зрения являющиеся лексическими, а не синтаксическими единицами), соотносятся с одним концептом (понятием, представлением).

Свободные словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов, соотносятся с двумя или несколькими взаимосвязанными понятиями (в соответствии с количеством слов, входящих в состав словосочетания).

Свободные словосочетания, предложения, последовательности предложений есть формы языкового выражения связей и отношений, существующих между концептами, понятиями и представлениями, которые могут относиться как к одному, так и к разным концептуально-понятийным полям. Нередко связь между ментальными репрезентациями лексических единиц столь устойчива, что на языковом уровне выражается посредством речевых стереотипов, клише, шаблонов, существующих в человеческом сознании в виде готовых форм, употребление которых значительно облегчает процесс формулирования мысли.

Индивидуальная концептуальная картина мира есть явление динамичное, развивающееся, прежде всего под влиянием социальных факторов, под которыми — в самом широком смысле — понимается вся совокупность наиболее значимых факторов общественной жизни — экономических, социальных, политических, культурных, идеологических. Изменяющиеся социальные факторы, порождающие активные процессы в языке, оказывают непосредственное или опосредованное воздействие на все звенья, все структуры, из которых складывается индивидуальная концептуальная картина мира. В первую очередь это выражается в появлении в индивидуальном сознании новых концептов и понятий. Нередко это связано с непосредственным отражением в сознании реалий изменяющейся общественной жизни. Следует отметить, что в индивидуальном сознании большого количества людей многие новые понятия существуют не в виде концептов, а в виде представлений, далёких от истинной сути отражаемых в них явлений. Это связано со многими причинами, в частности, с неразработанностью научных определений многих новых понятий. Так, вплоть до последнего времени отсутствует чёткое определение понятия *глобализация*. Нечётко определёнными применительно к российской действительности остаются понятия *средний класс*, *отечественный производитель*, *государственник*, *эффективный собственник* и др.

Влияние социальных факторов на изменение концептуальной картины мира, существующей в сознании отдельного человека, выражается также в изменении содержательно-оценочной структуры многих концептов, понятий, представлений и содержания отношений, связывающих их между собой; в появлении новых концептуально-понятийных полей;

в изменении структуры уже существующих концептуально-понятийных полей и других явлениях.

Взгляд на когнитивную лингвистику как науку, изучающую взаимосвязанные явления языкового и ментального уровней, раздвигает горизонты этой научной дисциплины, значительно расширяет круг рассматриваемых ею проблем, делая её ещё более привлекательной для исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1966. С. 92.

² Спиркин А. Г. Философия. Изд. 2-е. М.: Гардарики, 2005. С. 350.

³ Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2011. С. 91.

⁴ Данилова Н. Н. Психофизиология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 296–297.

⁵ Паустовский К. Г. Золотая роза. Животворящее начало // Паустовский К. Г. Собр. соч. Т.8. М.: Художественная литература, 1967. С. 427–428.

⁶ Корнеева А. Ю. О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания: Сборник докладов. Т. 1. / под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. СПб.: Политехника, 2003. С. 250–255.

Korneeva A. Yu.

CONSCIOUSNESS AS A CATEGORY OF COGNITIVE LINGUISTICS

In the article the structure of human consciousness is considered from the point of view of cognitive linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, human brain, human consciousness, concept.

РАЗДУМЬЯ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению родного языка, который в настоящее время предстаёт одновременно и индивидуальной чертой отдельного человека, и характеристикой всего этноса, к которому он принадлежит. Мы видим в нём характеристику всего народа наряду с общей культурой, духовным складом, религией, искусством, бытом, обычаями, историей, даже территорией. Становясь врождённой чертой этноса и его страны, язык характеризует их, составляет самобытную национальную мысль и культуру, психический склад народа, отражает географию, природные и производственно-хозяйственные особенности. В нём запечатлено прошлое и настоящее, многовековой опыт народа. Он служит условием независимости и свободы. Он олицетворяет Родину.

Ключевые слова: родной язык отдельного человека, родной язык государства, самоидентификация, двуязычная и бикультурная семья, врождённые мыслительно-речевые навыки.

Счастье знать великого Расула Гамзатова, беседовать с ним даёт мне право вспомнить патетическую строку из его стихов о родном языке: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть». Он был влюблён в свой родной аварский, на нём произнёс «слово «мама», первое из всех», на нём «песни над колыбелью Мать пела» и «отец рассказывал красивые и волшебные сказки». Восславлял и другой язык, хотя говорил на нём с акцентом и не писал стихов: тот, что «рассказал о даях беспредельных, всех сограждан отдал мне в друзья... И сердцем всем, сын горца, я привык считать родным могучий тот язык...». Русский язык открыл перед поэтом весь мир и придал его поэзии мировое звучание.

Учёные определяют родной язык по-разному. Наиболее распространена его описательная, а не сущностная дефиниция: это язык, которым человек владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще, чем на других языках, ему мыслится, который является для него наиболее удобной и привычной формой выражения мысли и общения. Более мудрые указывают, что это язык «кровного этноса» или увязывают его с процессом социализации. Современные нации явно не характеризуются биологически, и люди, выросшие «в чужом» национальном окружении, становятся в языковом, да и культурно-духовном плане его представителями. Справедливо говоря о родном языке как социальном явлении, нельзя забывать, что по крови он материнско-этнический.

Изощённо предложение дополнить обе эти обусловленности тем, что язык позволяет личности себя самоидентифицировать: «Все остальные свойства языка вытекают из этого состояния, ибо лёгкость, быстрота и простота, удобность и привычность языкового употребления — это не что иное, как формы существования самоидентификации. При этом

нельзя не учесть характер связи сознания с языком как биологическим феноменом, то есть разобраться с понятиями сознание и самосознание, у которых различна мера вербальности, как и в связи языка и культуры, выступающих способами их экстерииоризации»*.

От увлекательного поиска простодушных или хитроумных определений кажется целесообразным обратиться к генезису самого явления. Признав, что суть родного языка в том, что он, как это само собой разумеется, и есть родной, полезно заняться изучением источников его происхождения и наблюдаемых коллизий и преобразований. При этом выяснятся и его отличия от «неродных», совсем чужих или родственных, один или несколько из которых почти каждый человек сегодня хорошо или плохо знает, по крайней мере, учил.

Язык усваивается вместе и параллельно со становлением мыслительной способности. Недаром говорится, что *homo sapiens* «разумный человек» — это обязательно и *homo loquens* «человек говорящий». Приоритет естественно принадлежит задаваемому мамой средству общения, её языку, языку её этноса. Природой запрограммировано усвоение языка (любого), но, видимо, одного. Только в ходе пользования взятым языком длительно и с усилием (стихийно и в обучении) мыслительная способность по мере взросления укрепляется и совершенствуется.

Вполне уместно говорить о родном языке как отдельного человека, так и всего государства. Во многих государствах считают, как и у нас, родным не только свой материнский язык, но и язык государства в целом, поскольку его население состоит из одного этноса, из лиц с одним и тем же родным языком. Этноним становится естественным корнем именованных языка и страны: *швед, японец, грузин — шведский, японский, грузинский — Швеция, Грузия, Япония*. Соотношение родного языка страны и родного языка отдельного её гражданина могут и не совпадать. Так, в Швейцарии многие граждане говорят по-немецки, по-французски, по-итальянски, и все эти языки считаются одинаково государственными. Многие, но не все швейцарцы знают, кроме родного, и остальные два.

В каждом современном государстве есть граждане иного происхождения, по рождению прошедшие или проходящие социализацию с малолетства не на материнском языке. Овладевая, повседневно пользуясь языком большинства, они тоже воспринимают его символом отечества. Мой покойный друг академик Н. И. Толстой был склонен, да и не он один, возражать против слова *россиянин* и, тем более, *советский*, настаивая на цепочке *русский* (язык, на котором говорят в России) — *русский* (православный человек из русской семьи, даже нерусский по матери), *Русь, Россия*. Сомнительны и малоудачны и такие газетные противопоставления, как *латыш и латвиец* «подданный Латвии, но не латыш».

Русские лингвоцентричны, им нравится увязка Тургеневым судьбы России с существованием русского языка. А с каким языком сравнить

швейцарцу удел своего отечества — разом со всеми тремя государственными? В отличие от них в Центральной и Южной Америке все испаноговорящие граждане видят в испанском родной язык своих во многом разных по устройству и судьбе стран, а отнюдь не только индивидуально свой родной язык, часто преувеличивая особенности произношения и словаря.

Исключения, как всегда и во всём, встречаются. У ребёнка в смешанной многоязычной обстановке, прежде всего, в двуязычной и бикультурной семье мыслительная способность иногда формируется сразу и параллельно на двух языках, отчего оба оказываются «первыми», в равной мере естественно данными, присвоенными, в отличие от «выученных» с тем или иным влиянием (негативным или положительным) первого и родного. Такие вообще-то весьма редкие ситуации изучаются онтолингвологией (например, в МПГУ профессором Е. А. Хамраевой). Видимо, даже в случае полного двуязычия и редчайшего случая независимо раздельного мышления на каждом из них, с соответствующими членениями действительности, восприятием и отражением её, с двумя «национальными картинками мира», одна преобладает в тот или иной период жизни, в той или иной тематике.

Человек просто не может жить одновременно в двух странах, в двух культурных окружениях. Впрочем, к проблеме можно подойти и иначе: обращая особое внимание на эффект, который двуязычие оказывает на мыслительную способность (см. публикации последних лет в мировых журналах “Bilingualism: Language and Cognition”, “Journal of Cognitive Psychology”, “Psychology and Aging”). Экспериментально, например, установлено, что двуязычная молодёжь легче справляется с трудными проблемами, чем монолингвальная, что у билингвалов в среднем реже наступает старческое слабоумие. При этом встречаются и попытки учесть характер первичного (родного, полученного от матери) и вторичного (благоприобретённого, самостоятельно выбранного и выученного).

Одновременное приобретение двух родных языков с младенчества как одинаково первоначальных, исходных в становлении умения мыслить нельзя не признать исключением из процесса, по которому развивается подавляющее большинство людей. Даже в разноэтнической семье роль каждого языка не одинакова, по разным причинам они различно влияют и на выработку мыслительной способности ребёнка. Прежде всего, семья не живёт постоянно в двух странах, в окружении сразу обоих языков. На уровне социализации гораздо обычнее и естественнее разновесомый параллелизм, дискретность, пошаговость, проявляющиеся в произношении, оттенках словоупотребления, образности.

Остаётся неясным вопрос о мышлении вне языка, скажем, у глухонемых. Естественно звучат фразы «Не вижу смысла в его доводах», «Согласен с его видением проблемы», потому что, кроме языка, в нашем об-

щении громадную роль играет зрение. Слепые же могут, скажем, судить, лишь о скверном или благом звучании слов, а не о красоте или уродстве лиц и предметов, ими обозначаемых, если только не осязают их прикосновением. В то же время благозвучие и какофония им доступны даже обычно глубже, чем зрячим. Умолчим о полных мысли мимах, танцорах и др.

Врождённые мыслительно-речевые навыки дают о себе знать даже при утрате языка в качестве постоянно используемого средства общения, при забвении его в силу проживания в другой стране и приобщения к иному этносу. По большей части люди не забывают родной язык, даже культивируют его в семейном общении. Используя в жизни и на работе второй, выученный язык, они мыслят на нём лишь частично, подсознательно практикуя некий перевод с родной «внутренней речи», как бы проверяя правильность выражаемого более привычной природной языковой материей.

Даже при великолепном знании чужого языка, как известно из наблюдений, в спешке, возбуждении, опасности и боли, теряя в полусознательном состоянии самоконтроль, под наркозом или на детекторе лжи человек возвращается к родному языку, начинает на нём вскрикивать, ругаться, считать.

Нигилистическим кажется призыв многих педагогов иностранного языка «забыть родной язык». Это невозможно, хотя несомненно следует стремиться преодолевать его излишнее воздействие, мешающее постичь особенности изучаемого. Говорят, что «знание языков расширяет кругозор», что «человек столько раз человек, сколько языков он знает», что «кто не знает другого языка, тот не понимает и свой собственный». Это всё несомненно. Однако в известной мере верно и то, что изучение другого языка есть всегда некоторое покушение на родной, на этно-национальную самобытность мышления. Не следует только экстремистски в политических целях доводить это обстоятельство до абсурда, считая, скажем, двуязычие, обогащающее человека, «двоемыслием» или «двоедушием». В то же время нельзя не принять всерьёз и споры вокруг возраста, в котором надо начинать учить иностранный язык, чтобы это не повредило восприятию родного.

Мне довелось наблюдать девушку с двумя родными языками, каждый из которых был автономен, независим от другого и раздельно связан очень прочно с закреплённым за ним миром, его реалиями и темами. Она мыслила по-русски (язык и культура окружающей среды, в которой жила и социализировалась, учась в школе, потом университете и работая), а также по-немецки (язык матери и отца — эмигрировавших в 1934 году в СССР, но так и не удосуживавшихся достаточно освоить русский язык). Семейная жизнь и внесемейная оказались разными и мало взаимодействующими мирами, каждый со своим языком и культурой, оказавшимися сильнее общей идеологии. Девушка совершенно не была спо-

собна переводить с языка на язык, не могла обсуждать московские дела по-немецки (Du kannst das auf Deutsch nicht sagen), по понятным причинам старалась и не показывать своё «немечество» окружающим. При встрече после её возвращения в ГДР после войны она на безупречном русском расспрашивала меня обо всём, даже о похороненных в Москве родителях, но о своей нынешней берлинской жизни могла рассказывать только по-немецки. Не раз встречались мне в смешанных семьях дети, которые говорили с куклами на разных языках в зависимости от того, кто подарил данную куклу.

Язык замыкает весь мир отдельного человека и его родины, даёт обычно название ей, её населению, культуре, истории, оборачивается универсумом, даже отгораживает от неё другие языки (в смысле «народы»). Хотя он и не выбран по воле, а дан родителями без спросу, он закреплён этнически и сознательно принадлежностью к данному народу, даже если иной раз они и не такие, как хотелось бы. Его, как и собственное тело, руки, глаза, голос, каждому гражданину суждено беречь и любить. Но можно ли жить только в своём мирке, особенно в условиях нынешней глобализации всего мира?

Поставив, пусть и не найдя на них вполне разумных ответов, сложнейшие вопросы: (1) может ли быть у человека в самом деле два родных языка, (2) может ли быть двуязычным целый этнос, а также (3) являются ли билингвы бикультуралами с двумя разными типами мышления, перейдём к проблеме языка как сущности, вообще инструмента общения и взаимопонимания людей и стран на Земле. Именно это со времён Вавилонского столпотворения чрезвычайно озадачивает и волнует человечество.

Мы молим Всевышнего: «Да свершится воля Твоя. Да придет царствие Твое на земли, яко же на небесех». Смешением языков Всесильный вряд ли наказывал людей за дерзкую попытку проникнуть в Его небесные чертоги. Напротив, Творец, разделив людей многими языками на племена, этносы, страны, оставил им всем самое орудие (звуковой человеческий язык) и умение общаться и мыслить. На благо всему человечеству Он сподвиг каждого самостоятельно развиваться, раскрывать заложенную творческую потенцию по-своему, решать даже схожие задачи независимо и соревновательно, стараясь не отстать от других, быть лучше, умнее, сильнее.

Чтобы следить за успехами друг друга, перенимать, заимствовать полезное, не замыкаясь в своём родном мире, только в своей культуре, вере, хозяйстве, кухне, веками повсюду ценили международные связи, пестовали толмачей и переводчиков, поощряли массовое изучение чужих языков. Гордились обычно, если их язык тоже изучается в иных странах. Пушкин мечтал; «И назовёт меня всяк сущий в ней язык», то есть каждый народ, племя, этнос, нация.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Сорокин. Ю.А.* В чём же суть понятия «родной язык»? // Русский язык в национальной школе. 1990. № 9. С. 10.

Kostomarov V. G.

REFLECTIONS ON NATIVE LANGUAGE

The article is devoted to the study of native language, which now appears both as a characteristic feature of the individual, and as a characteristics of the entire ethnic group to which he belongs. The author sees it as a characterization of the entire people, along with the general culture, spiritual mentality, religion, art, daily life, customs, history and even territory. Becoming an inherent feature of ethnicity and his country, the language characterizes them and composes national thought and culture, mental warehouse of the people, reflects the geography, natural and industrial-economic characteristics. It captures a moment in the past and the present, centuries-old experience of the people. It is a condition of independence and freedom, representing his Homeland.

Keywords: native language of the individual, native language of the state, identity, bilingual and bi-cultural family, innate cognitive-language skills.

Красных Виктория Владимировна

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия

victoryvk@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье излагаются некоторые основные теоретические положения психолингвокультурологии (ПЛК) — нового подхода к изучению языка, культуры и лингвокультуры как составляющих сложного единства «язык — сознание — культура — лингвокультура — человек — сообщество — коммуникация». Даются определения указанных феноменов, представляются их основные функции: язык в рамках ПЛК выполняет функцию означающего для семантики лингвокультуры; культура и лингвокультура — функции конгломерации, дифференциации, идентификации и легитимации.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, психолингвокультурология, идентификация.

Совершенно очевидно, что сегодня объем информации, производимой и потребляемой человеком (и отдельной личностью, и *Homo sapiens* в целом), нарастает с лавинообразной скоростью, что естественным образом обуславливает расширение границ «знаемого» или, по крайней мере, — «потенциально доступного знания». Вместе с тем в современном мире время и пространство все больше и все быстрее начинают «сжиматься», в первую очередь, вероятно, благодаря постоянному развитию разнообразных технологий, техник и практик. Как известно, «сжатие» ведет к уплотнению. Следовательно, сегодня мы имеем дело с объектом, с одной стороны, сложным, комплексным, многомерным и, если угодно, «многомирным» (если воспользоваться термином из области фундаментальных наук), с другой — сжатым, уплотненным, концентрированным. Все это неизбежно приводит к необходимости интегрирования различных отраслей знания. В силу этого современная научная парадигма (и не только в области сугубо гуманитарных наук) характеризуется не только антропологическим характером, но и интегративностью исследований.

Одним из возможных ответов на вызов нашего времени, который требует интегрирования достижений разных дисциплин, позволяющих разрабатывать новые подходы, отвечающие сложности нового объекта, думается, призвана стать **психолингвокультурология** (ПЛК), которая позволяет увидеть, проанализировать и научно обосновать взаимосвязь, взаимовлияние, взаимозависимость и взаимодействие неотъемлемых составляющих неслиянного единства «**язык — сознание — культура — лингвокультура — человек — сообщество — коммуникация**».

Соответственно, говоря сегодня о **языке**, представляется уже невозможным не учитывать его носителя — **человека говорящего**, а это зна-

чит, что и **сознания, культуры и лингвокультуры**, являющихся его (человека) «дифференциальными признаками», а также **коммуникации**, в которой происходит становление личности, и **сообщества**, в условиях которого протекает процесс социализации.

В рамках разрабатываемого подхода¹ **культура** понимается, вслед за В. Н. Телия, как «обладающее семиотической природой»² *мировидение, миропонимание и мироощущение некоторого сообщества*³, которое обладает также способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой — *воспроизводиться и сохраняться*, т. е. поддается транслированию как синхронно (между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы; «горизонтальная» трансляция), так и диахронно (не только непосредственно межпоколенно — от одного поколения другому, но и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; «вертикальная» трансляция).

Следовательно, культура может рассматриваться и как «надивидуальный механизм *хранения и передачи* некоторых сообщений (текстов) и *выработки* новых» (выделено мною. — В. К.) и может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы⁴. Эти идеи Ю. М. Лотмана определенным образом, на мой взгляд, соотносятся с понятием *образа мира*, предложенным и разработанным А. Н. Леонтьевым⁵ (ср. также с пониманием картины мира у М. Хайдеггера⁶). Образ мира и субъективен, поскольку он складывается у индивида в процессе накопления его прижизненного опыта, и объективен, поскольку соотносимость индивидуальных деятельностей в единой культурной среде обуславливает появление *общих компонентов сознания*. Кроме того, объективность образа мира (по А. Н. Леонтьеву) достигается также и тем, что *познание* человеком действительности опосредовано *единой для всех* представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации *системой значений*.

Что касается **лингвокультуры**, то она понимается как *культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык*⁷. Лингвокультура является *лингво-когнитивным* феноменом, формируемым не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но *образами сознания*, облеченными в *языковые знаки*. «Семантика» лингвокультуры — это *культурноносные смыслы, овнешненные в знаках языка*. Следовательно, изучение лингвокультуры необходимо требует выработки иных, новых методов исследований, методов интегративного характера, соответствующих комплексной (как минимум — лингво-когнитивной) природе анализируемых феноменов.

И если **языковое сознание** включает в себя опосредованные значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то **лингвокультура** — *только общие компоненты образа мира*, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой.

В свете сказанного думается, что есть некое «пространство общей памяти», формируемой общими компонентами образа мира и культурноносными смыслами, закреплённой именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где *культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают*, по В. Н. Телия⁸, *только как тела для знаков «языка» культуры*. Это «пространство» и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус третьей самостоятельной семиотической системы (наряду с языком и культурой).

Исходя из сказанного, представляется возможным утверждать, что в сфере культуры и лингвокультуры **язык** выполняет **функцию означающего**, а в роли **означаемого** выступают *культурноносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, семантика лингвокультуры, культура* как таковая.

Среди основополагающих **функций культуры и лингвокультуры** выделяются:

- 1) *конгломерирующая* — объединяющая «своих»;
- 2) *дифференцирующая* — отграничивающая «своих» от «иных — других — чужих» (в скобках замечу, что именно эти две функции культуры, как правило, и находятся в фокусе внимания, когда речь идет о межкультурной коммуникации);
- 3) *идентифицирующая* — *зд.*: устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу; например, либо «я / ты свой, это наше», либо «я / ты иной / другой / чужой, это не наше»;
- 4) *легитимирующая* — «узаконивающая», придающая феномену статус признанного / принятого / достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость.

Данные функции **языка, культуры и лингвокультуры** предопределяют их роль как одного из важнейших факторов, лежащих в основе культурной идентификации личности / феномена и культурной самоидентификации личности.

Иначе говоря, освоенные, усвоенные и присвоенные человеком личностью **культура** (совокупность знаков, значений, интересов, целей, установок, оценок, знаний и т. д.) и **лингвокультура** (культура оязыковленная, явленная и закреплённая в знаках **языка**) лежат в основе, с одной стороны, *самоидентификации личности* как члена определенного сообщества, а с другой — *идентификации* данной личности как «своего» или «чужого» со стороны того сообщества, к которому данная личность

себя причисляет. При этом в данном случае мы имеем дело с *идентифицирующей*, а значит, и с *дифференцирующей* и *конгломерирующей* функциями культуры.

И в заключении замечу, что в основе культурной идентификации / самоидентификации лежат, как представляется, разные феномены в зависимости от того, с какой точки зрения рассматривается сам процесс идентификации⁹.

1. *Со стороны человека говорящего (Homo Loquens)*: в основе культурной идентификации / самоидентификации лежит *культурно-языковая компетенция*, понимаемая, вслед за В. Н. Телия, как умение *кодировать в знаках языка и декодировать культурноносные смыслы*, умение видеть за знаками языка единицы «языка» культуры и лингвокультуры. Идентификация и самоидентификация личности предполагает выявление культурной / лингвокультурной идентичности.

Культурная / лингвокультурная идентичность Homo Loquens предопределяется как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы соотносятся с этнической и культурной самоидентификацией личности. Внешние факторы самым непосредственным образом связаны с языковым, культурным, лингвокультурным окружением. Культурная / лингвокультурная идентичность предполагает следующее: принадлежать определенной культуре и говоря на определенном языке, личность владеет соответствующей лингвокультурой, обладает культурно-языковой компетенцией, т. е. умеет кодировать и декодировать знаки данного языка как знаки «языка» данной культуры (по В. Н. Телия).

2. *Со стороны предмета* — объекта культурной идентификации: принципиально важное значение для культурной идентификации предмета имеют его свойства, признаки, качества, которые соответствуют / не соответствуют бытующим в данной культуре представлениям о должных / наличных свойствах, признаках, качествах предметов данного типа.

3. *Со стороны культуры / лингвокультуры*: культурная идентификация / самоидентификация личности базируется на единицах культуры и лингвокультуры, а также на функциях, которые выполняют как данные единицы, так и культура и лингвокультура в целом. Определяющая роль при этом принадлежит словарю и грамматике лингвокультуры (словарь лингвокультуры есть оязыковленные культурные смыслы и образы, а грамматика таковой — таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование¹⁰).

Особое значение обсуждаемые вопросы получают в наши дни, поскольку в результате значительных и достаточно стремительных изменений условий жизни человека мы имеем явные тенденции к *небывалому по масштабу смешению языков и культур* и тем самым к определенному *смещению культурных доминант, изменению паттернов культур и иерархий ценностей*, что не может не отражаться на коммуникативном и, в частности, речевом поведении *Homo Loquens* (человека говорящего).

Иначе говоря, мы оказываемся в ситуации постоянно нас окружающей и часто нами не замечаемой полифонии — языковой и/или культурной¹¹.

Исходя из этого, следует особо подчеркнуть, что в современных условиях указанной полифонии, имеющей место и в границах отдельного государства (для России этот особенно актуально), и в мире в целом, представляется крайне необходимым учитывать в процессе преподавания языка культуру и лингвокультуру, ибо последние достижения филологической науки со всей очевидностью свидетельствуют, что адекватная и — тем более — успешная коммуникация возможна тогда, когда коммуниканты в должной мере владеют не только языком общения (определенным естественным языком), но и «языком» культуры, и лингвокультурой, которые «тенью отца Гамлета» стоят за любым коммуникативным актом. Представляется, что психолингвокультурология призвана и способна ответить на многие уже существующие сегодня в науке вопросы и поставить новые, актуальные как в теоретическом плане, так и в плане практики преподавания русского языка как языка межкультурного общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Красных В. В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education, 2011. Т. 2. С. 12–17; или: Русский язык за рубежом. 2011, № 4. С. 60–66; *Красных В. В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. №2. С. 7–18.

² *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. С. 222.

³ Сообщество понимается вслед за Бенедиктом Ричардом О'Гордоном Андерсоном как сообщество «воображаемое» (imagined communication), т. е. социально сконструированное, воображенное теми, кто считает себя его представителями; см.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/.

⁴ *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. URL: www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm.

⁵ См., напр.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. URL: <http://psylib.org.ua/books/leona01/> или www.biblion.mobi/archive/genres/psychology/a.n.leontyev01.html; *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html. Напомню, что для А. Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и в то же время объективность. Многомерность образа мира обуславливается тем, что «в образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает только рефлексия, и это важно!)» [Указ. соч.].

⁶ См.: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальные решения относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего». *Хайдеггер М.* Время картины мира. // Новая технократическая волна на Западе: сб. статей / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 93–118. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Vr_KartMi.php.

⁷ Подробнее см., напр.: *Красных В. В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education, 2011. Т. 2. С. 12–17. Или: Русский язык за рубежом. 2011, № 4. С. 60–66; *Красных В. В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. №2. С. 7–18.

⁸ *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.; *Телия В. Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. (Фундаментальные словари). С. 776–782.

⁹ Подробнее см.: *Красных В. В.* Культурная идентификация и самоидентификация: взгляд филолога // Межэтническое общение: контакты и конфликты: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: ИЯз РАН, МИЛ, 2012. С. 16–28.

¹⁰ Подробнее см., напр.: *Красных В. В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10–24; *Красных В. В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 14–18 октября 2008 г. / под ред. Т. И. Поповой и Е. Е. Юркова. В двух частях. Т. II. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2008. С. 333–344; *Красных В. В.* Преподавание русского языка в условиях языковой и культурной полифонии: необходимость учета культуры и лингвокультуры в процессе обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2013, № 4. С. 55–66.

¹¹ **Языковая полифония** по сути своей есть сосуществование на едином коммуникативном пространстве нескольких языков, не предполагающее их обязательное равноправие и равное их функционирование в одних и тех же сферах. И в этом ее принципиальное, на мой взгляд, отличие от дву- / многоязычия, которое можно определить как равноправное сосуществование и равное функционирование двух / нескольких языков в одних и тех же сферах (образовательной, политической, научной и т. д.). Однако не будет, думается, ошибкой считать дву- / многоязычие одним из видов языковой полифонии, которая представляет собой феномен более широкого порядка. **Культурная полифония** предполагает сосуществование нескольких культур в пределах одного национально-лингво-культурного сообщества при их возможном равноправии или неравноправии (вплоть до ситуации доминирования — на правах «титულიной», престижной и/или обязательной для всех — одной из культур). О том же см.: *Красных В. В.* Преподавание русского языка в условиях языковой и культурной полифонии: необходимость учета культуры и лингвокультуры в процессе обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2013, № 4. С. 55–66.

Krasnykh V. V.

MAIN FUNCTIONS OF LANGUAGE, CULTURE AND LINGUO-CULTURE IN THE LIGHT OF PSYCHO-LINGUO-CULTURAL STUDIES

The article provides some basic theoretical propositions of psycho-linguo-cultural studies (PLC), i.e. a new approach towards researching language, culture and linguo-culture. The latter phenomena are regarded as components of a complex indivisible unity «language — mind — culture — linguo-culture — human — community — communication». The paper proposes definitions of the given phenomena and sets out to show some basic functions which these phenomena can carry out: language within the PLC serves as a signifier; conglomeration, differentiation, identification and legitimating are the main functions of culture and linguo-culture.

Keywords: language, culture, linguo-culture, psycho-linguo-cultural studies, identification.

Креч Татьяна Васильевна

Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры, Украина

Krech47@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В статье дается понимание вторичной языковой личности и решаются проблемы формирования языковой компетенции иностранных студентов в продуктивном диалоге культур. В статье также рассматриваются индивидуальные этнокультурологические и психолингвистические проблемы, обусловленные особенностями развития и трансформаций современного социума в русле традиций дискурсологии.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, языковая компетенция, диалог культур.

Несколько лет подряд я занималась исследованием лингвометодических и социокультурных особенностей *вторичной языковой личности*, начиная с попытки уточнить само это понятие, которое ставится под сомнение некоторыми серьезными исследователями, и заканчивая описанием набора тех языковых компетенций, которые необходимы и достаточны в процессе обучения русскому языку иностранных студентов.

Нужно сказать, что проблема эта достаточно глубоко исследована в современной лингвистике. Достаточно вспомнить фундаментальный труд Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность»¹.

Что касается непосредственно методики преподавания русского языка как иностранного, то одной из ее важнейших задач было и остается формирование в сознании иностранных учащихся объективного представления о выраженном в изучаемом языке образе мира либо с позиций лингвокультурологии, которая исследует совокупность культурных ценностей, как это делается в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. Е. Прохорова, либо посредством описания живых коммуникативных процессов, как предлагали В. Н. Телия, Ю. М. Лотман (интересное совпадение взглядов представителя консервативной классической филологии Веры Николаевны Телия и одного из самых ярких представителей структурализма Юрия Михайловича Лотмана, что, в конечном итоге, привело к возникновению одного из самых интересных направлений современного языкознания — дискурсологии), либо в системном описании языковой картины мира, обеспечивая, по мысли В. В. Воробьева и А. В. Маслова, решение в совокупности образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач.

Вторым этапом моего научного интереса стало исследование понятия «дискурсивная личность» в том смысле, в котором этот концепт предлагает Л. Н. Синельникова². К этому меня подтолкнула острая необходимость сосредоточить внимание на речевом поведении, что непо-

средственно связано с языковым сознанием иностранного студента, с использованием неродного языка в различных социокультурных контекстах и речевых практиках.

И тут я не могу не отметить с особой гордостью за нас, русистов, тот факт, что, по мнению уже упомянутой Л. Н. Синельниковой, одного из основателей современной украинской дискурсологии, «концепт «языковая личность», так много давший в свое время лингвистам, социологам, педагогам, потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся изысканий в области дискурсологии, из чего следует, что мы, русисты, из года в год вносили свою весомую лепту в дискурсологию, иногда даже не подозревая об этом.

Именно исследование концепта «языковая личность» натолкнуло меня на мысль об изучении влияния социума на формирование языковой личности.

Хочу отметить, что фундаментальных современных работ социолингвистического толка очень мало, а сама жизнь подбрасывает практикам русистам факты, которые нельзя обойти вниманием.

Мы постоянно жалуемся, что языковая подготовка наших студентов с каждым годом катастрофически ухудшается, ищем различные причины этому, предлагаем методы исправления существующих недостатков.

Исследуя этот вопрос, я пришла к заключению, что есть проблемы, которые таят в себе некие индивидуальные этно-культурологические и психолингвистические проблемы, которые в наш век всеобщей глобализации имеют обобщенный, знаковый характер.

Начнем с того, что с каждым годом нам все труднее дается процесс социализации наших студентов, нам все труднее привить им те необходимые устойчивые навыки, своеобразные поведенческие клише, которые необходимы и достаточны в различных жизненных ситуациях и сферах общения в чужой стране. И это связано с тем, что уже в детском возрасте эти навыки с каждым годом привить все труднее. Приведу цифру, которая меня впечатлила: по данным известного педагога, профессора А. А. Любимова, у 98% детей дошкольного возраста отсутствуют первичные признаки социализации — первым здороваться со старшими, уступать им дорогу, встать утром с улыбкой, беречь то, что тебе подарили и т. д. Причин такого асоциального поведения много, и одна из них, на мой взгляд, в чрезмерном увлечении современными информационными технологиями, что уже в детстве лишает ребенка навыков обычного человеческого общения, заменяя их навыками коммуникации. Известная озабоченность по этому поводу то и дело возникает и в мировой педагогике.

Вторая тенденция, истоки которой лежат в современном социуме, — устная речь. В своей практике мы повседневно сталкиваемся с лингвометодическими трудностями в этом виде речевой деятельности. Еще одна

тревожная цифра: около 90% выпускников школ не владеют ею в полном объеме. Если раньше словарный запас выпускников школы составлял 6–10 тыс. слов, то сейчас он в половину меньше. И это тоже глобальная тенденция, которая заставляет нас глубоко задуматься о причинах данного явления. Приведу характерный пример: во многих мультфильмах вообще нет слов, особенно в зарубежных, а в блестящем советском мультфильме «Ну, погоди!» их всего несколько.

Нет в современной школе и понимания того, что такое учиться читать. Мы, русисты, прекрасно понимаем, что научить читать — это значит не привить умение складывать буквы в слова, а слова в предложения. Важно сформировать коммуникативное умение извлечения определенных смыслов текста. А ведь мы, формируя вторичную языковую личность, накладываем совокупность языковых компетенций на некую материнскую плату в виде первичных навыков и умений, и, если они сформированы недостаточно или вообще отсутствуют, наша задача становится на порядок сложнее.

Не лучше обстоят дела и в письменной речи. Опять-таки, учиться писать — это отнюдь не искусство красиво выводить буквы. Как мы помним, замечательный каллиграф князь Мышкин интеллектуалом не стал, что подтверждает и название романа Ф. М. Достоевского. Кстати, еще одна интересная цифра: по данным японских ученых, 80% молодых людей в возрасте до 30 лет разучились писать иероглифы, для них гораздо привычнее компьютерная клавиатура. В наше время, когда все переходят на планшеты, выражение «учиться писать» приобретает новый смысл: выработать навыки коммуникации по предъявлению самому себе и другим впечатлений, воображений, научных знаний.

Что касается обучению реферированию, аннотированию, то тут проблем еще больше — от чисто методических до психологических, когда преподаватели специальных дисциплин превращают рефераты в меру наказания, не требуя при этом соблюдения регламентированных норм выполнения такой работы.

Вот эти три угрозы, заложенные в самом социуме, приводят к тому, что наши студенты не умеют вести научную дискуссию, убеждать, двигать систему контраргументов.

Как не вспомнить великого грека Гомера, который писал: «после главной доблести мужчины — умения сражаться — следующая доблесть — умение вести дискуссию». Именно в риторике на Агоре гражданин отстаивал свою точку зрения, на ее основе принимал решение и отвечал за него собственной жизнью, таким образом он формировался как оратор.

И если есть эти провалы в развитии языковой личности, то возникает провал и в интеллектуальном развитии.

Я не готова сейчас дать полный анализ причин, вызывающих социальные угрозы формированию языковой личности, но одна из причин,

по моему глубокому убеждению, заключается в том, что человеческое общение мы все чаще заменяем актами коммуникации. Вот как определяет значение глагола «общаться» известный лингвист Анна Зализняк: «Этот глагол обычно подразумевает, что люди разговаривают в течение некоторого времени преимущественно с целью поддержания душевного контакта, ощущения общности».

Общение в русском языковом сознании — это большая ценность и источник радости.

Позволю в этой связи привести еще одну цитату, принадлежащую перу великого реформатора сцены К. С. Станиславскому, который, обращаясь к актерам, говорил: «При общении вы прежде всего ищете в человеке его душу, его внутренний мир». Кстати, Анна Вежбицкая считает, что точного эквивалента русского слова «общение» нет ни в одном языке мира, чего не скажешь о коммуникации. Ничего из выше перечисленного нет в заимствованном слове «коммуникация», несмотря на его востребованность в современном мире и современной методической науке.

В этом слове не первый план выступает такой смысл, как обмен информацией, нечто бездушное, утилитарное, технократическое. Общение же не сводится к обмену информацией, в общении не обойтись без духовности.

Как известно, одной из самых распространенных форм общения является диалог, который, по мнению Л. В. Щербы, не что иное, как естественная форма внутренней и внешней речи³.

Продолжая эту мысль, Е. Кожемякин пишет: «Мышление — необходимый компонент рефлексии человека и само становится объектом этой рефлексии».

Проецируя эту мысль на социокультурный фон, сопровождающий обучение иностранных студентов русскому языку, мы обязательно приходим к мысли о необходимости диалога культур в процессе такого обучения.

Иногда мы, поддаваясь общим тенденциям глобализации, вместо диалога культур неоправданно широко используем интернациональные слова, что еще уместно в аудитории англо- и франкофонов, но совершенно нецелесообразно в китайской или туркменской аудитории.

Да, действительно, существуют общечеловеческие ценности, которые сближают народы, делают диалог культур плодотворным и понятным.

Одновременно у каждого народа, у каждой локальной цивилизации, у каждого общества, у каждой культуры имеется своя «пирамида ценностей». В основе этой пирамиды лежат некие базовые понятия, образующие своеобразный архетип менталитета тех или иных народов, тех или иных ценностей.

Так, например, идиомы «тыловая (штабная, канцелярская) крыса» вызывают у нас негативное отношение к факту, обозначенному этим вы-

ражением, в китайской же аудитории крыса символизирует мудрость, жизненный опыт, надежность, что вызывает необходимость в особой семантизации выражения. Это же касается и распространенного в русском языке выражения «змея подколотная».

Межкультурная коммуникация в процессе обучения языку становится средством познания культуры и традиций русского народа.

Обучаясь в наших вузах, иностранные студенты сталкиваются с проблемой, вызванной всеобщей глобализацией и вестернизацией и ее проявлениями в современном русском языке, что еще больше обостряет и усложняет проблему распознавания на уровне «свой — чужой».

Распространение всемирной сети, вестернизация — еще одна угроза сохранения традиций в обучении русскому языку, его функционированию в различных сферах. Сейчас появилось много интересных работ, в которых в той или иной мере освещается эта проблема. Но сама по себе она так многогранна и значима, что нуждается во всестороннем осмыслении.

В данной статье я попыталась определить болевые точки, которые отражаются, как в зеркале, в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Закончить я хочу словами великого восточного мудреца XIII века Саади: «Умен ты или глуп, велик ты или мал, не знаем мы, пока ты слово не сказал».

Бережное отношение к великому русскому слову, его сохранение и приумножение — тот антидот, который поможет справиться с угрозами, таящиеся в современном социуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010, 264 с.

² Синельникова Л. Н. Научный концепт «Дискурсивная личность» как эпистемологическая закономерность // Науч.записки Луганского национального университета: сб. науч. трудов. 2011 № 1 (33). С. 198–215

³ Щерба Л. В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студентов филологических факультетов. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ Academia, 2003. 160 с.

Krech T. V.

LINGUISTIC IDENTITY IN THE MIRROR OF MODERN SOCIOLINGUISTIC CHALLENGES

The article gives a concept of the secondary linguistic identity and solved the problems of forming the linguistic competence of foreign students in productive dialogue of cultures, it article also examines individual etnoculturological and psycholinguistic problems, caused by development features and transformations of modern society in the traditions of discoursesology.

Keywords: second linguistic identity, linguistic jurisdiction, dialog of cultures.

Ласорса Съедина Клаудиа

Университет «Рим Три», Италия

claudialasorsa@alice.it

ОБИХОДНО-БЫТОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НУМЕНЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИТАЛЬЯНСКИМ ЯЗЫКОМ

В преподавании РКИ европейским будущим филологам-русистам важную роль играет приобщение учащихся к церковнославянской традиции в современном русском языке. Такое же значение имеет лингвокультурологический аспект обиходно-бытовых представлений о Нумене (лат. Numen, *Бог, божество, высшая сила*) носителей русского языка и об отношении Нумена к людям. Соответствующие цитаты из творчества А. С. Пушкина и их сопоставление с их переводом на итальянский язык подтверждают общность таких представлений у носителей итальянского языка, и с большой долей вероятности, у носителей других европейских христианских языков-культур.

Ключевые слова: российское православие, Нумен, культурная идентичность, европейские языки-культуры.

1. Одна из насущных проблем полноценного преподавания русского языка европейским учащимся, и особенно будущим филологам-русистам — воссоздание общеевропейского культурного фона, очень значительной долей которого является церковнославянский фон русской культуры¹. Не менее важно и плодотворно в лингвокультурологическом аспекте преподавания РКИ — сопоставительное воссоздание обиходно-бытовых представлений о Нумене (Numen, по-латыни: *Бог, божество, высшая сила/воля/власть*) в русском и других языках, в частности, общеевропейских христианских языках-культурах.

Как известно, антропологические истоки любой культуры религиозны: человек, как говорила схоластика, не *ens causa sui*, не самодостаточен.

Постоянная, оглядка на Нумена в традиционном русском быту, ставшая, правда, бездумной и при сегодняшней секуляризации отчасти устаревающей — это одна из граней народной души. Она характерна для фразеологии языков различных религиозных конфессий (ср., к примеру, «*иншаллах*», *даст Бог*), и в этом отношении русский язык отличается от других европейских языков разве что бóльшим удельным весом соответствующих речений. Из всех христианских конфессий православие наименее демифологизировано и десакрализовано; а русский человек, как сказал И. С. Шмелёв, просолен православием.

2. Синонимичные клишированные словосочетания и фразы собраны вместе Е. М. Верещагиным в интересном его методическом исследовании². Мы считаем, что приведённый им перечень речений с ключевыми лексемами *Бог, Господь и Христос* для нашей цели является вполне достаточным с точки зрения репрезентативности материала. Поэтому в нашем изложении мы придерживаемся его перечня, позволяющего в структурированном виде производить сопоставление с родным языком учащихся.

В заключении мы изложим возможные пути внедрения данных клишированных словосочетаний и фраз в практику преподавания РКИ.

3. Обобщения Е. М. Верещагина разделены на две группы. В первой исчисляются обиходные представления носителей русского языка о Нумене (и о его отношении к людям); во второй — императивы, которым должен следовать человек по отношению к Нумену. Степень «истинности» данных сведений-представлений — их отражение в произведениях А. С. Пушкина, камертона русского литературного языка. Поэтому цитируются в первую очередь именно его произведения³, и вслед за цитатами, перевод на итальянский язык крупнейшими итальянскими пушкинистами-переводчиками: Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto, ⁴ ELG), Томмасо Ландольфи (Tommaso Landolfi⁵, TL), Сильвио Полледро (Silvio Polledro⁶, SP). Где нет указаний, перевод принадлежит автору этой статьи. Такое же сопоставление можно легко расширить, точнее перенести на все европейские языки, на которые первый русский поэт переведён.

3.1. Итак, Нумену приписываются следующие характеристики:

Нумен является творцом прекрасного мира и заботится о своих тварях:

(Каждый) Божий день, ср. Tutti i santi giorni; ...Глаза мои прозрели; я увидел / И Божий свет, и внука, и могилку» БГ: / *Il mondo del buon Dio*, TL; Птичка Божия не знает / Ни заботы, ни труда, Ц: *Lucellino del Signore*, ELG

Нумен устраивает также социальные отношения между людьми:

Нет власти как от Бога, Ogni potere viene da Dio;

Нумен распределяет между людьми таланты, способности, богатство и другие качества:

искра божья: (il bambino) ha del talento; художник божьей милостью, è un pittore nato; *He умудрил Господь*, БГ: *Il Signore non t'ha fatto furbo*, TL;

Нумен — свят, правый, праведный:

Как Бог свят!; Боже праведный!; Боже правый!; — Как Бог свят, я Ивану Кузьмичу того не говорил, КД: *Com'è vero Dio*, a Ivan Kuzmic' non lo dissi. SP; «И гром ещё не грянул, Боже правый!» СР: «Né ancor tuona la folgore, Dio giusto!», TL;

Нумен, в отличие от людей, всеведущ:

А Бог его знает!; Бог ведаёт / весть!, Dio lo sa; Видит Бог!, Dio vede; ср. в Станционном смотрителе: — Здорова ли твоя Дуня? — А Бог её знает, — отвечал он. — *Ma Dio lo sa*; [...] Жива ли, нет ли, Бог её ведаёт. КД: *Dio lo sa*. SP;

Нумен — долготерпелив и не спешит наказывать грешника:

(Пока) Бог (грехам нашим) терпит, Dio sopporta (i nostri peccati); Пока (нас) Бог миловал; Доселе Бог миловал. Всего-навсего разграбили у меня один анбар, Д: *Finora Dio mi ha risparmiato*;

Нумен (много) милостив (его можно умолить):

Помилуй / сохрани Бог! Dio abbia pietà, (misericordia — di noi), *Miserere nobis!* / Dio (ci) protegga! / conservi!; Сто рублей! Боже ты милостивый! КД: *Dio misericordioso!* SP;

Нумен может быть свидетелем во взаимоотношениях между людьми:

Вот те Бог! (клятва), Giuro su Dio, Dio (mi) sia testimone! (giuramento); «Помилуй сударь, ... я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью...» КД: *Dio lo vede*, SP;

Нумен определяет уmonoстроения, (некоторые) поступки человека, а также исход дела:

Как Бог (кому-либо) на сердце/на душу положит Come Dio ti suggerirà / ispirerà; (А уж там,) что/как Бог даст (фаталистический призыв): «Нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз выпиться живой кровью, а там, что Бог даст! КД: e poi sarà quel che Dio vorrà!». SP;

Нумен сопровождает (= хранит) каждого человека:

Иди себе с Богом!, Va' con Dio!; Максимич, иди себе с Богом. КД: Maksimic', vattene con Dio. SP; Бог с тобою, Пётр Андреич, КД *Dio sia teco!*, SP;

Нумен приходит человеку на помощь:

Бог в помощь! Dio ti/vi aiuti!; Бог помочь вам, друзья мои, / В заботах жизни, в царской службе, / Бог помочь вам, друзья мои, / И в бурях, и в житейском горе: *Dio vi aiuti*, amici miei...

По смерти человека Нумен принимает его душу:

Отдать душу Богу, render l'anima a Dio; Бог прибрал / призвал кого-либо к себе: Dio ha chiamato qc. a sé;

Нумен судит людей, а после смерти человека выносит окончательный приговор:

Суди ты Бог!, Ti giudichi Iddio! / il Padreterno!; Предстанешь перед судом Божиим, Ti presenterai al tribunale di Dio/ del Signore; Да рассудит нас Бог!, Ci giudichi Iddio!; «Голова моя в твоей власти: отпустишь меня, спасибо; казнишь — Бог тебе судья», КД: *Dio ti sia giudice*, SP; «И не уйдёшь ты от суда мирского, / Как не уйдёшь от Божьего суда», БГ: *Né il giudizio del mondo fuggirai*, / Come non fuggirai quello divino, TL; Ср. также у Лермонтова: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата, / Есть грозный суд: он ждёт»: *Ma esiste, esiste pure, ... / un tribunale divino! / Un giudice terribile, che vi aspetta...*, RM!;

Бесчестный человек, по общему убеждению, — безбожник:

Да он нехристь!, *Ma è un senza Dio!*/è un empio!; Да ты Бога не боишься, разбойник! КД: *Non hai timor di Dio*, brigante!, SP;

За проступки Нумен наказывает людей:

Бог (тебя) накажет!, Dio ti punirà!; Перед Богом ответишь: *Ne risponderai davanti a Dio*;

За благие поступки Нумен награждает людей:

Бог/Господь тебе воздаст/оплатит за это!. Dio / il Signore ti ricompenserà/ripagherà / te ne renderà merito!; Награди вас Господь за вашу добродетель, КД: *Vi compensi il Signore del vostro beneficio*, SP;

Нумен по молитве прощает проступки человека (= изглаживает грехи):

Бог простит!; « — Прости меня, Сонюшка! ... Ну, ну, — Бог простит...» (А. Белый, *Петербург*): «Perdonami, Sonjuška! ...Su, su, — Dio perdonerà...»

3.2. Человек в отношениях с Нуменом должен придерживаться следующих императивов:

Человек должен молиться Нумену:

Заставь дурака Богу молиться (, он весь лоб расшибёт): *Fa' pregar Dio a uno sciocco*, si ammaccherà tutta la fronte; ит.: Pregare Dio per i vivi e per i morti; «Ну, Маша ... Молись Богу, он тебя не оставит», КД; — Orsù, Mascia ... *Prega Dio*, Egli non ti abbandonerà, SP;

Человек должен любить Нумена и опасаться извлечь на себя его гнев:

«Батюшка Пётр Андреич! ... Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников!», КД: *Bàtiuska Piotr Andreic' ... abbi timor di Dio!* SP;

Любое дело совершается во славу Божию (ad maiorem Dei gloriam):

С Богом! (= иди, действуй, а также «в добрый путь!»): Con Dio!, Dio (ti) accompagna!; Раздался звучный глас Петра: / «За дело, с Богом!», П: «All'opra, con Dio!», ELG;

Некоторые поступки человека совершаются не ради выгоды, а в надежде на заградное воздаяние («ради Бога»):

За-ради Бога, Бога ради: Per amor di Dio / del cielo, Per carità di Dio; « — Ради Бога, не трогайте его, не смейте его тронуть ... » Д: *Per amor di Dio*, non lo toccate...; *Ну, прости меня, Христа ради!* Per amor di Cristo, perdonami! Собственно само клише *Прощай / Прощайте!* означает «прости мне, если я чем-либо согрешил перед тобой»: «Поцелуемся ж и мы ... — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне, коли в чём я тебе досадила! — Прощай, прощай, матушка!», КД; *Addio, mio Ivàn Kuzmic'. Perdonami se in qualche cosa ti recai dispiacere. — Addio, addio, mamma!* SP;

Призывая Нумена в свидетели, человек заверяет в своей искренности:

Эй-Богу! (божба): Per Dio! *Клянусь (Господом) Богом;* Giuro su Dio!; *Эй-же-Богу!* Quant'è vero Iddio!; *Накажи меня Бог! Бог разрази / убей меня на этом самом месте!*, Dio mi fulmini! / mi ci faccia rimanere!, romanesco: Me possino cesa!, Me possi cascà a tera!; «Коли лгу, пусть Бог велит / Не сойти живой мне с места», МЦ: ... che il Signore / mi ci faccia rimanere!, TL;

Бог свидетель: «Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, *Бог свидетель*, ни единой капли во рту не было...», Д: Io ubriaco? *Bàtjuška Vladimr Andreevič, Dio è testimone ...;*

Один человек своей молитвой может привлечь благодать к другому человеку:

Спасибо: Grazie! *Спаси Господи!*: Dio ti salvi!, Dio sia con te; *Буду за вас Бога молить;* « — А, старый хрыч! ... Опять Бог дал свидетеля. Ну, садись на облочок. — Спасибо, государь, спасибо... *Дай Бог тебе сто лет здравствовать... Век за тебя буду Бога молить,* КД: *Ti conceda Iddio cent'anni di salute... In eterno pregherò Dio per voi, ...*SP;

Человек молитвой может отвлечь потенциальное несчастье:

Помилуй / сохрани Бог! Dio abbia pietà di noi / ci scampi!; *Не дай Бог!*, Dio non voglia!; «*Не дай мне Бог сойти с ума: Non voglia Iddio ch'io perda la ragione,* ELG; «*Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!*», КД: *Dio guardi dal vedere una sommossa russa, stupida e spietata.* SP;

Человек вправе надеяться на помощь Божию («уповать»):

Не в силе Бог, а в правде! Non nella forza è Dio, ma nella verità!; «Авось дадим отпор Пугачёву. *Господь не выдаст, свинья не съест!*», КД; *Se Dio non ci abbandona, il porco non ci mangia.* SP;

Человек молитвой может повлиять на благоприятный исход дела:

Дай-то Бог!, Dio voglia, Voglia Iddio; «Дитя моё, ты нездорова; / *Господь помилуй и спаси!*» EO: "... che t'assista e ti salvi Iddio Signore..." , ELG; *Давай Бог ногу!*: Che Dio ce la mandi buona!

За благодеяния Божии надо благодарить:

Слава Богу (в ответ на вопрос о здоровье и о делах, встречается 18 раз в КД): Grazie a Dio, Dio sia lodato, *Deo gratias; Всё/опять не слава Богу!*: lett.: Sempre / Di nuovo non grazie a Dio!; *Чего ещё от Бога желать? Пока Бог милует:* Cosa voler ancora dal Signore? Finora Dio ci ha protetto; (*Живём,*) (на Бога) *не жалуюсь:* (Viviamo,) non ci lamentiamo; (*Живём,*) *благодарение Богу, ничего себе:* (Viviamo,) ringraziando Dio, non c'è male; (*Живём,*) *как у Христа за пазухой,* lett.: (Viviamo) come in grembo a Cristo, «... покушай-ка, батюшка, да и почивай

себе до утра, как у Христа за пазухой», КД: ... riposa fino a domattina, come in grembo a Cristo. SP;

Человек должен сознавать свои грехи перед Нуменом:

Грехи наши тяжкие!: Abbiamo molto peccato!

Человек не должен требовать от Нумена слишком много:

Не гнви Бога!, lett.: Non provocare l'ira di Dio! Non tentare (mettere alla prova) il Signore!

Поскольку суды Божии праведны, человек должен терпеливо сносить несчастья (и не «роптать»):

Посетил Господь Dio (ci) ha visitato; Все под Богом ходим! Siamo tutti sotto il Signore; *Бог терпел и нам велел:* Dio ha sopportato e a noi così ha ordinato; *Бог дал, Бог и взял,* Dio ha dato, Dio ha tolto; *Так уж Бог судил / велел: Тал, видно, Бог велел.* Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет, EO: *Come il Signore comandò.* ELG; *Предадимся / отдадимся воле Божией:* Affidiamoci / rimettiamoci alla volontà di Dio (del Signore); Я уж решил, *предав себя Божией воле, ночевать посреди степи...* « КД: M'ero ormai risolto, rimettendomi al voler di Dio, a pernottare in mezzo alla steppa, ELG; «Видно мне не судьба... Родители ваши не хотят меня в свою семью. *Буди во всём воля Господня!* Бог лучше нашего знает, что нам надобно ... *Покоримся воле Божией,* КД: ...*Sia fatta in tutto la volontà del Signore!* Dio sa meglio di noi quel che ci occorre. [...] *Pieghiamoci al volere di Dio.* SP; Иван Кузьмич, *в животе е смерти Бог волен:* благослови Машу.. КД; Ivàn Kuzmic', *in vita e in morte Dio dispone:* benedici Mascia. SP;

4. Аналогичным образом можно исследовать и другую лексику русской концептосферы, имеющую в семантике православно-религиозные смысловые доли. Краткий показательный список этой лексики даётся ниже, наряду с итальянским переводом:

Агнец, Agnus Dei, agnello sacrificale; *ад (крошечный)*, inferno, specie fig.; *акафист (петь акафисты)*, akáthistos, acátisto (cantare acátisti), inneggiare; *алтарь (принести на алтарь)*, offrire sull'altare; *аминь, amen;* *анафема (предать анафеме)*, anatema, scomunicare; *апостол, apostolo;* *бес, il diavolo;* *библия, la Bibbia;* *благо(й), il bene, buono;* *благовещение, l'Annunciazione;* *благодарю, rendo grazie;* *благословлять, benedire;* *благоворительность, beneficenza;* *блаженный, beato;* *богородица, la Madre di Dio;* *божница, mensola-bacheca delle icone;* *вельзевул, Belzebù;* *вертеп, messinscena natalizia popolare, presepio;* *вития, oratore;* *владыка, signore, priore, eminenza;* *воскресение, resurrezione;* *воскресенье, domenica;* *враг, il nemico (il maligno);* *вражья сила, lo spirito maligno, il demonio;* *геенна (огненная), il fuoco della Geenna;* *евангелие, vangelo;* *евангелист, evangelista;* *ересь, eresia;* *еретик, eretico;* *затвор, clausura;* *здравствуй(те), Vale!, Stateci bene!;* *златоуст, (San Giovanni) Crisostomo, ossia "bocca d'oro";* *иконостас, iconostasi;* *инок, monaco;* *ирод, Erode;* *катехизис, catechesi;* *келья, cella;* *крест, croce;* *крестить, battezzare;* *креститься, farsi il segno di croce;* *крестьянин, contadino (cristiano);* *лампа(да), lampada, lume;* *лик, volto, effigie;* *литургия, liturgia, ufficio divino;* *лоно, grembo, seno;* *лукавый, il maligno (избави нас от лукавого, liberaci dal male);* *мамона, mammona (служить мамоне, servire mammona);* *мытарь, il pubblicano;* *насущенный, essenziale;* *неприятнь, avversione, malevolenza;* *нечистый, imputo, lo spirito immondo;* *обедня, la messa;* *образá, le icone;* *осанна, osanna (петь осанну, osannare);* *паломник, pellegrino;* *паникадило, lampadario;* *панихида (гражданская), messa funebre (commemorazione civile);* *паперть, sagrato;* *пастырь (добрый), il Buon pastore;* *пасха (красная), Pasqua, la bella Pasqua, ср. ит.: contento come una pasqua; паперик,*

vita di Padri; *патриарх*, patriarcha; *поганный*, pagano, impuro; *покойник*, defunto; *покров*, manto della Vergine, e relativa solennità; *поминки*, banchetto funebre nel giorno della sepoltura del defunto, nel nono e nel quarantesimo giorno dopo il decesso; *пономарь*, sacrestano; *пост* (*и мясоед*), digiuno (e periodo in cui è consentito mangiare la carne); *преисподняя* (*некло*), inferno (fuoco dell'inferno); *прелесть*, seduzione, tentazione; *прелюбодеяние*, adulterio; *преображение* trasfigurazione; *престол*, trono; *присный*, sempiterno; *притвор*, atrio di chiesa; *причастие*, comunione; *проповедь*, omelia; *пророк*, profeta; *прото-диакон*, protodiacono, -иерей, arciprete; *псалтырь*, Salterio; *радуница*, rito religioso di commemorazione dei defunti al cimitero nella domenica in Albis o ottava di Pasqua; *рай*, paradiso; *райские кущи*, Eden, paradiso terrestre; *риза*, paramento sacro, camice; *рождество*, Natale; *Русь* (*Святая*), Rus' (la Santa Rus'); *ряса*, tonaca; *Саваоф*, Sabaot, Dio degli eserciti; *сатана*, satana; *святая святых*, *sancta sanctorum*; *святки*, feste natalizie; *святцы*, calendario ecclesiastico; *седьмица*, settimana del calendario liturgico; *сей мир* questo mondo (*не от мира сего*, non è di questo mondo); *скрижаль*, tavole della Legge; *смиранный*, mite, umile; *собор*, duomo; concilio, sinodo; *сорокоуст*, preghiera per il defunto durante i primi quaranta giorni dopo la morte; *сострадание*, compassione; *спас* (*итель*), il Salvatore; *снуд*, moggio; *сретьень*, Presentazione di Gesù al tempio; *стих*, verso, versetto; *стихия*, elementi, forze della natura; *стогны*, larghe piazze della città; *столп*, colonna; *столпник*, stilitta; *странник*, pellegrino; *суббота*, sabato; *сугубый*, particolare; *супруг*, coniuge, consorte, sposo; *суть*, essenza, sostanza; *сущий*, esistente; vero, autentico; *схима*, dignità e grado supremo di asceti monastica; *таинственный*, segreto, misterioso; *тайна*, mistero, segreto; *малант*, talento; *тать*, ladro; *тварь*, creatura; *титло*, tilde superiore (nel paleoslavo); *тождество*, identità; *торжество*, trionfo; *трапеза*, refezione, nei conventi (*сесть за трапезу*, sedere a tavola); *треволнение*, forte agitazione, turbamento; *трезвон*, scampanio; *тризна*, banchetto funebre; *триодь*, triodion; *тропарь*, tropario; *упокой*, (in suffragio); *усопший*, defunto, estinto; *успение*, Dormizione (della Vergine Maria); *фарисей*, fariseo; *фелонь*, pianeta; *хам*, villano, maleducato; *херувим* (*ы*), cherubino(i); *храм*, tempio; *церковь*, chiesa, ecclesia, и др.

В этой лексике отразились специфический душевный мир и традиционно-бытовое поведение верующих русских, тот Нумен, который назывался «русский Бог»; не менее национально специфична, впрочем, и лексема *бес* и «русский бес»⁸.

5. Заключение. В учебно-методическом отношении возможны разные подходы. К концу второго года обучения курса бакалавриата можно иллюстрировать в небольшом лингвокультурологическом модуле лексико-семантическую специфику русских выражений при сопоставительном анализе с родным языком учащихся: в общеевропейской среде обучения их усвоение учащимися легко даётся при сравнении с подобными параллельными клишированными словосочетаниями и фразами европейских христианских языков-культур.

На более продвинутом этапе, в частности в магистратуре будущих филологов-русистов, представляется плодотворным и наглядным прочтение избранных отрывков романа *Капитанская дочка*, параллельно с прочтением избранных страниц итальянского исторического романа *I promessi sposi* (*Обручённые*) Алессандро Мандзони, о котором Пушкин отзывался с неподдельным интересом. Ведь в воссоздании истори-

ко-культурной национальной идентичности и специфики дискурса этот роман в итальянской литературе играет ту же роль, что и в пушкинская *Капитанская дочка* в русской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ласорса Съедина К.* Европейская культурология в обучении филологов-русистов // Лингвистика и культурология. К 50-летию профессора Александра Лободанова, М.: МАЛП, 2000. С. 297–311; *Ласорса Съедина К.* Церковнославянская традиция в преподавании русского языка как иностранного // *Laurea Logae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / от. ред. Ст. Гардзонио, Н. Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., Нестор-История, 2011. С. 348–362; *Ласорса Съедина К.* Роль церковнославянской традиции в современном русском языке. Аспекты методики преподавания / Всемирный виртуальный конгресс. Планета «Русский язык» в виртуальном лингвокоммуникативном пространстве, 3–5 октября 2012, Лингвистический центр Болонского университета CLA, Форли, Италия, // http://mesi.eliro.unibo.it/data/_uploaded/file/atti/WVCongress.pdf С. 322–334; *Ласорса Съедина К.* Il ruolo della tradizione slavoeclesiastica nella lingua russa contemporanea. Aspetti metodologico-didattici del russo come L2 // *Studi Slavistici*. 2013. N X. С. 275–295.

² *Верещагин Е. М.* Русский язык и российское православие: общелингвистическая проблематика: Доклад на XI Конгрессе Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), 17–22 сентября 2007, Болгария, Варна, М.: ИРЯ РАН. С. 31–35

³ Обозначения произведений Пушкина, принятые в *Словаре языка Пушкина*, М., 2000: БГ, *Борис Годунов*; Д, *Дубровский*; ЕО, *Евгений Онегин*; КД, *Капитанская дочка*; МЦ, *Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях*; П, *Полтава*; СР, *Скупой рыцарь*; СС, *Станционный смотритель*; Ц, *Цыгане*; ЦС, *Сказка о Царе Салтане*.

⁴ *Puškin A. S.* Lirica. Introduzione, versioni, commenti e note di Ettore Lo Gatto Firenze. Sansoni 1968

⁵ *Puškin A.* Teatro e favole. Versioni di Tommaso Landolfi. Torino, Einaudi 1961

⁶ *Puškin A.* La figlia del capitano. Le novelle di Bielkin. La donna di picche. Traduzione di Silvio Polledro / Milano. Biblioteca Universale Rizzoli. 1950

⁷ *Lermontov M. Ju..* Quaranta poesie. Traduzione e cura di Roberto Michilli, Rende (CS), Galaad Edizioni. 2014

⁸ *Верещагин Е. М.* Указ. соч., С. 34–35

Lasorsa S. C.

COMMON SHARED REPRESENTATIONS OF NUMEN IN RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH ITALIAN LANGUAGE

The article is devoted to usual representations of Numen (lat. Numen, the Sacred, God, Divine will) in Russian language from a comparative point of view with Italian language. The phrases concern the Numen's distinctive characters and parallel Russian Orthodox believer's attitude towards Numen. Phrases are supported by quotations from A.S. Puškin's poetry and prose works and their translation into Italian. At the same time, Christian identity is common to all European languages of culture. The author suggests effective didactic ways to approach teaching Russian language and literature in European University Faculties of Humanities.

Keywords: Russian Orthodox identity, Numen, pan-European Christian heritage.

К ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ РАССКАЗА ТУРГЕНЕВА «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ»)

В статье на основе предлагаемых параметров описания речевых личностей выделяются и характеризуются типы русской речевой личности на примере анализа образов рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч». Обосновано положение, что эти образы являются ядерными в типологическом пространстве русских национальных характеров.

Ключевые слова: русская речевая личность, коммуникативные признаки.

В данной статье мы выдвигаем принципы описания речевой личности и применяем их к анализу образов рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч» для обоснования положения, что эти образы являются ядерными в «типологическом пейзаже» русских национальных характеров.

Понятие **речевой личности (РЛ)** мы определяем как **личность, проявленную во всех аспектах речевой деятельности**. Она включает разнообразные характеристики, отражающие глубинную ментально-коммуникативную и физиолого-психологическую суть человека, которые могут быть объединены в три наиболее общих аспекта: **1) коммуникативная цель, 2) коммуникативно-речевое поведение, 3) лингвистические признаки речи**.

Рассмотрим предложенные параметры на примере хорошо известных русских филологам персонажей рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч».

I. Коммуникативная цель реализуется в следующих различных вариантах.

1. Информативная цель имеет несколько разновидностей: 1) объективно-нарративная («Хорь говорил со мной о многом <...> я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика <...> его познания были, по-своему, обширны...»); 2) выспрашивающая («Но Хорь <...> сам меня расспрашивал о многом <...> всех его вопросов и передать вам не могу, да и незачем»); в) оценивающая («лишь изредка замечал, что, «дескать, это у нас не шло бы, а вот это хорошо — это порядок»), г) рассуждающая («Баба — работница, — важно заметил Хорь. — Баба мужику слуга»);

2. Фатическая цель в данном рассказе представлена в следующих разновидностях: 1) этикетная (Калиныч пришел к Хорю с пучком земляники, которую специально нарвал для друга); 2) собственно фатическая («Калиныч не любил рассуждать»; «В течение дня он не раз заговаривал со мною, услужливал мне без раболепства»); 3) игровая, в разных

вариантах: а) «игра ради игры» («балагурство», иногда с присказками), б) игра как подтрунивание, передразнивание, в) игра с целью уклониться от ответа, скрыть свои мысли и отношение и др.; 3) коммуникативно-прагматическая, в разновидностях: а) эмоционально-экспрессивная («Калиныч объяснялся с жаром», «А! Ах, господи, твоя воля!» — восклицал Калиныч во время моего рассказа», «Эка, сапоги!.. на что мне сапоги? ... Эх, да ты разве наш брат!»), б) волюнтаривно-прагматическая (Хорь командует бабами, Федей).

II. В коммуникативно-речевом поведении можно выделить такие аспекты, как взаимодействие с коммуникантом и паралингвистические признаки (физиолого-психологические особенности).

1. Взаимодействие с коммуникантом проявляется в следующих аспектах.

1) По признаку «количество вовлекаемых в общение участников» выделяются следующие РЛ: а) преимущественно диалогичная (Хорь, т. к. он ближе «к людям, к обществу») и б) преимущественно монологичная (центрированный тип) (Калиныч, который «стоял ближе к природе»).

2) По признаку «тип взаимодействия» обнаруживаются такие варианты, как: а) степень открытости: открытая / закрытая (Калиныч / Хорь); б) контактность: легко вступает в общение (Калиныч) / нелегко вступает в общение (Хорь); в) контроль за процессом общения, инициатива в начинании и завершении разговора: Хорь довольно жестко контролирует коммуникативную ситуацию, при этом никогда полностью не раскрывается, отмалчивается или переводит беседу на другую тему, если не желает продолжать; Калиныч, даже проявляя инициативу в разговоре, не претендует на контроль за процессом общения.

3) Признак «характер взаимодействия» может быть двух видов: а) контактный / неконтактный; контактный подразделяется на а) укорачивающий дистанцию (Калиныч: «В течение дня он не раз заговаривал со мною, услужливал мне без раболепства <...>»), б) сохраняющий или удлиняющий дистанцию (Хорь); в) неконтактный тип может быть также двух видов: (1) активный / пассивный и (2) «ведущий» (Хорь) / «ведомый» (Калиныч); (3) адаптивный (Калиныч) / креативный (Хорь).

4) По коммуникативным стратегиям и тактикам К. Ф. Седов выделяет три типа: конфликтную, центрированную, кооперативную. Обе разновидности конфликтного типа (конфликтно-агрессивная и конфликтно-манипуляторская стратегии) характерны для Хоря. Первая разновидность проявляется в одном из вариантов «куртуазной конфликтности», проявляющейся в форме так называемого коммуникативного саботажа, когда на вопрос отвечают вопросом («Послушай, Хорь <...> отчего ты не откупишься от своего барина? — А для чего мне откупиться? <...> Ну, так чего же ты не откупишься? — Чем, батюшка, откупиться прикажешь?»). Второй подтип — конфликтно-мани-

пуляторский — проявляет Хорь в споре с Калинычем, в шуточной перебранке с сыном. Центрированная личность игнорирует собеседника, выделяются активно-центрированная личность и пассивный (Калиныч). (3) Кооперативный тип общения может быть кооперативно-конформным (первый подтип) и кооперативно-актуализаторским (второй подтип). К первому подтипу, когда один из участников общения демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения, относится Хорь в коммуникативной ситуации разговора с баринном («Он со мной всё как будто соглашался»), ко второму подтипу — кооперативно-актуализаторскому с установкой на интересы собеседника — относится Калиныч. К конфликтно-манипуляторской тактике отнесем также игровые виды общения.

5) Статусно-личностные признаки: а) уважает себя, требует к себе уважения, умеет заставить себя уважать (Хорь «чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов»); б) критичен к другим, мало уважает другого («Хорь насквозь видел господина Полутыкина»); в) мало уважает себя, не требует к себе уважения (Калиныч); г) уважает другого («Калиныч благоговел перед своим господином»); б) активность / пассивность в установлении статусного соотношения участников общения.

2. Паралингвистические признаки, отражающие физиолого-психологические особенности речевого поведения не всегда учитываются при описании языковой личности, но для характеристики речевой личности они актуальны. Среди таких признаков выделим следующие: 1) говорливость / малоразговорчивость («Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя»); 2) динамика / статика телодвижений, походка (Калиныч ходил «нескоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой»), жестикация, фонация речи («Калиныч говорил немного в нос»), 3) мимика, смех, улыбка, напевание и т. д. (Хорь «молчал, хмурил брови», «посмотрел на меня сбоку», «покрутил головой», когда выиграл спор у Калиныча, «заливался смехом»; самое обычное его «паралингвистическое поведение» — посмеивание. Калиныч же «постоянно попевал вполголоса», улыбаясь, прищуривал свои светло-голубые глаза»).

III. Лингвистические признаки. Этот аспект подразумевает анализ использования речевой личностью лексических, морфемных и синтаксических средств. Лексические средства Хоря довольно скупы, почти нет прагматически заряженной лексики — эмоционально-экспрессивной и образной, кроме присказок; мало признаков лексики — прилагательных, абстрактных существительных. В целом в речи Хоря преобладает диктумная направленность, модусная семантика представлена оценочными и ироническими смыслами. К морфемным личностно-значимым средствам можно отнести уменьшительно-пренебрежительные

суффиксы (Хорь: «Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком...»), которые используются для создания ложной скромности, что является проявлением закрытости, неискренности. Таким же средством «коммуникативного саботажа» относятся вопросительные предложения вместо ответа на вопрос, а также присказки и иносказания («Что борода? Борода — трава: скосить можно»). В диалоге речь Хоря короткая, предложения малораспространенные, нередко имеют характер сентенций («Баба — работница... Баба мужику слуга», «Бабы ведь народ глупый»). Речь Калиныча модально насыщена, субъективна, эмоциональна («Калиныч объяснялся с жаром»), богата междометиями, личными местоимениями (А! Ах, господи, твоя воля!), «Эка, сапоги!... На что мне сапоги?...», «Уж ты, Хорь, у меня его не трогай!», «Эх, да ты разве наш брат!»), предложения эмоциональны, мало утвердительных и вопросительных предложений, что согласуется с его нелюбовью к рассуждениям, к нарративным типам речи.

Закончив с аналитической стороной описания РЛ, можно перейти к синтезу, **конструированию РЛ Хоря и Калиныча**, которые представляют собой различные национальные речевые личности, характеризующиеся следующими признаками.

Хорь вступает в общение с разными целями: информативной (в разговоре с посторонними людьми), волюнтаривно-прагматической (с домашними), игровой как разновидностью фатической цели (с близкими людьми в ситуации отдыха). Для него характерно не прямое речевое воздействие: он даже с сыном сохраняет далекую психологическую дистанцию, умеет держать в напряжении коммуникантов, и поэтому его скупые средства имеют большую силу воздействия. Хорь хорошо разбирается в людях, осторожен, уклончив, и хотя диалогичен, но при этом закрыт, контролирует процесс общения и держит дистанцию, уважает себя сам и способен заставить других себя уважать, но менее уважает собеседника, хотя умеет при желании это скрывать, активен в установлении статусного соотношения участников разговора.

Калиныч представляет собой прямо противоположную по основным параметрам РЛ. Большое место занимают в его речи этикетная, собственно фатическая и эмоционально-экспрессивная цели, отсутствуют многие информативные интенции (запрос, нарратив, рассуждение), среди речевых тактик преобладают кооперативно-актуализаторская, кооперативно-комфортная и центрированно-пассивная (уход в себя, рассеянность) тактики. Он нередко монологичен, легко уступает контроль над общением собеседнику, которого всегда уважает, не стремится вызвать уважение к себе, да и вообще не задумывается над проблемой самоуважения и установления статусного соотношения участников разговора.

Если обратиться к соционической теории объяснения психологических типов и их взаимодействия, то Хорь, видимо, относится к типу

«Максим» (логико-сенсорный интроверт), а Калиныч — довольно ярко выраженный тип «Есенин» (интуитивно-этический интроверт). Приведем типичные характеристики соционического типа «Максим». Этот тип человеческой личности «обладает мышлением практически-деловой направленности. Стремится все классифицировать и систематизировать, для него характерны сила воли, целеустремленность, порядок и дисциплина, которые он умеет утверждать. Его идеал — иерархически выстроенная общественная организация, где каждый член занимает свое место. Соционический тип «Есенин» (Калиныч) характеризуется следующими признаками: тонко распознает эмоциональное состояние окружающих, стремится помочь, утешить в трудную минуту, его поведение всегда очень мягко, учтиво, он проявляет деликатность и воспитанность», в своем воображении он легко отрывается от реальности, часто и подолгу мечтает, улыбчив, застенчив, ему с трудом дается деловая активность, иногда имеет способности экстрасенса, сам же легко поддается внушению, легковверен, «предпочтение отдает искусству, любит музыку, стихи («Калиныч пел довольно приятно и поигрывал на балалайке»), не лидер, а ведомый.

Отношения между этими типами — отношения активации, то есть благоприятные, активизирующие друг у друга слабые функции, но между ними может возникать и некоторая напряженность, т. к. один из них — рационал (Хорь), другой — иррационал (Калиныч).

В качестве вывода мы возьмем на себя смелость предположить, что эти два соционических типа — «Максим» и «Есенин» — наиболее характерны для русского национального «типологического пейзажа». В русской литературе первый представлен образами купцов, фабрикантов, «кулаков» и прочих «хозяев жизни». Второй — бесспорно национально русский тип, о чем говорит и сам псевдоним этого социотипа — «Есенин», названный так по фамилии наиболее народного и любимого поэта России. Недаром и на роль первого космонавта был избран Гагарин, относящийся к этому же социотипу (вспомним знаменитую «гагаринскую улыбку»). Это соотношение двух ядерных типов русского национального характера нередко встречается в отечественной литературе, например, в рассказе В. М. Шукшина «Хозяин бани и огорода». Заметим, что, поскольку к социотипу «Максим» относится и Сталин, а доминирующим социотипом России считается Есенин, то объяснимо и соотношение «Сталин — русский народ» как отношения активации, на одном полюсе которого — благоприятная и продуктивная активизация, на другом — напряженность и дискомфорт.

Полагаем, что этот экскурс в область соционики поддерживает наш общий вывод о том, что речевые личности, представленные в рассказе Тургенева «Хорь и Калиныч», являются ядерными типами русского речевого пространства, а предлагаемая методика анализа речевых лич-

ностей имеет определенные исследовательские перспективы, связанные с портретированием.

Lebedeva N. B.

ON RUSSIAN LINGUISTIC IDENTITY TYPOLOGY (ON THE EXAPMLE OF TURGENEV'S "HOR AND KALYINYCH")

On the basis of Turgenev's "Hor and Kalyinych" types of Russian linguistic person are identified according to proposed parameters. The paper proves that these images have nuclear value in the typological space of Russian national characters.

Keywords: Russian linguistic identity, communicative attributes.

Лисенкова Ирина Михайловна

Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани, Россия

lisenkova00@mail.ru

КОЛОРАТИВЫ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Г. ЩЕРБАКОВОЙ «ЖЕНЩИНЫ В ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ»

В статье прослеживается участие колоративов в экспликации эмоционального континума персонажей художественного произведения. Манифестация эмоций через физиологические проявления, цветовую лексику способствует проникновению читателя в эмоциональный мир персонажей, пониманию мотивов их эмоциональных поступков, внутреннего мира героев. Колоративы рассматриваются как средства презентации эмоций, дополняющие описание их физиологических проявлений, как специфический стилистический прием эмоциональной характеристики персонажей художественного текста.

Ключевые слова: колоратив, эмоциональная сфера, смысловые коннотации, женская проза, художественный текст.

Коммуникативно-функциональная парадигма, пришедшая во второй половине XX века на смену системно-структурной, в качестве доминирующей обозначила антропоцентрический подход, предполагающий рассмотрение языка сквозь призму человеческого фактора.

В природе человека тесно переплетены рациональное и эмоциональное начала, поэтому способы языковой объективации эмоций становятся предметом изучения ученых-лингвистов. В языковедении получает развитие новое научное направление — лингвистика эмоций.

Художественный текст как стилизованный репродукцент реальной жизни людей включает в себе не только информацию о действительности, а сложный мир чувств, настроений, стремлений человека. Эмоциональное содержание — неременный компонент семантической структуры текста.

По мнению В. И. Шаховского, художественная литература является «одним из наиболее доступных и реально работающих средств отражения (фиксации)» вербального и авербального «кодов эмоционального общения»¹.

Известно, что эмоции обусловлены способами восприятия мира, связанными со спецификой этноса: комплексом норм поведения, культуры, коммуникации. «Художественная литература отражает жизнь как картину мира в субъективно-эмоциональном преломлении конкретного автора. С этих позиций художественная литература как *performance of words* (R. Frost) отражает реальную / вымышленную жизнь людей, которая полна эмоций. <...>Поскольку одна из функций художественной литературы — идентифицировать и произвести имянаречение человеческих эмоций, бушующих на ее страницах, художественную литературу

с полным правом можно определить как депозитарий имен эмоций и эмоциональных ситуаций, а также как незаменимое учебное пособие по скрытому воспитанию культуры вербального и авербального общения языковых личностей в условиях различных эмоциональных коммуникативных ситуаций»².

Роман Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил» отличает многообразие эмотивных смыслов, объясняемое принадлежностью произведения к так называемому «женскому письму» — явлению, по словам С. Василенко, не похожему «ни на что». «Уникальный мир женщины, мир ее чувств, ощущений, ее мирозерцание, ее объяснение мироустройства, вылившиеся на бумагу, уже само по себе рождало новое направление, называвшееся просто и емко: женская литература»³.

Психологи утверждают, что существует неоспоримая связь между цветовосприятием и эмоциями человека. Так, А. П. Василевич приводит высказывание И. В. Гёте из работы «Учение о цвете»: «цвет есть продукт света, вызывающий эмоции». Кроме того, поэт отмечал воздействие цвета на душу: цвета могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли, успокаивать или волновать, печалить или радовать. Высказывания: «почернел от тоски; покраснел от стыда, позеленел от зависти, побелел от страха» связываются в сознании человека с эмоциональными переживаниями определенного субъекта. Отношения эмоции и цвета не являются случайными, произвольными, они переплетены между собой и имеют фундаментальное основание. Исследователи пришли к выводу о закреплённости за определенным цветом соответствующей эмоции. Человек (не страдающий психическими расстройствами) понимает эмоциональное содержание основных цветов и может их дифференцировать по эмоциональному знаку⁴.

Цветовые характеристики благодаря своей смысловой и эмоциональной насыщенности являются одним из средств воплощения эстетических идеалов автора, выражают его оценки и отношение к описываемому, служат раскрытию идей, представлений и взглядов художника слова, то есть особенностей его мировосприятия. К. Изард отмечает, что любое эмоциональное состояние может быть активизировано соответствующими цветовыми сочетаниями⁵.

Доминантными цветообозначениями, образующими основу лингвоцветовой картины мира в романе Г. Щербаковой, являются *черный и белый*. «Белое и черное, свет и тьма» находятся на разных полюсах наших эмоций. *Белое и свет* — это смещение всех красок спектра, *черное и тьма* — это уничтожение всякого цвета. *Черный и белый* цвета — довольно устоявшиеся символы. В народе говорят «очернить человека», «обелить человека», «черная зависть», «черная молва» и т. д. *Черный* в значениях своих колеблется от строгого до траурного. *Белый* — от цвета чистоты, цветения — до цвета смерти»⁶.

Колоративная лексема *черный*, выступающая репрезентантом эмоционального смысла «горе», в большей степени связана с образом Павла Веснина. Степень переживаемого Павлом горя акцентируется причастием *вычерневший*: «Это был измученный, вычерневший человек, у ног которого валялся рюкзак»⁷. В русском языке известно устойчивое сочетание *почернеть от горя*, предполагающее внешнее изменение (потемнение) кожного покрова. Словообразовательная единица *вы-*, имеющая в системе языка значение «тщательно совершить действие, названное мотивирующим словом»⁸, актуализирует интенсивность протекания эмоции во внутреннем мире персонажа. Актантами, раскрывающими содержание цветолексем *черный*, выступают существительные *человек*, *лицо*, *рот*: «...в лифт ввалился *черный*, небритый, остро пахнущий человек»⁹, «*черное* лицо его не пропускало на поверхность брожение мысли там или сердца»¹⁰, «когда мужчина повернул свое *черное* лицо к Марии Петровне и стал смеяться, ей стало страшно от этого смеха-ужаса, от *черноты* его рта и как бы остановившихся в точке времени глаз»¹¹.

Колоративное прилагательное *белый* в художественной структуре романа Г. Щербаковой является вербальным репрезентантом эмоции «радость». Цветолексема выступает в качестве доминанты лексико-семантической парадигмы, включающей лексические единицы *светлый*, *белый*, *сияющий*, *снежный* и т. п. Третья часть романа так и начинается: «*Надо рассказать о свойстве белого цвета. Свойстве снега*»¹². Прием парцелляции актуализирует именно важность *белого* как относящегося к снегу. Далее акцентируется противоположность качеств снега: первого, «*умирающего в процессе бессмысленного полета*», и второго — того, который «*справился со своим делом и укрыл землю белым*». «*Первая реакция на белый, белый снег — радость*»¹³.

Белый (снежный) цвет как одно из средств выражения эмоции «радость» подтверждается следующим контекстом: «*когда Бог послал радость в дорогу <...>. Супостат перехватил радость и закинул ее во льды океана. Северным сиянием полыхает она нам — наша закинутая радость <...>*»¹⁴.

В результате словоупотребления структура лексического значения слова *белый* обогащается дополнительными смысловыми коннотациями: «наполняемость себя другим», «новый», «незапятнанный», «счастье», «радость». Значение чистоты, новизны, счастья вербализуется глаголом *прочистилось*, существительным *мороз*, прилагательным *новенький*: «*На морозе в лесу все прочистилось, и я вернулся новенький. Квартира слепит меня своей белой пустотой*»¹⁵.

В словосочетании *белый снег* актуализируются следующие семантические компоненты: «начало новой жизни», «рождение», «смерть». Так, один из женских персонажей, Елена, дочь Марии Петровны, смотря в окно на снег, «*первый раз испытала радостное нетерпение*»: «у Еле-

ны родился мальчик. Она радостно и облегченно вздохнула и умерла»¹⁶. Необходимо отметить, что радостное восприятие жизни не было свойственно Елене по причине её «жуткого замужа», в котором «она несколько лет по маковку сидела, как в дерьме», «потом разводилась, делилась, шла от всей этой жизни паршой, чесалась, шелушилась»¹⁷. Это сформировало в ней эмоцию тревожности. Данную эмоцию психологи рассматривают как условный страх и говорят о необходимости «различать два аспекта: 1) ситуативная тревожность, то есть тревожность, связанная с ситуацией, опасной для жизни; 2) устойчивая или индивидуальная тревога, становящаяся навязчивой, постоянным свойством индивида и формирующей невротическую личность»¹⁸. Репрезентантом данной эмоции выступает колоративное прилагательное *желтый*, выступающее в качестве доминанты лексико-ассоциативного ряда в состав которого входят лексемы, эксплицитно и имплицитно содержащие сему «желтый»: солнце, горячий, пустыня, жара, огонь: «*Она заперла дверь и заплакала. День предстал пред ней желтый и горячий, как пустыня. Бесстрастное солнце плавилось краями и стряхивало вниз капли огня. Люди надевали панамы и шли себе и шли, так как давно привыкли к равнодушной жестокости солнца*»¹⁹. И только перед смертью, с рождением сына, в эмоциональной сфере персонажа доминирующей становится эмоция «радость».

Таким образом, презентация эмоций через цветовую лексику в дополнение к описанию физиологических проявлений эмоций можно рассматривать как специфический стилистический прием эмоциональной характеристики персонажей и эвокации эмоционального переживания у читателя.

Художественные коммуниканты воспроизводят весь потенциал эмоционального кода языка, а через них эмоции, которые, в отличие от языковых (материальных) знаков, являются скрытыми сущностями, опредмечиваемыми в этих знаках и в физиологических симптомах, и с помощью языковых знаков транслируются за пределы художественной литературы. «Любой читатель, если у него нормальная психика, является эмоциональной языковой личностью, способной к переводу языка мыслей на язык слов и обратно»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2013. 128с. С. 65.

² Там же. С. 65.

³ Цит по: Фатеева Н. А. Современная русская «женская» проза: способы самоидентификации женщины-как-автора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/avangard/sovremennayarus.html>

⁴ Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

⁵ Изард К. Эмоции человека: Пер. с англ. М.: Издательство Моск. ун-та, 1980. 440 с.

ИДЕОСЕМАНТИКА ТОПОНИМА БАЙКАЛ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В представленной статье автор в рамках современной антропоцентрической парадигмы анализирует семантические особенности топонимов, их языковую этимологическую рефлексию и национально-культурные свойства на примере топонима Байкал.

Ключевые слова: идеосемантика, этимологический, лингвокультурологический анализ.

В течение прошлого столетия в изучении Сибири и формировании ее населения лингвисты определяли этносостав, особенности языков, фольклора, быта этого обширного региона, а также безусловное влияние на него русских лингвокультурных традиций.

Этнолингвистические исследования топонимии Сибири отличаются особой научностью в объяснении историко-этнографических, историко-социальных и филологических проблем. Языковеды с позиций сложившейся в XX веке антропоцентрической лингвистической парадигмы рассматривают широкий круг вопросов по топонимической лексике многих регионов необъятной Сибири, как на Западе, так и на Востоке. Интересны в этом смысле работы западных лингвистов Е. Л. Березович, М. Э. Рут, Н. Н. Запольской, представивших свои исследования по русской топонимии в этнолингвистическом аспекте, топонимической семантике и рефлексии над именами собственными в пространстве и времени культуры. В восточном регионе лингвисты также предпринимают попытки объяснения факта отражения материальной и духовной культуры этносов в топонимии (Т. В. Хвесько). Ученые все чаще рассматривают топонимы как этнокультурные единицы, а не просто как часть лексикологии без особой семантики. Словом, в последние годы наметилась неотступная тенденция изучения человеческого мира и его восприятия в аспекте топонимического пространства, в зависимости от места проживания того или иного этноса. Таким образом, становится понятно, что *nomina propria* вышли за пределы науки ономастики и могут рассматриваться с позиций этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, представляя собой уникальный лингвистический объект с особой «семантической аурой».

Национально-культурная, образно-ментальная информация, хранящаяся в топонимах, позволяет топонимам становиться «воспоминанием старины, хранимом в скрытой языковой памяти того или иного этноса. Причем связь эта может как вспыхивать, так и исчезать»¹. Именно поэтому разностороннее изучение семантических возможностей онимов позволило лингвистам выявить их новую дополнительную смысловую

⁶ Невалина Л. И. Цит. по: Лисенкова И. М. Репрезентация эмоции «горе» в художественном тексте (на материале романа Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил») // Zbiór raportów naukowych. «Współczesna nauka. Nowe perspektywy». (30.01.2014–31.01.2014). Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2014. 144 str. S.135.

⁷ Щербакова Г. Женщины в игре без правил // Русская проза конца XX века: Хрестоматия для студ. высш. учеб. заведений / Сост. и вступ. ст. С. И. Тиминой. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 206.

⁸ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. С. 106.

⁹ Щербакова Г. Указ. соч. С. 247.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Щербакова Г. Указ. соч. С. 252.

¹² Там же. С. 289.

¹³ Там же. С. 290.

¹⁴ Там же. С. 221.

¹⁵ Щербакова Г. Указ. соч. С. 290.

¹⁶ Там же. С. 309.

¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁸ Изард К. Указ. раб. С. 326.

¹⁹ Щербакова Г. Указ. соч. С. 225.

²⁰ Шаховский В. И. Указ. соч. С. 69.

Lisenkova I. M.

COLOR-NAMES AS REPRESENTATION OF CHARACTERS' EMOTIONAL SPHERE IN THE NOVEL "WOMEN IN THE GAME WITH NO RULES" BY G. SCHERBAKOVA

The article discusses the color-names as explication of emotional continuum of characters in the literary work. Demonstrating emotions through physiological manifestation, color lexicon helps readers to get in characters' emotional world and understand motives of their emotional actions, their internal world. Color-names are considered as methods of emotions' presentation, adding description of their physiological manifestation as specific stylistic technique of emotional characterization of characters in the literary work.

Keywords: color-name, emotional sphere, semantic connotations, women's literature, fiction.

корреляцию, открывающую, неочевидные значимостные связи. Причем связей этих может быть сколько угодно, и их число демонстрирует «глубину» семантической ауры имени в том или ином тексте.

В данной статье рассматривается топоним Байкал с точки зрения его идеосемантической структуры. Далее поясним значение обозначенных терминов.

Многочисленные методики этимологических исследований слов позволяют не только определить изначальный фонетический образ слова, его словообразовательную и семантическую структуру, но и делают возможным узнавание весьма богатых и эмоциональных, и других глубоких представлений, отражающих древнюю и современную историю слова, которую знаменитый ученый-лингвист XX века В. И. Абаев называл *идеосемантикой*. Выше мы уже отмечали, что современное языкознание в рамках антропоцентрической парадигмы учитывает субъективную, духовную составляющую языка. Одним из важных понятий, дающих возможность посмотреть на язык с этой стороны, является понятие *внутренней формы* (русский перевод термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* — *внутренняя форма языка*), под которой ученый понимал взгляд на мир того или иного народа, «дух народа», скрытый отчасти в строе языка. Несмотря на то, что «идеосемантический» компонент со всей очевидностью присутствует в слове, именно под таким названием он рассматривался редко. Большинство же лингвистов, занимающиеся проблемами реконструкции семантики предпочитает говорить о внутренней форме, языковой картине мира или семантической реконструкции².

Несколько лет назад в сборнике «Имя: Семантическая аура» (2007) была опубликована статья Н. Н. Запольской, посвященная проблеме отражения идеосемантики отдельно в именах собственных. Идеи и выводы автора именно этой работы позволили нам тогда в диссертационном исследовании проанализировать имя (концепт) Сибирь с данной позиции³. Идеосемантика, по мнению автора, включает «основной, этимологический, константный семантический компонент и дополнительный, культурно отчуждаемый, переменный семантический компонент, задающий симпатические и оппозиционные связи имени собственного с другими именами собственными или с не-именами. Зависимость характера идеосемантики от меняющихся во времени и пространстве культурных доминант делает имена собственные ценностным культурным ориентиром и тем самым предметом постоянной, напряженной идеологической и филологической рефлексии»⁴.

Вышеуказанные авторы, анализируя понятие идеосемантики, предложенное В. И. Абаевым, пришли к выводам о том, что язык как идеология примерно одно и то же, что теперь принято называть картинами мира в языке.

Как известно, этимология вскрывает идеосемантику, идеосемантика вводит в исторические реалии, в мировоззрение человека на различных, зачастую весьма отдаленных стадиях развития общества. Идеосемантический анализ как компонент этимологического призван вскрыть, как, по каким путям идет восприятие и осознание человеком тех или иных понятий и отношений общественного опыта. При этом каждый раз может возникать вопрос: является ли вскрытая анализом идеосемантика актуальной, живой или же отжившей, т. е. отвечает ли она нынешним, действенным и в данный момент нормам познания и мышления, или она отражает нормы более или менее отдаленного прошлого и до нашего времени донесла только свою форму, тогда как питавшее эту форму содержание уже потускнело, выветрилось? Ответ на этот вопрос оказывается далеко не легким и требует чрезвычайно интимного знакомства с языком⁵.

Интересующий нас топоним Байкал является единицей топонимической картины мира, отражающей осознание внешнего мира, окружающих объектов и представляющей собой отдельный самостоятельный фрагмент в системе мировосприятия.

Рассмотрим, какое место в русской топонимической картине мира занимает Байкал. Как известно, в ономастике существует богатая классификация топонимической лексики. К ней относят такие группы, как оронимы (названия форм рельефа, горы), гидронимы (названия всех водных объектов), дромонимы (названия лесов, рощ, парков), ойконимы (названия любых населенных пунктов), дромонимы (названия транспортных путей), урбанонимы (названия любых внутригородских объектов), агроонимы (названия земельного надела, пашни, сельскохозяйственной земли), хоронимы (названия любых значительных территорий, регионов, областей — природных, исторических, административных) и др. Так, если быть точнее, то Байкал — это гидроним, имя уникального озера на юге Восточной Сибири, вызывающее многочисленные эмоции и прочно закрепившееся в ментальном мире человечества стереотипами, ассоциациями, культурными и историческими фактами.

В русской языковой картине мира Байкал прочно занял свою нишу с момента появления на территории Сибири, на его берегах русского человека, считавшегося тогда иноземцем для местного населения. Как и любое другое географическое название, Байкал — это выражение ментальности людей, их мироощущения, культуры, быта, обычаев, психологического состояния. Это имя является неотъемлемой частью современной цивилизации и представляет собой уникальную топонимическую ауру. Нельзя не вспомнить в данном контексте слова академика Д. С. Лихачева о том, что географические названия «существуют во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны. Исторические названия за время своего существования накапливали в себе

уникальные сведения об истории, культуре, языке людей, живших в местах, обозначенных этими именами»⁶.

Рассмотрим, какими идеосемантическими свойствами обладает гидроним Байкал.

Этимологически имя Байкал раскрывается в многочисленных исследованиях ученых, дискутирующих о подлинном происхождении слова. Приведем наиболее распространенные версии. Китайцы в древних хрониках 110 года до н.э. именовали озеро «Бэйхай» — северное море, монголы — «Тенгис», «Тенгис-далай», бурят-монголы — «Байгаал-далай» — большой водоем, древние народы Сибири, эвенки — «Ламу» — море. Эвенкийское название озера «Ламу» сначала было более употребительным среди русских исследователей Сибири. После выхода на берег озера первого русского отряда в 1643 году под руководством Курбата Иванова русские перешли на бурят-монгольское название «Байгаал» или «Байгаал-далай». При этом они лингвистически приспособили его к своему языку, заменив характерное для бурят «г» на более привычное для русского языка «к», — Байкал. Название «Байгал» впервые встречается в монгольской летописи первой половины XVII века «Шара туджи» («Желтая летопись»). Наиболее распространена версия, что «Байкал» — слово тюркоязычное, происходит от «бай» — богатый, «куль» — озеро, что значит «богатое озеро».

Как отмечалось выше, постоянную лингвистическую рефлексию слова, в нашем случае имени Байкал, вызывает дополнительный, переменный, культурно отчуждаемый компонент семантики. Меняющиеся во времени культурные доминанты и определяют данное свойство слова. Так, с течением времени, мировоззрение человека, его восприятие Байкала, безусловно, менялось.

В древнерусской литературе первое литературно-художественное описание природы озера представил глава старообрядцев протопоп Аввакум Петров, в 1655–1678 гг. проезжавший через Байкал в ссылку. Аввакум впервые описал Байкал в мемуарной литературе («Житие протопопа Аввакума»): «Около ево горы высокие...птиц зело много, гусей, лебедей по морю, яко снег плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет»⁷. Подобное представление о Байкале характеризует и время, когда оно сложилось, и авторское восприятие. Такая семантика ранних репрезентаций имени относится к числу отживших, хотя и сегодня Байкал вызывает подобные образы, только более цивилизованные. «Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зверя, — тем и до Байкалова моря доплыли»⁸. На протяжении столетий

остается актуальной семантическая характеристика Байкала как моря. Прецедентным стал текст Дмитрия Давыдова «Славное море — священный Байкал, / Славный корабль — омулевая бочка...».

Образно-метафорическая составляющая идеосемантики имени Байкал реализуется в языке с помощью тропов. Представим ряд эпитетов и метафор, характеризующих Байкал.

Эпитеты: священный, целый, удивительный, северный, прозрачный, уникальный, отравляющий, древний, голубой, чистый, пресноводный, неведомый, соседний, изумительный, большой, будущий, видный, безутешный, могучий, осенний, изучающий, грозный, балтийский, мудрый, маленький, седой, широкий, прежний, верный, красочный, царственный, непокоренный, заповедный, волшебный, бездонный.

Метафоры: жемчужина Сибири, любимец природы, богатырь, старик, отец, море, синяя громада и др. Присущи Байкалу и антропоморфные признаки. Как человек, Байкал может нахмуриться, светиться от счастья, стараться, надвигаться, открыться, лежать, оказаться, юркнуть, трусить, ответить, совершать, появиться, оборачиваться, подняться, встать, раскинуться, представлять, скучать, понимать, увидеть, ждать, запугать, открыть, устроить, глянуть, остановиться, явиться, пытаться, успокоиться, вызывать, сжалиться, вспыхивать.

В «Русском ассоциативном словаре» Ю. Н. Караулова к слову-стимулу Байкал приведено 204 реакции, из них различных реакций на стимул 81, одиночных реакций на стимул — 64, отказов — 0. Приведем наиболее частотные реакции: озеро (88), вода (10), напиток (5), река (5), Амур (4), глубокий (4), чистота (3), великий (2), голубой (2), море (2); единичные ассоциации: БАМ, бумага, Воркута, газировка, грязный, далеко, засыхает, плыть, погиб, прекрасный, пресный и многие другие.⁹

В современном мире образы топонима Байкал в любом виде — суровом и нежном — вызывают поэтические чувства у многих поэтов и писателей. Особое место среди них занимает В. Г. Распутин, ратующий о Сибири, о Байкале, который в своих очерках сравнивает с «полной чашей злата и лиха». В творчестве этого сибирского писателя рассыпаны жемчужины мыслей о природе, а образ священного моря красочно представлен в очерке «Байкал». «Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами — в нем все крупно, все широко, привольно и загадочно — он же, напротив, возвышает его. Редкое чувство приподнятости и одухотворенности испытываешь на Байкале — словно и тебя коснулась тайная печать вечности и совершенства, словно и тебя обдало близким дыханием всеильного присутствия, и в тебя вошла доля магического секрета всего сущего»¹⁰.

Подводя итог, необходимо отметить, что все топонимы, постепенно входившие в русский язык, не только занимали свое место на картах и начинали использоваться в официальных документах, но и станови-

лись частью русского национального самосознания, языковой и культурной картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаева Т. М. Предисловие // Имя: Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 9.

² Соснина А. Е. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа // Критика и семиотика. 2013/2(19). С. 14–30.

³ Литовкина А. М. Зарождение и эволюция концепта *Сибирь* в русской языковой картине мира (от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2008. 19 с.

⁴ Запольская Н. Н. Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // Имя: Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 133.

⁵ Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания / сост., отв. ред. В. М. Алпатов. Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука, 2006. 150 с.

⁶ Лихачев Д. С. Достоинство имени // Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». М., 1991. С. 2.

⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М. ТЕР-РА-Кн. клуб, 2001. С. 24.

⁸ Там же.

⁹ Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1998. 202 с.

¹⁰ Распутин В. Г. Очерк «Байкал, Байкал...» [Электронный ресурс] // imwerden.info: [сайт]. [Иркутск, 2014]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/RasputinV/rasputin_baikal.htm/ (дата обращения: 01.12.2014).

Litovkina A. M.

IDEO-SEMANTICS OF LAKE BAIKAL TOPONYM IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE

The author analyzes semantic features of toponym Lake Baikal within a modern anthropocentric paradigm, their linguistic and etymological reflection and their national and cultural properties.

Keywords: ethno-linguistics, etymological, linguistic and culturological analysis.

Лопухина Раиса Васильевна

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, Россия

rvlopukhin@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ «ЛОГИКИ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается специфика высказываний «обманутого ожидания», или «антилогизмов» в русском языке. Логическими маркерами таких «неправильных» умозаключений служат уступительные и противительные союзы. Частотность этих конструкций в живом употреблении русского языка является отражением ментальности народа и национального самосознания в данный период времени. Жизненные ситуации заставляют языковую личность прибегать к построению антилогизмов как особого рода умозаключений.

Ключевые слова: формальная логика, естественный язык, умозаключения, антилогизмы, высказывания «обманутого ожидания», уступительное значение, причинно-следственная связь, логические маркеры, уступительные, противительные союзы, ментальность.

Проблема реализации культурной информации в синтаксисе связана с десигнативным аспектом семантики: отражением в сознании языковой личности отношений и связей между предметами и процессами реального мира, присущих данному этносу. Культурный компонент семантики синтаксических единиц включается в сферу подсознательного носителя языка, а эксплицируется только в восприятии представителей иного лингвокультурного сообщества.

Это самая ненаблюдаемая, скрытая в человеческом сознании сфера. Точно так же, утверждает К. Леви-Стросс, и каждое явление культуры содержит в себе два слоя информации: поверхностную, осознаваемую, и глубинную, неосознаваемую. В культуре, по К. Леви-Строссу, «главный слой — глубинный, бессознательный»¹. Очевидна глубокая взаимозависимость синтаксиса и культуры, и, следовательно, необходимость детального изучения и описания реализации национально-культурного компонента синтаксических единиц как в системе языка, так и в речи, в высказываниях, анализируемых в конкретной ситуации.

Своеобразные способы соединения понятий, характерные для носителей русского языка, реализуются в синтагматических связях слов уже на уровне словосочетания (ср.: *ограниченный контингент, несгибаемая самодостаточность, прикусить язык, душа нараспашку* и др.). Словосочетание представляет собой наиболее устойчивый и национально своеобразный уровень синтаксиса. При создании подобных выражений фоновая информация, известная носителям данного языка, являющаяся достоянием всех членов лингвокультурной общности, подвергается компрессии и элиминации. В результате свергывания пропозиции, обозначающей социокультурную ситуацию, словосочетания называют, как правило, уже не отдельные реалии, а целые ситуации или отношения между участниками событий. На поверхностном языковом уровне обра-

зуются сокращенные, построенные по законам сочетаемости словосочетания и выражения: *экранная духовность, пронзительный Моцарт, ненаглядное лицо* и др. Слова же содержат значения, которые обусловлены их синтагматическими свойствами, общечеловеческими культурными коннотациями, традицией употребления слов в том или ином значении, т. е. национально-культурными стереотипами.

Исследование семантики некоторых сложных синтаксических построений в русском языке выявило такие значения, которые оказываются тесно связанными между собой, являются необходимым дополнением друг друга. К таким значениям относятся уступительные, противительные, причинные и следственные значения (например: *Несмотря на то, что на улице лил дождь, все пошли гулять*). Высказывания подобного рода, именуемые в современном языкознании высказываниями «обманутого ожидания», имеют долгую лингвистическую традицию изучения.

В современном языкознании можно выделить три очень близких, но все же отличающихся подхода к их семантическому анализу. В первом подходе обращается внимание на взаимодействие всех этих четырех значений в едином «поле причинности». В чистом виде причинно-следственная связь (*Мы не закончили работу, так как погас свет. Погас свет, поэтому мы не закончили работу*) определяется как движение от основания к следствию или от следствия к основанию, то есть как связь, лишенная альтернативы (противительности, уступительности, временной последовательности, условия и др.).

Уступительное значение имплицитно подразумевает только нереализованную причинно-следственную связь, предполагает отвергнутое основание («*несмотря на то, что*»). Как пишет М. В. Ляпон, «столкновение двух истин — априорной и актуальной построено на парадоксе, противоречии»². Основание, названное первым компонентом, недостаточно или отвергнуто, «имплицитное ожидание» и реальный результат противоположны, что в коммуникативном аспекте трактуется как результат «вопреки ожиданию».

Семантическое значение несоответствия, порожденное противительным значением, формируется столкновением различных факторов, включающих, например, такие противоречащие друг другу семантические константы: «всегда — в данном случае», «раньше — в данном случае», «обычно — в данном случае» и др., где «всегда», «раньше», «обычно» есть некая общая семантическая константа, представляющая собой общее суждение, которое как необходимое следствие в данном случае нарушается («*Обычно в такую погоду все сидят дома, а они пошли гулять*»).

Анализ соотношения уступительного и противительного значений показывает, что противительный компонент является обязательным элементом уступительного значения, а уступительные союзы обычно

сопровождаются противительными союзами: «*Хотя было уже поздно, они продолжали разговаривать*». Следовательно, противительные союзы являются потенциальными носителями уступительного значения, во многих случаях при поддержке контекста передают информацию «хотя», а уступительное значение несет в себе обязательное противительное значение.

Существует и третий, более дифференцированный и более глубокий подход к исследованию уступительного значения: он связан с исследованием референциальных аспектов синтаксической семантики, с понятием презумпции/пресуппозиции в лингвистической семантике (работы Е. В. Падучевой, Г. Е. Крейдлина).

По мнению авторов, противительный союз *а*, например, выражает презумпцию несоответствия второго компонента естественным следствиям из первого — это противопоставительное значение: «*Вечером с нами на кухне посидела, покушала, а утром заходим, и вот ... прямо лицом на полу*» (И. Сахновский).

В монографии В. З. Санникова представлен обзор основных результатов лингвистического исследования высказываний «обманутого ожидания» и содержится всесторонний анализ противительных союзов. Он пишет: «...в конструкциях с союзом *но* следует видеть не неожиданность, малую вероятность или необычность, а несоответствие норме, нарушение нормального хода событий»³.

Некоторые исследователи аналогичные предложения несоответствия относят к «*логике здравого смысла*». Предложение с *но* («*Зима, но идет дождь*») имеет скрытое противоречие, «которое может быть реконструировано путем логического вывода. Речь идет об обыденной логике, т.н. «*логике здравого смысла*». При анализе аналогичных предложений вводятся и другие модальные показатели: *предполагается, обычно, не ...* В каждом предложении, содержащем уступительные союзы *тем не менее, однако, но, а* и др., отвергается обычная презумпция и вводится ложная: «*Все гуляют, когда идет сильный дождь*».

Следовательно, в уступительных и противительных семантических связях утверждается несовместимость двух логических суждений, образующих единое сокращенное умозаключение (энтимему), между которыми устанавливается ситуация взаимоисключения. Главную роль как источник этого противоречия играют уступительные союзы (*хотя, хоть, несмотря на то, что* и др.), которые автоматически устанавливают нелогичность действия, выраженного в логическом заключении. Такие сложноподчиненные предложения суть языковая форма выражения умозаключения или силлогизма, который в логике называется «антилогизмом».

Антилогизм — это силлогизм с противоположным по качеству заключением, то есть «антизаключением», создаваемым за счет употребления

в нем или предиката восстановленной большей посылки, но с отрицанием, или антонимического этому предикату понятия, но без отрицания⁴.

Семантический анализ уступительности, проведенный Г. Е. Крейдлиным и Е. В. Падучевой, показал, что в значении уступительности мы имеем дело с двумя семантическими презумпциями, представленными в виде следующих, выведенных ими формул: 1) «Хотя..., и потому, вообще говоря,... должен; 2) ... между тем...»⁵.

Таким образом, естественный язык, кроме обычных силлогизмов модусов Barbara, Ce1arent, Camestres в соответствующих формах, может выражать антилогизмы тех же модусов, но с противоположным суждением в функции заключения. Логическими маркерами меньшей посылки антилогизма, представленного придаточным предложением, служат уступительные союзы *хотя, хоть, несмотря на то что, как ни, куда ни, кто бы ни, откуда бы ни, сколько бы ни, пусть, куда бы ни, а вот и и др.*, которые выступают в сложных предложениях как средства построения антилогизмов.

Логическими маркерами заключения антилогизма, представленного главным предложением, служат противительные союзы *а, но, тем не менее, между тем, однако, все же, все-таки, вопреки этому и др.*

Следует отметить различную «ценность» средств выражения антилогизмов со значением «нарушения нормального хода событий». Отрицания и антонимы без отрицаний имеют очень широкую сферу употребления в языке: они не служат специально целям выражения умозаключений. Дифференцируя логическую структуру силлогизмов и антилогизмов, отрицания и антонимы без отрицаний участвуют лишь в определении их статуса — модусов, но и то лишь тогда, когда синтаксические конструкции выражают умозаключения и без них. Напротив, сложносочиненные (или два семантически связанных простых предложения) и сложноподчиненные предложения, в которых употребляются и противительные, и уступительные союзы, а также сложноподчиненные предложения лишь с уступительными союзами — это такие синтаксические построения, которые автоматически, независимо от их лексического наполнения, выражают антилогизмы. Противительные союзы там, где они участвуют в конституировании антилогизмов, выполняют ту же логическую функцию, что и уступительные союзы: они являются их логическими синонимами. Их различие на уровне языка состоит в структурно-грамматических признаках: первые — сфера самостоятельных или главных предложений в составе сложных, вторые — сфера придаточных предложений.

Говорящий (пишущий) имеет возможность выразить антилогизмы четырьмя способами: 1) либо в форме двух самостоятельных предложений с противительным союзом перед вторым предложением, 2) либо в форме сложносочиненного предложения с теми же противительными

союзами перед вторым простым предложением, 3) либо в форме сложноподчиненного предложения с уступительными союзами, вводящими придаточные предложения, и с противительными союзами, вводящими главные предложения, 4) либо в форме простого предложения с уступительным предлогом *вопреки*. Например: «*Одуряющие очереди за вермишелью, килькой в томате, за портвеном действовали как растворитель. Однако это не означало, что погибшему Сидельникову были глубоко противны магазины*» (И. Сахновский).

Каждый из четырех типов синтаксических построений и каждое из четырех формально логических средств выражения антилогизмов реализуется в естественном языке во множестве индивидуальных вариантов. Естественный язык обладает практически неограниченным количеством различных структурно-грамматических и лексико-семантических средств выражения антилогизмов.

Формальная логика как наука о формах мысли, законах непротиворечивого мышления, формальных правилах выводного знания использует определенные языковые построения, в том числе и формальные языковые средства, являющиеся в то же время логическими маркерами силлогизмов и антилогизмов, которыми она может выражать умозаключения любых модусов. Логика построена на однозначных правилах и в этом смысле она стоит как бы по ту сторону человека с его противоречивой практической деятельностью, его процессом мышления. Человек же не запрограммирован в своей деятельности и в своем мышлении как логический автомат, и он постоянно сталкивается с такими жизненными ситуациями, которые не укладываются в «прокрустово ложе» логических исчислений. Естественный язык гораздо более гибок, чем логика, он выражает одну и ту же логическую форму мысли множеством языковых форм, переставляя местами причину и следствие, одно выдавая за другое, сокращая материальную форму выражения логических категорий до минимума, но тем не менее, позволяя говорящему выразить любую логическую форму (ср.: «В песнях утверждалось отчаянье, зато пелись они надежным, победительным голосом...»).

При анализе фактического материала мы обнаружили множество примеров регулярного нарушения логически правильно построенных силлогизмов, но нарушенных по определенным правилам логики, в частности с логически правильно построенными и в то же время с противоположными по качеству суждениями в функции заключения, в котором все поставлено «с ног на голову».

Русский язык обладает богатством форм не только для выражения «правильных» дедуктивных умозаключений (силлогизмов), но и богатством форм для преднамеренного выражения «неправильных» силлогизмов, то есть антилогизмов, как отражения противоречий материальной действительности, взаимодействия человека с этой действительностью

и взаимодействия человека с человеком. Жизненные ситуации заставляют языковую личность прибегать к построению антилогизмов как особого рода умозаключений. Возможность выражать антилогизмы человек реализует средствами естественного языка по законам формальной логики, которые иногда оказываются «перевернутыми» *«Наш Дробышев был умный, толковый, замечательный мужик, однако же стал или, лучше сказать, сделался неумным, нелепым, тщеславным стариком»*. (В. Маканин).

Частотность этих конструкций в живом употреблении русского языка является отражением ментальности народа и национального самосознания в данный период времени.

Дальнейшие исследования в этой области могли бы помочь усовершенствовать основы моделирования механизма формирования мысли средствами естественного языка, формализовать этот механизм и создать алгоритм его искусственного воспроизведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология = Anthropologie structurale / Пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Наука, 2001. 512 с.

² *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения. «Текст. К типологии внутривербальных отношений. М.: Наука, 1988. С. 111–112

³ *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989. С. 153

⁴ *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 43

⁵ *Крейдли Г. Е., Падучева Е. В.* Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31–37.

Lopukhina R. V.

REFLECTION OF “COMMON SENSE LOGIC” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article describes the specificity of the expressions of “deceived expectations” or “antilogisms” in the Russian language. Logical markers of such “wrong” conclusions are concessive and adversative conjunctions. The frequency of these constructions in the Russian language is the reflection of people’s mentality and national identity in a given period of time. Life situations make the language identity build “antilogisms” as a special kind of reasoning.

Keywords: formal logic, natural language, reasoning, “antilogisms”, concessive meaning, cause-and-effect relationships, logical markers, concessive and adversative conjunctions, mentality.

Лукьянова Екатерина Александровна

Владимирский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия

e.a.lukyanova@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящей работе рассматриваются основные ономастические процессы формирования региональной топонимии. На основе анализа названий населенных пунктов Владимирской области выделяются три ономастических процесса: онимизация, трансоимизация и смешанный способ. При этом онимизация и трансоимизация могут быть разделены на грамматическую и семантическую. По итогам исследования региональной топонимии сделан вывод о месте имени нарицательного и имени собственного в региональной топонимической системе.

Ключевые слова: топонимия, топонимическая система, ономастические процессы, онимизация, трансоимизация.

Общеизвестно, что в основе формирования топонимических наименований, как и большинства других имен и названий, лежит другое имя — либо оним, то есть имя собственное, либо апеллатив, понимаемый в большинстве ономастических исследований как имя нарицательное и противопоставляемый в ономастике термину «оним». При этом следует отметить, что оба этих термина в ономастике функционируют вне грамматических категорий, а следствием их противопоставления является противопоставление апеллативной и онимической лексики¹.

В славянских языках возникновение топонимов, согласно многолетним наблюдениям и исследованиям различных групп топонимической лексики, происходило и происходит благодаря трём основным ономастическим процессам: 1) онимизация апеллатива; 2) трансоимизация иного имени собственного; 3) онимизация апеллатива с одновременной трансоимизацией иного имени собственного, т. е. смешанный путь, реализуемый в процессе образования нового имени собственного как двух- или многоосновной лексемы или как словосочетания.

Настоящая работа посвящена изучению основных ономастических процессов формирования региональной топонимии на примере топонимической лексики Владимирской области. Эмпирическую базу исследования составила картотека наименований населенных пунктов Владимирской области (общее количество проанализированных топонимических единиц — 2533), собранная на основе изучения современных списков 2009–2014 гг.

На первый взгляд, онимизация апеллатива с теоретической точки зрения представляет собой достаточно простое явление, при котором происходит обычный переход от множества денотатов к единственному,

уникальному денотату. Н. В. Подольская, уделявшая большое внимание как фиксации, описанию, так и развитию русской ономастической терминологии, под онимизацией апеллятива понимала переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов². Апеллятив, характеризующий какой-либо географический объект (гора, река, мыс, залив, озеро и т. д.), при его повторении в качестве ориентира с течением времени трансформируется в топоним, т. е. происходит онимизация. Ср., напр., во владимирском топонимиконе: *Брод* (название деревни) ← *брод* (неглубокое место в реке или ручье, по которому можно пересечь их пешком, верхом или на автомобилях), *Вал* (название деревни) ← *вал* (земляная насыпь); *Восход* (название посёлка) ← *восход* (появление светила над горизонтом). В данном случае принципиально важными становятся функциональные различия между апеллятивом и именем собственным: с одной стороны, это функция индивидуализации, т. е. выделения одного объекта из ряда подобных, присущая именам собственным, а с другой — функция обобщения, характерная для апеллятивов, заключающаяся в самом общем смысле в определенной универсализации, т. е. сведении объектов в один ряд.

Онимизация имени нарицательного представляет собой древнейший способ образования географических названий, в ходе которого, порывая с классом апеллятивов, имена нарицательные подвергаются в дальнейшем своим собственным, онимическим трансформациям, которые происходят в большинстве своём на деривационном уровне.

Другой процесс формирования имен собственных — трансонимизация — неразрывно связан с онимизацией, поскольку, возникая для наименования одного объекта, оним нередко переходил на другой объект. Таким образом, трансонимизация представляет собой формирование имени собственного на основе другого имени собственного, когда названия деревень, сел, посёлков и городов образуются уже от существующих в языке и функционирующих в речи онимов, чаще всего — антропонимов и топонимов.

Особым случаем трансонимизации в топонимии можно считать процесс формирования так называемых перенесенных названий, когда, переселяясь на новые места, люди «брали с собой» привычные для них наименования рек или населенных пунктов, что обусловлено, как правило, освоением новых территорий и возникновением новых поселений (ср., напр., населенные пункты с названием *Москва*, которые существуют в двух штатах США, а также города с названием *Одесса*, которые можно встретить сразу в шести штатах США и двух провинциях Канады). Подобные явления можно встретить и во владимирской топонимии: ср., напр., название деревни в Судогодском районе *Ладога*, которое, вероятно, можно считать перенесенным на здешнюю почву с северо-запада со-

временной России, где, как известно, существует озеро *Ладога*, название которого имеет древнее происхождение.

Считается, что предельным случаем трансонимизации является перенос названия внутри своего класса из одного подкласса в другой. В топонимической системе такой переход чаще всего связан с переходом имен водных объектов в класс названий поселений. Утвердилось мнение, что хронологически наиболее древние названия имеют водные объекты: именно на берегах рек и озер в первую очередь селился древний человек, поскольку они давали ему пищу, а передвижение по воде было наиболее легким. Ср., напр. во Владимирской области, река *Судогда* — город *Судогда*, река *Пекша* — деревня *Пекша*, река *Нерехта* — поселок *Нерехта*.

Онимизация апеллятива может быть разделена на грамматическую и семантическую, однако подобное деление возможно, только если подходить к процессу с точки зрения изменения/неизменения самой структуры апеллятива, формальных его показателей, ведь семантика имени нарицательного при переходе в класс имён собственных так или иначе меняется, даже если его форма остаётся неизменённой.

Семантическая онимизация, как определяла её Н. В. Подольская, представляет собой «процесс, происходящий без формальных (материальных) изменений структуры апеллятива»³. Ср., напр., во владимирской топонимии названия населенных пунктов: *Березка*, *Погост*, *Бег*, *Венец*, *Гора*, *Рукав*, *Слобода*, *Устье*, *Яр* и др. К этой же группе следует отнести и названия советского периода, которые так или иначе образованы от апеллятива путем семантической онимизации, ср., напр., *Большевик*, *Гигант*, *Дружба*, *Достижение*, *Заря*, *Пробуждение* и пр.

Путём семантической онимизации могут образовываться также и составные топонимы: ср., напр., *Березовая роща*, *Большой Холм*, *Зеленый Дол*, *Золотая Грива*, *Красная Грива*, *Красная Роща*, *Красный Бор*, *Красный Ручей*, *Красный Угол*, *Красный Угол*, *Крутые горки*, *Малый Холм*, *Новая Деревня*, *Сосновый Бор*, *Старая Слобода*, *Старый Двор* и др. Отдельно отметим составные искусственные названия, появившиеся в XX веке, но образованные тем же путём: ср., напр., *Красное Пламя*, *Красный Куст*, *Красный Луч*, *Красный Маяк*, *Новый быт* и др.

К этой же группе топонимов мы относим однословные названия, которые в процессе своего становления потеряли второй элемент, изначально обозначавший объект именования (ср.: *Красное село* → село *Красное*): *Большое*, *Вишневый*, *Ключевая*, *Красное*, *Лесная*, *Мокрое*, *Новая*, *Новое*, *Пригородный*, *Придорожный*, *Приозерный*, *Старая*, *Южный* и др.

Под грамматической онимизацией в научной литературе понимается «такой процесс, когда на базе апеллятива или апеллятивной основы образуется имя собственное с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств. Имя нарицательное

в обоих случаях остаётся в своей лексической системе, а на его базе возникает новое имя собственное, которое встаёт в свой ономастический ряд и подвергается изменениям по собственно ономастическим правилам»⁴, ср., напр., названия во Владимирской области: *Великодворье, Городищи, Дворищи, Княжиха, Корастелиха, Коршуниха, Кочетиха, Крапивье, Курганиха, Межищи, Мостищи, Рябиновка, Сосновка, Суховка, Тополевка* и др.

К этой же группе относим однословные и составные наименования, застывшие в форме *pluralia tantum*, поскольку плюрализация в топонимии рассматривается как особый способ словообразования: *Бережки, Болгары, Кузнецы, Большие Горки, Большие Лужки, Большие Острова, Зеленые Пруды, Малые Липки, Малые Лужки, Малые Острова, Ясные Зори* и др.

Кроме того, в этой группе выделяются топонимы, которые исторически воспринимались как притяжательные прилагательные и функционировали вместе с идентифицирующим элементом (ср.: *Булатниково село* → село *Булатниково*), однако на сегодняшний момент являются однословными наименованиями, ср., напр., *Быково, Высоково, Галкино, Крюково* и др.

Трансонимизация, как и онимизация, может быть условно поделена на семантическую и грамматическую. Семантическая трансонимизация представляет собой переход онима из одного разряда в другой, происходящий без формальных изменений его структуры, в то время как грамматическая трансонимизация — образование на базе онима других онимов с помощью словообразовательных средств⁵. Ср., примеры семантической трансонимизации во владимирской топонимии: *Колокша* (река) → *Колокша* (посёлок), *Коль* (река) → *Коль* (деревня), *Сойма* (река) → *Сойма* (деревня), *Пекша* (река) → *Пекша* (деревня); примеры грамматической трансонимизации: *Алфёр* (имя первого поселенца) → *Алфёрово селение* → *Алфёрово*, *Ястреб* (название реки) → *Заястребье* (название села).

Третий процесс формирования региональной топонимии представляет смешанный способ мотивации, особенность которого заключается в синхронном или одновременном соединении при образовании нового названия двух основных моделей — онимизационной и трансонимизационной⁶. Результатом этого процесса является возникновение топонима, оказывающегося производным одновременно от двух лексических единиц — апеллятива и имени собственного. При этом может наблюдаться как препозитивное, так и постпозитивное положение имени собственного в новом топообразовании, когда часть топонима, образованная от имени собственного, находится либо в положении определяющего, либо в положении определяемого, ср., напр., *Дмитриева Гора, Дмитриевский Погост, Дмитриевы Горы — Большая Артёмовка, Вольная Артёмовка*, *Малая Артёмовка* и др.

Итак, 17% от общего количества топонимических единиц образовано в процессе семантической онимизации апеллятива, в то время как грамматической онимизацией определяется формирование 23% от общего количества топонимов. Имя нарицательное в обоих случаях остаётся в своей лексической системе, а на его базе возникает новое имя собственное, которое встаёт в свой ономастический ряд и подвергается изменениям по собственно ономастическим правилам.

Трансонимизация как ономастический процесс явилась основой для формирования 38% топонимов Владимирской области: 12% от общего количества топонимических единиц приходится на семантическую трансонимизацию, а 26% — на грамматическую трансонимизацию.

Количество образованных по третьей модели топонимов (22% от общего числа) намного уступает количеству единиц, образованных по первой (онимизация апеллятива) и второй (трансонимизация другого имени собственного), но вместе с тем в функциональном плане соизмеримо с первыми двумя основными типами мотивации географических названий.

Таким образом, ведущим при незначительном превалировании из ономастических процессов в региональной топонимии является онимизация апеллятива, в то время как среди разновидностей обозначенных процессов на первый план выходит грамматическая трансонимизация, что имеет существенное значение для определения места имени собственного в лексической системе языка и в историко-культурном контексте: чаще всего уже существующий оним играл роль своеобразного ориентира, указывая на принадлежность географического объекта (если в качестве базы для образования топонима выступал антропоним) либо на нахождение относительно другого географического объекта (если топоним образовывался от другого топонима, например, от названия рек). При этом следует отметить, что незначительное количественное расхождение даёт основание утверждать, что имя нарицательное также играло ключевую роль в формировании региональной топонимии: наряду со стремлением обозначить объект относительно подобных или относительно человека, большое значение имело выделение объекта путем обозначения его существенных (в первую очередь для номинатора) признаков, в этом случае в качестве базы выступало имя нарицательное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В. и др.* Теория и методика ономастических исследований. М.: ЛКИ, 2007. С. 37–38.

² *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 92.

³ Там же. С. 92.

⁴ *Подольская Н. В.* Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 22.

⁵ *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 138.

⁶ *Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Об-во любителей рос. словесности, Ин-т народов России, 1996. С. 144.

MAIN ONOMASTIC PROCESSES IN THE REGIONAL TOPONYMY DEVELOPMENT
(BASED ON VLADIMIR REGION MATERIALS)

Южный федеральный университет, Россия

julialychkina@yandex.ru

The paper reviews the main onomastic processes of the regional toponymy development. The research of the names of inhabited localities in Vladimir region makes possible to denote three onomastic processes: onymisation, transonymisation and their mixture. The processes of onymisation and transonymisation, herewith, can be divided into grammatical and semantic. The results of the research of the regional toponymy indicate the role of common and proper names in the regional toponymic system.

Keywords: toponymy, toponymic system, onomastic processes, onymisation, transonymisation.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена анализу лексических средств номинации волевых черт характера. Слова, обозначающие волевые качества человека, образуют семантическое поле «Характер человека», в состав которого входят разные части речи. Структуру поля организуют прилагательные, благодаря многоплановости семантики и широкой сочетаемости. Внутри поля установлены микрополя, дифференцирующие различные свойства человека.

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, лексема, системные отношения.

Изучение характера — это ключ к познанию личности. В психологии характер понимается как система наиболее устойчивых индивидуально-психологических особенностей, проявляющихся в поведении человека¹. Отдельная черта характера представляет собой некоторый стереотип поведения, реализующийся в определенных ситуациях с высокой степенью вероятности. Особую значимость в характере человека имеют волевые качества; это объясняется тем, что в обстоятельствах, требующих волевых усилий, характер проявляется отчетливей. Изучение прошлого показывает, что войны, набеги, тяготы повседневной жизни закаляли дух русского народа; строгие религиозные посты укрепляли силу воли, умение ограничивать себя.

В толковом словаре А. П. Евгеньевой дается такое определение лексемы *воля*: «Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. *Сила воли. Воспитание воли. Преодолеть что-л. усилием воли. || к чему.* Сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в достижении чего-л. *Воля к победе*» (здесь и далее толкования слов и примеры из «Словаря русского языка» под ред. Евгеньевой А.П. В 4-х т. М., 1981–1984).

Характер долгое время отождествляли с волей человека. Значимость воли как главного компонента в структуре характера находит свое отражение в языке. Слово *характер*, помимо первичного толкования «совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека», используется и в значении «твердая, сильная воля, стойкость, упорство в достижении цели». Это понимание получило отражение в толкованиях таких слов и устойчивых словосочетаний, как *характерный* — «упрямый, любящий делать по-своему»; *бесхарактерный* — «слабовольный, легко поддающийся чужому влиянию»; *человек с характером* — «человек с твердым характером»; *человек без характера* — «слабовольный»; *выдерживать характер* — «проявлять стойкость, непреклонность».

В семантическое поле «Волевые черты характера», по данным толковых, тематических словарей, входит 210 слов. В составе поля слова разных частей речи: имена существительные, номинирующие черту характера (*упорство*) или человека, которому свойственно какое-либо качество (*храбрец*); имена прилагательные, характеризующие человека (*настойчивый*); глаголы, определяющие особенности поведения человека, обусловленные его характером (*трусить*); наречия, указывающие на признак действия (*отчаянно*). Все элементы СП «Волевые черты характера» указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в морфологической принадлежности. Полагаем, что структуру поля организуют прилагательные. Как часть речи имя прилагательное многофункционально, многопланово; его лексическое значение раскрывается за счет парадигматических и синтагматических связей.

Опираясь на идеографическую классификацию лексики, можно установить следующие микрополя внутри СП «Волевые черты характера»: «волевой — безвольный», «сдержанный — вспыльчивый», «смелый — трусливый»². В каждом микрополе есть противоположные качества: положительные и отрицательные, так как характеристика человека в основном дуальна. В каждом микрополе можно выявить противопоставление синонимических рядов — синонимо-антонимические парадигмы, которые составляют единство, определяя объем и содержание понятия.

Микрополе «волевой — безвольный» включает 24 прилагательных: *волевой, сильный, твердый, характерный, настойчивый, упорный, упрямый, упористый, настырный, стойкий, непоколебимый, непреклонный, несгибаемый, железный, стальной — безвольный, слабый, слабовольный, бесхарактерный, слабохарактерный, нерешительный, мягкий, мягкотелый, бесхребетный*. Эти лексемы определяют наличие — отсутствие у человека воли, т. е. волевых качеств, необходимых для достижения целей, сопротивления жизненным трудностям, отстаивания своих взглядов и убеждений.

Внутри данного микрополя устанавливаются многочисленные синонимические ряды на основе общей семы. Члены синонимического ряда могут различаться стилистической окраской, сферой применения, выражаемой эмоциональной оценкой и значением усилительности. Так, синонимический ряд прилагательных *волевой, сильный, твердый, характерный* определяет в общем наличие-отсутствие у человека волевых качеств. *Волевой человек. Сильная натура. Твердый характер*. Прилагательное *характерный* является устаревшим, сейчас чаще употребляется в разговорном стиле: *Так он у тебя сердитый? — Ой, характерный! Бывало, начнет ругаться — за что? — неизвестно.* (А. Тарасов, Крупный зверь).

Ряд синонимов с доминантой *стойкий* характеризует способность человека сопротивляться внешнему воздействию: *стойкий, стоический,*

непреклонный, непоколебимый, несгибаемый, железный, стальной. Использование большого количества лексем для определения этого свойства свидетельствует о важности его для носителей русского языка.

Возможно выделение синонимического ряда с заглавным словом *настойчивый*: *настойчивый, упорный, упрямый, напористый, настырный, упористый*. Элементы ряда указывают на способность человека добиваться своих целей, осуществлять задуманное. Прилагательные *настырный, упористый*, которые отличаются просторечной окраской, негативно характеризуют чрезмерное проявление упорства.

В поле «Волевые черты» обнаруживается специфика антонимических противопоставлений, обусловленная наличием у одного слова двух равнозначных по смыслу антонимов. Речь идет о наличии так называемых антонимических вариантов³. Так, прилагательное *волевой* вступает в антонимические отношения со словами *безвольный, слабовольный*. Устанавливается и другая трехчленная оппозиция: *характерный — бесхарактерный, слабохарактерный*. Очевидно, что для русского человека отсутствие воли (т. е. характера) и слабое ее проявление оцениваются одинаково (негативно).

Важно отметить, что для характеристики человека в русском языке используются лексемы как в прямом значении, так и в переносном. Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаков слов: физический признак предмета переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психических свойств личности (*тупой, резкий, мягкий, жесткий, глубокий человек* и т. п.). Метафора-прилагательное часто содержит точную и яркую характеристику лица.

Антонимы *сильный — слабый* имеют переносное значение. В основе переноса лежит сопоставление физической силы человека с его волей. Метафора *слабый* продуктивна (см. *слабовольный, слабохарактерный, слабак*). Путем метафорического переноса образованы значения слов *твердый, стойкий*. Если мы обратимся к первичным номинативным значениям этих слов, то увидим, что оба прилагательных в прямом значении указывают на качества предметов. В переносном значении они характеризуют непоколебимого, непреклонного человека, с сильной волей: *Поэт! — Услышишь суд глупца и смех толпы холодной; Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.* (Пушкин, Поэту). Аналогичен по сути метафорический перенос значения прилагательных *железный, стальной* («непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений»): *Самолюбие в нем было огромное, и характер он имел железный.* (Тургенев, Рудин). Эти признаковые метафоры выражают положительную оценку характера. Антоним слова *твердый — мягкий*: *Человек он, впрочем, был деликатный, мягкий и неглупый.* (Чехов, Ариадна). Метафоры, обозначающие волевые черты характера, выражают оценку не только рациональную, но и эмоциональную.

На наш взгляд, яркой образностью и экспрессивностью отличаются такие метафорические определения характера, как *мягкотелый*, *бесхребетный*: «перен. Разг. Не имеющий твердости в характере, во взглядах; беспринципный».

Для характеристики отношения человека к опасной ситуации в русском языке используются 16 прилагательных: *смелый*, *решительный*, *храбрый*, *бесстрашный*, *отважный*, *мужественный*, *боевой*, *геройский*, *отчаянный*, *удалой* — *трусливый*, *несмелый*, *боязливый*, *пугливый*, *робкий*, *малодушный*. Большинство элементов данного микрополя употребляется в прямом значении. Синонимический ряд с общим значением «смелый» включает больше прилагательных, чем противоположный по семантике ряд с доминантой «трусливый», что свидетельствует о важности для русского человека таких качеств, как храбрость, отвага, мужество. *Он был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью.* (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год). В разговорной речи для характеристики отважного, способного к подвигам человека используется пароним слова *героический*: *Виктор — смелый, отчаянный, геройский парень.*

Прилагательное *малодушный* может быть отнесено к двум рубрикам: «наличие—отсутствие воли», «поведение в опасной ситуации», так как лексема эврисемична: «проявляющий малодушие, слабовольный, трусливый». *Куда — я годен, если во мне нет закала, я слаб, малодушен.* (Чехов, Несчастье).

Для интенсификации понятия «смелый» возникла метафора *отчаянный* — «не знающий страха, способный на самый рискованный поступок», относящаяся к разговорному стилю: *Вот, — говорит один товарищ, — уж на что Мишка отчаянный, а в этот овраг не прыгнет.* (Тургенев, Отчаянный). Номинативное значение прилагательного — «впавший в отчаяние» (устар.).

Прилагательное *удалой* («отличающийся удалью») отличается от других элементов синонимического ряда экспрессивностью: *Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина.* (Л. Толстой, Кавказский пленник). Значение слова *удал* — «безудержная, лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством; молодечество» (СРЯ, т.4, 463) — получает в других языках лишь описательное выражение.

Микрополе «сдержанный — несдержанный» содержит 12 прилагательных: *сдержанный*, *выдержанный*, *ровный*, *уравновешенный*, *хладнокровный*, *невозмутимый* — *несдержанный*, *невыдержанный*, *вспыльчивый*, *горячий*, *взбалмошный*, *необузданный*. В данной рубрике собраны качества характера, связанные с умением человека сдерживать свои чувства, владеть собой, т. е. проявлять самообладание.

Прилагательные в синонимическом ряду с доминантой *сдержанный*, указывающие на положительное качество, характеризуются нейтральной стилистической окраской. Значение отдельных слов образовано путем метафорического переноса. Внутренняя форма метафоры *сдержанный* — «такой, которому не дают проявиться в полной мере, который сдерживают» (*сдержанное волнение*, *сдержанный плач*) не только указывает на проявление тех или иных эмоций, но и характеризует человека: *Самые искренние люди бывают часто самыми сдержанными людьми, и самые сильные чувства этих людей никогда не выражаются ими.* (Писарев, Реалисты). В основе вторичной номинации *уравновешенный* («обладающий ровным, спокойным, выдержанным характером») — сходство с действием («сделать одинаковым по весу, привести в равновесие»). Метафорическое значение слова *ровный* — «уравновешенный (о характере, поведении человека)» образовано путем ассоциативного переноса качеств предметов (гладкий, плоский, прямой) на характер человека: *Прежде я была ровного, кроткого характера.* (Чернышевский, История одной девушки).

Прилагательные, обозначающие отрицательные качества в данной рубрике, образуют синонимический ряд, элементы которого отличаются друг от друга высокой степенью экспрессивности, разговорной стилистической окраской. *Вспыльчивый* — «легко приходящий в раздражение, гнев, способный вспылить»: *Он иногда бывал очень вспыльчив, так что даже я спускал ему.* (Достоевский, Подросток). *Горячий* — «вспыльчивый, легко возбуждающийся»: *Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил* (Панаява, Воспоминания). *Взбалмошный* — «Разг. Сумасбродный, неуравновешенный, с причудами. Это был простой степной барин, довольно взбалмошный, крикун, — грубый, но не злой. (Тургенев, Дворянское гнездо). Прилагательное *необузданный* указывает на крайнюю степень проявления несдержанности: *Страшна и необузданна была она в гневе.* (Марков, Строговы).

Обращение к языковому материалу, компонентный анализ значений языковых единиц с опорой на данные психологии позволил выделить несколько микрополей в СП «Волевые черты характера человека». Изучение синонимо-антонимических групп в каждом микрополе помогает понять многообразие типов русского характера, обратить внимание на поляризованность свойств душевного склада человека — твердость и слабость, смелость и трусость, сдержанность и вспыльчивость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 276 с.

² Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / под ред. проф. В. В. Морковкина. М.: Рус.яз., 2000. 560 с.

Lychkina Yu. S.

THE SEMANTIC FIELD “VOLITIONAL CHARACTER TRAITS” IN RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of lexical means denominating volitional character traits. Words denoting human willpower make the semantic field “Human character”, which is formed by different parts of speech. The structure of the field is organized by adjectives, owing to diversity of their semantics, wide compatibility. Within the field semantic rubrics have been set, differentiating various properties of human (presence-absence of will, self-control, attitude to danger).

Keywords: semantic field, microfield, lexeme, systemic relations.

Мажитова Жанна Сабитбековна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия

mazhitova_69@mail.ru

ОРАТОРСКИЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДА

В статье раскрывается вопрос о роли ораторских слов как средства общения, обмена культурным опытом. Они выполняли коммуникативную функцию в казахском обществе, так как казахи не знали иных механизмов передачи социального опыта, как только с помощью устной литературы, что позволило избежать культурной деградации и потери социальной памяти народа.

Ключевые слова: ораторские слова, культурные ценности.

Изучение основ традиционной культуры — актуальная проблема современной науки, важная составляющая национальной политики любого государства, позволяющая осмыслить те нравственные ценности, которые когда-то способствовали появлению и развитию этноса и государства, а теперь значительно расширяющие рамки всестороннего изучения человека, его взаимосвязи с окружающим миром и элементами традиционной культуры. В ней проявляется народная самобытность, специфичность этнического самосознания. Традиционная культура позволяет проникнуть в глубь человеческого сознания, понять, какие полифункциональные механизмы влияют на стереотипы поведения, какие ценности, пройдя проверку временем, востребованы современной повседневной жизнью, а какие в силу различных обстоятельств вышли из сферы употребления; осознать роль этнокультурной традиции в сохранении национальной идентичности в условиях, когда мир подвержен влиянию глобализационных процессов, усиливших взаимосвязь между этносами и культурами, когда остро стоит вопрос постепенного стирания из народной памяти его этических и нравственных принципов и идеалов. В этих условиях задача не только сохранения, но и развития культурного наследия стали одними из направлений отстаивания этнической самобытности народов и государственной независимости.

С 1990-х гг. в Казахстане начали системно изучаться образцы ораторского искусства и факты биографий исторических деятелей прошлого; эта проблема освещена во многих фундаментальных трудах¹.

Например, Р. Бердибаев утверждает, что ораторские слова принадлежат к жанру предание, и проходят многовековой «народный отбор» лишь те, которые приятны слуху, выразительны, притягивают особым магнетизмом, обладают неповторимой энергетикой. Связано это с тем, что, по мнению ученого, ораторские слова обладают магической силой и зачастую самые значимые из них являлись жырау (исполнителю жан-

ра казахского исторического поэтического творчества, в котором воспевались события общенародного характера) во сне, как бы предупреждая спящего о грядущих важных событиях.

Исследователь Б. Ахан считает, что многие страницы истории до сих пор покрыты мраком неизвестности, их неверное толкование или исследование в угоду идеологическим установкам искажает историческую действительность, приводит к отрыву от духовных корней. Автор пишет: «К духовным памятникам, не подверженным влиянию времени и с особой бережностью хранимым степным народом, относится и творчество биев, шешенов и жырау (*родовых правителей, ораторов и сказителей*. — *Ж. М.*). Ораторское искусство, мастерство устной, неподготовленной речи получает широкое распространение и полнокровное развитие только там, где народ поклоняется силе слова, всячески поддерживая находчивость, остроумие и свободу мысли»². Казахи считали, что дар красноречия — врожденное качество, которое присуще разносторонним личностям: бии были одновременно историками, литераторами, мыслителями, политиками, правоведами, психологами, философами и политическими обозревателями³. Небольшое четверостишие, меткое слово бия могло высмеять такие отрицательные качества человека, как мздоимство, трусость, чванство и пр., и вмиг облететь казахскую степь.

Казахстанский ученый, филолог Н. Турекулов считал, что «возникшее в давние времена творчество биев и ораторов сегодня особенно актуально. Оно имеет большое воспитательное значение для подрастающего поколения, его ценностные ориентиры служат нравственными принципами для современного общества»⁴. Одной из проблем современного общества, полагал ученый, является не только невежество молодого поколения относительно слов-изречений знаменитых биев, но и отсутствие знаний у них о биях-ораторах, творчество и деятельность которых представляет духовную ценность и служит сохранению идентичности казахского народа, в том числе в условиях современных глобализационных процессов.

Именно Н. Турекулов, на наш взгляд, наиболее последовательно проводил мысль об уникальности института биев-шешенов (ораторов) в казахском обществе. Ученый убежден, «...что ораторские слова и судебные решения биев как явления общественной жизни и драгоценное богатство встречаются только в казахском народе»⁵.

Большой вклад в изучение казахского народного ораторского искусства внес советский и казахский поэт, писатель, ученый-фольклорист, ученик М. О. Ауэзова, член Союза Писателей СССР Б. А. Адамбаев (1919–1990)⁶. Работы ученого посвящены пословицам, поговоркам, ораторским изречениям, историческим преданиям и легендам — жанрам устного народного творчества, которые, по его мнению, являются наименее изученными в современном литературоведении, так как не в полном объе-

ме собраны и систематизированы. Трудности накопления знаний о жанрах казахского народного ораторского искусства связаны с тем, что они всегда ситуативны, то есть их нужно изучать в контексте обстоятельств, определяющих их бытование. Б. А. Адамбаев (в 1967 году им был издан сборник стихов «Сила слова», в 1969 году — монографическое исследование «Ораторское искусство») поставил перед собой задачу восполнить этот пробел. Благодаря его стараниям было «отобрано, систематизировано и подготовлено к изданию (с предисловием и комментариями) свыше шести тысяч казахских народных пословиц и поговорок, около тысячи ораторских изречений и несколько сот исторических преданий и легенд»⁷. Ораторские изречения биев, пословицы-поговорки считаются малыми жанрами, но, являясь результатом многовековых наблюдений за явлениями природы и общественной жизни, стали, по мнению автора, квинтэссенцией народной мудрости. Передаваясь из поколения в поколение, они подвергались объективным изменениям, шлифовались и становились в итоге селективного отбора выражением этических взглядов и суждений всего казахского народа. Б. А. Адамбаев был хорошо знаком с устной литературой, свободно ориентировался в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему заметить, что бии-ораторы всегда использовали в своей речи крылатые изречения и афоризмы, которые «достигли высокого художественно-эстетического уровня и превратились в истинную поэзию»⁸. Их речь, построенная зачастую на импровизации, использовании образных выражений, была богата примерами из народного фольклора и являла собой красоту казахского языка. Ученый приводит высказывание русского офицера Е. И. Шевалина о значении фольклорного жанра у казахов: «На языке кайсаком (*казахском*. — *Ж. М.*) есть пословицы (макал), так отчетливо дающие понятия об их характере и народности вообще... Некоторые из них, нужно признаться, очень хороши... Всякий порядочный бий и султан помешан на пословицах и в разговоре с кайсаком старается пересыпать ими почти всякую фразу. Это рекомендует у них человека умного, дельного и совершенно годного быть бием, судьей»⁹.

Культурное наследие биев, считает исследователь, составляют те ценности, которые созданы в ходе культурных достижений казахского общества, сохраненные в исторической памяти народа и осуществляющие связь между поколениями, между прошлым и будущим. Своим творчеством бии как бы маркируют казахский народ специфическими и отличительными признаками, которые служат объединяющим началом казахской общности на фоне общемировых культурных и гуманистических ценностей.

Через назидательные слова бии-жырау от своего имени оценивали историческую эпоху, определяли нравственно-моральные и идеологические приоритеты, выражали отношение к происходящим вокруг событиям, свое видение мироустройства и свое эмоциональное состояние.

В назидательных словах бии говорили о простых человеческих истинах: что значит быть хорошим отцом, доброй матерью, послушным сыном, братом, вежливой дочерью, доброжелательным сватом и т. д. «Каждое мудрое слово казаха имело воспитательное, а также побудительно-поучительное значение»¹⁰.

Таким образом, в словах-назиданиях отражался дух времени, духовные ценности, идейные установки, к которым общество не столько по-разному относилось, сколько по-разному принимало, так как любое явление имеет, в том числе и субъективный характер. Однако всеохватность исторической личности, которая берет на себя смелость быть выразителем ценностно-нравственных противоречий в обществе, благодаря собственной колоритности и глубине, придает размышлениям и думам характер общечеловеческой ценности, гуманизма.

В целом, исследователи приходят к выводу, что ораторство как жанр искусства имеет огромное значение в нашей духовной культуре. В любом обществе ораторское искусство оказывает благотворное влияние на развитие народа, пробуждает его чувства, сознание, побуждает к действиям. Оно не утратило своего значения по сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из уст народа. Алматы: Жазушы, 1989. 368 с.; Слова биев. Ораторские размышления, посвящения, споры / сост. Т. Какішев. Алматы: Казак университети, 1992. 160 с.; и др.

² Ахан Б. Общее и особенное в ораторском искусстве казахских биев, шешенов и жырау // Вестник ОГУ. 2004. № 6. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Турекулов Н. Мудрые степные глашатаи. Алматы: Казакстан, 2006. С. 8.

⁵ Турекулов Н. Даланың дана ділмәрлары. Алматы: Казакстан, 2006. С. 5.

⁶ Адамбаев Б. Народная мудрость. Алма-Ата: Мектеп, 1976. 155 с. и др.

⁷ Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Алматы: Ана тили, 2007. С. 4.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Цит. по: Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. Т. 3. С. 120.

¹⁰ Кшибеков Д. К. Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 19.

Mazhitova Z. S.

ORATORICAL SPEECHES AS MEANS OF NATIONAL CULTURE SAVING

The article researches the issue of the role of oratorical speeches as the means of communication and sharing of cultural experience. The speeches had communicative function in the society, due to the fact that Kazakhs did not possess any other mechanisms for social experience transfer except the oral literature, which prevented the nation from cultural degradation and social memory loss.

Keywords: oratorical speeches, cultural values.

Малькова Валентина Валерьевна

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия

valentyana4@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ: АВТОР И АДРЕСАТ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Фиксированность структуры и единство семантики устойчивых сравнений позволяет признать их одним из надежных источников сведений о национальной принадлежности автора и получателя текста. Исследование русских устойчивых сравнений способствует выявлению набора специфических характеристик и объектов действительности, выступающих эталонами признаков, в рамках русской лингвокультуры.

Ключевые слова: эталон сравнения, имплицитная информация, основание сравнения.

В фонде современного русского языка имеется свыше 3000 русских устойчивых сравнений, представляющих собой структуру «основание сравнения» + сравнительный союз + «объект сравнения» (*трещать как сорока, прыгать как блоха, голодный как волк*)¹. Постоянство лексического состава и структуры, а также утрата в некоторых случаях внутренней формы устойчивых сравнений приводят к тому, что говорящий, использующий эти фразеологизированные единицы в речи, воспринимает их как готовые варианты интенсификации признаков.

На фиксированность того или иного образа с присущими ему характерными чертами в сознании носителей русского языка указывает анализ данных ассоциативного словаря, где одной из наиболее частотных реакций (более 7 ответов) русских респондентов на слово *береза* является *стройная; индюк — надутый; медведь — косолапый, большой, толстый; гусь — важный; заяц — трусливый; младенец — невинный*². Материал словаря позволяет также проследить обратную связь характеристики с конкретным образом действительности: *большой — дом, слон, медведь, великан, зверь; красивый — человек, цветок, девушка, Аполлон; глухой — тетерев, тетеря; свободный — ветер, орел; старый — дед, пень; надоедливый — муха; верный — собака; медленно — черепаха; жадный — барин, купец, буржуй, Плюшкин*.

Анализ толковых словарей также демонстрирует связь представленного в устойчивых сравнениях содержания и его фиксированности в сознании в качестве одного из компонентов значений слова-эталона. Так, наличие в русском языке устойчивых сравнений *темно как в кабаке / душно как в кабаке / шумно как в кабаке* привело к закреплению за словом «кабак» определенного переносного значения: «кабак — 1. питейное заведение низкого разряда с неопрятной обстановкой (пренебр.).

2. *перен.* о чем-н., напоминая обстановку такого заведения своим беспорядком, нечистой, шумом (разг. фам. неодобрит.)»³. Таким образом, за словом-эталоном *кабак* закрепляется особое значение, репрезентирующее именно такие его характерные свойства, как грязь и шум, которые выражены в устойчивых сравнениях.

Автоматизм использования устойчивых сравнений прослеживается не только в процессе продукции речи, но на этапе ее рецепции. Об этом свидетельствует легкое понимание имплицитной (неявной) информации, выраженной через определенный эталон при отсутствии называния самого признака: например, *глаза как у поросенка* (в значении «маленькие»), *живот как барабан* (в значении «тугой, круглый»), *слух как у кошки* (в значении «хороший»). Адресат высказывания, содержащего устойчивое сравнение, без особых усилий также вычленяет потенциальные смыслы слов вторичной номинации, основанных на существующих в языке устойчивых сравнениях: ср. *Вот курица!* (в значении «глупая» в глупая как курица; *Она настоящая каланча* в высокий как каланча). Понятным и прозрачным становится и содержание целого фрагмента речи:

«Хотя Галя человек энергичный, но Нелли Николаевна, несмотря на совсем не юношеский возраст, — это просто метеор...» [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)] (в значении «быстрый»);

«Я так рад, тростинка моя! Соскучился!» [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Вокзал для двоих (1983)] (в значении «худая, тонкая»);

«В специфике искусства — ничего не сечет, совсем валенок...» [Георгий Полонский. Был у меня друг (1996)] (в значении «глупый, несообразительный»);

«И Яшка, обезьяна моя, тоже болел гриппом». [Алексей Митрофанов. Грипп // «Столица», 1997]⁴ (в значении «вертлявый, подвижный»).

Что касается семантического состава русских устойчивых сравнений, его анализ также позволяет раскрыть особенности русского национального мировосприятия. Так, одним из специфичных оснований сравнений, типичных исключительно для русских сравнительных конструкций, является характеристика «трезвый» (*трезвый как стеклышко, как огурец, как дурак*):

«В девять я трезвый, как стекло, стою на КПП» [Василий Гулин. Красный день Тепурджиди (1997) // «Столица», 1997.08.12];

«Я пить бросил! Сижу трезвый, как дурак...» [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)].

К специфичным отрицательным чертам, нашедшим отражение в русских устойчивых сравнениях, относится также черта *нелюдимость*, *угрюмость*, которая реализована в устойчивых сравнениях через ассоциации с человеком, ведущим аскетический образ жизни, либо с редкими, нелюдимыми птицами (*нелюдимый как бирюк; угрюмый как ворон; сидеть, молчать как сыч*):

«Сколько можно, сижу один, как сыч, вот-вот с ума сойду». [Дмитрий Быков. Орфография (2002)];

«Нет, я ведь не бирюк какой-нибудь, я одобряю и приветствую любой грохот и крик в ресторанах и клубах с оркестровой площадкой...» [Анна Старобинец. Новый год. Клуб «Пурга» и его окрестности // «Русский репортер», № 1, 22–29 января 2009].

Подобный подход к изучению устойчивых сравнений позволяет составить представление о своеобразной шкале ценностей представителей культуры, которая, как считает В. Н. Телия, отражает «общественно сложившиеся нормы представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы»⁵.

Что касается специфичных эталонов русских устойчивых сравнений, к ним можно отнести, прежде всего, национально-культурные реалии: *жарко (душно) как в бане, молчать как партизан, читать как пономарь, сиять как масленичный блин, тупой как сибирский валенок, сильный как богатырь, наряженная, неприступная как царевна, голосистый как курский соловей* и др.

Полное неуважение и физическое и моральное превосходство над другим выражается в русском языке через устойчивые сравнения с эталонами особых таксономических групп «насекомые» (*раздавить кого-л. как червяка, букашку, козявку, таракана, мокрицу, вошь, гниду, комара, клопа*) и «детеныши домашних животных и птиц (или мелкие птицы)» (*задушить, вышвырнуть как котенка, щенка, кутенка, цыпленка*), входящие в состав которых образы объединяются на основе характерного для них признака — слабости и незащитности:

«Вот вырастет твой однолюб, — мрачно прокомментировал Ионис, — и расплющит тебя, как таракана!» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)];

«Видения были несамоделными, почти смешными, но от них осталось тоскливое ощущение двойственности бытия: его, Ивана Дмитриевича, можно вышвырнуть за дверь, как кутенка, и в то же время от него, оказывается, зависят судьбы Европы» [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)];

«Подстрелит, как рябчика, и глазом не моргнет» [Борис Хазанов. Далекое зрелище лесов (1998)].

Таким образом, исследование устойчивых сравнений способствует получению сведений об особенностях национальной культуры, к которой принадлежат автор и адресат, и подчеркивают универсальность или специфичность имплицитного содержания речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. Краснодар, 1998.

² Русский ассоциативный словарь. Книга 1–6 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998.

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переиздавался в 1947–1948 гг.); Репринтное издание: М., 1995; М., 2000: <http://enc-dic.com/ushakov>

⁴ Национальный корпус русского языка: <http://ruscorpора.ru>

Malkova V. V.

IDIOMATIC COMPARISONS: AUTHOR AND RECIPIENT AS CULTURES' REPRESENTATIVES

The author argues that fixed structures and unity of semantics of idiomatic comparisons may be recognized as one of the reliable sources of the information about the author's and recipient's national identity. The research of Russian idiomatic comparisons makes possible to reveal specific characteristics and special standard images of them in the frame of Russian linguoculture.

Keywords: comparison ground, implicit information, standard image.

Матрусова Александра Николаевна

Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Россия

matrusova@gmail.com

РУССКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ПЕСНЯ: БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕКСТ

В современной лингвистике и методике преподавания РКИ, равно как и иных славянских языков, перед исследователями языка и преподавателями-практиками встает вопрос отбора текстов и решения проблем коммуникативных неудач на поле межкультурной коммуникации. Русская песня, как народная, так и современная (равно как и все славянские песни), представляет собой уникальный источник и инструмент выстраивания межкультурного общения и отбора материала для преподавания РКИ на любом уровне.

Ключевые слова: русская и славянская песня, исследование песни, отбор текста, межкультурная коммуникация, РКИ и славянские языки.

Песня (в особенности народная) как культурный, литературный и лингвистический феномен уже обращала на себя внимание исследователей-культурологов, фольклористов и в меньшей степени — лингвистов и теоретиков преподавания РКИ. Разумеется, нет преподавателя РКИ, который бы не использовал песню на своих занятиях, однако это единичные случаи, которые не имеют под собой широкой лингвистической теоретической базы, равно как нет и последовательных масштабных исследований языка песни как такового.

Среди работ, посвященных проблематике песенного творчества как русского, так и других славянских народов, следует отметить А. Б. Мороза¹, А. Н. Полежаеву², Н. С. Шумаду³, И. И. Юрасову⁴ и некоторых других. В этих исследованиях преимущественно затрагиваются такие аспекты бытования песни, как ее фольклорная сущность, обрядовые аспекты и т. д. Однако без внимания остается важнейшая, на наш взгляд, отличительная черта песни — это феномен **текста** песни и его многоуровневого бытования.

Говоря о многоуровневом бытовании песни, мы имеем в виду следующее: песня существует, функционирует и реализует свой текстовый потенциал на нескольких уровнях: собственно языковом, т. е. лексико-грамматическом, демонстрируя все возможности данного конкретного языка, коммуникативном, прагматическом, эстетическом и т. д.

Говоря о лексико-грамматическом уровне песни, отметим следующее: форма песни, жанр песни дают нам возможность оценить гибкость и потенциал данного конкретного языка. Песня допускает изменение места ударения, песня оправдывает нарушение неких грамматических норм. Приведем в качестве наиболее наглядного примера сербскую народную песню «Запевала сојка птица, мисли зора је». По правилам сербского, как и любого другого южнославянского языка, при употреблении

глагола в перфекте должно быть сочетания вспомогательного глагола быть (бити) с причастием прошедшего времени смыслового глагола, т. е. *запевала је*, однако форма народной песни избавляется от вспомогательного глагола, создавая таким образом насыщенный, сжатый, семантически концентрированный текст, которому сообщается дополнительная эмоциональная нагрузка за счет утери вспомогательного глагола.

Другой пример, который демонстрирует гибкость и терпимость (рискнем даже сказать — толерантность) песни к фонетическим нормам языка, — это песня В. С. Высоцкого «Банька». Герой песни произносит фразу «На полке у самого краешка», как бы пренебрегая словарной нормой, требующей выпадения беглого гласного при сочетании плавного с взрывным: *на полке*. Однако все оправдывает художественный замысел (несомненно) и, главное, логика песенного текста.

Логика песенного текста, суть ее, может быть предварительно определена как целесообразное построение поэтического текста (шире — дискурса, учитывая постоянное воспроизведение и реализацию песни в различных условиях), отвечающее высшим задачам лингвокультуры, в рамках которой создается этот текст, и реализующее весь лексико-грамматический и фонетический (просодический) потенциал языка данной песни для достижения прагматической и коммуникативной цели.

Существование определенной логики песенного текста определяет ее дальнейшие качества: диалогичность⁵, наличие семантических оппозиций⁶, двоемирие (шире — дуализм мировосприятия, который присутствует и в народной, и в популярной, и в авторской песне), особая топонимика и — особенно в народной песне — знаковые фитонимы и зоонимы.

Разумеется, как справедливо отмечает Н. С. Шумада, со ссылкой на Н. П. Колпакову, «правильное представление о песенном фольклоре как полифункциональном явлении современной славянской народной культуры может обеспечить лишь многоаспектное исследование. По мнению авторитетных ученых, подобная задача ввиду ее сложности и объемности материала может быть осуществлена «только целым коллективом фольклористов разных славянских стран. она достойна их внимания»⁷. Это относится не только к песенному фольклору или современной культуре славян, но и — шире — к песне как культурному и лингвистическому явлению вообще.

Песня — это не только, как уже было указано выше, уникальное явление с точки зрения языка, не только некий текст или дискурс, воспроизводимый в разных условиях и в разной степени реализующий свой коммуникативный и прагматический потенциал. Песня — это еще и феномен коммуникации, и общение в форме песни многократно подтверждало свои неисчерпаемые коммуникативные возможности: как в учебной аудитории, так и в научном сообществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мороз А. Б. Семантика, символика и структура сербских обрядовых песен календарного цикла: дис. ... канд. филол. наук / Институт славяноведения РАН. М., 1998.

² Полежаева А. Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Ивановский государственный университет. Иваново, 2011.

³ Шумада Н. С. Современный песенный фольклор славян: сущность, структура, функции: дис. ... д-ра филол. наук / Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. Рильского АН УССР. Киев, 1984.

⁴ Юрасова И. И. Варьирование лексико-фразеологических средств в русском фольклорном тексте: На материале рус. ист. песен XVI–XVII веков: дис. ... канд. филол. наук / Воронежский университет. Воронеж, 1995.

⁵ Матрусова А. Н. Язык песни: славянская коммуникативная парадигма // Русский язык за рубежом. 2014. № 6. С. 73–79.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Шумада Н. С. Современный песенный фольклор славян: сущность, структура, функции: дис. ... д-ра филол. наук / Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. Рильского АН УССР. Киев, 1984. С. 15.

Matrusova A. N.

RUSSIAN AND SLAVIC SONG: MORE THAN JUST A TEXT

The author argues that modern linguistics and modern methodics of RFL teaching face the issue of choosing texts and resolving communicative failures in the field of intercultural communication. Russian songs, both folk and modern (as well as all Slavic songs) are the unique source and instrument of maintaining intercultural communication and choosing the texts for teaching Russian on any level.

Keywords: Russian and Slavic songs, song survey, text choosing, intercultural communication, Russian as a foreign language, Slavic languages.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ФРЕЙМА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

В статье рассматриваются особенности семантической организации текста, обусловленные социальной и культурной маркированностью фрейма как способа упаковки знаний. Фрейм взаимодействует с моделью коммуникативной ситуации, может подвергаться возможным модификациям. Связность фрагмента текста, актуализирующего фрейм, отражает связность концептов в структуре фрейма.

Ключевые слова: семантическое пространство текста, связность концептов, фрейм.

В современном языкознании утверждаются принципы анализа семантического пространства текста как разновидности когнитивной структуры в рамках фреймовой семантики. Уже не вызывает сомнения тот факт, что именно «фреймовые структуры служат основой лексической категоризации и субкатегоризации единиц по тематическому принципу»¹. Наряду с этим, фреймовая семантика позволяет анализировать лексико-семантические поля, причем не только и не столько с точки зрения их внутренней организации и взаимодействия, и попытаться описать роль этих словесных комплексов в организации семантического пространства текста.

Если при порождении дискурса говорящий включает в состав первой части, заявляющей тему всего коммуникативного единства лексему с максимально обобщенным значением (вершину фрейма), то семантическое пространство текста организуется по принципу включения. «Выбор лексических единиц в процессе речевой деятельности обычно осуществляется по принципу дедукции, сужения тематического круга»², поэтому в последующих частях могут появиться соотносительные с иницирующей лексемой элементы возглавляемого ею лексико-семантического поля, гипонимы. При этом лексемы, обладающие общим нетривиальным компонентом значения, выступают как семантически соотносительные компоненты, своеобразные скрепы этих частей. Связность текста отражает связность ментальной модели ситуации в сознании говорящего и достигается благодаря закону семантического согласования, который, в соответствии с коммуникативной задачей, заставляет отбирать и сочетать лексемы, имеющие, «...помимо специальных, различающих их сем, одну общую сему, которая является итеративной, так как встречается в высказывании, по меньшей мере, дважды, благодаря чему и осуществляется связь наименований»³.

Такое построение — одна из частых закономерностей организации текста: семантическое пространство складывается из перекрещивающихся конфигураций нескольких нижестоящих фреймов с одной вершиной — узлом — наиболее общим представителем каждого поля. Количество предикаций при этом может быть неопределенно большим, в отличие от количества микротем такого фрагмента дискурса: последовательное перемещение фокуса и ступенчатая смена тем ограничены объемом информации, релевантной для данной коммуникативной ситуации. Например:

И, наконец, третья история, происшедшая за священными пределами, однако на «плавающей территории СССР».

Советский крейсер (назовем его «Стража»), выполняя визит доброй воли, стоял во французском порту Тулон. Разбитые на небольшие группы во главе с офицерами, политработниками и комсомольскими секретарями, моряки даже и во время прогулок выполняли свою миссию, иными словами, как предписывалось, «гордо несли», «с достоинством представляли» и т. д. и т. п. (В. Аксенов. В поисках грустного бэби).

Рассматриваемый фрагмент представляет собой один из примеров таких текстов, в которых структурная организация строится на относительно скрытых лексических и энциклопедических связях между словами. Ёмкий эвфемизм — *плавающая территория СССР* — обозначает тему фрагмента дискурса. Заявленная пропозиция, нагруженная фоновыми знаниями, активирует и фрейм «водное транспортное средство», и фрейм «социалистическое государство», являясь полиобъектной. Первичная пропозиция, в соответствии с правилами синтеза текста, должна задавать «фокус внимания к какому-то одному объекту фонда релевантной информации»⁴. Поэтому закономерно перемещение фокуса на содержащее сему «водное транспортное средство» слово *крейсер*, составляющее с иницирующим дискурс устойчивым выражением и лексемой *моряки* номинативную цепочку, образуемую словами одного семантического поля. С учетом спецификации наименования слово *крейсер*, как название военного водного транспорта, включает в это семантическое поле и лексему *офицеры*. В равной степени закономерен и возврат к предшествующему фокусу и активация фрейма «социалистическое государство»: без учета идеологической коннотации в организации данного дискурса не могли бы участвовать соединенные с лексемой *офицеры* сочинительной связью, реализующей отношения равноправия, номинации *политработники* и *комсомольские секретари*. Отношения равноправия устанавливаются между лексемами случайно: их синтагматическое тождество обусловлено архисемой «человек» и итеративной семой одушевленности, как и у лексем *моряки*. Тождество этой семы включает в сферу действия идеологемы названия всех живых существ в данном фрагменте дискурса, так как лишь люди способны быть носителями определенной идеологии. Актуализация именно этого терминаль-

ного фрейма поддерживается в последней части и предикацией: моряки «гордо несли, с достоинством представляли и т. д. и т. п.». Фокус внимания окончательно переключается на идеологическую составляющую пропозиции, обладающую наибольшим числом отсылок к упоминаемым объектам.

В семантическом пространстве текста могут одновременно актуализироваться два равноправных фрейма, один из которых является ключевым — темой, топиком фрагмента дискурса, другой выполняет сопутствующую роль. В таком случае мы имеем дело с наложением двух представлений с различными и дугами (графами), и узлами (вершинами). Например:

Вот основные вехи одного из первых моих семинаров «Существование равняется сопротивлению». 1956 год — альманах «Литературная Москва», бунт против литературного сталинизма. Пастернаковский кризис. Первая Нобелевская премия. Глумление над Пастернаком. Противостояние «Нового мира» и «Октября» как отражение духовной борьбы шестидесятих годов. Возникновение журнала «Юность», молодая проза и её развитие до открытого неконформизма. «Поэтическая лихорадка», суперзвезды поэзии. Магнитиздат, советские барды, «человек с гитарой» как символ сопротивления. Солженицынский кризис, вторая Нобелевская премия. Изгнание Солженицына, исход писателей, последующие высылки. Самиздат и тамиздат. Альманах «Метрополь» как последняя попытка прорыва через идеологические надолбы. Эмиграция... (В. Аксёнов. В поисках грустного бэби).

Топику соответствует довольно протяженная номинативная цепочка: бунт — кризис — глумление — противостояние — борьба — неконформизм — сопротивление — изгнание — исход — высылки — прорыв — эмиграция (=форма протеста). Длина цепочки, характеризующейся другой гиперсемой, не меньше — это подчеркнутые лексемы, раскрывающие обобщенное понятие «Литература». Элементы этого поля — ни названия журналов, ни фамилии писателей, ни виды издательской базы, ни поэзия и проза — не содержат в своем значении ничего, что сделало бы правомерным их включение в фрагмент, посвященный сопротивлению. В терминах фреймовой семантики — фрейм «Литература» не содержит соответствующих слотов. А «фрейм, или когнитивный контекст — это модели культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества»⁵.

Хотя В. Аксёнов заявил топик отрывка — «Существование равняется сопротивлению», писатель опускает необходимый комментарий: «в определенных общественных условиях литературное творчество становится формой протеста». Признание литературы формой общественной жизни отнюдь не прототипично, в значительной степени подобное восприятие этого рода искусства характерно для российского общества. Такими фоновыми знаниями обладает лишь представитель советского (постсоветского) народа или осведомленный зарубежный современник.

Впрочем, эти же знания приобретает и любой читатель автобиографического романа В. Аксёнова «В поисках грустного бэби».

В иных условиях этот дискурс предстает как некогерентный. В этом отрывке наличествуют два семантических представления, каждое из которых выражается в коннекторных рядах лексем, объединенных общей семой, но сами вербализуемые концепты активизируют в сознании читателя разные когнитивные контексты. Сопряженность «протестного» и «литературного» фреймов обусловлена лишь макропресуппозицией автора и его расчетом на тождественные фоновые знания реципиента. Поэтому сложная конфигурация этого дискурса в его изолированном от контекста употреблении распадается на два независимых фрагмента, так как в языковом (а не культурно-обусловленном!) сознании у слов «сопротивление» и «литература» нет общих сем.

Таким образом, связность концептов в структуре фрейма является необходимым условием связности фрагмента текста, актуализирующего данный фрейм. С другой стороны, фрейм, будучи прототипической ментальной моделью, взаимодействуя с моделью коммуникативной ситуации, может подвергаться возможным модификациям. В процессе построения дискурса автор текста путем фокусировки на различных частях фреймовой структуры привлекает различные когнитивные контексты путем использования семантически согласованных языковых единиц. Дискурсивная деятельность не может быть сведена лишь к когнитивному моделированию, это прежде всего адекватный условиям общения выбор, отражающий формы и методы освоения действительности данным языковым сообществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов, 2002. С. 62.

² Павленко Т. Л. Семантические поля и выбор номинаций в процессе речевой деятельности // Современный русский язык: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2003. С. 36–48.

³ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 372–387.

⁴ Маккьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 24. Компьютерная лингвистика: Пер. с англ./ сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М., 1989. С. 311–356.

⁵ Болдырев Н. Н. Там же. С. 63.

Milevskaia T. V.

REFLECTION OF FRAME SOCIO-CULTURAL PECULIARITIES IN THE SEMANTIC SPACE OF THE TEXT

The author argues that frame structures serve as the base for units' lexical categorization on the text thematic principle. Frame tendency to narrowing determines the principles of choosing the lexemes in the process of discourse generating. Out of thematically related lexemes as initiative element the lexemes with the most generalized meaning are used. It turns out to be either directly in the discourse structure or in the nearest context.

Keywords: semantic space, frame, lexical categorization, discourse generating.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ «НАРОДНОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Автор рассматривает русскую идеологию и ее развитие как борьбу ее составных частей. Народная идеология, которая выражена в неофициальных, неполитических, не религиозных текстах, противопоставлена официальной государственной и религиозной идеологиям. Ставится вопрос о важности изучения народных текстов в их истории. Естественно предположить, что фундаментальные основы официальной и неофициальной идеологий в России будут обнаруживать финальное притяжение и сходство.

Ключевые слова: русские народные тексты, смыслы, идеология.

Очевидно, что выявление основных черт русской (иначе, российской) идеологии, а также построение «национальной идеи» («русской идеи»), системы идеологием невозможно без анализа множества разнообразных источников: текстов мыслителей, публицистических выступлений, литературных текстов, фольклора и т. д.

При этом понятно и то, что исследователи в целом выявляют систему «национальной русской/российской идеологии» на базе «верхушечных» показаний. Мы полагаем, что не меньшее значение имеет и составная часть идеологии — «народная идеология», одновременно и противопоставленная, и составляющая гармоническое единство с идеологией «верхов». Где же и в каких текстах необходимо искать экспликации «народной идеологии»? Ведь нужно учитывать еще и то, что идеология (не узко политическая) выражается не только в текстах, но также и во всех формах человеческого бытия: поведении в быту, в обществе, в отношениях к сакральному, в физических действиях и их культурно обусловленных алгоритмах, в предметах быта, орудиях труда, предметах культа и т. д. Лишь сумма всех этих проявлений в динамике может дать полное понятие об идеологии, присущей этносу.

В свое время выдающийся лингвист Б. А. Ларин оценивал как свой важнейший замысел — создать словарь русского средневековья, чтобы он послужил основным фондом в русской исторической лексикологии, и всяких исследований по русской истории русской культуры, воззрений и обычаев, нравов и верований...»¹. Этот словарь должен был восполнить асимметрию лингвистических усилий, направленных на выявление лексического богатства лишь церковнославянского языка и древнерусского литературного языка в его официальных формах — деловой, хроникальной.

В. В. Колесов продолжает эти идеи в теоретическом ключе, видя развитие древнерусского литературного языка в сочетании различных

устных (разговорных форм) вариантов языка от городского просторечия до деревенских диалектов в истории².

В научной традиции недостаточно говорится о «народных» мировоззренческих установках и идеологических платформах, хотя они играли значительную роль в истории России, особенно в форме бунтов. Таким образом, другим важным источником становятся тексты, иллюстрирующие либо бунт «низов» против государства, каковы, например, тексты, обрамляющие восстание Емельяна Пугачева в XVIII веке, или тексты, отражающие обличающий и диссидентский пафос старообрядцев, вообще текстов тех групп, которые не совпадают с государственным православием (как в синодальный период церкви, так и в советский и иные), ср. исследования по этому поводу³.

Есть целый ряд исследований, которые настаивают на включении обиходного, бытового, обыденного языка в сферу углубленных интересов лингвистов, ср., напр., серию трудов по тематике «обыденности» в Кемеровском государственном университете в течение многих лет⁴.

Исследования диалектов и записи текстов их носителей приводят критически мыслящих филологов к значимости и нефилологической стороны текстов как свидетельств народного мышления в связи с обстоятельствами, ср. публикации и исследования, которые, с одной стороны, предлагают публикацию записей устных текстов носителей народного русского сознания в XX–XXI вв., а с другой стороны, дают осмысление сущностных черт народного мышления⁵.

Представляется важным и другое обстоятельство. Как говорил А. А. Ухтомский, «...одна из самых трудных, на первый взгляд, пожалуй, и недостижимых в чистом виде доминант, которые нам придется воспитать в себе, заключается в том, чтобы уметь подходить к <...> людям по возможности без абстракции, по возможности уметь слышать каждого человека, взять его во всей его конкретности независимо от своих теорий, предубеждений и предвзятостей отдельному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажечь его жизнью, понять его точки отправления, которые его определяют, понять его доминанты, стать на его точку зрения...»⁶.

«Верхушечные» тексты идеолого-публицистического содержания, в отличие от текстов «народных», обнаруживают принципиальную направленность воздействия *сверху вниз*, от мыслящей элиты к «безмолвствующему большинству», что можно назвать *конструированием идеологии* из строевых элементов, т. е. *идеологических конструктов*-идеологием.

Нас же в интересует национальное (=народное) *самовосприятие* и инструменты активизации такой интеллектуально-эмоциональной операции — *идеологием*, создающиеся на основе текстов разного объема. Можно полагать возможным выращивание идеологии политической (государственной) «снизу». Такие мысли высказывались как в исто-

рии русской публицистики, начиная с древнейших времен, так и в XIX и XX вв., и здесь наиболее выразительны точки зрения анархистов, а далее и монархистов, ср. мнения Ивана Солоневича в его труде «Народная монархия», впервые увидевшем свет в Аргентине в 1956 г.⁷

Надо обратить внимание на то, что формирование идеологии может быть предназначено для *внутреннего пользования* и требует сопоставления также и с идеологическими усилиями, осуществляемыми «извне» для *потребления иностранным адресатом*. Какие именно языковые технологии могут быть использованы при формировании идеологических текстов, рассмотрено на примере образа России в американских онлайн-газетах⁸.

В данной работе нет возможности останавливаться на идеологии официального православия и идеологиях, базирующихся на других традиционных религиозных системах, способах их формирования и распространения. При этом научная мысль не может обойтись без их рассмотрения, поскольку игнорирование этих систем, особенно в свете понимания традиционно значительной роли православия в формировании и функционировании российского государства и государствовознания, что называется государственным инстинктом, ср. мысли Ивана Ильина об этом⁹.

Очевидно и то, что формирование идеологий более глубинных, менее представленных в публичной и светской традиции, прежде всего древней русской старообрядческой идеологии, имеет право на выявление, на анализ роли в созидании общей картины идеологических представлений общества.

Здесь не названы также многие другие компоненты и струи русской идеологической реки, но автору представляется важным указать на принципиальную неполноту идеологических конструкций, обходящихся без этих важных факторов. Отсюда, кстати, вытекает и невозможность предварительной оценки эффективности внедрения идеологии «сверху».

Главнейшими понятиями при анализе семантических комплексов текстов при поиске в них идеологического пласта оказываются такие: *идея, идеология, «идеологема*. Лингвистический статус идеологемы обосновала, возможно, четче других Н. А. Купина, определившая ее, во-первых, как мировоззренческую *установку (предписание)*, облеченную в языковую форму, а во-вторых — как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический»¹⁰.

Отмечается, что идеологемы обладают способностью ассимилировать в своем содержании разнообразные мифы, символы, образы, идеи, как современные, так и архаичные. Все эти духовные формы подвергаются *адаптации* к смысловой тональности идеологического контекста. Это обстоятельство подчеркивается и Н. И. Клушиной, которая

утверждает, что любая идеологема таит в себе опасность обернуться *мифологемой*, так как средства массовой коммуникации являются проводниками определенной идеологии¹¹.

А. П. Чудинов, рассматривая современный политический дискурс, указывает на различную трактовку семантики и эмоциональной окраски слов-носителей идеологием (например, *народ и свобода*) у сторонников различных партий¹².

Очевидно, именно семантика коллективной оценочной установки на осуществление некоей целенаправленной ментальной или физической, но всегда социальной деятельности делает идеологему инструментом влияния. Идеологемы предназначены для побуждения общественных групп к социальным действиям. Готовность к социальным действиям обеспечивается внедренностью определенных понятий в массовое сознание, иначе — *информированностью* и *четкой опознаваемостью* через многократность повторений лексических конструкций. Массовое сознание при этом, будучи неоднородным, иерархичным, обладает способностью *транслировать внутри себя сверху вниз* полученные извне идеологемы через лидеров мнения и их сферы влияния.

В связи с этим идеологема в *полном смысле* есть идеологема, четко предполагающая формы ее приятия. Следует упомянуть и о возможной внешней невыраженности идеологемы, а далее — о способах импликации и экспликации. Можно указать также на связь коллективного сознания и идеологием, реализованные идеологемы как групповые установки могут соотноситься с нереализованными в общественной практике, т. е. не получившими продолжения в социальной деятельности масс. Есть и промежуточные случаи.

Драматические события в России конца XX века и реалии (скорее международные, нежели внутренние) начала XXI века вынуждают российское сообщество к целенаправленному созиданию целостной идеологии, могущей сплотить (скрепить) народный организм в целое.

Представляется существенным обратить внимание на различие векторов обращенности «народных» текстов и текстов «верхушечной» публицистики: первые формулируют установки «для себя, внутрь человека, внутрь небольшой группы» (рода, единомышленников и т. п.), вторые предписывают «вовне» («от одного человека или группы к всей массе народа»).

Первые связаны с личностным поведением, его оправданием (например, перед высшим существом), вторые — с призыванием («миссией») массы народа *in corpore* на земле, сейчас (возможно, и в более далекой перспективе, но чаще — сию минуту), ср. анализ политического дискурса власти в работе М. В. Гавриловой¹³.

Именно принципиальные различия в качестве, структуре, семантическом базисе анализируемого текстового материала обуславливают ценность текстов *народного, обыденного, обиходного* происхождения,

и идеология «народная» предстает как идеология *личностного спасения* в противовес *государственному призванию*. Идеология и идеологемы, извлекаемые из «народных» текстов, дают дополнительные истолкования и понимания *идеологичности* (становится допустимым понимать *идеологию* и *идеи* не только как *политические*). Дополнение одного другим и выявление форм экспликации такого взаимопроникновения может быть предметом дальнейших изысканий. До тех же пор необходим синтез богатств народных текстов всех типов, названных выше в качестве источников для изучения «народной идеологии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина / отв. ред. П. А. Дмитриев; СПбГУ. СПб., 1993. С. 7.

² Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 136–186.

³ Христианство и церковь в России феодального периода (материалы) / Сибир. отделение АН СССР. Новосибирск, 1989. 367 с.

⁴ Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. научных статей / отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2012. 292 с.

⁵ Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2010. 512 с.; Слово: фольклорно-диалектологический альманах / Сост. и ред. Е. А. Оглезнева. Благовещенск, 2003... Вып. 1–10; Васильева С. П. Ассоциативное поле «Дом» в русском языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 2 (28). С. 107–111 и др.

⁶ Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. С. 149–150.

⁷ Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.

⁸ Каменева В. А., Сидорова Е. А. Контексты идеологизации, или Образ России в американских онлайн-газетах (2000–2012) // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 100–104.

⁹ Ильин И. А. О русской интеллигенции // Русский колокол. 1927. № 2. С. 1–11.

¹⁰ Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: сб. ст. М.: РАН, 2000. С. 183.

¹¹ Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2008. 57 с.

¹² Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 92.

¹³ Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / СПбГУ. СПб., 2005. 468 с.

Mikhailov A.V.

ON THE SOURCES OF RUSSIAN “FOLK IDEOLOGY”

The author looks at Russian ideology and its development as a struggle between its constituent parts. “Folk” ideology, which is expressed in non-official, non-political, non-religious texts, is opposed to the official state and religious ideologies. The author raises the question of the importance of the study of folk texts in their history. It is natural to assume that the fundamentals of formal and informal ideologies in Russia will detect the final attraction and similarity.

Keywords: Russian folk texts, meanings, ideology.

Михалёв Андрей Борисович

Пятигорский государственный
лингвистический университет, Россия

abmikhalev@pglu.ru

ФОНО- И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ КОНЦЕПТА «СИЛОВОЙ КОНТАКТ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются два вида представления концептуальных моделей: фоносемантический и лексико-семантический. На материале русской лексики с начальным *p*-реконструируется фоносемантическое пространство, ядром которого выступают звукоизобразительные значения «бить» и «резать», объединяемые в концепт «Силовой контакт» и порождающие обширную сеть производных значений. Полученная схема демонстрирует значительное сходство с полисемической структурой слов, относящихся к данному концепту.

Ключевые слова: фоносемантическое пространство, протоконцептуальные схемы, языковая картина мира.

Понятие «концепт», появившееся в средневековой философской мысли (П. Абеляр, Ф. Аквинский, У. Оккам и др.), стало сегодня настолько же обиходным, насколько и далеким от определенности в когнитивной лингвистике. Но при всем многообразии формулировок «концепта» и подходов к его изучению единогласно признается, что лучший доступ к его описанию и определению обеспечивает язык. Семантическая система того или иного языка представляет собой результат сформировавшейся в течение многих тысячелетий концептосферы языкового коллектива, отличающейся определенными своими участками от концептуальных систем других этнолингвокультур. Поэтому установление различий может, в частности, производиться путем сопоставления аналогичных участков лексико-семантических систем языков с неким общим для них концептуальным центром. Но что считать таким центром?

В соответствии с нашей Теорией фоносемантического поля¹ первичными генетическими значениями, общими для всех языков, являются звукоизображения, т. е. признаки действий и предметов, способные быть имитированы голосовыми органами. Наши исследования² показали, что список таких порождающих звукоизобразительных значений достаточно ограничен (не более десяти), поэтому мы предложили назвать их «семантическими прототипами». В связи с настоящим исследованием мы считаем допустимым рассматривать их также как «протоконцепты», т. е. определенные *генетические ментальные ядра, генерирующие в познавательном процессе «протоконцептуальные схемы»* (аналог фоносемантических пространств). Основная цель, которую мы преследуем — установить регулярные связи и переходы между семантическими единицами разного ранга, сопоставляя результаты фоносемантического подхода с анализом полисемии и лексико-семантических полей. Думается, что, по крайней мере, косвенно соответствия и совпадения данных

между этими разными аспектами обрисовывают принципы концептуальной системы сознания, т. е. языковой картины мира.

Среди выделенных нами ранее семантических прототипов особенно ярко по количеству производных значений и семантических полей выделяются БИТЬ и РЕЗАТЬ. Мы склонны объединить их под общим названием «Силовой контакт», во-первых, потому что, взятые как отдельные понятия, они имеют больше сходных признаков, чем различных. Так, БИТЬ состоит из компонентов [физическое воздействие], [усилие], [дистанция], [+/- инструмент], [+/- нарушение целостности], [звук], а РЕЗАТЬ — из компонентов [физическое воздействие], [усилие], [+/- дистанция], [инструмент (острый)], [нарушение целостности], [звук]. Во-вторых, объединение этих двух понятий в одну макроединицу вводит ее, как нам кажется, в статус концепта. В-третьих, по результатам данного исследования, оба понятия «сотрудничают» в одном фоносемантическом пространстве (и не только в нем одном!). И, наконец, особый интерес представляет историческая значимость синтеза данных понятий (что запечатлено в синкретичности общеслав. корня *razъ* «бить; резать»). Действия «бить» и «резать», безусловно, являются базовыми для появления орудий труда, которые насчитывают, по археологическим данным, более двух с половиной миллионов лет (район восточноафриканского рифта). Не случайно поэтому повышенное внимание современных когнитологов³ именно к этой сфере человеческой деятельности.

Материалом для конструирования фоносемантического пространства протоконцепта «Силовой контакт» мы выбрали корпус русских слов с начальным согласным *p-*. В немалой степени выбор *p-*лексики был мотивирован наличием этого звука в слове *резать*. Однако, как показали результаты исследования, вся семантическая система *p-*лексики может быть сведена к трем порождающим центрам: *резать*, *бить*, *голосовое звукоизвлечение*.

Принцип объединения лексем из корпуса *p-*лексики в семантические поля основывался на выявлении общих гиперсем. Гиперсема по своей функции близка к архисеме, минимальному семантическому компоненту, общему для определенного ряда значений, однако отличается тем, что может быть не только эксплицитно выраженной в дефинициях слов, но и имплицитно включенной в совокупность признаков денотата, и, следовательно, реконструированной.

Результаты фоносемантического конструирования *p-*лексики выглядят следующим образом.

Ядерное поле РЕЗАТЬ представлено собственно словом *резать* и лексемой *рубаха* (< «резать, кроить»). Из него развиваются следующие семантические поля:

1. РЫТЬ (*рыть*, *ров*, *реша* (< «вырывать»), *русло*, *рыло*, *рыбить*, *рыбой* (< рябина «углубление на коже»).
2. РУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*раб*, *работать*, *ремесло*, *рука*) >

- 2.1. ПОМОЩЬ (*радеть*).
3. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (*реять*, *ртуть* (этим.: «катиться, скатываться»), *рыскать*) >
 - 3.1. ТЕЧЬ (*река*, *ручей*).
 - 3.2. ЧЕРТА, ЛИНИЯ (*рубеж*, *рубец*, *рисовать*) >
 - 3.2.1. ПРЯМОЙ (*ровный*, *равнять*, *равнина*, *равный*, *рынок* («торговые ряды»)⁴, *рычаг* (этим. от «дубина»), *ряд*, *рядом*, *рядить*).
4. ТОНКИЙ, УЗКИЙ (*ремень*, *ранец* (= сумка с ляжками), *ребро*, *розга*) >
 - 4.1. КРАЙ, КРОМКА (*рант*, *ресница*).
5. ОСТРЫЙ (*репей*, *рожон*, *рог*, *рыба*) >
 - 5.1. ОСТРЫЙ ВКУС (*редька*).
 - 5.2. ОТВЕРСТИЕ (*решето*, *решетка*, *рама*, *раковина*).
6. КРОВЬ (*руда* (устар. «кровь»)) >
 - 6.1. КРАСНОВАТЫЙ ЦВЕТ (*редеть*, *румяный*, *русый* (этим.: слово общеславянского происхождения (*rudъsъ*)). Связано с *руда*, *рудый*, *редеть*, *рыжий*), *рыжий*, *рысь* (животное), *рябина*).

Ядерное поле БИТЬ образуется словами *разить* и *рубить*. Производные поля:

1. РЕЗКИЙ, ВНЕЗАПНЫЙ (*раз*, *резкий*, *ринуться*, *рывок*, *рьяный*) >
 - 1.1. ПОДВИЖНЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ (*резвый*, *радость*, *радуга*⁵, *рай* (= радость, блаженство), *роскошный*, *роскошь* (< «радость»), *рысь* (темп передвижения на лошади)).
 - 1.2. ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ (*рано*).
2. ГРУБЫЙ (*рогожа*, *рожа*⁶).
3. НАПАДАТЬ, ВОЕВАТЬ (*разбой* < *разбивать*, *ратовать*, *ружье*, *рыцарь*).
4. СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧУВСТВО (*разить*, *разительный*, *ревновать*).
5. РАЗРУШАТЬ, УЩЕРБ (*разить*, *разорять*, *ранить*, *рак* (болезнь), *рехнуться*, *ружье*, *ржа*, *ржавчина*⁷, *рухнуть*, *рушить*) >
 - 5.1. ВЕТХИЙ (*рубище*, *рухлый*, *рухлядь*, *рыхлый*) >
 - 5.1.1. СЛАБЫЙ (*робеть*, *робкий*, *рохля*).
6. РАЗЪЕДИНЯТЬ, ОТДЕЛЯТЬ (*разнить*, *разный*, *рвать*, *редеть*, *редкий*, *роца*, *рота* (= военное подразделение), *ронять*, *рознить*) >
 - 6.1. ЗАВЕРШАТЬ (*решать*, *решительный*)⁸.
 - 6.2. ЧАСТЬ, МАЛЫЙ (*ребенок*, *роса*, *руда*, *руно* (= пласт шерсти)).
 - 6.3. ОТКРЫВАТЬ (*разевать*, *разинуть*, *рот*).
 - 6.4. ВЕРОЯТНОСТЬ⁹ (*разве*).
7. ПРОИСХОДИТЬ, НАЧАЛО¹⁰ (*род*, *родить*, *рождать*, *рожать*, *родник*, *родной*, *рой*) >
 - 7.1. РАСТИ (*расти*, *ребенок*, *рожь*¹¹).
 - 7.2. ПРИЧИНА, ЦЕЛЬ¹² (*ради*).

Ядерное поле *голосовое звукоизвлечение*, относящееся к звукоподражанию, представлено лексемами *реветь*, *ругать*, *ропот*, *рокатать*, *речь*, *рыдать*, *рыгать*, *рычать*, *рывать*.

В лексико-семантической системе русского языка можно выделить группу глаголов, относящихся к семантическому полю «Силовой контакт», напр., *резать*, *бить*, *ударять*, *ломать*, *колоть*, *рвать*, *рубить* и др. Одной из задач данного исследования было проанализировать полисемические структуры этих слов, сопоставив их затем с полученным фоносемантическим пространством. Прежде чем представить результаты анализа, следует уточнить исходные посылки и терминологию.

В соответствии с традицией мы рассматриваем *сему* как минимальную единицу плана содержания лексем, а *семему* как совокупность сем, или лексико-семантический вариант слова. Обычно в качестве си-

нонима семемы иногда используют термин *семантема*, однако мы предлагаем иное его понимание. Исходя из разграничения *язык — речь*, мы имеем дело с лексемой как языковой единицей, взятой во всех потенциально возможных значениях (разумеется, выведенных из речевых употреблений и зафиксированных в словаре). В слове-полисеманте можно выделить основную, центральную семему (значение) и, как правило, остальные, производные от нее. Совокупность всех возможных семем многозначного слова, как основной, так и производных, мы и называем *семантемой*. С когнитивной точки зрения, это концептуальная модель, или схема, описывающая связи и переходы между ментальными представлениями (репрезентациями).

В качестве сем мы выделяем главные информативные составляющие дефиниции. Например, в толковании первого (основного) значения слова *резать* «1. Разделять на части, отделять от целого, действуя чем-либо острым (ножом, лезвием и т. п.)» мы извлекаем семы [разделять], [отделять], [части], [действовать], [острое (орудие)]. Из следующего значения «2. Повреждать, ранить острым, режущим орудием» выводим только [повреждать], поскольку остальные компоненты повторяются. В семеме «размежевывать, отводить (земельный участок)» можем выделить сему [участок], которая будет находиться в подчиненном отношении к [части]. Аналогичным образом препарируется вся семантема лексемы *резать* с учетом главных и подчиненных звеньев.

В рамках данной статьи мы не приводим полный перечень лексем, относящихся к концептуальной сфере «Силовой контакт», поскольку преследуем не дифференцирующую, а интегрирующую цель. Для нас важно выяснить, какие семы являются общими для концептуальных схем всех рассмотренных семем и сопоставление этого набора сем с гиперсемами фоносемантического пространства р-лексики.

Что касается семантического сходства большинства глаголов разряда «Силовой контакт», то можно выделить следующие общие семы: [разделять, отделять], [части], [острый], [резкий], [боль], [сила]. Остальные семы индивидуализируют каждую из лексем.

Но гораздо интереснее сопоставление сем между лексико-семантическим (ЛС) полем «Силовой контакт» (т. е. общим набором сем всех слов, относящихся к этому полю) и фоносемантическим (ФС) пространством р-лексики (гипотетической протоконцептуальной схемой «Силовой контакт»). В результате этого сопоставления выяснилось, что общими для ЛС и ФС системами оказались, в первую очередь, выделенные выше сходные семы внутри лексико-семантического поля, а также [разрушать], [грубый], [отверстие], [начало], [прямой], [действовать], [перемещение], [повреждать], [убивать], [результат (завершение)], [течь], [воздействие на органы чувств], [отверстие], [цель].

Такие совпадения могут свидетельствовать только об одном: фоносемантическое пространство, в том виде, как мы его понимаем, действи-

тельно представляет собой протоконцептуальную схему, развившуюся из диффузного концепта «Силовой контакт», впоследствии получившего более четкую дифференциацию через лексико-семантические преобразования. Следует к тому же заметить, что данный концепт появляется в русском языке не только в р-лексики: в той или иной степени он «возвращается» и в лексических корпусах с другими начальными согласными (например, в б- и д-лексики), а также в аналогичных г-, b-, d-корпусах других индоевропейских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. 213 с.

² Михалёв А. Б. Семантические прототипы // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака / под ред. С. Г. Терминасовой. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 383–388; Михалёв А. Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V. Levickij / ed. by G. Altmann, I. Zadorozhna, Y. Matskulyak. Chernivtsi: Books — XXI, 2008. P. 163–170.

³ Majid A., Bowerman M. (Eds) Cutting and breaking events: A cross-linguistic perspective // Cognitive Linguistics, 18(2), 2007. P. 153–177; Goddard Cl. & Wierzbicka A. Contrastive semantics of physical activity verbs: ‘Cutting’ and ‘chopping’ in English, Polish and Japanese // Language Sciences, 31, 2009. P. 60–96.

⁴ Однако можно трактовать *рынок* как «выделенный участок», т. е. отнести его к полю *разъединять, отделять* (см. *бить*).

⁵ Образовано от радъ ‘веселый’.

⁶ Хотя этимол. связано с *род, рода* «род, вид, лицо, видение», т. е. можно отнести к полю *происходить, начало*.

⁷ По признаку цвета может входить и в поле *красноватый цвет*.

⁸ Одно из значений *решать* — «приводить к концу, завершать». В нашей интерпретации, гиперсема *разделять, отделять* является результатом, т. е. завершением действия *бить*.

⁹ Значение «вероятность, возможность», по нашему мнению, происходит от пересмысления материального *разделять, отделять* > «выбор из множества» > «возможность». *Разве* употребляется при выражении допущения, возможности. В вопросительных предложениях может означать «возможно ли?».

¹⁰ Гиперсема *происходить, начало*, в нашей интерпретации, отражает первый компонент образной схемы действия *бить*: *источник — путь — цель*. Ср. одно из значений *бить* «вырваться из...».

¹¹ По признаку цвета может входить и в поле *красноватый цвет*.

¹² Гиперсема *причина, цель* отражает последний компонент образной схемы действия *бить*: *источник — путь — цель*.

Mikhalev A. B.

PHONO- AND LEXICO-SEMANTIC PARALLELISM OF THE CONCEPT “POWER CONTACT” IN RUSSIAN LANGUAGE’S WORLDVIEW

The article shows two kinds of representation of conceptual models: phono-semantic and lexico-semantic. Being focused on the Russian lexicon with the initial consonant r-, a phono-semantic space is reconstructed. The core of this space is formed by the meanings ‘hit’ and ‘cut’ generalized as a concept “Power contact” and generating the wide net of derived meanings. The resulting scheme exhibits a strong similarity with the polysemic structure of words related to the given concept.

Keywords: phono-semantic space, protoconceptual schemes, language world image.

Мишанкина Наталья Александровна

Национальный исследовательский Томский
политехнический университет, Россия

n1999@rambler.ru

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена исследованию научной метафоры, которая рассматривается как гносеологический феномен, позволяющий смоделировать структуру научного понятия. Анализ метафорических терминосистем показывает, что гносеологическая метафора порождает целый спектр единиц, репрезентирующих эту модель и тесно с ней связанных, формирующих парадигмальную модель объекта исследования. Благодаря этому функционирование научной информации осуществляется на базе общекогнитивных механизмов, что способствует более эффективному ее развитию. Подобные метафорические модели представляют собой наиболее ранние научные метафоры; они получили широкое распространение практически во всех научных областях и на этом основании могут быть названы гносеологическими универсалиями.

Ключевые слова: научный дискурс, терминологическая система, концептуальная метафора, метафорический термин, гносеологическая метафора.

Коммуникация в сфере науки и образования предполагает обязательное обращение к системе научной информации, выработанной в рамках той или иной предметной области. При порождении новых знаковых структур и текстов, их отражающих, происходит «дробление» исходных научных концепций, выделение наиболее информационно емких единиц, маркирующих целостную концепцию; как правило, это терминологические словосочетания или однословные термины, отсылающие к целостной научной теории или парадигме, достаточно известной и поэтому не включаемой в текст в виде прямого цитирования.

Терминологию принято называть специфическим лексиконом языка науки. Термин — это «слово (словосочетание) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слово, обозначающее специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека»¹. Практически все исследователи называют в качестве основной функции терминологического именованья фиксацию понятия, но организована эта фиксация по-разному в терминах разного типа. Термины образуются двумя способами: 1) путем заимствования из других языков; 2) путем деривации из единиц того же языка. При этом, если мы обратимся к терминам заимствованным, то обнаружим, что в языке-источнике они появляются, как правило, вторым способом. О том, что именно этот способ терминообразования является базовым, свидетельствуют наблюдения лингвистов. Уже В. В. Виноградов отмечал теснейшую связь научной терминологии с национальным языком: «Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинает-

ся с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение и т. п.)»². Термин, как всякий неологизм, возникает в отдельной дискурсивной области в силу номинативной потребности на основе общеязыковых способов словообразования, в частности, метафоризации — образования нового значения у уже существующей единицы на основе аналогии. Таким образом, метафорический термин, несмотря на ограниченную сферу употребления, репрезентирует зафиксированный ранее в семантике исходной единицы фрагмент опыта или некоторую когнитивную структуру, на основе которой моделируется новое знание. Такое понимание метафорической концептуализации представлено в методологии когнитивной лингвистики, в частности, в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона³. Главным отличием понимания роли метафоры в рамках данного подхода является то, что в системе научного познания актуализируется ее гносеологическая функция, которая становится ведущей и очевидной в случае, если область, осмысляемая посредством метафоризации, является эмпирически недоступной. В последнее время появляется все больше работ, в которых исследуются когнитивные аспекты представления информации, а научный текст рассматривается как поле метафорической деятельности⁴. Информационная емкость научной метафоры напрямую связана с синтетичностью метафорической модели, включающей как новую, так и уже известную информацию, компрессивностью и интеракциональностью⁵. Таким образом, метафорический термин образуется как гносеологическая структура для представления отдельного знания в рамках определенной области.

Анализ метафорических терминосистем позволяет говорить о том, что метафорические термины могут выходить за пределы отдельной научной дисциплины и оказываются востребованными в других научных областях, оказывая, таким образом, влияние на модели представления объекта описания в рамках других дисциплин. Например, академик И. П. Павлов «...описывал механизм образования временных нервных замыканий, метафорически отождествляя нервную систему с телефонной станцией»⁶. Условиями введения метафорических единиц в язык науки являются принадлежность метафорически переосмысляемого знака к массиву фоновых знаний и способность знака адекватно выразить новое знание⁷. В этой связи актуализируется еще одно немаловажное для гносеологической роли метафоры понятие — «эпистемный доступ»⁸, представляющий собой степень познавательной доступности объекта. Наибольшей значимостью он обладает именно в отношении неизвестных объектов, свойства которых могут быть впервые гипотетически пред-

ставлены лишь на основании имеющегося опыта. Поэтому чем шире спектр фоновых знаний, к которым апеллирует ученый, представляющий новое знание, тем шире эпистемный доступ, который может быть оценен по «социально-координированному эпистемному успеху»⁹. Анализируя генезис научного мышления, С. С. Гусев делает ряд ценных наблюдений, связанных с процессом формирования абстрактного знания. Оно основывается на создании «модельного» объекта с инверсированными свойствами по отношению к референтному, реально существующему. «Удвоение» является необходимым этапом дифференциации свойств целостного объекта, отрицание свойства помогает «отвлечь» его от объекта, наделять признаками субстанции¹⁰. Познавательная метафора возникает как медиатор — путь от знакомого к неизвестному, от сходства к различию. Затем исходная метафорическая модель трансформируется, погружается в теоретическую, и этот процесс приводит к появлению рационального конструкта, который Н. С. Автономова называет «инверсией» метафоры¹¹. Таким образом, деконструкция метафорического термина, актуализация его внутренней формы может стать инструментом, упрощающим доступ к понятийной структуре.

Как правило, для представления научных феноменов привлекаются общие знания человека, позволяющие постичь его суть: «...термин «сила» был заимствован физикой из сферы проявлений человеческой деятельности»¹². Подобные метафорические модели представляют собой наиболее ранние научные метафоры, они получили широкое распространение практически во всех научных областях и на этом основании могут быть названы *гносеологическими универсалиями*. Анализ целого ряда научных текстов позволяет говорить о наличии в терминосистемах следующих метафорических моделей подобного типа. Наиболее отрефлексированной в науке является метафорическая универсалия, базирующаяся на понятийной области «механизм». Она по-разному именуется в различных работах, но чаще всего используется термин «машинная» метафора. Человек, выступая как создатель действующих механизмов, переносит принципы конструирования и деконструкции на весь познаваемый мир. Метафорическая модель «нечто — механизм» получает выражение в целостной системе детализирующих структурных моделей: «тело человека — работающий механизм», «языковая деятельность — производство» (производство речи), «мыслительная деятельность — производство» (производство знания), «человеческий интеллект — компьютер».

Рассмотрим процесс терминологического поиска и образования новых терминологических систем в гуманитарных текстах, лингвистическом и философском. В работе А. А. Залевской¹³ наглядно иллюстрируется новое осмысление модели «нечто — это механизм» в психолингвистике. А. А. Залевская рассматривает ряд метафор для представления

организации лексикона, выработанных ранее в науке, и обосновывает свой выбор опорной модели, а затем развивает ее, описывая детали устройства и функционирования этого механизма: *...лексическая память выглядит как: 1) хранилище реакций; 2) перечень ассоциативных пар; 3) картинная галерея мысленных образов; 4) таксономическое дерево; 5) детальный каталог с пересекающимися отсылками*. В приведенных контекстах лексическая память осмысливается посредством онтологических метафор «вместилище», «объект», структурных метафор «пара», «связь», «перечень», «картина» и «картинная галерея», «дерево», «каталог». Общим для них является то, что это статичные модели. Им автор противопоставляет и избирает опорной метафору: *б) часть устройства для порождения предложений...* Данная метафора актуализирует динамический аспект феномена памяти, она формируется в рамках генеративной (*порождающей*) лингвистики и трансформируется в рассматриваемой работе. Но избранная модель не удовлетворяет автора полностью, так как в ней объединяются две метафорические модели, противоположные по своим основаниям: предложения уподобляются живым существам и *порождаются*, но рождены они *устройством*. Именно поэтому А. А. Залевская уточняет используемую ею метафорическую модель, заменяя метафору *порождение* метафорой *производство*: *Излагая представления о характере и последовательности основных этапов процесса речепроизводства, ... мы будем вслед за М. М. Копыленко (1969) говорить не о порождении, а о производстве речи индивидом*. Далее в тексте избранная в качестве ключевой модель становится регулярной и доминирующей, концептуально организуя представление о функционировании лексикона человека: *В частности, мы попытаемся установить, как структура процесса производства речи определяет структуру лексического компонента речевой организации человека; При установлении основных этапов процесса производства речи мы будем прежде всего опираться на исследования, ... объясняющие механизмы формирования универсальной структуры поведенческого акта...; механизмы умственной деятельности человека...; ...ход речемыслительного процесса, для развития которого отправным пунктом служит некоторый «пусковой момент».*

В работе М. К. Мамардашвили¹⁴ метафорическая модель «наука — производство знания» реализована в тексте посредством целостной системы метафор, где наука представлена как производство (завод) для получения знания: *Сфера, в которой выступает и осуществляется познающее мышление, — это наука как область разделения человеческого труда, как особое общественное образование, в рамках которого знание вырабатывается; ...организация научной деятельности как формы (и системы) общественного духовного производства*. На этом заводе работает рабочий: *Субъект познания — это общественный субъект,*

занятый в специализированном виде духовного производства. ... Получение знания — механизм, технологический процесс: *Раскрытие механизма образования знания...*; *В живой форме осуществляемого индивидами труда они выражаются связями знания по способу его получения («рефлексией»), т. е. связями мысленного производства, содержательных преобразований, образующими то, что мы называем «формой мышления»; Мышление реальных предметов посредством предметов идеальных ... — основная производственная «клеточка» всей системы, продуктом которой являются научные познания...* Приведенные здесь метафорические контексты позволяют говорить о том, что автор моделирует научное познание как *производство*, на котором посредством прилагаемого *труда вырабатываются* знания, от способов получения знания *форм мышления* (технологий) зависит итоговый продукт. Данная модель противопоставляется метафорической модели «получение знания — отражение, картина», представленной, по мнению автора, в работе Г. Гегеля. Полагаем, что автор обращается к механистической метафоре в осмыслении познавательной деятельности для того, чтобы акцентировать активную, созидательную роль науки в целом и отдельных ее субъектов. Предлагая свою метафорическую модель, М. К. Мамардашвили рассматривает модель, изложенную Г. Гегелем, через призму собственной метафоры: *...Гегель весьма своеобразно трансформирует изображение работы науки, ее способа производства, прилагаемого к тому или иному исходному ее материалу (эмпирия, предшествующие знания и теории и т. д.) и преобразующего его в некоторый конечный продукт — знание.*

Таким образом, анализ формирования научной терминологии показывает, что между сферой терминологии и обыденным мышлением нет жестких границ, это позволяет научному познанию опираться на общие знания о мире, задействуя гносеологические универсалии — наиболее общие понятийные структуры, используемые для представления знания в любой научной области. Метафорическая модель, лежащая в основе модели научного объекта, термина, значительно облегчает эпистемический (познавательный) доступ к научной информации, т. к. привлекает в качестве опорных знания, уже имеющиеся у человека, сформированные в процессе его жизни, получения жизненного опыта. Соответственно, деконструкция терминологической метафоры может облегчить доступ к научной информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С.89.

² Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 164.

³ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

⁴ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея — Пресс, 2003; Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): автореф. дис. ...д. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2003; Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987; Манин Ю. И. Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008; Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29 и др.

⁵ Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Томский государственный университет. Томск, 2010. С. 25.

⁶ Гусев С. С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. С.136.

⁷ Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, Наука, 1985. С. 209.

⁸ Boyd R. Metaphor and Theory Change // Metaphor and Thought. Cambridge: University Press, 1979. P. 481–533.

⁹ Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, Наука, 1985. С. 216.

¹⁰ Гусев С. С. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988. С. 261.

¹² Гусев С. С. Указ. соч. С. 29

¹³ Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

¹⁴ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М.: «Высшая школа», 1968.

Misankina N. A.

THE ROLE OF METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION IN STRUCTURING SCIENTIFIC INFORMATION

The article is devoted to research scientific metaphors, which are regarded as an epistemological phenomenon allowing to model the structure of scientific concepts. The analysis of metaphorical term systems suggest that the epistemological metaphor generates the whole spectrum of units representing this model. Thanks to it functioning of the scientific information is carried out on base of general cognitive mechanisms and promotes its more effective development. Similar metaphorical models represent the earliest scientific metaphors, and they have received a wide circulation practically in all scientific areas and on this basis can be named epistemological universals.

Keywords: scientific discourse, terminological system, conceptual metaphor, the metaphorical term, epistemological metaphor.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

В статье предпринимается попытка дать представление о языковой личности через её проявления в разных жанрах речи, в разном возрасте, предметом непосредственного наблюдения стала специфика функционирования в рассматриваемых текстах местоимений. В центре научного интереса оказывается проблема взаимовлияния конкретных качеств самой языковой личности и характеристик жанров (личные дневники / воспоминания), признаков форм речи (письменная / устная), степени её подготовленности (спонтанная / обработанная) и др.

Ключевые слова: языковая личность, личные дневники, мемуары.

Взаимодействие личности с окружающим миром и общий для всех людей, и очень интимный процесс. Характеристики этого взаимодействия зависят от возраста, пола, социальной принадлежности, образования и многих других социокультурных и индивидуальных психологических качеств самой личности. Выяснить характер взаимодействия человека с миром, особенности личности можно по его речи, языку, но насколько соответствует истине такой анализ? Ведь объектом интерпретации является текст — линейная последовательность языковых знаков. Грамматико-семантические характеристики этих знаков детально описаны в границах системно-центрической парадигмы, но всегда с оговорками о степени погрешности в связи с понятием асимметрии языкового знака, которая «случается» в текстах разной природы (письменный / устный, спонтанный / подготовленный и т. д.). Кроме того, на речь человека влияет жанровая принадлежность текста, который он создает.

Наш анализ представляет собой попытку изучения языкового портрета личности по его текстам разных жанров. Материалом в данной статье служат тексты письменной (личные дневники, опубликованные мемуары) и устной (расшифровки воспоминаний) речи одного лица, а объектом — употребленные в них местоимения. Выбор именно местоимений и случаен, и закономерен. Случаен потому, что объектом научного интереса может служить любая, даже, возможно, и незначительная часть речи¹, так как в специфике отбора слов любой части речи всегда отражаются авторские предпочтения; закономерен потому, что местоимения, более чем другие части речи, соотносимы с понятием субъективности, «личности» в восприятии мира. Предмет анализа — особенности употребления местоимений в связи с жанром текстов, временем их создания (то есть возрастом автора) и другими, обусловленными данными, экстралингвистическими характеристиками.

О материале анализа конкретнее — это личные дневники школьницы, студентки, а позже преподавателя Саратовского университета, временные рамки дневников: предвоенные и военные годы (1939–1945 гг.), и в значительно меньшем объеме послевоенные (несколько записей 1948 и 1953 гг.) — более млн. языковых знаков; расшифровки диктофонных записей воспоминаний этого преподавателя (доктора филологических наук, профессора), сделанные в 2008 году, — около 600 тыс. языковых знаков²; книга воспоминаний, созданная на основе этих записей, — более 300 тыс. знаков³.

Сначала обратимся к количественным характеристикам местоимений. Взяв за основу соотносимые объемы фрагментов текстов (по 140 тыс. языковых знаков) и, по возможности, тематическую близость содержания, мы выяснили, что наибольшее количество местоимений употреблено в расшифровках (около 2800 единиц), в устном спонтанном повествовании взрослого, высоко образованного человека, меньше в личных дневниках, в письменной спонтанной речи юной девушки (около 2600), менее всего — в мемуарах, в письменном отредактированном тексте (около 2100). Приведем небольшие отрывки, хорошо иллюстрирующие и частотность местоимений, и их характеристики с точки зрения лексико-грамматических разрядов.

Личные дневники (14/VI-40г.):

Ты снова не пишешь. Что поделаешь! Неужели ты забываешь обо мне, не помнишь, как я, обо мне всё время? Тяжело жить не вместе. Да ещё когда ты женат II раза или, главное, разошёлся с мамой. Неужели не приедешь ты ко мне в нужную минуту, как пришёл отец Тани из «Повести о I любви» Фраермана? Папа! Милый папа! Драгоценный, единственный, самый дорогой для меня! Любимый мой! Как я тебя люблю! Если бы ты только знал, как я тебя люблю. Нет. Пусть ты никогда не узнаешь об этом, пусть забудешь меня, возненавидишь, только позволь мне любить тебя, живи, будь здоров и счастлив. Это самое главное. Я написала «позволь любить». Это неправда. Никто не запретит мне любить тебя! Всегда буду я тебя любить, несмотря ни на какие препятствия. Я так люблю тебя! Твоё лицо, руки, всего тебя. Твои вечно колючие щёки, к которым так приятно прижаться.

Расшифровки:

Ужасно избалованным / и поскольку я была с одной стороны очень больным а с другой стороны очень избалованным ребенком то я конечно имела жуткий характер / была самым настоящим l'enfant terrible / вечно закатывала истерики на которые мама никакого внимания не обращала а очень спокойно говорила / ну реакция / вот я это слово помню с детских лет / и продолжала делать то что вздумается // Меня никогда никак не наказывали / самое так сказать суровое было что со мной прекращали разговаривать но так как это делал кто-то один из семи / тоже еще не очень-то действовало и в результате я была абсолютно уверена что истерикой в общем-то можно всего добиться чего хочешь и пользовалась этим очень часто // Но так как я очень много читала / причем читала я не только детские книжки / вот у нас был такой книжный назывался шкаф / наполненный книгами / он составлял хорошую домашнюю библиотеку и поэтому еще если не до школы то с первого

класса школы и так далее я уже читала настоящих классиков и русской и зарубежной литературы.

Мемуары:

В детстве я имела жуткий характер, была самым настоящим Genfantterrible, вечно закатывала истерики, на которые мама никакого внимания не обращала и очень спокойно говорила: ну, реакция. Это слово, реакция, помню с детских лет. Я делала всё, что вздумается, меня никогда никак не наказывали, самым суровым наказанием было то, что со мной прекращали разговаривать, но так как это делал кто-то один из семи, такое «наказание» не очень-то и действовало. В результате я была абсолютно уверена, что истерикой можно всего добиться, и пользовалась этим очень часто.

Справиться со своим жутким характером мне помогло чтение, книги. У нас был книжный шкаф, который вмещал хорошую домашнюю библиотеку, и поэтому если не до школы, то с первого класса школы я уже читала настоящих классиков и русской, и зарубежной литературы.

Кажется вполне очевидной частотность местоимений в дневниках, создаваемых юной девушкой, основное предназначение которых, и в нашем случае это отчетливо проявилось, — найти себя в круговороте жизни, согреть, оправдать, объяснить, успокоить. В личных дневниках доминирует, конечно, личное местоимение я (в нашем материале дневников 45% личных местоимений, из них 53% — местоимение я), причем преимущественно в именительном (независимом, а не косвенных!) падеже: **Я знаю, я некрасива, но я похожа на тебя, это радует меня, наполняет гордостью.** Прибавим сюда частотные однофункциональные — притяжательное мой и возвратное себя: **Но хватит об этом. Только расстраивать себя.** Эмоциональность приведенного выше фрагмента (и это характерно для большей части дневников) усиливается противопоставленностью, антитезой авторского я мыслимому собеседнику — отцу девушки (в других случаях любимому человеку), с которым она была в разлуке и писем от которого нетерпеливо ждала: **А ты не знаешь. Думаешь, не люблю их, как вообще все поцелуй. Но ведь это твои, понимаешь, папа, твои! Как мне хочется поцеловать тебя.** Категоричность, повышенная экспрессивность речи отражается в нередко избыточном для смысла текста употреблении отрицательных местоимений: **Никто не запретит мне любить тебя! Всегда буду я тебя любить, несмотря ни на какие препятствия; Пусть ты никогда не узнаешь об этом, восклицательных частиц, по форме совпадающих с местоимениями: Что подделаешь!; Как я тебя люблю! Как мне хочется поцеловать тебя.**

Роль остальных местоимений в дневниках, на наш взгляд, в большей мере, чем рассмотренных, заключается в отражении картины изображаемых автором ситуаций, кроме того, естественно, они служат средством связности в тексте: **Меня почти не интересовала любовь Тани и Коли. Взаимоотношения Тани и её родителей интересовали гораздо больше (её отражает реальные отношения в отображаемой ситуации). Ведь они так похожи на мои (они, на мои — анафорическая замена в тек-**

сте однозначного взаимоотношения). Встречаются в дневниках относительные местоимения (которые, поэтому, что, почему) в роли средства связи сложных, чаще сложноподчиненных предложений, — сигнал письменной речи: **Я даже не знаю, почему вы разошлись.**

Обратимся к анализу фрагментов из расшифровок и книги мемуаров. Интерес сравнения заключается в том, что сведены к минимуму различающие их факторы: расшифровки — записи устной спонтанной речи, мемуары — отредактированный письменный текст того же содержания на основе этих записей.

Первое наблюдение заключается в том, что в книге почти на треть меньше местоименной формы я, сравним (здесь и далее первой приводится фраза из расшифровок, второй — из книги): **вот я это слово помню с детских лет — Это слово, реакция, помню с детских лет; так как я была ну я не знаю лет пяти может быть шести не больше — мне было в то время не больше шести лет.** Во-вторых, реже встречаются указательные местоимения (они удалены из текста, в случае если использовались как средство заполнения пауз во время подбора необходимого слова: **такой назывался книжный шкаф — книжный шкаф**), ограниченной в употреблении стала форма **у нас**, характерная для разговорной речи в значении `в нашем доме, ср.: **у нас в этом книжном шкафу были собрания сочинений приложения к журналу «Нива» — В этом книжном шкафу были собрания сочинений, приложения к журналу «Нива».** Однако значительного (на треть, как местоимение я) уменьшения местоимений не произошло, в частности из-за того что в письменном тексте увеличилось количество относительных местоимений в роли средств связи частей сложных предложений (в среднем на четверть), ср.: **вот у нас был такой книжный назывался шкаф / наполненный книгами / он составлял хорошую домашнюю библиотеку — У нас был книжный шкаф, который вмещал хорошую домашнюю библиотеку.** Указательные местоимения в книге воспоминаний дополнительно вводились в текст для более точного выражения смысла: **но так как это делал кто-то один из семи / тоже еще не очень-то действовало — но так как это делал кто-то один из семи, такое «наказание» не очень-то и действовало**, эту же роль выполняли определительные местоимения: **и продолжала делать то что вздумается — я делала всё, что вздумается.**

Итак, эгоцентричность, экспрессивность дневников, помимо других не рассмотренных здесь языковых средств, формируется особым функционированием местоимений определенных разрядов. Большинство местоимений здесь выполняют для автора дневника терапевтическую роль. Спонтанность речи в расшифровках влечёт за собой её субъективность (см. частотность я): в расшифровках количественные характеристики формы я в той части, где повествуется о детстве, ближе к дневникам, а не к мемуарам. Экспрессивность повествования в устном спонтанном

тексте взрослого человека, по сравнению с дневниками, очевидно, снижается, однако не за счёт отрицательных местоимений, которые автор, по-видимому, продолжает считать средством убедительности: *Меня никогда никак не наказывали*, а из-за неупотребления восклицательных местоимений-частиц. Трудно преодолимым препятствием даже для высокообразованного человека, носителя элитарной речевой культуры остаётся конструирование сразу грамматически выверенных фраз, особенно сложноподчиненных конструкций (интонационное оформление смысловой зависимости предпочтительнее). Частотность указательных местоимений в расшифровках нередко связана с их использованием в роли заполнителей пауз в процессе подбора точного слова, в мемуарах их употребление подчинено стремлению к более точному выражению смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализ других знаменательных частей речи в названных текстах см.: *Мякшева О. В.* Личные дневники как источник социокультурной информации // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 330-летию М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 207–208; *Мякшева О. В.* Истоки эталонной языковой личности // Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XII Виноградовские чтения». Т 1: Русский язык. Зарубежная филология / отв. ред.: Е. Ф. Киров, Н. Л. Огуречникова. М.: МГПУ, 2012. С. 47–52; *Мякшева О. В.* Предметный мир личности как отражение особенностей мировосприятия // Коммуникация. Мышление. Личность.: матер. междунар. науч. конференции, посв. памяти проф. И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: Изд. центр «Наука», 2012. С. 543–552; *Мякшева О. В.* Прилагательные в тексте как способ отражения мировосприятия его автора // В лабиринте сознания, времени и языка: сборник статей в честь 80-летия В. Г. Руделёва / Отв. ред. А. С. Щербак, науч. ред. А. Л. Шарандин. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 319–327.

² Сердечно благодарю Ольгу Борисовну Сиротинину за предоставленную возможность использования в научных целях личных дневников и диктофонных записей воспоминаний.

³ *Сиротинина О. Б.* Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания / Запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 292 с.

Myakhsheva O. V.

LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH THE PRISM OF DIFFERENT GENRES

The article attempts to give a conception of a linguistic personality through its manifestations in different genres of speech, at different ages. The specificity of pronouns functioning has become the subject of the direct observation. In the center of the paper is the problem of interference of the linguistic personality's qualities and the signs of the speech forms (written, oral), genres (private diaries, published memoirs), equipment level and others.

Keywords: linguistic personality, private diaries, published memoirs.

Никитевич Алексей Васильевич

Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы, Беларусь

anikit@inbox.ru

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В докладе рассматривается целый ряд вопросов, актуальных для теории и практики современной словообразовательной лексикографии, в частности, затрагивающих проблему представления диалектных слов как средство экспликации необходимых словообразовательных связей и когнитивно значимых номинативных значений в составе фрагментов словообразовательных гнезд. Обращается внимание на имеющий место деривационный потенциал русского диалектного слова в когнитивном и культурно-историческом аспектах.

Ключевые слова: деривация, диалектное слово, фрагменты словообразовательных гнезд.

Как известно, при исследовании русского языка принято разграничивать его различные подсистемы, в частности, общелитературный язык и говоры. В этом отношении словообразование занимает особое место. Дериватологу интересна *словообразовательная техника*, и совершенно безразлично, где именно появилось то или иное (родственное по корню тем словам, которые мы знаем) слово. Бесмысленно разрывать единый с точки зрения словообразовательных связей фрагмент гнезда, если в нем две единицы, к примеру, представляют вятские говоры и обозначают *лицо по действию, действие этого лица*, а третья единица, обозначающая *деятельность данного лица*, является словом в каких-нибудь говорах Приамурья. Ведь совершенно очевидно, что перед нами результаты словотворческой деятельности носителей *русского языка*, и все три указанных значения не могут не характеризовать *ментальное пространство* людей, представляющих эти территориально разделенные области. К примеру, в русском языке слово *дорога* является общепределяющим для образования самых различных производных, вне зависимости от их отнесенности к литературному языку или к различным говорам, принимая во внимание и то обстоятельство, что последние могут территориально никак не взаимодействовать. Но все возможные случаи словообразовательного синтеза корневой морфемы *дорог-* и различных аффиксов могут и должны рассматриваться как единое деривационное поле. Только так мы можем увидеть и оценить по достоинству семантический потенциал русского словообразования. Сравним, для примера, следующие производные: *надорожить* 'Покрыть снегом, сделать (путь) годным для езды на санях'. Пск., 1855; *надорожье* 'В религиозных обрядах — благословение в дорогу'. Пск., Осташк. Твер., 1855; *надорожничать* 'Заниматься

грабежом на дороге'. Охан. Перм., 1854¹. Какая, в сущности, разница между имеющим место выбором: рассматривать в единстве два или три родственных по корню слова: *надорожить* и *надорожье*, представляющих один и тот же по территории говор, но кардинально различающимися по значению, или, вместе со столь резко отличным от них по значению и территории словом *надорожничать*? Ведь, все три слова есть реализация деривационных возможностей корневой морфемы *дорог(а)*. Подчеркнем еще раз: для анализа *деривации как процесса* территориальная отнесенность той или иной единицы — момент второстепенный.

Известно, сколь многотруден путь создания диалектных словарей, как собирается диалектный материал, понятно, почему, помимо различных лексикографических трудов регионального характера, большое значение придается и словарям сводного типа, в которых представлено все богатство, в том числе и диалектного словообразования. В последнее время большое значение придается и Национальному корпусу русского языка. Картина должна быть полной! И в этом отношении у словообразования, у словообразовательной лексикографии есть своя особенность. Когда дериватолог, исследуя систему словообразования русского языка, стремится отразить максимально большее число родственных единиц сквозь призму существующих между ними словообразовательных связей, стремится «выстроить» тот или иной фрагмент словообразовательного гнезда, то он не может не обращать внимания на некоторые частные подсистемы и, в первую очередь, на возможности, своеобразную «раскрепощенность» диалектного словообразования.

Если мы обратимся к лексикографической практике в области словообразования, прежде всего к словообразовательным словарям гнездового типа, то сразу обнаружим, что при их создании считается вполне допустимым привлечение тех диалектных слов, которые могут восполнить те или иные актуальные для структуры словообразовательного гнезда словообразовательные позиции. Не последнюю роль, естественно, играет и то обстоятельство, что данные слова уже нашли отражение в толковых словарях русского языка. Вместе с тем, непредвзятый анализ собственно диалектного материала показывает, что среди диалектных слов есть и такие, которые с большим основанием могли бы быть включены в состав фрагментов тех или иных словообразовательных гнезд.

Рассмотрим словообразовательный потенциал слова *плот*. Помимо уменьшительного *плотик* в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова² отмечен целый ряд слов: *плотбище* 'Место на берегу реки, где бревна связывают в плоты', *плотовщик* '1. Рабочий, сбивающий плоты, а также сопровождающий плоты при сплаве. 2. Перевозчик на плоту, пароме', *плотильщик* 'Устар. То же, что и плотовщик', *плотить* 'Скреплять, связывать в плоты', *переплотить* '1. Заново плотить в плоты. *Переплотить бревна*. 2. Плотить в плоты все или многое. *Перепло-*

тить весь сплавной лес. 3. Перегораживать плотинами. *Переплотить реку*', *сплотить* '1. Плотно соединять, скреплять между собой (доски, бревна и т. п.)', *переплотка*, *переплот* (отсутствуют в БАС³), *сплотка* '1. Действие по 1-му знач. глагола *сплотить*. 2. Ряд соединенных друг с другом предметов', *сплоток* 'Бревна или доски, соединенные между собой'. А также ряд сложений: *плотовод* '1. Человек, сопровождающий плоты. 2. Пароход, ведущий плоты', *плотогон* 'Рабочий, занимающийся гонкой плотов', *плотоспуск* 'Спец. Часть плотины, предназначенная для пропуска плотов вниз по реке', *плотоход* 'Устройство, позволяющее пропускать плоты через гидротехнические сооружения без нарушения их работы'⁴.

В говорах отмечены дополнительные единицы: наименование действия, имя существительное со значением 'звено плота', достаточно любопытное по семантике наречие и ряд других слов. Ср.: *Наплотить* 'Составить, навязать плотов'. *Паромами плавали раньше, наплотят, вичьем свяжут*. *Бывало, купцам-то большие плоты наплотим, и в Усть-Пинегу*. Пинеж. Арх., 1962. Костром. *Наплотка* 'Звено плота'. *Связывают деревья, получают наплотки, а из наплоток получают плот, ширина у наплотки шесть метров, это одно звено плота*. Моск., 1968. *Наплотик*, нареч. '1. Вниз, книзу (опустить парус)'. *Рони парус наплотик* — опускай совсем книзу, долой. Арх., 1847. '2. Внизу, на земле'. *Сядешь без доски на землю, это называется наплотик*. Пинеж. Арх., 1969. *Плотница* 'Плавающая пристань'. Север., Даль. *Плотово* 'Плата за причаливание к плоту'. *А как к плоту приставали — плотово брала*. Беломор., Марков. *Плотовуха* 'Корова, овца и т. п., привезенная для продажи на плотах, карбасах'. Холмог. Арх., 1907⁵.

Понятно, что процесс «освоения окружающего мира» приводит к необходимости именования объектов, явлений и т. д. И если существует в говорах такое слово, как *плотово* 'Плата за причаливание к плоту', совершенно ненужное современному носителю языка, то оно, несомненно, имеет ценность в культурно-историческом плане, его значение в принципе предполагаемо, даже очевидно, но важен сам факт появления слова с такой внутренней формой, связывающей одну из форм оплаты с производящей единицей *плот*.

Семантика производного (членимого) слова интересна тем, как она мотивирована его строением. В этом отношении говоры могут представлять очень интересный материал по сравнению с тем, что уже представлено в общелитературном языке. При совпадении системы общих словообразовательных значений (по крайней мере, там, где они в своей основе могут совпадать) в литературном языке и в говорах, различия могут касаться системы частных, лексико-словообразовательных значений. К примеру, словообразовательное значение локативности в целом ряде имен существительных диагностируется с помощью дефиниций

со словом *место*. Ср.: *малинник* 'место, где растёт голубика', *амбарище* 'место, где раньше был амбар', *высь* 'высокое место' и т. п. Ономаσιологический подход вольно или невольно ориентирует исследователя к поиску производных единиц, отвечающих формулам типа 'место, где...', но, обращаясь к диалектному словообразованию, можно обнаружить невероятное многообразие производных слов, в той или иной степени детализирующих окружающее человека пространство. Ср.: *Вальбище*, а, ср. 1. Примятое, вытопанное место (в траве или хлебах); след лежавшего животного (на траве или в хлебах). Сиб., 1905—1921. «Укатанное зверями или лошадьми место». Том., 1863 2. Место в стороне от дороги на снегу, где девушки «валяются», загадывая о будущем. *По вальбищу девки тоже узнают свою судьбу*. Нижнеуд., Тулун. Иркут., 1912—1923. Сиб. *Валище*, а, ср. Место, укатанное лошадьми. Мещов. Калуж., 1916. *Вглавь*, и, ж. Открытое место; открытая возвышенность, откуда хорошо вокруг видно. Арх., Даль [с вопросом]. 2. *Ведерник*. Место для ведер у печки. Куйбыш., 1939—1955⁶. Заслуживает внимания сбор и систематизация всех локативных значений, представленных производными в говорах⁷.

Известно, что корневая морфема может оказаться в составе такого объединения родственных слов, часть из которых представляют литературный язык, а часть — диалект. И в этом случае неразумно рассматривать их отдельно, «разрывая» единое с точки зрения реализации деривационных потенциалов гнездо. С учетом известной возможности некоторого лингвистического моделирования (а гнездо — это, безусловно, модель), более полного выявления словообразовательных (и лексических) связей можно говорить о разных типах синтезированных (литературный язык — говоры) гнезд: 1) диалектные слова лишь дополняют хорошо дифференцированное гнездо литературного языка некоторыми единицами, заполняющими те или иные семантические места в составе деривационных парадигм (в том числе и неизвестные литературному языку), 2) диалектные слова значительно «расширяют» деривационное пространство известного литературному языку слова.

Рассмотрим следующие диалектные слова: *набесчередовать(ся)* 'Прожить некоторое время, ведя беспорядочный образ жизни, не соблюдая порядка в доме'. Пск., Осташк. Твер., 1850. *Набесчерёдьё*, 'Беспорядочная жизнь'. *Пошло, брат, ноньма* (в настоящее время, теперь) *в набесчередьё*. Пск., Осташк. Твер., 1855⁸. В данном случае интересно не только само значение, но и то, какие именно морфемы (корневые, аффиксальные) и в какой последовательности структурируют данную семантику. И как это слово дополняет «глагольную составляющую» гнезда слова *черед*, представленного в Словаре А. Н. Тихонова⁹: *чередовать* 'Последовательно, по очереди сменять одно (или одного) другим', *чередоваться* 'Последовательно сменяться, по очереди заменяться другим',

зачередовать 'Разг. Начать чередовать, последовательно сменять один другого', *зачередовать(ся)* 'Разг. Начать чередоваться, по очереди сменить один другого', *очередоваться* 'Устар. Делать что-либо поочередно; чередоваться'.

Семантика хорошо нам известных слов, производных от *черед*, достаточно предсказуема и очевидна. Во всяком случае, она вряд ли удивит носителя русского языка. А диалектные слова (*набесчередовать(ся)*, *набесчерёдьё*) не только «дополняют» данный фрагмент гнезда, но и, в известном смысле, «раскрашивают» его, эксплицируя очень любопытную семантическую грань в нашем представлении о том, что может чередоваться, сменяя друг друга.

Существенно, что при выявлении специфики диалектных слов зачастую сложно выявить существование той или иной мотивационной связи, но может представлять интерес характер морфемной структуры. В литературном языке, к примеру, нечастыми являются глагольные полипрефиксальные структуры типа *набесчередовать(ся)*. Морфемная структура диалектного полипрефиксального слова может отличаться комбинаторикой префиксов. К примеру, в Словаре морфем русского языка А. И. Кузнецовой, Т. Ф. Ефремовой¹⁰ приводится лишь одно слово с предкорневой префиксальной моделью *на-без-об-Р..* (*на-без-об-раз-н-и-ч-а-ть*), в котором выделение корневой морфемы является скорее результатом этимологического анализа, поэтому перед нами единственный пример слова с двумя префиксами *на-* и *без-* в литературном языке. В говорах же находим *набесчередовать*, *набесчередоваться*, *набесчередьё*; *набезлюдеться*.

Заслуживает внимания систематическое сопоставление морфемных составов диалектных слов, выявление таким морфемных моделей, которые по комбинаторике аффиксальных морфем могут отличаться от слов общенародного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русских народных говоров: 1965—2007. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. исследований РАН. Вып. 19. С. 246.

² Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь: В 2 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1—2.

³ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950—1965. Т. 1—17.

⁴ Тихонов А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 768.

⁵ Словарь русских народных говоров... Вып. 27. С. 125.

⁶ Там же. Вып. 4. С. 83.

⁷ Никитевич А. В. Словообразование и детализация пространства в языке говора // Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор — жанр — стиль: сб. материалов научно-практ. конф.; Брест, 4—5 окт. 2012 г. / под общ. ред. Т. В. Сенькевич. Брест: БрГУ, 2012. Ч. 1. С. 125—130.

⁸ Словарь русских народных говоров... Вып. 19. С. 113.

⁹ Тихонов А. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 366.

¹⁰ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.

The paper examines a number of issues topical for the theory and practice of modern lexicography, in particular, the problem of representing the dialectal words as the means of explanation of essential word-forming connections and cognitively significant nominative meanings in the structure of the fragments of word-building nests. Close attention is also paid to the existing derivational potential of the Russian dialectal words in the cognitive and cultural-historical aspects.

Keywords: derivation, dialectal word, fragments of word-building nests.

О КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

В статье предпринята попытка лингвокультурологического анализа устойчивых сравнений с компонентом *картошка* в русском языке, в частности, пословицы со сравнительной семантикой *Любовь не картошка, не выбросишь в окошко* с целью выяснения образа, положенного в основу этого сравнения, и роли культурной семантики в формировании значения выражения.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, семантика, лингвокультурология, формирование значения, пословица.

Под устойчивыми сравнениями (далее — УС) в данной работе понимаются образные устойчивые выражения, обладающие сравнительной семантикой, вне зависимости от наличия или отсутствия в их структуре формального показателя сравнения в виде союза *как (что)*. Таким образом, в сферу рассмотрения попадают, в частности, и отрицательные или дезидентифицирующие сравнения, типа: *голод не тётка, любовь не картошка*. Чаще эта компаративная модель представляет собой пословицу, вторая часть которой объясняет сопоставление в первой части (раскрывает компаративные отношения), поэтому может рассматриваться как основание сравнения: *Горе не море: не выпьешь до дна; Работа не волк — в лес не убежит*. Кстати, два приведенных выше выражения, также существуют и в развёрнутой форме: *Голод не тетка: пирожка не подсунет; Любовь не картошка: не выбросишь в окошко*. Однако по подобным расширениям отрицательных сравнений, далеко не всегда можно четко определить *tertium comparationis*, признак, по которому сопоставляются компоненты УС, а следовательно, представить образ, положенный в основу сравнения. Кроме того, часто первичной оказывается все же имплицитная форма подобных сравнений¹.

Последняя пословица и является предметом анализа в данной работе. Она хорошо известна носителям языка благодаря спектаклю «Любовь не картошка, не выбросишь в окошко» по пьесе Ст. Лобозерова (режиссер-постановщик спектакля — А. Максимов), д сих пор идущего на сцене АБДТ им. Товстоногова, песне «Любовь не картошка» 1978 года (музыка Н. Богословского, исполнял А. Миронов), также называется и песня 1989 года группы «Гражданская оборона» (автор Егор Летов). А недавно (2013) эта пословица получила вторую жизнь благодаря выходу в свет се-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)» (№ 14–04–00090/14; шифр ИАС 31.16.571.2014)

риала «Любовь не картошка» (режиссёры В. Краснопольский, В. Усков), в котором главная героиня, деревенская женщина Паня, предлагает художнику-дачнику 2 мешка картошки за фиктивную женитьбу на ней, таким образом содержание сериала актуализирует буквальное значение компонента *картошка*.

Поводом к написанию этой статьи послужил вопрос, заданный на одном из молодежных сайтов: «Любовь не картошка — не выкинешь в окошко... а почему не морковь или свеколка?» Ответы были следующие: «Картошку у нас в России уважают»; «Потому что не рифмуется»; «Любовь калорийная, как картошка... а не диетическая, как буряк и морковь» (<http://otvet.mail.ru/answer/238665637/>). Участники форума интуитивно понимают, что выбор стержневого компонента для создания устойчивых сравнений не бывает случайным. За этим словом-компонентом скрывается целый ряд культурных ассоциаций, или, как пишут лингвокультурологи, «ключевые слова-компоненты фразеологизма изначально являются знаками вербального кода культуры, и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры»². Мы наблюдаем, как стержневой компонент УС при восприятии оборота носителями языка вызывает поиск культурной значимости тех реалий, которые он называет, анализ ассоциаций, связанных с этим словом. И если этот поиск не приводит к пониманию семантики и образа фразеологизма, то иногда происходит нарушение воспроизводимости оборота (например, замена слов-компонентов) на базе вторичной образности. Так, в псковском регионе наша пословица звучит так «Любовь не кошка, не выбросишь в окошко»³. Кстати, единственный пищевой компонент, который, кроме *картошки*, используется в сравнительных конструкциях со словом *любовь* — это *морковь*: *Любовь что морковь: полежит и завянет*. Посл. Шутл. О недолговечности любви⁴. Здесь образ и семантика сравнения не вызывает вопросов.

Отношение к картофелю в устойчивых фразах русского языка неоднозначно, с одной стороны — *Картошка проклята, чай двою проклят, табак да кофе трою* (ДП 1, 31), а с другой — *Картошка — хлебу подпора* (Жиг. 1969, 53); *Картошка хлебу присошка* (Д 2, 94). В устойчивых сравнениях русского языка картошка предстает как нечто грязное, тёмное, малоценное, простое, имеющее округлую форму, легкая в приготовлении:

чего как картошек. О чём-л., имеющемся в большом количестве.

грязный как картошка. Прост. Неодобр. О чём-л. грязном, испачканном в грязи. **что не картошка.** О чём-л. очень непросто, нелегко решаемом.

нос у кого как картошка (картошкой). Разг., Морд. О чём-л. крупном, мясистом курносом носе. **разделаться (расправиться, разобратся, управиться) с кем, с чем как повар с картошкой.** Прост... Шутл.-ирон. 1. с кем. О лёгкой и быстрой расправе над кем-л. 2. с чем. О лёгком, без затруднений и быстром исполнении чего-л.

тёмный как картошка. Прост. О чём-л. тёмного, бурого цвета.

храпит как картошка кипит. Пск. Шутл.-ирон. О громко, булькающе храпящем человеке..

есть что как картошку. О быстром и механическом поглощении в больших количествах какой-л. редкой, вкусной и дорогой пищи⁵.

Подобные ассоциации, связанные со словом-компонентом *картошка*, объясняются не только бытовыми наблюдениями, но и сложностью мифологического осмысления этой культуры, известной славянам с конца XVII века. Долгое время картофель на Руси считался «чужим», «нечистым», «дьявольским» и лишь в XIX веке вошел в повседневный обиход. В русских легендах о происхождении картофеля говорится, что он вырос на могиле волхва-колдуна, по другим версиям — на могиле убитых за прелюбодеяние: где был зарыт мужчина, вырос картофель, где женщина — табак. Иногда происхождение картофеля связывается с борьбой между Богом и дьяволом. Бог создал яблоки, а дьявол картофель (созданные им яблоки ушли под землю и почернели). По другой версии картофель вырос из слюны дьявольский, когда нечистый плюнул с досады, что ему не удалось совратить Христа⁶. Однако по мере того, как картофель становился все более привычен, необходим и доступен в рационе славян, его происхождение стали связывать с божественным началом, на что прямо указывает сербская пословица *Бог је створио кромпир за љубав сиротиње — да би сиротиња имала коме да гули кожу* (Бог создал картофель из любви к бедняку, чтобы и бедняк имел с кого сдирать кожу) и русская загадка *Между гор, между ям сидит птица холуян, несёт яйца — божий дар*⁷. Отсюда и развитие положительных коннотаций, подкрепленных бытовыми представлениями, которые нашли отражение в некоторых пословицах: *Хлеб — батюшка, картошка — матушка; При хлебе картошка полхлеба, а без хлеба — целый хлеб*. Однако в устойчивых сравнениях положительная семантика этого компонента практически не находит своего выражения, что четко видно в контекстных употреблений:

Танькин папа, Михал Степанович, с виду простой, как картошка, принял «зятя» радостно, немного потом помрачнев оттого, что Голев не стал с ним «культурно отдыхать». [Анна Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера // «Звезда», 2002].

Там впервые я соприкоснулся с русской деревенской жизнью, невзрачной на вид, как картошка, но такой же богатой содержанием жизненной энергии и добрых надежд нации. [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // «Октябрь», 1998] *Мой нос всегда был грязным, да и все лицо грязное, как картошка* [Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)].

Тогда Биденко посмотрел вверх и увидел на самой верхушке, среди зелёных ветвей, знакомые коричневые дмотканые портки, из которых торчали босые ноги, грязные, как картошка [В. П. Катаев. Сын полка (1944)].

Хотя любой концепт, как правило, обладает совокупностью семантических признаков, при употреблении его в составе предикативных единиц, очевидно, актуализируется в идеале какой-то один из них, поме-

щаемый говорящим в коммуникативный фокус высказывания. Так какой же признак положен в основу сопоставления/противопоставления любви и картошки?

В Большом словаре народных сравнений это УС фиксируется со следующими расширениями: *Любовь не картошка — в горшке не сварил* (актуализируется признак легкого приготовления); *Любовь не картошка — её не сжанишь в пяточку, не выбросишь в окошко*. < *Сжанишь в пяточку* — зажать в горсть (признак небольшого по размерам, округлого предмета); *Любовь не картошка — не рассадишь по грядкам (по грядам)* (признак подконтрольности растения, которое сажают)⁸. Ср. использование этого признака компонента в анекдоте: *Как картошка: если зимой не съедят, то весной наверняка посадят*.

Обратимся теперь к контекстным употреблением, извлечённым из национального корпуса⁹, и посмотрим, какой признак фокусируют говорящие:

Мы с Ленкой поцеловались и начали одеваться. Любовь — не картошка. Отношения мои с Ленкой получались какими-то рваными. [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)] (Сложность — простота)

*Он должно быть шпион, затаившийся гад,
Будет время, набью ему рожу,*

Но любовь — не картошка, любовь — это ад:

Ты мне лысая стала дорожке!.. [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)] (Сложность — простота).

Невозможно так описать любовь, чтобы кончить и другим бы писать о ней нечего: любовь — не картошка [М. М. Пришвин. Дневники (1926)] (Сложность — простота).

Полез Эпштейн — любовь не картошка:

Гоните в дверь, ворвется в окно [Саша Чёрный. Любовь не картошка] (Активность — пассивность; неконтролируемость — контролируемость).

Неразделенная любовь всегда тяготит. Постарайтесь ее забыть. Я вам помогу, если только сумею это сделать. Хотя любовь не картошка, не выбросишь за окошко! — посочувствовала Варя [А. Степанов. Порт-Артур]. (Трудно — легко избавиться)

Вспомним знаменитую в те времена поэму «Гармонь»: Любовь — она, конечно, не картошка. Ее не выраешь в один прием. [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)] (Трудно — легко избавиться).

Если мы обратимся к словарным дефинициям этого сравнения, то обнаружим только употребление его в форме двусоставной пословицы *Любовь не картошка, не выбросишь в окошко*. 1. От любви нелегко излечиться, избавиться. Говорится, когда кто-л. не может отказаться от любви либо от налагаемых ею обязательств¹⁰.

2. Любовь — проблема сложная, к ней нельзя относиться легкомысленно¹¹. Как видим, словарные дефиниции различны, при этом обе отражают признаки вычлененные нами из контекстных употреблений. Значит, речь может идти о полисемии пословицы?

Посмотрим на эту пословицу с точки зрения ее происхождения. Представляется, что пословица возникла из сравнения *что не картош-*

ка. О чём-л. очень непростом, нелегко решаемом. Оно могло употребляться с любым существительным, которое можно было противопоставить картошке по степени сложности:

С голоду человек шалает, дуреет, становится дикий. Голод не картошка. Голодный и грубости говорит, и ворует, и, может, еще что похуже... [А. П. Чехов. Жена (1892)]

А помирать-то ведь надо. Смерть не картошка. Опять наступило молчание. [А. П. Чехов. Жена (1892)].

Один из вариантов этого сравнения — *любовь не картошка* — по нашим материалам впервые встречается в поэме Саши Чёрного (1910 г.).

В воспоминаниях А. Ф. Кони о Л. Н. Толстом 1908 года упоминаются частушки, которые любил слушать Л. Н. Толстой, среди них — «Наше сердце не картошка — его не выбросишь в окошко»¹². Сравнение сердца с картошкой, которое использовано в этой частушке, совершенно прозрачно по образу. Используется очевидное сходство по форме конкретных предметов и противопоставление их по признаку ценное-малоценное (легкодоступное). Возможно, именно эта частушка легла в основу рассматриваемой пословицы, так как сердце и любовь в русском культурном сознании неразрывно связаны. И, таким образом, один из вариантов УС *что не картошка* получил рифмованное расширение, заимствованное из народной частушки. И, возможно, благодаря этому расширению этот вариант УС закрепился в языке в качестве самостоятельной устойчивой единицы. Вот только образность оказалась стёртой.

А ведь именно образ является, по словам М. Л. Ковшовой, «проводником» в культурное пространство фразеологизма, он «актуализирует знания о происхождении фразеологизма, о связанных с этим ритуалах, обрядах, поверьях, мифах и др.; именно образ фразеологизма «будит» в сознании окультуренные представления; образ вызывает ассоциации с различными предметами, текстами, действиями, устанавливает связь с воплощенными в них культурными смыслами и, обогащенный культурной семантикой, «возвращается» во фразеологизм»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эксплицирование и имплицирование пословиц как средство языковой игры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 315-320.

² Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 175.

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений / под ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. С. 304.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Там же. С. 248.

⁶ Подробнее см.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; Т. А. Агапкина и др.; Под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 473-475.

ФЕНОМЕН РОДСТВА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Феномен родства является, с одной стороны, универсальным способом организации человеческого общества, с другой стороны, обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой, проявляющейся в метафоре родства.

Ключевые слова: термины родства, лингвокультурология, метафора, история языка.

В современном обществе выделяется несколько уровней родства, определяемых разными факторами:

- кровное родство — связь между людьми, обусловленная общностью их происхождения одного лица от другого (прямая линия) или нескольких лиц от общего предка (боковая линия); это «эталонное» родство, заданное природой;
- брачное родство, или свойство — отношения близости, возникающие в результате брачной связи; это социальное родство, определяемое принятой в обществе формой брака;
- юридическое родство — приравненные к кровному родству отношения между неродственными людьми, закреплённое юридически (усыновление); определяется общественной нормой права;
- духовное родство — приравненные к кровному родству отношения, возникшие в результате церковного обряда крещения; определяется церковью;
- ритуальное родство — отношения, возникшие вследствие ритуала (родство по пище, молочное родство, побратимство, братство по кораблю и т. д.); определяется социальной группой;
- психологическое родство — сближение или отдаление родственных / неродственных людей на основе их личностных отношений (приближение и отдаление родства, шуточное родство и т. д.); определяется отдельным человеком, его.

Феномен родства реализуется в определённых формах, важнейшими из которых являются род, брак, семья. Биологическая и социальная природа родства и брака понимается разными народами в соответствии со сформировавшейся этнокультурной спецификой (полигамия и моногамия, индивидуальный и групповой брак, родовая община, нуклеарная семья, патрилокальность и матрилокальность и т. д.). При этом родственные связи относятся к универсальным императивам, отличающимся устойчивым и долговременным характером. Реально родство существует в виде определённых социумом систем родства, исчисляется по линиям и степеням родства и описывается соответствующими системами понятий. Не существует системы родства, единой для всех обществ: известно примерно восемьсот таких систем. Кроме того, в каждом конкретном случае, идентичные родственные связи вовсе не означают идентичные отношения. Наиболее удовлетворительная на сегодняшний день типология родственных систем была разработана в своей основе впервые в 1949 г. Дж. Мёрдоком. С развитием различных общественных

⁷ Там же. С. 474.

⁸ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений / под ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. С. 248.

⁹ www.ruscorgora.ru.

¹⁰ Мокиенко В. М., Ермолаева Ю. А., Зальнульдинов А. А. и др. Словарь русских пословиц / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 175–176.

¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений / под ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. С. 248.

¹² Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. М.: Правда, 1989. С. 365.

¹³ Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 175.

Nikolaeva E. K.

ON CULTURAL SEMANTICS OF SET SIMILES

The article presents a study of the linguoculturological aspect of Russian set (bound) similes with the kartoshka (potato) component. It focuses on the proverb *Lubov' ne kartoshka, ne vybrosish v okoshko* ("Love is not potato, one can not throw it out of the window") to identify the image the set simile is built on in this proverb, as well as the role the, which cultural semantics plays in the creation of its meaning.

Keywords: set (bound) similes, semantics, linguoculturology, meaning creation, proverb.

институтов формируются и другие виды социального родства, в разной степени и в разных направлениях отступающих от прототипической модели кровного родства, которая служит для них эталоном.

Но не только структура общества и характер родственных связей и отношений как таковые, но и, по словам С. М. Толстой, «их культурное осмысление, их ритуальное оформление, их содержание и оценка, их место в традиционной картине мира»¹ являются индивидуальными для каждой общественной формации.

Именно сложность и длительность формирования структуры самого феномена родства, сочетающего элементы объективные, заданные природой, и субъективные, устанавливаемые обществом и человеком, служит причиной многочисленных споров между исследователями родства об объёме предмета изучения и подходах. В частности, это касается этнографических исследований (*системы родства* у разных народов). Непонимание возникает вследствие того, что при оперировании одними и теми же элементами формальной оболочки (терминами родства и сопряжёнными с ними лексическими единицами) исследователи феномена родства в содержательном отношении опираются на разные стороны этого явления. Появилась необходимость разграничить объекты исследования (в том числе и терминологически) в лингвистическом, культурологическом и этнографическом смысле (Г. В. Дзибель, Н. А. Добронравин, Г. Р. Добрава, А. А. Бурькин). Отдельного внимания заслуживает и терминология на основе лексики родства других гуманитарных наук: социологии, демографии, психологии, права, каждая из которых имеет свой объём и набор дифференциальных признаков. Развитие научно-естественного знания привело к изменению представления о природном родстве (например, возникла дифференциация *генетическая (биологическая) мать* — *суррогатная мать* — *мать*). Таким образом, каждая научная область, изучающая феномен родства, вырабатывает свой подход и свою систему описания, что приводит к дифференциации знаний о родстве.

Первое, лежащее на поверхности и достаточно успешно разработанное, традиционное лингвистическое направление — изучение языковых единиц и форм выражения феномена родства в их семантическом, этимологическом, функциональном смысле; выявление структурных, словообразовательных связей между ними, исследование устойчивых сочетаний и т. д. Однако известно, что на основе одних и тех же языковых фактов можно прийти к разным выводам.

Так, при анализе индоевропейских праформ терминов родства количественная недостаточность терминов, называющих родственников со стороны женщины, породила мысль, что индоевропейцы не знали матриархата, но обращение к внеязыковым фактам позволило объяснить именно существованием матриархата «многочисленные сдвиги в древнейших пластах основного словарного фонда индоевропейских языков,

в частности в родственной терминологии» (А. В. Исаченко)². Комплексность подхода принципиально поддержал О. Н. Трубачев в своем фундаментальном исследовании истории славянских терминов родства³.

Таким образом, в первую очередь изучение языковой репрезентации феномена родства должно опираться на этнокультурные исследования систем родства. Процесс взаимодействия исследований по лексическому наполнению категории родства (как лингвистическая деятельность) и исследований фактов истории общественно-социального развития (как экстралингвистическая деятельность) должен быть двусторонним.

Этнолингвистическое изучение феномена родства связано с описанием как языковых форм (вся лексика и фразеология, относящаяся к родству), так и культурных форм (фольклорные мотивы и сюжеты, ритуалы родственных отношений), на основании чего должна быть реконструирована общая семантика, символика и аксиология родства. Когнитивное направление связано с изучением и описанием структуры ментально-языкового концепта «родство» в его слоистой структуре. Сопоставительное изучение терминологии родства и языковой репрезентации концепта «родство» в разных языках должно привести, по мнению исследователей данного направления, к пониманию общего и частного в осознании феномена родства разными народами и, вследствие этого, уточнить структуру национального концепта. Это сближает сопоставительные исследования с этнолингвистическими.

Первичное представление о родстве, вероятно, носило синкретический характер и являлось одним из способов объяснения мира. Это первопонятие родства охватывало не только отношения человека с другими людьми, но с природой, с Космосом, с Божественной сущностью, о чём свидетельствуют мифы. Не случайно славянская мифология, как отмечал Б. А. Рыбаков⁴, называет верховное божество славянского пантеона, создателя всего живого и сущего, именем Род.

Последовательное наполнение лексической группы родства в конкретном языке отражает процесс формирования у человека отдельных ментальных категорий и процесс формирования у отдельного этноса национальной специфики в понимании родства, проявляющейся в семантике, символической и аксиологии лексем.

Древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение в универсальной метафоре родства и в метафорическом представлении о самом родстве.

Представление о родстве, или концепт родства, в языковом сознании является неким универсальным кодом, формулой, моделью, синтетическим знанием, экстраполирующимся на все области жизни. Это проявляется в переносе представлений о родстве (метафорах родства) на различные явления и объекты действительности и на типы отношений (в терминологии *языковое родство*, *родство гармонии в музыке* (*род-*

ство тональностей), в политическом дискурсе *царь-батюшка*, *Сталин — отец народов*, *батька Лукашенко*, *русский народ — «старший брат»* и т. д.). Отдельные имена родства становятся базой для метафорической семантической деривации (*отец* «основатель», *дед* «старослужащий», *мама-папа* «разъёмы» и т. д.).

Однако и сам концепт родства в целом и в своих значимых частях часто предстаёт как метафора, например, *род*, *семья — человеческий организм* (*своя кровь — «родня»*, *голова-глава* семьи, *колени — горизонтальный срез родственников*, степень родства, др.-рус. *кость* «род, племя», др.-рус. *мизинец — «младший сын»*) и *род*, *семья — растение* (*корни* родства, *ветви* генеалогического древа, *семя — «потомство»*, *отпрыск — «ребёнок»*, *племя*, *племянник — генетически родственное слову плод*). Как отмечает С. М. Толстая, связь понятий родства с этими двумя лексическими сферами (соматизмы и фитонимы) неслучайна, она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором — «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений⁵.

Таким образом, древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение и в универсальной метафоре родства и в метафорическом представлении о самом родстве.

Прагматика, аксиология и особенности функционирования лексики родства даже как терминов задаётся особой этнографической традицией. Так, в русской традиции родство определяется, как правило, до третьего колена, а в традиции народов Средней Азии — до седьмого колена (для сравнения: русское *седьмая вода на киселе — «очень дальний родственник»*). В качестве русских внутрисемейных обращения обычно используется слово *мама*, но не *мать* людьми всех возрастов, слово *отец* не используется как обращение к отцу у детей, но используется взрослыми и т. д.

Важным для описания кода родства представляется и изучения типичных моделей регулярного семантического варьирования лексем группы родства и родственных отношений, заданных национальной культурной традицией. Так, для русской традиции характерен перенос наименований кровного родства на группу свойственного родства (называние свекрови — *мамой и матушкой*, свёкра — *отцом, батюшкой* и т. д.); «приближение родства», или неразличение степеней (двоюродный брат — *брат*; дядя по мужу — *дядя*, прабабушка — *бабушка* и т. д.); пренебрежение точной степенью родства при доминировании семы возраста (дядя и племянник, близкие по возрасту, — *братья* и т. д.). Эти естественные для русскоязычного и русскокультурного человека речевые употребления могут быть непонятны носителям другого языка. Такой же национальной спецификой обладают и семантические дериваты от терминов родства — обращения к неродственникам (так, обращения

отец, мать — к пожилому мужчине, женщине, *брат* — к ровеснику используются только мужчинами, *дед, сынок, внучек* используются и мужчинами и женщинами и т. д.).

Таким образом, лингвокультурологическое изучение эволюции концепта родства от древнейшей синкретической формы до современного универсального синтетического знания должно выявить динамику содержательной и формальной стороны языковых фактов, лингвистическая интерпретация которых должна сопровождаться внелингвистическим комментарием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 7.

² Исаченко А. В. Индоевропейская и славянская терминология родства // Isačenko A. V. Opera selecta. München, 1984. S. 62–97.

³ Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: АН СССР, 1959. 212 с.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

⁵ Толстая С. М. Указ. соч. С. 11.

Nikolenko O. Yu.

THE PHENOMENON OF KINSHIP AS AN OBJECT OF LINGUOCULTUROLOGY

The paper deals with the phenomenon of kinship, which is, on the one hand, the universal way of organizing human society, and on the other hand, has a distinct ethnic and cultural specificity, manifested in the metaphors of kinship.

Keywords: kinship terms, linguoculturology, metaphor, history of language, lexis.

Нистратова Светлана Леонидовна

Венецианский университет Ка Фоскари, Италия

nistra@unive.it

Нистратов Александр Алексеевич

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Россия

a.nistratov@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается репрезентация ценностей в языковом сознании респондентов из Италии России. Респондентов просили оценить 18 ценностей по 16 шкалам Семантического дифференциала. Сравнительный анализ проводился в терминах семантических пространств. Он выявил некоторые несомненные сходства в оценках респондентов, принадлежащих к разным выборкам и некоторые значительные различия между ними.

Ключевые слова: ценности, русское, итальянское языковое сознание, категоризация.

Исследование языкового сознания и связанной с ним проблемы межкультурного общения стало в последние годы как никогда актуальным. Расширение межкультурных контактов, повышенный интерес к этническим культурам во всем мире вызывают потребность в поиске оптимального подхода к изучению национально-культурной специфики речевого поведения и языкового сознания носителей культуры.

Одним из методов такого исследования является описание мировоззренческих универсалий, ценностных ориентиров членов общества, определяющих общение в социуме, которые в современной аксиологии называются общечеловеческими ценностями (ОЦ). Особую важность это имеет при изучении иностранных языков, когда осваивается не только сам язык, но и этические правила его употребления. Для этого необходимо выделить те компоненты культуры народа изучаемого языка, реализующихся в вербальной форме, которые отличаются от соответствующих компонентов родной культуры учащихся, что возможно при контрастивном описании обеих культур, т. е. при сравнении ОЦ в разных этносах.

Цель данной статьи — сопоставить содержание ОЦ, существующих в русской и итальянской культурах, для выявления их инвариантного и вариативного содержания.

Исследование включало в себя отбор некоторого количества ценностей в результате предварительного эксперимента, проведение психосемантического эксперимента в виде шкалирования отобранных ценностей по методу семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда¹, обработка данных эксперимента, интерпретация и обсуждение полученных результатов. Результаты исследования были представлены в виде построенных

семантических пространств, а также в виде дендрограмм при проведении кластер-анализа² для выявления интегрального сходства и различия в восприятии анализируемых ценностей. В работе исследовалось восприятие набора из 18 ценностей у студентов московских вузов и студентов университетов Италии.

Психосемантические методы исследования дают материал для анализа обыденного сознания, то есть выявляют глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Метод семантического дифференциала представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить устойчивые представления респондентов об исследуемых объектах. Речь идет о таких представлениях, которые нелегко поддаются быстрому изменению, поскольку сформировались главным образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного и кластерного анализа.

В эксперименте приняло участие 50 респондентов в Москве в возрасте 18–24 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин и 45 респондентов того же возраста в Италии. Полученные суммарные матрицы обрабатывались в статистическом пакете (SPSS) методом факторного анализа³ с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных в обоих случаях было выделено четыре фактора — категории. Далее результаты представлены в виде семантических пространств⁴ и по категориям-факторам.

Факторы названы на основе входящих в них шкал и приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию:

Италия

1. **Оценка** (темный — светлый, неприятный — приятный, безобразный — красивый, грубый — нежный).
2. **Упорядоченность** (изменчивый — устойчивый, таинственный — обычный, хаотичный — упорядоченный).
3. **Сила** (слабый — сильный, маленький — большой, опасный — безопасный).
4. **Динамизм** (легкий — тяжелый, мягкий — твердый, неподвижный — движущийся, медленный — быстрый, пассивный — активный).

Как видно из рис. 1Ит, по критерию «оценка» ближе к положительному полюсу (светлый, приятный, красивый, нежный, активный) расположены такие ценности как *свобода, удовольствие, здоровье, любовь, семья, равенство*. Несколько меньшую, но достаточно положительную оценку имеют ценности *образование, независимость, творчество, безопасность*. Можно сказать, что нейтрально воспринимаются *труд*

и успех. На другом полюсе (темный, безобразный, неприятный, пассивный, грубый) расположились *власть, долг, религиозность*. Интересно, что *власть, религиозность и долг* имеют гораздо более четкую негативную оценку, чем противопоставленные им ценности, также негативно, но в меньшей степени воспринимается *родина*. Что касается категории упорядоченность, то здесь наиболее близкими к полюсу данной категории расположены такие ценности как *долг, семья, образование, здоровье, родина, труд*. На противоположном полюсе категории находится *любовь, творчество, успех*.

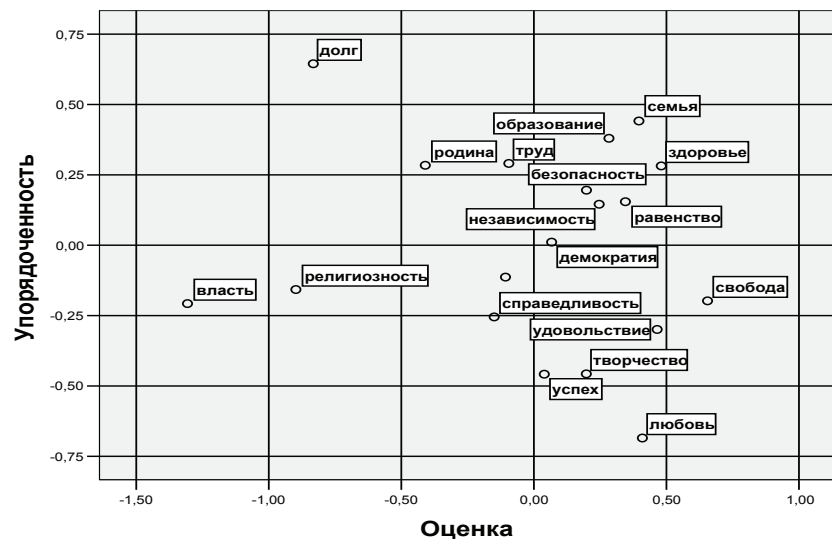

Рис. 1Ит. Размещение ценностей по критериям оценка/упорядоченность.

Россия

1. **Оценка** (темный — светлый, неприятный — приятный, безобразный — красивый, грубый — нежный, опасный — безопасный).
2. **Активность** (неподвижный — движущийся, медленный — быстрый, пассивный — активный).
3. **Упорядоченность** (изменчивый — устойчивый, таинственный — обычный, хаотичный — упорядоченный).
4. **Сила** (легкий — тяжелый, мягкий — твердый, простой — сложный, маленький — большой).

По критерию «оценка» наиболее позитивно (светлый, приятный, красивый, нежный, безопасный) респонденты относятся к таким ценностям как *семья, любовь, свобода, удовольствие*. Меньшую, но достаточно положительную оценку имеют ценности *творчество, родина, справедливость, здоровье, образование, достаток, развитие, успех*, нейтрально воспринимаются *религиозность, независимость, равенство*.

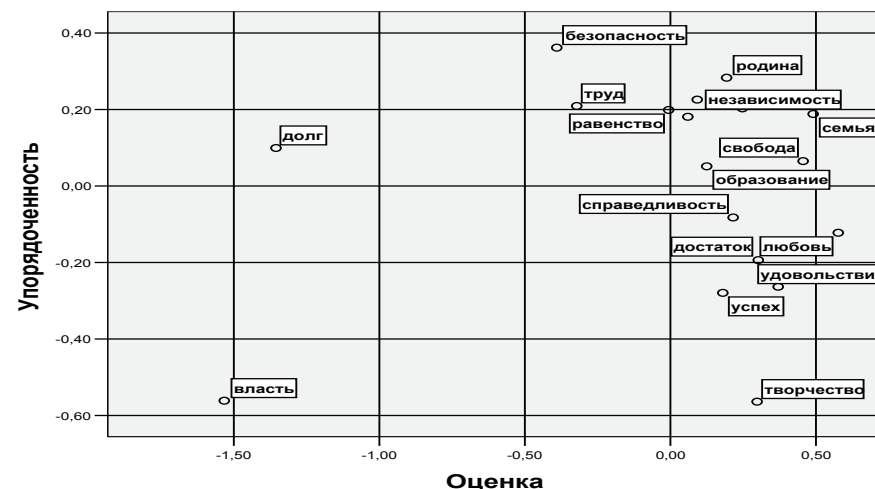

Рис. 1Р. Размещение ценностей по критериям оценка /упорядоченность

Такая нечеткость и размытость данных ценностей позволяет предполагать, что они находятся на периферии сознания респондентов, а также то, что эти ценности дискредитированы в сознании россиян. На другом полюсе (темный, безобразный, неприятный, опасный) расположились *власть, долг*, также негативно, но в меньшей степени воспринимаются *безопасность и труд*. Это можно объяснить тем, что *власть* (в общем смысле — способность и возможность осуществлять свою волю) в России очень часто противопоставляется обществу, народу, воспринимается как жесткая сила принуждения. *Долг* (по своему общечеловеческому содержанию понятие долг включает в себя выполнение ряда исторически выработанных правил человеческого общежития и связано с конкретными проблемами времени и данного общества) также в сознании бывает тесно связан с властью (долг перед государством, гражданский долг и т. д.). Очевидно, что *семья, успех, родина* наиболее позитивны в оценке респондентов и ассоциируются с любовью, удовольствием, творчеством и образуют позитивный полюс категории «оценка». На полюсе негативного восприятия — *беззаконие, бедность, неудача, одиночество*.

Рассмотрим критерий «упорядоченность» — в наибольшей степени этим качеством обладают такие ценности как *безопасность, семья, родина, независимость, труд, долг, образование*. Эти ценности воспринимаются как устойчивые, обычные, упорядоченные. В несколько меньшей степени этими качествами обладают, по мнению респондентов, *равенство, религиозность, здоровье*. Некоторые ценности (*долг, образование, свобода, справедливость*) занимают нейтральное положение, что можно интерпретировать как амбивалентное отношение к ним по данной

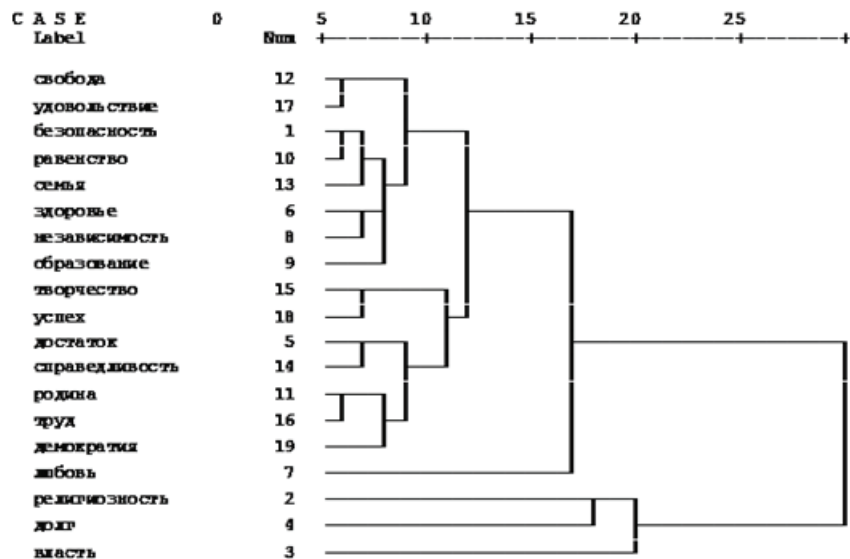

Рис. 2Ит. Дерево кластеризации ценностей

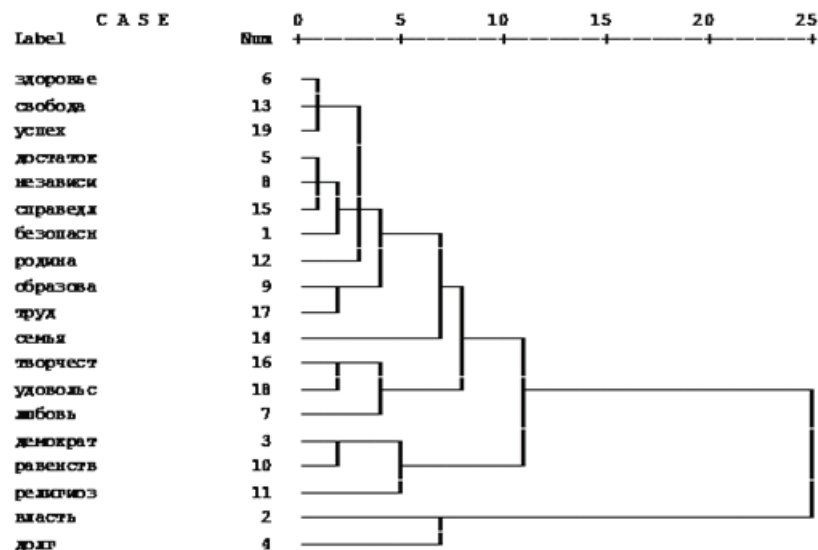

Рис. 2Р. Дерево кластеризации ценностей

категории. На другом полюсе данной категории (изменчивость, таинственность, хаотичность) расположились, *власть, творчество, любовь, удовольствие, успех*. Можно заметить, что эти ценности наиболее эмо-

ционально заряжены (как положительно, так и отрицательно в зависимости от их оценки). Рассматривая данное семантическое пространство в целом, можно сделать вывод, что ценности расположенные в нем ближе к полюсам факторов-категорий, обладают большим личностным смыслом и наиболее актуальны для респондентов.

Сравнивая итальянскую и русскую выборки можно отметить, что семантическое пространство ценностей имеет как сходство, например, *власть и долг* по категории «оценка» воспринимаются одинаково отрицательно и русскими и итальянскими респондентами, так и различия — *религиозность* у русских находится на периферии сознания, а у итальянцев эта ценность воспринимается более эмоционально. Есть различия и по категории «упорядоченность», так *долг* у русских респондентов по этой категории воспринимается нейтрально, у итальянцев долг расположен на полюсе этой категории. Также надо отметить некоторое содержательное различие категорий и самой категориальной структуры.

Сравнивая русскую и итальянскую дендрограммы на рис. 2Ит. и рис. 2Р. эти различия становятся еще заметнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system // American Psychologist. 1962. Vol. 17 (1). P. 10–28; Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H. / The measurement of meaning / Urbana, 1957. 342 p.

² Дюрин Б., Оделл П. Кластерный анализ / под ред. А. Я. Боярского. М.: Статистика, 1977. С. 128.

³ Иберла К. Факторный анализ / М.: Статистика, 1980. С. 398.

⁴ Bentler P. M., La Voie A. L. An extension of semantic space // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972. Vol. 11. P. 491–496.

Nistratova S. L., Nistratov A. A.

REPRESENTATION OF VALUES IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RESPONDENTS FROM ITALIA AND RUSSIA

The article deals with the representation of values in the language consciousness of respondents from Italia and Russia. The respondents were asked to estimate the significance of 18 values for 16 scales of semantic differential. The comparative analysis, conducted in terms of semantic spaces, has revealed some similarities in the estimates of respondents belonging to different samples and some significant differences between them.

Keywords: values, Russian / Italian language consciousness.

Панченко Сергей Аркадьевич
Предприятие Минтхай, Йонг Канг,
Китайская Народная Республика
sap_china@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КИНОАНОНСА

Представлен анализ и систематизация лингвистических особенностей русских киноанонсов как особого вида текста, определены функции и композиция анонсов. В работе обосновывается лингвистический статус киноанонса, предлагается его дефиниция, а также классификация этих текстов с учетом их структурных характеристик. Предложено понятие антиципации в анонсе и проанализированы способы ее создания. Экспериментально исследованы некоторые особенности восприятия анонса потребителем.

Ключевые слова: киноанонс, кинотекст, антиципация, семантический блок.

Интерес к этой теме обусловлен тем, что в настоящее время кинофильм вышел далеко за пределы своего традиционного места сбыта, каким были раньше кинотеатры с их ограниченными техническими возможностями, и стал предметом широкого спроса в самых массовых системах коммуникации: на телевидении и в сети Интернет. Естественно, что индустрии кинопроизводства и кинопроката сопутствует индустрия рекламирования фильмов. Однако, насколько нам известно, комплексное лингвистическое исследование текста киноанонса еще не было осуществлено. Исследование анонсов и их отдельных компонентов было проведено на материале немецкого языка Е. В. Головановой¹, Ю. А. Колодной² и однако русскоязычные анонсы еще не получили достаточного освещения.

Таким образом, актуальность исследования киноанонса продиктована, с одной стороны, востребованностью современной наукой системных исследований в области лингвистики текста, с другой стороны, важностью таких видов искусства, как кинематограф и телевидение, возрастающей ролью рекламы, все большим распространением рекламных текстов. Основная цель нашего исследования состоит в выявлении комплексной специфики киноанонса как речевого произведения, характеристике его **вербальных** составляющих как средств воздействия на адресата.

Материалом исследования послужили около 2000 текстов киноанонсов, отобранных из периодических изданий «Теленеделя», «Арт-мозаика», «Телемост», а также текстового сопровождения видеокассет и компакт-дисков и частично из сети Интернет.

Именно киноанонс в большей мере, чем какой-либо иной компонент, условно говоря, лингвистичен и может рассматриваться как та или иная лингвистическая единица. На основе анализа понятий текст, сжатый текст, дискурс, анонс, жанр мы предлагаем следующее определение киноанонса: самостоятельное речевое произведение, заключающее в себе фрагментарную (зачастую с элементом интриги) информацию о предлагаемом к показу фильме, оформленное композиционно и синтаксически и имею-

щее прагматическую установку на привлечение внимания потенциального зрителя к анонсируемому кинофильму. В общелингвистическом плане киноанонс относится к системе сжатых текстов, включая в себя ряд параметров рекламы, аннотации, реферата, и может быть квалифицирован как особый жанр речетворчества. Представим типичный пример.

Лирическая комедия о том, как четверо друзей под Новый год, по традиции, отправились в баню... А получился один из лучших фильмов отечественного кино за всю его историю. Эльдару Рязанову удалось в этой картине все — от мягкой новогодней интонации до великолепного актерского ансамбля... [Ирония судьбы].

Как особое свойство киноанонса подчеркнем, что автор этого текста, как правило, неизвестен.

Основными функциями текстов киноанонсов являются информативная и рекламная, которые тесно между собой взаимодействуют. Прагматика анонса должна удовлетворять двум главным требованиям: 1) включать в свой состав минимальное количество речевых единиц (во-первых, из-за ограниченности места в печатном издании, во-вторых, с целью привлечь и удержать внимание читателя) и 2) создавать максимальный эффект при восприятии его потенциальным зрителем.

С точки зрения синтаксических особенностей можно говорить о трех видах анонсов:

- киноанонсы минимальной структуры, состоящие из одного предложения, например:

Драма о сложных взаимоотношениях детей и родителей [Петро].

Он — русский нелегал, работающий подсобным рабочим в аэропорту, а она — индианка, уборщица, заветное желание которой — стать стюардессой и привезти в Германию своего маленького сына... [Небесные врата];

- киноанонсы, представляющие собой сложное синтаксическое целое, включающие в свой состав минимум коммуникативных единиц, то есть только два предложения, например:

1927 год. 30-летний Остап Бендер и гигант мысли Киса Воробьянинов, отец русской демократии, разыскивают по Стране Советов сокровища, спрятавшиеся в одном из двенадцати стульев старинного гарнитура... [12 стульев];

Француз Франсуа Перрен, беспутный картежник, волею случая оказывается в джунглях Амазонки, где должен отыскать и спасти душу вождя индейского племени Вану, от которого зависит итог важных межправительственных переговоров. На карте — престиж Франции и его собственная жизнь... [Ягуар];

- киноанонсы расширенной структуры, состоящие более чем из двух предложений:

Испания, XVII век, эпоха правления Филиппа Четвертого. Этим слабым, подверженным чуждому влиянию монархом с легкостью манипулирует его развращенный, полный интриг двор, где всем заправляет влиятельный граф Альварес. В этой империи, которая движется к своему закату, и разворачиваются приключения... [Капитан Алатристе].

Сами же предложения в киноанонсах расширенной структуры, как правило, короче предложений в киноанонсах минимальной структуры и СФЕ стандартного типа. В многокомпонентных киноанонсах заметно

чаще, чем в минимальных или малокомпонентных, встречается явление парцелляции как один из факторов тенденции использования в таких анонсах кратких предложений, например:

Стены, кругом стены. Красные, синие, зеленые, оранжевые. И двери. Маленькие квадраты, ведущие ... куда? К смерти или спасению? Кто создатель этого адского лабиринта? Кто эти люди, оказавшиеся внутри чудовищной головоломки? И как они здесь оказались? Они не помнят... [Куб Зеро].

Каждый из этих видов анонсов может быть еще более подробно классифицирован. На наш взгляд, наиболее важными особенностями синтаксической структуры анонса, отличающими его от других жанров, являются следующие:

- 1) характер зачина (первого предложения или первых слов в одном предложении) — возможность включения в качестве первого компонента предложения, по содержанию и по форме не связанного с последующим текстом, которое обозначает жанр фильма, время и место действия или какие-то иные параметры;
- 2) в основной части текста анонса имеет место следующая закономерность: чем меньше компонентов входит в речевую цепь киноанонса, тем более сложной является внутренняя структура каждого из них, и наоборот. Иными словами, количество коммуникативных единиц и предикативных зон киноанонса соотносится со степенью их синтаксической сложности: больше предложений, меньше осложнение и наоборот, — что в общем и обуславливает в большинстве случаев вполне сопоставимый объем информации в киноанонсах как минимальной структуры, так и расширенных, включающих в себя до десятка коммуникативных единиц;
- 3) завершающий элемент анонса также имеет свои особенности и может представлять собой конструкцию, не имеющую формального показателя ее завершенности даже напротив — включающую показатель незавершенности, что создает определенную интригу, способствуя проявлению интереса к анонсируемому фильму.

Киноанонсы к одному и тому же фильму, опубликованные в разных источниках, могут варьироваться, что сводится к редукции более объемных текстов, к превращению их в тексты меньшего объема. При этом в исходном тексте убираются какие-то его фрагменты, а то, что остается, корректируется стилистически. Специфика же жанра сохраняется:

Левко рассказывает своей любимой Гале страшноватую историю дочери сотника и ведьмы, явившейся несчастной девушке в образе черной кошки... [Майская ночь, или Утопленница];

Старый пасечник рассказывает о любви Гали и Левка, поведавшего по настоянию своей любимой страшноватую историю дочери сотника и ведьмы, явившейся несчастной девушке в образе черной кошки...

Тексты киноанонсов разнообразны по своему словарному наполнению, но есть в них и некоторые общие черты вокабуляра соответствующих речевых произведений. Особенности лексического состава анонсов являются как внутриязыковыми, так и жанровыми, и заключаются в сравнительно широком использовании яркой, образной лексики, имен прилагательных с оценочным значением, имен собственных, имен существительных, характеризующих героев фильмов по их социально-

му статусу или общественному положению, глаголов, выражающих активные, быстрые, впечатляющие действия, часто в настоящем времени, числительных, дающих фактологическую информацию о времени создания фильма и времени происходящих в нем событий и т. п.

Грамматические формы компонентов киноанонса, такие, например, как время и залог, выбираются его составителями с установкой на приобщение потенциального зрителя к событиям анонсируемого фильма. На прагматику киноанонса ориентированы и включаемые в него семантические блоки, содержащие сведения о заслугах исполнителей и создателей фильма, оценочную часть, базирующуюся на хвалебных эпитетах; цитирование известных лиц, являющихся авторитетами в различных областях деятельности, положительно оценивающих данный фильм и т. д.

Прагматическая направленность текста киноанонса находит свое проявление на всех уровнях его структуры. Необходимость привлечения внимания потенциального зрителя заставляет использовать все имеющиеся возможности интересного графического оформления текста. Яркая экспрессивная лексика, использование исторического настоящего времени вносят свой вклад в создание привлекательного анонса.

Специфической чертой киноанонса является антиципация, то есть предварительное знакомство потенциального зрителя фильма с его особенностями с целью вызвать интерес и желание данный фильм посмотреть. Антиципация создается с помощью ряда грамматических и лексических средств, например: специфическое использование знаков препинания, в первую очередь многоточия, тире, использование усилительных частиц (лишь, ведь), слов, подчеркивающих начало действия, которое обещает быть очень интересным, или его завершение (*втягивать, готовиться, начинаться, наконец, завершиться* и т. п.), и других. Рассмотрим пример, где есть такие средства антиципации как тире и многоточие — благодаря им читатель может сам домыслить, что будет дальше, слова с оценочным значением, но слова-пустышки — *прекрасен, крайне обаятельный, события по драматизму и эмоциональности переплюнувшие любую кинодраму*, слова, подчеркивающие начало интересного действия — *и вот., начинаются события*) и другие средства.

Сюжет прекрасен. В нем нет нашествий зеленокожих пришельцев, нет мутантов, нет мегазлых злодеев. Маленький и крайне обаятельный робот по имени ВАЛЛ-И (на самом деле это не имя, а аббревиатура названия его модели) изо дня в день в совершенном одиночестве (если друга-таракана не считать) перерабатывает мусор, заполонивший нашу Землю. Людей на ней не осталось: тотальное загрязнение окружающей среды вынудило их отправиться в космические скитания. И вот в один из совершенно обычных для ВАЛЛ-И дней на планету прибывает робот-разведчик-поисковик Ева. Наш робот влюбляется в нее и — дальше начинаются события по драматизму и эмоциональности переплюнувшие любую кинодраму... [ВАЛЛ-И].

В киноанонсах наблюдается использование некоторых тропов, но они применяются ограниченно (метафора, эпитет, сравнение и неко-

торые другие — в предыдущем примере — эпитеты *крайне обаятельный, мегазлобный*).

При изучении киноанонсов нами было проведено небольшое экспериментальное исследование среди студентов университета, целью которого было выявить, что является для потенциального зрителя наиболее привлекательным в анонсе, почему они выбрали бы для просмотра тот или иной фильм. Таковыми оказались анонсы, апеллирующие к романтическим чувствам, чувству страха, удивлению чему-то волшебному и непонятному. Наиболее аттрактивные слова и фразы, формирующие образ киноанонса, образуют следующие семантические поля, которые оказались наиболее востребованными: значения, связанные с приключением, связанные с опасностью, с борьбой, с отношениями между людьми.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что киноанонс — это действительно особый вид рекламного текста, специфический жанр массовой коммуникации, который имеет свои особенности на всех уровнях языка, позволяющие четко выделить его среди других видов текста.

Дальнейшая разработка проблем лингвистической специфики киноанонса и связанных с ним иных составляющих кинотекста может быть осуществлена не только в русле русистики и рекламы, но и в связи с рядом общелингвистических проблем, таких, в частности, как языковая картина мира, прагматика текста, языковые средства воздействия на общественное сознание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голованова Е. В. Тип текста «аннотация к телефильмам»: На материале немецкой прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.

² Колодная Ю. А. Лингвопрагматические характеристики печатного креолизованного текста киноанонса: На материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 206 с.

Panchenko S. A.

LINGUISTIC PARAMETERS OF BLURB

The paper presents the analysis and systematization of linguistic features of Russian-language cinema announcements (blurbs) as a special type of text. The functions and composition of blurbs are considered. The linguistic status of a blurb is grounded in the paper, its definition is suggested, as well as the classification of these texts taking into account their structural descriptions. In the research the concept of anticipation is suggested and the means of its creation are enumerated. Experimental investigation of some features of the blurb perception by users has been carried on.

Keywords: blurb, cinema text, anticipation, advertising function, cognitive function, semantic block.

Петкова-Калева Стефка Янчева

Шуменский университет
имени Епископа Константина Преславского, Болгария

st.kaleva@abv.bg

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАЗМЕРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОРМЫ ОЖИДАНИЯ

В статье рассматривается специфика языковой интерпретации размера предмета через призму нормативной оценки. Отмечая, что языковые структуры интерпретируют размер предметов с точки зрения четырех видов норм: нормы вида (среднестатистического стандарта), ситуативной нормы, нормы пропорций и нормы ожидания, автор рассматривает экспонентные языковые структуры, отражающие интерпретацию размера с точки зрения нормы ожидания в русском языке.

Ключевые слова: семантическая категория, размер, норма ожидания.

Размер является ингерентным свойством предметов и процессов, одним из первых свойств, распознаваемых когнитивным сознанием у объектов материального мира. Это превращает его в характерный различительный признак и придает категории 'размерности' статус универсальной семантической категории со своим специфическим представлением в рамках отдельных языков.

Когнитивная процедура определения размера затрагивает физические параметры различных объектов: предметных сущностей, пространственных интервалов между ними, сущностей процессуального типа и темпоральные интервалы между ними. Объектом данного изложения является проблематика интерпретации предметной размерности.

В самом общем виде средства размерной семантики группируются вокруг реализации двух типов функциональной значимости:

- 1) выражение **абсолютного** размерного признака как результата абсолютной квантификации;
- 2) выражение **относительного** размерного признака как результата относительной характеристики по размеру.

Формами абсолютной характеристики по размеру являются языковые и речевые единицы, порождающие в индивидуальном сознании одно и то же (и именно в этом плане абсолютное) представление об объективных физических параметрах предмета, из чего следует, что абсолютный размер должен быть всегда определенным — перманентно или ситуативно. Перманентный тип определенности реализуется в рамках измерения, а также сопоставления с физическими характеристиками объектов со строго фиксированным размером (напр. *величиной с пятикопеечную монету*) или объектов, чей среднестатистический размер прототипно маркирован в языковом сознании (напр. *величиной с горошину, с яйцо, с детскую ладонь*). Ситуативная определенность, со своей стороны, ба-

зируется на зрительном восприятии при поддержке речевого контекста, напр.: *Размером дерево было с меня; Высотой домик был с это дерево напротив.*

Относительный подход к определению размера опирается на объективные размерные характеристики материальных объектов, но или интерпретирует их через призму той или иной нормы, или соотносит их с размерными характеристиками другого объекта, или интерпретирует эти характеристики с точки зрения их динамики во времени.

Нормативная интерпретация размерного признака основывается на четырех типах норм (согласно классификации Е. Лайзи)¹, в связи с чем можно выделить:

- 1) определение размера с точки зрения видовой (прототипной, параметрической) нормы;
- 2) определение размера с точки зрения ситуативной (модальной, хомеостатической) нормы;
- 3) определение размера с точки зрения нормы пропорций;
- 4) определение размера с точки зрения нормы ожидания.

Характеризация относительно нормы ожидания формирует семантическую основу и значимость двух типов языковых единиц.

К первой группе относятся языковые единицы, интерпретирующие **совпадение / несовпадение** между **предварительным представлением и реальной степенью проявления** определенного свойства данного объекта.

Это предварительное представление может строиться на основе определенных прототипных (стереотипных) характеристик класса предметов, к которому относится данный объект. В этом случае языковые единицы, соотносящие размерное свойство с нормой ожидания, выражают одновременно и характеристику с точки зрения прототипной (параметрической) нормы, напр.: *Ну и верзила! Какая громадина!* В обоих случаях степень проявления признака интерпретируется одновременно как несоответствующую ожиданию и как значительно превышающую среднестатистический стандарт. Выражение отношения к норме ожидания не всегда связано с соотношением размерного свойства с параметрической нормой. Совмещение этих двух значений невозможно, например, если соотношение признака с прототипной нормой осуществляется в рамках более обобщенной референции, например: *Слон (като животный вид) огромный по своим размерам.* Это связано с тем, что **при соотношении признака с нормой ожидания всегда визируются свойства конкретных, зрительно воспринимаемых объектов.**

Представление о размерных свойствах данного объекта может строиться на предварительно полученной информации. В данном случае языковые единицы интерпретируют ее соответствие/несоответствие данным восприятия, напр.: *Лужа оказалась намного глубже, чем нам говорили.*

Вторую группу составляют языковые формации, интерпретирующие **скорость и масштабы, с которыми размерный признак изменяет-**

ся во времени, напр.: *Нынешние дети акселераты* (т. е. 'развиваются быстрее, чем это обычно происходит'); *Как она поправилась!* (т. е. 'прибавила в весе больше, чем я ожидал'). Этот тип языковых единиц маркирует связь нормы ожидания с диахронической нормой «определяющей порядок чередования событий и состояний объектов, а также их совместимость»²

Соответствие **размерного признака** норме ожидания, связанное с выражением нулевой степени необычности, находит выражение на уровне **синтаксиса**. Оно реализуется в рамках сложных определительных предложений нерасчлененной структуры и качественно-характеризующим значением, включающих союзные структуры типа *как и ожидается, как и положено, как и полагается*³, например: *Он высокий, плечистый и статный, как и положено спортсмену.* Обязательным элементом предложений данного типа являются лексические единицы размерной семантики и характеризующей функции в главной части.

Соответствие степени проявления признака ожиданию выражают также некоторые присущностно-определятельные сложные предложения, в которых в роли связки выступает лексема *какой*, напр.: *Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина (Гоголь).* Очевидно обязательное присутствие в структурах данной разновидности лексем типа *обычно, обыкновенно*, маркирующих факт соответствия с нормой ожидания, а также лексем-параметризаторов типа *высокий, широкий, приземистый и т. д.*, содержащих информацию о размерном признаке, подвергающемся интерпретации.

Выражение **несоответствия норме ожидания в обоих аспектах**: супериорности и инфериорности представлено в языковых формациях более широко.

В роли сопутствующей ядерной семы оно лежит в основе лексического значения лексемы **акселерат**. В словаре Новые слова и значения за 1974 год акселерат определяется как «Подросток, отличающийся **ранним** (подчеркивание наше. — С. К.) физическим и умственным развитием. *Выпускники — народ здоровый, крепкий, высокий, как и все акселераты* (Сел. мол., 1974,10).

Выражение несоответствия норме ожидания путем подчеркивания факта экстраординарности, необычности степени проявления признака является одной из основных функций адъективных, адвербиальных и субстантивных сочетаний лексем размерной семантики с модифицирующими детерминантами типа *необыкновенно, необычно, невообразимо, исключительно, чрезвычайно*, напр. *исключительно высокий, невообразимо длинный* и т. д.

На уровне предложения очерчиваются несколько структурных форм, выражающих рассматриваемое значение при поддержке лексического состава и контекста.

Инфериорность и супериорность по отношению к норме ожидания с различной степенью отклонения выражают сложные прикомпаративные определительные предложения нерасчлененной структуры с союзом *чем*, напр.: *Вершина оказалась выше, чем мы ожидали (Спутник)*. Выражаемое данными структурами значение базируется:

- 1) на категориальной семантике компаратива как специализированной формы выражения различия;
- 2) на дублирующей функции союза *чем* в его качестве выразителя «сравнения расподобляющего типа»⁴;
- 3) на присутствии глагола *оказаться*, который согласно данным лексикографии, содержит в своей семантике сему 'неожиданность';
- 4) на семантике лексических форм типа *ожидать*, *полагать*, маркирующих стандарт сравнения.

Степень отклонения может дополнительно уточняться. В этом случае компаратив получает определения типа *несколько (выше), намного (ниже), чуть (короче)*.

Для интерпретации размера в рамках данного типа нормативности используются сложные предложения нерасчлененной структуры с глагольным опорным компонентом и местоименно-интенсифицирующей связью между отдельными частями, напр.: *Не можешь себе вообразить, какая это огромная река! Ума не приложу, как она могла так похудеть за эти дни! Смотри, какой верзила!* Структуры данного типа маркируют **высокую степень отклонения от ожидания**, от обычного. Этой своей функции они обязаны в высокой степени присутствию в своем лексическом составе широкого круга опорных лексем со значением 'незнание', 'недоумение', 'удивление', 'изумление', напр.: *Ты изумишься...; Я не понимаю...; Удивительно, как...; Чудо, как...; Вы представить себе не можете...; Это уму непостижимо, как... и т. д.*

Для выражения значительной степени отклонения от нормы ожидания используются также некоторые присубстантивно-определятельные предложения нерасчлененной структуры, в которых в роли союзного элемента выступают лексемы *какой* и *каков*, напр.: *Евсейч клялся и уверял, что это была такая большая рыба, каких он сроду не уживал.; Встретил меня слуга с... такими глубокими морщинами, каких я в жизни не видывал (Тург.)* Употребление данных языковых формаций базируется на подчеркиваемой ими уникальности, исключительности проявления признака (в том числе и размерного). «В предложениях данного типа подчиненная часть всегда содержит отрицание, часто усиленное определениями *нигде, никогда*, подчеркивающими полноту знания»⁵. Поэтому значение исключительности и уникальности, а отсюда и выражаемую степень необычности, можно смягчить путем замены форм '*нигде*' и '*никогда*' определениями типа '*каких давно не видел*', '*каких редко бывает*' и т. д.

Несоответствие норме ожидания выражается при помощи сложных предложений противительной семантики, включающих в роли струк-

турных компонентов частицы *еще, только и уже*, являющиеся в случае функциональными антонимами: *Ему шел только 28 год, но уж он был толст, одевался по-стариковски во все широкое и просторное и страдал одышкой (Чехов)*.

Несоответствие размерного признака ожиданию выражается также при помощи специфической группы предложений фразеологизованной структуры — синтаксических фразеологизмов. З. К. Темиргазина⁶ выделяет две разновидности данных предложений: 1) предложения, содержащие в себе показатели оценки — оценочные лексемы размерной семантики: *Какой огромный гриб! Ну и высоченный человек! Как она похудела!;* 2) предложения, в которых оценка не эксплицитована, а ее характер определяется прагматическими условиями: *Какой дом! Что за комната! Ну и росточек! Ничего себе рост!* Во втором случае информационная недостаточность устраняется контекстом и ситуацией. В обеих группах роль частиц и интонаций для достижения усиливающего эффекта значительна.

Выражение данного значения может затронуть более одной предложенческих структур, напр.: *Первое, что меня поразило — что он (Л. Н. Толстой) — такой маленький. Я представлял его себе высоким и широкоплечим (В. Вересаев)*

Становится ясным, что язык склонен интерпретировать как соответствующие норме ожидания все случаи, при которых степень признака проявляется в **рамках прототипного (стереотипного), стандартного представления**. Так 'нормально' в этом смысле, чтобы мужчина был высоким и здоровым, чтобы атлет был стройным и мускулистым, а тяжелоатлет — низким и коренастым и т. д. 'Нормально' чтобы яблоко достигало 10–12 см в диаметре, чтобы рост детей увеличивался определенным количеством сантиметров в год и т. д. Степень необычности, отраженная сознанием, имеет количественные основания — частота появления того или иного отклонения, а также разница между реальной и ожидаемой абсолютной стоимости признака порождают представление о чем-то редком и уникальном. Чем реже имеет место данное отклонение, чем значимее оно по своей абсолютной стоимости, тем экспрессивнее языковые формы, которые его выражают. Уникальность всегда заряжена сильной экспрессией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Классификация приводится согласно кн.: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / науч. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988. 341 с.

² Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 239.

³ Здесь и далее в тексте синтаксическая терминология употребляется в соответствии с терминологией, принятой в *Русская грамматика. т. II. Синтаксис.* / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980.

⁴ Русская грамматика. Указ. том. С. 496.

⁵ Там же. С. 520.

⁶ Темиргазина З. К. Скалярность оценочной семантики // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 2. М. 1998. С. 164–166.

SIZE INTERPRETATION FROM THE POINT OF VIEW OF EXPECTATION NORMS

The article discusses specific language interpretation of object size from the viewpoint of normative evaluation. Having in mind that language structures reflects object size from the point of view of four kinds of norms (average standard) such as situation norms, norms of proportion, norms of expectation, the author examines exponent language structures reflecting the interpretation of size from the point of view of the expectation norms of Russian language.

Keywords: semantic category, size, expectation norm.

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Россия*

pimenova-vgpu@yandex.ru

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ОБОЗНАЧЕНИЙ ЦВЕТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена особенностям выражения цвета, отражающим языковую картину мира народа, в таких разноструктурных языках, как русский и монгольский.

Ключевые слова: обозначения цвета, языковая картина мира, язык и культура.

Обозначения цвета довольно часто используются исследователями в качестве хрестоматийного примера того, как одна и та же субстанция может по-разному отражаться в языковой картине мира той или иной нации: «спектр излучения и поглощения световых волн, определяющий цвет, разумеется, повсюду одинаков, не отличаются и физиологические способности представителей разных этносов к цветовосприятию, однако известно, что у одних народов различаются, например, три цвета, в то время как у других — семь и т. д.»¹. Е. Н. Панов отмечает, что у одного из негритянских племен Либерии существует два слова для описания всего многообразия цветовой гаммы: все теплые тона (*красный, оранжевый, желтый*) имеют одно общее наименование, все холодные (*синий, фиолетовый, зеленый*) — другое². Многие исследователи указывают на четкое отграничение синего и голубого цвета в современном русском языке, которое не имеет аналога ни в английском, ни в немецком, ни во французском, ни в армянском и др. языках (Л. В. Щерба, В. А. Звегинцев, Г. А. Брутян, Д. Лайонз, Р. М. Фрумкина и т. д.).

Факты, подобные приведенным выше, как правило, используются для иллюстрации принципа лингвистической относительности, который сформулирован американским ученым Б. Л. Уорфом, развившим идеи своего соотечественника Э. Сепира, специалиста по этнолингвистике (так называемая гипотеза Сепира-Уорфа). По концепции Б. Л. Уорфа «... сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»³. К гипотезе Сепира-Уорфа при сопоставлении цветоименований в различных языках обращались, например, В. А. Москович (1969), У. Л. Чейф (1975), В. Б. Касевич (1977), А. П. Василевич (1982) и др.

Количественные отличия в системах цветообозначений наблюдаются также и в диахронии. Исследователи отмечают, что особенно наглядно это проявляется при сопоставлении изображений/описаний радуги.

Так, в миниатюрах венской рукописи Книги Бытия VI в. и у арабского писателя Махбуба изображения/описания радуги включают в себя два цвета, у Аристотеля и епископа Василия Кесарийского — три, у автора энциклопедии раннего средневековья Исидора Севильского и в Изборнике Святослава 1073 г. — четыре («*Въ доузъ своиства суть чръвеное и сине и зелено и багъряно суштиемь*»), у философа и писателя Луция Аннея — пять и т. д.⁴

Помимо количественных отличий в системах цветообозначений исследователи указывают также на качественные. Так, в некоторых языках цветовые разграничения проводятся не по трехмерным физическим параметрам (тон, интенсивность и яркость), а, например, по признаку сухости-влажности. Об этом свидетельствует работа американского ученого Х. Конклина, в которой анализируются цветообозначения языка хануноо (языка, бытующего на Филиппинах)⁵.

Э. Косериу отмечает, что у древних греков и римлян в системе цветообозначений важнейшим было противопоставление цветов с блеском и без блеска, поэтому существовали наименования для «черного блестящего» цвета и «черного матового», для «белого блестящего» и «белого матового» цвета⁶. Е. М. Чекалина отмечает, что старый ахроматический принцип — противопоставление цветообозначений по яркости, а не по называемому ими цветовому тону — еще чувствуется в старофранцузской системе обозначений цвета⁷.

Противопоставление по яркости (светлости), а не по цветовому тону (как в современном русском языке) было характерно для древнерусской системы цветообозначений⁸. Противопоставлялись, например, *синий* и *зеленый* как «темный мерцающий» и «светлый блестящий». На наш взгляд, *синее вино* в «Слове о полку Игореве» выступает как антитеза фольклорному *зелену вину*. Поднести чашу *зелена вина* значило оказать гостю уважение, а Святославу в «мутном» сне в знак пренебрежения и унижения «черпают» *синее вино* («*Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смъшено*»).

Безусловно, наиболее явные различия в языковой картине мира выявляются при сопоставлении далеких друг от друга (разнотипных) языков. В предлагаемой статье отражение особенностей обозначения цвета в языковой картине мира рассматривается на материале таких разнотипных языков, как русский и монгольский.

В современном русском языке обозначение цвета осуществляется при помощи групп (классов) близких по значению слов, образующихся вокруг одиннадцати противопоставленных по цветовому тону основных цветообозначений: а) обозначения хроматических цветов — наименования трех физически основных цветов, из которых могут быть составлены все остальные цвета (*красный, желтый, синий*) и пяти обозначений смешанных цветов (*зеленый, фиолетовый, оранжевый, коричневый, голу-*

бой); б) обозначения трех ахроматических цветов (*белый, черный, серый*). Р. М. Фрумкина считает «основным» также цветообозначение *розовый*, однако В. Г. Гак утверждает, что с точки зрения носителей русского языка розовый цвет является оттенком красного (хотя, например, в современном французском языке *rose* ‘розовый’ и входит в ядро семантического поля цветообозначений)⁹. Количество «прочих» цветообозначений современного русского языка, по результатам психолингвистического эксперимента Р. М. Фрумкиной, составляет 96 единиц (в их число автор эксперимента включал только словообразовательно простые обозначения цвета, исключая окказиональные, цветообозначения с узкой сочетаемостью и образованные по сложной модели)¹⁰. Следует отметить, что у живописцев есть дополнительные, специальные наименования цветов, которые покрывают весьма обширные области физического спектра.

В монгольском языке к основным цветообозначениям относится всего пять лексических единиц, о чем свидетельствует монголо-тибетский календарь, представляющий таблицу соответствий годов двенадцатилетнего животного цикла (мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья), элементов (стихий: дерево, огонь, земля, железо, вода) и цветов (мастей: *уллан* — ‘красный’, *шар* — ‘желтый’, *хөх* — ‘синий’, *цагаан* — ‘белый’, *хар* — ‘черный’) шестидесятилетнего круга¹¹.

Наш материал показывает, что для монгольской системы цветообозначений основным параметром является не цветовой тон, как в современном русском языке, а древний ахроматический принцип противопоставления по светлоте/яркости, чем объясняются, на наш взгляд, основные различия между обозначениями цвета в анализируемых разнотипных языках.

Так, основные хроматические цветообозначения в монгольском языке имеют значения более широкие, чем в русском, включающие в себя обозначения других цветов спектра. Например, *хөх* обозначает не только синий, но и голубой, зеленый цвета (о растениях: *хөх ногоо* — ‘зеленая трава, зелень’), серый, сивый (о масти: *хөх чоно* — ‘серый волк’), смуглый, темный, черный (о коже: *хөх царай* — ‘смуглое лицо’); *улаан* указывает еще на два цвета красного тона — алый и румяный; *шар* используется также для обозначения русого и рыжего цвета (*шар хүн* — ‘рыжий человек’, *шар үс* — ‘русые волосы’)¹².

Смешанные хроматические цвета обозначаются в монгольском языке аналитически, путем употребления словосочетаний, включающих в себя два цветообозначения, например: *улбар шар* — ‘оранжевый’ (букв. ‘красновато-желтый’); *ягаан хөх* — ‘фиолетовый’ (букв. ‘розовый и синий’); *хөх ягаан* — ‘малиновый’, ‘сизый’, ‘сиреневый’ (букв. ‘синий и розовый’); *хурэн улаан* — ‘рубиновый’ (букв. ‘коричневый и красный’), *шар ногоон* — ‘оливковый’ (букв. ‘желтый и зеленый/травяной’)¹³.

Оттенки цвета могут, как и в русском языке, обозначаться описательно, через эталонный объект (например: *ногоон* — ‘зеленый’, букв. ‘травяной, цвета травы’; *дун цагаан* — ‘жемчужный’, букв. ‘цвета белой раковины’; *шүрэн улаан* — ‘коралловый’, букв. ‘цвета красных кораллов’; *цусан онго* — букв. ‘кровавый цвет, цвета крови’; *оюн* — ‘бирюзовый, цвета минерала бирюза’; *номин* — ‘лазурный, цвета минерала лазурит’; *улаан хацартай* — ‘румяный’, букв. ‘цвета щек’)¹⁴, однако в монгольском языке круг эталонных объектов уже, поскольку в него не входят, например, наименования плодов и цветков (ср. русск.: *брусничный, васильковый, вишневый, гороховый, клюквенный, коричневый, лиловый, лимонный, малиновый, миндальный, морковный, ореховый, оливковый, персиковый, помидорный, рябиновый, свекольный, сиреневый, табачный, фиалковый, фисташковый* и под¹⁵..

Следует отметить, что в монгольском языке шире, чем в современном русском, представлена специальная группа обозначений конской масти (по подсчетам исследователей — это около 300 единиц¹⁶), приведем некоторые примеры: *бор* — ‘серый’, *буурал* — ‘чалый’, *зээрд* — ‘рыжий’, *саарал* — ‘мышастый’, ‘пепельный’, *ухаа* — ‘каурый’, *хар хээр* — ‘караковый’, *хөө хар* — ‘вороной’, *хул* — ‘саврасый’, *хээр* — ‘гнедой’, *цавьдар, цавьдагч* — ‘игрневый’, *цусан зээрд* — ‘огненно-рыжий’, *шарга* — ‘соловый’ и т. д.¹⁷

Для обозначения цветов, различающихся по светлоте, в монгольском языке используются противопоставленные друг другу лексические единицы (которые на русский язык в большинстве случаев переводятся сложными прилагательными с первым компонентом *светло-*), например: *хөх* — ‘синий’, ‘голубой’ и *цэнхэр* — ‘светло-синий’, ‘светло-голубой’; *шар* — ‘желтый’ и *хөнгөр* — ‘светло-желтый’; *улаан* — ‘красный’ и *ягаан* — ‘светло-красный, розовый’. Обозначения насыщенных и темных оттенков, как и в русском языке, представлены аналитически (путем использования синонимичных усилительных частиц *хөв, ув, час* и имени *гув* — ‘глубокий’), например: *хөв хөх* — ‘совсем синий’, ‘совсем темный, черный (о лице и теле)’; *ув улаан, час улаан, гун улаан* — ‘ярко-красный’, ‘совершенно красный’, ‘багрово-красный’, ‘багряно-красный’, ‘пунцовый’ и под¹⁸.

Следует отметить, что особенностью цветообозначений является наличие коннотативного компонента значения, формирование у них оценочных, символических значений, в связи с чем отмечается наличие некоторой устойчивости цветовых ассоциаций в пределах той или иной эпохи, нации, культурных связей. Для славянской культурной традиции характерно превалирование бело-черно-красной гаммы (ср.: *Белая Русь* — западная, *Черная Русь* — северная, *Червоная Русь* — южная), что связано с древнейшей оппозицией *свет-тьма*, а также с отождествлением красного цвета с собственно цветом, с красотой.

В монгольском народном сознании наиболее мелиоративно оцениваемым является белый цвет, поэтому слово *цагаан* может использоваться при обозначении всего положительного, почитаемого, например: *цагган сар* — ‘первый (весенний) месяц года по монгольскому летоисчислению’, букв. ‘белый месяц’; *цагган идээ* — ‘молочная (белая) пища’; *цагган сэтгэл* — ‘благая (белая) душа’; *цагган алт* — ‘платина’, букв. ‘белое золото’; *цагаан мөнгө* — ‘серебряные (белые) деньги’; *цагган хаан* — ист. ‘русский царь’, букв. ‘белый хан’; *Цагаан Хэрэм* — ‘Великая китайская стена’, букв. ‘Белая Стена’ и др.¹⁹. Пейоративным, как и в русской традиции, является черный цвет, поэтому слово *хар* имеет следующие переносные значения: ‘мучительный’, ‘тягостный’, ‘ужасный’, ‘неприятный’, ‘грубый’, ‘злой’, ‘зловредный’, ‘коварный’. Нейтральную оценку *хар* выражает только в устойчивом сочетании *хун хар* — собир. ‘люди’, *хар хун* — ‘муж, женатый мужчина’, букв. ‘черный человек’²⁰.

В отличие от русского языка, в котором прилагательное *красный* в переносном значении традиционно выражает самые разнообразные положительные качества (хороший, отличный, красивый, превосходный, приятный, драгоценный)²¹, в монгольском языке слово *улаан* имеет негативные значения, например: ‘алчный, корыстолюбивый, жадный’, ‘бессовестный, наглый’ (*улаан дайрах* — ‘нагло, бесцеремонно броситься к кому-чему-л.’; *улаан цайн* — ‘без зазрения совести’; *мөнгө цагаан, нуд улаан* — (поговорка) ‘серебро белое, а глаза красные (алчные)’), однако после 1917 г. *улаан* стало использоваться и в мелиоративных значениях, например, в названии столицы *Улаан-Батор* (букв. ‘красный богатырь’), а также в кальках с русского языка *Улаан Арми* — ‘Красная Армия’, *улаан булан* — ‘красный уголок’, *улаан туг* — ‘красное знамя’, *улаан зангиа* — ‘красный галстук’ и под²².

Дальнейшее выявление национально-культурной специфики цветообозначений (а также и других лексико-семантических групп лексики) позволит продемонстрировать особенности языковой картины мира того или иного народа, что актуально для лингвокультуроведческого аспекта преподавания языка, предполагающего осуществление принципа: «Язык — через культуру, культуру — через язык»²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. С. 7.

² Панов Е. Н. Знаки. Символы. Языки. М.: Знание, 1980. С. 68.

³ Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. С. 174–175.

⁴ Мурьянов М. Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93–109.

⁵ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. С. 59.

⁶ Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале французского языка). Л.: Наука, 1979. С. 81.

⁷ Чекалина Е. М. Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке XI–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 16 с.

⁸ Колесов В. В. История русского языка в рассказах. М.: Просвещение, 1982. С. 27–39.

⁹ Бородина М. А., Гак В. Г. Указ. соч. С. 147; Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. С. 31.

¹⁰ Фрумкина Р. М. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Монгол орос толь / отв. ред. А. Лувсандэндэв. М.: Иностранная литература, 1957. 714 с.

¹² Там же. С. 450, 556–557, 645.

¹³ Там же. С. 452, 567, 690.

¹⁴ Там же. С. 158, 269, 271, 512, 566, 616, 661.

¹⁵ Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений. Горловка: Изд-во ГПШИЯ, 2010. 440 с.; Кожемякова Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001. 211 с.

¹⁶ Шинкарев Л. И. Монголы: Традиции. Реальности. Надежды. М.: Советская Россия, 1981. С. 86.

¹⁷ Монгол орос толь. С. 77, 215, 469–470, 555, 562, 566, 595, 600, 616, 646.

¹⁸ Там же. С. 130, 445, 450, 546, 556, 621, 629, 645, 690.

¹⁹ Там же. С. 600–601.

²⁰ Там же. С. 512–513.

²¹ Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. С. 165.

²² Монгол орос толь. С. 450–451.

²³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.

Pimenova M. V.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF COLOR DENOMINATIONS (RUSSIAN AND MONGOLIAN LANGUAGES)

The article deals with color designations in Russian and Mongolian languages as a feature of cultural identity.

Keywords: designation of color, language picture of the world, language and culture.

Приказчикова Елена Владимировна

Савченко Елена Павловна

Московский государственный областной университет, Россия

help8875@gmail.com; ep.savchenko@mgou.ru

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА И Б. ОБАМЫ)

В предлагаемой статье анализируется применение языковых стратегий понижения статуса оппонента и повышения собственного статуса в современном политическом дискурсе. Лингвистическим материалом исследования послужили тексты публичных выступлений В. В. Путина и Б. Обамы. Предпринимается попытка выявить основные языковые тактики данных стратегий, характеризующих особенности речевого выражения агрессии в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах. Определяются языковые средства выражения исследуемого явления.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевая агрессия, язык и власть, языковые тактики и стратегии, лингвокультура.

Политика — неотъемлемая часть жизни любого общества. Поэтому она не перестает интересовать исследователей различных отраслей наук: политологов, социологов, психологов, журналистов, когнитологов, лингвистов. Исследование политического дискурса относится к наиболее актуальным, активно развивающимся направлениям современной лингвистической науки. Поскольку *дискурс* — социокультурный феномен, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, способствующих его возникновению, а именно, принадлежность к некоей социальной общности в определенный исторический период, это «социальный диалог, проходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге»¹

Дискурс, сводящийся к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения², можно назвать *институциональными*. Так, политический дискурс является формой именно институционального дискурса, т. к. он социально ориентирован и задает общение в социальных статусно-ролевых отношениях. Политический дискурс трактуется исследователем Е. И. Шейгал как институциональное общение, которое, в отличие от личностно-ориентированного использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т. е. обладает собственным подъязыком.

С учетом значимости ситуативно-культурного контекста политический дискурс представляет собой феномен, суть которого Е. И. Шейгал выражает формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст»³.

Исследователи определяют политический дискурс как важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений и прочих ментальных и виртуальных образований. В то же время политический дискурс нередко трактуется как мощный властный ресурс, посредством которого социальные институты и индивиды осуществляют самопрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных форм реальности, производят позиционирование в социокультурном и политическом пространстве⁴.

Особенность политической коммуникации видится нам в особенности цели и содержания, где цель коммуникации — борьба за власть, а содержание сводится к публичному обсуждению вопросов власти. Таким образом, политика, если ее понимать как борьбу за завоевание и удержание власти, — это, безусловно, преимущественно сфера агонального мышления, сфера бытования агональных речевых идеалов. Следовательно, политический дискурс представляет собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д.»⁵.

В связи с нестабильностью политической ситуации во всем мире, языковое выражение *агрессии* становится социальной доминантой, значимым параметром как межличностного, так и межгосударственного общения. Сам термин *агрессия* обретает особую значимость в современном социуме, а, следовательно, становится частью когнитивного пространства современного человека.

В современном международном праве *агрессия* рассматривается как незаконное с точки зрения Устава ООН применение силы одним государством против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства⁶.

С точки зрения лингвистического подхода к определению изучаемого термина, заметим, что в узком понимании *агрессия* относится к *неэтикетным формам речевого* поведения и рассматривается как «речевое поведение, нацеленное на оскорбление или непреднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»⁷, т. е. имеется в виду речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, брань, насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств и т. д. В широком понимании под словосочетанием «*речевая агрессия*» подразумеваются все виды наступательного, доминирующего речевого поведения. В таком случае, политический дискурс вряд ли можно представить в отрыве от проявления речевой агрессии.

Однако, рассматривая политический дискурс в ракурсе лингвокультурного подхода, стоит отметить, что агрессия воспринимается, а, сле-

довательно, и выражается по-разному в русскоязычной и англоязычной картинах мира.

Так, Толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова дает следующие определения понятия *агрессия*:

- 1) вооруженное нападение государства или нескольких государств на какое-либо государство с целью захвата его территории, уничтожения или ограничения его независимости, изменения его политического или общественного строя и т. п.
- 2) о словах или действиях, выражающих неприязнь, враждебность⁸.

Согласно словарю Merriam-Webster понятие *aggression* толкуется:

- 1) a forceful action or procedure (as an unprovoked attack) especially when intended to dominate or master;
- 2) the practice of making attacks or encroachments; especially: unprovoked violation by one country of the territorial integrity of another;
- 3) hostile, injurious, or destructive behavior or outlook especially when caused by frustration⁹.

Проанализировав данные двух лексикографических источников, можно выделить следующие лингвокультурные векторы: для носителей русской национальной идентичности характерно связывать агрессию именно с вооруженным нападением и открытым военным конфликтом, в то время как представители английской лингвокультуры (включая и американцев) принимают за агрессию любое действие страны-агрессора меняющее самостоятельному функционированию государства и способное навредить его территориальной целостности.

Обратимся к официальной речи 44-го президента США от 27 сентября 2014 года¹⁰: «...Но я верю, что мы можем построить другое будущее. И если мы не хотим выбирать между *невмешательством и войной*, тогда мы — все мы — должны успешнее находить *пути, которые предотвращают крушение базового правопорядка*. Путем уважения ответственности государств и прав рядовых граждан. Путем *применения действенных санкций против тех, кто нарушает правила*. Путем настойчивых дипломатических усилий, нацеленных на первопричины конфликтов, а не на их последствия. Путем оказания помощи, которая приносит надежду обездоленным. А иногда — хотя этого будет недостаточно — будут ситуации, когда международному сообществу придется признать, что *во избежание наихудшего развития событий может потребоваться многостороннее военное вмешательство*» (выделено курсивом нами — Е. В., Е. П.).

Языковое выражение агрессии реализуется в речи Б. Обама следующими языковыми единицами: *невмешательством и войной, пути, которые предотвращают крушение базового правопорядка, применения действенных санкций против тех, кто нарушает правила, во избежание наихудшего развития событий может потребоваться многостороннее военное вмешательство*.

Своеобразным ответом стало ежегодное послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию от 4 декабря 2014 года. В сво-

ем одиннадцатом обращении к парламенту глава государства изложил видение направлений развития страны. Главная мысль президентского послания Федеральному собранию: с Россией бесполезно разговаривать с позиции силы.

Характерная для публичных речей В. В. Путина жесткость формулировок, которая и раньше была присуща Президенту, стала неотъемлемой частью имиджа главы государства в последние месяцы: «Я не устаю удивляться тому, как наши партнеры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки. В свое время они спонсировали исламские экстремистские движения для борьбы с Советским Союзом, которые прошли закалку в Афганистане. <...> Мы помним, как в высоких коридорах принимали террористов как пособников демократии. Мы наблюдали, как по отношению к нам вели себя все агрессивнее. Несмотря на нашу беспрецедентную открытость России...»¹¹

Так, мы видим, что в тексте выступления В. В. Путина меньше языковых единиц, характеризующих агрессию как нападение, открытый конфликт. Не стоит отрицать, что ему присущи жесткость и четкость формулировок, но маркеров, определяющих открытый конфликт, агрессию, обнаружено не было.

Проведенный дискурс-анализ текста выступлений В. В. Путина и Б. Обамы позволяет констатировать принадлежность говорящего к политическому дискурсу. Последний весьма явно демонстрирует интенцию борьбы за власть, эксплицируя желание ее удержать любыми средствами. Данное обстоятельство (интенция борьбы за власть) обуславливает наличие агональности, структурирующей анализируемый текст и проявляющейся через избираемый способ общения (осуществляемый говорящим выбор стратегий и тактик).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии, т. 1. 1998. № 1. С. 15–22.

² Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000 (а). С. 5–20.

³ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 16

⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь. 1996. С. 74.

⁵ Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология. Philologica 14. Краснодар, 1998. С. 24.

⁶ Большой юридический словарь под. ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М.: Инфра-М. 2003. С. 13.

⁷ Хайруллина Р. Х. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное // Сборник научных статей к 75-летию профессора Р. З. Мурясова. Ч. I. Уф : РИЦ БашГУ, 2010. С. 333–337

⁸ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. С. 53.

⁹ Электронный ресурс. URL: <http://slovar-vocab.com/english/merriam-webster-dictionary.html>(08.12.2014 г.)

¹⁰ Стенограмма официального выступления Б. Обамы на 69 сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 24.09.2014. Электронный ресурс. URL: http://www.discred.ru/blog/vystuplenie_baraka_obamy_na_69_j_sessii_generalnoj_assamblei_oon_polnyj_tekst_video/2014-09-27-135 (дата обращения 08.12.2014)

¹¹ Электронный источник. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/messages> (дата обращения 08.12.2014 г.)

Prikazchikova E. V., Savchenko E. P.

EXPRESSION OF VERBAL AGGRESSION IN V. PUTIN'S AND B. OBAMA'S DISCURSIVE PRACTICES

The paper analyses the usage of linguistic strategies aimed at lowering the opponent's status and raising the status of Russian and American politicians (V. Putin and B. Obama) in the political discourse. The authors discuss tactics within these strategies and define ways of verbal aggression presentation.

Keywords: discourse, political discourse, verbal aggression, language and power, communicative tactics and strategies, linguoculture.

**СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
В ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ПОЭЗИИ:
А. КРУЧЕННЫХ, В. ХЛЕБНИКОВ, О РОЗАНОВА**

Статья представляет собой проспект лингвокультурологического исследования синестетических экспериментов российских поэтов и художников начала XX века с точки зрения фоносемантики. Намечаются направления комплексного изучения изданий книг А. Крученых «Утиное гнездышко дурных слов...» и А. Крученых и В. Хлебникова «Тэ ли лэ» в оформлении художников О. Розановой и Н. Кульбина, делаются предварительные выводы о необходимости учета факторов синестезии при анализе поэтического текста на русском языке.

Ключевые слова: синестезия, фоносемантика, звук, цвет, ассоциация, авангард.

В истории русской культуры всегда присутствовал литературный эксперимент самого разного рода: со словом и звуком, с рифмой и ритмом, с формой и содержанием. Но особое место занимают авангардные формы культуры, сочетающие в себе различные виды искусств. Футуристические концепции взаимодействия поэзии и живописи отражают общую тенденцию к синтезу в русской культуре начала XX века, и являются одной из попыток сформулировать положения теоретически и достичь практически нового синтетического языка. Культурологическое, искусствоведческое и литературоведческое описание этого чрезвычайно интересного явления довольно часто включало в себя обращение к явлению синестезии (Сз)¹, но собственно психолингвистический аспект затронут не был, хотя данные о восприятии современниками авангардного творчества существуют.

О Сз часто говорят как о компоненте восприятия произведений искусства. Например, предполагается, что музыкальное произведение может вызывать не только слуховые, но и цветовые ассоциации, живописное полотно может порождать незрительные ощущения, язык в стихотворениях способен вызывать яркие чувственные впечатления и т. д. и т. п. Безусловно, данное явление в художественной среде менее перцептивно по своему качеству и опосредовано в большей степени метафорическим пониманием или же накопленными личностью ассоциациями, поэтому в чистом виде синестезией (в понимании современной нейропсихологии) не является, но вполне попадает под определение синестемии. Чтобы частично разрешить сложившееся терминологическое разночтение, предлагаем ввести в активный научный оборот вполне традиционный вариант терминов, не противоречащих установкам современных западных исследователей, но отражающих специфику Сз как «формы невербаль-

ного мышления» (по Б. М. Галееву) — клинические случаи называть собственно синестезией, тогда как межчувственные ассоциации, проявление метафорического мышления человека — синестемией (термин принадлежит С. В. Воронину и обозначает соощущения+созмоции). Так, например, индивидуальные модели звуко-цветовой ассоциативности способны актуализироваться под влиянием особых факторов-стимулов, во многом индивидуальных, причем, далеко не всегда эстетических (это могут быть зафиксированные памятью цвета кубиков, на которых были наклеены буквы, цвет платья матери, напевающей колыбельную, любимая игрушка с мелодией и др.). Тем не менее, возникающие в моменты эстетического переживания индивидуальные синестетические реакции оказывают дополнительное воздействие на личность, вызывая эмоциональное воздействие. Прежде всего они важны для самого субъекта восприятия и в высокой степени автономны. Но существуют индивидуальные реакции, которые в силу принадлежности творчески активным личностям, способным оказывать воздействие на окружающих (непосредственно или опосредованно), могут быть восприняты или творчески переработаны на уровне подсознания (реже — сознания) реципиентом.

Исследование взаимосвязи звука и цвета в художественном тексте предусматривает, прежде всего, изучение психического феномена, индивидуального опыта ассоциирования (как авторского, так и читательского), поэтому субъективный подход в таких наблюдениях является основным и научно обоснованным: анализ текста на основе его звуко-цветовой ассоциативности с учетом лингвистического, психологического, физиологического, искусствоведческого и др. подходов демонстрирует постепенное углубление в скрытую семантику художественного текста, открывая новые горизонты в общей теории текста и в частных методиках его анализа. Разработанная автором статьи комплексная методика анализа звуко-цветовой ассоциативности художественного текста² позволяет обнаружить, что смысловая структура текста в его денотативной основе оказывается не прямолинейно соответствующей колористическому значению звуков речи, а имеет несколько уровней сложного взаимодействия универсальных законов восприятия, национальных особенностей звуко-цветовой ассоциативности и индивидуальных проявлений синестетических феноменов восприятия и репродукции, важное место среди которых занимает авторская интенция.

Изложенный выше методологический подход был многократно апробирован на разных текстах, стихотворных и прозаических, художественных и нехудожественных, но все эти произведения — именно тексты, фиксирующие в стандартизированной форме графическое оформление, типичное для современного читателя. Иной вариант восприятия представляли экспериментальные работы А. Крученых «Утиное гнездышко дурных слов...» и А. Крученых и В. Хлебникова «Тэ ли лэ»

в оформлении художников О. Розановой и Н. Кульбина³. В этих книгах были последовательно реализованы идеи будетлян, изложенные, начиная с альманахов «Садок судей»: «Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонической характеристике»⁴ и «Садок судей II»: «Гласные мы понимаем как время и пространство (характер устремления), согласные — краска, звук, запах..»⁵ В представлении В. Хлебникова, например, новая поэзия, так же как и живопись, должна быть красочной, объемной, цветной; звук (и буква) в ней должны нести всю полноту смысла, в том числе смысла «цветописи», — цветовой символики знаков и букв. Поэт ищет и находит материал, исцеляющий не только тело, но и душу...»⁶ Как нам кажется, это и есть не что иное, как поиск исходной синестетической звуко-смысловой гармонии, способной врачевать душу человека.

В этих двух книгах, напечатанных на серой бумаге цветными гектографическими чернилами с воспроизведением ручного письма, воплощены практические идеи, которые можно попробовать проверить, исследовав восприятие современного читателя, приняв за основу достижения современной цветофоносемантики. Имея буквенную запись текста, меняющееся цветное решение графем и каждого стихотворения в отдельности, а также графический дизайн каждой строки и страницы, мы можем попытаться спрогнозировать эмоциональное восприятие, запрограммированное в национальной матрице звуко-цветовой ассоциативности русского языка⁷. Затем необходимо соотнести полученные результаты и авторскую интенцию в этом аспекте, причем под «авторской интенцией» понимаются как метапоэтические данные Хлебникова, Крученых, Розановой, обнаруженные в других их работах, так и конкретное цветное решение букв в указанных текстах. Хотя автокомментариев не сохранилось, можно предположить, что в процессе работы над книгами поэты и художники обсуждали будущий макет, находя общие точки соприкосновения при обсуждении вопроса о цветном решении графем текста.

Следующим этапом исследования будет расширенный аудиторский эксперимент среди носителей русского языка как родного и французов, русским языком не владеющих. В первом случае планируется двухфазный аудиальный опрос, направленный на звуко-цветовое ассоциирование каждого произведения, и визуальный графический вариант теста-оппозиции «правильный/неправильный» цвет. Во втором случае будет осуществлен один из вариантов квазилексического тестирования, когда звучащий текст на незнакомом языке будет оцениваться по цветовым шкалам, а графическое оформление текста соотноситься с прогнозируемой семантикой цвета эмоцией.

Первая автоматизированная фаза эксперимента показала высокую степень корреляции прогнозируемых звуко-цветовых ассоциаций и реального цветового воплощения текста художниками, что может быть

интерпретировано как запрограммированное воздействие авторских интенций. Компьютерная программа анализа текста на основе данных о цветовой ассоциативности графем русского языка выдает данные по каждой строке, строфе, целому стихотворению и всему сборнику в виде цветовых графиков и диаграмм, а также приводит сведения по статистически значимым показателям частотности букв в тексте, определяя наличие/отсутствие приема семантизации (аллитерации, ассонанса). Сами по себе эти результаты почти ничего не значат, но они становятся исходным моментом для интерпретационного анализа текста, для которого необходимы и материалы аудиторских экспериментов. В итоге исследователь сможет попытаться расшифровать авторские интенции в интересующем нас аспекте, а также проследить их действенность и устойчивость во времени.

Поставленные вопросы и план исследования, надеемся, даст возможность доложить на конгрессе результаты комплексного психолингвистического эксперимента и обсудить полученные результаты. Культурологическая часть работы, а также эксперименты с носителями французского языка проводятся магистрантом Парижского университета Сорбонна (Universite de Paris) Калугиной Екатериной Сергеевной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галеев Б. М. Человек. Искусство. Техника. Проблема синестезии в искусстве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 264 с.

² Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциация в языковом сознании и тексте Saarbrücken: Lambert Publishing, 2011. 464 с.

³ Крученых А. Утиное гнездышко ... дурных слов ... Рис. и раскраска О. Розановой. Изд. Буы. [СПб.]: Лит. т-ва «Свет», [1913] 22 л.; Крученых А., Хлебников В. Тэ ли лэ / Обл. О.Р[озановой]; Рис. О. Розановой, Н. Кульбина. СПб.: [ЕУЫ]; Типолит. Т-ва «Свет», 1914. [Янв.]. [14] л.: ил., 4 л. ил. — Литогр. цв. издание с рукописн. текста рукою О. Розановой и Н. Кульбина. Текст на одной стороне л.

⁴ Литературные манифесты от символизма до наших дней [Электронный ресурс] // <http://www.nazvanie.ru/page5.html>. URL: (Дата обращения: 06.12.2014).

⁵ Там же.

⁶ Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 633–634.

⁷ Прокофьева Л. П. Национальная система цвето-звуковых соответствий русского языка // Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 1997. С. 57–63.

Prokofyeva L. P.

SYNESTHETIC EXPERIMENTS IN ILLUSTRATED POETRY: A. KRUCHENYKH, V. KHLEBNIKOV, O. ROZANOVA

The article offers the linguo-culturological survey of synesthetic experiments of early 20th century Russian poets and artists, based on phonosemantic approach. There have been identified the directions of a complex analysis of the books “A duck’s nest of black-hearted words”, by A. Kruchenykh and “Te li le” by V. Khlebnikov with illustrations by O. Rozanova and N. Kulbin. The conclusion is made about the necessity of considering sound symbolism in the analysis of a Russian poetic text.

Keywords: synaesthesia, phonosemantics, sound, color, association, avant-gard.

Радбиль Тимур Беньюминович

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Россия

timur@radbil.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Работа посвящена проблеме лингвистического анализа национально-культурной специфики речеповеденческих стратегий. Рассматриваются некоторые национально-обусловленные модели современной русской диалогической коммуникации, в частности — негационные вопросительные конструкции с начальным *не* в режиме косвенного речевого акта.

Ключевые слова: не-конструкции в русском языке, национальная специфика, речевые стратегии.

В работе рассматриваются русские вопросительные *не*-конструкции, которые можно условно именовать «неотрицающим отрицанием». Речь идет о том, что некоторые русские негационно-вопросительные модели с оператором *не* следует трактовать в рамках теории речевых актов как особые типы речевых стратегий непрямого, идиоматичного выражения специфичных коммуникативных намерений говорящего, причем имеющие явный национально обусловленный характер.

Отправной точкой наших рассуждений является широко известный пример косвенного речевого акта, обсуждающийся в работе Дж. Р. Серля «Косвенные речевые акты», — *Would You pass me the salt?*¹ Русский аналог данного косвенного речевого акта с иллокутивной силой вежливой просьбы, выраженной в языковой форме вопроса, звучит примерно как *Не передадите ли мне соль?* (более точный, но менее стилистически приемлемый вариант — *Не передали бы Вы мне соль?*).

Однако Дж. Р. Серль, разумеется, анализирует англоязычный вариант этого косвенного речевого акта, который звучит как *Would You pass me the salt?*, т. е. с использованием утвердительной модели. Но русский вариант данной конвенциональной формы косвенного акта требует, чтобы не разрушить косвенно-речевую идиоматичность, обязательного включения *не*: *Не передадите ли мне соль?*

Уже сама возможность порождения и рецепции данной конструкции по-английски без всякого *не* доказывает некую логическую избыточность этого оператора и в русском варианте. Иными словами, *не* в русскоязычном варианте ничего не отрицает. Говорящий реально спрашивает не о невозможности, а, наоборот, как раз о возможности для адресата совершить требуемое действие. Но, с другой стороны, устранение *не* в этой конструкции в русском языке приводит к разрушению идиоматичности, к невозможности косвенной небуквальной интерпретации данного вы-

сказывания в интенциональном контексте: ср. *Могли бы вы передать мне соль?* — по-русски звучит только как прямой вопрос о пределах физических и иных возможностей адресата. Кстати, по-английски, напротив, добавление *не*, т. е. трансформация положительной конструкции в отрицательную, разрушает идиоматичность.

Прежде всего важно, что конструкция с «неотрицающим» *не* практически всегда имеет модальное значение. Интересной в этом смысле представляется русская фигура двойного отрицания в режиме косвенного акта модализованного положительного суждения: *Не могу не заметить; Нельзя не отметить* и пр. Отметим существенные ограничения на ее построение в речи — в роли вспомогательного глагола в составном сказуемом здесь обязательно выступает носитель модальности возможности / необходимости. Так, кстати, и возникает «неотрицающее» модальное значение *не*.

Итак, с точки зрения логики, пропозициональное содержание, которое обращено в будущее и посвящено альтернативному выбору между совершением и несвершением чего-либо, в равной степени можно выразить и утвердительной, и отрицательной формой, поскольку в этой ситуации различие между отрицанием и утверждением нейтрализуется (так, высказывания *Завтра будет дождь* и *Завтра не будет дождя* обладают одинаковой логической валентностью — неопределенной). Тогда закономерно возникает вопрос: почему же из двух равноправных альтернативных возможностей выразить некое пропозициональное содержание один язык выбирает утвердительную конструкцию, а другой — отрицательную? Иными словами, почему англоговорящий употребляет конструкцию без негации, а русскоговорящий начинает с *не*, хотя никакого прямого отрицания ни в английском, ни в русском равно не предполагается?

Возможно, здесь и следует поставить вопрос о неких специфичных речевых стратегиях, о неких специфических установках говорящего, облигаторно отложившихся в языковых формах как результат предпочтительного выбора языкового коллектива, как отражение опыта столетий психологической и культурной интроспекции носителей языка. Так, например, в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект, уверенность говорящего в положительном для него исходе его просьбы, а в русском варианте — установку на возможную неудачу, коммуникативную или перлокутивную, может быть, некое изначальное сомнение, заранее предустановленную неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Это можно попытаться показать и с помощью инструментария логического анализа естественного языка. С нашей точки зрения, англоязычный вариант *Would You pass me the salt?* имеет своей пресуппозицией исходную пропозицию, которая является мыслительным содержанием вопроса — ‘You pass me the salt’: нетрудно видеть, что она имеет утвер-

дительную структуру; в свою очередь, русскоязычный вариант в качестве пресуппозиции имеет исходную пропозицию 'вы **не** передадите мне соль', в основе которой лежит общеприцательная структура (ведь *не* явным образом не входит ни в состав показателей иллюкутивной силы вопроса, ни в состав показателей маскируемой этой формой иллюкутивной силы вежливой просьбы — значит, *не* входит в саму исходную пропозицию).

Напомним, что в отличие от ассерции, «чистого» суждения, которое может рефлексироваться адресатом, подвергаться сомнению или отрицанию, пресуппозиция как невербализованный фрагмент экстралингвистической информации, заранее известной и говорящему и — «по умолчанию» — адресату, как известно, не подвергается отрицанию или рефлексии. Т. е. это то, с чего начинается коммуникация, исходный пункт любого речевого акта, его изначальная первооснова. И не симптоматичен ли тот факт, что говорящий по-русски начинает его с отрицания?

В книге Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» утверждается, что некую «конфигурацию смыслов» можно считать «ключевой» для того или иного языка, если она с определенным постоянством и с достаточной репрезентативностью воспроизводится в самых разных областях лексики и грамматики языка, достаточно частотна в бытовом дискурсе) и относится к *неассертивным* (неявным, невербализованным, имплицитным) компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание².

Отмеченная выше негативная пресуппозиция, так называемый «отрицательный» модальный приступ вообще характерен для национально-специфичных речевых стратегий в отечественной речевой практике — эти стратегии воспроизводятся в достаточно разнообразных типах самых обычных конструкций в русском языке.

Прежде всего это русские лингвоспецифичные конструкции с модализованным вопросом, выражающим вежливую просьбу: *Не будете ли Вы так любезны (добры)...?; Не хотите (желаете) ли...?; устар. Не сообразовали ли...?* и пр. Эти конструкции также актуализуют рассмотренную выше ситуацию предпочтительного выбора из двух альтернатив: лингвоспецифичность подобных высказываний, как мы уже показали выше, состоит в том, что возможный предпочтительный вариант выбора, который, разумеется, мыслится как **положительный**, условно и конвенционально вербализован **отрицательной** конструкцией, с буквальной значимостью нежелательного для говорящего варианта. Англоязычный же аналог этой конструкции снова (отметим — вполне ожидаемо и оправданно!) использует утвердительную синтаксическую структуру для вербализации предпочтительного положительного выбора желательного для говорящего результата при порождении им данного косвенного речевого акта.

То, что это не единичный изолированный факт использования «отрицательного» модального приступа при вербализации идеи предпочтительного выбора, а своего рода речеповеденческая модель, доказывается наличием в русском языке и других конструкций, так или иначе посвященных альтернативному предпочтению. Это, например, формально вопросительные конструкции с модальным инфинитивом совершенного вида в значении необходимости совершения действия в будущем типа *Не пойти ли нам в кино?* или *Не написать ли мне статью об этом?* (= *Давай*) *пойдем в кино* или *Напишу(-ка) я статью...*). Отметим, кстати, что сходная функция такой конструкции с *не* выражать модальность необходимости проявляется не обязательно в вопросительном предложении. Ср., например: *Как же мне не плакать!*

Обратим внимание, что и здесь выдержана та же логика предпочтительного выбора, что и для предыдущего косвенного речевого акта: суждение о предпочтении говорящим выбора возможного положительного исхода (*пойдем, напишу*) актуализовано посредством формально отрицательной структуры. Получается, что говорящий как бы заранее боится от возможной неудачи планируемого «предприятия», он закладывает саму возможность неудачи в стадию речевой реализации плана своего намерения, а также, возможно, намечает для адресата (или себя самого — в роли адресата) возможные пути для отступления, для отказа от предполагаемого (причем в модальности «сильного» долженствования) выбора, предполагаемого совместного действия или участия в событии.

«Отрицательный» модальный приступ как особенность русских косвенно-речевых стратегий также присутствует, например, в вопросительной конструкции с модусом предположения: *Не пора ли нам домой?*, а также в модели генерализованного высказывания, в роли оператора обобщения (идиоматичного выражения квантора всеобщности); *Кто не проклинал станционных смотрителей?* (А. С. Пушкин). В разговорной речи также частотны разнообразные конструкции с «неотрицающим» *не*, например, с семантикой опасения: *Как бы чего не вышло!*; одобрения: *Ну чем не работа!* и др. *Представляется, что во всех этих случаях говорящий с помощью не как бы намеренно дезавуирует истинный «положительный» смысл пропозиции.*

Интересны в этом плане также конструкции с оператором *не* в вопросительных предложениях, где *не* входит в состав перцептивной или эпистемической пропозициональной установки («модуса», по Ш. Балли): — *Ты не знаешь, отец дома?*; — *Ты не слышал, как наши сыграли?*; — *Ты не видел, куда я очки положила?*

Обратим внимание, что в приведенных примерах нет реального отрицания пропозициональной установки знания, видения или слышания, потому что в вопросе, по сути, речь идет («спрашивается») о положительном содержании пропозициональной установки. Ср. **Ты знаешь,*

*дома ли отец? *Ты слышал, как наши сыграли? *Ты видел, куда я очки положила?* Действительно, с точки зрения прагматики реального, обыденного общения было бы довольно странно спрашивать о том, что человек не знает, не видел и не слышал, тогда как говорящего на самом деле интересуют положительные результаты знания, видения или слышания адресата. Иными словами, в данных конструкциях опять нейтрализуется противопоставление между утверждением и отрицанием.

Но почему тогда из двух альтернатив все-таки снова выбирается вариант с «отрицательным» модальным приступом? Видимо, и здесь мы имеем дело с каким-то «феноменологическим», в смысле А. Вежицкой, рефлексом в системе русских речеповеденческих установок, когда человек не уверен в возможности положительного для него исхода будущих событий, в том числе и потому, что не в силах на это повлиять: «При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на ‘бессилии’ и пациентивности (‘я ничего не могу <с>делать’, ‘разные вещи случаются со мной’)»³. Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия: все, что происходит с человеком, происходит с ним как бы само собой — или, по крайней мере, «не потому, что он этого хотел», по выражению А. Вежицкой.

Таким образом, выбирая конструкцию с *не* в модальном приступе, т. е. в исходном пункте своего речевого акта, носитель языка как бы заранее предвидит возможность коммуникативной неудачи, он «закладывается» на эту неудачу в своих речевых стратегиях, имея в виду возможный неблагоприятный для него результат в качестве наиболее вероятного.

Возможно, применительно к русской среде диалогического взаимодействия мы можем говорить и о рефлексах «магии слова», когда намеренное «закладывание» говорящего на *не*-стратегию играет роль подстраховки, своего рода обмана судьбы: «Субъект, на всякий случай дезавуирующий свое собственное активное действие, — это очень по-русски. Возможно, это осколок древней магии слова, когда нечистую силу надо обмануть, ввести в заблуждение, навести на ложный след...»⁴

Итак, рассмотренные речевые стратегии «неотрицающего отрицания» эксплуатируют, по всей видимости, некие общекоммуникативные принципы, заложенные в среде речевого взаимодействия *homo sapiens sapiens* и потому универсальны. Однако лежащие в их основе общие логические и коммуникативные механизмы могут порождать некоторые прагматические эффекты могут использоваться для выражения определенных культурно-специфичных речеповеденческих установок носителей какого-либо языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

² Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 554 с. С. 9.

³ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 412 с. С. 73.

⁴ Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.

Radbil T. B.

NATIONALLY DETERMINED SPEECH STRATEGIES IN MODERN RUSSIAN DIALOGIC COMMUNICATION

The paper deals with the problem of linguistic analysis of national and cultural specificity of speech-behavioral strategies. Some national-specified models of modern Russian dialogic communication, in particular negative-interrogative constructions with initial *nie* in the mode of indirect speech act, are analyzed.

Keywords: *nie*-constructions in Russian language, national specificity, speech strategies.

ОБРАЗ ДИЗАЙНЕРА В РУССКОМ ДИСКУРСЕ ДИЗАЙНА

В статье рассматривается дискурс дизайна как особый тип дискурса, анализируются тексты статей о дизайне для выявления основных лексем и концептов.

Ключевые слова: дискурс, дизайн, дизайнер, концепт.

Чем больше внимания лингвистика уделяет вопросам изучения дискурса, тем яснее становится, как велика роль дискурсивных факторов в языковой структуре и насколько необходимо обучать не только языку как системе знаков, но и дикурсу как способу пользования этой системой. Дискурс — особым образом (с помощью концептов и фреймов) организованная структура знания, пользователь которой неизбежно следует определенной системе правил — дискурсивным стратегиям. Дискурсы определяются и различаются не только набором концептов и фреймами, которые они образуют, но также и частотностью использования этих фреймов и концептов. Набор и реальное заполнение концептуальных узлов индивидуально не только для каждой культуры и языка, но и для каждого отдельно взятого дискурса. С позиции социолингвистики дискурс — общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. По ван Дейку¹, термин дискурс может использоваться для обозначения того или иного жанра, например, новостной дискурс, аргументативный дискурс, научный дискурс. В выделении жанров не наблюдается однозначности, например, В. И. Карасик, считая существенным противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса, применительно к современному социуму выделяет политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса, каждому из которых присущи определенные имплицитные категории², И. Б. Авдеева выделяет инженерный дискурс из научного³, А. П. Булатовой исследован искусствоведческий дискурс⁴.

Представляется необходимым выделить также дискурс дизайнера, т. к. дизайн — это проектная творческая деятельность, совмещающая в себе и художественное и техническое начало. Главной составляющей любого соцузного дискурса является сумма профессиональных знаний (профессиональный контекст). Под дискурсом дизайнера мы понимаем сумму

знаний, необходимую для дизайнерской деятельности, выраженную, зафиксированную человечеством как вербально, так и с помощью других знаковых систем (математических символов, графиков, чертежей и др.) По данным современной психолингвистики эта сумма знаний представлена в сознании дизайнера в виде особых когнитивных структур, фреймов знаний, упакованных в терминологические оболочки. Информация о дизайне кодируется в общественном сознании в виде системы понятий, идей, теорий, знаний об объектах, поведении объектов, способах их взаимодействия. Можно утверждать, что дипломированные дизайнеры владеют дискурсом дизайнера, то есть определенными алгоритмами решения дизайнерских задач, а также научным стилем речи (в письменной и устной форме, который обслуживает процессы получения и передачи профессиональных знаний), и разговорным стилем, которым пользуются при решении производственных задач.

Формой реализации дискурса является текст, письменный и устный. Текст по специальности рассматривается нами как форма реализации дискурса специальности, под которым мы, вслед за Е. В. Сергеевой, понимаем совокупность текстов одной сферы жизни, имеющих свой тематический репертуар и обладающих общими языковыми характеристиками⁵. Опираясь на различные типы текстов — журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, можно выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайнера. Дискурс дизайнера — особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации. Русскоязычный дискурс дизайнера представляет собой сумму выраженных вербально и графически знаний, общих для всего человечества. Вместе с тем он имеет свои национальные особенности как в референциональной части (принятые в стране системы измерения, традиции структурирования научного изложения, набор учебных дисциплин для получения той или иной специальности и т. д.) так и на языковом и на речевом уровнях. Овладение русским дискурсом дизайнера означает овладение не только суммой знаний определенной специальности, но и способами их выражения на русском языке. В то же время дискурс дизайнера нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Концептуализация знания и стратегии дискурса дизайнера непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыкового мышления на русском языке. На основании анализа текстов статей о дизайне были выделены лексемы, вербализирующие значимые для дизайнера концепты. Система этих концептов определяет основные положения дизайнерской деятельности, ее смысл и сущность, взаимосвязь с родственными видами творчества

и отличие от них. В систему ключевых, основополагающих понятий дизайна с их дефинициями помимо определения термина «дизайн» входят: предмет и объекты дизайна, основной метод дизайна, основные рабочие категории дизайна, типология дизайн-деятельности, цель, функции и задачи дизайна, основополагающие принципы и закономерности дизайна. Основной метод дизайна — художественно-образное моделирование, которое реализуется посредством понятия «композиционное формообразование в дизайне».

В основных рабочих категориях дизайна («образ», «функция», «морфология», «технологическая форма» и «эстетическая ценность») конкретизируется сущность художественно-образного моделирования утилитарно-технической и социально-культурной сторон содержания объектов дизайн-проектирования.

Дизайн — комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, интегрирующая естественно-научные, технические и гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление, направленная на формирование на промышленной основе предметного мира в чрезвычайно обширной зоне контакта его с человеком во всех без исключения сферах жизнедеятельности.

Существуют различные виды дизайна — специфические формы специализации дизайнерской деятельности, отличающиеся предметом проектирования и областью приложения профессиональных знаний, целями и методами проектной работы и ее конечными результатами. Различают следующие основные виды дизайна — графический, промышленный, средовой и их разновидности: в графическом дизайне — работа с визуальными коммуникациями, рекламой, информационной графикой и др., в промышленном — формирование бытовых вещей и приборов, объектов машиностроения, средств транспорта, одежды и т. д., в средовом — дизайн интерьера и открытых пространств различного назначения. В настоящее время наблюдается зарождение и становление новых видов дизайна, отвечающих особенностям отдельных сфер дизайн-проектирования (экологический дизайн, эргодизайн, футурологическое проектирование — футуродизайн, дизайн ландшафтный, экспозиционный, инженерный и т. д.), отличающихся нацеленностью или характером результатов работы (арт-дизайн, шрифтовой дизайн, ленд-арт, дизайн архитектурный, компьютерный и пр.). Но независимо от специфики вида дизайна, все они имеют общую основу — синтез прагматических и художественных идей и решений, направленных на улучшение условий существования человека, в целостной эстетически совершенной форме⁶.

Центральной проблемой дизайна является создание культурно и антропосообразного предметного мира, эстетически оцениваемого как гармоничный, целостный. Отсюда особая важность для дизайна — это использование наряду с инженерно-техническими и естественно-на-

учными знаниями средств гуманитарных дисциплин — философии, культурологии, социологии, психологии, семиотики. Все эти знания интегрируются в акте проектно-художественного моделирования предметного мира, опирающегося на образное, художественное мышление⁷.

Анализ научных статей о природе дизайнерской деятельности, новых парадигмах дизайнерской практики, исследованиях в области дизайна, взаимодействии дизайнера и потребителя показал, что наиболее близок дискурсу дизайна искусствоведческий дискурс, исследованный А. П. Булатовой. Под искусствоведческим дискурсом А. П. Булатова понимает вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета и других искусствоведческих стратегий. Описываемое этим дискурсом денотативное пространство является пространством артефактов — произведений искусства⁸. Близость дискурса дизайна к искусствоведческому дискурсу обусловлена тем, что дизайн сейчас воспринимается прежде всего как особый вид искусства. В научных статьях о природе дизайнерской деятельности, о взаимодействии дизайнера с потребителем отмечается, что «сегодня в начале XXI века стало окончательно ясно, что дизайн, долгое время считавшийся чем-то вроде умения оформлять предметно-пространственное оснащение нашей жизни, — это искусство»⁹. «Дизайн как новый вид искусства состоялся»¹⁰. Однако вопрос о признании дизайна искусством остается дискуссионным, так как творческая деятельность в сфере изобразительных искусств направлена на духовно-ценностное отражение всего мира, окружающего человека, духовного мира самого человека, дизайн же не изображает мир и человека во всем многообразии проявлений его бытия, а выражает отношение к человеку и значение, смысл для человека всех тех объектов, которые им проектируются. Кроме того в дизайне творческий труд придумывания объекта разработки отделен от реализации творческого замысла в материале на основе соответствующих технологий машинного производства.

Следовательно, дискурс дизайна принципиально отличается от искусствоведческого дискурса, так как дизайн обладает собственным спектром эстетических и социальных задач, своим образно-философским смыслом, образован специфическими материально-художественными структурами, наделен индивидуальными технологиями реализации своего утилитарно-практического и культурно-эстетического потенциала. В научных статьях подчеркивается, что дизайн — искусство нового этапа развития цивилизации, эры прав человека и рыночных отношений, основанных на приоритете потребительских ценностей в укладе жизни общества. Такой подход означает пересмотр многих ортодоксальных положений эстетики. Главное — новое понимание категории «художественный образ». Вместо привычной «единственности» произведения художественного

творчества — преднамеренное тиражирование дизайнерской продукции. Вместо активно выраженной духовности — опосредование «высокого» через внешне непритязательные житейские потребности, синтезирующие «естественные» и нравственные начала. Вместо подчеркивания исключительности, даже недостижимости идеала — уверенность, что идеальное есть норма, выражение оптимизма на уровне «смысла бытия». Проповедуется идеология целенаправленного преобразования присущей человеку жажды прекрасного в технологию внедрения прекрасного во все сферы нашей жизни. Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. В дискурсе дизайна важнейшие концепты трансформируются: человек превращается в потребителя, заказчика, покупателя, а бытие — в быт. Одновременно подчеркивается значимость профессии: дизайнер предстает всемогущим творцом. «Тотальная оформленность среды обитания человека, ожидающая нас в недалеком будущем, означает, что наша жизнь станет протекать как бы внутри сознания дизайнера, роль которого постоянно возрастает»¹¹. Об этом же свидетельствует использование прецедентных текстов: «И если красота спасет мир, то ей не обойтись без помощи дизайна»¹². Считается, что дизайнер в принципе может заниматься всем, что его метод мышления — поиск эстетически осмысленных, оригинальных, остроумных решений на основе минимальных материальных затрат — универсален. Возвеличивая дизайнера, авторы не забывают и об ответственности дизайнера перед будущим¹³. «Идеи, а также широкий, лишенный узкой специализации, интерактивный, коллективный взгляд..., которые дизайнер может дать миру, должны теперь соединиться с чувством социальной ответственности. Во многих областях дизайнеры должны освоить искусство перепроектирования. Так нам, возможно, и удастся достичь выживания через дизайн»¹⁴. Даже в отчете о дизайнерском «Оскаре» подчеркивается, что победителями стали проекты, ориентированные в первую очередь на улучшение жизни незащищенных членов общества. «Были отмечены проекты социально значимые, созданные с целью повысить качество жизни людей с ограниченными возможностями... Также дизайнеры многое делают для детей из бедных и развивающихся стран»¹⁵. Гуманистически ориентированный дизайн противопоставляется коммерчески ориентированному, целью которого является «создание привлекательных вещей-товаров для увеличения их сбыта, формирования потребительской психологии широких масс населения путем фетишизации мира вещей, обладающих значением престижной ценности, символа социально-статусных отношений в стратифицированном обществе массового потребления»¹⁶.

В русском дискурсе дизайна идеальный дизайнер предстает как талантливый, ответственный, могущественный создатель нового мира вещей, делающий человека счастливым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. БГК им. Н. А. Бодуэна де Куртене, 2000. 308 с.

² Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.

³ Авдеева И. Б. Архитектоника инженерного текста как объект описания подъязыка специальности и как объект обучения ему: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1998. 24 с.

⁴ Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе. // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1999. № 4. С. 34–49.

⁵ Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 34 с.

⁶ Медведев В. Ю. Сущность дизайна: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: СПГУТД, 2009. 110 с.

⁷ Медведев В. Ю. Стиль и мода в дизайне: учеб. пособие. СПб.: СПГУТД, 2005. 256 с.

⁸ Булатова А. П. Указ. соч.

⁹ Дегтярева К. А., Петрова С. Г. Необходимость исследований в области дизайна // Дизайн. Материалы. Технология. 2011. № 2 (17). С. 29.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Заостровцев А. П., Сухов В. Н. Современный дизайн и его перспективы в системе эколого-гуманистических детерминат // Материалы конф. «Дизайн России: проблемы теории и практики». СПб.: СПГУТД, 1988. С. 58.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Папанек В. Дизайн для реального мира. М.: Издатель Д. Аронов, 2004. 416 с.; Медведев В. Ю. Дизайн будущего и будущее дизайна // Вестник СПГУТД. 2013. № 4. С. 8–19.

¹⁴ Папанек В. Указ. соч. С. 378.

¹⁵ Неборачко О. А. Конкурс «Designs of the year — 2013» // Вестник СПГУТД. 2013. № 4. С. 45.

¹⁶ Медведев В. Ю. Указ. соч. С. 103.

Romanova N. Yu.

DESIGNER'S IMAGE IN RUSSIAN DISCOURSE ON DESIGN

The paper deals with the designer's image.

Keywords: discourse on design, knot concepts, verbally expressed mentality, designer's image.

Романцова Татьяна Дмитриевна

Иркутский государственный университет, Россия

t100562@yandex.ru

ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: «СЛОВАРЬ ГОВОРОВ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ» ШКОЛЬНИКАМ О НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Переводно-толковый «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» имеет особую ценность для подрастающего поколения, в частности, как собрание устных текстов о культуре сказки в Восточной Сибири. Повествования о сказке приобретают особое просветительное и воспитательное значение, поскольку включены в рассуждения о материальном быте и народном искусстве Прибайкалья и Забайкалья.

Ключевые слова: сибирские говоры, сказочная народная культура, просвещение и воспитание школьников.

Региональные лексикографические источники, использующие в качестве иллюстративного материала устные рассказы носителей говоров¹, представляют собой универсальную базу для учебно-методических поисков школьных преподавателей-гуманитариев, классных руководителей.

Рассмотрим просветительный и воспитательный потенциал многолетнего «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», материалы для которого уже более 30 лет в селах и деревнях Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятии и Саха (Якутия) собирает доктор филологических наук Галина Витальевна Афанасьева-Медведева.

Более чем 200 000 памятников вербальной культуры, записанных в условиях естественного бытования земледельцев, скотоводов, рыбаков, охотников, ремесленников, составляют вербально-иллюстративный фонд словаря. Любой конкретный или абстрактный предмет, включенный в словарь или упомянутый в нем, автоматически обнаруживает связи с лексемами предметно-тематических полей, касающихся обрядовости, быта, трудовой и духовной жизни сибирского крестьянства. Так получается и со сказкой, фольклорным повествованием «о вымышленных событиях, с участием волшебных, фантастических сил»².

На уроках литературы, русского языка, краеведения, истории, на тематических классных часах и во внеурочных мероприятиях будут полезны фольклорно-этнографические сведения о сказке, сопряженные с историко-культурными данными о русских переселенцах, которые более четырехсот лет назад принесли с собой в Сибирь житейский опыт, свою культуру. Сказковедческие³ исследования и материалы словаря покажут, как со временем сибирские тексты приобрели новые черты: из них исчезли определенные сюжетные и поэтические детали, к ним до-

бавились нюансы и колорит местных инородческих сказаний, современные бытовые подробности.

Устные рассказы, содержащие слова лексико-семантического поля «сказка», дают возможность составить представление о том, насколько высоко говорящие оценивают мастерство народных сказителей, какое значение придают условиям возникновения и бытования сказок, как характеризуют поступки сказочных героев, каким образом вплетают в собственный быт сказочные образы и символы, как связывают историю места со сказочными сюжетами, с характером и морально-нравственными ценностями сибиряков. Следовательно, в текстах регионального словаря, иллюстрирующих лексико-семантическое поле «сказка», содержатся важные воспитательные интенции.

Так, о преемственности традиции сказительства (заодно и об условиях бытования сказки) расскажет словарная статья «баять», иллюстрацией к которой служит текст, записанный в 1989 г. от Надежды Кирилловны Винокуровой (1928 г. р.) из д. Толмачево Качугского района Иркутской области:

Ешио баушка Харитина в Верхоленском была. Ой, тоже сказки *баять* мастерица! Ой-ё-ёй! Она приходила к нам, вот там мы жили. А мама... Ну, дружили с мамой, чай попьют оне. Ну, я говорю:

— *Баушка* Харитина, расскажи!

Сядет, начнёт (...). Ну, старинны сказки. Я и сама потом уж. Работала *кода* в интернате, соберёмся, я *имя* это всё рассказываю. А раньше учеников много было. А я сяду к печке, и эти сказки *имя*, чтоб только не дурели да не орали. Где и сама придумую, всяко. И оне, и вот никто меня не обижал. *Сколь* я проработала, никто⁴.

О том, что сказки любили слушать не только дети, но и взрослые, свидетельствуют работы самодеятельных художников и мастериц-вышивальщиц, украшающие стены деревенских домов. Фотографии таких работ, наряду с другими 160–180 видеоиллюстрациями памятников материального быта, предметов народного искусства, фрагментов традиционной архитектуры, производственных процессов, видов селений, домов, интерьера, местного ландшафта включаются в каждый том словаря. Эти фотоматериалы могут быть подспорьем в разговоре о прикладном творчестве земляков, о преемственности эстетических канонов, ценности местных художественных традиций.

В сказках живут могучие и отважные богатыри, говорящие животные, неземные красавицы. Поэтому в народе говорили: «Быль за сказкой не угоняется» или «Бывает свинка золотая щетинка, да в сказках». Таким образом, в ход школьного занятия с воспитательными и познавательными целями может быть включен дополнительный фольклорный фонд — национальная паремия.

Чудесных сказочных вечеров в деревне ждали, к ним готовились. Подготовка к слушанию рождала свои традиции и нормы поведения, представление о которых также расширяет кругозор и воспитывает

важные личные качества современных школьников. Вот что вспоминает о вечерних посиделках Софья Михайловна Шендрёнова (1924 г. р.) из с. Трактовое Тулунского района Иркутской области:

Народ-то раньше дружно жил, а не *абы-как*. Друг к дружке ходили, *вечеро-вали*. Кода и уснут. И до утра. Вот у нас маленька была избёнка, *алектричества*, как *счас* вот, не было. Ребятишки — цела изба. Мама никогда не гнала. Даже шешнадцать, семнадцать лет которы девки приходили. В войну вот соберутся, а голодовка была, мать поставит *аржануху*, *турнепину* достанет, а турнепс большой вырос, нарежет турнепса целый *таз верхним стогом*, а посолить тоже нечем было, чуть-чуть.

— Садитесь, ешьте!

Вот ребятишки эти сядут, знаете, как ели в аппетит!

— Баба Катя, ой, какой вкусный!

Пока мать сказки рассказыват, оне этот таз *охолостят*. Сядет человек пятнадцать, цела изба! Вот этот турнепс ели *замест* мёду! А теперь, милая, хорошее-то не едят. А раньше *турнепец* этот. Пособиратся целая изба, сядут в кружок, мать сядет с *имям* на полу, печку растопят железну, *круг* неё сядут, сидят, наворачивают этот *турнепец*, мать рассказыват-рассказыват эти сказки, сама *прикурнёт*, и оне при ней сядут, один за однем *приткнутся* <...>. Стучатся в окошко утром *матеря*:

— Мои-то тут или нет?

— Да тут, вот они все! Ребяты, вставайте, вас уже *ишшут*. Утро уже!

Ой, вскочат! Кто как побежали домой. Вот. Кажный вечер так вот собирались к нам»⁵.

Сегодняшней молодежи, интересующейся гендерными проблемами, будет интересно, что рассказывали сказки не только женщины, но и мужчины. «Мужская» сказовая стилистика отличалась живостью, динамикой, включением стихов и прибауток:

А он по берегу ходил, Петька, он не Бережков. По берегу ходил — его прозвали *Бережком*. Сам Налунин. Он всё нам рассказывал. Бывало, сядет, печурки же, у печурки. Сам эти пыжи, патроны свои пыжами этими, мы пыжи крутим, все ребятишки крутим ему пыжи с бумаги, а он, значит, всё время сказки нам рассказывал. Как начинат рассказывать сказку, сначала-то, когда мы поменьше были, мы не понимали. Он, видимо, наверно, сам сочинял, начнёт сказку рассказывать, сначала про Илью Муромца, потом сплетёт с Добрыней Никитичем, потом ещё. И вот так и каждый вечер. И мы садимся опять к нему:

— Дяюшка *Бережок*, ну а дальше-то что было?

Он дальше, начинат дальше. И так вот кажный вечер. Или стихи начнёт:

— Колокины Дуньки,

Курицы-кладуньки,

Свиньи умны

Забрались в гумны.

Пива наварили,

Борова женили.

Боров в кафтане,

Свинья в сарафане,

Утка в юбке,

Селезень в сапогах

На высоких каблуках.

Вот такие прибаутки как начнёт нам, мы покатываемся, хохочем. У него много было прибауток:

— Барин заставил меня чай варить,

Долго думал, как же этот проклятый чай сварить.

Туда насыпал всё, и потом барин его долго за чуб таскал.

Потом думат: почему же чай-то не получился?

Да забыл посолить.

Всё⁶.

Так в 2002 году рассказывала Анна Ивановна Сафонова (1932 г. р.) из с. Карам Казачинско-Ленского района Иркутской области.

В словаре есть приложение, которое имеет самостоятельную историко-этнографическую значимость: в нем указаны имена, года рождения, места проживания талантливых рассказчиков — носителей фольклора. По воспоминаниям этих людей, к сказочникам в деревнях было особо уважительное отношение: их заранее приглашали на промыслы, с удовольствием брали с собой, чтобы долгими ночами слушать замечательные истории. Например, Галина Александровна Кулакова (1944 г. р.) из с. Яркино Кежемского района Красноярского края вспоминает:

У нас здесь один дедушка по деревне ходил, сказки рассказывал, дедушка Никон. Который раз у него собирались и по домам водили его, *по околоткам*. Я сама *сколь* раз приводила его! Приведу, потом собираются там вся *околотка*, соседи-то. И вот он всю ночь рассказыват, до утра. Бабушка отправит, говорит:

— Иди сходи по дедушку.

Я приведу его *за бадог*. Он уж *выжился*, годы же, слепой был. Ходить он плохо ходил, *токо за бадогом*, он сам никуда, а память... У него *бадожок* был, вот за него берёшь, он идёт. А он бодро шагал! Он не отказывался никогда, всё время:

— Пойдём, дедушка!

Он идёт. А ему, ну чё, он дома сидит тоже ведь... Он и людей всех знал, вот по голосу или как уж он различал? Всех знал.

Двадцать лет было ему, потерял зрение. А почему *отемнел* — сам по себе, не знаю. Сам по себе. Женатый был уже, *отемнел-то* <...> Но сказок полно знал! Вот думаешь, ну, вот где он их взял? Тогда люди не читали никого. Где вот он взял-то их?

Он хоть с кем ходил, хоть куда. Всю ночь сидит и рассказыват⁷.

В колоритных сказках русских старожилов Байкальской Сибири сила, благородство, честность торжествуют над низостью, завистью, ложью и корыстью. Прибайкальские сказки воспитывают любовь к ближнему, трудолюбие, уважение к старшим, послушание и смирение. Они поучительны, содержат чётко сформулированную мораль, представляют социальные и эстетические оценки самого рассказчика.

Вот одна из таких сказок, записанная от Нины Ануфриевны Плотниковой (1927 г. р.) из с. Икей Тулунского района Иркутской области:

Вот жила одна *женщина*, бедная, вдова была. Ну и детей *у её* много было. Ну, смела уже *тама засек*, последнюю ляпёшечку, муку эту спекла и думат: «Как же разделить эту ляпёшечку?». Приходит старик *к им*. Ну, она кусочек этому деду отломил, дала:

— Может, ты, — говорит, — дедушко, поешь? На, — говорит, — тебе кусочек.

Ну, дед этот взял ляпёшку, съел, поблагодарил и говорит:

— Что начнёте с утра, то не кончите к вечеру.

Ну и ушёл. Ну, эта баба и забыла, что он ей сказал, думает: «Там кусочек холста есть, надо пошить рубашку Ванечке: оборвался совсем». *Яшиик* откры-

ла, потянула этот холст, и он всё тянется, и тянется, и тянется! Уже полна изба этого холста. Солнце закатилось, и работа кончилась. Кончился этот холст. «Ну, — думат, — ничё себе! Вот *скоко* мне Бог послал холста! *Щас* всю семью обую, одену». Прибегат соседка:

— Откуда у тебе чё?

Ну, говорит:

— Так и так.

Ну и она позавидовала, думат: «Ну и мне ж это будет».

— Иди, — на дочку, — пригласи этого деда.

Ну, она пошла, приводит этого деда. Дед этот поздоровался, всё. Давай его *угошшать*, жила *богато* эта баба.

— Иди, — говорит дочке, — окорок принеси.

— Иди да сама неси. Надо ты мне с окороком. — Это уже дочка.

Она сама пошла, сама окорок принесла, бутылку на стол, угощает этого деда.

— Спасибо, я сыт, спасибо.

Ну и уходит.

— А чё ты нам, дед, ничё не пожелал?

— Ну, — говорит, — что начнёте с утра, то не кончите к вечеру.

Ну и пошёл. Ну, эта баба уже кинулася скорей — на полке деньги лежали — деньги считать. Думала, что целый день будет деньги считать. Зацапилася за вядро с водой, опрокинула это вядро, начала воду подбирать. Подбирала, подбирала, *токо* повернулася — обратно. И так до вечера — *всмокрела* вся, вспотела, воду эту всю подтиравши. Как солнце закатилось, так и работа закончилась. И не успела деньги *подишитать*.

Это как сказка. Богатые, оне ж жадные. Вот им наоборот всё и даётся, а бедному Бог помогает⁸.

Прибайкальские сказки, активно попираемые современными коммуникативными трендами, всё ещё стремятся сохраниться в нише традиционной устной народной культуры, народной педагогики. Их просветительный, воспитательный потенциал должен быть использован в разновозрастной школьной аудитории, в различных видах учебной и внеучебной деятельности (познавательной, художественной, краеведческой), в научно-познавательном, художественно-эстетическом направлении внеклассной работы с учащимися.

«Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» не стоит на библиотечной полке, его материалы активно используются педагогами гимназий, лицеев, школ, сотрудниками Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Иркутской области. На уроках и внеклассных мероприятиях по сибирской сказке словарь без напряжения и ненужной дидактики транслирует юным сибирякам традиционные нравственные оценки, передает философскую мудрость старшего поколения младшему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например: Кузбасская деревня в рассказах ее жителей : материалы диалектологической практики (1952–2012 гг.) / отв. ред. С. П. Петрунина. Новокузнецк : изд-во СибГИУ, 2013. 144 с.

² Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание [Электронный ресурс] // Грамота. Ру : [сайт]. [СПб. : Норинт, 1998]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.05.2015).

³ Например: *Матвеева Р. П.* Русские народные сказки Сибири о богатырях [Электронный ресурс] // Сказки народов мира : [сайт]. [Новосибирск: Наука, 1979]. URL: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000042/index.shtml> (дата обращения: 01.05.2015) и др.

⁴ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сороколетов. Т. 2. Иркутск, 2007. С. 354.

⁵ Там же. Т. 1. Иркутск, 2007. С. 109.

⁶ Там же. Т. 3. Иркутск, 2009. С. 220.

⁷ Там же. Т. 9. Иркутск, 2012. С. 278.

⁸ Там же. Т. 4. Иркутск, 2009. С. 203.

Romantcova T. D.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF REGIONAL LEXICOGRAPHY: “THE DICTIONARY OF OLD RESIDENTS’ DIALECTS OF BAIKAL SIBERIA” FOR STUDENTS ABOUT FOLK TALE

“The dictionary of old residents’ dialects of Baikal Siberia” has a special value for the younger generation in particular as a collection of oral texts about the culture of the fairy tale in Eastern Siberia. The narrations of the tale have special educative and educational meaning, as they are included in discussions about the material life and folk art of the Baikal regions.

Keywords: Siberian dialects, fairy folk culture, education and training of students.

НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается проблема отражения языком новых культурных концептов постсоветской реальности. Так как значения слов в языке отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для современного состояния общества, они представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры. В качестве примеров формирования новых концептов, или новых смыслов известных слов, рассматриваются значения таких слов как: либеральный, постсоветский, бюрнес.

Ключевые слова: культурное осознание мира, концепт, ключевое слово, русская этнокультура.

Б. А. Успенский отмечает, что «культура предстает как язык или же совокупность языков, распределенных по своим функциям, — что и позволяет говорить о семиотике культуры»¹. Язык, по мнению автора, не только система коммуникации: это система хранения и организации информации. Это фильтр, определенным образом организующий поступающую информацию и объединяющий всех тех, кто воспринимает ее одинаковым образом. Язык — это не только система коммуникации между людьми, это вообще система коммуникации между человеком и миром. Если только человек обладает языком, то из этого следует, что только он отделяет себя от окружающего его мира. «В этом смысле мы могли бы сказать, что только человек обладает культурой»².

Таким образом, культура — это система отношений, устанавливаемых между человеком и миром. Эта система отношений определяет то, как человек моделирует мир и самого себя.

Культура как семиотический объект предполагает «совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «конотантах» и т. д.); надо только помнить, что нет ни «чисто» «духовных», ни «чисто материальных» рядов³. При этом концепт как элемент культуры приравнивается к некой константе, признаку, существующему постоянно или очень долгое время в языковом сознании (или концептосфере) определенного народа.

Соотношение языка и культуры есть соотношение между целым и его частью. Язык воспринимается как компонент и орудие культуры, что дает возможность выявить изоморфизм между национальной принадлежностью языка и типом национальной культуры. Таким образом, можно говорить о русской лингвокультуре, славянской лингвокультуре, британской или американской лингвокультурах и т. д. Одной из наиболее

ярких работ, посвященных исследованию русской культуры с позиции этнолингвистики и этнокультурологии, является работа Н. И. Толстого. Автор исходит из естественной общности языковедения и этнографии — в их отнесенности к кругу семиотических дисциплин; указывая на этничность и темпорально-пространственную вариативность объектов лингвокультуры — языка и традиционной народной культуры. Согласно Н. И. Толстому, структура культуры обнаруживает сходство со структурой языка еще и в том, что в обоих объектах можно обнаружить явление стиля, жанра, синонимии, омонимии, полисемии. В сфере функционирования и внешних отношений обнаруживаются факты причастности носителей культуры к двум, а иногда и более, культурам (двуязычие, многоязычие)⁴.

Д. С. Лихачев считает язык главным проявлением культуры, потому что богатство языка определяет богатство «культурного осознания» мира. В своих «Заметках о русском» Д. С. Лихачев пишет о корнях русской культуры, к которым он причисляет помимо собственно русского языка, литературу, фольклор и всю соседствующую культуру, включая в нее культурные концепты природы, доброты, простора и пространства, русского народного характера, национального идеала и национальной действительности, патриотизма, пейзажную живопись, сады и парки и др. Становление русской культуры на пространстве Киевской Руси в средние века (IX–XIII вв.) Д. С. Лихачев объясняет влиянием сложного объединительного фактора языкового единства и фольклора. Различия в разговорном языке в отдельных областях были незначительными. Язык повсюду был единым. «Для древнерусской народности язык играл первую роль; и не случайно в древнерусском языке одно из значений слова «язык» было именно «народ»⁵.

Сегодня понимание того, что культурное многообразие во многом обуславливается языковым многообразием, разделяется большинством исследователей. Наиболее ясно и последовательно положения данного изоморфизма изложены в работах Анны Вежбицкой, которая доказывает, что значения слов в разных языках отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого общества (или языковой общности), и что они представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры. К факторам культурной значимости относится показатель частотности употребления слова в языке, по сравнению с близким по значению словом в другом языке. Например, если частотность английского слова *homeland* равна 5, а частотность русского слов *родина*, переводимого в словарях как *homeland*, равна 172, это можно интерпретировать как культурную значимость концепта «родина» для русской культуры⁶.

Наряду с факторами культурной разработанности и частотностью, другим важным принципом, связывающим лексику языка и культуру,

является, по мнению А. Вежбицкой, «принцип ключевых слов». Ключевые слова представляют собой слова, особенно важные и показательные для определенной национальной или этнокультуры. В качестве ключевых слов русской этнокультуры автор приводит, например, слова *судьба*, *душа*, *тоска*, которые дают специфическое представление о системе ценностей, представлений, ожиданий⁷.

Сегодня к числу ключевых слов русской языковой культуры можно с полным основанием отнести и слово *либеральный*, *либерал*, отражающие некие новые реалии постсоветской повседневной жизни.

Рассмотрим понятийный потенциал концепта «либеральный», представленный по данным современных лексикографических изданий.

Либеральный: прил. 1) соотносящийся по знач. с сущ. либерализм; либерал; связанный с ними. 2) Свойственный либерализму, характерный для него. 2. прил. 1) Проявляющий излишнюю терпимость, вредную снисходительность, попустительство. 2) устар. Свойственный либерализму, характерный для него; свободомыслящий⁸.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова содержит следующие дефиниции:

Либеральный: 1. Прил. проникнутый либерализмом (*Либеральные речи. Либеральные реформы. Либеральная болтовня*). 2. только полн. формы. Название политических организаций и партий в разных странах (первонач. с буржуазно-демократической, конституционной программой, включающей между прочим гражданские свободы и свободную торговлю; полит.). Либеральная партия в Англии. Либеральная партия в Румынии (на самом деле одна из правых партий)⁹.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, А. Н. Чудинова¹⁰:

Либеральный: (лат. liberalis, от liber граждански свободный). Свободомыслящий, стоящий за свободный образ правления.

Как видно из цитируемых источников понятийный потенциал концепта либеральный включает три основных компонента значения: 1) проникнутый либерализмом или соотносимый с ним, 2) принадлежащий к соответствующей политической партии, 3) свободомыслящий, излишне терпимый, снисходительный.

Отличие от традиционных смыслов концепта, связанных с указанными дефинициями, в повседневной языковой практике слово *либеральный* используется в несколько других смыслах. Например:

В выступлении В. Путина каждый услышал то, что хотел. Одни — жесткое отвержение гегемонии Запада, причем теперь уже не только политической, как в мюнхенской речи 2007 года, а морально-нравственной. Другие — махровый консерватизм. Третьи — призыв к единению, диалогу либералов с левыми, а представителей разных культур друг с другом (Огонек, 2013. № 38).

В данном контексте ясно прочитывается новый когнитивный признак концепта «либеральный», представленный лексемой *либерал*, подразумевающий смысл оппозиционный власти, выступающий против консер-

вативных ценностей. Концепт «либеральный» репрезентирует сегодня в русской культуре «стремление к гибкости и переменам», открытость и доступность мира для «активного» человека, а также такие смыслы как: «оппозиционность», «прозападная ориентированность», «критичность».

Другим ярким примером новых концептуальных значений, обнаруживаемых в повседневной языковой практике, является употребление слова *постсоветский* и его синонимов, отражающих наличие новых ценностных ориентиров общества. Рассмотрим традиционный круг значений слова *постсоветский*: истор. относящийся к периоду после распада СССР¹¹.

В нашей постсоветской истории было два таких критических момента (Время МН, 2003).

Сегодня слово *постсоветский* приобретает ряд новых концептуальных признаков, характерных для более идеологизированной коммуникации. Например: «*Постсоветское* время дискредитировало едва ли не все понятия, вызывавшие энтузиазм на рубеже эпох, привело к разобщению и разочарованию» (Огонек, 2013. № 38). Так, синонимом *постсоветский* выступает слово *новосоветский*:

Я отслеживаю книги, которые появляются у новосоветских авторов, знаю, какие из них будут на выставке и даже предсказываю, получат в скором будущем литературные премии (Огонек, 2014. № 34); *И раз сегодня есть восторг от новосоветских авторов — их (по)читатели уже выбрали себе будущее* (Огонек, 2014, № 34). Очевидно, круг значений *постсоветский* (и *новосоветский*) расширяется за счет включения в семантику слова смыслов «социальное», «реалистичное», «народное», «патриотичное», «государственное». См.: *Я за этот народ, а идейная проза, входящая в государственную моду, а если говорить об эстетике — эпигонство соцреализма. Большие толстые социальные романы с идеей войны, борьбы за будущее. Читатель поворачивается к советскому вместе с ними* (Огонек, 2014, № 34).

И наконец, знаковое слово современной медиа коммуникации — *бюзнес*, значение которого — «бюрократия, занимающаяся бизнесом». Слово модное, как и само явление. Частотность употребления данной лексемы может свидетельствовать о процессе формирования соответствующего концепта, см.:

Строго говоря, постсоветский класс «бюзнеса» в отдельной политической партии не очень-то и нуждается (Огонек, 2014. № 34). *Партии избирателю действительно надоели, а надо же его, сердешного, кормить какой-то идейной соломой. Вот «бюзнес» и старается. Про беспартийность, про империю, по монархию и прочие прелести* (Огонек, 2014. № 34).

А. Вежбицкая подчеркивает, что язык, его лексика, представляет собой лучшее доказательство реальности культуры¹², в смысле исторически передаваемой системы установок и представлений, которые фиксируются средствами так называемых ключевых культурных концептов (или семантических примитивов), исследуемых с помощью методов когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Новые концепты, появляющиеся в форме частотных лексических единиц в русском язы-

ке, отражают новые культурные явления, характерные для современной эпохи русской лингвокультуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. 608 с.

² Там же. С. 4.

³ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 40.

⁴ Толстой Н. И. Язык и национальная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1995. 512 с.

⁵ Лихачев Д. С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 2. Великое наследие; Смех в Древней Руси: Монографии. Л.: Художественная литература, 1987. С. 472.

⁶ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 276.

⁷ Там же.

⁸ Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. 1233 с.

⁹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. Т. 2. М.: гос. ин-т «Сов. энциклопедия», гос. из-во иностр. и нац. слов, 1938.

¹⁰ Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов. СПб.: Издание В. Н. Губинского, 1909. 679 с.

¹¹ Постсоветский [Электронный ресурс]. Русский викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/постсоветский/>

¹² Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Цит. соч. С. 270.

Ryabova M. Yu.

NEW CONCEPTS OF POST-SOVIET CULTURE

The article deals with the problem of language codification of new cultural concepts of post-Soviet reality. As word semantics reflects the way of life and thinking typical for a given period of society, the words present significant keys of understanding culture. The process of formation of new concepts is exemplified by such words or new meanings of the words as “liberal”, “post-Soviet”, “bureauness”.

Keywords: cultural world cognition, concept, keywords, Russian ethnoculture.

Савойская Наталья Павловна

Костанайский государственный университет, Казахстан

natasav2003@mail.ru

Нефедова Лилия Амирянна

Челябинский государственный университет, Россия

lan2@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы языкового представления субъектов оценочных высказываний. Основным критерием для выделения типов субъектов является наличие индивидуального и социального компонентов знания и опыта в высказывании, а также эксплицитная или имплицитная выраженность субъекта. Кроме того, вводится понятие взаимного субъекта, т. е. такого, который предполагает апелляцию к мнению собеседника, подразумевает его согласие с оценкой говорящего, либо отражает желание говорящего получить ответное суждение.

Ключевые слова: оценка, субъект оценки, виды субъектов оценки, социальное и индивидуальное в оценке.

Оценочные высказывания — одна из наиболее трудно поддающихся системному описанию сфера языка. Несмотря на то, что они привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, едва ли найдется работа, в которой в полной мере и в полном объеме освещены все аспекты лингвистических средств передачи оценочных смыслов как в русском, так и в иностранных языках. основополагающей работой в данной области в российской лингвистике является работа Е. М. Вольф¹, в которой оценка рассматривается как языковая категория, имеющая определенную структуру и представленная в языке как эксплицитными, так и имплицитными средствами. Безусловно, самым масштабным компонентом оценочной структуры является оценочный предикат, которому посвящен ряд исследований как на материале русского, так и иностранных языков (см. Вилинбахова², Гаврилова³, Николенко⁴, Мартин и Уайт⁵, Табоада, Карретеро и Хиннелл⁶, Байбер⁷).

Одной из трудностей на пути исследователей лингвистической оценки представляется подборка и анализ фактического материала. В этом плане несколько облегчает работу исследователей корпусная лингвистика, позволяющая в сжатые сроки проанализировать данные имеющихся корпусов или же составить собственные корпуса, используя задаваемые программами критерии (см., например, Ханстон⁸). Недостатком данной методики является ее ограниченность в плане невозможности отбора высказываний с имплицитно выраженной оценкой, что, в свою очередь, делает такое исследование односторонним.

В связи с развитием и становлением когнитивной лингвистики оценка рассматривается как когнитивная категория, в частности, Н. Н. Болдырев⁹, подчеркивая внутриязыковую природу оценки, указывает, что оценка представляет собой процесс вторичной концептуализации, осуществляемой при помощи вербализованных ранее концептов. Важное положение когнитивной лингвистики об антропоцентричности знания находит отражение и в том, что оценка, формируемая в результате переосмысления действительности, является отражением не только индивидуального, но и коллективного знания. На основании данного положения мы предполагаем, что при исследовании некоторого корпуса оценочных высказываний можно делать выводы о коллективном знании, о коллективной концептуализации действительности.

Одним из компонентов оценочной структуры является, как известно, субъект оценки, т. е. лицо, высказывающее свое оценочное суждение по отношению к явлению, предмету, собеседнику и т. д. Поскольку человек всегда является представителем того или иного коллектива, его мнение, его ценностная концептосфера имеют коллективные основания, т. е. на уровне сознания человек зависит от коллективно выработанных знаний, опыте, морали. Тем не менее, индивид не перестает быть индивидом (Он яркая индивидуальность!), и в лингвистической теории оценок в особую группу выделяются случаи индивидуальной оценки, когда индивидуальное мнение преобладает над коллективным. Провести черту между коллективным и индивидуальным в субъекте непросто, тем не менее, существуют определенные критерии их разделения. Так, Е. М. Вольф отмечает, во-первых, прямые способы номинации индивидуального субъекта оценки через языковые средства: *по-моему, по-твоему, я думаю, мне кажется, он считает* и т. д.; во-вторых, индивидуальная оценка отличается большей аффективностью, «индивидуальный субъект более «пристрастен», чем «общее мнение», социум»¹⁰.

Идея выделения эмоциональных оценочных высказываний неоднократно привлекала внимание многих исследователей, однако большинство работ ограничены именно изучением средств передачи эмоционального состояния, оставляя без должного внимания оценочные суждения и собственно оценку, какими их видят, например, Дж. Р. Мартин и П. Р. Р. Уайт¹¹. В системе оценочных значений, или значений отношения (*attitude*), они выделяют три семантические области: эмоции, этику и эстетику; на этом основании разрабатывается классификация оценочных высказываний, и выделяются этические (или моральные, направленные на оценку поведения), эмоциональные и собственно оценочные (или эстетические, направленные на оценку текста, процесса, природных явлений). Следует отметить, однако, что Дж. Р. Мартин и П. Р. Р. Уайт, выделяя три указанных типа оценочных высказываний, не затрагивают субъект оценки, который они анализируют иначе, соглас-

но теории о диалогичности речи, предложенной изначально М. М. Бахтиным, где выделяются моно- и гетероглосные высказывания; речь говорящего изучается с точки зрения включенности в нее социально важных установок и ценностных ориентиров. Как мы видим, упомянутые авторы также исходят из положения о социальной обусловленности оснований оценок, однако критерии выделения моно- и гетероглосных субъектов и индивидуальных и социальных субъектов слишком различны, чтобы ставить их в один ряд. Основанием для отнесения высказывания к гетероглосным является его потенциал к продолжению диалога, вовлечению собеседника в разговор. Сама категория называется по-английски *engagement*, т. е. приглашение, привлечение, вовлечение, и в нее включаются такие значения, в которых а priori заложены предшествующие высказывания, альтернативные взгляды и возможные ответы собеседника. Так, предложение *In my view the banks have been greedy*¹² (По-моему, банки пожадничали) является примером гетероглосного высказывания, т. к. предполагается, что есть и другие мнения, т. е. происходит аппликация к мнениям окружающих, вовлечение их в диалог. Поскольку на данном этапе исследования важным представляется языковое конструирование субъекта оценки в плане вовлеченности в него индивидуального и социального компонентов знания, классификация проводилась на основании типов субъектов, предложенных Е. М. Вольф. Тем не менее, выделение моно- и гетероглосных субъектов представляется перспективным направлением исследования; если проводить его на материале нескольких языков, это может привести к интересным выводам культурологического плана.

Предположительно языковые способы конструирования субъекта в рамках оценочных высказываний могут в определенной степени отражать особенности национального мышления, а их интерпретация на материале большого корпуса текстов, несомненно, способствует изучению специфики мировидения. В такого рода исследованиях следует, во-первых, обращать внимание на эксплицитность и имплицитность оценки, высказанной индивидуальным и социальным субъектами. Эксплицитная оценка выражена языковыми средствами с оценочной семантикой (примеры 1–3), в то время как для имплицитных оценочных смыслов характерно ее видимое отсутствие, которое восполняется контекстом высказывания, составляющим фон для восприятия оценочных смыслов (примеры 4–6).

1. Ах, какие вы прекрасные ребята!¹³
2. Ты что такой похнюпый?¹⁴
3. Мне так неудобно..¹⁵
4. Какая разница, за кого голосовать?¹⁶
5. Это не по-человечески!¹⁷
6. Он рассказывает о том, что ему не дают ставить спектакль... Ему не с кем общаться..¹⁸

Пример 1 представляет собой аффективную оценку, выраженную не только при помощи оценочной семантики слова *прекрасный*, но и посредством междометия *ах*, а также восклицательного знака. Несмотря на то, что в предложении отсутствует какое-либо указание на субъект оценки, очевидно, что она высказана от лица говорящего и обусловлена эмоциональным подъемом в момент говорения. Субъект оценки совпадает с говорящим и в примерах 2 и 3, с той разницей, что в примере 2 оценка состояния адресата отрицательна. А вот в примере 3 субъект оценки конструирован иначе: он представлен лексически личным местоимением *я (мне)*; в данном случае это говорящий.

В примерах 4–6 с имплицитной оценкой субъекты репрезентированы иначе. В предложении 4, где эксплицируется безразличие в отношении голосования, что является скорее отрицательным, нежели положительным явлением (если исходить из того, что голосование — это участие в дальнейшей судьбе общества, а безразличное к нему отношение — это, в свою очередь, и безразличие к себе и окружающим, а также неверие в результаты голосования), субъект оценки не представлен лексическими единицами; нет также и указания на адресата, или собеседника. Данный случай оценки нельзя назвать аффективным. Персонаж обобщает мнение некоей группы людей, следовательно, субъект оценки в данном случае — коллектив, членом которого и является говорящий. Подобный случай конструирования субъекта оценки видим и в примере 5, где оценивание некоторого явления как нечеловеческого подразумевает, что участники разговора имеют представление о том, что что-то бывает «по-человечески», а что-то «не по-человечески»; такого рода знания основаны на предыдущем опыте членов одного коллектива, социальной или культурной группы.

Пример 6 представляет собой иной случай репрезентации субъекта оценки. Говорящий пересказывает слова третьего лица о вызывающих сожаление фактах его жизни, он не оценивает сам, а относит оценку на счет первичного автора (ср.: *Ему не дают ставить спектакль... Ему не с кем общаться* — здесь оценивает ситуацию тот, кто говорит). Нечто подобное можно наблюдать в общих вопросах с оценочной семантикой, обращенных ко второму лицу, например: *Тебе нравится Хэми?*¹⁹ Говорящий не оценивает сам, но вопрос подразумевает оценку объекта собеседником, он как бы вовлекает собеседника в процесс оценивания объекта.

В русском языке есть разные языковые способы вовлечения собеседника в процесс оценки:

7. Тебя не огорчает, что тебе уже двадцать лет, а ты по-прежнему полный дебил?²⁰
8. И, заметь, они никогда не хамили старшим²¹.
9. Здорово, да?²²
10. Что, неприятно?²³
11. Давай соврем что-нибудь?²⁴

Как мы видим из приведенных примеров, субъект оценки не только высказывает собственное суждение по тому или иному поводу, но и проецирует в концептуальный мир собеседника с тем, чтобы приобщить его

к оценочной ситуации. Адресат при этом может высказать собственную оценку, отличную от оценки говорящего, однако важным для нас является именно факт стремления субъекта к объединению двух концептуальных миров, что является своеобразным показателем концептуального мира самого говорящего.

При изучении способов конструирования субъекта в оценочных высказываниях обращает на себя внимание и степень соотносительности индивидуального и социального в субъекте. Как указывалось выше, едва ли можно провести четкую грань между индивидуальным и коллективным знанием ввиду их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Так, в предложениях *И считаю это верным*²⁵ и *Я постарел*²⁶, несмотря на эксплицированность индивидуального субъекта («считаю» и «я»), нельзя не заметить присутствие социального компонента: участники коммуникативного акта должны иметь общее представление о «верном» и «постаревшем», иначе коммуникативная интенция говорящего останется непонятой. Иначе обстоит дело с субъектом в предложении *Любимая моя сказка*²⁷, где он также эксплицирован как индивидуальный («моя»), однако это не означает, что слушатель и говорящий должны иметь общее представление о «любимой сказке»: одному в сказке нравятся персонажи и способ повествования, другому идея и мораль, а третьему она нравится как память о детстве, когда ребенком зачитывался книжку с красивыми картинками. Таким образом, субъект в последнем примере высказывает собственное мнение, без обращения к концептуальному миру социума.

Как мы видим, субъект оценки может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно; в случае имплицитного субъекта для его вычленения в оценочном высказывании нередко необходимо обращение к контексту. Субъект оценки не всегда совпадает с говорящим (общественное мнение), он может сочетать в себе индивидуальный и социальный компоненты оценочного знания, а также апеллировать к мнению собеседника, подразумевать его.

Приведенные примеры демонстрируют, что для изучения способов конструирования субъектов оценочных высказываний необходимо обращаться к каждому предложению в отдельности, подвергая его не только лингвистическому, но и логическому, когнитивному анализу. Как известно из работ по теории когнитивной лингвистики, далеко не все понятия и мыслительные процессы отражены в языке, и в случае имплицитной информации необходимо работать с каждым конкретным примером в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

² Вилинбахова Е. Л. Оценочный компонент стереотипов профессий в языке // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2009. С. 50–52.

**ПОСЛОВИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ЗАПРЕТА
КАК ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОРЕЧЕВЫХ ЗАПРЕТОВ)**

В статье рассматриваются русские пословицы с семантикой запрета, в частности, содержащие указание на этноречевые запреты. Ставится вопрос о возможности их включения в структуру активного лингвострановедения как языковых маркеров национально-культурного сознания. Подчеркивается роль подобных специализированных единиц в создании целостной картины национального коммуникативного поведения русского народа, поскольку в них аккумулируется мировидение русского народа и отражаются его ценностные ориентации.

Ключевые слова: семантика запрета, языковые маркеры, национально-культурное сознание, этноречевые запреты, коммуникативное поведение

Известно, что основными объектами изучения на занятиях по лингвострановедению становятся «безэквивалентная лексика, *невербальные средства общения*, языковая афористика и *фразеология*, которые рассматриваются на занятиях с точки зрения отражения в них культуры, опыта людей, говорящих на данном языке¹.

Можно предположить, что они становятся своего рода *языковыми маркерами национально-культурного сознания*, которые принято понимать как «включенность национально-культурных знаний» в структуру языка и его единиц в виде фоновых знаний, принадлежащих этнолингвокультурному сознанию языковой личности².

В свою очередь, этнолингвокультурным сознанием определенного сообщества задается программа коммуникативного поведения языковой личности³. Как отмечают исследователи, «коммуникативное поведение характеризуется определенными нормами, которые позволяют охарактеризовать его как нормативное или ненормативное»⁴. К подобным нормам коммуникативного поведения мы относим и этноречевые запреты, принципиальная сущность которых состоит в том, что они накладывают запрет на осуществление речепроизводства в определенных коммуникативных ситуациях. В целом этноречевой запрет является невербальным компонентом речевой коммуникации, выступающим в форме безальтернативного *коммуникативно-значимого молчания*. Обнаружить и сформулировать их можно только в том случае, когда они нарушены и корректируются коммуникативным окружением. Раскрыть же их коммуникативную сущность, описать систему правил, ограничивающих или останавливающих процесс речепроизводства, можно, если обратиться к рассмотрению корректирующих высказываний, в содержатель-

³ Гаврилова Е. Д. Оценочные категории "GOOD" и "BAD" в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2005. 172 с.

⁴ Николенко Ю. В. Типы оценок, выражаемых с помощью имен прилагательных, обозначающих *геометрическую* форму объекта // Вопросы когнитивной лингвистики / под ред. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. № 3. С. 126–131.

⁵ Martin J. R., White P. R. R. The language of evaluation. New York: Palgrave, 2005. 256 p.

⁶ Taboada M., Carretero M., Hinnell J. Loving and hating the movies in English, German and Spanish // Languages in Contrast. 2014. № 14 (1). P. 127–161.

⁷ Biber D. Stance in spoken and written university registers // Journal of English for Academic Purposes. 2006. № 5. P. 97–116.

⁸ Hunston S. (2011). Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language. New York. London: Routledge, 2011.

⁹ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 177–179

¹⁰ Вольф Е. М. Цит. соч. С. 70.

¹¹ Martin J. R., White P. R. R. Op. cit.

¹² Ibid. P. 100.

¹³ Прилепин З. Грех и другие рассказы [Электронный ресурс] // Название сайта: [www.e-reading.link]. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/1005411/Prilepin_-_Greh_i_drugie_rasskazy.html (дата обращения: 20.01.2015).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Филиппов Д. С. Стратегия 19 [Электронный ресурс] // Название сайта: [http://magazines.russ.ru]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/f8.html> (дата обращения: 20.01.2015).

¹⁷ Закашанский К. Бомба [Электронный ресурс] // Название сайта: [http://magazines.russ.ru]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/z6.html> (дата обращения: 20.01.2015).

¹⁸ Прилепин З. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Алексеев И. Костюм [Электронный ресурс] // Название сайта: [http://magazines.russ.ru]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/1/a4.html> (дата обращения: 20.01.2015).

²² Прилепин З. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Savoiskaya N. P., Nefedova L. A.

**SPECIAL ASPECTS OF EVALUATIVE UTTERANCES ELABORATION
IN RUSSIAN LANGUAGE**

The article is devoted to the patterns of construction of the evaluative utterances subjects. The main criterion for distinguishing subject types is the individual and social knowledge component in the utterance, as well as explicitness or implicitness of the subject. Besides, the notion of mutual subject is introduced as the one appealing to the opinion of the interlocutor, implying his agreement with the speaker's evaluation or demonstrating the expectation of a reciprocal appraisal.

Keywords: evaluation, subject of evaluation and its types, the social and the individual in evaluation.

ном плане представляющих исправление речи собеседника. Подобные корректирующие высказывания выполняют функцию указания одним из собеседников на наличие нарушения этноречевого запрета со стороны собеседника посредством неспециализированных языковых средств (*Так нельзя говорить. Ты зачем так сказала?* (Е. Каплинская «Метро — моя остановка»)) и специализированных языковых средств. На наш взгляд, последние могут стать объектом рассмотрения на занятиях по лингвострановедению, поскольку позволяют извлекать из единиц языка страноведческую информацию, тем самым повышая лингвострановедческую компетенцию⁵.

Ярким иллюстративным материалом к сказанному могут стать фразеологизмы *Держать язык за зубами* и *Яйца курицу не учат*, которые, как мы полагаем, не допускают иной интерпретации, кроме указания на наличие нарушения запрета на речепроизводство. Причем запрет накладывается на использование, в частности, жанра назидания в дуальной оппозиции «старший» ↔ «младший», «начальник» ↔ «подчиненный». Для подтверждения этой мысли обратимся к историко-этимологическому анализу.

Фразеологизм *Держать язык за зубами* во «Фразеологическом словаре русского языка» имеет следующую дефиницию: «Молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях»⁶. Автор словаря-справочника «Русская фразеология» Р. И. Яранцев дает такое толкование анализируемой фразеологической единицы: «Быть очень осторожным и сдержанным в своих речах, быть молчаливым, скрытным, не говорить ничего лишнего». В качестве наиболее распространенного варианта ученым указывается вариант с глаголом в форме императива: «держи (-те) язык за зубами»⁷. А. М. Мелерович в словаре «Фразеологизмы в русской речи» дает более широкое по содержанию толкование к рассматриваемому фразеологизму: «Быть осторожным в своих высказываниях; умалчивать о чём-л.; хранить в тайне что-л.; молчать, чтобы не проговориться, скрыть что-л.»⁸. Согласно данным «Словаря русской фразеологии: историко-этимологического справочника», выражение *Держать язык за зубами* является «собственно русским»⁹. В целях же установления истинной мотивировки данного выражения как источника всех зафиксированных трансформаций А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко дается историко-этимологический комментарий. Данное «выражение обычно считают фрагментом пословицы *Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами*. Саму пословицу возводят к конкретному историческому анекдоту. Любимец и баловень императрицы Елизаветы Петровны, стремительной Гаврилы Извольский в день своих именин получил от неё пирог, начинённый рублевыми монетами. На вопрос императрицы, по вкусу ли ему пирог с груздями, Гаврилы ответил: „Как не любить царского пирога с грибами...“ Несмотря на эту и другие ми-

лости, Г. М. Извольский все-таки проболтался, и его пытали в Преображенском приказе за невоздержанность на язык. Помилованный затем императрицей, Извольский якобы изрек: „Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами“»¹⁰.

Лингвисты признают, однако, что данная пословица, хотя и «ведет свою историю от конкретного случая»¹¹, все же «вторична и по отношению к этому историческому анекдоту, и по отношению к самому фразеологизму. Он более древен, о чем свидетельствуют фразеологические точные параллели в разных славянских языках — ср., например, чеш. *Držet jazyk za zuby*. Пословица имеет народное происхождение и „спровоцирована“ рифмой „грибами-зубами“. Ср. близкие по образцу пословицы и поговорки: *Ешь калачи, да поменьше лопочи; Губы да зубы — два забора; В зубах не удержал, губами не удержишь; Держать язык на привязи...*»¹².

Отметим, что особое место в практике преподавания русского языка как иностранного занимают тексты культуры, посвящённые репрезентации образа жизни человека определенного этноса. И такие компоненты текста, как пословицы и поговорки с семантикой запрета на речепроизводство, могут выступать эталонами конкретного поведения русского человека. В свою очередь, при их лингвострановедческом анализе будет интересным показать, что нарушение норм и стереотипов поведения и сегодня влечет за собой коррекцию со стороны коммуникативного окружения. Приведем наш пример: — *Мой тебе совет, птенец: вырастешь, пойдешь работать — держи язык за зубами.* (Корнев Р. Семейная фотография).

Семантику запрета на речепроизводство содержит и пословица *Яйца курицу не учат*. В словаре «Фразеологизмы в русской речи» анализируемая пословица представлена следующей дефиницией: «Младший неопытный не может научить, наставить старшего, обладающего жизненным опытом»¹³. Лингвисты отмечают, что «пословица известна в разных вариантах (напр. *Курицу яйца не учат* и употребляется также как поговорка *Курицу яйца учат* (шутл.-ирон.) — «о молодом и неопытном человеке, поучающем старшего и опытного». Она известна и некоторым другим славянским языкам: укр. *Курку яйця не вчать; Яйця курей учат; Разумніші яйця за кури* и под. По образцу они перекликаются с нем. *Das <...> „Яйцо хочет быть умнее курицы“*; фр. *<...> „Гусята хотят повести гусей пастись“*, *<...>* такие варианты и параллели подчёркивают иронично осуждающий характер пословицы»¹⁴. В. П. Фелицина и Ю. Е. Прохоров в «Лингвострановедческом словаре» относительно пословицы *Яйца курицу не учат* пишут, что так «говорится обычно с пренебрежением к совету того, кого считают моложе и неопытнее»¹⁵. Авторы словаря «Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь» отмечают, что пословицу «*Яйца курицу не учат*» используют и тогда, когда «молодой человек родителей поучает»¹⁶.

Приведём наш пример коррекции нарушения данного этноречевого запрета:

Усачев. Нет, я вам только предупреждаю. А угрожает вам жизнь. Ведь вы сознательно не замечаете того, что может вас как-то задеть или расстроить. Нельзя так жить, Константин Николаевич, в наше время.

Боков. Ну, знаете... Яйца курицу не учат! (Ленч Л. Большие хлопоты).

Как видим, использование жанра назидания является коммуникативной нормой только тогда, когда данный жанр направлен на младшего. Таким образом, этот социальный вектор маркирован, безусловно, в пользу старшего или начальника.

Приведенные примеры подтверждают мысль о том, что система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях¹⁷. Подобные специализированные единицы играют особую роль в создании целостной картины национального коммуникативного поведения русского народа, поскольку в них отражаются его ценностные ориентации. Декодирование их культурноносного смысла в процессе обучения русскому языку как иностранному позволяет представить релевантные нормы национального коммуникативного поведения народа страны изучаемого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. С. 128.

² Привалова И. В. К определению понятия языковые маркеры национально-культурного сознания // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 91–97.

³ Привалова И. В. Указ. соч. С. 91–97.

⁴ Прохоров Ю. Е., Стернин А. И. Русские коммуникативное поведение. М.: «Флинта», «Наука», 2006. С. 16.

⁵ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Указ. соч. С. 128.

⁶ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е. Ф. Губский и др. М.: Инфра, 1998. С. 138.

⁷ Яранцев Р. И. Русская фразеология: Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык, 1997. С. 369–370.

⁸ Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Слов. [Ок. 1000 ед.]. М.: Русские словари, Астрель, 2001. С. 817.

⁹ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 648.

¹⁰ Мелерович А. М. Указ. соч. С. 817.

¹¹ Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. С. 648.

¹² Мелерович А. М. Указ. соч. С. 818.

¹³ Там же. С. 826–827.

¹⁴ Там же. С. 826–827.

¹⁵ Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Рус. язык, 1988. С. 116.

¹⁶ Зимин В. И. Указ. соч. С. 410.

¹⁷ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры. 1996. С. 215.

Sadykova I. A.

PROVERBS WITH THE SEMANTICS OF THE LANGUAGE BAN AS MARKERS OF NATIONAL AND CULTURAL CONSCIOUSNESS RUSSIAN (BASED ON VIOLATIONS OF THE ETHNO-RACIAL BANS)

The article deals with the semantics of Russian proverbs, in particular, set expressions containing a reference to ethno-racial bans. The question about the possibility of their inclusion in the structure of the active linguo-cultural capacity as linguistic markers of national and cultural consciousness is raised. The research emphasizes the role of such specialized units in the creation of a coherent picture of the national communicative behavior of the Russians. It is claimed that ethno-racial bans accumulate vision of the world of the Russian people and reflect their culture. Decoding their cultural meaning in learning Russian as a foreign language allows to present relevant norms of national communicative behavior of the country.

Keywords: proverbs, semantics ban, linguistic markers, ethnic and cultural consciousness, ethno-racial bans, communicative behavior.

философии языка и Бахтина и Рождественского, сущностный для информационной эпохи. Здесь важно помнить, что под словом имеется в виду не только слово как лексис, но и слово как произведение речи. Отсюда для нашего рассуждения другим не менее значимым аспектом философии языка Бахтина, является развитие им теории нарратива как теории риторической.

Нарратив по природе своей является ситуативно-обусловленной интерпретацией ряда событий. Именно этот момент подчеркнут в следующем высказывании Бахтина: «Перед нами два события, событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания...; события эти происходят в разные времена ... и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте ... Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов»⁹. Целостность и нераздельность создается оценкой, которая и проецирует определенное эмоционально-оценочное отношение к предмету речи, делая его иллюстрацией той или иной идеи. Бахтин говорит об интонационной и семантической метафорах.

В наше время убеждающий потенциал нарратива вполне осознан и эта форма речи стала основной в управлении массовым сознанием как в коммерческих, так и в политических целях.

Возникает вопрос: в чем действенность повествовательной формы речи?

Повествование достигает цели косвенным путем: автор выбирает те события и факты, совокупность которых повлечет за собой определенный вывод, создаст определенный образ предмета речи. «Отбор элементов и их свойств создает не только историю, но также перцептивную, пространственную, временную, идеологическую и языковую точку зрения, с которой воспринимаются и осмысливаются события»¹⁰. Ю. В. Рождественский относил такой метод изложения к эристической аргументации и называл просеиванием фактов¹¹.

Кроме того, как показано в «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского¹², сюжет — это метафорическая картина мира и потому, как и всякая метафора, является суггестивным приемом воздействия. Суггестивный потенциал метафоры состоит в том, что один предмет непосредственно замещает другой, и это не оставляет места рассуждению. Медийные тексты (включая кино) конструируют истории о реальных людях, и эти истории являются теми метафорами, «которыми мы живем».

Работа М. М. Бахтина «К философии поступка» написана в 1919–1921 гг. в начале бурного развития массового общества и средств массовой коммуникации. И. Пешков отмечает, что «Бахтин с самого начала писал глобально новую риторику», риторику массового общества, он со-

здавал новую «риторическую парадигму, корень которой в архитектонике поступка»¹³. Пожалуй, наиболее полное воплощение это намерение Бахтина нашло в современной риторике Ю. В. Рождественского, окончательно оформленной в самом конце XX века в таких работах, как «Теория риторики», «Принципы современной риторики», «Философия языка и учебный предмет». Как бы отвечая Бахтину, Рождественский пишет, что в XX веке глобальная безответственность речевого поступка стала реальностью, с которой не справляется даже право и которой нельзя избежать: «...создание СМИ как коллективного и глобального текста сделало фактически невозможным правовой контроль над содержанием текстов. СМИ постепенно содействовали распространению безграничной возможности диффамации уже не только личности, но и целых общественных групп, институтов, страны, продукции; расшатывали семейные устои, агитировали за разрушение гражданского порядка в обществе. Притом, что de-jure цензурные законы по-прежнему сохраняются в разных формах и направлены на то, чтобы препятствовать развитию общества вседозволенности»¹⁴. Такое положение вещей «выдвигает первую задачу риторики. Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давать себя увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции. Обе задачи должны опираться на культуру данного общества»¹⁵.

Сейчас много говорят о важности критического мышления и введении специальных курсов критического мышления¹⁶, часто его развитие связывают с курсом медиаграмотности и понятием медиакомпетентности¹⁷. Однако как показывает наше рассуждение, развитие критического мышления надо начинать на уроках литературы, риторики, аналитического чтения. Не имея в руках должных филологических знаний, противостоять рассмотренным в статье видам манипуляции практически невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахтин М. М.: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. 552 с.; Бахтин М. М.: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. 712 с.; Кожин В. В. Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М: Молодая гвардия, 1990. 252 с.

² Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 9–69.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 52–53.

⁵ *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. М.: Флинта: Наука, 1999. С. 64–65.

⁶ *Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 34.

⁷ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. С. 104.

⁸ Сто лучших слоганов мировой рекламы. [Электронный ресурс] // AdMe. URL: <http://www.adme.ru/rejting-adme/100-luchshih-sloganov-mirovoj-reklamy-23755/> (дата обращения 15.10.2014).

⁹ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 403–404.

¹⁰ *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 14

¹¹ *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М.: Добросвет. 1997. С. 277.

¹² *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

¹³ *Пешков И. В. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка.* М.: Лабиринт, 1996. 176 с.

¹⁴ *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. Москва: Флинта: Наука, 1999. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/35.htm> (дата обращения 15.10.2014).

¹⁵ *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М.: Добросвет. 1997. С. 10

¹⁶ *Е. Н. Волков.* Критическое мышление: библиография. [Электронный ресурс] // КОР-НИ-сайт. <http://www.evolkov.net/critic.think/bibliography/bibliogr.crit.think.html> (дата обращения 10.12.2014);

¹⁷ *Федоров А. В.* Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: МОУ ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.; *Masterman L.* Teaching the Media. London: Comedia Publishing Group, 1985. 341 p.

Salieva L. K.

MODERN DISCOURSE AGAINST THE BACKGROUND OF M. M. BAKHTIN — YU. V. ROZHDESTVENSKY DIALOGUE

The author argues that the basic concept of Bakhtin's philosophy of language is the notion of answerability of speech act. For Rozhdestvensky the ethical center of the Information Age philosophy of language is unfalse nomination and undistorted interpretation of names. The article examines two methods of creating false Images of the Word: 1) the substitution of denotative meaning of the word while maintaining a positive connotation (or vice versa), and 2) the creation of narrations on the basis of a rigorous selection of facts.

Keywords: M. M. Bakhtin, Yu. V. Rozhdestvensky, answerability of speech act, world image, false nomination.

Сванидзе Кетеван Автандиловна

Батумский государственный университет
имени Шота Руставели, Грузия

ksvanidze@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ВОПЛОЩЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА ПИСАТЕЛЯ

Каждый отдельный язык в сознании писателя-билингва — это социальный психологический механизм, некое «языковое сознание», в котором накоплены и хранятся культурный опыт народа, его национальная специфика. Авторы-билингвы в процессе восприятия любого текста обладают собственным «филологическим чувством», которое должно восприниматься не только как индивидуальный авторский язык, но и как язык, отражающий лингвокультурологическую связь со временем.

Ключевые слова: семантическая интерпретация, художественный билингвизм, билингвальное творческое сознание, языковая культура, лингвокультурологический механизм.

В любом языке система языковых значений отражает внутренний и внешний мир человека, представителя коллектива, практический опыт которого выражен в языке. Если опыт двух «разноговорящих» коллективов схож, сходны и значения, выраженные данными языками. И, если принять во внимание общепризнанный постулат о том, что перевод — это двуязычная коммуникативная ситуация, в основе которого лежит билингвизм, то, говоря о расхождениях в формальной и семантической структуре языка и о необходимости их преодоления в процессе перевода, актуальным становится вопрос о творческом билингвизме, иными словами — о писателях-билингвах. Каждый язык в их сознании является социально-психологическим механизмом, языковым сознанием. В нем хранится культурный опыт народа, его национальная специфика. Писатель описывает их с учетом внутренних форм национального языка. Внутренние формы языка находятся в тесной связи с внутренними формами культуры. Автор-билингв в процессе своего творчества соприкасается как с языковыми формами, так и с внутренними формами культуры. У. М. Бахтикерева характеризует творческую билингвальную личность как «личность, способную функционировать на всех уровнях межкультурной коммуникации: глобальном, обладая потенциалами общечеловеческого (общепланетарного) языкового сообщества; межнациональном, имея в себе способность к восприятию национальной (этнокультурной) языковой культуры представителей разных лингвокультур; межличностном, обладая способностью с пониманием относиться к индивидуальным различиям в структуре личности. То есть, ей свойственно понимание культуры в ее глобальном проявлении, в инварианте, и в ее национально-специфическом варианте»¹.

История авторского перевода охватывает все жанры литературы — прозу, поэзию, драму. Литературе известны писатели прошлых веков,

а также наших современников, внесших неоценимый вклад в историю авторского перевода: Реми Балло — французский поэт, переведивший свои произведения на латынь и испанский, Жюльен Грин — французский писатель американского происхождения, творивший на английском и французском языках, Карло Гольдони — венецианский драматург, делавший переводы своих произведений с итальянского на французский, Владимир Набоков — русский и американский писатель, поэт, создававший произведения на русском, английском, французском, итальянском языках, Джозеф Конрад — английский писатель, поляк по происхождению, получивший признание как классик английской литературы, писавший по-польски, по-украински, по-французски, Иосиф Бродский — русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США в 1991–1992-х годах. Стихи писал преимущественно на русском языке, эссеистику — на английском. Один из поэтов XX века, Чабуа (Мзечабук) Амиреджиби — грузинский писатель, классик грузинской литературы XX века, автор перевода своего романа «Дата Туташиа» на русский язык.

Авторов-билингвов называют «естественными» лингвистами, поскольку они в процессе восприятия любого текста обладают собственным «филологическим чувством», являющимся «реализацией авторской речи, которая должна восприниматься не только как индивидуальный авторский язык, но и как язык, отражающий лингвокультурологическую связь со временем»². В процессе творческого столкновения двух языковых культур рождается нечто новое, недостижимое для писателя, творившего лишь на родном одном языке. Первичная культура творца играет важную роль в реализации его творческого замысла, вторичная же расширяет его кругозор и творческие способности.

Анализ феномена творческого билингвизма является одной из важнейших и интереснейших проблем, рассматриваемых на стыке лингвистики и лингвокультурологии. О необходимости изучения языковой принадлежности как целостного объекта говорят специалисты разных отраслей. Ученые придерживаются мнения, что в мозгу человека говорящего происходит локализация языковой системы. В этой связи актуальна постановка проблемы особых свойств обусловленного творческим билингвальным сознанием текста, в котором описывается национальный образ «первичной» культуры средствами «вторичной» языковой культуры, что выводит на познание как природы билингвальной личности через ее приобретенный — русский язык, так и неисчерпаемых возможностей языка. Причем речь идет о языке, выражающим через свою систему речевых знаков значения, которые присущи иному языку. Но нельзя познать язык, «не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности»³.

Коллективный билингвизм, как и индивидуальный художественный билингвизм, является предметом исследования многих ученых. Именно в языковой форме создается параллельный языковой знак. Если «отличать систему значений языковых знаков данного языка от тех смыслов, которые ими выражаются, не проводя при этом грани между эксплицитными и имплицитными смыслами, то можно «обнаружить» при сравнении способов выражения одной и той же мысли средствами разных языков различие в «видении мира», вытекающее из различия языкового строя. На самом же деле это будет лишь различием в системе значений. Между тем, что мы привыкли выражать эксплицитно, а представитель другого языка имплицитно, и наоборот»⁴.

Н. Л. Лейдерман в одной из своих работ подчеркивает, что художественное сознание человечества есть нечто единое, это какая-то «пневмосфера», которая обволакивает всю цивилизацию целиком, и ей нипочем никакие железные занавесы, идеологические барьеры, политические конфронтации, социально-экономические различия. По мнению ученого, русская литература существует в огромном ментальном поле, создаваемом духовной энергией всего цивилизованного человечества. И такие предположения, считает он, «мы можем делать с нашими учениками, если будем видеть литературный процесс в масштабах художественных направлений и течений»⁵. В этом контексте задача осмысления и освоения художественных произведений писателей-билингвов видится как неотъемлемая часть дальнейшей эволюции цивилизации. В этом случае образовательный эффект, о котором пишет ученый, будет более объемным и продуктивным. Изучение художественных текстов писателей, объединивших в своем творчестве две культуры, неизбежно будет способствовать формированию личности «с широким взглядом на мир, гордой за свою национальную литературу, но чуждой великодержавной спеси; влюбленной в родное слово и образы русской литературы, но толерантной к «инаковости» — и не только с уважением, но с эстетическим интересом воспринимающей своеобразие иноязычной культуры и ее образов; любопытной к тому, что не похоже на свое; личности, способной впитывать в себя все богатство духовной культуры человечества»⁶.

Две культуры взаимодействуют между собой, и это взаимодействие имеет диалогический характер. У Ю. М. Лотмана мы встречаем два взаимосвязанных термина: «культурная периферия» и «культурная грань». Билингвальный механизм работает на грани семиотического пространства культуры. Этот механизм вносит внешние сообщения в семиосферу и наоборот — осуществляется контакт с внесемиотическим пространством. Это дает возможность заключить, что механизм взаимодействия двух языковых культур в одной личности изоморфен с механизмом данной культуры.

Таким образом, в творческом сознании билингвального автора происходит сложный процесс (диалог) «приведения в соответствие» двух систем значений и адекватной передачи их с одного языка на другой. В этом случае билингвальная творческая личность относительно монолингвальной находится в ситуации «раздвоения личности», «некой прострации», «отчуждения», «противостояния», «внеаходимости», «инобытия», «дома и вне», «безумия, ставшего домом» (Гоголь, Кассирер, Набоков, Кодар, Искандер, Дадые и др.), поскольку в его сознании происходит диалог между двумя субъектами. Полифоническому мышлению, — отмечал М. М. Бахтин, — доступны такие стороны человека и, прежде всего, мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия, которые не поддаются художественному освоению с монологических позиций. Чтобы охватить личность в целом, нужна позиция внеаходимости. Постоянное нахождение творческой билингвальной личности в ситуации диалога (субъект + субъект) определяет и доказывает «прогрессивный и драматический характер ее деятельности и существования»⁷.

Совмещение двух языковых культур «с разными системами образов» (Г. П. Мельников) в одном творческом сознании и «выброса» текста, полученного в результате этого совмещения — это, безусловно, коллизия. Такое диалогическое общение «обрекает» писателя на «муки», но именно оно позволяет ему из средств языка «вторичной» культуры находить те, которые скрыты от писателя-монолингва — носителя данной языковой культуры. Существование билингвального творческого сознания на протяжении многих веков является свидетельством того, что мир шел к глобализации шаг за шагом, от века к веку, структурируясь в разные географические и языковые образования — от одной культурно-цивилизационной парадигмы к другой. Художественно воплощенный билингвизм, по нашему мнению, наилучшим образом может быть использован для исследования идей культурной глобализации на основе сочетания всеобщего, национального и индивидуального опытов⁸.

Исследование культурного пространства средствами языка становится все более актуальным, поскольку язык определяет тип мышления своего носителя. С другой стороны, язык, на котором осуществляется мышление, может определить также средства восприятия и передачи внешнего мира. Изучение человеческих отношений, речевых норм и культуры в лингвокультурологическом спектре становится все более актуальным средством исследования не только языка, но и человеческого сознания, коллективного сознания. А такой подход, такая комплексная интерпретация и теоретические обоснования будут способствовать установлению границ (или безграничности) и возможностей межкультурного общения и его возможностей.

Интерес к билингвизму, как и трилингвизму, мультилингвизму обусловлен фактом, что он становится неотъемлемой частью современного

мира. Исследуемая проблема тем интереснее, что она касается такой специфической сферы двуязычного общения, как двуязычное творчество, творческий билингвизм. В частности речь идет о творческом процессе, осуществляемом на двух неродственных языках, с использованием средств неродственных языковых систем с различными коммуникативными и культурными «составляющими».

Рассмотрение конкретного языкового материала дает возможность сделать выводы, что, несмотря на то что существуют единые универсальные модели как языкового, так и человеческого феномена, языки, тем не менее, различаются и различия эти предопределены теми различиями социокультурных ситуаций, в рамках которых возникают, развиваются и функционируют конкретные языковые системы.

Современная лингвистика, ориентируясь на «национальную принадлежность» ищет связи между языковыми средствами описания и языковой принадлежностью писателей-билингвов, речевая деятельность которых осуществляется в рамках и средствами двух языковых культур, с использованием лингвистических и культурологических механизмов каждого из языков и культур, что является актуальным в рамках все более расширяющейся открытости современных культур, ибо любая культура — открытая система. В противном случае она — обречена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-bilingvizm-i-osobennosti-russkogo-khudozhe-stvennogo-teksta-pisatelya-biling#ixzz31Kik6IM1>.

² Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста // Общество любителей российской словесности. М., 1997. С. 43.

³ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 114.

⁴ Мельников Г. П. Системная типология языков. М., 1971. С. 14.

⁵ Лейдерман Н. Л. Русская литературная классика XX века. Екатеринбург, 1996. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://referats.allbest.ru/psychology/8100045148.html>

⁸ URL: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-bilingvizm-i-osobennosti-russkogo-khudozhestvennogo-teksta-pisatelya-biling#ixzz31Kiph7wc>

Svanidze K. A.

LINGOCULTURAL MECHANISM OF REALIZATION OF AUTHOR'S CREATIVE DUALISM

The author argues that each language in bilingual translators' mind is a sociopsychological mechanism, a 'linguistic consciousness', preserving the cultural experience of a nation, its national characteristics, and the writer describes them as they are important in terms of the inner form of the national language. Bilingual authors possess their own 'philological perception' of any text, which they manage with the help of their knowledge. The piercing of the primal language culture into the endlessness and knowledge of the foreign language is the creative bilingual possession, one more mean for describing the existing reality.

Keywords: semantic interpretation, artistic bilingualism, bilingual creative consciousness, language culture, lingocultural mechanism of translation.

Себепова Раушан Мухамеджановна

Казахский национальный педагогический
университет имени Абая, Казахстан

rauschan2006@mail.ru

МЕНТАЛЬНАЯ СФЕРА ЯЗЫКА В ОЦЕНКЕ

Материалом исследования послужил язык, являющийся составной частью культуры, выражающий специфические черты национальной ментальности, которая складывается в памяти народа в словесном знаке и обслуживает каждого в соответствии с его интеллектом.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, национальная ментальность, национальная культура, оценка.

Нам кажется, что мы живем в мире физического пространства и времени, в мире звуков, запахов и красок, но на самом деле все это приходит к нам сквозь опосредованное воздействие нашего языка. Иными словами, мы живем в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает во все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности.

Представляя собой один из основных каналов взаимодействия с миром, национальный язык выступает как своеобразная система для нашей мысли, то есть язык подсказывает нам путь в интерпретации действительности, он — проводник в человеческом освоении мира.

Каждый язык формирует у его носителя определенный образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это.

Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания. Как заметил К. Леви-Стросс в своей «Структурной антропологии», язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры¹.

В данной статье представлен процесс исследования области языковых значений, где мир человека в его отношении к миру внешнему проявляется наиболее ярко. Оценки являются важной составляющей ментальной сферы языка, поскольку выражают мнение человека о «положении вещей» в мире.

Исследование оценки как универсальной категории, в течение долгого времени приковывавшей к себе внимание психологов, философов, логиков, в последние десятилетия приобретает особую актуальность

в лингвистических описаниях. Если в философских исследованиях на протяжении многих лет идут дискуссии о гносеологическом статусе оценок и о том, какова природа «настоящих» оценок — когнитивная или аффективная, а психология рассматривает оценивание как «важнейшую функцию сознания», то лингвистов интересуют вопросы языковой репрезентации оценки: специфика выражения на разных уровнях языковой системы, статус оценочного компонента в структуре значения слова, эмотивно-оценочные аспекты описания языковой личности.

Оценочные явления разных уровней и природы, сложно взаимодействуя между собой, представляют собой реализацию оценочной функции психики, которая занимает промежуточное место между познавательной и регуляторной функциями. М. В. Никитин определяет оценку как одну из центральных операций сознания, своеобразную по цели, средствам и методу, тем самым расширяя традиционные представления об этой категории². Оценка, безусловно, играет структурообразующую роль в области ментальной прагматики — интуитивной аксиологии сознания, но и выходит за ее пределы — в область интуитивной когниции, проявляясь как ориентировочная когнитивная оценка и когнитивные оценочные значения. Результатом оценки является мнение о наличии, количестве и качестве признаков у вещей и событий и о наличии каких-то вещей или событий в какой-то ситуации.

В области изучения категории оценки в языкознании сложились направления, которые могут быть представлены следующим образом: системно-семантическое (Л. В. Васильев, Н. А. Лукьянова, Т. А. Трипольская и др.); функционально-семантическое (В. Н. Телия, Е. М. Вольф, И. А. Стернин, Т. В. Маркелова, Л. А. Сергеева и др.); семантико-прагматическое (Н. Д. Арутюнова, Л. А. Киселева, В. И. Шаховский и др.); лексикографическое (Ю. Д. Апресян, Г. Н. Склярская, О. А. Новоселова и др.). В последнее время исследователи обращаются к описанию специфики оценочных высказываний и текстов (Л. А. Пиотровская, Е. Ю. Мягкова, Ю. С. Сорокин и др.). В качестве составляющих культурных концептов оценка становится объектом изучения в лингвокультурологической парадигме (Т. В. Писанова, А. В. Суслов и др.).

Язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры.

В процессе практической деятельности человек, с одной стороны, познает мир, вскрывая природные качества вещей, классифицируя предметы и явления, с другой стороны, характеризует явления объективного мира с точки зрения их ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и т. п. Как писал Ф. Ницше: «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, — он создал сперва смысл вещам,

человеческий смысл! Поэтому называет он себя человеком, т. е. оценивающим»³. Для человеческого сознания, помимо номинативно-классифицирующей деятельности, обслуживающей познавательные потребности человека, «столь же естественно реагировать на мир эмоционально, квалифицируя обозначаемое как приятное или неприятное, полезное или бесполезное, чрезмерно большое или слишком малое, интенсивно или мало проявляющееся, представляющее собой личностное или социальное «добро» или «зло»⁴. Оценка — универсальная функция сознания, общественно значимое явление. Оценка как явление проблема междисциплинарная. Процесс порождения оценок и сами оценки выступают в качестве специфического предмета исследования в психологии (оценочная функция психики), в педагогике (оценка как дидактический приём стимуляции ученика), в экономике (оценка товаров), в юриспруденции (оценка обстоятельств и наличия состава преступления) и т. д. Особенно интенсивно проблема оценки обсуждалась в философских науках (в аксиологии, логике, этике и эстетике), в некоторых из них «оценка» выступает как базовая категория науки, рядопологаясь таким категориям, как «отражение», «ценность», «познание». В трактатах многих крупнейших философов о природе человека имеются дефиниции основных понятий, относящихся к «добру» и «злу». Начиная с античных времен, семантика «добра» обсуждалась в работах философов, было выдвинуто множество гипотез, которые исторически изменялись и были неразрывно связаны с общефилософскими взглядами авторов. Основной круг вопросов определился уже в сочинениях Аристотеля⁵. Он подошел к разделению двух проблем: 1) вопроса о видах объектов, получающих оценочную квалификацию, и 2) вопроса о значении прилагаемых к ним оценочных предикатов. О множественности категорий «добра», субъективности оценочных значений писал Т. Гоббс⁶. Гедонистическая концепция хорошего и плохого представлена в трудах Дж. Локка⁷.

Таким образом, менталитет и ментальность соотносятся как общее и частное, как уникальное и специфическое, как общечеловеческое и национальное. Менталитет представляет собой совокупность общечеловеческих ценностей; универсальная способность человеческого сознания хранить в себе определённые структуры; национальный способ выражения и восприятия мира, выраженный средствами языка. Ментальность — своеобразное мировидение, которое характеризует индивидов конкретной культуры, отражает определённые политические, исторические, религиозные, психологические, экономические, культурные и другие особенности развития определённой общности людей; субкатегория, создающая общую картину мира; особенности мышления и сознания индивидов, отражённые в языке и свойственные индивиду или социальной группе; специфическая характеристика людей определённой культурной общности, связывающей индивидов единой языковой при-

надлежностью. Эти понятия являются разными по своему содержанию, однако иногда могут быть использованы как синонимичные в силу своей сложной специфики, истории появления и отсутствия одного из них в других языках.

Оценка же, как когнитивная категория может быть выявлена путем вербализации. Для того чтобы понять, как человек формирует оценку, необходимо обратиться к лексикализованным в языке явлениям, которые отражают акт ментальной интерпретации и оценочной квалификации индивидом фрагментов объективного мира. Оценка является одной из основополагающих категорий сознания человека, но язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании. Поэтому при изучении языкового статуса категории оценки необходимо разграничение собственно лингвистических и логических моментов, языковых и ментальных аспектов оценки.

Представление о природе, характере ментальной категории оценки и специфике их выражения в языке объективно может быть получено на основании интегративного подхода, включающего методы собственно-лингвистического анализа семантики языковых единиц и методы психолингвистических и психосемантических экспериментальных процедур анализа значения слова как достояния индивида. Оценка выступает как определенная ментальная структура и универсальная категория языка, относительно которой в научных исследованиях существуют различные трактовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 184.

² *Никитин М. В.* Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 42.

³ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: Т. 2. М., 1990. С. 42.

⁴ *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связанные значения слова в языке. М., 1981. С. 203.

⁵ *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 57.

⁶ *Гоббс Т.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 74–85.

⁷ *Локк Дж.* Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 1. С. 242.

Seberova R. M.

ON THE MENTAL SPHERE OF LANGUAGE ASSESSMENT

The material of the study is the language as an integral part of the culture, expressing the specific features of the national mentality, developing in the memory of the people in the word sign and serving to everybody according to his intelligence. The perception of the human being of the objective realities from his surroundings in the language world image, the basic unit of which is a concept, helps to actualize senses through the process of assessment.

Keywords: mentality, national mentality, national culture, assessment.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИГРА — СРЕДСТВО ИЛИ НАЗНАЧЕНИЕ ТЕКСТА СМИ?

В статье рассматриваются прецедентные тексты — фразеологизмы, пословицы, крылатые фразы, создающие авторский речевой портрет и формирующие содержательно-концептуальную, оценочную сторону произведения. Анализ текстов одного издания, написанных в биографическо-презентационном ключе и имеющих ярко выраженный стиль, позволяет говорить об особой функции используемых интертекстуальных средств — камуфлировании позиции автора.

Ключевые слова: СМИ, прецедентный текст, фразеологизм, языковая личность журналиста.

Перемены в жизни российского общества и социально-политические процессы последних десятилетий обусловили значительные изменения в языке средств массовой информации. Императивность, ранее навязываемая сверху «одномерность» публицистического текста, его стилистическая строгость, корректность и нередко следующая из этого языковая «бесцветность», дистанцированность автора от читателя и т. д. уступили место иным параметрам. Пристальное внимание к современному медийному тексту позволило исследователям отметить такие черты, как реальное влияние СМИ на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни и формирование у общества его собственного образа¹, на формирование оценки происходящих в окружающем мире событий, преобразование языка публицистики как следствие социального воздействия, повышенная экспрессивность текста, мотивированная социальными факторами и отражающая «экспрессию психического состояния общества»², разностилье — смешение стилистических пластов речи, бывшее ранее художественным приёмом, но сегодня ставшее «нормой нашей речи»³, и т. д. Не остались незамеченными и изменения речевой реальности в отношении использования в публицистическом тексте лексик и фразеологии: расширение нормативных границ языка массовой коммуникации, усиление ее разговорной составляющей, сужении сферы высокого, патетического, ощутимом увеличении удельного веса экспрессивно окрашенных средств⁴, формировании особого «литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры»⁵.

В отличие от новостных текстов, где автор еще стремится к сохранению нейтральной тональности и придерживается интенции информирования, — а таковых жанров и, соответственно, текстов сейчас сравнительно немного⁶, — в текстах аналитического характера, связанных с поиском причин происходящего, с показом возможных последствий

и перспектив развития тех или иных событий, с освещением политических фигур, определяющих общественные и политические тенденции, автор приводит разные оценки, даваемые участниками событий и процессов — политиками, экспертами, общественными деятелями, нередко заостряя их, расставляя акценты, т. е. использует первый цитатный слой. Однако если эти составляющие текста обычно эксплицитны — при цитировании может указываться имя и статус говорящего и сказанное им в отношении предмета речи пересказывается или приводится в кавычках буквально⁷, — это так называемая актуализированная цитата⁸, то позиция журналиста не всегда предполагает прямое выражение собственного отношения — будь то позитивного, не исключая восторженного, или неодобрительного, порицающего. Как правило, позиция пишущего скрывается за вербальными средствами и проступает сквозь них не сразу и, как нам представляется, не всегда.

Лингвокультурный типаж «журналист», т. е. представление о человеке, сложившееся «на основе релевантных объективных социально значимых этно- и социоспецифических характеристик поведения»⁹ людей определенной профессии, предполагает некую позицию в подаче того или иного материала¹⁰, хотя никто не станет отрицать важности журналистов-хроникёров.

Выделяемый в медиатексте второй цитатный, интертекстуальный слой — это, по мнению М. Ю. Казак, цитаты, формирующие «содержательно-концептуальную информацию»¹¹. Обладая оценочностью и образностью, лингвокультурологической ценностью, они призваны косвенно выразить авторское отношение к излагаемому.

Мы обратились к материалам общественно-политического журнала «Итоги», освещающим важные события в жизни России, и рубрикам, которые знакомят читателей с видными политиками, с «человеком дня» (месяца, года) — лидером общественного движения, известным экономистом, государственным функционером. Наше внимание здесь было привлечено, удивительной концентрацией интертекстуальных включений, яркой стилистической разноголосицей, «высокой плотностью ироничной тональности текста».

Использование фразеологизмов (ФЕ), пословиц (ПЕ), крылатики как одного из действенных языковых средств, представляющего собой огромный арсенал ярких, разнообразных, стилистически и экспрессивно окрашенных оборотов и изречений представляется весьма показательным в демонстрации тех изменений, которые наблюдаются в языке СМИ последнего времени. Устойчивые единицы с их предрасположенностью к денотативным заменам канонических компонентов, к расширению за счет трансформаций охвата внеязыковых явлений — весьма удобное при известном к ним пристрастии средство — доступное, лежащее на поверхности.

Так, за счет трансформации ПЕ о плодотворности своевременных шагов и привязки ее к актуальным событиям делается акцент на необходимости как можно быстрее приступить к действиям:

«Какую сферу ни затронь — от структуры нашего хозяйства, известного как „экономика трубы“, до больниц, школ и детских садов, — всюду срочно требуется капремонт. Но если уж реформ не избежать, то *ковать железо надо, не отходя от инаугурации*, пока кредит общественного доверия не растрачен на пустяки» (Владимиров А. «Все в Белом» // Итоги. 28.05.2012. С. 18).

Рассуждения по поводу состава и перспектив работы нового Правительства в статье А. Владимиров «Все в Белом» — тема как будто весьма серьезна — образец текста, демонстрирующего большую стилистическую свободу, раскованность в оформлении трактовок и прогнозирования событий, изобретательность в использовании выразительных средств, предельно ироничное отношение к излагаемому. Здесь мы найдем и многочисленные кавычки — знак оценочного закавычивания (*совет старейшин* — помощники президента, *отсрочка приговора истории* — срок, в течение которого члены правительства защищены от критики иммунитетом власти) и косвенной оценки (И инаугурация, мол, *не чета* нашей, и с назначениями министров никакой *канители: раз-два, и готово*), и метафоры (*необстрелянные новобранцы* — новые сотрудники администрации; *взлет на вершину нефтедолларовой хлявы*; Если бы президент и впрямь считал, что исполнительная власть требует неотложного обновления, никакие *китайские церемонии* не помешали бы ему *провести стремительное кадровое кровопускание*).

Оригинальные и положенная в основу статьи метафора транспортного состава, создающая омонимичную переключку с новым составом Правительства, едва передвигающегося по принципу «*Тише едешь...*» (первый из подзаголовков) — «...*Дальше будешь*» (второй подзаголовок), и название материала, где переплелись публицистическое *Белый дом* (Дом Правительства РФ) и крылатая фраза из анекдота о цирковом номере «и тут выхожу я, *весь в белом...*». Использование ключевой фразы в начале статьи и в конце ее создает кольцевую структуру и вызывает многочисленные аллюзии: *оставаться в белом* — ‘сохранить, не запятнав, свою репутацию’, ‘уцелеть’; в условиях, когда *на войне как на войне*, *оставаться «всему в белом»* — значит, ‘оставаться в стороне от грязной работы, не пачкать рук’ и т. д.

Совершенно очевидно, что экспрессия текста накапливается и за счет концентрации устойчивых единиц:

«Задача номер один: показать обществу, что застоя *нет и в помине*. <...> Но что касается назначений, Франция нам точно *не указ*. <...> Судя по биографиям новых членов кабинета, им тоже *грех жаловаться* на IQ. <...> *Отмашка будет дана* не раньше, чем в Кремле и Белом доме убедятся, что риски перестройки не превосходят минусы застоя».

Фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения участвуют в создании ярмарочной речевой палитры¹², в переплетении в рамках текста

языковых явлений различных стилистических регистров. Такого рода стилистическая разноголосица привлекает внимание читателя и в статье О. Андреева «Негнувшийся Шеин» с подзаголовком «Олег Шеин: профессиональный бунтарь или взбунтовавшийся профессионал?»¹³ — об астраханской голодовке одного из российских политиков.

Статья изобилует прецедентными текстами — выполняющими оценочную функцию именами (*Валькирия и Дон Кихот* — подзаголовок), паремиями (*Любовь безнадежно слепа; Слова из песни не выкинешь; Голод, даже ради великой цели, все равно не тетка* — последняя привлечена отнюдь не для красного словца: в данном контексте это намёк на возможность прекращения демонстративной голодовки), крылатыми фразами: *нас на бабу променял* — о женитьбе героя материала на француженке Карин Клеман; *ужин с дураком* — название пьесы французского драматурга Франсиса Вебера¹⁴, при упоминании которого автор, предвосхищая возможную реакцию — а злая ироничность текста несомненна, — предпочел заранее оговорить отсутствие намерения обидеть своего героя (*Только без обид — игра слов, и ничего больше...*); «Непосредственного участия в боестолкновении у входа в телевизионно-технический центр „Останкино“ <...> не принимал и под кинжальный огонь омонических „Витязей“ не попадал. Возможно, *судьба хранила...* Для других славных дел». Ср.: *Судьба Евгения хранила* («Евгений Онегин») и т. д.

Многочисленные аллюзии, в том числе — политического характера, такие, как (1) намёк на готовность по-ленински ввязаться в конфликт — ироничные уже самим фактом сопоставления с Лениным («Сначала пришла в себя непримиримая оппозиция, *спинным мозгом ощутившая*¹⁵, что в Москве интерес к ней стремительно сдувается. А тут такой случай снова *ввязаться в драчку*, причем беспроигрышный») или (2) отсылка, хотя и прозвучавшая в совсем ином стилистическом и семантическом ключе, к ставшей крылатой фразе вождя пролетариата об исторической важности своевременного принятия судьбоносных решений: «Каждый настоящий революционер должен знать *ту грань, когда еще рано переходить* к регулярному приему пищи, а когда — уже *слишком поздно*».

Ироническое звучание текста усиливается и за счет контраста двух стилистических стихий. С одной стороны, очевидна демонстрация серьезного и как будто уважительного отношения к героям, речевая толерантность — она выстраивается за счет использования прецедентных текстов книжного характера, метафор и устойчивых оборотов, типичных для речи повышенного стилистического регистра — *рыцарь без страха и упрека, готовый положить* свое здоровье *на алтарь* собственных убеждений», *появиться на свет, встать во главе* (чего-л.), *молодые соискатели политической славы и чинов* (ср. «искатель счастья и чинов»), *Вы жертвою пали* (подзаголовок, отсылающий к известному похоронному маршу русского революционного движения — на слова А. Архан-

гельского), *прорыв блокады, крови на его руках <...> нет* (ср.: обагрить руки кровью; пачкать руки в крови, руки по локоть в крови), *без отрыва от голодовки* (ср. без отрыва от производства), *социальный лифт*.

С другой стороны, блок единиц, куда более выразительных и ярких, формирует иное стилистическое поле — обиходно-разговорное, сниженное: *не за страх, а за совесть, использовать втемную, свой в доску, смотреть в рот кому-л., на раз-два-три поставили бы его к стенке, зарабатывать очки* (у кого), «еще неизвестно, откуда растут ноги у астраханской заварушки»; «До следующих парламентских выборов далеко, неровен час, могут и позабыть». «В общем, из воды как-то еще можно выйти почти сухим, а вот из политики чистым — это без вариантов».

Вынесенное в заголовок определение *негнувшийся* («Стойкий, мужественный, способный выдержать большие трудности, испытания») в контексте сталкивается с ФЕ *гнуть шею* — «преклоняться, соглашаться, идти на уступки». На ее фоне определение *негнувшийся* воспринимается как комплиментарное, но в рамках целого оно может быть понято как «негибкий, не учитывающий изменяющейся обстановки, недальновидный».

Густого замеса ироничная тональность текста ощущается во всем и контрастирует с намеренной пафосностью, которая и сама по себе заставляет усомниться в искренности пишущего.

Постоянное балансирование на грани между высоким и сниженным стилями «Еще в 2002 году он, *свой в доску*, соединился *узлами Гименея* с известной французской антиглобалисткой троцкистского толка Карин Клеман), фамильярность и ироничность практически не связаны с освещаемыми событиями или это основные стилистические черты текстов данной рубрики. При этом совсем не очевидно, что же думает об излагаемом журналист, скрывшийся за умелым владением прецедентными текстами и плетением словес. Возможно, ныне в этом нет и нужды, т. е. необходимости журналисту выражать собственное отношение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Коряковцева Е. И.* Языковой образ российской провинции в столичной прессе // Жизнь провинции как феномен духовности. Н. Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2005. С. 314–323.

² *Лысакова И. П.* Революция в языке или язык революции // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. 2 / под ред. С. И. Богданова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, Изд-во «Осипов», 2006. С. 119–130.

³ *Кронгауз М.* Язык меняется — значит, он живой [Электронный ресурс] // Наука и религия. 2010. № 10. С. 14–17. URL: <http://www.dv-reclama.ru/russia/articles/detail.php>

⁴ *Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Н. Л. В. Рацибурская. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. 160 с.

⁵ *Сиротинина О. Б.* Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 7. Саратов, 2007. С. 29–42.

⁶ Это не всегда и достижимо: журналист «не может полностью абстрагироваться от ценностей своего сообщества и невольно тем или иным образом выражает отношение своего сообщества к “чужому”»; *Маханова Л. З.* Языковая толерантность в текстах СМИ // Триста

лет русскому языку в Китае. Матер. Междунар. конф. / под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Изд-во пед. лит. по иностр. языкам, 2008. С. 587.

⁷ Наблюдается, однако, и принципиально иной подход, когда нельзя назвать настоящими отсылками упоминания в тексте непроверенных слухов, безымянных злоязычных завистников и неизвестных «очевидцев». См., в частности: *Селиверстова Е. И.* Идиолект журналиста как отражение политики издания // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Матер. Междунар. научн. конф. МГУ, 26–28 ноября / под ред. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, 2013. С. 321–323.

⁸ *Казак М. Ю.* Язык газет: учебное пособие / М. Ю. Казак. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 82. (120 с.).

⁹ *Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [электронный ресурс]. Волгоград: ВГПУ, 2005. 11 с.; URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/lutovinova-06.htm>

¹⁰ Достаточно привести названия статей и сайтов, их разместивших: «Взгляд крымского журналиста с Майдана», «Взгляд журналиста ВВС на русских», «Коррупция: взгляд журналиста», «Взгляд журналиста на проблему насилия», «Объективный взгляд украинского журналиста», «Субъективный взгляд журналистов канала НТВ», «Новый взгляд на Россию: журналист шокировал Британию», «Личное мнение журналиста. Ведущего радиостанции «Эхо Москвы» Александра Плющева уволили 6 ноября по требованию холдинга» и др.

¹¹ *Казак М. Ю.* Указ. соч. С. 83–84.

¹² *Кормилицина М. А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2008. Вып. 8. С. 27–28.

¹³ «Итоги». 23.04.2012. № 17. <http://www.itogi.ru/profil/2012/17/176991.html/>

¹⁴ Герои пьесы — два пресыщенных жизнью буржуа, решивших подшутить над человеком, не подозревающим об уготованной ему роли — «дурака».

¹⁵ Фраза «спинным мозгом ощутившая» отсылает нас к юмористической миниатюре М. Горюнского «Стриптиз», где эту фразу произносит намеренно отвернувшийся от соблюда созерцания стриптиза «специфический человек» — грузин Мамаладзе.

Seliverstova E. I.

STYLISTIC GAMES IN MASS MEDIA TEXT: MEANS OR ENDS?

The article deals with the usage of the intertextual elements — the phraseological units, proverbs, expressions creating the author's speech portrait and urged to reflect the substantial and conceptual, estimated aspect of work. The analysis of the texts of the "Itogi" magazine written mostly in a biographic and presentation key and having specific style allows to speak of special function of the intertextual means used for camouflaging the author's position.

Keywords: mass media, intertextual element, phraseological unit, journalist's language identity.

Сиоридзе Марине Андреевна
Таварткиладзе Софико Юрьевна

Батумский государственный университет
Шота Руставели, Грузия

msioridze@yahoo.fr, sofiko-sofo@mail.ru

СИМВОЛИКА УНИВЕРСАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «НЕБО» ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ В СВЕТЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Целью исследования является изучение и анализ символики фразеологизмов с концептом «небо», как одного из источников культурно-национальной интерпретации фразеологизмов в двух романских языках — во французском и итальянском — и в русском. Мы постарались выяснить, как отражается и сохраняется в языке духовная жизнь наших предков. Язык — это ключ к сложнейшей семантике культуры. Нас интересуют не только мифы как явления культуры, а сохранившиеся и обосновавшиеся в языке — метафорах и фразеологических единицах — следы мифологической эпохи.

Ключевые слова: язык, концепт, фразеологизм, мифологема, символ, культура.

*На сколько бы ни удалялся народ от своего перво-
бытного состояния, пока он не утратит свой язык,
в нем не угаснет духовная жизнь своих предков.*

Ф. И. Буслаев

В течение XIX–XX вв. велся поиск глубинных связей языка и мифа, выявлялись их сходства и отличия как явлений социальной и культурной жизни человека. Существуют различные взгляды и связи мифа и языка, от полного их отождествления до их резкого отмежевания. Мыслительное пространство обусловлено целым рядом сопоставляемых понятий и концептов: миф-культура, миф-язык, фразеологизм-мифологема.

Ф. Шеллинг считал, что язык окаменевший, истощенный миф, в отличие от него, М. Мюллер утверждал первичность языка и вторичность мифа. Э. Косирер рассматривал язык и миф как равномерные символические формы и утверждал, что миф и язык неразделимы и обуславливают друг друга: «И правда, миф и язык настолько тесно взаимосвязаны, что отделить их кажется невозможным. Лингвистическое мышление, если можно так выразиться, пропитано мифологическим мышлением»¹.

Таким образом, зарождение языка и мифа можно отнести к доисторическому периоду и они связаны между собой как форма и содержание (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др.). За последние годы появились идеи, в которых утверждается, что язык имеет не коммуникативное, а мифологическое происхождение². Данная гипотеза довольно логична, ибо язык действительно является слишком сложной и слишком богатой системой, для того, чтобы возникнуть лишь как средство общения. Именно мифологическая гипотеза возникновения языка может объяс-

нить фантастически сложный и глубокий феномен семантики, с ее богатством в культурном плане содержанием. Такая гипотеза дает возможность объяснить феномен языкового разнообразия: для носителей различных культур язык является средством отмежевания собственной культурной среды от чужой, средством превратить культуру в замкнутую систему и сделать ее непроницаемой для других народов.

Бесспорно, что в реальном функционировании сегодняшней культуры, язык играет коммуникативную роль, однако изначально он не мог представлять собой утилитарное-коммуникативное образование³. Для древнего человека почти каждое слово имело особую мифологическую глубину, было сакральным и окруженным мифологическими содержаниями. Знание сакральной семантики слова имело огромное значение. С развитием цивилизации это знание забывается, хотя окончательно не теряется и сохраняется в скрытых глубинах культурной компетенции. Поэтому неожиданно проблескивают в современных новых словопроизводствах. Видимо, в самом языке заложен некий механизм, благодаря которому язык может не только сохранить признаки мифологического мышления во времени, но и заново продуцировать их⁴.

Рассмотрим насколько тесно переплетены между собой миф и язык в фразеологических единицах, содержащих концепт «небо» во французском и итальянском и русском языках. Концепт «небо» обычно связывается со сверхъестественными силами. «Небо» — местонахождение владык, всесильных, Всевышнего. Оно упорядочивает мироздание «Там, где небо, там и Бог». Небо проявляет свою трансцендентность, силу и сакральность. Оно служит символом превосходства, могущества, возвышенности и духовной просвещенности. Мотивы взаимоотношения Неба как мужского начала и Земли как женского начала распространены в мифологии, где они являются Отцом и Матерью человеческого рода. Согласно некоторым мифам, Небо отошло от Земли, дабы на поверхности последней зародилась жизнь⁵. Могущество неба распространяется на порожденные им элементы: Солнце, Луну, Звезды и др., познать и «приручить» которых человек стремился издревле.

«Небо (Всевышний)» со своего божественного престола предопределяет судьбы людские. Наше исследование показало, что как во французской, так и в итальянской и в русской лингвокультурологии небо является символом: а) судьбы: фр. *écrit au ciel: cela était écrit au ciel*; ит. *é scritto in cielo* — это было продиктовано судьбой. *Stiamo sotto in cielo* — Все мы дети бога; б) нахождения на вершине блаженства: фр. *être au ciel, um. vivere in cielo* — парить в облаках; русск. — *быть на седьмом небе*; в) божьего дара: фр. bibl. *nourriture du ciel*, ит. *manna celeste (dal celo)* — манна небесная (божья); русск. *поймать журавля в небе*.

Во французском культурном социуме «небо» символизирует: а) Божий гнев: *coup du ciel (или d'en haut, de la Providence)* — вмешатель-

тельство providения; б) божественное таинство, причащение: *pain du ciel* — причащение; в) небесный дар: *biens du cel* — небесные блага; г) Всевышний судья: *à la face du ciel (en face de Dieu) et des hommes* — Перед богом и миром, перед всевышним; д) Рай, царство небесное: *gagner le ciel (или le paradis)* — попасть в рай; *le royaume des cieux* — царство небесное, обитель святых.

В итальянском культурном социуме «небо» символизирует судьбу: *gli è caduta la manna dal cielo* — повезло, счастье улыбнулось; ангелов: *milizia del cielo*; истинную любовь: *matrimoni e vescovati dal cielo son destinati* — бракосочетание (свадьба) решается на небе; церковь, любовь к Богу: *correre verso il cielo* — часто ходить в церковь; библ. Бог сама любовь, а в русском культурном социуме — отвечать что-либо невпопад: *попасть пальцем в небо*; наобещать, много наговорить — *семь вёрст до небес и всё лесом*; быть без жилья и крова — *между небом и землёй*. В русской языковой картине мира образ «небо» имеет физическую и духовную составляющие. В физическом понимании, небо — это видимое или находящееся над поверхностью планеты пространство — *Уже рассвело, небо вверху наполнилось светом и глубиной*. В представлении верующего — место обитания Бога или богов — *на небе есть Бог*.

«Звезда» — знак постоянства, бдительности и устремленности. Знак того, что человек стремится к чему-то, желает возвыситься над самим собой. Звезды как «свита» всевышнего правят судьбой человека. Как во французской, так и в итальянской и в русской культуре «звезда» символизирует судьбу и невезение человека, его участь: фр. *naître sous une bonne (или heureuse) étoile (или sous un bon astre, sous une heureuse planète)* — *naître sous une mauvaise étoile (или sous un mauvaise astre)* — ит. *nascere sotto buona (cattiva) stella* — родиться под счастливой (несчастной) звездой, *seguire la sua stella* — смириться с судьбой, покориться судьбе. Русск. — *родиться под счастливой звездой*. Согласно французскому менталитету, *étoile filante* — погасшая, упавшая звезда, ассоциируется с желанием (загадать желание), а фразеологизм *croire à l'étoile de qn* — *верить в «счастливую звезду» кого-либо* — с поверьем.

В итальянской культуре «*buona stella*» — счастливая звезда, представляет одушевление такой ценности как надежда, которая умирает последней. В русской культуре «*звезда первой величины*» подразумевает быть на вершине славы, добиться успеха. В итальянском и русском языках фразеологическое сочетание *stella polare di qd* — *быть путеводной звездой* — символ луча света, истины, который освещает путь к добру.

Солнце и Луна — два глаза неба, два полюса, два витальных импульса. Луна — богиня ночи, владыка снов, символ плодородия и оккультных сил. Луна распоряжается судьбой человека.⁶

Как во французской, так и в итальянской и в русской лингвокультурологии «Луна» со своими женскими свойствами (восприятие, чув-

ствительность) ассоциируется с сентиментальностью и мечтательной натурой, наслаждением и блаженством: фр. *aller dans la lune*, ит. *vivere (essere, stare) nel mondo della luna; avere il cervello (testa) nel mondo della luna* — *витать в облаках, мечтать*; фр. *claire de lune* — сентиментальность; фр. *lune de miel, um. luna di miele* — медовый месяц, свадебное блаженство. Психологи с луной связывают изменчивость настроения: фр. *être dans une bonne (mauvaise) lune*; ит. *luna dritta (storta)* — *быть в хорошем (плохом) настроении*.

Для французского культурного социума фразеологизм *voir la lune à gauche* — *увидеть луну с левой стороны* — обозначает беду, зло, а фразеологизм *il y a lune* — *семейные неурядицы* — указывает на семейные неприятности. В русском социуме фразеологизм *ты что с луны свалился* — обозначает человека с неадекватным поведением. В итальянской культуре «Луна» — символ: а) бессмертия: *il mondo della luna* — *страна теней*; б) внезапной напасти и невезения: *colpo di luna* — *внезапная беда*; *nato a luna schema* — *родиться не в полнолуние*; в) Луна воспринимается как сложный амбивалентный образ, изменчивый и ненадежный, как лунный свет: *volubile (mutabile) come la luna* — *неустойчивый, изменчивый*; *guardare la luna* — *нерешительность, колебание*.

«Солнце» — повелитель неба, знак мужского начала, неистощаемый источник энергии, тепла, света и жизни. Оно лежит в основе противостояния двух сил в мире — света и тьмы. Символика Солнца во французской действительности оказалась относительно скудной. Солнце символизирует: а) земное благо: *bien au soliel*; б) могущество: *le Roi-Soliel* — *Царь-Солнце* (подразумевается Людовик XIV); в) наделить человека властью: *le soleil levant* — *могущественная личность*. Итальянская действительность охватила большее количество символов: а) благополучие: *avere il capo nel sole* — *обретение человеком своего места в поднебесье*; б) успех: *avere quanto il sole* — *достижение чего-то в жизни*; в) сердце вселенной: *girare quanto il sole* — *странствие ко вселенной*; г) жизнедеятельность, порождение новой жизни: *dare al sole* — *рождение, возникновение*; д) свет, истина: *mettere qd al sole* — *открыть глаза кому-то на что-то*.

Как во французской, так и в итальянской и в русской культурных пространствах «Солнце» представлено эталоном красоты, прекрасного, источником жизни: фр. *bien comme le lever du soleil* — *прекрасная как утренняя заря*; ит. *raggio di sole, occhio di (del) sole* — *лучезарный, прекрасный юноша, русск — ты моё солнце*. В русской культуре фразеологизм *и на солнце бывают пятна* подразумевает, что никто не безупречен.

Итак, семантическое поле концепта «небо» непосредственно связано со всевышним и его «свитой» (звездами), с двумя полюсами витальных импульсов, с двумя глазами неба — солнцем и луной, чьи номинативные

фразеологические единицы создают вечную символику неба, которая кажется все еще неисчерпаемой, переживающей постоянное возрождение и усовершенствование в языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С 32.

² Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. С 164.

³ Маслова В. А. Связь мифа и языка. М., 1999. С 76.

⁴ Там же. С 60.

⁵ Catherine P.-H. Dictionnaire des symboles, des rites et des croyances. Hachette, 1995. С. 156.

⁶ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М., 1996. С 82.

Sioridze M. A., Tavartkiladze S. J.

SYMBOLICS OF THE UNIVERSAL CONCEPT “SKY” IN FRENCH, ITALIAN AND RUSSIAN CULTURAL SPACES IN THE LIGHT OF PHRASEOLOGY

The goal of the research is to study and analyse the symbolics of the phrases containing the concept “sky” as one of the sources of cultural and national interpretation of phrases in two Romance languages — French and Italian — and Russian. The authors attempted to find out how the spiritual lives of our ancestors is preserved in the language. Language is a key to the most complex semantics of culture, and the researchers are interested not only in myths as cultural phenomena, but in metaphors and phraseological units preserved and established in languages as the traces of mythological age.

Keywords: language, concept, phraseologism, mythologem, symbol, culture.

Сипко Йозеф

Прешовский университет, Словакия

jozef.sipko@unipo.sk

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АССОЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ СМИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В статье анализируются прецедентные единицы из текстов русской литературы, посредством которых в современных российских СМИ дается оценка событий, связанных с украинским кризисом. Автор подчеркивает важную роль русской литературы в культуре, рассматривая анализируемые тексты как очередное доказательство литературоцентризма русской культуры. Иллюстративный материал представляет русских писателей как истинных носителей базовых этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: русская литература, кризис, Украина, ассоциации.

Русская литература во всех своих духовных начинаниях стоит однозначно в центре этнокультурных ценностей. Упоминания о ее многообразных реалиях расширяют интерес к конкретной теме, повышают ее содержательный фон и вызывают богатые оценочные ассоциации по любому вопросу, который так или иначе связан с русской литературой и русской действительностью. Не случайно одна из базовых характеристик русской культуры определяется словом **литературоцентризм**. В этой связи довольно регулярно подчеркивается роль художественного слова, которое восходит к народному творчеству, на что указывает В. Ганичев, ссылаясь на «мудрые слова М. Горького: „Начало искусства слова в фольклоре. Учитесь на нем, обрабатывайте его. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творчества нашего настоящего“»¹.

Литературные реминисценции² в текстах СМИ, главным образом из русской классики, содержат огромное количество образов, сюжетов и антропонимов, которые способны актуализироваться в любой социально-политической обстановке. В полной мере это относится к украинскому кризису 2013–2014 гг., а также к российско-украинскому конфликту. И вроде бы всё уже было давно сказано, но, кажется, что последующие поколения русинов, в том числе и современное, не учли уроков прошлого. Наши многолетние наблюдения за российскими СМИ³ позволяют создать относительно объективную картину функционирования указанных литературных реминисценций как оценочно-языковых средств при обсуждении любого события. Еще интенсивнее растет их употребление при комментировании событий, выходящих за рамки социальной нормы. В русской классической литературе можно всегда найти идеи,

This contribution is the result of the project implementation: VEGA č. 1/0792/13 Developmental Aspects in the Russian Language and Russian Language Environment in Relation to the Social Changes in Russia in the Last Century, supported by Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, science, research and sport of the Slovak Republic

образы и темы, которые могут быть актуализированы в процессе описания любых современных событий. В наибольшей степени это относится к творчеству А. С. Пушкина, к *русскому духовному космосу*⁴.

Первой настоящей трагедией «славянского спора» в постсоветский период стала война в Югославии в 1990-е годы. Для многих главным ее «вдохновителем» был Запад в позиции инициатора этого *южно-славянского спора*. Отдельные российские СМИ прямо обращались к названному адресату словами А. С. Пушкина из известного стихотворения «Клеветникам России», которое великий поэт написал в связи с российско-польским конфликтом в 1831 г.:

Вам непонятна, вам чужда, / Сия семейная вражда (РГ.23.2.1993)⁵;
Шумят народные витии (КП.19.2.1993).

С позиции наших дней можно в отдельных случаях заметить точные и прозорливые оценки относительно зарождающегося российско-украинского конфликта, о котором еще 20 лет назад писали некоторые авторы. Они чувствовали нарастание *славянского спора* между двумя самыми большими славянскими народами и выражали свое предчувствие словами Пушкина: «Спор славян между собою» (О.1995.22). В российско-украинском конфликте вполне определённо чувствуется рука Запада с его собственными интересами и вековой враждой к России. Хотя в пушкинское время названный спор славян относился к русским и полякам, но пушкинские образы продолжают оставаться универсальными и живыми также в наше время. С. Куняев начинает свой оценочный анализ российско-украинского конфликта отрывком из указанного стихотворения А. С. Пушкина, содержание которого явно ассоциируется с нынешним украинским кризисом:

*Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный рос? / Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос*⁶.

Особенно интересны комментарии в СМИ по поводу украинских планов относительно *возвращения Крыма* в состав Украины. Некоторым русским такого рода планы кажутся нереальными и даже вызывающими смех, что подчёркивается отсылкой к строкам И. А. Крылова: «Как там у дедушки Крылова: Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона!» (КП.11.10.2014). В обстановке, когда Россию критиковали в связи с событиями в Крыму, стали вспоминаться преступления Запада и его политиков против славян. При описании репрессий против русинов в годы I мировой войны со стороны австрийских властей, когда были истреблены десятки тысяч людей, главным образом в концлагере Талергоф, А. Орлов приводит такие факты: «Уничтожали на месте за русскую открытку, за чтение Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, за разговоры на русском языке»⁷. Видимо, чтение произведений русских писателей считалось главным доказательством пророссийской ориентации русинов, за что их преследовали, жестоко мучили и убивали.

Среди русских почти повсеместно распространено мнение о том, что Россия и русские другим народам несимпатичны. В российских СМИ повторяется утверждение, что на Западе о русских говорят как о *плохом народе*. В такой психологической обстановке закономерно появляется вопрос: *Почему нас не любят?* (ЛГ.2014.46). При подобной постановке вопроса принципиальную роль выполняет пропаганда, или, как ее называют многие аналитики, — информационная война. В антироссийской пропаганде регулярно повторяется мысль о том, что главным виновником украинского кризиса является Россия и ее президент Путин. Эта позиция Запада имеет свои корни в прошлом. Русские в некотором смысле к ней привыкли, поскольку не впервые слышат следующее:

Там теперь вся правда. Нуте! / Вам любой наврёт. / Кто ж всему виною? / «Путин и плохой народ» (ЛГ.2014.29, М. Лаврентьев).

Естественно, ответить на поставленный выше вопрос можно по-разному. В конце концов, у всех народов имеются исторические претензии к своим соседям, и эта неприязнь или даже этнофобия закономерно относится, в первую очередь, к великим государствам. В этой связи верными кажутся поиски ответа в «ЛГ»: «Почему же ненавидят Россию? А потому, что это большое государство» (ЛГ.2014.46). Такое отношение к России переносится также на ее литературу, и очень примечательными кажутся позиции двух известных представителей чешской литературы и диссидентов:

В. Гавел нравственный императив русских писателей, их духовный максимализм называл моральной агрессией, а М. Кундера уподобил великие русские романы советским танкам (ЛГ.2014.46).

В этих характеристиках русской литературы, может быть, найдем и ответ на вопрос, почему австрийские власти преследовали русинов (см. об этом выше). Величие русского духовного мира отражается также в известной лингвокультуре⁸ *широкая русская душа*.

Как подтверждает одна из предыдущих иллюстраций, в литературных ассоциациях в контексте украинского кризиса не может отсутствовать имя Н. В. Гоголя. Тот факт, что он был украинцем-малороссом, но вместе с тем и великим русским писателем, считается одним из аргументов в пользу того, что русские и украинцы должны создавать общее этнокультурное пространство. Но, к сожалению, Гоголя вытесняют, по мнению многих русских, *бандеровцы*, настоящие враги России, в основе отношения которых к России и к русским вообще лежит ненависть: «На смену *«настоящему украинцу» времен Николая Гоголя (малороссу, хохлу, как называл себя он сам) пришел другой «настоящий украинец» — бандеровец*»⁹. Гоголь «присутствовал» также в предвыборной кампании осенью 2014 г. на Украине, которую в СМИ охарактеризовали как противостояние двух основных политических лагерей: президент Порошенко будто бы представлял лагерь *мира*, а премьер Яценюк — лагерь *войны*. Их по-

литический конфликт описан в статье под заголовком «Как поссорился Петр Алексеевич с Арсением Петровичем» (КП.24.9.2014), который является результатом трансформации названия сатирического рассказа Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Известная историческая повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» «обращается» к современным украинцам посредством прямого вопроса *Тараса Бульбы* своему младшему сыну *Андрею*, которого отец убивает как предателя. Образы сыновей *Тараса Бульбы*, *Остапа* и *Андрея*, формируют литературный антропоцентрический концепт патриотизма и предательства. Приведём текстовую иллюстрацию, в которой содержится упрек современным *Андреям*:

Вспомним слова «ополченца» Тараса Бульбы: «Ну что, сынок, помогли тебе твои ляхи?» (НС.2014.10).

Тарас Бульба, бесспорно, представляет собой базисный образец патриотизма в русском мире, что подтверждается и данными «Русского ассоциативного словаря», где зафиксировано, что легендарный персонаж Гоголя вызывает базисные ассоциации при стимуле **УКРАИНСКИЙ: язык, борщ, хлеб, сало, хохол, веселенький, горилка, Тарас Бульба...**¹⁰

Творчество Н. В. Гоголя и его основные биографические данные образуют сильное словесное орудие в пропагандистской борьбе российских и антироссийских сил в контексте украинского кризиса. Так, в приведенных ниже стихах сам *Николай Гоголь* «осуждает» *из гроба* известных современных украинских политиков:

Вот ростовые куклы майдана: / Боксер с мозгами барана, / Очкарик, снующий лисой, / Девушка-смерть за решеткой с косою. / Николай Гоголь из гроба, / Знавший толк в русском слове, / Говорит не на мове: / «Уличная эта Рада / родом из ада». (ЛГ.2014.29, В. Маленко).

Украинский кризис совпал, казалось бы, случайно, со столетием начала Первой мировой войны. Это отмечают историки, политологи, публицисты, политики и др. авторы. С. Зотов в этой связи назвал XX век *грозным*¹¹ и для убедительной аргументации в поддержку своей позиции привёл пророческие стихи Н. А. Некрасова, которые поэт написал в 1871 г. после Франко-прусской войны:

Страшный год! Газетное витийство / И резня, проклятая резня! / Впечатленья крови и убийства, / Вы вконец измучили меня. Этот год готовит и для внуков / Семена раздора и войны. / В мире нет простых и чистых звуков, / Нет любви, свободы, тишины...

Поэтическая интуиция автора, породившая предсказание о последующих *раздорах* и *войнах*, оказалась верной, она актуальна также в наше время. При чтении некрасовских стихов в очередной раз подтверждается верность известной истины: *все возвращается на круги своя*, — но народы не научились ничему, не извлекли опыт из Первой Великой войны. Слова поэта вполне созвучны тому, что происходит на Юго-Востоке Украины через сто лет после Первой мировой войны:

Славянская тема, *спор славян*, стоит в центре многих рассуждений о событиях 2013–2014 гг. в Восточной Европе. Как известно, эта тема стала активизироваться как раз в эпоху русской классической литературы, и по сути дела каждый русский писатель высказал свои соображения по поводу идеи славянского единства. В современном контексте живы также поэтические строки Ф. И. Тютчева:

Из переполненной Господним гневом чаши / Кровь льется через край, и Запад тонет в ней. / Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! / Славянский мир, сомкнись тесней... (НС.2014.10)

Четверостишие Тютчева, в котором отразились в непримиримом антагонизме, с одной стороны, позиция тогдашнего немецкого *железного канцлера О. фон Бисмарка*, жаждущего *железа и крови*, а с другой — желание поэта все решать *любовью*, вызывает ассоциации между военными событиями второй половины XIX века и современным конфликтом на Украине:

Единство — возвестил оракул наших дней, — / Быть может спяно железом лишь и кровью... / Но мы попробуем спаять его любовью — / А там увидим, что прочней (НС.2014.10).

Слова Ф. И. Тютчева актуализируются в контексте современного противостояния России и Запада, и тютчевская характеристика *Бисмарка* приложима к конкретным политикам, занимающим антироссийские позиции:

«Оракул наших дней» у Тютчева — это Бисмарк, предшественник Ангелы Меркель и Петра Порошенко, пытающихся объединить Украину и Малороссию с Западом железом и кровью» (НС.2014.10).

Приведенный нами материал представляет собой лишь фрагмент бытования русской литературы в процессе оценки и интерпретации современности. Но и на его основе можно убедиться в авторитетности русского художественного слова при комментировании любой современной реалии. Тем самым подтверждается настоящая «живучесть» русской классики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ганичев В. «Нравственно управлять обществом». Размышление о литературе и власти // Наш современник. 2014. № 8. С. 265.

² Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–26.

³ Сипко Й. В поисках истинного смысла — Hľadanie ozajstného zmyslu. Prešov: FF PU, 2008. 444 с.

⁴ Гачев Г. Национальные образы мира: Космо. Психолог. Логос. Москва: «Прогресс-Культура», 1995.

⁵ В статье приняты следующие сокращения: КП — Комсомольская правда, ЛГ — Литературная газета, НГ — Независимая газета, НС — Наш современник, О — Огонек, РГ — Российская газета, Р — Pravda.

⁶ Куняев С. «Кто устоит в неравном споре...» // Наш современник. 2014. № 10. С. 3–5.

⁷ Орлов А. Гибель Червоной Руси // Литературная газета. Настоящее прошлое. 2014. № 26. С. 2.

⁸ Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. Москва: Изд-во РУДН, 1997.

⁹ Севастьянов А. Судьба русского народа решается в Донбассе // Наш современник. 2014. № 8. С. 244.

¹⁰ Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.

¹¹ Зотов С. Грозный век. К 100-летию начала Мировых войн. // Наш современник. 2014. № 8. С. 234–243.

Sipko J.

LITERARY ASSOCIATIONS IN MASS MEDIA COMMENTS ON UKRAINIAN CRISIS

The article analyzes linguistic units taken from Russian literature that are used to evaluate the events in Russian mass media connected with Ukrainian crisis. The author emphasizes the role of Russian literature in Russian culture and sees the analyzed material as one of a number of proofs that Russian culture is literature-centred. The material shows that Russian writers take the position of true bearers of basic ethno-cultural values of Russia.

Keywords: Russian, literature, crisis, Ukraine, associations.

Снетков Виталий Николаевич

Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, Россия

deanery@jurist.spbstu.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРАВОСОЗНАНИЕ

Данная статья посвящена влиянию профессионального русского языка в сфере юриспруденции на правосознание. В этой статье автор прослеживает влияние профессионального языка на каждый из структурных элементов правосознания.

Ключевые слова: правосознание, профессиональный язык, правовая идеология, правовая психология, индивидуальные знания о праве, личностные ценности индивида.

Правосознание — это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. То есть это субъективное восприятие правовых явлений людьми¹.

Профессиональные языки — социальные диалекты профессиональных групп, которые практически сводятся к особым лексическим системам, относящимся к соответствующей сфере деятельности этих групп². Согласно одной точки зрения, лексические системы профессиональных языков включают в себя как термины, так и их просторечные, иногда эмоционально окрашенные эквиваленты; согласно другой, они сводятся лишь к последним. В отличие от арго (иногда включенных в число профессиональных языков), сами профессиональные языки в собственном смысле слова не выполняют специфическую тайную функцию. От жаргонов профессиональные языки отличаются в основном более ограниченным характером своей лексики (профессионализмы) и менее выраженной экспрессивной функцией, впрочем, провести четкую границу между профессиональными языками и жаргонами достаточно трудно. В частности, чем более замкнуты группы носителей профессиональных языков (например, в условиях средневековой цеховой системы), тем ближе последние к жаргонам. Распространенное явление представляет собой проникновение профессионализмов в общенародный язык (прежде всего в просторечие).

Может ли профессиональный язык влиять на сознание граждан? В частности может ли он влиять на правосознание? Целью данной работы является анализ влияния данных терминов друг на друга, а также их взаимосвязь.

Структура правосознания включает в себя правовую идеологию, правовую психологию, индивидуальные знания о праве, личностные ценности индивида и его субъективную волю. Правовая идеология — право-

вые доктрины и понятия, правовые принципы, уровень юридической науки в целом³. Безусловно, тяжело представить себе, что юридическая наука могла бы развиваться или даже изучаться без привлечения специальных юридических терминов. Студенты юридических специальностей еще на первом курсе изучают дисциплину «Теория государства и права», в рамках которой они знакомятся с наиболее распространенными терминами и понятиями. Без уяснения этих специальных терминов юрист не сможет изучать законы, давать им самостоятельную оценку и уж точно будет не в состоянии применять их на практике.

Правовая психология — это эмоциональная оценка обществом и отдельными людьми правовых явлений⁴. Сюда же следует отнести чувства, настроения, переживания. Тяжело представить, что человек, который не знает точного определения любого термина, в состоянии о нем здраво рассуждать, оценивать его, проявлять к нему какие-либо чувства. Например, понятие «гражданский брак» до сих пор в общественном сознании воспринимается как незарегистрированный органами ЗАГС. Однако, с юридической точки зрения, все совсем наоборот. Данные отношения юрист назвал бы «сожителем». Поэтому как можно интересоваться мнением населения об институте гражданского брака, если большинство наших граждан до сих пор не знают точного значения этого понятия? Следовательно, профессиональный язык также оказывает неоспоримое влияние на правовую психологию.

Индивидуальные знания о праве — это уровень знаний каждой отдельной личности: уровень учёного-правоведа, неспециалиста и т. д. Разумеется, повышение правосознания общества является главной задачей юридической науки⁵. Именно для того, чтобы граждане могли хотя бы поверхностно ориентироваться в правовых понятиях, в ВУЗах и школах нашей страны изучается право. Базовыми терминами юриспруденции должен обладать каждый гражданин нашей страны, т. к. каждый из нас ежедневно становится участником более десяти различных правоотношений. Профессиональный русский язык — это все же русский язык, его в состоянии понять каждый при наличии базовых знаний о праве. Другое дело, что долгое время в нашей молодой стране господствовал правовой нигилизм, гражданам не было дело до изучения правовых терминов. На данный момент ситуация изменилась. Столько только открыть программу передач и посмотреть количество часов, посвящаемых телевидением праву ежедневно. Таким образом, уровень правосознания граждан растёт. Разумеется, без длительной профессиональной подготовки человек без юридического образования не сможет самостоятельно составить сложные документы, но понять, под какими обязательствами он ставит подпись, стало вполне реально. И, безусловно, огромным шагом вперед в этом отношении стало освоение гражданами базовых терминов профессионального юридического языка.

Личностные ценности индивида — это личный опыт и система убеждений, опираясь на которые человек оценивает правовые явления⁶. Но какой опыт может получить человек, вступивший в правоотношения, суть которых ему была неизвестна? На мой взгляд, единственный опыт в этом отношении — это уяснение необходимости изучения юридических терминов. Тяжело оградить от обмана человека, не осознающего, какие обязательства он на себя берет. Поэтому лучший совет в такой ситуации — не относиться легкомысленно к изучению юридического языка.

Субъективная воля индивида — это способность человека на основании знаний и чувств принимать решение, определяющее правомерность или неправомерность его поведения⁷. Человеку сложно понять, правомерно или неправомерно его поведение, если только он не представляет, что такое «право». А для изучения права необходимо освоить базовые юридические термины.

Правовое сознание человека формируется как под воздействием общества в целом, так и под воздействием социальных групп, в которых протекает его жизнь. Это воздействие формирует преимущественно прогрессивное правовое сознание, но отдельные элементы социальной среды могут способствовать при определенных условиях формированию антиобщественного правового сознания. Учитывать это обстоятельство и бороться с негативными моментами — одно из важнейших условий сознательного, целенаправленного правового воздействия на человека.

В правовом сознании можно обнаружить довольно строгую собственную логику, определенные основания рассуждения, богатый арсенал понятий, выработанных многовековым опытом человечества, системность представлений в каждом из исторических типов права. Словом, здесь мы имеем перед собой массовую форму миропонимания в целом, хотя и в каком-то своеобразном аспекте, а также некоторые особые способы и законы мышления, сформировавшиеся в процессе правовой культуры личности.

Выявление собственно правового сознания из совокупности других форм духовной деятельности — задача далеко не простая. Определение его специфического объекта затруднительно в связи с тем, что правовое сознание имеет дело не с какой-либо областью социальной жизни. Даже если допустимо говорить о собственно правовых действиях, то при этом нужно иметь в виду, что они не составляют область каких-то особых поступков, отличных от производственной, политической и других видов деятельности. Напротив, все сферы жизнедеятельности человека: материальный и духовный труд, политика и быт, отношения индивида и общества, частные взаимоотношения лиц, находящихся между собой в личных или семейных связях или же случайно встречающихся в общественных местах — равно попадают под суд нравственно-правовых норм, контролируются и направляются ими⁸.

Таким образом, юридический русский язык оказывает большое влияние на правосознание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 1. 361 с.

² Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002

³ Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности / отв. ред. Н. П. Фарберов. М.: Наука, 1969. 175 с.

⁴ Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. 384 с.

⁵ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. 205 с.

⁶ Высоких Ю. В. К вопросу о первоисточниках правосознания // Социум и власть. 2007. № 1 (13). С. 58–60.

⁷ Алексеев С. С. Указ. соч.

⁸ Пономаренко А. В., Снетков В. Н. Философско-правовые проблемы сознания личности. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007. С. 167–168.

Snetkov V. N.

ON INFLUENCE OF PROFESSIONAL RUSSIAN LANGUAGE TO LEGAL CONSCIOUSNESS

This article focuses on the influence of professional Russian language to the legal consciousness. The author analyses the influence of professional language to each structural element of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, professional language, legal ideology, legal psychology, individual knowledge of law, personal values.

Сосновски Войцех

Институт славистики Польской Академии наук

wpsosnow@uw.edu.pl

Яскот Мацей

Университет социальной психологии и гуманитарных наук
(SWPS), Варшава

mjaskot@swps.edu.pl

КАТЕГОРИЯ ОБРАЩЕНИЯ КАК ПРИМЕР БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Тема языковой вежливости часто затрагивается в современном языкознании. Вежливость в языке среди прочего осуществляется посредством обращений. Многие из обращений нужно отнести к безэквивалентной лексике. Материал для анализа настоящей темы можно легче собрать благодаря создаваемым параллельным корпусам. Исследование актуально в связи с ростом значения межкультурной коммуникации и необходимостью создания словарей обращений.

Ключевые слова: категория вежливости, обращение, безэквивалентная лексика, параллельный корпус.

В последнее время все большее внимание уделяется таким направлениям в современной науке, как лингвокультурология, лингвострановедение. Большое количество работ, так или иначе затрагивающих проблему «язык и культура», свидетельствует об актуальности изучения явлений языка в их соотнесенности с его кумулятивной, культураносной функцией. Это предполагает выявление национально-культурной специфики языковых единиц и, прежде всего, слова, как комплексной единицы языка и культуры. Среди национально окрашенных пластов лексики особое место занимает безэквивалентная лексика. В области безэквивалентной лексики нужно выделить обращения, относящиеся в свою очередь к категории вежливости.

Тема языковой вежливости и невежливости в последнее время часто затрагивается в современном языкознании. Вежливость или ее отсутствие (оппозиция вежливость/невежливость) осуществляется в языке среди прочего посредством обращений, которые понимаются как закрепившиеся, повторяемые в определенных ситуациях выражения, реализующие общественную модель поведения. Сфера общения является важным компонентом, влияющим на характер взаимодействия людей, в связи с этим выбор языковых средств зависит от ситуации общения. Ситуативная вариативность отражается в дифференцированном использовании форм обращения в зависимости от межличностных отношений и социокультурной ситуации. Межличностные отношения и тем более социокультурная ситуация, тесно связаны с культурой данного народа

и общества. С связи с этим, уже по этому критерию следует отнести обращение к безэквивалентной лексике. Основными сферами вербального общения следует считать формальную и неформальную сферы, каждая из которых характеризуется своими особенностями, детерминирующими выбор форм обращения. Успешность выбора обращения связана с его прагматической уместностью. Если говорящий выбирает форму обращения, которая соответствует данной ситуации, социальному статусу адресата и его настроению, то речевой акт будет успешно завершён, если же использована ошибочная форма обращения, то происходит коммуникативный сбой. Итак, в зависимости от выбора того или иного обращения, происходит вся дальнейшая коммуникация. В реальном контексте важную роль играют не только языковые средства, но и все корреляты ситуации. Вслед за Гольдвиним¹ следует отметить, что именно в сфере обращений произошли в последнее время большие изменения.

Согласно Haverkate², то или иное обращение, как по иерархической линии, так и степени знакомства, несёт за собой «груз» вежливости. Безусловно, применение «вежливых» форм более заметно во время коммуникационного акта двух собеседников, позиция которых по отношению друг к другу является асимметричной: возраст или общественная роль будут двумя ключевыми факторами. Следует также подчеркнуть, что во время анализа образцов вежливости, используемых во время общения, нельзя забывать о таком важном факторе, как пол собеседника.

Выбор формы вежливости в конкретной ситуации заключается в соответствующем распределении выбранной формы на двух плоскостях. Иерархическая плоскость учитывает возраст и общественную роль, степень фамильярных отношений, уже известную (прецедентную) информацию и эмпатию.

На наш взгляд важную роль играет фоновая лексика, т. е. слова, совпадающие по лексическому значению, но разные по лексическому фону. Они содержат дополнительные знания о мире, стилистические и семантические оттенки, накладывающиеся на основное значение, известное (понятное) людям, говорящим на данном языке. Усваивая то или иное слово, мы одновременно расширяем свои знания о мире. Хранителем этих знаний прежде всего выступает лексическое значение слова, а также его лексический фон — совокупность всех тех сведений, которые связаны с предметом, обозначаемым данным словом. Такие слова, как *девушка*, *господин*, *сестра*, совпадающие по лексическому значению и поэтому легко переводимые на другие языки, различаются своим лексическим фоном. Основным условием коммуникации считается фоновое знание, то есть знание реалий и культуры, которым в равной степени обладают говорящий и слушающий. Согласно В. С. Виноградову³, содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности,

особенности географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п. — т. е. все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Специфика реалий состоит в том, что они не входят в фонд знаний носителей другой культуры и языка.

Изучая систему обращений, можно получить косвенные данные об общественном сознании, о культурном и социальном контексте языка. Обращение является особым способом взаимодействия говорящего и адресата, способом создания особого коммуникативного пространства. Обращение — это полифункциональное многоплановое явление. Все виды характеристики, складывающиеся в систему семантической адресации, возникают на основе различных ролей, которые человек выполняет в обществе; соответственно, обращение должно быть выбрано адекватно одной из его многочисленных ролей, обусловленных самыми различными экстралингвистическими факторами. Именно эти факторы являются одной из главных причин того, что формы обращения можно рассматривать как один из видов безэквивалентной лексики в связи с тем, что понятие «безэквивалентная лексика» включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и причину такого отсутствия — «отражение словом специфической материальной и духовной культуры». Говоря о безэквивалентной лексике, мы не имеем в виду ее абсолютную непереводаемость. Вопрос сводится к тому, как передать данную лексику на другой язык. По мнению Р. И. Рецкер⁴ «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста». С. Влахов и С. Флорин⁵ считают, что «эквивалент предполагает полное тождество между соответствующими единицами двух языков в плане содержания (семантика, коннотация, фон)». А. О. Иванов⁶ под эквивалентом понимает «функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы языка — источника».

Сравнительные исследования в этой области открывают много нового в каждом языке. Материал для анализа настоящей темы в первой половине 21 века можно легче собрать благодаря создаваемым параллельным корпусам. Однако, в большинстве существующих словарей отсутствуют пометы, указывающие на употребление слова в значении обращения, что может показаться странным, так как значения форм обращения в пределах категории вежливости являются для лингвистов культурно-семантической категорией. При создании словарей нового типа (в том числе электронных) возникает необходимость употребления классификатора форм обращения. Первые попытки создания такого классификатора будут введены в русско-болгарско-польский словарь (авторы: Сосновски, Косеска-Тошева, Кисель)⁷. Хорошим методологическим решением

для сравнительных исследований по семантике вежливости будет использование языка-посредника. Это гарантирует объективное и равное сопоставление значений и форм интересующих нас языков. Используя теоретические положения «Польско-болгарской сравнительной грамматики»⁸, мы можем определить основные понятия и создать небольшой язык-посредник, используемый для описания форм и значений обращений при сравнении языков. Отсутствие классификаторов форм вежливости, особенно в двуязычных словарях, негативно влияет на качество перевода и преподавания иностранных языков. Профессиональное описание форм обращений и их значений, как одного из средств выражения вежливости, может улучшить межкультурное общение, работу переводчиков и процесс преподавания иностранных языков.

Параллельные корпуса являются очень полезными в поиске новых и современных материалов для исследований в области сравнительной лингвистики.

Коллектив сотрудников Секции корпусной лингвистики и семантики Института славистики Польской Академии Наук разрабатывает проект русско-болгарско-польского словаря, который представляет собой разновидность лексикона, содержащего короткие определения и большое число значений во всех трех языках. Планируется, что на каждом из трех языков в словарь будет включено по 10 000 словарных статей. В целом словарь будет содержать около 30 000 статей. Следует отметить, что семантические классификаторы, касающиеся существительных и предикатов, вводятся сначала в «Параллельном польско-болгарско-русском корпусе», разрабатываемом авторами в рамках европейского проекта Clarin⁹. Из этого параллельного корпуса авторы переносят языковой материал в готовящийся к изданию трехязычный словарь. Ведутся также исследования над семантической категорией вежливости и невежливости и выражаемых ею обращений. По мнению авторов, следует также в будущем задуматься над введением классификатора, который характеризовал бы лексемы с точки зрения вежливости, например, обращение разговорное, нейтральное и т. п. Будущие поколения, как книжных, так и электронных словарей, должны содержать классификаторы форм вежливости и обращений, так как они имеют коммуникативный характер и необходимы пользователям словарей. Как уже упоминалось раньше, ни один из существующих словарей анализируемых языков не содержит информации из области социолингвистики.

Исследование значений форм обращения как одного из элементов выражения языковой вежливости или её отсутствия заслуживают внимания в связи с динамическим развитием межкультурного общения, расширением границ международного сотрудничества, формированием новых требований межличностного общения, направленных на достижение взаимного согласия без насилия¹⁰. Исследование форм обращения

в польском и русском языках с точки зрения сравнительной лингвистики могут внести большой вклад в развитие нового поколения словарей и учебных пособий, необходимых для качественного преподавания иностранных языков.

Следует также обратить внимание на отсутствие двуязычных словарей обращений. Их создание могло бы облегчить работу переводчикам, преподавателям иностранных языков и содействовать правильному развитию межкультурной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гольдин В. Е. Обращение. Теоретические проблемы. М., 2009.

² Haverkate H. La cortesía verbal: estudio pragmalingüístico. Madrid: Gredos, 1994. 246 p.

³ Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978.

⁴ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода, Москва, 2004.

⁵ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2009. 360 с.

⁶ Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: СПбГУ, 2006. 200 с.

⁷ Koseska-Toszeva V., Satola-Staskowiak J., Sosnowski W. From the problems of dictionaries and multi-lingual corpora, [in:] Cognitive studies/Études cognitives, t.13, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland 2013

⁸ Koseska V. Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska, Warszawa, 2006.

⁹ *Common Language Resources and Technology Infrastructure* — научный проект, который в феврале 2012 года получил юридический статус ERIC (European Research Infrastructure Consortium) Европейской комиссии. Главная цель проекта состоит в объединении ресурсов и языковых инструментов для европейских языков в одну общую сеть, которая должна в будущем стать важным инструментом работы ученых из гуманитарных отраслей науки.

¹⁰ Marshall B. Rosenberg Porozumienie bez przemocy. O języku serca. Warszawa, 2003

Sosnowski W., Jaskot M.

NON-EQUIVALENT LEXIS: THE CASE OF FORMS OF ADDRESSING

The authors argue that language politeness has garnered much attention in linguistics. Politeness in language can be expressed through various means, e.g. through the fixed phrases used in specific contexts, which cannot be translated into other languages with the use of a single equivalent word or expression; they constitute non-equivalent lexis. Parallel language corpora provide ample data that can be used to study the nature of this process. No dictionaries of addressing forms have been developed up to date. Such dictionaries would make the work of translators and interpreters easier and more effective.

Keywords: language politeness, forms of address, non-equivalent lexis, parallel corpora.

Старикова Галина Васильевна
Орхусский университет, Дания
slags@cas.au.dk

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ В ЯЗЫКОВОМ МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКИХ И ДАТЧАН

В статье анализируются культурные оценочные коннотации, сопровождающие словопонятие *самопожертвование* в русском языке и его эквивалент (*selvopofrelse*) в датском. Сопоставительный анализ примеров из Национального корпуса русского языка и соответствующих корпусов датского языка, а также проведенный опрос среди носителей русского и датского языков помогли выявить существенную разницу в культурной коннотации рассмотренных слов.

Ключевые слова: языковой менталитет, культурная коннотация, русский язык, датский язык.

Языковой менталитет — это наш способ жить, думать и разговаривать

Анна Вежбицкая

Многолетние исследования крупных ученых, начиная с Гумбольдта, позволяют говорить о существовании ощущаемого каждым из нас, но с трудом поддающегося определению феномена, который принято условно называть *языковой менталитет*. Языковой менталитет, по определению исследователя Т. Б. Рабиля, это «национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка»¹.

Понятие *языковой менталитет* неразрывно связано с понятием *языковая картина мира*. Часто между этими двумя понятиями ставится знак равенства. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые рассматривают языковую картину мира как содержательную основу знания о мире в языковом менталитете.

Выделяют различные уровни языкового менталитета² (например, вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационно-прагматический, аксиологический). На данном этапе нас интересует аксиологический, ценностный уровень языкового менталитета. Он воплощается в совокупности ключевых концептов культуры, ценностная значимость которых «вплетена» в само номинативное содержание, а также «в языковых и в экстралингвистических (культурных) коннотациях, закрепленных в узусе за определенными словами и выражениями, то есть в системе языковой и экстралингвистической оценочности»³. Именно эти оценочные культурные коннотации и стали объектом нашего исследования. Интерес к ним обусловлен многими причинами. Одна из них связана с тем, что оценочность, эмотивность, эмотивная коннотация, представляющая собой естественную составляющую языкового менталитета любого наро-

да, в русской культуре играет особую роль, на что уже указывали многие исследователи, работающие в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и психоллингвистики, например, Н. Уфимцева, И. Стернин, К. Касьянова и многие другие.

Потребность в изучении культурных оценочных коннотаций продиктована помимо прочего и задачами преподавания русского языка нерусским, в частности, датчанам. На занятиях по практике речи и переводу часто возникает вопрос о том, как оценивают носители русского языка тот или иной признак, какова культурная оценочная коннотация данного слова. Но что такое культурная коннотация?

По определению В. Телии, «культурная коннотация — это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры»⁴. Культурная коннотация как фактор, актуализирующий лингвокультурную специфику того или иного сообщества, возникает, по мнению В. Телии, как результат интерпретации ассоциативно-образного посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Культурную коннотацию вычленивать не всегда легко и определить этот тип коннотации, в частности, оценочную коннотацию, основываясь только на словарных дефинициях, часто просто невозможно, если речь идет о тех, для кого русский язык не является родным. Требуется дополнительная информация, которую может передать студентам преподаватель.

Специфика оценочной сферы языкового менталитета на коннотативном уровне обнаруживает себя прежде всего при сопоставлении единиц разных языков, то есть единиц со сходным номинативным содержанием, но часто различающихся оценочными коннотациями. Вот почему мы обратились к сопоставительному анализу языковых единиц двух языков: русского и датского. Для исследования были отобраны слова-понятия, используемые при описании человека, его характера, с которыми студенты сталкивались в процессе изучения русского языка, в частности, на занятиях по практике речи во время изучения темы «Человек. Портрет. Характер». Отобранные для анализа слова довольно часто встречаются в различных русских источниках, что, помимо прочего, указывает на значимость соответствующих понятий в языковом менталитете русских. В настоящей работе мы остановимся на слове-понятии *самопожертвование*.

Мы проанализировали словарные статьи и примеры из Национального корпуса русского языка⁵ и датских корпусов *Korpus90* и *Korpus2000*⁶. Кроме того нами был проведен опрос среди носителей датского и русского языков (подавляющее большинство из них — люди с высшим образованием или студенты). На вопросы ответили 75 носителей датского языка и 73 носителя русского языка, не живущих в Дании. Возраст опрошенных датчан — от 15 до 86 лет. Возраст опрошенных русских — от 14 до 65 лет.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова дает следующую дефиницию: *самопожертвование* — жертвование своими личными интересами ради других. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова находим такое толкование: ‘жертвование собой, своими личными интересами во имя кого-, чего-л.’ Сходное определение находим и в других словарях (см., например, БАС и МАС). Прямой оценки словарные статьи не содержат.

В качестве синонимов к рассматриваемому слову в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой даются: *самоотречение, жертва*, в словаре синонимов онлайн (sinonimus.ru) — *жертва, самоотречение, героизм, жертвование*. Близким по значению является и отвлеченное существительное *самоотверженность* (см., например, БАС и МАС) — свойство по значению прилагательного *самоотверженный*, то есть ‘готовый жертвовать, жертвующий своими интересами во имя кого-, чего-л.’ Примеры, приведенные в словарных статьях к данному слову, позволяют выявить его положительную коннотацию:

История отметила много видов героизма и самоотверженности, но забыла об одном: о героизме и самоотверженности русской крестьянской женщины. Салтыков-Щедрин. Сон в летнюю ночь (МАС).

Анализ примеров из Национального корпуса русского языка показал, что подавляющее большинство текстов, содержащихся в корпусе, актуализирует положительную оценочную коннотацию слова-понятия *самопожертвование*:

Какое самопожертвование, восхищенно подумал я... (Кенжеев Б. Из Книги счастья (2007) // Новый мир, 2008); Его (фильм — Г. С.) нельзя назвать исключительно детским, ведь он пропагандирует вечные ценности — любовь, дружбу, преданность, самопожертвование (Обсуждение мультипликационного фильма «Король Лев»); Благородство, самопожертвование, храбрость и самое главное — чистая любовь — все есть в этом фильме (Рецензия на фильм «Когда я стану великаном» (2007–2011); Особенно в трудные минуты понимаешь, что она настоящий друг, готовый на самопожертвование (Подъяблонская Т. Иосиф Кобзон в Воронеже: «Я постоянно звоню Лужкову, говорю ему слова поддержки» // Комсомольская правда, 2010.10.18.) и т. д.

Чтобы не перечислять всех примеров, найденных в русском корпусе, приведу своеобразную «выжимку» из них. Обычно рассматриваемое слово-понятие употребляется вместе с высоким *во имя* (например, *во имя освобождения Родины, счастья русского и чешского народов, во имя Учителя*). На самопожертвование идут *ради благородного дела, спасения близких, торжества истины, общего дела, телезрителя или за веру, за Родину, за правое дело*. Употребляется в одном ряду с такими позитивно окрашенными словами и словосочетаниями, как *вечные ценности, добрый, сопереживание, взаимопомощь, альтруизм, гражданская позиция, патриотизм, верность долгу, присяге, отвага, героизм, герой, героиня, подвиг* (между самопожертвованием и подвигом часто ставится знак равенства: *самопожертвование*, то есть *подвиг*). Это высокое понятие, которое связывается с умением защитить слабого или за-

щитить важные принципы. Это важная составляющая любви, в первую очередь любви женщины, это то, на что готов настоящий друг, это свойство неординарных людей, которые защищают народ, весь мир. Без него не бывает настоящего искусства и вообще любого настоящего дела, и оно необходимо для политика, чтобы завоевать любовь электората.

Нет ни одного примера, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что здесь мы имеем дело с употреблением слова в негативном значении. Есть случаи, которые можно было бы отнести к примерам нейтрального употребления:

Они любят только успех и могут идти на самопожертвование ради преуспевания (Герман Ю. Дорогой мой человек).

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемое слово-понятие — несмотря на свой ореол трагичности — имеет позитивную коннотацию. Можно предположить, что эта положительная оценка сформировалась в русском языковом менталитете под влиянием христианской религии с ее поклонением перед самопожертвованием Христа. Идея самопожертвования всегда была и, по-видимому, остается одной из важных в русской культуре в целом. Слово *самопожертвование* распространено в текстах, принадлежащих к различным стилям и жанрам. Мы встречаем его не только в религиозных текстах, но и в художественной речи, текстах общественно-политической тематики, публицистике. Немало примеров можно обнаружить и в электронных средствах массовой информации, например:

В революции по разные стороны баррикад присутствует своя правда: и у пассионариев, готовых на самопожертвование во имя свободы и справедливости, и у убывателей, стремящихся прежде всего сохранить то, что им дорого, и у силовиков, выполняющих приказ (http://www.gazeta.ru/comments/2014/03/26_a_5965369.shtml); А я считаю, что он совершил героический поступок, название которому — «самопожертвование»... (<http://www.aif.ru/health/children/1174391>) и т. д.

Как правило, с позитивной коннотацией слово употребляется и в речи современных российских политиков, например:

«На миру и смерть красна». Только у нашего народа могла родиться такая пословица. В этом и есть глубокие корни нашего патриотизма, отсюда массовый героизм во время войн и самопожертвование в мирное время, отсюда чувство локтя и наши семейные ценности (Путин В. Прямая линия по российскому ТВ. 17.04.2014).

Обратимся к результатам опроса носителей русского языка. Русские на вопрос, как они воспринимают слово-понятие *самопожертвование*: как позитивное, как нейтральное или как негативное, — ответили таким образом:

Позитивное (+)	Нейтральное (0)	Негативное (-)	Не знаю (?)
44	24	5	0
(60,27%)	(32,88%)	(6,85%)	

Как видим, большинство (60, 27%) склонно оценивать слово позитивно. Причем среди 22 опрошенных мужчин рассматривают слово-понятие позитивно — 14, нейтрально — 5, негативно — 3. А среди 51 опрошенной женщины: позитивно — 30, нейтрально — 19, негативно — 2. Мы также попытались выявить, как к этому слову-понятию относятся представители разных поколений. Среди 22 респондентов от 14 до 24 лет данное слово оценивают позитивно — 12, нейтрально — 7, негативно — 1. Среди 13 респондентов от 25 до 39 лет: позитивно — 2, нейтрально — 9, негативно — 2. Среди 38 респондентов от 40 до 65 лет: позитивно — 22, нейтрально — 8, негативно 2. Отметим также, что вопрос не вызвал затруднений ни у одного из опрошенных.

В Русско-датском словаре⁷ находим следующий перевод слова *самопожертвование*: *selvopofrelse*. Словарь датского языка⁸ дает такое определение: *Selvopofrelse* — det at tilsidesætte sig selv for andres skyld el. til fordel for en bestemt sag; **syn.** *opofrelse hun /kendte ikke/ til andet end selvopofrelse over for de mennesker, hun virkelig elskede* AltDam87 (*пренебрежение собой ради интересов других или в пользу какого-либо дела*). Надо отметить, что слово *selvopofrelse*, как и его синонимы *opofrelse* и *selvforståelse*, значительно менее употребительно в датском языке, чем его эквивалент в русском. В Korpus90 og Korpus2000 не нашлось ни одного примера с этим словом. Оно главным образом встречается в религиозных датских текстах. Напомним, что, по признанию многих исследователей, частотность употребления слов с культурно-специфическим значением, отражает значимость обозначаемых явлений⁹.

Опрос датчан показал следующие результаты:

+	0	–	?
30	17	25	4
(40%)	(22,67%)	(32%)	(5,33%)

Как видим, картина здесь несколько иная. Мнения датчан разделились. Положительным слово-понятие считает только 40 % опрошенных. Достаточно большой процент респондентов воспринимает его как негативное. Причем среди 30 опрошенных мужчин данное слово оценивают позитивно — 13, нейтрально — 7, негативно — 9, затруднялся ответить — 1. Среди 45 опрошенных женщин 16 оценивают рассматриваемое слово как позитивное, 10 — как нейтральное, 16 — как негативное, 3 затруднялись ответить. В возрастной группе от 15 до 39 лет ответы разделились таким образом: позитивное — 21, нейтральное — 10, негативное — 14, затруднялся ответить — 1. В возрастной группе от 40 до 86 лет: позитивное — 8, нейтральное — 7, негативное — 10, затруднялись ответить 3.

Итак, хотя среди русских респондентов не было полного единодушия, все же подавляющее большинство (60,27%) склонно считать рас-

считываемое слово-понятие как позитивное, в то время как только 40% датчан готовы присоединиться к этому мнению, причем 32% из них считают, что в слове присутствует негативная коннотация. Интересно также, что почти 33% русских рассматривают сегодня слово-понятие *самопожертвование* как нейтральное, что, возможно, отражает, начало новой тенденции.

Можно задаться вопросом, отражает ли проведенный анализ «дух народа» (по Потебне) или это факт «группового или корпоративного самосознания» в определенной культурной среде в определенное «социальное время» (по В. Телии). Об этом можно спорить. Но как бы там ни было, мы — вслед за В. Телией — полагаем, что «дух народа» запечатлен в языке как культурной памяти народа, в том числе и в его противоречивых и групповых проявлениях, поэтому данные подобных исследований, на наш взгляд, имеют важное значение, особенно в практике преподавания и изучения русского языка как неродного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 66.

² См. более подробно об этом см., напр.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

³ Рабиль Т. Б. Указ. раб. С. 70.

⁴ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 214.

⁵ URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

⁶ URL: <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.html>

⁷ Russisk-dansk Ordbog. Gyldendals Røde Ordbøger, 2. udg., 8. opl. Copenhagen, 1985.

⁸ Den danske ordbog. Bind 5. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Copenhagen, 2005.

⁹ См., например: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Starikova G. V.

SELF-SACRIFICE IN THE LINGUISTIC MENTALITY OF DANES AND RUSSIANS

The article analyses the cultural evaluative connotations of the auto-semantic Russian word *samopozhertvovanie* ('self-sacrifice') and its Danish equivalent (*selvopofrelse*). A comparative analysis of examples from Russian and Danish online language corpus respectively, as well as questionnaire-type interviews with both Russian and Danish native speakers carried out in connection with this article, are employed to uncover a substantial difference in the cultural connotations of the auto-semantic words in question.

Keywords: linguistic mentality, cultural connotations, the Russian language, the Danish language.

«ВЕРУЮЩАЯ ВЕРА» КАК СИМВОЛ ДУХОВНОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Идеология как область духовной культуры — синтез философских, политических, религиозных и эстетических представлений. В системе русских национально-культурных ценностей «*верующая вера*» есть синергетический вектор человеческого и Божественного Духа/духа, атрибут русской национальной идеи, олицетворяющей русскую духовность («поющее сердце»), «оД/духотворенную» деятельность (государственную, национальную, семейную, личностную) посредством символического содержания концепта «вера».

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, символ, рефлексия.

Известно, что концепты-универсалии присутствуют в любой лингвокультуре, тем не менее «идиоэтничность частично присутствует <...> в их периферийном семантическом составе»¹.

Концепт *вера* в аспекте воспроизведения внутренней формы, его исторического развития и бытования в русской культуре подробно описан в известной работе Ю. С. Степанова², однако, как нам представляется, автор работы сделал акцент на лингвокультурологическом описании концепта веры, не затрагивая русской религиозно-философской истории данного понятия, остановившись в большей степени на обобщенно христианском представлении концепта.

Уникальность осмысления *веры* в контексте русской культуры должна быть репрезентирована все-таки с учетом «русской философской рефлексии» — рефлексии «русских мыслителей, интуиция которых во многом отразила те представления о жизни и судьбе, которые складывались в Древней Руси и развивались в средневековой России»³.

В этой связи нам представляется возможным определить две линии концептуального представления *веры*:

1) вслед за Ю. С. Степановым — лингвокультурологическое, обусловленное «большим сходством, «конгруэнтностью» понятий *веры* в трех языках культуры — греческом, еврейском и латинском», этимологически восходящее к «доверию», «верности» (лат. *fides*, греч. *pistis* ← индоевроп. **bheidh-*);

2) в христианских традициях, определивших своеобразие конфессионального осмысления, в том числе и в русской православной философии: А. В. Пономарев, М. С. Иванов, А. Т. Казарян, авторы дефиниции понятия *веры* в «Православной энциклопедии» дают полное представление о развитии концепта *веры*, начиная с представлений в Ветхом Завете и заканчивая русской философией XX века — «**Вѣра**, один из главных феноменов человеческой жизни. По своей природе подразделяется на религиозную и нерелигиозную. Нерелиг. В. проявляет себя как уверенность в ком-нибудь или чем-нибудь». <...> Религ. В. определяется отношением человека к Божеству и проявляется в признании Его бытия, в доверии и верности Ему. Нередко В. называют сумму убеждений, вероучение и даже религию»⁴;

- в Ветхом Завете — евр. глагол *he'émîn* передает идею твердости, устойчивости, постоянства; сущ. *'émûnâh* значение «вера», «верность», «искренность»;
- в Новом Завете — «В., о которой говорит Господь, есть доверие Богу, и оно противопоставляется сомнению», в частности — в Послании к Евреям апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»;
- вера христианская — «основа христианского сознания и образа жизни»;
- христианскую религию иногда называют христианской верой;
- вера в философии как необходимый элемент познания и практического действия;
- в раннехристианской философии: вера есть необходимое условие знания, познание есть развертывание веры (Николай Кузанский);
- в новейшей философии: «наше согласие» с Божественным Откровением, которое как «свидетельство Бога» истинно и потому не может противоречить разуму (Лейбниц);
- в немецкой классической философии: существование Бога выводимо из морали, достоверна лишь вера моральная (Кант); вера не противопоставлена знанию, вера есть знание → два существенных момента в самой вере: знание, которое связано с представлением (субъективная вера), и познание в истине, в духе от Святого Духа = свидетельство духа о духе (объективная вера) (Гегель);
- в европейской философии XIX века: вера есть тайна, и потому не может быть рационализирована (Кьеркегор); вера есть нечто иное, как вера в человеческое достоинство (Фейербах); сознательный обман, выгодный эксплуататорским классам (К. Маркс, Ф. Энгельс); вера в бытие Бога для нас, сверхчеловека (Ницше);
- в философии XX века: философская вера, содержанием которой является Бог, мир и человек (Ясперс); возвращение к «евангельскому пониманию» веры как дара и чуда (К. Барт);
- в русской философии: религиозно-философское осмысление (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Вл. Соловьев, русский идеализм), позитивизм (К. Д. Кавелин, В. В. Лесевич и др.) и материализм (от М. А. Бакунина до В. Ленина) — «в основе знания тоже лежит вера» (Н. А. Бердяев), задача, стоящая перед современной философией — найти путь для их «гармонического слияния» (С. Франк).

В контексте названной словарной дефиниции авторы уделяют немало внимания и вопросам аналитического описания *веры* в работах И. А. Ильина, в частности в разделе соотношения понятий *веры*, *разума* и *знания*.

Таким образом, содержание концепта *вера* в контексте русской культуры многопланово и многогранно.

Рекурентность (частотность его языковых репрезентаций)⁵ концепта *вера* в русской национальной концептосфере в первую очередь определяется метафизическим характером русской культуры в целом, русской философии, в частности.

Бесспорным представляется тот факт, что «большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах»⁶: так называемые дополнительные признаки могут быть описаны как сущность, известная отдельным носителям языка (Ю. С. Степанов), интерпретационная зона (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Считаем возможным включить концептуальную информацию, репрезентированную концептом *вера* в дискурсе И. А. Ильина, в состав интерпретационной зоны (интерпретационного поля) концепта-универсалия, имеющего национальную специфику:

«**Вера** есть зрелое проявление *инстинктивной духовности* человека и в то же время выражение его *жизненной цельности*, включающей в себя и волю, и чувство, и мысль, и воображение, и деятельность»⁷;

«<...> **вера** есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрение, его стремления и поступки*»⁸.

По мнению мыслителя, вопреки традиционному субъективному восприятию *веры* в отличие от объективной истины (знания), *знание* и *вера* не расходятся и не стоят в противоречии: «то, что он знает, достоверно той единой достоверностью и очевидно той единой очевидностью, которая силой объективности своей создает *верующее знание* и *знающую веру*»⁹.

Основой *знания*, действительно, является эмпирическое основание, основой *веры* «полноценный опыт», т. е. опыт духовный, так как «через духовный опыт человек сообщается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Абсолютом». Человек, пренебрегающий духовным опытом, теряет доступ ко всему этому. Только духовный опыт, полагает И. А. Ильин, открывает человеку доступ «к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности»¹⁰:

«**Истинная вера** возникает не из субъективных настроений и не из произвольных построений. Она зарождается в полноценном опыте и бывает всегда укоренена в *предметном созерцании духа*. Этот духовный опыт имеет дело с *реальностями не чувственного* (совесть) или *не только чувственного* (художество) или прямо *сверхчувственного* (религия) характера»¹¹.

Соответственно *истинная вера* есть *духовная вера* (вторичная номинация в отличие от истинной веры — вторичной дефиниции), *верующая вера*:

«**Духовная вера** как бы отверзает у человека новые очи или натягивает в его душе новые струны и заставляет их звучать; возникают новые, более благородные, утонченные потребности; он начинает видеть и постигать то, что остается скрытым от неверующих людей — *стихию священного в человеческих душах и в мире вещественной природы*»¹². «Через *духовный опыт человек сообщается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом*. Отсюда возникает *«верующая» вера*. Здесь зарождается религия и церковь»¹³.

Итак, «*верующая вера*», олицетворяющая «*живое соприкосновение с Богом*», и есть символ русской национальной идеи, репрезентирующей русскую духовность («*поющее сердце*») посредством одухотворенной деятельности (государственной, национальной, семейной, личностной).

По характеру концептуализированной информации концепт абстрактного имени *вера* представляет собой «комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, упорядочивающую многообразие явлений в сознании, <...> целостный образ, совмещающий чув-

ственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления»¹⁴.

«Абстрактный» концепт, представляющий определенную ценность, реализуется посредством концептуальных метафор:

- «<...> **вера** есть *цветок Благодати, дар веющего Духа*. <...> **Вера** есть личная и добровольная связь души с Богом; именно поэтому на нее нельзя покушаться, ее нельзя вымогать, ее нельзя преследовать и гнать»¹⁵;
- «<...> **вера** сама есть любовь, т. е. огненная воля к Божественному, т. е. система живых усилий, направленных к его осуществлению. <...> **вера** есть одержающая душу очевидность Божественного бытия»¹⁶;
- «**Вера** есть *духовный язык инстинкта*»¹⁷;
- «**Вера** есть кормчий в буре, как может она прозябать в теплице? Она есть источник жизненного бесстрашия; как может она трепетать от каждого сомнения? Она составляет глубочайший корень личной жизни; как же может она уподобиться случайно севшей и легко спугиваемой бабочке?»¹⁸;
- «<...> **религиозная вера** есть величайшая сила, призванная *углублять, очищать и облагораживать* инстинкт личного и национального самосохранения, но отнюдь не гасить, не обессиливать и не извращать его неверными, лже-богословскими доктринами»¹⁹; **вера** — это *вся жизнь и сама жизнь*; что она — *даже и до смерти*; что она *главный исток творчества*; что её неизреченные тайны — разумны; что в её совершенных — *закаляется и крепнет воля*; что она есть *одержимость, трезвеющая в духовной очевидности*; что она есть *духовный характер, вскормленный откровением*; что *она есть огонь, очищающий и опадающий*; что она неизворотлива и нерассуждающа, и искренна, и героична»²⁰.

Кроме того, «интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его»²¹.

Идеологически-оценочная зона концепта *вера* в дискурсе И. А. Ильина очерчена прагмемой *вера*, эксплицирующей мелиоративную оценочность, и деривационными производными от выражающего ее слова, эксплицирующими пейоративную оценочность: *безверие, заразоверие, лежковерие, неверие, полувера, пустоверие, суеверие, страховерие, случайноверие*.

Следует иметь в виду, что ключевым в дискурсе, что очевидно, является понимание *веры* как религиозной веры, веры в Бога, тем не менее, автор устанавливает различие между *верой* вообще и *религиозной верой*: И. А. Ильин считал даже *неверие* особой формой *веры*, т. е. определенное изначально как «*ведущее тяготение человека*» предполагает понимание *веры* как целенаправленно мотивированного внутреннего выбора. Отсюда — дифференцированное употребление глаголов: *веровать* в отношении религиозного выбора, *верить* — в отношении нерелигиозного выбора: «**Верят** — все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. **Веруют же** — далеко не все: ибо *верование* предполагает в человеке способность прилепиться душой (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь к спасению»²².

Итак, «*верующая вера*», онтологическая связь между человеком и Богом, сосредоточенная в духовном опыте, способном открыть истинное знание тому, кто верует, есть «*вера знающая*», опирающаяся на «*духовный опыт*», «*очевидность Божественного бытия*», репрезентированная метафорически как «*цветок Благодати*», «*дар веющего Духа*», — синергетический вектор человеческого духа, материализация Духа Божественного, символ русской национальной идеи, олицетворяющей русскую духовность («*поющее сердце*») посредством одухотворенной деятельности (государственной, национальной, семейной, личностной).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. С. 13–22.

² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 992 с.

³ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2000. 326 с.

⁴ Православная энциклопедия. Т. 7: Ва-Ве / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 669–695.

⁵ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 314 с.

⁶ Там же. С. 105–106.

⁷ Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 95–146.

⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 75–305.

⁹ Ильин И. А. Религиозный смысл философии // Ильин И. А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 7–75.

¹⁰ Пирогова Л. А. Проблема очевидности в философии И. А. Ильина: дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2005. 149 с.

¹¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 305–475.

¹² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 121.

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ Попова З. Д., Стернин И. А. Указ соч. С. 119.

¹⁵ Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Составление, предисловие и комментарии Ю. Т. Лисицы. М.: Айрис-пресс, 2008. 528 с.

¹⁶ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. Т. 1–2. М.: «Издательство АСТ», 2002. 589 с.

¹⁷ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: «Русская книга — XXI век», 2006. С. 249–295.

¹⁸ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. Т. 1–2. М.: «Издательство АСТ», 2002. С. 228.

¹⁹ Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 107–152.

²⁰ Ильин И. А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Им. указ. О. В. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. 576 с.

²¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Указ соч. С. 110.

²² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. сочинений: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 84–85.

Starodubets S. N.

“BELIEVING FAITH” AS THE SYMBOL OF SPIRITUALITY IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

The autor argues that ideology is a part of spiritual culture, a combination of philosophic, political, religious and aesthetic ideas, and in Russian national and cultural value system the “believing faith” is a synergetic vector of human and Godlike Spirit / spirit, an attribute of Russian national idea, embodying Russian spirituality (a “singing heart”), “Spiritualized Activity” (governmental, national, family-related, personal) by means of symbolic meaning of the “faith” concept.

Keywords: linguoculture, concept, symbol, reflexion.

Стоянова Елена Викторовна

Шуменский университет имени Епископа
Константина Преславского, Болгария

elvikstoyanova@abv.bg

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ МЕТАФОРЫ

Статья посвящена изучению вопросов эмотивности современной вкусовой метафоры в российском и болгарском медиадискурсах. Эмотивная коннотация как чувственная и оценочная характеристика объекта, транслируемая метафорическим образом, представляется одним из важнейших путей воздействия на интеллект, волю и эмоциональное состояние адресата. Метафора является средством формирования и передачи как ингерентной, так и адгерентной эмотивности.

Ключевые слова: язык и культура, метафора, медиадискурс, русский и болгарский медиатексты.

Одним из направлений современного изучения метафоры в русле когнитивно-дискурсивной концепции, на фоне развивающейся обусловленности познавательных актов контекстом общения и нагруженности их экзистенциальными смыслами, становится исследование метафоры в медиадискурсе.

Современный медиатекст воспринимается не просто как результат дискурсивной практики (т. е. отображение лингвокультурной ситуации — ЛКС), но и как ее инструмент. Это объясняет повышенную метафоричность языка современных массмедиа, в которых метафора является наиболее действенным средством передачи выразительности (экспрессивности), оценочности, эмоциональности, полемичности и манипулятивности. Следовательно, эмотивная коннотация как чувственная (эмоциональная) и оценочная характеристика объекта, транслируемая метафорическим образом, представляется одним из важнейших путей имплицитного или эксплицитного воздействия на интеллект, волю и эмоциональное состояние адресата. В лингвокогнитивном аспекте эмотивность рассматривается в качестве когнитивной структуры в сознании человека, которая связывается с конкретной ситуацией эмоционального оценивания¹. В медиадискурсе эмотивность метафоры прогнозируется автором медиатекста в соответствии с гипотезой о когнитивной матрице структурирования и хранения знаний о мире, лежащей в основе высказанной М. Минским теории фреймов².

В базовую установку метафоры как медиатекста заложена рациональная оценка (*хорошо — плохо, положительный — отрицательный*). Подобная эмотивная установка прочитывается адресатом, как правило, сразу, поскольку эти „посылы“ моделируются на базе традиционного знания как понятийной сферы метафоризации, часто обуславливаются выбором той или иной метафорической модели и степенью ее структу-

рированности в сознании носителя лингвокультуры. Кроме того, рациональная оценка дополняется личностным эмоциональным восприятием метафоры³. Специфика эмотивной коннотации может проявляться и в зависимости от ситуации или метафорического контекста. Таким образом, метафора способна выступать средством формирования и передачи как ингерентной, так и адгерентной эмотивности.

В аспекте контрастивных исследований принимается во внимание еще один факт эмотивности метафоры. При учете одного из основных ориентиров когнитивного механизма — культурного компонента⁴, который неизменно включается в процесс метафоризации, эмотивность приобретает национально-специфический характер.

Целью данной статьи является обращение к эмотивной коннотации русской и болгарской вкусовой метафоры. Как известно, сфера источника вкусовой метафоры отличается относительным постоянством во времени, что в значительной степени выделяет эту метафору среди других, поскольку вкусовые ощущения человека характеризуются определенной стабильностью и относительной неизменностью. Материалом исследования выступают русские и болгарские медиатексты разных жанров выборочной подборки из национальных печатных и электронных изданий периода последнего десятилетия.

В современном российском и болгарском медиадискурсе вкусовая метафора является активным стилистическим ресурсом для привлечения внимания, представления и оценки той или иной ситуации, обеспечивая требуемое в этих целях упрощение, конкретизацию или, наоборот, размывание понятий. В соответствии с аксиологической интерпретацией знания, параметризация в эмотивной коннотации вкусовой метафоры подразумевает членение оценки, прежде всего, на мелиоративную — дерогативную (пейоративную). Именно данная характеристика лежит на поверхности эмотивного восприятия данной метафоры.

Положительная и отрицательная характеристика создается, в основном, на уровне дихотомии *вкусный — безвкусный, невкусный*. Например:

русс. *В идеале «Магнитка» приучила любящего ее зрителя к хоккею вкусных комбинаций, игровому, на исполнение — как и «Барселона» (Советский спорт 11.12.2008); Рулю не хватает остроты реакции, из-за чего управляемость какая-то «невкусная», нет в ней азарта, зато есть уверенность (Комсомольская правда 16. 11.2007); К сожалению, хорошая идея акцентировать внимание на межнациональной толерантности и этнокультурном многообразии Украины получила безвкусное исполнение и превратилась в бессмысленную пародию (Комсомольская правда 15.08.2010) и болг. *Вкусен спектакъл от Ирландия кани на вечеря за двама в Младежкия (Новинар 27.10.2007); Паралелът между тоталитарния режим и посттоталитарния, в който живеем, е плосък, безвкусен и неприличен (Репортер 03.11.2013).**

Традиционно *сладкий и соленый* в русской лингвокультуре воспринимались с положительным знаком и соответствовали понятию *вкусный* в отличие от *безвкусной* и *пресной* пищи. Например:

русск. *Кольцов «вкусным» кистевым броском от синей линии вновь устанавливает равенство* (Советский спорт 23.12.2006); *Будем надеяться, что уж в этом поединке старина Тайсон не промахнется и пошлет своего соперника в сладкий нокаут* (Комсомольская правда 05.08.2005) — *На перерыв «Локомотив» уходит, имея в активе разве что пресный удар головой Одемвингие* (Советский спорт 15.06.2009).

Наоборот, *горький* вкус исторически ассоциировался с неприятным ощущением. Подобное негативное отношение к горькому, сложившееся в древности интуитивно (Ср. русск. *Хуже горькой редьки*), совпадает с заключением эволюционной биологии о токсичности горьких растений. Однако в болгарской лингвокультуре допускается двойственность и противоречивость в эмотивности указанной метафоры. Ср.:

Истинското вино е горчиво (букв. Настоящее вино горькое на вкус) и пейоративно звучащие метафоры, болг. *ГЕРБ получи горчив «подарък» за седмия си рожден ден. Търновският депутат Георги Марков изненадващо подаде заявление за напускане на парламентарната група на бившите управляващи* (Стандарт 03.12.2013); *Горчив хап за цяла Европа. Лидерите на Европейския съюз сринаха банковата система на Кипър за назидание на другите си длъжници* (Дума 25.04.2013).

Кислый (в силу незрелости плода) также воспринимался со знаком минус. Однако с течением времени, с новыми технологическими решениями невозможно уже дать однозначной оценки таким вкусовым ощущениям, как: *солёный, кислый, жирный*. (Ср. например, болг. *кисело зеле, кисело мляко* (букв. квашеная капуста, йогурт), русск. *кисло-молочные продукты*, то есть что-либо, приготовленное путем квашения, на основе брожения, и русск. *кислый суп*, болг. *вкиснала супа*, то есть испорченный, прокисший суп). *Острый* вкус продукта, толкуемый часто отрицательно, нередко придает особую пикантность и изысканность пище.

С положительной коннотацией актуальности и важности звучат следующие русские вкусовые метафоры *соленая правда, острая проблема*. Например:

В. Путин: С пивом хорошо солёную правду (Голос России 15.12.2012); *А депутат Олег Куликов, член ЦК КПРФ, добавил: «Сами понимаете, что за минуту охватить все острые проблемы невозможно»* (Независимая газета 07.04.2011). В болгарской метафоре жгучий вкус ассоциируется с ярым пристрастием. Например: болг. *Сетих се обаче, че от няколко години у нас БСП въведе «диш хагъ». Едно време българите — блюстители на чистотата на езика на Кирил и Методий (на което съм лют привърженик), са му викали «данък десетък». Сега модерните либерални икономисти го възхваляват като «плюсък данък»* (24 часа 06.01.2014).

С неодобрением, например, воспринимаются метафоры:

русск. *Медведев поручил открыть аэропорт «Бельбек» для гражданской авиации. «Единственное — его, конечно, нужно привести в порядок, потому что, как многие другие объекты, на территории Республики Крым и Севастополя, он находится в довольно таком кислом состоянии* (РИА Новости 16.06.2013); *...престиж рабочей профессии в нашей стране крайне низок, и «кислый» образ российского рабочего необходимо менять* (РБК Daily, 2010.08.31) и болг. *ДС и БКП — брак с кисела физиономия* (Дневник 20.04.2008).

Однако нередко кислый вкус соотносится с незначительностью, что может толковаться трактоваться. Например:

Уровень коррупции внизу кислый, а наверху — колоссальный. А благодаря вопросу предпринимателя из Нижнего Новгорода Олега Кондрашева, кандидат в президенты приоткрыл завесу над тем, как и когда в стране начнут бороться с коррупцией (Комсомольская правда 27.02.2008) и болг. *Сигурен съм, че тези мои разсъждения ще срещнат оня кисел сарказъм и самодоволството на реванша, с които са залети форумите и социалните мрежи. Ще се сблъскат и с объркването и обидата, обвезели хората, които се надяваха, че най-сетне с правителството на Орешарски ще започне промяната и нормализацията на страната към по-добро, каквото бяха и обещаенията преди и след изборите* (Дума 19.06.2013); *Чиновникът — тази неизтретиба класа. Четата му е всявала кисел ужас сред богатите, а пък бедните направо са го обожавали и често са го укривали от потери и войска, защото се е правел на Робин Худ. Властта го е преследвала, но без да си дава много зор, обаче след като прави неуспешен опит да задигне пет милиона от държавната банка в Хасково, хайдутинът съвсем озверява* (Дума 04.06.2011).

Неоднозначно воспринимается и метафора *кислая экономика*. Например:

русск. *Медведев: состояние экономики РФ «кислое», но лучше, чем в Европе* (РИА Новости 06.12.2013).

С одной стороны, кислый вкус ассоциируется с начавшимся процессом брожения, активизации. Но с другой — если подобное состояние продолжается долго, то продукт теряет свою ценность, портится и прокисает.

Ингерентная эмотивность в качестве положительной — отрицательной характеристики создается на уровне дихотомии *вкусный, аппетитный, лакомый — безвкусный, невкусный, пресный*; а положительная вкусовая реакция на сладкое противопоставляется в некоторых ситуациях двум вкусам — горькому и кислому: *сладкий — кислый, горький* и др. В медиатекстах наблюдается наличие адгерентной эмотивности, размывающей категоричность противопоставления. Оценка (*вкусный, аппетитный, лакомый*) не воспринимается основным адресатом как положительная эмотивность, а звучит как средство наживы горстки людей и вызывает негативные ассоциации. Например:

русск. *«Самой вкусной» сделкой в рамках проведенной в текущем году приватизации стала продажа акций алмазодобывающей компании «Алроса»* (Lenta.ru 11.12.2013); *Очевидно, что самые лакомые кусочки государственной собственности уже давно проданы, и последние три года план приватизации выполняется лишь на 50–60%* (РБК Daily 18.08.2008) и болг. *Бойко Борисов: Точната формулировка, която трябва да се използва, е, че всичко, което е можело да носи приходи, отдавна вече е приватизирано. Вкарваме го в защителния списък — оттук нататък, това, което опосканото е останало, да не бъде приватизирано. Не че някой ще иска да го купи, а просто да спрем популистите с лъжите — тези, които са налупали вкусните хапки, да ги наречем, от Софийски* (Репортер 27.05.2011).

Адгерентная эмотивность прослеживается в ряде случаев сладкой метафоры. Образы русск. *медовый* и болг. *сладникъв* (букв. сладкова-

тый) в медиатекстах несут в себе сему слащавости, приторности, лицемерности. Например:

русс. *То ли в Кремле убедились, что медовые заверения Запада о равноправном партнерстве во многом лицемерны, то ли (и это скорее всего) наконец увидели, что отступить нам дальше некуда — уперлись!* (Комсомольская правда 13.02.2007) и болг. *Това вече не е «гражданското общество», за което се сипеха сладникави суперлативи от страна на посланици, еврокомисар и президент. Защото на неговия фон призивите на Рединг и Плевнелиев звучат водевилно* (Дума 25.07.2013).

Эксплицитное формирование дополнительной оценки связано с использованием определенной идентификации. Такие нюансы вкуса, как *сладковатый, горьковатый, кисловатый*, болг. *сладникъв*, семантически соотносимые с частичностью, небольшим присутствием вкуса, метафорически транслирует незначительность вкусового эффекта. Например:

русс. *Я вполне доверяю Путину и в то же время не могу не замечать, что не только у меня, но и у многих остается какой-то горьковатый осадок от нашего сотрудничества* (Труд-7 24.05.2002); *Несмотря на кисловатый прием спектакля искушенной публикой, Рудинштейн намерен выступить продюсером киноверсии «Губ», в которой, по некоторым сведениям, примут участие Алла Пугачева и Филипп Киркоров* (Труд-7 14.06.2002) и болг. *Огромна «заслуга» за тази масова снобария имат пак медиите, които ни «зарибят» непрекъснато с образци на кичозните попарт и реклама — агресивни клипове, комикси и детски игри, заредени с престъпно насилие, сладникави сапунки и какво ли още не* (Дума 02.07.2011).

Итак, анализируемый материал медиадискурса демонстрирует моделируемую эмотивность современной вкусовой метафоры в ингерентной и адгерентной формах, что свидетельствует об имплицитно и эксплицитно воздействующем на адресата эффекте метафоры в языке современных российских и болгарских СМИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр. *Телия В. Н.* Коннотативные аспекты семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 141 с.; *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Т. 12 / под ред. М. А. Обориной. М.: Радуга, 1983. С. 84–119; *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Т. 23 / под ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92; *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.* Коллективная монография / Институт языкознания; под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

² *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 154 с.

³ Иррациональная оценка, которая может быть установлена психолингвистическими методами, в данной статье не принимается во внимание. Кроме того, моделирование метафорической эмотивности регламентируется коммуникативной (в частности, лингвокультурной) компетентностью говорящего и зависит от подобной компетентности декодирующего ее адресата, показатели которых не детализируются.

⁴ Используемый в статье термин *культурный* включает как этнокультурную, так и социокультурную составляющие.

Stoyanova E. V.

ON THE EMOTIONAL COMPONENT OF MODERN MEDIA METAPHOR

The article discusses the emotive component of gustatory metaphor in Russian and Bulgarian media discourse. Emotive connotation as an affective and evaluative characteristic of the object, expressed by means of metaphor, seems to be one of the most important ways of affecting the intellect, will and emotional state of the recipient. Metaphor is a means of creating and conveying both inherent and adherent emotiveness.

Keywords: language and culture, metaphor, matadiscourse, Russian and Bulgarian mediatexts.

Суси Магдалена

Университет Паджаджаран
г. Бандунг, Индонезия

susiuzhara@gmail.com

УНИКАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ СЕМЕЙНОГО РОДСТВА У РУССКИХ И У ИНДОНЕЗИЙЦЕВ (БАЛИ) КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена уникальным терминам семейного родства у русских и у индонезийцев (Бали). Исследуются особенности обращений к родственникам у русских и у индонезийцев (Бали)

Ключевые слова: обращение, культура, каста, менталитет.

Родство — это связь всех членов семьи, ведущих своё происхождение от одного общего родоначальника, даже если не все из них носят его имя (в виде отчества) или фамилию. К русскому родству также относится любая близость между людьми, возникающая в результате общности их происхождения, пребывания или проживания, принадлежности к общему делу, вероисповеданию, духу или вообще имеющих непосредственное сходство в чём-либо, например, во взглядах на жизнь. Термины русского родства являются результатом длительного развития национальной культуры и частью словарного состава языка, а посему могут изменяться со временем по своим законам. Они отражают ментальность языкового образа народа и внутреннюю структуру его общества¹.

Термины семейного родства у русских формируются с помощью разных суффиксов: *-еньк*, *-очк*, *-ш*, *-к*. Они указывают на разные нюансы. Суффикс *-очк* имеет значение «уменьшительно-ласкательное», а *-еньк* просто «ласкательное»². А. Вежицкая считает, что, с точки зрения формы, имена на *-ша* находятся как бы между мягкими краткими формами и твердыми краткими формами. Они занимают промежуточное положение: они чуть менее «мягкие», чем мягкие формы, и чуть менее серьезные, чем твердые³. Суффикс *-к* имеет разные оттенки: — и диминутивный, и пейоративный. Рассмотрим следующие примеры.

1. *Дадим ему воз золота, он и отстанет! Но дочка сказала: — Нет, папа, я выйду за него замуж, потому что люблю.* [Сергей Седов. *Доброе сердце Робина*, 2002].

Комментарий: *папа* — это нейтральное и широкоупотребительное обращение детей к своему отцу.

2. *Босенький на каменном полу, в одной рубашонке, он бросился к отцу: — Папенька, я не могу так спать! Меня маменька заставляла, а я не могу, не могу!* [Леонид Юзефович. *Дом свиданий*, 2001].

Комментарий: *папенька* — это почтительное обращение детей к своему отцу. Слово «папенька» формируется с помощью суффикса *-еньк* и указывает на ласкательное значение.

3. *Это не входило в мои планы, и это могло мне выйти боком — мама-то как раз и отстегала бы меня. Я догнал папку... — Папка, не надо, не ходи!* [В. М. Шукшин: *Из детских лет Ивана Попова*].

Комментарий: *Папка* — это просторечное, обиходное обращение детей к своему отцу. Слово «папка» формируется с помощью суффикса *-к* и в этом примере указывает на уменьшительное значение.

4. *Я прошу вас, папаша, написать мне, как мама себя чувствует после курорта.* [С. Вишенков. *Испытатели*].

Комментарий: *Папаша* — это почтительное и преимущественное обращение детей (чаще всего взрослых детей) к своему отцу. Суффикс *-ш* в этом примере придает мягкость и серьезность значению.

5. *Дочери говорят: — Ты, маменька, что-то задумала.* [Б. В. Шергин. *Изящные мастера*].

Комментарий: *Маменька* — это ласкательное обращение детей к своей матери.

6. *МАТЬ: Закат какой. СЫН: Мамаша, не отвлекайтесь Занимайтесь своим делом.* [«Огонек». № 1 (3311), 1991].

Комментарий: *Мамаша* — это почтительное обращение детей к своей матери. Обращение на форме *мамаша* чаще всего употребляется с «Вы»

7. — *Хочу-у-у! Мамка, покорми меня! — заплаканное лицо поворачивается к матери.* [М. Б. Дорохов. «Вопросы психологии», 2003].

Комментарий: *Мамка* — это детское обращение к матери.

8. — *Мама, — снова не выдержал я, — скажи, пожалуйста, ты брала мою газету?* [Вера Белоусова. *Второй выстрел*, 2000].

Комментарий: *Мама* — это самое распространённое и нейтральное обращение сына и дочери к матери.

9. — *Танечка... — Мамочка, это моя дочка. — Это моя дочка, — эхом повторила Елена, а на лице её изобразилось мучительное напряжение.* [Людмила Улицкая].

Комментарий: *Мамочка* — это ласкательное обращение детей к матери.

10. — *Молодец, сынок! — сказала мама, как мне показалось, сдерживая смех.* [Виталий Губарев. *Трое на острове*].

Комментарий: *Сынок* — это ласкательное обращение родителей к сыну.

11. — *Поди ко мне, сыночка, я твоя мама, а не эта стерва!* [И. Грекова. *Перелом*, 1987].

Комментарий: *Сыночка* — это просторечное, ласкательное обращение родителей к сыну.

12. И вдруг отец говорит: «А знаешь, *сынка*, это неплохо — немного поболеть. [Сергей Юрский. *Четырнадцать глав о короле // «Октябрь»*, 2001].

Комментарий: *Сынка* — это ласкательное обращение родителей к малолетнему сыну.

13. — *Папа, дорогой, — сказала Соня, — я тебя умоляю! — Ну, хорошо, дочка, пожалуйста. Извини меня. — Ганчук впервые посмотрел на Глебова внимательно, узнающе. — К тому же я вовсе не в обиде.* [Юрий Трифонов. *Дом на набережной*].

Комментарий: *Дочка* — это ласкательное обращение родителей к дочери в разговорной речи.

14. — *Доченька моя, неужели вот до чего мы дожили... [Людмила Улицкая. *Казус Кукоцкого «Новый Мир»*, 2000].*

Комментарий: *Доченька* — это ласкательное обращение родителей к дочери.

О. Бали — один из известных островов в Индонезии. Находится в провинции Бали. Столица провинции — Денпасар. Народность бали занимает территорию о. Бали. Большинство народностей бали индуисты, а остальные буддисты, мусульмане и христиане. Бали — уникальный остров. Существование касты в обществе влияет на социальную роль и статус человека. По мнению В. И. Карасика, роль — это устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека. Ролевое поведение строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной степенью свободы действий⁴. А социальный статус человека выражается в виде социальной дистанции между участниками общения. Дальше В. И. Карасик говорит, что дистанционный план статуса выражается в «погашении» индивидуальных характеристик человека, занимающего определенную социальную позицию, и в актуализации отношения неравноправия между участниками общения. Дистанционность как показатель статуса может также выражаться в особом отношении человека к своей роли и статусу⁵. Кроме того, система касты также влияет на систему номинаций семейного родства. Например, *Aji* и *Vape* означают отец (папа); *Ibu* и *meme* — мать (мама); *mbok* ‘старшая сестра’; *bli* ‘старший брат’; *ratu (tu)*; *ratu jegeg (tugeg)*; *ratu bagus (tugus)*. Эти термины употребляются только на о. Бали.

15. «*Kau harus hati-hati dengan tubuhmu, Luh*» «*Kenapa dengan tubuh tiang, Meme?*» [OkaRusmini «Sagra» 2013]. «Ты должна быть осторожна с твоим телом, Лух» «Почему, мама?».

Комментарий: Беседа идёт между мамой и её дочерью. *Meme* означает мама. Женщина из касты Судры вышла замуж на мужчину из касты Брахманов, и теперь их дети называют свою родную маму **Meme**.

16. «*Dia lebih cocok jadi anakmu, Sagra*», *goda Ida Ayu Cemeti*» ... «*Ah, Ratu ...*» *Sagra hanya tersenyum malu* [Oka Rusmini «Sagra» 2013]. «Он больше подходит стать твоим сыном, Сагра», шутила *Ida Ayu Cemeti*... *ah Ratu... Сагра только улыбнулась застенчиво*.

Комментарий: *Ratu* — это форма обращения людей из низшей касты к женщине высокой касты. Адресант (Сагра) происходит из более низкой касты, чем каста адресата, и она, в соответствии с этикетом, обращается только при помощи этикетного слова «Рату». Обращение «Рату» указывает на дистанцию между коммуникантами (слуга и хозяйка)

17. «*Melihat gaya hidup Pidada seperti itu, ibunya, Ida Ayu Manik, jadi sering sakit-sakitan. ...*» «*Tidak bisakah kau menikah, memberi seorang cucu untukku Pidada?*» «*Haruskah kulakukan itu, Ibu?*» *ее мама, Ida Ayu Manik, так болеет. Ты не сможешь выйти замуж, родить мне внука*.

Комментарий: Разговор между дочерью и ее родной мамой. Видно, что они происходят из семьи самой высокой касты Брахмана, что следует из обращения *Ida Ayu Manik*. *Ida Ayu* — это обращение для женщин из касты Брахмана, поэтому ее дочь вызывает маму с призыва *Ибу*. А обращение *мэмэ* в семье Брахмана никогда не используется. А обращение к родному отцу — *Аджи*.

18. «*Pertanyaanapaitu, Tugus?*» *Это что за вопрос, Тугус?*

Комментарий: Разговор идёт дома между няней, происходящей из низшей касты, и сыном её хозяйки из высшей касты Брахманов. Обращение к человеку

Tugus показывает, что адресант происходит из Брахманов. *Tugus* — это сокращённая форма, формирующая от слова *Ratu Bagus*. Слово *Ratu* — обращение к мужчине и женщине, происходящим из касты «Brahmana», а слово *Bagus* у балийцев означает *красивый*. Обращение *Ratu Bagus* адресовано молодому человеку. Взрослая няня не может назвать этого молодого человека по имени, потому что у них разные социальные статусы.

19. «*Dayu mau dengar ceritera tiang, kan?*», *akumengangguk. [OkaRusmini]Tempurung» 2013*]. *Dayu, xomute uslyshat' moy rasskaz?, yа kивнула*.

Комментарий: Беседа идёт дома между дочерью хозяйки и слугой. **Dayu** — это сокращённая форма слова *Ida Ayu*. *Ayu* означает *красивая*. *Ida Ayu (Dayu)* — это титул аристократок из касты «Брахмана». *Dayu* употребляется при обращении к девушкам, происходящим из касты «Брахмана». Возраст девушки младше, чем возраст слуги, поэтому обращаться к ней надо **Dayu**. А к маленькой девочке (10 лет) — **Tugeg**. *Tugeg* — это сокращённая форма слова *Ratu Jegeg*. *Jegeg* означает *красивая*.

20. «*Mbok Kenanga dan Bli Mahendra mau kemana? Teriak adik bungsu Kenanga. Sestra Kenanga и брат Mahendra, куда вы идёте? Закричала самая младшая сестра Kenanga*.

Комментарий: *Mbok* — это обращение к старшей сестре, а *Bli* — к старшему брату.

Из проанализированных примеров видно, что кастовая система оказывает очень сильное влияние на структуру общества балийцев. Коммуникативные отношения с человеком из другой касты являются асимметричными. Разница в терминах семейного родства у русских и у балийцев указывают на разные культуры, традиции, обычаи, образ жизни и менталитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Казаченко Б. И.* Русское родство: Прошлое и настоящее. М.: Флинта, 2010. С. 7.

² *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучева. М.: Русские словарь, 1997. С. 122.

³ Там же. С. 117.

⁴ *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. С. 13.

⁵ Там же. С. 15.

Susi M.

ON UNIQUENESS OF RUSSIAN AND INDONESIAN NOMINATIONS OF FAMILY RELATIONS AS A REFLECTION OF THEIR CULTURE

The article deals with unique Russian and Indonesian (Bali) nominations of family relations.

Keywords: appeal, culture, caste, mentality.

ЧАЕПИТИЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В работе предпринята попытка рассмотрения семантической ситуации с позиций семантического синтаксиса и лингвокультурологии на примере ситуации чаепития в русском и английском языках.

Ключевые слова: семантический синтаксис, ситуация чаепития, лингвокультурология.

Чаепитие как семантическая ситуация относится к физиологическому действию, которое описывается в языке предикатом *пить*, *чаевничать* (проводить время за чаепитием)¹. Существуют синонимы *чаепития*: *чаевничание*, *чаевничать*, *чайничать*, *чаевать*, *чаепитие*, *чайничанье*. К этой группе относятся глаголы со значением единичного действия: неформальная церемония, заключающаяся в коллективном питье чая, часто с дополнительным угощением (пирогам, пряниками и т. п.).

Семантическая ситуация чаепития (далее — СЧП) может быть представлена как простой языковой моделью типа *Субъект пьет чай*, так и сложной — полипредикативной: *Субъект пьет чай + беседует + душевно*, т. е. это не только физиологическое действие, но и действие эмоционально-психологического состояния.

Первый этап СЧП представляет собой подготовку к чаепитию и является значимым событием как в русской, так и в английской культурах, потому что на начальном этапе развития ситуации проявляются национальные особенности, которые задают тон чаепития впоследствии. Действия на первом этапе СЧП носят организационный характер. Центральным предикатом на данном этапе является предикат *заваривать*, который обобщает все дальнейшие предикаты-действия. Этот предикат — цель подготовки к чаепитию. Все остальные предикаты этой группы можно назвать задачами, которые необходимо решить для достижения поставленной цели. *Заваривать чай* — положить чай в кипятком, залить кипятком; а также стать готовым при заваривании кипятком²; в английском языке — *to prepare tea*. В процессе подготовки СЧП язык привлекает для этого предикаты, показывающие состояние воды в той или иной точки кипения: *вода закипает* — *water is boiling*; точка кипения воды — «белый ключ», «рыбий глаз», *вода закипела*. Обращаем внимание на то, что трём стадиям различного состояния воды во время кипения соответствуют три вида издаваемых ею звуков. В языковом материале подготовка к СЧП подается в форме совета: как правильно подготовить воду, чтобы заварить чай — вода должна быть в определенном состоянии, в начальной точки кипения, которая передается предикатом

закипеть — *to boil*, показателем чего являются глаголы слухового и зрительного восприятия — *шуметь* (*чайник зашумел, засвистел*), *видеть* (*увидеть пузырьки на поверхности воды*).

В Англии заваривают чай в одном чайнике, затем, при надобности, доливают горячей водой (лучше всего вновь вскипяченной). Важно еще запомнить — не нужно укутывать чайник какими-нибудь подушками, матрешками — это плохая привычка. Чай не должен преть — это портит вкус, считают англичане³.

Актанты СЧП: субъект (агенса), чайник 1 — электроприбор, чайник 2 — посуда для заваривания чая (эту роль могут выполнять ситуативно и другие предметы: стакан, чашка, кружка, банка, котелок), чай 3 — вещество. Специфика субъекта в данной ситуации состоит в том, что он одновременно является и реципиентом, т. е. тем, кто воспринимает вкусовые качества чая⁴. Чайник 1 и 2, по классификации Г. А. Золотовой, — дестинатив, т. е. компонент, выражающий назначение предмета, т. е. чайник 1 — для кипячения воды; чайник 2 — для заваривания чая; чай 3 — фабрикатив, компонент, характеризующий предмет по материалу, веществу, из которого сделан, изготовлен⁵. В русском языке слово «чай» имеет следующие значения: 1) напиток; 2) высушенные листья; 3) растение, 4) чаепитие; 5) травяной настой, два последних значения отсутствуют в английском языке⁶.

Рассмотрев ситуацию чаепитие в русском и английском языках, мы можем сделать сопоставительный анализ, основанный на результатах нашей работы.

Анализ языкового материала показал, что участник (агенса) ситуации чаепития как в русской, так и в английской культуре, может быть один (в русской культуре реже), а может быть вместе с коагеном. Кроме этого агенса одновременно является реципиентом, то есть участником, который не только осуществляет действие — пьет чай, но и чувствует вкус напитка. Гендерная характеристика агенса СЧП показала, что чай пьют чаще женщины.

Объектом чаепития в русской культуре является преимущественно черный чай без добавок. В английской культуре объект разнообразен — каждому времени чаепития принадлежит свой сорт чая.

Инструмент (посуда) в обеих культурах разнообразен, но в английской культуре существуют более жесткие рамки в выборе инструмента, соответствующие чайному ритуалу.

Комитатив (добавки к чаю) как в русской, так и в английской культуре очень разнообразен, но снова стоит заметить, что в английской культуре выбор добавок к чаю зависит либо от этикета, либо от времени суток: в английской культуре каждому времени суток соответствует свой вид чаепития, и каждому виду чаепития свойственна определенная добавка к чаю.

Проанализировав локатив и темпоратив СЧП в двух языках, мы пришли к выводу, что в английской культуре требования ко времени ситуации более жесткие. Локатив ЧП в русской и английской культуре разнообразен: это и общественные места — чайная, трактир, парк; и жилые помещения; и открытые веранды летних дач.

Сравнение двух традиций чаепития показало, что при наличии ряда эквивалентных единиц (ср.: *черный чай, зеленый чай, душистый чай, холодный чай, напоить кого-либо чаем, чашка чая* и т. д.), значительное число типичных для современного русского языка словосочетаний не имеет точных соответствий в английском языке (ср.: *грузинский чай, Краснодарский чай, прихлебывать чай, запивать что-либо чаем* и др.).

Материалы «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова (РАС) свидетельствуют о том, что ассоциативные поля понятия «чай» у носителей русской и английской лингвокультур содержат определенную инвариантную составляющую (ср. реакции: «зеленый», «чашка», «чайник», «пить», «свободное время» и др., отражающие определенную общность бытовых деталей чаепития). Однако подавляющее число реакций демонстрируют существенные различия в сознании представителей русской и английской культур, н-р: «грузинский» (в Англии такой сорт чая неизвестен); «самовар» (в Англии такая посуда для приготовления чая не используется). Некоторые составляющие группы требуют особого развернутого страноведческого комментария, например, «купчиха», «дача» или «баня». Для носителя русского языка требуют объяснения такое понятие, как «чайный этикет», *high tea, reviving* или *refreshing* «чашка чая», *cream tea* — символ туристического бизнеса, «чайный совет» и т. д.⁷

Рассмотрим СЧП с позиций лингвокультурологии.

К началу XVIII века чай прочно вошел в быт русского человека и стал национальным напитком. За чаем решались семейные дела, происходил обмен мнениями, заключались деловые договоры, до сих пор угощение чаем считается символом гостеприимства. Чаепитие на Руси обставлялось красиво и имело праздничный вид. К началу XX века наша страна была самой чаепотребляющей страной мира. Само чаепитие стало не просто утолением жажды, а своеобразным проявлением общественной жизни: заключали торговые сделки и брачные союзы, без чашки чая не обсуждали, кажется, ни один серьезный вопрос. Гиляровский оставил прекрасное описание старых московских трактиров. Где-нибудь в «Коломне» или «Лондоне» за чаем грелись извозчики, а крупные коммерсанты заключали сделки на десятки и сотни тысяч рублей. Любимые трактиры были у артистов, писателей, художников. Встречи за чайным столом у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Хамовниках вошли в историю русской культуры. Вот уже три столетия на Руси не обходится без чая ни одна встреча друзей, ни одно семейное торжество⁸. Можно сказать, что произведения русской литературы

различных жанров, содержащие описания семейного уюта, покоя и постоянства, а также «согревающего действия» чая на душу русского человека, располагающего его к сближению и искреннему, душевному, продолжительному общению, чрезвычайно расширили культурную значимость и выразительность ситуации чаепития и создали дополнительные культуромаркированные зоны в русском языке. «*Чай попал в Россию из Китая в 1638 году, то есть за сто лет до того, как о нем узнали, скажем, в Англии. С тех пор он стал символом, а иногда и сутью русского застолья. Самовар превратился в образ жизни. Без него невозможно представить пьесу Островского или Чехова. Чаепитие сформировало особый русский быт — долгие разговоры о смысле жизни, дача, какие-нибудь соловьи... Странное действие чая, не правда ли? В Англии пристрастие к нему позволило создать вселенскую империю, а в России — «долгие разговоры о смысле жизни»* (П. Вайль, А. Генис. Русская кухня в изгнании).

Чай сопровождает истинного англичанина всю его жизнь, неизменно присутствуя в каждом доме. Недаром сами британцы шутят: *It is easier to imagine Britain without queen than without tea*. Чаепитие для англичан является очень важным ритуалом и ассоциируется с теплом и мудростью: *Acquire the knowledge at school with a book, and the mind at home with a cup of tea*, гласит английская поговорка XIX века

Итак, наше исследование показало, что в России и Англии существуют свои традиции и особенности чаепития, которые находят отражение в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М.: Азъ Ltd, 1992. С. 909.

² Там же. С. 202.

³ Павловская А. В. Англия и англичане. М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 180.

⁴ Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

⁵ Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. С. 432.

⁶ Longman. Dictionary of Contemporary English. Longman, 2003. P. 1700–1701.

⁷ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2 / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 180.

⁸ Похлёбкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Красноярское книжное издательство; Новосибирское книжное издательство, 1995. 463 с.

Tarasenko V. E.

A TEA-PARTY: SEMANTICS AND LINGUOCULTUROLOGY

The paper attempts to study the semantic situation from the perspective of semantic syntax and linguoculturology on the example of the situation of tea drinking in Russian and English. Namely, the predicates and actants of traditional tea ceremony are described.

Keywords: semantic syntax, situation of tea drinking, linguoculturology.

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ЧУВСТВА VS ЭМОЦИИ

В статье анализируется семантика слов русского языка, выражающих чувства/эмоции. Так как чувства и эмоции являются именно той областью, где наиболее четко проявляется духовная культура народа, то изучение состава лексических единиц, передающих их в языке, дает возможность выявить и оценить национально-культурную специфику языкового сознания. Мир человеческих эмоций рассматривается в качестве одной из локальных картин мира, которая входит как составляющая в языковую картину мира.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, национальный характер, семантика лингвоспецифических слов.

Стало аксиомой то, что любой естественный язык отражает определенный способ восприятия устройства мира, или «языковую картину мира». Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, так как они дают ключ к ее пониманию. Такими ключевыми для русской языковой картины мира названы концепты *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*; сами эти слова являются *лингвоспецифическими*, в том смысле, что для них с трудом находятся лексические аналоги в других языках. Кроме таких культурно-значимых слов-концептов представляют интерес также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея¹. Мысль о том, что слова языка могут быть ключом к пониманию культуры, в значительной мере восходит к работам А. Вежбицкой, посвященным выявлению и описанию лингвоспецифических слов разных языков, в том числе и русского; национально-специфическое в значении единиц данного языка оказывается основанием для суждений исследователя о национальном характере. А. Вежбицкая называет несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка. Это «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» и «любовь к моральным суждениям».

Под эмоциональностью А. Вежбицкая понимает ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъятии, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств, для выражения эмоций и эмоциональных оттенков. В этом суждении А. Вежбицкая не субъективна, она опирается на проведенные в Гарварде исследования русского национального характера, согласно которым русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность»².

Русский язык располагает определенным арсеналом средств, призванных обозначать и выражать чувства/эмоции. Это соответствующая лексика и фразеология, фразеологизованные синтаксические конструкции, особая интонация, порядок слов. В лексическом множестве, участвующем в обозначении чувств/эмоций, обнаруживаются слова разной частеречной принадлежности (существительные, глаголы, наречия, слова категории состояния, междометия), которые, сближаясь по лексическим смыслам и функционально, отличаются грамматической семантикой. Различие грамматической семантики этих слов влечет за собой различие их текстового поведения и, соответственно, различие в характере и способе изображения чувства, поэтому имеет смысл специально исследовать закономерности изображения эмоций словами одного грамматического класса. Объект наших наблюдений — глагольная лексика русского языка, которая участвует в изображении чувств/эмоций.

Общепризнанным считается то, что чувства и эмоции являются именно той областью, где наиболее четко проявляется духовная культура народа, и изучение состава лексических единиц, передающих их в языке, дает возможность выявить и оценить национально-культурную специфику языкового сознания. Мир человеческих чувств/эмоций оказывается одной из локальных картин мира, которая входит как составляющая в языковую картину мира.

Каждый человек для выражения простейших личностных (хотя и сознательно детерминированных, но индивидуально переживаемых) интенциональностей, таких, как досада, возмущение, гнев, подобо-страстие, удивление и т. д. всегда находит собственные, неординарные средства и способы. Речь человека, создателя и преобразователя языка, отражает, прежде всего, чувства/эмоции, хотя соотношение логического (рационального) и эмоционального в мышлении, а отсюда и в речи, различно. А. Вежбицкая противопоставляет средства передачи эмоций в русском языке средствам передачи эмоций в английском языке. Так, в английском языке эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, нежели глаголами: *Mary was sad, pleased, afraid, angry, happy, disgusted, glad, etc.* — *Мэри была опечалена, довольна, испугана, сердита, счастлива, возмущена, рада и т. д.* По мнению Вежбицкой, подобного рода прилагательные и псевдопричастия обозначают пассивные эмоциональные состояния, а не активные эмоции, которым люди «предаются» более или менее по собственной воле. В отличие от английского языка, русский исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами. А. Вежбицкая приводит лишь сравнительно небольшую выборку наиболее типичных глаголов, большинство из которых совершенно не переводимы на английский язык: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться,*

восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, негодовать, томиться, нервничать и т. д.³.

На самом деле, в русском языке первичные предикаты чувств/эмоций — это обширный класс глагольной лексики, который на сегодняшний день достаточно серьезно описан в научной литературе. Категориально-лексическая сема, интегрирующая различные глаголы в единый класс — ‘чувствовать, испытывать определенное эмоциональное состояние, направленное или ненаправленное на кого-, что-либо’. Все единицы ЛСГ глаголов чувств содержат в смысловой структуре лексико-грамматические денотативные семы, с учетом которых в составе ЛСГ чувств/эмоций мы, вслед за Л. Г. Бабенко, выделяем следующие семантические подгруппы⁴:

- а) глаголы эмоционального состояния: *блаженствовать, горевать, грустить, злиться, злорадствовать, ликовать, нервничать, печалиться, хандрить* и т. п.;
- б) глаголы становления эмоционального состояния.: *возбудиться, закручиниться, ободриться, растеряться, раздражиться, соскучиться, ужаснуться, удивиться* и т. п.;
- в) глаголы эмоционального отношения.: *боготворить, веровать, возненавидеть, влюбиться, гордиться, завидовать, обожать, опасаться, приревновать, разочароваться, стосковаться, симпатизировать, сомневаться, страшиться, увлечься, усомниться, устыдиться* и пр.;
- г) глаголы эмоционального воздействия: *влюбить, злить, озлоблять, пугать, смешить, удивить* и т. п.;
- д) глаголы внешнего проявления эмоций: *всхлипывать, ласкать, обнять, плакать, смеяться, целовать* и пр.

А. Вежицкая приводит ряд доводов, указывающих на активный, процессуальный и квазиволитивный характер русских «эмоциональных» глаголов. Во-первых, многие русские глаголы эмоций являются рефлексивными, образованными формально с помощью постфикса *-ся*: *беситься, обозлиться, томиться, ободриться, растеряться* и под. Может создаться впечатление, будто соответствующие эмоции возникли не под действием внешних факторов, а как бы сами по себе. Обратимся к следующим контекстам. В английском языке, отмечает А. Вежицкая, подобного рода непереходных глаголов очень мало: *worry* ‘беспокоиться, волноваться’, *grieve* ‘горевать, огорчаться’, *rejoice* ‘радоваться’, *pine* ‘изнывать, томиться’ и еще несколько. Замечено, что многие русские эмоциональные глаголы, в отличие от прилагательных и наречий, способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом о (об, обо). Ср.: *Не беспокойся обо мне, не стоит верить в горе* (М. Лисянский); *Не печалься о сыне, злую долю кляня* (Р. Рождественский).

А. Вежицкая пишет, что все эмоции имеют когнитивный базис, то есть вызваны определенными мыслями или связаны с ними. И собственно глагольная, и адъективная формы означают то, что чувство порождено мыслью, однако глагольная схема говорит также о том, что

думание длится какое-то время, что в течение этого периода времени некая конкретная мысль постоянно возникает в уме некоего субъекта и что данное чувство возникает с этой мыслью одновременно. Еще одним доводом в пользу активного характера русских глаголов чувств/эмоций для А. Вежицкой являются особенности их употребления — они часто выступают в предложении вместе с глаголами действий, что видно из следующих примеров, взятых исследовательницей из дневников Л. Толстого: *Вчера нагрешил, раздражился о сочинениях — печатании их. Мне не гордиться надо и прошедшим, да и настоящим, а смириться, стыдиться, спрятаться — просить прощение у людей. Внутренняя работа идет, и потому не только не роптать, но радоваться надо.*

По мнению А. Вежицкой, активность русских эмоциональных глаголов выражается, помимо прочего, в том, что многие из них (в форме совершенного вида) могут вводить в текст прямую речь⁵. Ср. в нашем языковом материале: *«Куда же вы?» — ужаснулся Старцев, когда она вдруг встала и пошла к дому* (А. Чехов); *Тут он совсем обомлел: «Ваше благородие, батюшка барин, да как вы... да стою ли я...» — и заплакал вдруг* (Ф. Достоевский).

И в английском языке есть глаголы, которые могут использоваться для интерпретации речи человека в виде одной из форм проявления чувств. К ним относятся, например, *enthuse* ‘прийти в восторг’, *exult* ‘ликовать, торжествовать’, *moan* ‘стонать’, *thunder* ‘гремять, грохотать’ или *fume* ‘кипеть, волноваться, раздражаться’. А. Вежицкая отмечает, что в английском подобные глаголы имеют чуть негативные или иронические коннотации и в равной мере подчеркивают эмоцию и манеру речи. По ее мнению, русские же глаголы чувств типа *удивляться* или *обрадоваться* используются как «чисто» речевые, а не как глаголы способа введения речи. В этом она видит одно из проявлений не раз отмечаемого исследователями культурного различия: англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств. Носители английского языка обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством, и сама идея активности, и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англо-саксонской культуре. Между тем русская культура относит вербальное выражение чувств/эмоций к одной из основных функций человеческой речи. Не случайно мнение А. Вежицкой о том, что русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть» стихии чувств, что нередко находит эксплицитное подтверждение в самом языке, русское *предаваться воспоминаниям, мечтам, гневу, страстям, горю, отчаянию, порокам* и под. непросто передать по-английски.

Маргинальность глаголов чувств в английском является отражением и такого, описанного А. Вежицкой, культурного различия между русским и английским языками: именно русский язык располагает бо-

гатым арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими не контролируемых. Говоря о людях, переживающих определенные эмоции, можно думать о них, вслед за Вежбицкой, как об агентах, или «деятелях», и можно — как о пассивных экспериенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, обе ориентации играют одинаково важную роль. Это, в частности, означает, что пассивно-экспериенциальный способ в русском языке имеет более широкую сферу применимости по сравнению с другими славянскими языками, а также в сравнении с немецким, французским и, наконец, с английским.

При экспериенциальном способе представления лица, о котором говорится в предложении, как правило, выступает в грамматической форме дательного падежа, а предикат обычно имеет «безличную» форму среднего рода. Одним из основных семантических компонентов, связанных с таким способом представления, является отсутствие контроля: «не потому, что X это хочет». Безличная форма глагола/предикативное наречие и дательный падеж имени в предложениях типа *Ему было мучительно, скучно, стыдно, жалко* выражают, по Вежбицкой, неволевитивный характер эмоций⁶. Нередко такие наречные конструкции морфологически связаны с глаголами «активных» эмоций. Рассмотрим, к примеру, в параллели: *Он стыдился того, что написал одну из знаменитых книг в мире* (Д. Карнеги), *Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — и было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истине* (М. Лермонтов).

Обращает на себя внимание то, что, говоря о способах выражения чувств, все исследователи используют наряду с лексемой *чувство* слово *эмоция*, которые в своем основном значении являются синонимами, а в некотором отношении таковыми не оказываются. Анна А. Зализняк отмечает, что эмоции — это неуправляемые, подчиняющие себе человека силы, оцениваемые русским языком как дурные. При том что качественно эмоции могут быть как «отрицательными» (раздражение, возмущение, обида, гнев и т. п.), так и «положительными» (восторг, восхищение, умиление и т. п.), важно заметить: действия под влиянием эмоций оцениваются русским языком отрицательно. Главное же различие между чувствами и эмоциями Анна А. Зализняк усматривает в том, что в отличие от чувств, которые локализируются в душе и тем самым относятся к области «высокого», эмоции — это нечто бездуховное, почти физиологическое, телесное, то есть «низкое». Таким образом, пара чувства — эмоции включаются Анной А. Зализняк в круг парных концептов, формируемых бинарными противопоставлениями «высокое — низкое» и «душа — тело»⁷.

Вывод, который следует из анализа приведенной выше глагольной лексики, соответствует этой оппозиции: в языковой модели эмоциональ-

ной психической деятельности русского человека основное место уделено ненаблюдаемым внутренним состояниям, не проявляемым в поведении, в жесте. Именно таковы в русском языке, по мнению Л. Г. Бабенко, 80% глагольной лексики. При этом *находиться во власти эмоций, действовать под влиянием эмоций* рассматривается как проявление внутренней распушенности, оно противоречит, как полагает Анна А. Зализняк, характерной для русской языковой картины мира установке на аскетическую сдержанность. Напротив, *отдаваться чувству, повиноваться чувству* в своих поступках оценивается в русском языке положительно и противопоставляется рассудочности и расчетливости⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 10–11.

² Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 331–332.

³ Там же. С. 339–340.

⁴ Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986. С. 25–27.

⁵ Вежбицкая А. Указ. соч. С. 340–341.

⁶ Там же. С. 342–346.

⁷ Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи... С. 285–288.

⁸ Там же. С. 288.

Trebler S. M.

RUSSIAN LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD: FEELINGS VS EMOTIONS

The paper analyses the semantics of Russian words expressing of feelings / emotions. As far as feelings and emotions are the field where spiritual culture of a nation is manifested most clearly, the study of lexical units' structure transmitting them in a language gives a chance to identify and evaluate the national cultural identity of linguistic consciousness. Human emotions are regarded as a kind of local world image, which is included into the general linguistic world image.

Keywords: Russian linguistic image of the world, national character, semantics of linguospecific words.

Третьякова Людмила Николаевна
Никитина Екатерина Владимировна

Российский университет дружбы народов, Россия

ludmila-tretyakova@rambler.ru, niekaterina@gmail.com

ВОЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

Статья посвящена анализу военного фразеологического поля в концептосфере русского языка, фразеологизации и дефразеологизации военных фразеологических единиц в современной газете.

Ключевые слова: военное фразеологическое поле, концептосфера, фразеологизация, дефразеологизация.

В настоящее время фразеологический фонд языка представлен в лингвистике как культурный код языка, реализация национальной картины мира.

Язык — живой организм, который постоянно развивается; ему свойственны противоположные процессы, необходимые для обновления словарного состава: архаизация и деархаизация, фразеологизация и дефразеологизация.

Наша задача — изучить процесс фразеологизации и дефразеологизации военных ФЕ, установить особенности их функционирования в языке современной газеты, показать приемы дефразеологизации на примере творчества журналистов.

Источниками появления новых военных фразеологизмов являются, во-первых, переход словосочетаний из военного субъязыка в общеупотребительный литературный язык и, во-вторых, переход известных оборотов устной речи в язык прессы.

Интерес к военным ФЕ определяется ростом насилия в обществе, снижением уровня речевой культуры, пропагандой насилий и речевой агрессии в СМИ. К началу XXI века в языке прессы произошли серьезные изменения: почти исчез высокий стиль речи, его заменили экспрессивный разговорный и разговорно-сниженный стиль.

Гипотеза данной работы: новые фразеологизмы стремятся обрести статус устойчивых единиц, а классические ФЕ стремятся к изменчивости.

Прежде всего, обратимся к классификации ФЕ академика В. В. Виноградова, который выделил три основных типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения абсолютно неделимы, не разложимы и не мотивированы. В. В. Виноградов указывал: «основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение

представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов»¹.

От фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых фразеологических групп, которые семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов: *пороху не выдумает, пороху не хватает, не нюхать пороху, есть еще порох в пороховницах, стрелять из пушки по воробьям* и т. п.

В. В. Виноградов указывает на возможность синонимической замены компонентов во фразеологическом сочетании слов. В нашем случае это: *Белая гвардия, старая гвардия, молодая гвардия*.

Н. М. Шанский к классическим трем типам добавляет фразеологические выражения, под которыми он понимал устойчивые в своем составе и употреблении обороты, членимые семантически и состоящие из слов со свободным значением².

Среди фразеологов нет единства относительно объема понятия «фразеологическая единица». Представители узкого взгляда (А. М. Бабкин, В. П. Жуков) относят к фразеологизмам сверхсловные единицы, в которых есть хотя бы один компонент, претерпевший какие-либо изменения в своей семантике. Сторонники широкого взгляда (С. Г. Гаврин, В. М. Мокиенко) включают во фразеологию все сверхсловные единицы.

Изучая «военную» фразеологию, мы придерживаемся широкого взгляда, так как это позволяет выделить весь фонд фразеологических единиц военной концептосферы русского языка. При таком подходе фразеологическое поле русского языка обогащается разнообразными типами устойчивых выражений: собственно фразеологизмы (*тихой сапой*), крылатые выражения («*Злые языки страшнее пистолета*»), паремии («*Легко войну слушать, да страшно ее видеть*») и др.

Нас интересуют «военные» фразеологизмы в русском языке и процессы их фразеологизации и дефразеологизации.

Фразеологизация военных составных терминов — это процесс перехода специальных сочетаний военного субъязыка в область общеупотребительной лексики, детерминологизация многословных терминов. Например, термин «*тяжелая артиллерия*» находит отражение не только в военных словарях, но и в словарях общего типа: «*Тяжелая артиллерия* — корабельная артиллерия калибром 203 мм и выше, наземная — более 150 мм калибра»³. *Тяжелая артиллерия* (переносное, шутливое): 1) о наиболее веских, неотразимых аргументах в споре; 2) о ком-нибудь тяжелом на подъем, медлительном и неповоротливом.

Журналисты охотно используют данную ФЕ для создания определенного колорита. Например, в статье С. Заворотного «Здесь сообщается

о том, чем закончится эпопея «Богатые тоже плачут»: «...а тем временем в поход против счастья Марианны и Луиса Альберто собирается *тяжелая артиллерия* — мачеха Ирма» («КП», 23.05.92).

Рассмотрим «военные» наречные ФЕ, пришедшие из речи военных и закрепленные теперь в общенародном языке, и распределим их по группам со значениями: а) времени: *пулей* — стремительно: «...они *пулей* выскочили из раздевалки и помчались во Внуковский аэропорт» (Советский спорт, 14.09.90); *как из пушки, как штык* — вовремя, точно; б) места, расстояния: *не подпускать на пушечный выстрел*: «К Козину? Да Вы с ума сошли! Он журналистов *на пушечный выстрел не допускает* и вообще редко кого принимает...» [П, 06.02.90]; в) количества, меры: *пушкой не прошибёшь (не пробьёшь)* (разг.) — в огромном количестве, обычно о большом скоплении людей где-либо; г) состояния: *хоть пулю в лоб* (разг.) — выражение безнадежности, безвыходности; *быть на взводе* — находиться в раздраженном состоянии; д) оценка характера действия: *в штыки встретить или принять кого-нибудь* — крайне враждебно: «Институт Гипротранстрой продал кооперативу «Уют» ведомственный жилой дом... вместе с жильцами. Однако квартиросъемщики проданного дома *приняли нового хозяина в штыки...*» (Мегаполис-экспресс, 04.07.91); *держаться на штыках* — силой войск; *тихой сапой* — исподтишка, незаметно (из речи военных); *с места в карьер* — сразу, без всякой подготовки; *на войне как на войне* — опасно и непредсказуемо: «Война у нас нынче информационная. Ударил по клавиатуре и ждёшь: попал — не попал. Ну что ж — *на войне как на войне*» (МК, 29.03.08).

Процесс фразеологизации составных военных терминов активно продолжается и сейчас, в начале XXI века, что зафиксировано в словарях и в газетных статьях.

Например, военное атрибутивное словосочетание *бомба замедленного действия* (о чем-либо, таящем в себе опасность в будущем) благодаря метафоризации становится фразеологизмом: статья «Сибирь стала *бомбой замедленного действия*»: «Экологическая бомба тикает, ожидая своего часа. Участки вечной мерзлоты на территории России продолжают таять, что может привести к выделению больших объемов углекислого газа» («Metro», 28.11.2011).

К новым фразеологизмам относятся и следующие: *чиновничья обойма, полевой командир, тревожная кнопка, страшный как атомная война (бомба), пуля в голове (снаряд в голове), проводить/провести мозговую атаку, нештатная ситуация, лицо про войну; гремучая смесь*: «Женщина на ранней стадии беременности — *гремучая смесь*. Она еще не чувствует ребенка...» («Спид-инфо», 14.11.2003).

Данные фразеологизмы отражают глобальные мировые проблемы, волнующие всё человечество: проблемы войны и мира, нестабильность

российского общества, возрастающая агрессивность населения, тревожность бытия русского человека.

Главной образующей силой формирования военных ФЕ является метафоризация военных составных терминов и речь военнослужащих.

Рассмотрим приемы дефразеологизации «военных» ФЕ.

Оригинальным приемом использования ФЕ для создания определенного стилистического эффекта является букволизация — употребление фразеологического оборота, который можно понимать одновременно и как фразеологическое и как свободное сочетание слов. Например, статья «Картошка в мундирах?»: «...Боевая экипировка солдат — не самая удобная форма одежды «на картошке», так же как и боевая техника не приспособлена к работе на колхозных полях» («КП», 15.09.90); статья «Картошка снова в мундирах»: «Около двух тысяч солдат будут трудиться на приемке урожая на плодоовощных базах столицы» («КП», 29.08.91).

Не менее частым является обновление лексико-грамматической стороны ФЕ при сохранении его семантики и основных черт структуры (замена одного из компонентов синонимом или расширение его состава новым словом): статья «*Утопленница в мундире*»: «Гибнет картошка — *утопленница в мундире*» («П», 08.10.90); статья «*Картошка без мундира*, или почему институт картофелеводства слабо влияет на развитие отрасли» («П», 14.05.89); статья «*Пуля — дура*, депутат — молодец»: «В минувшую субботу, около полудня стреляли по окнам его квартиры» («КП», 22.03.91).

Сравнивая новый фразеологический фонд конца XX в. с новыми образованиями начала XXI в., лингвистов поражает тенденция развития языка газеты в сторону опошления, цинизма и вульгарности. Особенно страдают «классические» «военные» фразеологизмы, превращенные журналистами в глумливые антипатриотические окказионализмы: «*Вставай, струна огромная*» («МК»), «*Плох тот солдат, который не мечтает спать с генералом*» (Men's Health), «*Трудно в ученье, легко в раю*» (Maxim, апрель 2005), «*Солдат по осени считают*».

Не менее выразительным приемом образования нового фразеологизма является образование ФЕ по модели, существующей в общелитературном употреблении (использование структуры): например, статьи «*Плох тот солдат, который не может стать коммерсантом*» («КП», 13.02.92); «*Плох тот генерал, который не мечтает пожить на родине Президента*»: («КП», 22.11.91) и «*Плох тот генерал, который не хочет увидеть свое досье*»: («КП», 26.12.91);

Интересно наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности: статья «*Наши жёны — пушки заряжены*». В статье речь идет о бедственном положении, в котором живут офицерские семьи

(«КП», 05.12.90); статья «Оливер зовёт в *крестовый поход*»: «19 мая знаменитый британский шеф-повар просит вас присоединиться к *своему крестовому походу* во имя здорового питания» (Метро, 18.05.2012).

В рамках универсального эволюционизма развивается фразеологизм «*рельсовая война*», который возник в годы Второй мировой войны. В ВЭС дано такое толкование: «Рельсовая война» — кодовое название операции, проведенной сов. партизанами в Вел. Отеч. Войне с 3.08. по 15.09.1943». В языке современной газеты ФЕ без изменения структуры приобретает новое значение — «сидячие забастовки на железнодорожном полотне с целью добиться выполнения экономических требований»: «Жители Приморья объявили бессрочную *рельсовую войну*» («КП», 12.12.01).

Анализ современных газет показал, что данная ФЕ продолжает изменяться, что приводит к трансформации в содержательном плане: статья «*Рельсовая война*: Петербург теряет лавры трамвайной столицы мира» (Российская газета, 1.11.2006): война на улицах Петербурга — автомобилисты занимают трамвайные рельсы.

Мы наблюдаем расширение ФЕ «охота за головами» без изменения структуры: 1. обычай некоторых диких народов уничтожать своих врагов, отрезать им головы; 2. поиск топ-менеджеров высокой квалификации с целью переманивания их в другие фирмы; 3. дискредитация политических соперников; 4. погоня за особо опасными преступниками с целью их уничтожения.

Рассмотрим использование рядом с фразеологическим оборотом одного из образующих его слов (естественно, уже в качестве лексической единицы свободного употребления) для создания определенного стилистического эффекта.

Возьмём в качестве примера стилистическую трансформацию ФЕ «*пушечное мясо*» в статье журналиста Олега Мороза. В заголовке он деформирует первоначальную структуру фразеологизма, чем создает саркастический эффект: «*Больше мяса стране!... Пушечного!*» («ЛГ», 12.04.95). Далее автор трансформирует данную ФЕ, делая акцент на слове «мясо»: «Вообще из всех видов мяса генералы, как правило, больше всего любят *мясо пушечное*. Вместо того, чтобы начать радикальные реформы в армии, доблестные полководцы-военачальники решили пойти по привычному примитивнейшему пути — умножить число «некрутов» («ЛГ», 12.04.95).

Проанализируем трансформацию данного фразеологизма для создания нового яркого образа в речи Лу Геворкян в статье «Экстремистов используют как мясо с плакатами»: «Когда-то при Советском Союзе все нации жили в мире. А теперь люди выходят на Манежку и с пеной у рта орут, что, если всех выгнать, в стране станет лучше. Лучше не станет. Станет еще хуже. И проблема эта гораздо страшнее, чем кажется тем, кто

выходит с этими лозунгами. Эти дети просто не понимают, что их просто тупо используют как обычное мясо с плакатами. А если понадобится, используют как *пушечное мясо*» («Кампус», 2(40) май 2011).

В данном случае при дефразеологизации ФЕ главным является интенция автора.

Итак, «военное» фразеологическое поле — не константа в современном русском языке, а живой организм, который эволюционирует в двух направлениях: фразеологизации и дефразеологизации, необходимых для развития языка. Таков путь эволюции языковой системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.

² Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка. М: Учпедгиз, 1957. С. 85.

³ Военный энциклопедический словарь (ВЭС). М.: Военное издательство, 1984. С. 632.

Tretyakova L. N., Nikitina E. V.

MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LANGUAGE OF MODERN NEWSPAPER

The article is devoted to the analysis of the military phrasiological field in the sphere of concepts of Russian language, to the process of phraseologization and dephraseologization of the units in modern newspaper.

Keywords: the military phrasiological field, sphere of concepts, phraseologization, dephraseologization.

Туманова Айнакуль Бектасовна
Чекина Елена Брониславовна

Казахский национальный университет
им. аль-Фараби, Казахстан

a.tumanova@inbox.ru

КОНТАМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОСОБОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА

Статья посвящена проблеме взаимовлияния языков в Республике Казахстан. В ней описываются контаминации на лексическом уровне (слова-обращения, возгласы, образные слова и сравнения, казахизмы; фразеологизмы, пословицы и поговорки). Целью статьи является описание использованных номинативных единиц, характерных для языковой картины мира писателя-билингва. В исследовании данный вид языковой картины мира назван контаминированной языковой картиной мира, специфика которой показана на основе анализа русскоязычного художественного текста писателя-билингва (по национальности казах). Для иллюстрации приведены фрагменты из художественных произведений современных казахстанских писателей Ануара Алимжанова, Сатимжана Санбаева, Болате Джандарбекова.

Ключевые слова: контаминация, русский язык, второй родной язык, казахский язык, языковая картина мира, контаминированная языковая картина мира.

Как известно, длительное историческое сосуществование языков в том или ином обществе естественно приводит к их взаимовлиянию, наложению, соприкосновению, взаимопроникновению, то есть происходит процесс контаминации. В своем понимании данного понятия мы исходим из основного значения термина контаминация (от лат. *contamination* — соприкосновение, смешение) — объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости¹.

Одним из самых ярких и одновременно чрезвычайно сложных проявлений контаминации языков в современных условиях служит художественный дискурс писателей-билингвов (в частности, казахов по национальности), пишущих на русском (втором родном) языке. В их творчестве проявилось с наибольшей глубиной взаимопроникновение двух культур и, главное, двух языковых картин мира — казахской и русской. Особый интерес в этом отношении вызывает творчество «русскоязычных писателей-билингвов»². Индивидуально-авторская картина мира писателя-билингва, в значительной степени определяющая когнитивно-содержательную сторону художественного дискурса конкретного автора произведения, предстает как органично целостное, единое «полотно», на котором идиоэтнические черты разных языков и культур проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого видения действительности, особой картины мира. Для определения «особости» рассматриваемой картины мира нами введен термин *контаминированная* (иначе: негомогенная) *картина мира*³.

Обзор научной литературы, касающейся исследований рассматриваемой проблемы, позволяет говорить о том, что различия между языками обусловлены различием культур, которые можно наглядно проследить прежде всего на лексическом уровне. Известно, что номинативные единицы больше всего и напрямую связаны с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных средств языка может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах (отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках). Общеизвестно, что сами реалии национальны, и поэтому слова их называющие содержат национально-культурный компонент. В художественном дискурсе писателей-билингвов (например: А. Алимжанов, С. Санбаев) широко представлены реалии, лакуны; слова-обращения, слова-возгласы; пословицы, поговорки и др.

Известно, что в казахском языке довольно хорошо развита система слов-обращений, выражающих уважение, почтение, любовь и т. п. Например: **ага/отагасы* — почтительное обращение к старшему; **айналайын/қарағым* — соответствующее русскому — «мил человек» и может быть обращением к любому человеку. Среди множества обращений к высокопоставленным особам (ханам, баям, визирям), свободно бытующих в русском художественном дискурсе без перевода и пояснений (*великий хан, почтенный султан* и др.), представлены обращения-казахизмы *таксыр* и *мырза*: — *Все готово к сабельному бою, таксыр*! Туленгуты будут биться, — доложил Жантас хану...* (Алимжанов⁴: 50); — *А вы, мырза*, не из свиты ли Каипгали султана?* (Алимжанов: 23). В сносках отмечается: **таксыр* — повелитель; **мырза* — господин.

Общепринято, что на протяжении веков существовало и существует взаимодействие человека и природы, человека и общества. Для казахского общества был характерен кочевой образ жизни, что, конечно же, повлияло на формирование национального характера, условия быта, нравственность, отношения между членами языкового сообщества и др. Особенно ярко это выражается в пословицах, поговорках, фразеологизмах, крылатых словах и выражениях⁵.

Исследования показали, что речь аксакалов, старейшин, уважаемых батыров буквально «посыпана» разнообразными народными пословицами и поговорками, в этом проявляется одна из особенностей речи носителя казахского языка. Сравним: *Ведь слова как стрелы. Говорят же казахи: «Удар палки разорвет лишь кожу, острое слово пронзит не только сердце, но и кости»* (Стрела Махамбета: 79). Следующий фрагмент представляет собой часть диалога между вождами Исатаем и Махамбетом; при помощи конструкции *казахи говорят*, неслучайно, стилистически мотивировано вводится перевод казахской поговорки. Такой способ, на наш взгляд, «выдает» национальное мировидение, национальную психологию. Сравним:... *Казахи говорят:*

кто томился, ожидая сорок дней, переживет и сорок первый... (Стрела Махамбета: 134).

Очень важно отметить, что при использовании автором пословиц и поговорок в русскоязычном тексте момент наложения передается в том, что их смысл перекликается с русскими пословицами, такими, как *Умный ищет путь к примирению, дурень — причину для ссоры; Лучше синица в руке, чем журавль в небе* и др. Сравним: — *А когда хаджи станет еще мудрее, — тихо, но внятно произнес Адайбек, ни на кого не глядя, — тазы, наверное, будет знать и такие слова: «глупый затеет ссору, придя мириться, умный, придя войной, предложит мир...»* (Санбаев⁶: 317); — *Я тоже говорю открыто: я не выступлю с вами против царицы. Лучше живой воробей, чемдохлый сокол!* (Джандарбеков⁷: 60). Кроме того, в собственно авторскую речь, в авторские сентенции вводятся очень яркие, глубоко философские мысли, характерные для национального миропонимания, мироощущения: *Но если уж не везет, то и на верблюде собака укусит* (Джандарбеков: 44).

В следующем фрагменте — в разговоре с сельчанами персонаж романа Нуржан говорит о необходимости объединения представителей разных жузов, на которые делится казахский народ, используя образные слова и сравнения, известные и понятные каждому из представителей кочевого народа (и в этом их ценность!). Например: *Когда приходит беда, даже волк не задирает овцу — они спасаются вместе. ... Я не волк, и ты далеко не безобидная овца, Адайбек. Пришло время, когда о былых ссорах надо позабыть и думать о единстве* (Санбаев: 313).

Приведем примеры использования в русскоязычном тексте тропов, которые структурируются на базе семантических сфер: «Человек», «Вещный мир», «Природа». Наблюдения показали, что можно выделить круг устойчивых опорных слов для образования тропов. Это наименования животных и птиц степного пространства: *джейран, шакал, овца, беркут*. Например: *Мы, как стадо перепуганных овец, бежим по степи от волчьей стаи джунгар* (Стрела Махамбета, 1983: 9); *О, проклятие вам ханы, султаны, как шакалы, раздирающие на части свою землю, свой народ...* (Стрела Махамбета, 1983: 9–10).

Особое место среди опорных образных операторов занимают наименования домашних животных — *конь, верблюд*. Образуется неразрывная образная цепочка *степь — верблюд — человек*. Текстовая семантика лексической единицы *верблюд* позволяет говорить о национальной специфике образных смыслов, связанных с данным словом. *Верблюд* в сознании казаха — неуклюжее животное. Неуклюжесть животного переносится на человека подобно тому, как в русском языковом сознании на человека переносится неуклюжесть медведя. Так возникает метафорический эпитет *верблюжья походка*: *Своей верблюжьей походкой он (Жакып) шагал вокруг загона, поправляя покосившиеся столбы* (Стрела Махамбета, 1983: 83); *Чего уставился на меня, старый верблюд. Помоги джи-*

гитам доставить этого красавца к шатру хана! — приказал визирь... (Стрела Махамбета, 1983: 85). Сравнение часто включает детализированный объект, и детализация осуществляется с помощью казахизмов. Например: *Два моих сына похоронены в родной земле, а третий убит в зиндане хивинского хана. И я, как обезумевший бура, ныне кружусь по Мангыстау и по Усть-Урту вокруг дорогих могил* (Стрела Махамбета, 1983: 118). Детализированный объект *старый обезумевший бура* включает национально специфический семантический компонент. Горе человека, потерявшего всех своих сыновей, беспредельно, невыносимо до боли. Не случайно этот старый человек ассоциируется с *бура — верблюдом*. Тропы, связанные с таким наименованием домашнего животного, как *верблюд*, отражают особенности национального мировоззрения, мировосприятия.

Итак, контаминация языков естественно представлена в художественном дискурсе русскоязычного писателя, в котором и отражается контаминированная языковая картина мира. Наиболее ярко это передается на лексическом уровне: слова-обращения, сравнения, пословицы, пословицы и др.; номинативные единицы придают повествованию национальный колорит и создают естественную языковую и культурно-бытовую среду, живое речетворчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 238.

² Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 50.

³ Туманова А. Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2008. С. 50.

⁴ Алимжанов А. Стрела Махамбета // Избранные произведения: В 2 т. Т. 1: Повести, рассказы, очерки. Алма-Ата: Жазушы, 1979. 416 с.

⁵ Туманова А. Б. Языковая картина мира... С. 50; Туманова А. Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Монография. Алматы, 2010. 260 с.

⁶ Санбаев С. Дорога только одна // Повести и романы. М.: Молодая гвардия, 1974. 429 с.

⁷ Джандарбеков Б. Томирис: Историческая повесть. Алма-Ата: Жалын, 1982. 288 с. Иллюстрации приводятся по данному изданию.

Tumanova A. B., Chekina E. B.

CONTAMINATIONS IN LANGUAGES AS AN INDEX OF THE SPECIAL LANGUAGE WORLD IMAGE OF A BILINGUAL WRITER

The article is devoted to mutual influences of languages in Kazakhstan and describes the contaminations at lexical level (words-appeals, intonements, vivid words and comparisons, kazakhisms; phraseological units, proverbs and saying), which are most representative. The aim of the article is to describe the used nominative units typical for bilingual writer language image. This type of world language image is presented as contaminated world language image, the specific features of which are shown on the example of analysis of modern bilingual writers, ethnical Kazakhs: Anuar Alimzhanov, Santimzhan Sanbaev, Bolat Dzhandarbekov.

Keywords: contamination, Russian language, second native language, Kazakh language, the world language image, contaminated world language image.

КУЛЬТ ПРИРОДЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация на русском языке: Культ природы понимается как первоначальная стадия развития религии. Его возникновение имеет социальную, психологическую и философскую основы. В культе природы отражается первоначальное мировидение, модель мышления наших предков. Культы природы русских и китайцев имеют как общие черты, так и отличия. Специфика культов природы двух наций во многом определяет национально-культурные особенности фрагментов их языковых картин мира.

Ключевые слова: культ природы, языковая картина мира, русские, китайцы.

Термин «картина мира», одно из центральных понятий лингвокультурологии, в котором ярко отражается специфика взаимоотношений человека с окружающим миром, зародился в конце XIX — начале XX века. С 60-х годов XX века постепенно сформировано понимание картины мира как «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего ценностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» (В. И. Постовалова)¹. Картина мира получает объективацию в текстах культуры и, в первую очередь, посредством языка. Таким образом, существует особое языковое мировидение (т. е. в языке перевоплощается и отражается народный дух) (В. фон Гумбольдт)². Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит «особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью»³. Таким образом, языковая картина мира (ЯКМ) — это зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Она есть своего рода мировидение через призму языка⁴. В ЯКМ отражаются следы концепции культа природы наших предков.

В отсутствие научных знаний о природе наши первобытные предки, в отличие от современного человека, считали такие объекты природы и стихии, как солнце и луну, звёзды, грозу и гром, гору и реку, божевами. Их почитали как сверхъестественные силы. Такой культурный феномен называется культом природы. Культ природы, как один из универсальных верований человечества, оказал сильное влияние на формирование религиозного и философского мышлений⁵. Культ природы представляет собою не отдельную область народных представлений о мире и мироздании, а находит воплощение в нашем быту, в обрядах, в ритуалах,

в образах, в символике, и даже сохраняется в самом языке (в былинах, волшебных сказках, загадках и т. д.).

Необходимо отметить, что возникновение культа природы имеет социальную, психологическую и философскую основы. Во-первых, в первобытную эпоху земледелия суровая окружающая природа и низкое качество производства вынуждали наших предков полагаться на природу. Стихии оказывали такое сильное влияние на их жизнь и производство, что природа доминировала тогда над человеком. Таким образом, у первобытных людей возникла сильная зависимость от природных сил, и, как следствие, благодарность. Человек хотел через почитание природы добиться здоровья, благополучия, урожая, спокойствия в жизни. И в этом заключается социальная функция культа природы. Во-вторых, мощь некоторых стихий, таких как молния, гром и др., потрясала первобытных предков и вызывала у них страх, в чем и состоят психологические основы культа природы. Например, страх грома считается одной из психологических основ формирования культа грома в Китае. Кроме того, первобытные люди начали наблюдать за окружающим миром и, тем самым, стало развиваться образное мышление. Используя ассоциацию, представление и аналогию, первобытное человечество ассоциировало одно существо с другим через некое типичное общее. Такая психологическая деятельность очевидно отражается в вере в существование души и духов, вере в одушевлённость всей природы⁶. Как раз об этом говорится в анимистической концепции выдающегося английского антрополога Э. Б. Тайлора, согласно которой в основе всех религий лежат первобытные представления о душе и духовных сущностях.

Культ природы у русских и китайцев разнообразны, но обладают многими общими чертами, напрямую связанными с природными объектами, которые находились в сфере жизненной и производственной деятельности наций. Однако культурные составляющие такого культа и его формы выражения в разных ЯКМ различны. В данной работе будем рассматривать доминанты культа природы двух наций, через них будут определены психологический опыт, духовная ориентация и менталитет русских и китайцев.

Культ грома и культ Перуна. Перун считался богом-мироправителем. В русском языке этимология слова *Перун*, по мнению М. Фасмера, связана со значением «разящий громом и молнией»⁷. Перун, первоначально в виде всадника на коне или на колеснице, поражает своим оружием змеевидного врага, последовательно прячущегося от него в дереве, камне, в человеке, в животных, в воде. Главным оружием Перуна были камни, стрелы, топоры. Победа завершается дождем, приносящим плодородие. Итак, Перун — верховный бог русских — повелевал грозами, громами, молнией. Кроме того, культ Перуна как военного бога наиболее ярко выражен и в «Пантеоне Владимира» в 979 — 980 гг. Гром —

это грохот. В русском языке большой оглушительный звук грома метафоризирует «сильный шум; громкий голос»: *гром аплодисментов, гром близкой канонады, голос как гром*. Вместе с тем, грохот грома с неба происходит, как правило, неожиданно для людей на земле, поэтому слово «гром» сравнивают с «неожиданно и глубоко поразившим, ошеломившим кого-л. известием, сообщением, событием». Ср., *ошеломить (оглушить, поразить) кого громом*. Очевидно, психологическая основа культа грома — это страх, потрясение.

В Китае культ грома имеет долгую историю. В китайском языке слово «гром», как и в русском, обозначает «сильный шум». Это переносное значение реализуется в фразеологических единицах *rū léi gǎn ěr как гром стоит в ушах* (о громком звуке или большой известности), *bào tiào rū léi выйти из себя как гром* (о рычании человека), в устойчивых сравнениях *zhǎn shēn rū léi аплодисменты как гром*. Образ бога грома менялся. Самое раннее свидетельство мы находим в древнекитайском трактате «Шань Хай Цзин» («Книга гор и морей»), где бог грома описан как зверь-бык и является злым божеством. В ней выражен страх, вызванный громом у древних китайцев, считалось, гром — это наказание неба человека за вину. Затем образ бога грома нашел свое воплощение в образе дракона и превратился в доброго бога, приносящего плодородие. Считают, тотем «дракон» происходил от культа грома, культ дракона, в действительности, воплощает культ грома и молнии, т. е. дождя у древних китайцев. Молния — это тело дракона, гром (грохот) — голос дракона⁸. Прародителя всех китайцев Хуан-ди называли Богом грозы, и китайцы называются «потомки легендарных Яньди и Хуанди», «наследниками дракона». Очевидно, что культ грома занимает важное место в китайском культе природы⁹.

Культ Солнца. Солнце — это жизнь, тепло и источник света, везде, ему поклоняются везде (Тайлор).¹⁰ В русской культуре ценили культ солнца и бога Солнца «Даждьбога» (податель тепла и света). Имя Даждьбога слышится в самой краткой, дожившей до наших дней молитве: «Дай, Боже!». В «Слове о полку Игореве» русские люди названы потомками бога солнца. Эта культурная реалия нашла отражение в современном русском языке. В нём слово «солнце» имеет несколько положительных метафорических значений. Напр., *солнце свободы, солнце радости, солнце жизни* (об источнике или о сосредоточении чего-л. ценного, жизненно необходимого); *Пушкин — солнце нашей литературы; Шиллер и Гете — это целые два мира лирической поэзии, два великих ее солнца*. (о том, кто является предметом поклонения, кто прославился в какой-л. области деятельности); *как солнце, сиять как солнце*. (о ярком, необычайно талантливым, блистательном человеке). В древней Руси солнце метафоризировало князя (Владимир Красное Солнышко), а в песнях и причитаниях XIX века «светлое» или «красное солнышко» — это род-

ственник или просто любимый человек, и в современной разговорной речи «солнышко» употребляется как ласковое обращение к дорогому, любимому человеку, особенно к детям и женщинам.

По сравнению с русским культом солнца, в культе солнца в древнем Китае имелось как почитание к солнцу, так и некоторое отвращение. Эти чувства выражены в легендах «Куа Фу гонится за солнцем» и «Хоу И стрелял по солнцам». В этих легендах описано, как солнце сжигало землю. После распространения даосизма солнце (Ян) обрело своё божество и являлось императорской эмблемой, но никогда не считалось верховным божеством в китайском пантеоне. Переносные значения слова «солнце» в словарях китайского языка не зафиксированы, но в устной речи употребляются. Они имеют аналогии с русским языком, обозначают «могущественного человека или идею (чаще всего руководителя революции)»: Ср., *tái yáng měi le Солнце исчезло* (т. е. Ленин умер); *máo zhǔ xī xiàng tài yáng Председатель Мао как солнце*; *A xiǎo tài yáng маленькое солнце родителей* метафоризирует того, кто является предметом любви, чаще всего так говорят о единственном сыне или дочери в современном Китае.

Культу Луны в русской культуре не существует. А месяц является «мифическим воплощением ночи в противоположность дневному светилу, его супруге Солнцу». Естественные признаки луны — «изменчивость», «непостоянство» (месяц «перебегает с места на место, прячется за облака, изменяет цвет. Смена фаз месяца после свадьбы от Солнца к заре Деннице) — придали русской мифологии отрицательное отношение к Месяцу. Хотя позже в русской мифологии Луна, в отличие от Месяца, стала мифическим персонажем женского рода, и считалась супругой Солнца.¹¹ Но культурная коннотация месяца (луны), как небесного светила, у русских не изменилась. И в русском языке *кругла лицом как луна, лицо у кого [круглое] как [полная] луна* вызывают только негативные ассоциации.

В китайском языке и китайской культуре слово «луна» имеет абсолютно положительную коннотацию. В словарях зафиксировано более 60 единиц устойчивых сочетаний, большинство из них имеет положительную культурную коннотацию. Напр., *huā róng yuè mào лицо как цветок и луна* (о красивом женском лице), *bì yuè xiū huā такая красивая, что луна спряталась и цветам стыдно*, *huā hǎo yuè yuán цветы хороши и луна кругла* (о прекрасной счастливой жизни), *huā chéng yuè yè утро, когда цветут цветы, и вечер, когда сияет луна* (о прекрасном времени) и т. д. Поскольку в китайской культуре луна считается женским началом (Инь), матерью всего сущего, она питает все живое, с луной было тесно связано сельское хозяйство. Китайцы создали лунный календарь, который используют до сих пор. И на луне живет легендарная красавица Чань Э. Луна стала воплощением и символом красоты. А яркая полная луна

всегда вызывает ностальгию по родине и родным. А ассоциация с родиной у русских — скорее с солнцем.

В заключение, следует отметить, что поскольку древние русские и китайцы жили в разных географических условиях, у предков русских и китайцев возник не совсем схожий культ природы: для предков китайцев культ грома и дракона более значим, культ луны второстепенен, культ солнца занимает третье место. А у древних предков русских культ солнца главнее культа Перуна, а культа луны не существует. Чем значимее культ природы в национальной культуре, тем богаче фрагмент национальной картины мира. Культ природы оказывал и оказывает влияние на миропонимание и самого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 13.

² *Гумбольдт В. фон* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 380.

³ *Урысон Е. В.* Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1998. №. 2. С. 3

⁴ *Яковлева Е. С.* К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. №№.1–3. С. 47

⁵ *Hé Xīngliàng.* Zhōng guó zì ráng chōng bài. Jiāng sū rén míng chū bǎn shè. 2008. P. 5–8.

⁶ *Yáng Lìjuān.* Shì jiè shén huà yǔ yuán shǐ wén huà. Shàng hǎi shè huì kē xué yuán chū bǎn. 2004. 223 p.

⁷ *Фасмер М.* Этимологический русскоязычный словарь [Электронный ресурс] // Словопедия. <http://www.slovopedia.com/22/207/1639253.html> (14.12.2014)

⁸ *Duàn Démíng.* Shén lóng chōng bài yuán yóu biān zhèn // Qǐ jìng shǐ fàn xué yuàn. 2001. № 9. P. 70.

⁹ *Xú Shān.* Léi shén chōng bài. Sān lián chū bǎn shè. 1992. P. 3–8

¹⁰ Тайлор, Э. Б. Первобытная культура. М.: Изд. политической литературы, 2005. 704 с.

¹¹ *Шуклин В. В.* Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское, 2001. С. 201–214.

Wu Hao

THE CULT OF NATURE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC WORLD-IMAGE

The author argues that the cult of Nature is an initial stage of the religion development, and its emergence has social, psychological and ideological basis, reflecting the original world outlook and way of thinking of our primitive ancestors. There are both similarities and differences between Chinese and Russian people in their ways of worshipping nature, which in turn determines what the linguistic world-image is like to a great extent.

Keywords: cult of nature, linguistic world-image, Russian, Chinese.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТАМБУЛЬСКОГО ПЕЙЗАЖА В РАБОТАХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ XIX ВЕКА

Некоторые русские художники с большим интересом относились к культуре Турции и приезжали в эту страну. Посетившие Стамбул русские художники уделяли особое внимание Османскому дворцу и местности вокруг него, памятникам византийского и османского периодов, внимательно изучали город. В статье исследуются детали интерьера и экстерьера в произведениях таких русских художников, как К. П. Брюллов, И. К. Айвазовский, А. П. Боголюбов и М. Н. Воробьев, посвященных теме Стамбула османского периода.

Ключевые слова: Стамбул, Османская империя, русские художники, пейзаж.

Стамбул, одно из древнейших мест встречи разных культур и цивилизаций на земле, по праву заслуживает называться столицей мира. С завоеванием Константинополя закрылась одна и открылась другая страница истории города, ставшего объектом ревности других городов и названного «городом великих снов». С 1453 года Стамбул становится столицей турецкой культуры и искусства.

Хорошо известно, что с середины XVIII и на протяжении XIX века Османская империя переживала западное влияние на многие области своей социально-культурной жизни. На этом же фоне происходили важные подвижки в области межгосударственных отношений между Османской и Российской империями.

Такие перемены были отмечены, в первую очередь, посещениями Стамбула не только официальными лицами, но и просто путешественниками, торговцами, православными паломниками к святым местам, а также писателями и художниками. Свидетельством тому служат дошедшие до нас письма и путевые заметки, но что особенно ценно для нашего рассмотрения — картины русских художников XIX века.

Многие художники были очарованы неведомым им ранее таинственным ориентальным духом Стамбула. Их впечатляло всё: красота береговой линии, вырастающие из моря и потянутые белесой дымкой возвышения Принцевых островов, памятники архитектуры византийских времен и творения османских зодчих, змееподобные подьемы и спуски узких захлапленных улочек, призывные крики муэдзинов с ажурных балкончиков минаретов, шум и толчея восточных базаров, места сборищ народа, смешение красок всех цветов и оттенков.

Конечно, все это не только впечатляло, но и рождало желание запечатлеть увиденное на полотнах картин, каждая из которых стала не только произведением искусства, но и важным историческим документом своей эпохи.

Среди имен художников, отобразивших Стамбул того времени, по праву первым можно назвать имя Максима Никифоровича Воробьева (1787–1855), известного не только топографическими исследованиями, но и своей пейзажной живописью. В 1820 году по поручению великого князя Николая Павловича он был отправлен в Палестину с целью создания карт и зарисовок местности. По пути в священную землю художник делает остановку в Стамбуле, где выполняет множество набросков и эскизов экзотического города.

Одной из них стала написанная в 1829 году картина «Вид Стамбула с азиатского берега». На ней художник с любовью изобразил не только источник питьевой воды на берегу Босфора — на фоне городских силуэтов, лодок и парусников в желтых тонах, но от его наблюдательного взгляда не ускользнула и живая этнографическая картинка важной части быта горожан разных сословий. Мы можем видеть простолюдинов, берущих воду из источника, людей с достатком, празднично отдыхающих за беседой и потягивающих кальян в тени вековых чинар, лодочников и их клиентов, снующих посреди всего этого расторопных уличных торговцев. Зоркий глаз художника и топографа точно подметил очень существенный момент в жизни восточного города. На Востоке, где проблема воды была всегда насущной, к воде существует особое почтение. В священной книге всех мусульман, Коране, есть даже такое выражение: «Вода начало всего», а каждый правоверный мусульманин считал своим долгом совершить угодное Аллаху дело — обустроить любой источник чистой воды. Богатые же люди создавали над источником подлинны шедевры архитектурного искусства. Так выглядит, например, источник, устроенный в 1728 году по распоряжению султана Ахмеда III у ворот Баби-Хамаюн перед дворцом султанов Топкапы в Стамбуле, украшенный причудливой арабской вязью стихов его собственного сочинения, призывающих утолившего жажду путника не забывать о сохранении чистоты воды. И в самом деле, наверное, нет ничего приятнее, чем выпить стакан чистой прохладной воды в летнюю изнуряющую жару. Следует заметить, что стамбульские источники и до сих пор остаются местом встреч, обмена новостями и отдыха жителей в дневные и особенно в предвечерние часы. Они занимают важное место в укладе всей социальной жизни восточных городов, в силу чего бережно охраняются и реставрируются со стороны государства, а также частными компаниями и лицами.

Другим известным русским художником, для которого источником вдохновения стал Стамбул, был Карл Павлович Брюллов (1799–1852). Одно время Брюллов обучался живописи в Италии. Для возвращения на родину он выбрал морской путь, в связи с чем у него появилась возможность увидеть Турцию. С разрешения турецких властей художник летом 1835 года сошел на турецкий берег. Его знакомство с Турцией ограничилось изучением Измира, Стамбула и их окрестностей. В Турции

художник провел более трех месяцев. Но и этого хватило, чтобы остаться навсегда завороченным таинственной атмосферой восточного города и создать большое число живописных работ, исполненных карандашом, сепией и акварелью. Все это время он был гостем в доме российского посланника А. П. Бутенева на Биюк-дере близ Стамбула. Этот район города, являвшийся центром сосредоточения дипломатических миссий, где, кроме того, проживали по большей части греки и армяне, принявшие европейские обычаи, и совсем мало турок, оставил равнодушным художника. Брюллов любил бродить по Стамбулу и наблюдать каждодневную жизнь людей, столь отличную от быта его соотечественников. Во время таких прогулок он сделал множество зарисовок с натуры из жизни простых горожан. С увлечением отдался художник живописному отображению жизни большого турецкого города. Композиции Брюллова, посвященные простому люду Стамбула, отличаются достоверностью эпизодов, меткостью типажей, особо тонким пониманием восточного колорита. В отличие от жанровых идиллических картин, сделанных художником в Италии, турецкие рисунки полны действия и искрометного юмора. Брюллов в совершенстве овладел новой для него формой художественно-изобразительного очерка. Посредством тонкого понимания национального своеобразия страны и точного выбора сюжетов он сумел достоверно рассказать о жизни этого чужого города, что придает его живописному рассказу живой и увлекательный характер.

Уверенной рукой мастера выполнен карандашный рисунок под названием «Гавань в Константинополе» (1835). Перспективу рисунка образуют кирпичное здание и еле заметные на воде лодки. На переднем плане типичная сцена из жизни Стамбула, сосредоточенная по большей части у причалов: торговцы, группы женщин, мужчины, беседующие с незнакомцами, спящий рядом с собакой человек, вьючные животные — верблюды и лошади, в левом углу рисунка женщина, пытающаяся освободиться от назойливого попрошайничества нищих.

Интересен и другой бытовой сюжет, представленный в одной из лучших композиций художника — «Полдень в караван-сараяе» (1835). Картина дышит обжигающей летней жарой. На переднем плане — моющийся перед источником молодой турок, бродяга, спящий, прислонившись к стене, лениво сидящий на ступеньках мулат, бородатый всадник, бредущий осел, позади которого шествует верблюд. Слева можно заметить деревянное строение и слабо различимые контуры мечети. Все достоверно, как на фотографии с места событий.

Часто приходится встречаться с тем, как многие художники, мягко говоря, не совсем точно отображали изображаемое место. У Брюллова нет таких ошибок. Тем самым он заслуживает особую похвалу. Русский художник с точностью зарисовывал детали изображаемой местности, что придает документальность всем его рисункам. По ним можно и сейчас создавать летопись города.

Глубокой осенью 1835 года Брюллов получил высочайший приказ царя Николая I о возвращении на родину. С большим сожалением покидал он Стамбул, который успел полюбить за короткое время своей остановки в нем. Пребывание в Турции не прошло для него даром: вынесенные из путешествия впечатления послужили впоследствии постоянным источником вдохновения для создания композиций на восточные темы.

Так, при написании картины «Сладкие воды близ Константинополя» (1849) Брюллов использовал эскизы, сделанные ранее в Стамбуле. Видны широкие крыши над источниками Кягыт-хане, утопающие в зелени дома, плывущие по течению веселые лодки, человек, готовящий на углях кебаб, всадники, розничные торговцы, музыканты, впереди которых бегут собаки, в тени широкоствольной вековой чинары расположились на отдых незнакомцы, на телеге, запряженной волами, сидит женщина. И все это залито ярким светом, какой бывает только на Востоке.

Еще одним влюбленным в Стамбул русским художником был Алексей Петрович Боголюбов (1824–1896). В 1841 году он окончил военное училище и был направлен на службу в военно-морской флот. Это назначение позволило ему увидеть множество стран. В 1849 году Боголюбов поступил в Петербургскую Академию изящных искусств. Его особенно волновали полотна на морскую тему И. К. Айвазовского. Успешно окончив Академию, он стал художником при военно-морском ведомстве. В 1856 году Боголюбов посетил Стамбул, где по просьбе царя Николая I сделал несколько пейзажных картин с видами города.

На картине «Золотой Рог в Константинополе» (1864) изображена мечеть с двумя минаретами, рядом с ней множество причаленных к берегу залива лодок и несколько беседующих лодочников. Чуть поодаль поднимающийся ввысь дым от зажженного костра. На спокойных водах залива покачиваются парусники и лодки. На заднем фоне просматриваются силуэты мечети Сулеймание и Новой мечети.

Еще одна картина художника под тем же названием «Золотой Рог» (без даты) отображает двухэтажное кирпичное здание у залива с вытянутыми на берег лодками, человека на ослике и шагающего впереди них мужчину одетого в повседневную турецкую одежду. На втором плане еще одно белое кирпичное здание, возможно, принадлежащее пристани, с причаленным к ней парусником. На заднем плане изображен силуэт мечети Сулеймание.

Другая работа Боголюбова «Вид на Стамбул с азиатского берега» (без даты) запечатлела плывущий по Босфору пароход и прогуливающийся по берегу Ускудара людей, группу присевших на корточки мужчин и зажатое кипарисами каменное двухэтажное здание, у стены которого лежат вытянутые на берег лодки. На заднем плане изображен залив с возвышающимся над ним силуэтом храма Святой Софии и стоящие на рейде парусники, ожидающие разрешения на вход в залив Золотой Рог.

Картины на стамбульские темы писал еще один известный русский художник — Василий Дмитриевич Поленов, отправившийся между 1881-м и 1882 годом в большое путешествие по странам Востока. Посетив такие страны, как Египет, Сирия, Палестина и Греция, художник оказался в столице Османской империи как раз в период некоторого потепления турецко-российских отношений, наступивший в 1880-е годы. И хотя он находился в Стамбуле очень короткое время, этот город заинтересовал его.

Одна из картин малых размеров под названием «Константинополь. Эски-сарайский сад» (1882) была закончена вскоре после возвращения на родину. На ней изображены развалины старого дворца в районе Султанахмет. На переднем плане сидящие, отвернувшись к стене, женщины со скрытыми под чадрой лицами. Слева на картине привлекает внимание старинная деревянная дверь, прислоненная к каменной стене, и блики заходящего солнца на ветвях кипарисов и сосен.

Другой запечатлевшей Стамбул работой мастера была картина «Константинополь. Золотой Рог» (1890). Ко времени приезда Поленова в Стамбул внимание многих художников привлекал вид залива Золотой Рог и его окрестностей. Не оставил он равнодушным и русского художника. При работе над картиной он использовал множество сделанных на пленэре эскизов. Мы видим на картине еще не застроенные так густо окрестности залива, его прозрачные воды, голубое небо и покрытые зеленью холмы под лучами палящего летнего солнца.

Известный своими передовыми взглядами и интересом к изобразительному искусству султан Абдулязиз в 1867 году побывал на выставке картин в Париже, где встречался с турецкими художниками Османом Хамди, Сулейманом Сеидом и Ахметом Али (известным больше под именем Шекер Ахмет-паша), обучавшимися в то время живописи в Париже и знакомыми с творчеством Айвазовского. В Париже султан приобрел для своего дворца множество картин на восточные темы.

С целью развития изобразительного искусства в Османской империи султан Абдулязиз задумал открытие школы искусств в Стамбуле, но в связи с его ранней кончиной этим планам не суждено было осуществиться.

После смерти султана Абдулязиза на трон взошел султан Абдульхамид II, который в 1877 году тоже намеревался открыть Академию изобразительных искусств, но этим намерениям помешала разразившаяся Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Конец войне положил Сан-Стефанский мирный договор. Примечательно, что церемония подписания проходила 3 марта 1878 года в зале, стены которого украшали картины Айвазовского.

Несмотря на натянутые отношения между Османской и Российской империями, Айвазовский продолжал поддерживать дружеские отношения с османским двором. Третьего марта 1883 года была наконец-то тор-

жественно открыта школа ремесел и изящных искусств под названием «Санаи Нефеси Али-Мектеби», Айвазовский тут же откликнулся, прислав в дар школе одну из своих работ.

Как мы уже обращали внимание в одной из наших статей, картины со стамбульскими и турецкими мотивами украшали не только стены дворца османских султанов, но и выставлялись за его пределами. Так, в 1880 году в здании российского посольства состоялась выставка картин художника, в связи с которой султан Абдульхамид II наградил его медалью с алмазами. В 1881 году в одном из магазинов квартала Пера, владельцем которого являлся Ульман Громбач, была открыта выставка, где с картинами таких всемирно известных мастеров кисти, как ван Дейк, Рембрандт и Брейгель, соседствовали картины Жана Леона Жерома и И. К. Айвазовского. На одном из представленных полотен Айвазовского — «Стамбул. Вид залива Золотой Рог» (1880) — изображен городской пейзаж. На переднем плане залив и мечети Сулеймание и Фатих в окружении кипарисов. Многие фигуры людей в традиционной повседневной турецкой одежде повернуты спиной к зрителю. Это не удивляет, поскольку, по мнению Дж. Каффиеро и И. Самарини, Айвазовский не был силен в области портретной живописи.

Кроме выставок 1880–1882 годов, в Стамбуле состоялась еще одна выставка художника, организованная в 1888 году племянником И. К. Айвазовского Леоном Мазировым, на которой были представлены 24 картины художника. Особенностью этой выставки было то, что половина от ее сборов была пожертвована на благотворительность.

Как раз на эти годы приходится первый выпуск из османской Академии изящных искусств. Популярность И. К. Айвазовского была столь широка, что стиль его художественного творчества оказал влияние на выбор жанра некоторыми ее выпускниками — такими как Осман Нури-паша из Харбие, Тахсин Диярбакырский из Харбие, Мюлязым Ихсан и Али Джемаль.

В 1890 году художник с женой посетил Стамбул в последний раз. За время своего пребывания он побывал в армянской Патриархии и во дворце «Йылдыз», оставив в дар этим культурным учреждениям свои картины. В свой последний приезд художник был награжден орденом «Меджиди» I степени. Айвазовский поддерживал творческие отношения с Османской империей до самой своей смерти в 1900 году. С 1845-го по 1900 год не было и года, чтобы он не отобразил на своих картинах стамбульской темы. Символично, что последней картиной великого певца моря стало полотно «Корабли на Босфоре» (1900).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Манин В. С. Русский пейзаж. М., 2000. С. 37–44.

² Леонтьева Г. К. Карл Брюллов. Л., 1990. С. 32–33; Uzelli G. XVIII–XIX Yüzyıllarda Rus Resim Sanatı. İstanbul, 2002. С. 70.

³ Там же. С. 33.

⁴ Манин В. С. Указ. соч. С. 110–113.

⁵ Пастон Е. Василий Дмитриевич Поленов. СПб., 1991. С. 62.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Cezar M. Sanatta Batıya Açılış ve Osman Hamdi. İstanbul, 1995. С. 153.

⁸ Хачатурян Ш. Айвазовский. Живопись. М., 1989. С. 6.

⁹ Germaner S., İnankur Z. Oryantalizm ve Türkiye. İstanbul, 1989. С. 84.

¹⁰ Узелли Г. Айвазовский и Турция (К 100-летию со дня смерти И. К. Айвазовского) // Образование в регионах России и СНГ. № 4 (25). М., 2003. С. 69–71.

¹¹ Tuğlacı P. Ayvazovski Türkiye’de. İstanbul, 1983. С. 55.

¹² Duben Aksüğür İ. 1873–1908 Pera Ressamları Katalogu, Beymen, İstanbul.

¹³ Caffiero G., Samarine İ. Denizler, Şehirler ve Düşler / İvan Aivazovski’ın Resimleri. İstanbul, 2000. С. 181.

¹⁴ Tuğlacı P. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ Tansuğ S. Çağdaş Türk Sanatı. 1986. С. 99–100.

¹⁶ Tuğlacı P. Указ. соч. С. 55.

Uzelli G.

THE POETIC PECULARITIES OF ISTANBUL LANDSCAPES IN THE WORKS OF RUSSIAN PAINTERS OF THE 19TH CENTURY

The article is devoted to some Russian 19th century painters, who were showing interest in Turkey and coming to the country. While visiting Istanbul, they painted the Ottoman Palace and its surroundings, monuments of Byzantine and Ottoman periods, thoroughly studied the city. The article explores the details of the interior and exterior premises in the works, dedicated to Ottoman Istanbul, by such painters, as Brullov, Ayvazovski, Bogolubov and Vorobyev.

Keywords: Istanbul, Ottoman empire, Russian painters, landscape.

Фомина Зинаида Евгеньевна

Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет, Россия

SinaidaFomina@gmail.com

ЭКОТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА

В статье анализируются номинации российских экопоселений в этнокультурной перспективе. В номинациях экопоселений отражается этническая ментальность русской языковой личности, ее философия жизни, а также концептуальная иерархия ценностей человеческого бытия. Категоризируются рефлексии современного человека о принципах идеального мироустройства, составляющими которого являются национально обусловленные антропоморфные, натуроморфные, колористические и пространственные детерминанты.

Ключевые слова: экотопонимы, картина мира, национальный характер, этническая ментальность, языковая личность

Экологические реалии XXI века и специфика их концептуализации в языковой картине мира находятся в тесной взаимосвязи с культурой. Как отмечал акад. Д. С. Лихачёв, экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. «Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы»¹.

Стремительно возрастающая значимость экологии и защиты окружающей среды в жизни современного мирового сообщества на рубеже XX–XXI вв. обусловила существенный приток слов с экологической семантикой во многие языки мира. Слова с экосемантикой по причине их высокой значимости для современной эпохи являются «словами-реальностями» (термин Н. А. Бердяева)². Лексические единицы с экологической семантикой относятся к разряду «общественно-значимых» слов и образуют особый класс единиц, обозначаемых нами как слова-экофакты³. В корпусе так называемых слов-экофактов значительное место занимают слова, обозначающие современные экологическое поселение России, именуемые в лингвистике как экологические топонимы (эко-топонимы).

Жители экопоселения объединяются, как известно, общими экологическими или духовными интересами. Многие из них видят техногенный образ жизни неприемлемым, разрушающим природу и ведущим к всемирной катастрофе. Как альтернативу техногенной цивилизации, они предлагают жизнь в небольших поселениях с минимальным влиянием на природу⁴. Проведенное нами исследование русских экологических топонимов в этнокультурном аспекте позволяет говорить о форми-

ровании в русском языковом сознании образа современной экологически ориентированной модели мира, обусловленной, прежде всего, русским национальным характером, менталитетом, спецификой мировидения.

Топонимы, коррелирующие с обозначением экологических поселений в России в 21-ом веке, отражают рефлексии русского этноса о значимости тех или иных ключевых детерминант для организации современной экологической модели мира. Большинство номинаций экопоселений России объединяется общей идеей достижения человеческого счастья, благополучия, гармонии, а также стремлением к сосуществованию в мире с собой и природой и т. п. В названиях экопоселений ярко прослеживаются как черты русской национальной культуры, так и особенности этнической ментальности. Это объясняется тем, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем⁵. За отдельным словом стоит как системность знаний, так и системность образа мира данной культуры, как она представлена в языковом сознании усредненного ее носителя⁶.

Нами было установлено, что в основе номинаций современных экопоселений лежат 17 когнитивно-гносеологических классификаторов, позволяющих, с одной стороны, идентифицировать специфику и сущностные признаки каждого конкретного экопоселения, с другой, — определить ценностные приоритеты его жителей. К числу базовых (доминантных) классификаторов относятся классификаторы, коррелирующие, главным образом, с *антропосферой*, *натуроморфной сферой*, *пространственной сферой* и *цветосферой*. В корпусе экотопонимов с *антропоморфной* составляющей [I] выделяются номинации, внутренняя форма которых, в свою очередь, определяется 12 национально-культурными признаками, в частности: 1) *анимическим* признаком (с детерминантой «*Душа*»): экопоселение «Душевное» и др.; 2) *генеалогическим* (с детерминантой «*Род*»): «Родное», «Светлорусье», «Росичи», «Родные просторы», «Экорусь» и др.; 3) *антропонимическим* (с детерминантой «*Имя*»): «Никольское», «Гришино», «Аннушка», «Устинка», «Михайловское», «Радомир», «Радосвет», «Есенинская слобода» и др.; 4) *сенсуалистическим/фелицитарным* (с детерминантами «*Счастье*», «*Радость*»): «Счастливое», «Александровка-Отрадное», «Милёнки», «Радость», «Радомир», «Радосвет» и др.; 5) *этическим* (с детерминантой «*Лад/Гармония*»): «БлагоДарное», «Благодатное», «Гармония», «Ладное», «Чистые помыслы», «Мирное», «Город Гармонии» и др.; 6) *мифопоэтическим* (с детерминантой «*Ирреальный Мир*»): «Сказка», «Колдуны», «Сказочные терема», «Сказочный край», «Небеса обетованные», «Макошино» и др. (5 ед.); 7) *теологическим* (с детерминантой «*Религия*»): «Райское», «Благодать», «Ковчег», «Небеса обетованные», «Сотворение» и др.; 8) *волюнтативным* (с детерминантой «*ВОЛЯ*») (от *voluntas* —

воля): «Привольное», «Родные просторы», «Приволье» и др.; 9) *пультхерическим* (с детерминантой «Красота»): от лат. pulcher — красивый, прекрасный): «Живая картина», «Красная горка» и др.; 10) *идейно-мировоззренческим*: «Единство», «Мечта» и др.; 11) *игическим* (от греч. *Yygia* (здоровье): «Здоровое» и др.; 12) *гастрономическим*: «Медовый ключ» и др.

Натуроморфный макроклассификатор экотопонимов [II] включает четыре субклассификатора, позволяющих дифференцировать типы экотопонимов с архисемой «Природа»: 1) *гелиоцентрический* (от др.-греч. *Ἥλιος* или *Ἠέλιος*, Гелиос, Гелий, «солнце») (космологический) (с детерминантами «Солнце»/«Свет»): «Лучезарное», «Солнечное», «Солнечная долина», «Радужье», «Ясное», «Чистое небо» и др.; 2) *гидронимический* (с детерминантой «Вода»): «Родник», «Гремячий Ключ», «Приворголье», «Белые росы», «Ладога», «Родники», «Чистые истоки», «Росинка» и др.; 3) *фитонимический* (с детерминантой «Флора»): «Лесные дали», «Липовые рощи», «Вишневый сад», «Дубы», «Долина яблонь», «Серебряный Бор», Серебристый кедр», «Живой сад», «Виноградовка», «Залесье», «хутор Папоротный», «Росток», «Прекрасная Зеленая» и др. 4) *терраморфный* (с детерминантой «ЗЕМЛЯ»): «Красная горка», «Светлогорье», «Синегорье», «Большой камень», «Хребет Уральский», «Оазис» и др.

Макроклассификатор с архетипическим признаком «Пространство» [III] репрезентируется следующими ключевыми субклассификаторами: 1) с детерминантой «Долина» («Солнечная долина», «Миродолье»); 2) с детерминантой «Поляна» («Солнечная поляна»); в) с детерминантой «Даль» («Лесные дали») г) с детерминантой «Край» («Сказочный край»); д) с детерминантой «Простор» («Родные просторы») и др.

Колористический макроклассификатор [IV] позволяет разграничивать экотопонимы с ключевой доминантой «Цвет». Ср.: «Красная поляна», «Красная горка», «Синегорье», «Белые Росы» и др.

Результаты проведенного исследования номинаций современных экопоселений России, отличающихся между собой по их внутренней форме, позволяют построить вербальную экологическую модель современных экопоселений России. Так, экологическая модель мироустройства, в аспекте ее видения современным русским этносом, синергетична по своим экзистенциональным признакам. Ее ядерную зону образует феномен «ДУША» как символ начала всего живого. Далее следует феномен «РОД» как онтологическая составляющая этноса. Субстанциональной основой этой диады (души и рода) выступает категория *имени*, которая, являясь частью культуры народа, идентифицируется в мифопоэтическом сознании многих народов мира с *Душой* человека. Неотъемлемыми элементами национально обусловленной экологической модели мира вы-

ступают *эмоциональная* составляющая (ср.: «Счастлирое», «Отрадное») и *этические* ценности (ср.: «Ладное», «Благодать», «Гармония» и др.).

В аспекте рассмотрения натуроморфных сущностей, как частотных детерминант современного экологического мироустройства, приоритетная роль принадлежит *первостихиям/первозлемам*: феномену *Солнцу* (ср.: названия экопоселений: «Солнечное», «Солнечная поляна»), *Небу* («Чистое небо»), *Свету* («Лучезарное», «Светлорусье», «Светлогорье»), *Воде* («Родники», «Истоки», «Гремячий ключ»). На этом основании условно можно выделить: экопоселения *Солнца*, экопоселения *Неба*, *Света*, *Воды* и т. п. Локус экологического мира составляют природные реалии, среди которых главенствующее место занимают *Леса* («Залесье», «Лесные дали») и *Горы* («Синегорье», «Хребет Уральский»). Согласно экотопонимам, экологическая модель мира априори включает компоненты: «*Плодородие*» («Виноградовка», «*Дары природы*») («Медовый Ключ»). Базовым элементом национально детерминированной экологической картины мира выступает понятие «*Красота*» (ср.: «Чудное», «Живая картина», «Сказка»).

Для современной экологической модели мира релевантны четыре цвета: *красный* (в значении: красивый («Красная горка», «Красная поляна»); *синий* («Синегорье»); *белый* («Белые росы»), *зеленый* («Прекрасная Зеленая»).

Одним из системообразующих элементов овнешненной языковым сознанием русской экологической модели мира выступает понятие «*Пространство*», эпистемологически сопрягаемое с типично русскими максимумами «*Простор*» и «*Воля*» («Приволье», «Родные просторы», «Миродолье»).

Важно отметить, что уже к середине 1980-х годов имелось более 15 социально-экономически и экологически ориентированных глобальных прогнозов, получивших название «моделей мира», к числу которых относятся: «Мировая динамика» Дж. Форрестера, «Пределы роста» Д. Медоуза с соавторами, «Человечество у поворотного пункта» М. Месаровича и Э. Пестеля, «Латиноамериканская модель Баричоле» А. О. Эрреры и др.⁷. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что если вышеуказанные западные экологические модели мира базируются на таких первостепенных *экономических* признаках, как: устойчивое развитие, лесовосстановление, энергосбережение и т. п., то российская экологическая модель соотносится с *идеализированными* признаками нового экосообщества, которые отражают в своем большинстве *романтические* представления экопоселенцев о возможном мироустройстве, в т.ч., их *утопические* установки и мировоззренческие концепции, ориентированные на некие совершенные *эталон* vs. *идеалы* человеческого бытия.

Романтизация и *эмоционализация* названий экопоселений, высокая степень их экспрессивности и образности, которые проявляются как

в плане содержания, так и в плане выражения экотопонимов (в частности, в своеобразной каллофонии (в благозвучии, «сладкогласии», «прекраснозвучии») детерминируется, на наш взгляд, несколькими факторами. Прежде всего, это объясняется *культурно-историческими* факторами, сформировавшими русскую национальную культуру, для которой всегда были релевантны культ таких национально обусловленных сущностей, как: *воля, простор*, культ генеалогических максим (*род, семья*). Важную роль играют также *природные* факторы, в числе которых в качества базисных приоритетов выступают такие понятия, как: *степь, реки, лес, горы*. Особую этнокультурную значимость имеет *культ природы* в целом (матушка-природа, матушка-земля), культ *солнца, неба, воды, света*. Ключом для понимания экотопонимов является, несомненно, русская народная культура, сформировавшаяся в известной степени под влиянием древних мифопоэтических традиций, связанных с древнерусскими мифами, сказаниями, былинами и т. п. В целом, идеализация и эмоционализация русских экотопонимов мотивируется спецификой русского *национального* характера, отличающегося склонностью к *эмоциональному* восприятию мира. Поэтому и представление о современном экологическом рае (с позиции русского этноса) неизбежно предполагает не только само существование вышеперечисленных констант, как облигаторных составляющих этого большого «*Дома счастья*», но и особое, эмоционально-личностное, к ним отношение, отражаемое в сознании русского языкового коллектива, в его языке как «органе внутреннего бытия человека» и как выразителе духа и характера народа (В. фон Гумбольдт).

Получение знаний о русской языковой личности XXI века, рассматриваемой с позиции трех уровней, в частности, с позиции вербально-семантического уровня, когнитивного и мотивационного, позволяет говорить о том, что в создаваемых ею номинациях для экопоселений XXI века отражается ее этническая ментальность, современная философия жизни, а также концептуальная иерархия ценностей человеческого бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л.: Худож. лит., 1987. С. 418–494.

² Бердяев Н. А. Слова и реальность в общественной жизни. [Электронный ресурс]. Слова и реальности в общественной жизни: Бердяев Н.А. URL: http://odinblago.ru/slova_i_realnosti (дата обращения: 7.12.2014.)

³ Фомина З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 336 с.

⁴ Экологическое поселение-Википедия [Электронный ресурс] // Экологическое поселение. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.11.2014)

⁵ Никуличева Д. Б. Интериоризация языкового материала в процессе изучения иностранных языков: анализ опыта полиглотов/ Д. Б. Никуличева // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. Вып. 2 (20). С. 95 -100.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Роль и место экологии в современном обществе [Электронный ресурс] // Роль и место экологии в современном обществе. URL: http://library.by/portalus/modules/ecology/readme.php?subaction=showfull&id=1262777118&archive=&start_from=&ucat=7 (дата обращения: 15.01.2014).

Fomina Z. E.

ECOTOPONYMS AS REFLECTION OF ETHNIC MENTALITY OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY OF THE 21ST CENTURY

The research is devoted to studying the ecotoponyms nominations in Russia, being considered in ethno-cultural aspect. Ecotoponyms reflect the ethnic mentality of the Russian linguistic personality, its philosophy of life, as well as conceptual hierarchy of the values of human being. Reflections of modern person about the principles of ideal world order, composed of nationally conditioned anthropomorphic, naturomorphic, coloristic and spatial determinants are categorized.

Keywords: ecotoponyms, picture of the world, national character, ethnic mentality, linguistic personality.

ЕВРОПА В НОМИНАТИВНОМ И КОННОТАТИВНОМ ЗНАЧЕНИЯХ

В статье анализируются лексикографические фиксации имени собственного Европа, а также на материале Национального корпуса русского языка рассматривается функционирование глагола *европеизировать* в русских публицистических текстах.

Ключевые слова: топоним *Европа*, лексикография, словообразовательное гнездо, глагол *европеизировать*, коннотации, образец.

История лексикографического описания топонима *Европа* довольно интересна. Этимология имени собственного *Европа* не прояснена. М. Фасмер свидетельствует, что слово пришло в русский язык из немецкого или польского [Фасмер 2: 6]¹. Г. Яворська замечает, что происхождение слова остается затемненным². Ж. Ле Гофф отмечает, что слово «Европа» семитское, пришло с Востока и служило у финикийских моряков для обозначения заката³.

Топоним Европа включен в ряд толковых словарей русского языка [Грот-Шахматов; Ушаков; БАС; СРЯ-18; Отин 2006; БТС; Новый БАС]. Как указывают авторы БАС, впервые топоним был лексикографирован в XVIII в. [Поликарпов 1704]. Имя собственное *Европа* отражено в «Словаре русского языка XVIII в.» как часть света и Дочь финикийского царя, похищенная превратившимся в быка Юпитером [СРЯ-18. Вып. 7. — <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>]. В словаре Я. К. Грота — А. А. Шахматова читаем: «Одна из трех частей Старого Света...|| Западная Европа, в противополог. России, как Восточной Европе... *шутл.* Европы мн. Западно-европейские государства... || *переносно:* образованные народны Западной Европы и их культура» [Грот-Шахматов II: 12]. У Д. Н. Ушакова — «*мн.* Европы (*только разг. шутл. Ирон.*) 1. Название одной из пяти частей света. || Страны, государства, расположенные в этой части света, народы, живущие в ней. || *перен.* То же, что Западная Европа, западно-европейские страны, романо-германский мир. ... 2. *перен.* О высокой культуре, о культурной обстановке (разг.)» [Ушаков 1996, 1: 825]. В БАС читаем: «*геогр.* Одна из пяти частей света, занимающая западную половину материка Евразии. О государствах Западной Европы. <=> Е в р о п ы, Европов, мн. В просторечии. — Относящийся к Европе, принадлежащий ей. Относящийся к народам, к государствам Европы, принадлежащий европейцам. Архитектура его» [БАС 3: 1223, 1224]. В Новом БАС: «1. (*С прописной буквы*). Одна из пяти частей света... 2. *Только мн. Разг.* О загранице; о странах, расположенных на западе этой части света за пределами бывшего СССР» [Новый БАС 5: 500–

501]. В БТС аналогичная семантизация: «1. Часть света, составляющая вместе с Азией материк Евразию. Западная, восточная Европа европы, европ. *Разг.* О загранице, о странах Западной Европы... 2. В греческой мифологии: дочь финикийского царя, которую похитил Зевс превратившийся в быка (изображается сидящей на спине быка, переплывающего море). • *Галопом по европам.* Слишком быстро и бегло» [БТС 2002: 293]. У Е. Отина более «дробное» толкование: «1. Часть света. 2. Культура, признаки культуры, прогресса; 3. Бытовые удобства; 4. Не наше, не отечественное; 5. Страны (или отдельная страна) Западной Европы; заграница» [Отин 2006: 149, 150].

Показателем формирования новых сем у топонима служат его дериваты. Словообразовательное гнездо у слова *Европа* довольно велико: название жителя *европеец*, глаголы *европеизировать*, *европеизироваться*, прилагательное *европейский*, процесс: *европеизация*, абстрактное существительное *европеизм*, сложные существительные, первую часть которых корень *евр-* *евровалюта*, *евровидение*, *евроремонт*, *евростандарт* [Новый БАС 5: 500, 501]. Словари отражают также имена собственные, являющиеся названиями международных организаций: *Европарламент*, *Евросоюз*, *Европейский банк реконструкции и развития*, *Европейский суд* [ТЭС 2006: 589]. Наиболее известная и частотная идиома с топонимом Европа — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» в *Европу прорубить окно* или *окно в Европу* (см. [Ашукин, Ашукина 1996]).

Словари, с одной стороны, отражают приобщение России к Европе, с другой, — показывают, что следование европейскому образцу может быть различным, с третьей, — свидетельствуют о том, что в русском языке и культуре существует оппозиция *Европа / Россия*.

Понимание *Европы* как культурного концепта для носителей русского языка неразрывно связано с выстраиванием инклюзивных или эксклюзивных отношений. Цитата *окно в Европу* из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», ставшая крылатой, свидетельствует о том, что и Ф. Альгаротти, впервые употребивший это выражение в XVIII в., и Пушкин в первой трети XIX в. понимают Россию неотрывно от Европы, но Россия в то же время частью Европы не является.

Об отношениях эксклюзивности между Россией и Европой свидетельствуют и результаты проведенных нами в 2011 и 2012 гг. опросов 200 носителей русского языка и культуры, которые в качестве стран, принадлежащих Европе географически и культурно, отметили, прежде всего, Германию, Францию, Великобританию, Италию, Испанию.

Мы намереваемся проследить, как осознаются отношения Европы и России на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)⁴. В качестве анализируемой единицы мы выбрали слово *европеизировать*. Значение глагола БТС определяет так: «Последовать — следовать стандартам западноевропейской жизни, культуры, обихода,

создавать что-л. по европейскому образцу» [БТС 2002: 293]. Данный глагол, как указывает словарь, является переходным, его употребление в речи предполагает три партиципанта: субъект, объект и, возможно, инструмент трансформации.

Наше предположение заключается в следующем допущении: если человек или государство, подвергается подобной трансформации, то для говорящего данный объект не является принадлежностью Европы в фигуративном употреблении.

В НКРЯ обнаруживаются 54 текста и 125 употреблений глагола (время обращения — май 2014 года). Наблюдения показывают, что грамматическая семантика оказывается сильнее лексической, употребление глагола подчиняется модели *X подвергает У изменениям по европейскому образцу*.

- (1) *Для того чтобы проложить тут дороги, построить человеческие дома, начать хозяйствовать, а не истощать попусту и так тощую землю, одним словом, чтобы европеизировать Россию, надобно столько средств и сил, что решить эту задачу по силам лишь исполинской военной машине, ибо тогда все решается приказом, а не выполнить приказ никак нельзя* [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003). НКРЯ].
- (2) *Из описания ясно видно, что высокий штиль соответствует образности и жанровому разнообразию новой русской европеизированной культуры* [Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002). НКРЯ].

Объект — это некто или нечто, находящийся в отношениях эксклюзивности по отношению к Европе, которая мыслится как образец. Объект подлежит изменению в соответствии с эталоном, который заложен в значение глагола *европеизировать*. Анализ семантики показывает, что трансформация может быть всеобъемлющей, фрагментарной, социально фокусированной, глубокой или поверхностной.

- (4) *Спокойная работа Государственной думы должна постепенно расширять права, завоеванные народом, европеизировать и демократизировать Россию* [Максим Горький. Жизнь Климса Самгина. Часть 3 (1928). НКРЯ].

Говоря о всеобъемлющей *европеизации*, мы имеем в виду такие объекты, как *страна* и *народ*, а также кванторы общности, предполагающие, что изменения никого не обошли.

- (5) *Москва, ставшая столицей многонационального Союза, почти утратила черты национального русского города, центра собственно русских земель, каким она была до революции, когда столицей империи являлся более европеизированный, чиновный и промышленный Петербург* [Рой Медведев. Что нас ждет впереди? (О «Письме» А. И. Солженицына) (1974). НКРЯ].

Однако трансформация может распространяться неравномерно, поэтому столица испытывает европейское воздействие сильнее, чем провинциальные города.

- (6) *Весь драматизм российской политической ситуации выражается в следующей формуле: политическая свобода в России может быть только привилегией дворянства и европеизированных слоев (интеллигенции)* [Г. П. Федотов. Россия и свобода (1945). НКРЯ].

- (7) *В современном ему русском обществе Лермонтов видел несколько культурно-психологических разновидностей: во-первых, тип, психологически близкий к простонародному, тип «кавказца» и Максима Максимила; во-вторых, тип европеизированной черни, «водяного общества» и Грушницкого...* [Ю. М. Лотман. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова (1985). НКРЯ].

Европейскому влиянию, по-видимому, легче подвергаются элита, или образованные слои общества; действительно, человек с широким кругозором, знающий европейские языки, легко следует европейскому образцу, это наблюдение подтверждает выражение оксюморонного плана *европеизированная чернь*. Ю. М. Лотман имеет в виду поверхностное подражание, отмеченное еще в словаре Шахматова-Грота.

Некоторые сферы повседневной жизни и области культуры могут быть ориентированы на Европу более, чем другие, что свидетельствует о неравномерности распространения европейского влияния. Подражание может не затрагивать принципов поведения и этических основ жизни, и было бы ошибкой считать, что европеизация оценивается только положительно. В значительном количестве контекстов в качестве объекта действия выступает Россия. Однако, как показывает анализ материалов НКРЯ, присоединение к европейской общности не зависит от географического положения объекта. Так пример 9 описывает европеизацию столицы, находящейся на Балканах, т. е. географически — в Европе.

- (9) *Скопье — тихий живописный городок, окружённый горами, с европеизированным центром и пыльными албанскими кварталами, с мутной узкой речкой Вардар посреди* [Игорь Свинаренко. Умытая Россия // «Коммерсантъ-Власть», 1999. НКРЯ].

Если анализировать датировку текстов, то, согласно НКРЯ, первое употребление встречается у Н. Я. Данилевского в 1869 году. Пик частотности в НКРЯ обнаруживается приблизительно в 1920-х гг. в работах Н. С. Трубецкого. Однако следует отметить, что проблематика европеизации применительно к объекту *Россия* не уходит из печати не только в XIX, но и в XX веке.

- (10) *К тому же Европа ... почла за нужное дозволить вытеснить Австрию из Германии; надо же чем-нибудь и бедных австрийских немцев, вкупе с мадьярами, потешить: пусть себе европеизируют этот Восток, а вы отправляйтесь дальше* [Н. Я. Данилевский. Россия и Европа (1869). НКРЯ].

Выводы из наших рассуждений могут быть сформулированы так: Россия как объект европеизации встречается в текстах довольно часто, что свидетельствует об эксклюзивных отношениях ее по отношению к Европе и оставляет открытым вопрос о том, закончился ли этот процесс, начатый еще Петром I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье используются сокращенные названия и указываются страницы следующих словарей:

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО КОНТЕКСТА

Имманентная суть языка обусловлена его формальной и семантической структурой. Традиционный подход языкознания заключается в выявлении динамики этих языковых структур, в выяснении существования между ними причинно-следственных отношений и в установлении закономерностей их изменения и развития.

Ключевые слова: речевое поведение, референтная ситуация, коммуникативная ситуация, матрица взаимоотношения.

Каждое речевое поведение (или речевое действие) является языковой системой в действии, то есть функциональным, динамическим аспектом языка.

Задача социолингвистики состоит в выявлении тех общественных правил и норм, которые объясняют и регулируют языковое поведение и отношение к языку в любой речевой общности.

Для социолингвистики речевое поведение не только процесс, происходящий между двумя лицами, но и процесс выбора социально допустимых вариантов.

Среди аспектов изучения языка наиболее существенными являются следующие — имманентный и прагматический.

Имманентная суть языка обусловлена его формальной и семантической структурой. Традиционный подход языкознания заключается в выявлении динамики этих языковых структур, в выяснении существования между ними причинно-следственных отношений и в установлении закономерностей их изменения и развития.

Изучение функции употребления языка, выяснение отношения языка к социальным и общественным процессам, воздействие социальных факторов на язык и речевое поведение людей изучает социолингвистика.

Теоретический постулат исследования вопроса диктует переключения внимания с системы языка на его функционирование, на структуру речи. Источником такого анализа является не языковая система, а речевой коллектив, коммуникативный контекст. В коммуникативном акте при выборе репертуара важную роль играют социальные факторы, которые регулируют вариативность в пределах конкретного разговорного репертуара и выступают в качестве языковой нормы. Поэтому речевая деятельность характеризуется неоднородностью, многообразием и неоднородностью языков может характеризовать представителей одного социального слоя или же представителей разных общественных групп и наций. Вопросы сосуществования разных языков в одном обществе — тоже компетенция социолингвистики.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

Грот-Шахматов — Словарь русского языка. Сост. П. отд. Имп. АН. СПб., 1891–1930.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981.

Новый БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб: Наука. Т. 1–21. Т. 5. 2006.

Новый словарь иностранных слов — by EdwART, 2009 — http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/

Поликарпов Лексикон 1704 — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище. Москва, 1704.

Отин 2006 — *Отин Е.* Словарь коннотативных собственных имен. М.; Донецк, 2006.

СРЯ 18 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992.

Вып. 7–... — <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: май 2013 г.).

ТЭС 2006 — Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006.

Ушаков 1996 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М., 1996.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

² *Яворська Г.* Европа в украинских текстах (к проблеме вариативности концепта) // *Etnolingwistyka: Problemy Języka i kultury.* 25. Lublin, 2013. S. 101.

³ *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008. С. 21–22.

⁴ НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Frolova O. E.

EUROPE IN NOMINATIVE AND CONNOTATIVE MEANINGS

The article analyzes the lexicographic fixation of the proper name Europe, and considers the functioning of the verb to Europeanize in Russian nonfiction texts on the material of the Russian National Corpus.

Keywords: toponym Europe, lexicography, derivational nest, verb to Europeanize, connotations, sample.

Без наличия стилистических показателей, многообразия и гетерогенного характера коммуникативной системы нарушается естественная функция языка. Таким образом, социолингвистика акцентирует внимание на изучение функциональной вариативности языка в обществе, которое оказывает многообразное влияние на язык и в свою очередь испытывает опосредованное влияние со стороны языка.

В любом обществе речевое поведение — сложный и многогранный процесс, так как не существует такого общества, для которого характерна простая «матрица взаимоотношений»¹.

Каждый языковой коллектив имеет собственную, оригинальную «матрицу взаимоотношений», в результате чего речевое поведение принимает различный вид в разной общественной действительности.

Классификация речевых актов и факторов в общей сложности представляет попытку классификации актов и типов коммуникации. Ее можно рассматривать в четырех основных аспектах.

1. Изучение поведения коммуникантов; перечисление компонентов: адресант, адресат, каналы связи; способы осуществления (устная и письменная речь); разные коды (языковые и паралингвистические), различные ситуации (официальный, неофициальный), формы общения, темы, характеры и типы.
2. Изучение взаимоотношений между компонентами коммуникативных актов.
3. Установление функциональных характеристик коммуникативных актов.
4. Функциональное исследование коммуникативной системы, т. е. переход от одного кода к другому и переход от одной формы речи к другой в условиях диглоссии.

Каждое изменение должно быть изучено с «языковой стороны». В свою очередь, экстралингвистическая ситуация может проявлять два своих основных сегмента:

1. Референтная ситуация — т. е. сегмент, участок действительности, который непосредственно отражается в высказывании, — референт высказывания. Поскольку то, что выражается в высказывании, всегда имеет вид ситуации, референтом высказывания является ситуация. В случае текста можно говорить о референтном пространстве. Референтное пространство состоит из референтных ситуаций.
2. Коммуникативная ситуация — это ситуация, вне которой невозможно понять и осмыслить актуальное значение высказывания. Она в первую очередь определяется участниками коммуникативного акта (коммуникантами). Как минимум, коммуникативная ситуация (коммуникативный акт) включает двух коммуникантов: адресата и адресанта. Каждый из них характеризуется определенными признаками, такими как: а) социальный статус; б) социальная роль; в) то, что можно назвать образами партнеров, образ адресанта для адресата и наоборот; г) тезаурус (греч. «сокровище») — это совокупность представлений, знаний о мире вообще или об определенной референтной ситуации, которой обладают коммуниканты. Можно говорить о тезаурусах адресанта и адресата, о соответствиях — различиях их тезаурусов.

Однако коммуникативная ситуация предполагает наличие в структуре не только коммуникантов со своими характерными признаками, но также временных и пространственных моментов; где и когда осуществляется коммуникация, т. е. то, что в социолингвистике называется ситуативной вариативностью.

Ни референтная, ни коммуникативная ситуации не являются автономными, так сказать, самодостаточными понятиями. Каждая референтная ситуация является сегментом более широкой, более объемлющей ситуации, то есть предметно-событийной ситуации. Референтная ситуация — это выделение микроситуации из макроситуации. Коммуникативная ситуация также является фрагментом более широкой, более объемлющей бытийной ситуации. Для коммуникантов акт коммуникации, участниками которого они становятся, является частью их жизненного бытия. Бытийная ситуация, частью которой является коммуникативная ситуация, имеет характер сюжета — она всегда дается во времени — всегда подразумевает отрезок времени, который должен следовать за ней.

Коммуникативный акт, то есть поведение для человека, определяется как разновидность или компонент всеобъемлющих действий. Если человек существует как социально-биологическое существо, то одним из характерных для него признаков является активное действие, которое направлено, с одной стороны, к миру, а с другой стороны, — к другому человеку. Когда мы говорим о действии как о контролирующем признаке человека, мы должны воспринимать его как активность человека по отношению к миру и активность человека по отношению к другому человеку. В одном случае это может быть действие, а во втором случае — взаимоотношение. Проявляя активность по отношению к миру, человек входит в контакт с другими людьми и наоборот. С одной стороны, именно процесс коммуникации представляет собой одно из разновидностей действия-взаимоотношения, поэтому то, что характерно для единого акта действия-взаимоотношения, характерно и для коммуникативного акта, а, с другой стороны, коммуникативный акт никогда не является автономным актом. Он является более объемным и объемлющим компонентом действия.

Мы можем сравнить этически организованную межкультурную схему. Эмическая структура определенной системы должна быть выявлена. Этический анализ поведения часто выглядит «ново», его критерии лишены релевантности, а эмический анализ интернален для системы, являясь носителем релевантности; релевантность же выбирается самой системой.

Таким образом, то, что ценно для данного языкового поведения — эмическое, носители дифференциальных признаков внутри системы представляют собой эмические варианты, а этики не различаются по ценности.

Вопрос этических и эмических направлений интересен в связи с социологическим статусом и ролью.

Социальная позиция, то есть статус, представляет собой место индивида, формально установленное в иерархии социальной группы, а социальная роль — это поведение члена общества, обладающего определенной социальной позицией².

Статус отвечает на вопрос: «Кто он?», а роль — «Что он делает?». Поэтому мы можем сказать, что роль является динамическим аспектом статуса. В целом речевое поведение, являющееся социально детерминированным процессом, представляет собой синтез этико-этических отношений. Он в основном опирается на подбор социально приемлемых языковых единиц.

Язык представляет собой организованную совокупность социальных норм, и если в прошлом эти нормы считались вариантами и характеризовали всех членов языкового коллектива, с новой точки зрения, необходимо рассматривать их в качестве изменчивых измерений, которые подвергаются систематическому варьированию и отражают не только изменение языка во времени, но и влияние на язык экстралингвистических социальных процессов.

Регуляция человеческого поведения осуществляется и на сублогическом уровне, являясь не только биологическим, но и антропологическим, социальным и лингвистическим. Всякое лингвистическое — социальное, но не всякое социальное является лингвистическим. Коррелятом лингвистического в социальных отношениях является языковая общность, языковой коллектив, социум. Семантическая инструкция поведения индивида понятна только внутри языкового коллектива.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике VII: сб. статей / под ред. Н. С. Чемоданова. : Изд-во Прогресс, 1975. С. 182–199.

² Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы / науч. ред. А. Д. Швейцер. М.: Международные отношения, 1980. 318 с.

Tsuleiskiri N. G.

ON ANALYSIS OF LINGUISTIC CONTEXT

The author argues that the immanent essence of the language is determined by its formal and semantic structure, and the traditional linguistic approach reveals dynamics of these structures and their cause-and-effect relations. Code-switching is of utmost importance in this case, as far as the success of the establishment of relation is greatly dependent on how communicators are able to use linguistic units appropriate for a certain situation.

Keywords: speech behaviour, referential situation, communicative situation.

Цыганкова Анна Владиславовна
Чудинов Анатолий Прокопьевич

Уральский государственный педагогический университет, Россия

ap_chudinov@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

В текстах, посвященных проблемам образования, широко используются метафоры, которые позволяют образно представить суть проблемы и отражает имплицитные интенции автора, его реальное отношение к субъектам образовательной деятельности, его стремление образно и доходчиво выразить свои идеи.

Ключевые слова: педагогическая метафора, ученик, учитель, школа, обучение.

В современной когнитивистике педагогическая метафорология определяется как научная область, находящаяся на пересечении педагогики и когнитивной метафорологии. Сфера интересов педагогической метафорологии — это, с одной стороны, использование метафоры в педагогической практике для оптимизации коммуникативных контактов субъектов образовательной деятельности, а с другой — использование метафоры при моделировании педагогической картины мира и ее представлении будущим педагогам и широкой общественности (Э. В. Будаев, Е. Г. Кабаченко, О. Н. Кондратьева, М. Ю. Олешков, А. П. Чудинов и др.). При когнитивном подходе (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.) метафору рассматривают как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Людям педагогической профессии особенно свойственно метафорическое представление своей профессиональной деятельности. Творчески работающий педагог не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает метафорическую картину образовательного процесса. Концептуальные метафоры моделируют реальность путем переноса наименований из одной смысловой сферы в другую, что позволяет предписать новое понимание. Таким образом, педагогические метафоры по-новому структурируют представления в сфере образования, предлагают новую интерпретацию этой сферы и вместе с тем обеспечивают преемственность педагогического мышления. Метафоричность изложения способствует пониманию идей автора (особенно на начальных этапах развития педагогической теории), что способствует их широкому освоению педагогической общественностью.

Специальные исследования свидетельствуют, что концептуальная метафора особенно широко используется в педагогической публицистике, которая ориентирована не столько на специалистов, сколько на широкую общественность. Арсенал метафор, которые представляют веду-

щие концепты педагогического дискурса, в значительной мере отражает имплицитные интенции педагога, его реальное отношение к субъектам образовательной деятельности, его стремление образно и доходчиво выразить свои идеи. В частности, ученик может быть образно представлен как *ЧИСТАЯ ДОСКА*, *СОСУД, который необходимо заполнить*, *ГУБКА*, *впитывающая знания*, *ПОЛЕ, на котором нужно вырастить урожай*, *БЕЛЫЙ ЛИСТ*, *ПОДАТЛИВАЯ ГЛИНА*, *АЛЬПИНИСТ, идущий к вершинам знаний*, *ПЛОВЕЦ в бушующем море*, *ТАЙНА за семью печатями*, *СОЛДАТ, сражающийся с безграмотностью*. Сходный характер имеют метафорические выражения, в которых используются метонимические заместители *ДУША УЧЕНИКА*, *СЕРДЦЕ УЧЕНИКА*, которые также оказываются объектами внешнего воздействия или развиваются в соответствии с природными закономерностями.

Важно подчеркнуть, что педагогические метафоры часто невозможно «перевести» при помощи строгих научных терминов, как невозможно передать смысл художественных образов при помощи научных формул. В рассматриваемых случаях метафора не просто украшает изложение, а отражает специфический способ мышления, особую картину педагогической действительности, ее образную модель. В еще большей степени невозможно передать смысл педагогических метафор при помощи официально-делового (бюрократического) словоупотребления, которое, к сожалению, столь типично для бюрократов от педагогики.

Каждая инновационная научная теория рождает свою систему базисных метафор. В частности, технологические метафоры ориентированы на сообщение знаний, на следование существующим эталонам, на формирование способов действий по заданному образцу. Иной характер имеют креативные метафоры, которые ориентированы на развитие творческой активности. Поэтому, используя тот или иной образ, педагог «принимает» определенное мировосприятие, которое реализуется в процессе обучения.

Как показано в наших предыдущих обзорах публикаций по проблемам педагогической метафорологии¹, к настоящему времени в зарубежной науке хорошо изучена метафорическая концептуализация образовательного процесса и его участников в речи различных субъектов образовательной деятельности (М. Бозлк, А. Сфард, К. Грэхем, К. Ормелл и многие др.). Достаточно интересно описаны противоречия в метафорической репрезентации соответствующей концептосферы в языковой картине мира педагогов и обучающихся (Д. Инбар); предложены рекомендации по оптимизации применения метафор в образовательном процессе (Л. Голдштейн, Р. Мейер, М. Осборн, У. Стоффлет, Д. Картер и др.), в том числе выявлены некорректные педагогические метафоры (Г. Паппас). Целый ряд исследований связан с анализом функционирования метафор в различных образовательных областях (информатика,

филология, естественные науки, философия и др.). Значительный интерес специалистов вызывает проблема национальной специфики педагогической метафорики.

В рамках самых различных педагогических теориях активно используется метафора приобретения знаний. Соответствующее понятие стало настолько привычным в заголовках авторитетных учебников, что студенты, преподаватели и исследователи нередко не замечают метафоричности, которая к тому же затемняет важные аспекты процесса обучения. По мнению многих специалистов, необходимо отказаться от широко распространенного метафорического представления студента как потребителя (*student as consumer metaphor*) и внедрять представления о студенте как коллеге, равноправном субъекте образовательного процесса. Широко распространенная метафора представляет студента как потребителя, что привносит нежелательные смыслы из сферы рыночных отношений и отдаляет учащихся от активного участия в образовательном процессе. Специалисты отмечают также, что типичные для педагогического дискурса кулинарные метафоры приготовления и переваривания «ментальной пищи» в меньшей степени акцентируют необходимость активности учащихся, нежели, например, метафоры альпинистского подъема.

Значительный интерес представляет исследование, которое провел в Калифорнии Отто Санта Ана на материале метафор, которые используют региональные СМИ². Исследователь обнаружил, что в американских СМИ для характеристики образования используется три продуктивные концептуальные метафоры. Первая доминирующая метафора строится по модели ШКОЛА — это ФАБРИКА, подобные образы помогают лучше понять функцию школы как учреждения, обогащающего учеников новыми знаниями. Вторая доминантная метафора соответствует модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН — это ДОРОГА, которая образно представляет динамическую функцию образовательных программ. Третья доминантная метафора строится по модели ШКОЛА — это РЕКА, она характеризует закономерности адаптации учеников к школьному образованию. Как показывает Санта Ана, педагогические метафоры тесно связаны с господствующей идеологией. Одна из ведущих американских педагогических метафор представляет образование как бизнес. Эта метафора ориентирована на то, чтобы оценить качество образования в терминах рентабельности, а не производительности. Метафора БИЗНЕСА, используемая для концептуализации американского образования, оказывает серьезное воздействие на работу педагогов, на разнообразное и, в основном, некачественное сырье (в частности, учащиеся рабочего класса и языковых меньшинств), на понимание рынка населением Америки.

Следует отметить, что метафорический характер педагогического мышления постоянно подчеркивается и в публикациях отечественных специалистов, которые отражают традиционную для нашей страны кар-

тину мира и отечественную практику образовательной деятельности. Современные специалисты детально изучают место метафор при описании социально-коммуникативных характеристик участников педагогического процесса, при описании стилей педагогического общения (демократического, авторитарного и либерального) и типов речевого взаимодействия в педагогическом дискурсе. В частности, творческие метафоры — это своего рода «фирменный знак» понятийно-терминологического аппарата гуманистической педагогики. В рамках соответствующей картины мира, урок — это творческая мастерская, а учитель — это творец.

Метафорическая репрезентация концепта «*ученик*» характеризуется противоборством двух тенденций. Ученик, с одной стороны, представляется как объект воздействия, при этом недооценивается его роль в процессе образования; с другой — как участник взаимодействия. О восприятии ученика как объекта, которому старшее поколение передает опыт и знания, о признании ведущей роли внешних факторов свидетельствует употребление производственной, фитоморфной, морбиальной метафор и метафоры вместилища. Признание ученика равноправным субъектом педагогических процессов и ориентация обучения на самореализацию его личности подтверждаются использованием метафор со сферами-источниками «Стихия», «Путешествие», «Финансы», «Искусство». В педагогических метафорах реализуются ценностные установки и профессиональная позиция того или иного педагога. Вместе с тем метафоры отражают смену педагогической парадигмы и социальные установки общества на том или ином этапе развития, исторические истоки современного педагогического дискурса и роль выдающихся педагогов прошлого (А. С. Макаренко, Н. К. Крупская, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, Ш. А. Амонашвили и др.) в его развитии.

Завершая рассмотрение феномена современной российской педагогической метафоры, важно отметить, что он имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от социальной жизни нашей страны и особенно ее системы образования, в изоляции от ее традиций и самосознания русского народа. Здесь особенно важен человеческий фактор, учет личности как автора, творца метафоры, так и адресата.

Разумеется, в настоящем обзоре охвачены далеко не все аспекты анализа метафоры в педагогическом дискурсе. За рамками нашего внимания остались исследования, посвященные психолингвистическим проблемам понимания метафор одаренными учащимися, нейролингвистическим особенностям восприятия метафор учащимися с различными видами психических нарушений, методическим проблемам анализа метафор при изучении иностранных языков, метафорам в академическом педагогическом дискурсе и другим аспектам. Вместе с тем представленный обзор отражает тот интерес, который вызывает феномен метафоры в педагогической коммуникации, ту роль, которую метафора как когни-

тивный механизм играет в образовательном процессе, и то место, которое занимает эта проблема в педагогике, метафорологии и когнитивистике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чудинов А. П. Педагогическая дискурсология // Педагогическое образование в России. Екатеринбург. 2013. № 3. С. 205 — 212.

² Санта Ана О. Что посеешь, то и пожнешь: метафорический анализ американского образовательного дискурса // Политическая лингвистика. 2007. № 2. С. 124–151.

Tsygankova A. V., Chudinov A. P.

METAPHORICAL PRESENTATION OF EDUCATIONAL CONCEPTS

The authors argue that metaphors are widely used in the texts dedicated to problems of education. Metaphors enable us to figuratively imagine the heart of a problem and reflect implicit intent of the author, his actual attitude to subjects of educational activities, his intention of figurative and clear expression of ideas.

Keywords: pedagogical metaphor, pupil, teacher, school, schooling.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ КОНЦЕПТА КУЗНЕЦ

В докладе рассматривается связь концепта *кузнец* и архетипов *кузница*, *ковка* и *перековка*. Отмечается значимость культурного фона в актуализации данных архетипов в публицистике 20–30 годов и в современном медийном дискурсе. Рассмотрены некоторые аспекты архетипического слоя концепта *кузнец* и его семантических рефлексов. Делается вывод об активности архетипов *ковка* и *кузница* в современном медийном дискурсе, в отличие от архетипа *перековка*, отражающего идеологические задачи 30-х годов прошлого века.

Ключевые слова: кузнец, кузница, ковка, перековка, выковать.

В центре внимания настоящей работы — мифологические корни концепта *кузнец* и связанные с ним архетипы *кузница*, *ковка*, *перековка*. Концепт *кузнец* представляет собой синтезирующее лингвоментальное образование, которое имеет языковое выражение и характеризуется универсальностью и в то же время этнокультурной спецификой. В самой своей основе он метафоричен, эмотивен, является основой прецедентных текстов, прецедентных имен и героев. Вместе с тем он аксиологичен, фиксирует в себе ценностные доминанты и репрезентирует миропонимание и взаимоотношения в социуме (человек — человек, человек — общество).

Целью настоящей работы является установление семантических рефлексов концепта *кузнец* и архетипов *кузница*, *ковка*, *перековка* в публицистическом дискурсе 30-х годов и современном медийном дискурсе.

Для выявления архетипических образов, составляющих наиболее глубокий слой концепта, наиболее эффективным является обращение к текстам мифологического и религиозного дискурсов, к фольклорным и эпическим материалам¹. В большинстве мифологий божественные кузнецы являются одними из демиургов. Часть их функций являются общими: все они владеют огнем, создают орудия труда и оружие, в том числе и волшебное (Тувалкаин — потомок Каина, Кусар-и-Хусас, Гефест, Вулкан, Пиркуши и др.). Часть божественных кузнецов делают героев и созданные ими предметы невидимыми (Гермес); побеждают Змея, распахивают землю, определяют границы (Сварог, Божий Кузнец, Косма и Дамиан); узаконивают (куют) браки (Гефест, Сварог, Косма и Дамиан); выковывают свадебный венец, венчальный перстень (Сварог, Косма и Дамиан); заковывают реки (Косма и Дамиан); выковывают горло волку². На этом фоне особенно выделяется функция Космы и Дамиана (Козьмодемьяна) как кровителей кур³. Подобно этой двойце Сварог и Перун также связывались не с образом Змея, как обычно, а с белым Петухом, который, как известно,

является символом детородного органа, огня и как кузнец связан с подземным миром. Как и кузнец, петух — это земной образ, осуществляющий трансформацию небесного огня⁴. Семантика корня слов *кузнец* и *кузница* тесно также связана с плодovitостью и огненным началом⁵. Корневая морфема *куз* в этих словах происходит от древнетюркского корня⁶ *кут*, который имел значение: *жизненная сила, детородный орган, плацента, хвостовая часть божественной утки Умай (покровительницы женщин и детей), огонь, сгусток крови*) Корневая морфема *кут*, в свою очередь, восходит к корням *хорс/хор-/кур/куз*⁷. Почитание *кур*⁸, в сущности, является почитанием *кута* — жизненной силы и в то же время деторождения, детородного органа, созидательной, творческой силы. Подобно локализации *детородных органов* (одной из сем *кута*) в теле человека, *кузница* в мифологической картине мира древних тюрков расположена в нижней части тринарной модели мира, где обитает первый кузнец, владетель подземного мира, Эрлик. Представляет интерес, что В. Даль отметил связь кузницы с низом, нижней детородной частью человеческого тела, правда, со знаком вопроса: *кузня — гузня?*, с тем же корнем он приводит слова *гузло* — нижняя часть снопа, а также *кузница — гузница*⁹. Неслучайным кажется отождествление сексуального акта иковки (удары молота по наковальне): Согласно Словарю символов, *молот* — это формирующая мужская сила, атрибут богов грома. *Молот* и *наковальня* вместе являются силами созидания как в мужском активном, так и в женском пассивном начале. Ударяющий и сокрушающий молот представляет собой правосудие и возмездие и изображается со всеми богами грома, но особенно с Гефестом, Вулканом и Тором¹⁰. Наковальня — элементковки Вселенной, изначальная печь, земля, материя, пассивное, женское — противоположность молоту, обозначающему оплодотворение, мужское начало. Молот и наковальня — две формирующие силы в природе: мужская/женская; пассивная/активная; позитивная/негативная являются атрибутом всех божеств кузнечного дела, грома и бури¹¹ семантически связаны с ковкой браков, актом оплодотворения Земли — осуществлением брака между Небом и Землей.

Таким образом, архетип 'ковка' (кование) одновременно связан с правосудием, в соответствии с законом¹², и уподобляется акту созидания/творения/оплодотворения.

Подобная трактовка морфемы *куз/кут* объясняет мифологическое представление о Божьих ковалях/кузнецах Кузьме и Демьяне/Козьмодемьяне как *кур*ьих богах. Это представление подкреплялось обычаями и обрядами, транслирующими архетипковки. Так, в русском народном обряде во время святочных игр парни, ряженные кузнецами, «подковывали девок» — задирали им ноги клещами, били молотком по приставленной к ступне палочке и т. п. (ср. народный эвфемизм — «подковать девку» — вступить во внебрачную связь); считалось, что это стимулирует

ет чадородие. У южных славян кузнецы выковывали амулеты, способствующие деторождению»¹³. Показательна связь одного из атрибутов кузнеца — *молота* — с законом. Сварог, Гефест, Перун, Косма и Дамиан/Козьмодемьян «заковывают реки», а также «куют» браки, узаконивают брак между мужчиной и женщиной и запрещают иные половые взаимоотношения. Можно предположить, что удар молотком современного судьи при вынесении приговора представляет собой не что иное, как актуализацию этого древнего архетипа.

Тем не менее, продуктковки — дело рук человека, артефакт, который, хотя и уподобляется творческому акту Бога, относится к подлунному миру, т. е. брэнному, тленному, суете. Более того, в древнетюркской культуре подчеркивалась способность кузнеца к воспроизведению неживого или некоему подобию живого. Так, древнетюркский Эрлик, не имеющий способности размножаться, выковывал кермесов (бесов), давал *кут* умерших людей бездетным родителям. Показательно, что кузнецы являлись родоначальниками музыки и музыкальных инструментов, что, как известно, также относилось к тленному, брэнному миру (*суете/vanitas*)¹⁴.

В инициацию некоторых народов, в том числе восточных славян, входил ритуал перековывания и закаливания иницируемых, восходящие к архетипу *перековка*. Образы изменения, пресотворения как перековки, включают в себя представления о нагревании и обработке кузнечным молотом. Здесь явно просматриваются инициационные мотивы очищения огнем, смерти старого и сотворения нового тела¹⁵. Архетипические образы *кузницы*, *ковки* и *перековки*¹⁶ оказались удивительно живучими на русской почве, особенно в периоды революционного преобразования общества, а также в периоды «динамического развития». Известно, что термин *перековка* в значении «перевоспитание трудом» как рефлекс архетипа *перековка* (перековка старого на молодого) актуализируется во время строительства Беломорско-Балтийского канала (1931–1933) и затем широко употреблялся в разговорной речи, в публицистике, в идеологическом, в официально-деловом/ бюрократическом дискурсе и в разговорной речи. Именно словом *перековка* была названа лагерная газета Беломорканала: «Въ здании культурно-воспитательнаго отдела две огромныхъ комнаты были заняты редакціей лагерной газеты «Перековка». Прежняя культура почти полностью отвергалась, ставилась задача «перековки» старой интеллигенции и создания новой»¹⁷ В качестве преобразующей, пресотворяющей силы мыслился труд: «Труд на канале именовался «перековкой»¹⁸. Заключенными перековка понималась как «отбывание срока»: «Бессчетно, последний раз на Беломорканале «перековывался»¹⁹.

Для современного медийного дискурса более характерна актуализация архетипа *ковка*, например: «Ковка характера» — название статьи о становлении и успехах спортсменов²⁰. Архетип *ковка* просматривается в названии современного тренинга: «Выковывание Духа Воина. Сталь-

ная Воля Бесстрашие — тренинг, который проведет Алексей Маматов 18–19 октября»²¹. **Особенно продуктивным в медиадискурсе является архетип кузница: кузница кадров, кузница здоровья:** «Кузница кадров — специализированный подбор, подготовка, адаптация сотрудников под компанию по авторской, апробированной методике»²².

Рассмотренный материал (более 300 словоупотреблений) показал, что архетипы *кузница*, *ковка*, *перековка*, связанные с концептом *кузнец*, трансформированы в современные мифологемы созидания и коренного преобразования. При этом архетипы созидания — *ковка* и *кузница*, более характерны для современного медийного дискурса, что, возможно, свидетельствует о созидательных установках современного русского общества²³ в отличие от дискурса 30-х годов, для которого актуальной идеологической задачей являлось «перевоспитание» заключенных через труд и испытания (перековку), представляющей собой в определенном смысле аналогию инициации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: *Седякова И. А.* Заимствованное слово и его этнокультурные коннотации: болгар. *късмет* // *Вопр. языкознания*. 2005. № 3. С. 44–52.; *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: 2004. 991 с.; *Стоянова Е. В.* Мифологические представления славян и их отражение в русском и болгарском языках // *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*. Вып. 6. Шумен, 2008. С. 196 — 209; *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. В: *Исследования по этимологии и семантике*. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М. 2004. С. 19–40; *Чалыкова Т. И.* Понимание: звук, слово, текст. Между Преданием и Языком. Шумен: Университетско издателство на Шуменски университет «Епископ Константин Преславски», 2013. 276 с.; *Чуфадар Н.* Мифологеми «Съдба» и «Смърт» в Книгата на Деде Коркут. Шумен: Университетско издателство на Шуменски университет «Епископ Константин Преславски», 2013. 279 с.

² *Иванов В. В., Топоров В. Н.* «Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур», в кн.: *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*, т. 1 (5), Тарту, 1974. С. 87–90.

³ *Петрухин, В. Я.* Славянская мифология [Электронный ресурс] // *Энциклопедия символики и геральдики*. URL, <http://www.symbolarium.ru/index.php3> (дата обращения 10.10. 2014).

⁴ *Макашина Т. С.* Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре // *Живая старина*. 1994. № 3. С. 18–21.

⁵ См. подробно: *Чалыкова Т.* Мифологические корни концепта коварство. К этимологии слова кузнец. — VI Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и Мира: человек, сознание, коммуникация, интернет» 22 — 25 мая 2014 г. г. Лёвен, Бельгия. С. 1865–1876

⁶ По некоторым данным древние русичи заимствовали кузнечное дело именно у древних тюрков (см. подробнее *Чалыкова Т.* Мифологические корни концепта коварство. К этимологии слова кузнец. VI Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и Мира: человек, сознание, коммуникация, интернет» 22 — 25 мая 2014 г. г. Лёвен, Бельгия. С. 1865–1876.

⁷ Там же. С. 1869.

⁸ В древнерусском языке и в родственных славянских языках кур обозначал петуха: срв.: *попал как кур во ши /в ошип.*

⁹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Спб., 1863–1866.

¹⁰ *Словарь символов* [Электронный ресурс] // [Словари и энциклопедии на Академике]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/505> (дата обращения 11.10.2014).

¹¹ *Иванов В. В. Топоров В. Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. т. 1 (5), Тарту, 1974. С. 87–90.

¹² Использование молотка в судебных заседаниях связано именно с семей «законодательство, закон» и обозначает призыв к соблюдению порядка, окончательность решения суда как органа государственной власти в соответствии с законом.

¹³ *Петрухин, В. Я.* Славянская мифология [Электронный ресурс] // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения 10.10.2014).

¹⁴ См. подр. *Чалыкова Т. И.* Концепт «суета». Понимание и актуальный смысл. // Годешник на Шуменски университет «Епископ Константин Преславски» XXIII А, 2012. С. 90–117; *Чалыкова Т. И.* Концепт «суета» в русском и болгарском лингвокультурном пространстве. // Русский язык как инославянский. Белград, 2012. С. 38–45; *Чалыкова Т. И.* Концепт «суета» в современном медиатексте. // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения. СПб, 2012, С. 259–262; *Чалыкова Т. И.* Концепт «суета» и вавилонское столпотворение. К проблеме понимания и интерпертации слова и текста. // V Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и Мира: человек, сознание, коммуникация, интернет» 9–13 мая 2012 г. Варшава, С. 1459–1466.

¹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. 274 с.

¹⁶ Здесь рассматривается только одно из значений слова *перековка*, а именно как процесс придания новой формы, в отличие от другого значения этого слова — *повторнаяковка*, например: перековка лошади, при котором не подразумевается нагревания и придания новой формы изделию из металла.

¹⁷ *Чаженгина В.* Беломорканал. Стройка века и его трагедия. [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Лицей. URL: <http://gazeta-licey.ru/public/lyceumconversation/5727-belomorkanal-strojka-veka-i-ego-tragediya> (дата обращения 12.09.2014).

¹⁸ Звягинцев В. Д. Бой местного значения [Электронный ресурс] // Knijki.ru. Лучшие книги интернета URL: <http://knijky.ru/books/boi-mestnogo-znacheniya> (дата обращения 18.09.2014).

¹⁹ *Солоневич И. Л.* Перековка в кавычках [Электронный ресурс] // Воспоминание о ГУЛАГе и их авторы. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12337> (дата обращения 10.10.2014).

²⁰ Ковка характера [Электронный ресурс] // ФК Белшина. URL: http://www.fcbelshina.by/novosti/kovka_haraktera.html (дата обращения 18.08.2014).

²¹ Выковывание духа воина. [Электронный ресурс] // Выковывание духа воина. Стальная воля и бесстрашие. URL: <http://vk.com/event76577119> (дата обращения 18.08.2014).

²² Кузница кадров [Электронный ресурс] // [Лайфхак] URL: <http://lifeha.ru/catalog/business/kuznitsa> (дата обращения 30.11.2014).

²³ См. подр. *Стоянова Е.* Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен, 2013. 276 с.

Chalakov T. I.

MYTHOLOGICAL ROOTS AND SEMANTIC REFLEXES OF THE CONCEPT BLACKSMITH IN THE MEDIA DISCOURSE

The paper examines the relationships of the concept blacksmith and the archetypes blacksmith, smithery and shows the importance of cultural background in actualization of these archetypes in political journalism of 1920–1930s and in contemporary media discourse. Some aspects of the archetypal layer of blacksmith concept and its semantic reflexes are also discussed. The author concludes that the archetypes ‘blacksmith’ and ‘smithery’ in modern Russian media discourse differs from the archetype of ‘reforging’ that reflected ideology in 1930s.

Keywords: Russian language and culture, media discourse, concept, archetype.

Чепурная Татьяна Станиславовна

Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова, Украина

Chepurniy@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФЕРИИ КОНЦЕПТА В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ МУЛЬТИЛИНГВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУБСТРАТА РОДНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ЕКАТЕРИНЫ II И Г. А. ПОТЁМКИНА)

Статья посвящена анализу вербализации концептов в письменной речи Екатерины II как мультилингва. Концепт в сознании языковой личности рассматривается сквозь призму проблемы преодоления субстрата родного языка (в данном исследовании — субстрата немецкого языка) в русской письменной речи.

Ключевые слова: языковая личность, мультилингв, языковой субстрат, концепт, периферия концепта, ассоциативный ряд.

Ставший столь популярным в последние десятилетия антропоцентрический подход в науке определил неугасающий интерес лингвистов к глубинным процессам мышления и их реализации в речевой деятельности отдельного носителя языка, отдельной языковой личности. Обращение к когнитивному аспекту в развитии понятия «языковой личности» и влияние на него межкультурной коммуникации определяет актуальность адресации к изучению процесса преодоления субстрата родного языка в речи би- или мультилингва.

Понятие «субстрат», «языковой субстрат» является предметом исследований сравнительного и исторического языкознания и обычно рассматривается в проекции на язык в целом.

В рамках данной статьи мы не претендуем на решение всей проблемы, но предлагаем с помощью анализа вербализации концептов в письменной речи мультилингва проследить процесс репрезентации концептов под влиянием субстрата родного языка автора. На наш взгляд, такое исследование инициируется развитием когнитологии в лингвистике и появлением ряда трудов по выявлению и анализу концептов как ментальных сущностей в языковых картинах мира таких учёных-языковедов, как: Ю. С. Степанова, В. А. Масловой, Е. С. Кубряковой, Л. П. Ивановой, Д. С. Лихачёва, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телии, У. А. Карпенко, Е. А. Селивановой и др.

Материалом нашего анализа послужили тексты писем и записок, датированных второй половиной 18 века и принадлежащих перу Екатерины II, в которых она обращалась к своему фавориту — князю Г. А. Потёмкину. Аргументируя выбор материала исследования, укажем, что частное письмо в большей степени, чем официальное, демонстрирует ситуацию непринуждённого общения, раскованность, некоторую свободу

в речевых проявлениях. Тексты этих писем и записок являются первоисточником письменной речи языковой личности царицы-немки, стремившейся говорить и писать по-русски.

В частном письме языковая личность пишущего проявляется с наибольшей степенью полноты. Данный жанр есть сам человек, повернутый в языковую ткань создаваемых им текстов¹. Поэтому письма могут также рассматриваться как средство вербальной экспликации языковой картины мира, а вместе с тем и репрезентации концептосферы авторамультилингва под влиянием родной лингвокультуры. Такие процессы глубинны.

Для достижения целей предложенного нами анализа вербализации периферии концепта «Свой» и «Чужие»² в речи мультилингва сквозь призму субстрата родного языка в рамках данной статьи в тексте писем нашему пристальному вниманию были подвержены имена нарицательные *гяур, казак* и антропонимы *Москов, Пугачёв*, выполняющие роль обращений, как элемент структуры частной эпистолы. Видится возможным вычленение из структуры концепта «Свой» и «Чужой» следующей пары концептов «общего» и «частного характера»: «человек» и «русский»/ «русский характер». «Человек» — это концепт первого порядка, «русский»/ «русский характер» — второго. «Человек» — это своего рода субконцепт, присутствие которого в языковой картине мира какой-либо языковой личности, по нашему мнению, не требует доказательств, так же как и приведённый выше, архитипичный концепт «Свой» и «Чужой». Это универсалия, бытующая в любой лингвокультуре. А репрезентация концепта «русский»/ «русский характер» в мировоззренческой картине Екатерины-немки будет иметь частный характер; она хотела стать «русской», войти в «русскую культуру», получить признание в истории именно как «русская» императрица.

Стереотипы в восприятии русского человека были заложены в сознании Екатерины. Как отмечает Л. П. Иванова, каркас языковой картины мира и языковой личности формируется в самом раннем возрасте, приблизительно до 5 лет, позднее данные категории расширяются и усложняются, но ничего из них не уходит, то есть в процессе своей жизни человек глубже познает мир и язык <...> то, что он узнал в детстве, остаётся с ним навсегда³. Напомним, что Екатерина (а до прибытия в Россию — София Августа Фредерика) родилась в семье прусского герцога и до 14-летнего возраста воспитывалась в традициях немецких дворянских семей того времени (XVIII век).

Таким образом, мы рассматриваем концепт в аспекте проблемы преодоления субстрата родного языка.

Исходя из наличия в структуре концепта «Свой» и «Чужой» центральной и периферийной зоны, обратимся к последней, поскольку она более подвижна, способна отделять смыслы, формирующие впослед-

ствии собственные базовые понятия, и содержит ассоциативно-образные репрезентации⁴. В нашей работе это имена нарицательные — *гяур, казак* и антропонимы — *Москов, Пугачёв*.

Приведём примеры текстов, из которых нами был выделен этот ряд ассоциаций.

Прощай, душа, грустно, что сегодня со мной ни завтра не будешь. Прощай, Москов, Гяур, казак. // Я ужасно как с тобою бранится хочю. Я пришла тебя будить, тебя нету <...>. здесь лишь набегом. Гяур, казак, Москов. Побываешь и всячески спешишь бежать. // Я не сердита и прошу Вас также не гневаться и не грустить. В прочем же остаюсь Вам верной женой до гроба, буде изволишь; буде нет, то ты Гяур, Москов, казак. // Прощай, гяур, казак, Пугачёв!⁵

Выступая в роли обращения, эти лексические единицы спроецированы на личность адресата (Г. А. Потёмкина). Но они могут быть рассмотрены и в проекции на личность автора и его ментальную модель действительности, которая находит реализацию в письменном тексте.

Обратимся к рассмотрению лексем *гяур* и *казак*, так как они являются своего рода константами данного ассоциативного ряда. Это экзотизмы как для немецкого (родного языка автора), так и для русского (языка осваиваемого) языков. Первое пришло в языки-реципиенты из турецкого, второе — из тюркского. Отметим, что *гяур* остаётся экзотизмом как для современного нам русского языка, так и немецкого. Казак, уже в екатерининское время, ассимилировался в русском языке, превратившись в обычное иноязычное слово тюркского происхождения. Для немецкой лексической системы данное слово остаётся экзотизмом и по сей день.

Для того чтобы понять, было ли знакомо ранее значение *гяур* Екатерине, обратимся к немецкому вокабуляру того времени.

Из располагаемых нами словарей обратимся к тому, который по дате издания будет наиболее близок к эпохе Екатерины.

Giaur oder Ghiaur, m. türk. ein Ungläubiger, Schimpfwort für alle Nichtmohammedaner⁶.

В русском переводе, согласно толкованию данного словаря, *Гяур* дословно означает *презрительное наименование для «неверующего», «не мусульманина»*. В турецком это слово входит в разряд бранных для всех «не мусульман». Содержащееся во внутренней форме слова отрицание, отмежевание всех принадлежащих к иной/чужой вере/культуре автоматически вербализует оппозицию концепта «Свой» — «Чужой». Употребление Екатериной данного слова в качестве обращения в тексте своих писем и записок обличает её отношение к адресату-русскому именно как немки. Это происходит на подсознательном уровне. Лингвисты-ориенталисты отмечают, что исходя из этимологии слова, в нём можно выделить значение «воин». Г. А. Потёмкин, к которому обращается Екатерина, был человеком военным.

Это же значение включает и слово *казак*. Представляется целесообразным сделать вывод, что оно вошло в языковую картину миру импе-

ратрицы уже по приезду в Россию. В толковом словаре В. Даля находим следующее толкование:

Казак м. или *козак* (вероятно от среднеазиатского казмак, скитаться, бродить, как гайдук, гайдамака, от гайда; ускок от ускочить, бежать; бродяга от бродить и пр. Киргизы сами себя зовут казак), войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежщ. к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении⁷.

В немецком толковании казак — это «freier Krieger», что в переводе на русский язык означает «свободный воин».

Казак, как и *гяур*, вербализирует концепт «русский» в парадигме архиконцепта «свой» и «чужой» в осмыслении Екатерины II.

Негативная коннотация данных слов в речевой интерпретации императрицы подтверждается контекстом. В тексте почти всех писем, в которых отмечены употребление слов *гяур* и *казак*, прослеживается недовольство императрицы, какой-то разлад в отношениях с фаворитом: *нет, не люблю тебя, или я сержусь, или бранюсь* и т. п.

В словах *гяур* и *казак* реализуется сема «бунтарства», «несогласия с общепринятым», «непокорность», которая прослеживается и в антропонимах *Москов*, *Пугачёв*. Наличие таких странных, на первый взгляд, и весьма далёких от любовной риторики обращений, объясняется влиянием факторов ситуативного и контекстуального характера: внимание номинирующего концентрируется на определённой детали, которая в исходной ситуации привлекает наибольшее внимание или имеет основополагающее значение. Для того, чтобы определить эту деталь, нужно понимать, что или кого обозначали данные языковые единицы во временном отрезке, которым датируются эпистолы. И для этого снова обратимся к словарям.

Москов — по известию Нового летописца и Карамзинского хронографа, *Москов* — один из руководителей отрядов восставших мордвин, осаждавших Нижний Новгород с осени 1606⁸.

В советской историографии восстание рассматривалось как крестьянская война, в одном ряду с восстаниями Степана Разина и Емельяна Пугачёва.

Пугачёв, Емельян Иванович (1740, по др. данным, 1742–10.01.1775) — предводитель Крестьянской войны 1773–75 в России. Родился в казачьей семье в Зимовейской станице на Дону⁹.

Определяя основной ассоциативный ряд, объединяющий данные онимы — *Москов* и *Пугачёв* и имена нарицательные — *гяур* и *казак*, отметим, что: во-первых, все слова именуют людей в той или иной степени военных или же имеющих отношение к военным действиям (восстания приравниваем именно к таковым); во-вторых, рассматриваемые онимы в роли обращений являются именами собственными русских подданных; в-третьих, в определении характера каждого из имён можем назвать основополагающей чертой бунтарство, граничащее с бешенством,

тягу к свободе. Каждый из приведённых нами примеров может вызывать двойственные чувства, даже без обращения к основному тексту писем. Но в сознании языковой личности императрицы-немки такие ассоциации возникали сквозь призму опыта и знаний её этноса.

Подведём итоги. Рассматриваемый нами ассоциативный ряд, выступая в тексте письма в роли обращения, с одной стороны, номинирует и характеризует адресата, а с другой — вербализирует оппозиционную часть концепта «свой» — «чужой». В данном случае вторая часть концепта («чужой») конкретизируется принадлежностью адресата к конкретной этнической группе. Отсюда возникает так называемый денотативный концепт — «русский» / «русский характер».

Такой ассоциативный ряд можно охарактеризовать как авторский, окказиональный, демонстрирующий оригинальные когнитивные возможности языковой личности. В её речетворческой деятельности он максимально реализует сложное семантическое строение слов в контексте передачи индивидуальных знаний о мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гайнуллина Н. И.* Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Казахский университет, 2002. С. 126

² *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп.-М.: Академический Проект, 2001. С. 126.

³ *Иванова Л. П.* Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале А. С. Пушкина «Евгений Онегин»): Учебное пособие к спецкурсу/ 2-е изд. доп. К.: Освита Украины, 2006. С. 12.

⁴ *Карпенко-Иванова У.* Фрейм «вооружённое противостояние» в русской. Английской, итальянской культурно-языковой традиции.- К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2006. С. 32.

⁵ *Лопатин В. С.* Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769–1791. / отв. ред. С. Г. Десятков. М.: Наука, 1997. 989 с.

⁶ Johann Christian August Heyse, Karl Wilhelm Ludwig Heyse. Allgemeines verdeutschendes und erklärendes Fremdwörterbuch: mit Bezeichnung der Aussprache und Betonung der Wörter und genauer Angabe ihrer Abstammung und Bildung. Hahn, 1853. S. 367.

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И-О. СПб. М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. С. 72.

⁸ Советская историческая энциклопедия / глав. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская Энциклопедия, 1966. Т. 9. С. 723–724.

⁹ Там же. М., 1968. Т. 11. С. 699–700.

Chepurnaja T. S.

VERBALIZATION OF CONCEPT'S PERIPHERY IN WRITING OF A MULTILINGUAL SPEAKER IN THE LIGHT OF THE SUBSTRATE OF THE NATIVE LANGUAGE (BASED ON THE LETTERS OF CATHERINE II AND G. A. POTYOMKIN).

The article analyzes the verbalization of concepts in the writing of Catherine II as a multilingual speaker. The concept in the mind of a linguistic personality is considered in the light of the problem of overcoming the native language substrate, in this study the substrate of German language, in Russian writing.

Keywords: linguistic personality, multilingual, language substrate, a concept, concept's periphery, associative line.

Чеховская Оксана Евгеньевна

Московский государственный университет
машиностроения (МАМИ), Россия

oksana_rafalyuk@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье проанализирован феномен европейских путешествий русских писателей XIX — начала XX вв. с точки зрения его общекультурной значимости — приобретения инокультурного опыта и его последующей репрезентации в творчестве, осуществления межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: путешествия, межкультурная коммуникация, социокультурный опыт.

Сегодня, в век глобализации, биеннале и арт-ярмарки, выставки-блокбастеры гастролирующие из города в город, из страны в страну, сетевые музеи (например, С. Гуггенхайма и Людвига) и сетевые галереи (например, Л. Гагосяна) образуют узлы общей сети, которая доносит ключевые идеи, события и людей до аудитории большей, чем когда-либо. Еще веком ранее подобное единое культурное пространство казалось невысказанным. Новинки европейской культурной жизни и повседневности могли быть известны только тем, кто бывал за границей. Путешествия — образовательные, деловые, культурно-ознакомительные поездки, — таким образом, были одной из важнейших форм межкультурной коммуникации.

Для того чтобы традиция заграничного путешествия стала культурной нормой ей пришлось пройти долгий путь эволюции и преодолеть две главные трудности: «закрытость» границ и «закрытость» сознания. Первая из них была частично решена Манифестом 1762 года, который законодательно оформил возможность выезда за границу как одну из привилегий российского дворянина¹. Вторая решалась на протяжении столетий. Начиная с XVIII века, российская элита стала прибегать к процессу восприятия новых культурных практик. Утверждение Петра I — «Россия не есть еще целый свет» — отобразило степень новой открытости, обращение лицом к Европе. Уже конец XVIII столетия дает примеры осознания поездки как самоценного акта: инициаторами путешествий стали выступать не только государственные учреждения, но и частные лица (сами путешественники или их родители), в соответствии с собственными интересами и представлениями о ценности культурного и иного опыта западных соседей. Путешествия стали мыслиться как способ познания мира, формирования мировоззрения, воспитания

чувств, как одно из форм межкультурной коммуникации, т. е. как культурная практика².

Для нового отношения к путешествию было необходимо преодолеть представления о закрытости пространства, непроницаемости и сакральности культурных границ, изменить ценностную установку на обновление и развитие культурного пространства. Данные изменения отчетливо прослеживаются на рубеже XIX–XX вв. Серебряный век ощущал себя полноправным членом европейского сообщества, им была преодолена «ностальгия наоборот», «тоска по Европе», характерная для России XIX века.

Цель настоящей статьи — анализ опыта европейских путешествий представителей русской писательской интеллигенции в XIX — начале XX вв.

Изучение феномена европейского путешествия в русской культуре даёт возможность взглянуть на процесс межкультурного взаимодействия изнутри — с точки зрения его участника (путешественника), выделить актуальные для него проблемы и смыслы.

В отличие от отечественной, в зарубежной историографии история путешествий как отдельное направление «новой культурной истории» существует давно и переживает в последние годы, по свидетельству П. Берка, настоящий «бум»³. Об этом свидетельствуют появление специальных исследовательских групп, издание тематических журналов⁴, монографий и коллективных трудов⁵. В российских гуманитарных и естественных науках путешествие также подвергается исследованию как историко-культурный феномен, как предмет внимания антропологов и метагеографов⁶.

Одним из первых к проблеме русских путешествий по Европе обратился В. Берелович⁷. В его статье содержится подробный анализ такого явления как «большое путешествие» русских дворян по Европе во второй половине XVIII века, а также количественные характеристики этого явления. В 2000-х гг. были защищены диссертации, посвященные исследованию исторических и социокультурных аспектов заграничного путешествия русских писателей и публицистов конца XX — начала XIX в., изучению опыта европейских поездок как культурной практики⁸. Авторы большинства работ исследуют мотивы, характер и географию заграничных путешествий образованной части российского общества, изучают впечатления о западноевропейской повседневности, нравах и нормах поведения. На основе исследованного материала были сделаны выводы о том, что «заграничное путешествие имело основанием западноевропейские просветительские идеи, определявшие его как процесс образования, развития умственных способностей и нравственных качеств»⁹. Выделены также такие мотивы путешествий, как отдых и развлечение, образовательные и профессиональные интересы, поиск новых впечатлений и вдохновения, мотивы политического и экономического характера.¹⁰

Соглашаясь с данной типологией, представляется важным выделить еще один — «психологический» мотив заграничных путешествий. В психологическом плане путешествие привлекательно тем, что позволяет человеку выйти за грань повседневности, изменяет его обыденное восприятие и сознание. В путешествии человек ощущает и себя, и мир не так как обычно. Такое изменение «угла зрения» раскрывает перед человеком новые грани бытия¹¹. По мнению психологов, для того, чтобы обыденный мир «проявился» в сознании человека, чтобы человек увидел «себя в обыденном мире», а «обыденный мир в себе», чтобы произошел акт рефлексии, необходимо удалиться от этого мира, «разрушить» его и создать «альтернативную» реальность, пусть даже внешне похожую на обыденную, на ту, в которой человек привык жить, но иную по сути взаимоотношений реальности и личности¹².

Это является основой и поводом (зачастую неосознаваемым) для всех путешествий и в дальние неизвестные края, и в вымышленные миры. Любое путешествие, где и как бы оно ни совершалось, дает человеку ощущение свободы. Это ощущение является мощным психологическим фактором, раскрепощающим мышление и эмоции.

В связи с этим путешествие приобретало новый смысл — теперь его цель виделась не только в приобщении к мировой истории и культуре, но и в уединении, «насильственном отторжении себя от России»¹³. В одном из писем матери Александр Блок писал: «Всякий русский художник, имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть *свою другую родину* (курсив — О.Е.) — Европу»¹⁴.

До 1910-х гг. русская общественность в своих путешествиях по Западной Европе ограничивалась несколькими десятками городов, среди которых, безусловно, были свои лидеры. Хосе Фернандес Санчес, автор справочника «Русские путешественники в Испании XIX века», справедливо писал: «Для русских, у которых в избытке были воображение или деньги, поездки по Европе носили почти ритуальный характер. Те, кого волновало здоровье, а заодно будоражила рулетка, отправлялись в Баден-Баден; любители прекрасного устремлялись в Рим; в поисках развлечений наведывались в Париж. Для получения образования ехали в Берлин, а оппозиционеры облюбовали Женеву. Тем самым все находили веские причины, чтобы отправляться в дорогу. У путешествий в Испанию не было никаких посторонних побудительных мотивов, и ничем иным, кроме как желанием узнать Испанию, они не объяснялись»¹⁵. Творческую интеллигенцию именно Испания в Испании и интересовала.

На первом месте для русских путешественников, пользуясь репутацией «столицы Европы» и дальними культурными связями России и Франции, был Париж. В глазах русских писателей начала XX века Франция представляла собой «конгломерат характеристических черт современной Европы, наиболее «европейский» город и традиционное место

путешествий русской элиты. Как писал Г. Чулков, «русские часто бранят Париж. Но жить без Парижа русские не могут. И время от времени каждый совершает свое паломничество в этот пленительный город»¹⁶.

Второе место после Франции в предпочтениях русских путешественников занимала Италия. Вместе с упадком русского академического искусства в последней трети XIX века Италия утратила свою традиционную роль своеобразной художественной «палаты мер и весов». Однако исторический феномен итальянской культуры от этого отнюдь не стал менее значительным для российского художественного сознания¹⁷.

С 1830–40-х годов в моду вошла Испания. Журналы 30–50-х годов были полны статьями на испанские темы: о «Нынешнем состоянии Испании» («Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. III, стр. 95–121), об «Испании в настоящем ее виде» («Московский наблюдатель», 1835, ч. IV, отд. III, стр. 282–316), «Очерки Испании» («Сын Отечества», 1838, т. II, отд. V, стр. 1–23), «Мадрид», («Сын Отечества», 1840, т. IV, отд. V, стр. 657–674), «Кордова и Севилья. Из путешествия по Испании Готье» («Сын Отечества», 1843, кн. I, январь, отд. V, стр. 37–80), «Характер испанцев в Испании» («Библиотека для чтения», 1836, т. XVIII, стр. 67–72), «Испанские обычаи и нравы» («Библиотека для чтения», 1850, т. СII, т. С IV), «Андалузия. Путешествие Валлона» («Москвитянин», 1850, № 4, стр. 53–76) и др. Вслед за Н. В. Гоголем, В. П. Боткиным, Вас. И. Немировичем-Данченко Испанию считали своим долгом посетить писатели и поэты «Серебряного века» — А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт, В. Маяковский, И. Эренбург и др.

Александр Блок посетил Испанию летом 1913 года. Во время отдыха на побережье Бискайского залива, в городе Гетари (Guethary) — живописной местности, между Атлантическим океаном и Пиренеями, — поэт вместе с супругой ездили в Сан-Себастьян (San-Sebastian), Фуэнтэррабия (Fuenterrabia), а также испанскую деревню Вера (Vera). В письмах матери и Вл. Пясту Блок писал: «Здесь так грандиозно, как только может быть. ... все пропитано запахом цветов. Всюду огромные дали. Сегодня мы купили за 40 сантимов большой букет роз. В оранжерее поспевают виноград...»¹⁸, «Вокруг нас — баскский, испанский и французский говор. А главное — небо и море»¹⁹, «Все это испанско-французское побережье — прекрасная страна»²⁰. По возвращении в Петербург в жизни А. Блока начался «испанский период». Поэт «бредил Кармен» и «испаннизировал» все окружающее.

Пятью годами раньше Александра Блока, в 1908 году, почти такое же путешествие по югу Франции и северу Испании совершил Валерий Брюсов. После путешествия по Италии им с женой «захотелось тишины и уединения» и остаток лета они решили провести «в маленьком городке, Сан-Жан-де-Лю (Saint-Jean-de-Luz), около Биаррица»²¹. Весной того же года, в St.-Jean de Luz отдыхали супруги Мережковские. В пись-

ме Зинаиде Гиппиус Брюсов писал: «Вот уже около месяца, как я живу в том самом St. Jean de Luz, где вы провели сколько-то недель весной. <...>»²². Судя по всему, именно оттуда Брюсов совершил путешествие по Испании. В письме С. А. Венгеру от 18 июля 1908 г., писатель сообщал, что через несколько дней уезжает в Испанию и что поездка эта ему «крайне необходима»²³. Другое упоминание о путешествии в Испанию содержится в «Автобиографии» В. Брюсова: «Наша поездка охватила всю Италию, южную Францию, часть Испании»²⁴.

Несмотря на то, что супруги Мережковские были всего в семи километрах от испанской границы, мечта Д. С. Мережковского побывать в Испании, когда он писал (это уже в последние годы жизни) «Терезу Авильскую» и «Иоанна Креста», так и не осуществилась²⁵. Тем не менее, образ Испании, испанской культуры, испанских святых занимал важное место в творчестве писателя²⁶.

Во время зарубежных путешествий представители писательской интеллигенции впитывали новейшие западные идеи, знакомились с мировым культурным и историческим наследием, «стремясь увидеть все стороны света и заглянуть во все века»²⁷, приобретали новый социокультурный опыт и способствовали формированию единого межкультурного пространства. Не случайно, первое и самое главное качество русского национального характера, которое отмечалось и деятелями русской культуры и ее исследователями — всевосприимчивость (и связанные с ней всепонимание и всесимпатия). Говоря о А. С. Пушкине, Ф. М. Достоевский, один из кумиров Серебряного века, подчеркивал, что «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций» есть «всецелая русская, национальная», поскольку «народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению», поэтому «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только.. стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

² Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 29.

³ Берк П. «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 80.

⁴ *Jornal of Travel Research, Bolletino del C.I.R.V.I., Dimensioni du Voyage / Centro Interuniversitario di Ricerche sul Viaggio in Italia.*

⁵ *Voyages and Visions: Towards a Cultural History of Travel / ed. by Jas Eisner and Jean-Pau Roubies. London, 1999; Buzard J. The Beaten Track: European Tourism, Literature and the Ways to Culture, 1800–1918. Oxford, 1993; Buzard J. What Isn't Travel? / Untravelling Civilization: European Travel and Travel Writing. Ed. By H. Schulz-Forberg. Brussels, 2005, etc.*

⁶ К примеру, Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003 и др. Примеры научных конференций: Конференция «Пу-

тешествие как феномен культуры» (Российский институт культурологии 16–17 октября 2008 г.) и др.

⁷ *Berelowitch W. La France dans le «Grande tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII siècle // Cahier du Monde russe et Sovétique, XXXIV (1–2) janvier-juin 1993. P. 193–209.*

⁸ *Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в.: дис. канд. ист. наук. Омск, 2006. Туманов О. Н. Заграничное путешествие русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX — начале XX в.: исторические и социально-культурные аспекты: дис. канд. ист. наук. Москва, 2012.*

⁹ *Туманов О. Н. Заграничное путешествие русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX — начале XX в.: исторические и социально-культурные аспекты: дис. канд. ист. наук. Москва, 2012. С. 7.*

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ *Беккер И. Л. Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способа самопознания и бытия человека // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11(15). С. 7–11.*

¹² Там же. С. 7–11.

¹³ Там же. С. 332.

¹⁴ Письмо А. Блока к матери от 7 мая 1909 г., Венеция // *Блок А. Сочинения в двух томах. М., 1955. Т. 2. С. 627.*

¹⁵ *Fernandez Sanchez J. Viajeros rusos en España del siglo XIX. Madrid. 1985. P. 7.*

¹⁶ *Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. № 1. М.-СПб., 1992. С. 335.*

¹⁷ *Андреева Е. Миф итальянской культуры в русской художественном сознании 1900-х годов // Митин Журнал. 1991. № 37.*

¹⁸ Письмо А. Блока матери от 9 июля (н. ст.) 1913. <Гетари> // *Блок А. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 694.*

¹⁹ Письмо А. Блока В. А. Пясту от 19 июля (н. ст.) 1913. Гетари // *Блок А. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 695.*

²⁰ Там же. С. 694–495.

²¹ *Брюсов В. За моим окном. М., 1927. С. 33, 34; 44, 45.*

²² Письмо З. Н. Гиппиус от 28 сентября 1908 года // *Литературное Наследство. Т. 85. С. 701.*

²³ Письмо С. А. Венгеру от 18 июля 1908 года // *Литературное наследство. Т. 85. С. 329.*

²⁴ *Брюсов В. Автобиография. С. 117.*

²⁵ *Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 55.*

²⁶ *Мережковский Д. С. Маленькая Тереза / Д. С. Мережковский [Под ред. и со вст. ст. проф. Т. Пахмусс; (Ильц), протоиерей Антоний. Томск, 1998.*

²⁷ *Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. Многие С. 8.*

²⁸ *Кумчаева И. К. Путь к всечеловеку. М., 1997. С. 130–131.*

Chekhovskaya O. E.

EUROPEAN TRAVELS OF THE REPRESENTATIVES OF RUSSIAN LITERARY INTELLIGENTSIA IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES AS A FORM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article analyzes the phenomenon of European travels of Russian writers in the 19th — early 20th centuries from the point of view of its cultural significance: the acquisition of foreign cultural experience and its subsequent representation in art, the implementation of intercultural communication.

Keywords: travels, intercultural communication, socio-cultural experience.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА, ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ОБРАЗА АССОЦИАЦИИ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ

В данной статье рассмотрена динамика китайского языкового сознания, сопоставлены ядра китайского и русского языкового сознания. Основные реалии у китайских студентов такие, как учёба, Китай, экзамен, работа, кушать. Слова *любовь, свобода, радостный, честный, чувство к родным, здоровье* отражают ментальность китайцев. При сопоставлении данных эксперимента 2012 г. с ядром русского языкового сознания нашлось семь общих слов: *работа, жизнь, любовь, друг, радостный, дом, деньги*. Таким образом, нами раскрыта национально-культурная специфика китайского и русского языкового сознания.

Ключевые слова: динамика языкового сознания, коллективная память, ассоциативный эксперимент, образы ассоциаций китайцев и русских.

Вводные замечания. В своих лингвистических исследованиях В. фон Гумбольдт затронул важные проблемы социально-философского характера, связанные с выявлением понятий «народ» и «язык». Считая нацию «духовной формой человечества, имеющей языковую определённую», он определяет «нацию» такой «формой индивидуализации человеческого духа», который имеет «языковой» статус¹. И именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек. Недаром А. Леонтьев указал, что предтечей психолингвистики был создатель научной лингвистики Вильгельм фон Гумбольдт². Именно ему принадлежит идея речевой деятельности и понимание языка как вязующего звена между социумом («общественностью») и человеком. В таком случае, по А. Леонтьеву, психолингвистика должна исследовать прежде всего взаимоотношение опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения³, язык для неё есть орудие диалога человека с миром и в то же время человека с человеком.

Экспериментальные исследования языкового сознания (ЯС). В современной психолингвистике фигурирует и более широкое понятие — понятие «языкового сознания». Оно было выведено, по-видимому, П. Я. Гальпериным⁴. Его глубоко исследовали Ейгер (1990), Залевская (1996) и авторы сборников, специально посвященные языковому сознанию⁵ и многие другие. В этих исследованиях психолингвисты подробно раскрыли этнопсихолингвистическую детерминацию языкового сознания. И это очень помогает исследованию культурно-языковой детерминированности процессов мышления в обучении иностранным языкам. Всем известно, что в западноевропейской и американской науке прямое

отношение к этой проблеме имеет различие декларативных (знания о языке) и процедуральных (знания, как сделать что-то) знаний.

В Китае русисты придерживаются взглядов школы московской психолингвистики и стараются раскрыть общее и различиев китайском и русском языковом сознании, проводя сопоставительный анализ языкового сознания на материале русского⁶ и китайского языков. С 1996 по 2014 год было проведено много ассоциативных экспериментов, в результате которых исследователи пришли к таким выводам: в наиболее частых ответах китайских студентов-филологов между стимулом и реакцией на русском языке устанавливаются парадигматические отношения, а у русских синтагматические; образы ассоциаций языкового сознания русских и «русского» ЯС китайцев принципиально различны; в этом отражаются различия в образе мышления, выражения мысли и речевом стереотипе между китайцами и русскими; изучение ядра русского ЯС и сопоставительное исследование содержания, структуры и образа ассоциации ЯС русских студентов и «русского» ЯС китайских студентов-филологов позволило нам выявить национальную специфику разных культур и языков, закрепленные в китайском и русском языковом сознании⁷.

Преподаватели английского языка и англицисты Китая занимаются английским языковым сознанием по западноевропейской и американской теории. Среди преподавателей китайского языка и китаистов мало кто занимается вопросом китайского языкового сознания. Однако известный лингвист Ван Ли в 70-е годы XX века давно обратил внимание на формирование китайского языкового чутья, считая, что иностранные языки более грамматические, т. е. сочетаются по железному грамматическому закону, а китайский язык сочетается свободнее, так как связан с психологической реальностью говорящего.

В последние годы иностранцев, которые изучают китайский язык и культуру, стало больше, поэтому китаисты на основе практики обучения китайскому языку как иностранному начали исследовать китайское языковое сознание, обсудив вопросы китайского фонетического сознания, чтобы облегчить процесс обучения китайскому языку иностранцев. А исследование языкового сознания родного языка для носителей ещё не началось в Китае. Может быть, из-за того что считают этот процесс естественным, бессознательным.

Китай отличается от других стран своей древней цивилизацией и особенным построением языка — иероглифической системой, где закреплённая своя норма ценностей, в языке фиксируются национальный менталитет, образ мышления, языковая картина мира и специфическая культура. В данной статье на основе концепции философии языка Гумбольдта и теории российского языкового сознания будут представлены нами внутренняя форма китайского и русского языков, коллективная

память и идентификация нации и раскрыта динамика китайского языкового сознания в XXI веке на материале новой словообразовательной модели *zui mei + noun* (*самый красивый + существительное*).

Автор исходит из концепции внутренней формы языка Гумбольдта, психологии социально-культурной истории Выготского, теории языкового сознания российской психолингвистики. Исследование китайского языкового сознания частично основываются на данных ассоциативных экспериментов китайских испытуемых. В 2004 году автором этой статьи был проведён свободный ассоциативный эксперимент китайского языкового сознания. В эксперименте принимало участие 393 человека, из них 264 студента разных специальностей и 129 испытуемых разных возрастов, профессий. Отметим, что в полученных нами данных свободного ассоциативного эксперимента ядра языкового сознания у китайцев слово *meilide* (вызывающие у человека приятное ощущение красоты) занимает первое место по частотности реакций — всего 99 реакций, *piaoliangde* (*красивый*) — всего 45 реакций, на третьем месте — *meihaode* (*благопожелание, красивый и хороший*) — всего 12 реакций.

Если считать эти три слова синонимами, то слово-ассоциация *meilide* (*красивый*) по частотности реакций занимает первое место — всего 156 (табл. 1⁸). Видимо, не случайно появление новой словообразовательной модели *zui mei + noun* (*самый красивый + существительное*). Это и отражение китайского языкового сознания в концептуализации мира китайцев, здесь также представлены этические идеалы конфуцианцев, связанные с ментальностью морали. В сопоставлении этих данных с ядром русского языкового сознания⁹ нашлось 7 общих слов: *человек, дом* (семья), *друг, деньги, радостный, хорошо (хороший), быстро (живо)*. Подобных совпадений 23,3%.

В 2012 году вместе с аспирантами был проведен новый ассоциативный эксперимент с целью исследования динамики китайского языкового сознания в сопоставлении с данными, которые были получены нами в 2004 году. Отметим, что в двух экспериментах для китайских испытуемых было предложено 10 общих слов: *учёба, Китай, кушать, экзамен, радостный, дом, книга, друг, красивый и хороший, деньги*. Было выявлено 33,3% совпадений. Несмотря на то, что *meihaode* (*благопожелание, красивый и хороший*) занимает только двадцать третье место, однако в данных эксперимента 2012 году представлены многие китайские культурно-ключевые слова, в которых показаны типичная китайская языковая модель мира и динамика китайского языкового сознания.

Основные реалии китайцев — такие, как учёба, Китай, экзамен, работа, кушать, а в словах *Китай, китайский язык* раскрыто национальное самоуважение и гордость. Слова *любовь, свобода, радостный, честный, чувство к родным, здоровье* дали нам показатели ментальности современных китайцев. Такие слова, как *упорно, мечта, будущее,*

Таблица 1. Ядро китайского и русского языкового сознания

место (частотность)	китайцы (2004 г.)	русские (1998 г.)	место (частотность)	китайцы (2004 г.)	русские (1998 г.)
1	meilide (вызывающие у человека приятное ощущение красоты)	человек	16	медленно	любовь
2	довольно	дом	17	писать	работа
3	бегать	жизнь	18	хорошо	вода
4	красивый	плохо	19	компьютер	ребенок
5	очень	большой	20	прыгать	радость
6	хороший	хорошо	21	живо	все
7	идти	нет	22	человек	дело
8	китай	деньги	23	красивый и хороший	плохой
9	здравствуйте	друг	24	семья	смерть
10	экзамен	дурак	25	друг	быстро
11	кушать	лес	26	книга	стол
12	мама	мужчина	27	деньги	парень
13	быстро	хороший	28	симпатичный	дорога
14	я	день	29	радостный	мир
15	играть	много	30	учёба	говорить

стараться, бороться, составят основное содержание понятия «китайская мечта». При сопоставлении данных эксперимента 2012 года с ядром русского языкового сознания¹⁰ нашлось также 7 общих слов: *работа, жизнь, любовь, друг, радостный, дом, деньги*. Таких совпадений — 23,3% (табл. 2).

Заключение. В данной статье рассмотрена динамика китайского языкового сознания, сопоставлены китайского ЯС и русского ЯС. Таким образом, нами раскрыта национально-культурная специфика языкового сознания. Доказано, что нация является «духовной формой человечества, имеющей языковую определённость».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 9.

² Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. С. 26.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 165.

Таблица 2. Ядро китайского и русского языкового сознания (30)

место (частотность)	китайцы (2012 г.)	русские (1998 г.)	место (частотность)	китайцы (2012 г.)	русские (1998 г.)
1	учёба	человек	16	книга	любовь
2	Китай	дом	17	счастье	работа
3	кушать	жизнь	18	любовь	вода
4	работа	плохо	19	стараться	ребенок
5	упорно	большой	20	друг	радость
6	радостный	хорошо	21	мобильник	все
7	честный	нет	22	будущее	дело
8	удача	деньги	23	красивый и хороший	плохой
9	жизнь	друг	24	бороться	смерть
10	дом	дурак	25	китайский язык	быстро
11	спать	есть	26	свобода	стол
12	мечта	мужчина	27	деньги	парень
13	принадлежать	хороший	28	история	дорога
14	университет	день	29	здоровье	мир
15	время	много	30	чувство родных	говорить

⁵ Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011; Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000; Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4.

⁶ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. Книги 1–6. М., 1994–1998.

⁷ Сюй Гаоюй, Чжао Цюе и др. Российская психоллингвистика и обучение иностранным языкам. Пекин: Пекинский университет, 2008. С. 257.

⁸ Там же. С. 248.

⁹ Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 164–165.

¹⁰ Там же.

Zhao Qiuye

COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL MENTALITY, LANGUAGE CONSCIENCE AND ASSOCIATION IMAGES OF RUSSIAN AND CHINESE PEOPLE.

The paper offers the comparative analysis of national mentality, language conscience and association images of Russian and Chinese people.

Keywords: Russian and Chinese people national mentality, linguistic consciousness.

Чингисова Акжан Адиевна

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан

130002@rambler.ru

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В тексте статьи в качестве примера рассматриваются устойчивые выражения, характеризующие некоторые аналогии концепта «язык-слово» в таких разноструктурных языках (русский, казахский и английский), раскрывающие общечеловеческое и этническое, универсальное и национальное, способствующие взаимопониманию в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, вербализация, когнитивный инструмент познания, репрезентация.

Специфика концепта, концептосферы обусловлены экстралингвистическими факторами, особенностями национальной культуры, характером коммуникативного поведения, образом жизни, образом мышления, традициями и языковыми факторами, особенностями вербализации концепта в каждом языке.

Вербальное воплощение мыслей, проектов, духовных ценностей, фиксированное в языковом сознании позволяет говорить об определяющей роли языка в сохранении и передаче культурного, исторического опыта последующим поколениям, поэтому нами предпринята попытка рассмотрения некоторых аспектов вербализации концепта «язык-слово» в русском, казахском (тіл-сөз) и в английском (language is the word) языках. Сопоставление разных языков определяет национальную маркированность концепта «язык-слово» и способы его вербального выражения.

Отражение феномена «язык-слово» в сознании, представляет собой фрагмент концептуализации действительности как одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, приводящей к образованию определенных концептуальных структур. Языковая репрезентация концепта «язык-слово» подтверждает тезис о том, что язык, представляющий собой определенную систему знаков, участвующих в кодировании и трансформации информации, является когнитивным инструментом познания окружающего мира и когнитивным механизмом, связывающим языковую и мыслительную деятельность. Например:

На словах так и саяк, а на деле никак. The greatest talkers are the least doers. по смыслу: Кто больше всех говорит, тот меньше всех делает. Great braggers, little doers — по смыслу: Самые большие хвастуны меньше всех делают. They brag most that can do least- кто может меньше всех сделать, тот больше всех хвастается. На языке медок, а на сердце ледок; аналогичный по смыслу на английском языке — Полон любезностей, полон обмана. Не по словам судят, а по делам; не спеши языком, а спеши делом; в казахском языке: Аз сөз алтын, көп сөз күміс — мало слов-золото, много слов-серебро. Ақынның тілі қылыштан өткір, қылдан нәзік; Язык поэта острее меча, нежнее (тоньше) волоска;

жақсы сөз-жарым ырыс. Жақсы сөзге жан семіред. Жақсы сөз жан сүйсіндіред, жаман сөз жан күйіндіред-доброе слово-благо.

В казахской ментальности огромную значимость имеет концепт «тіл-сөз- слово», его всегда высоко ценят, особенно песни жырау, акынов (поэтов), считая их обладателями истины, отмечая ценность звучащего слова, передавали их из уст в уста.

Интеграция языковой концептуализации целого ряда научных направлений современного лингвистического знания в процессе исследования феномена концепта культуры для современного этапа развития казахстанского общества актуальна. Языковая репрезентация концепта «язык-слово» характеризуется привлечением комплексного подхода для исследования феномена концепта языка и культуры, отличных по структуре и по типологии языков (русского, казахского и английского) и объясняется необходимостью выявления специфики актуализации языкового знака в языковом сознании. Как известно, в процессе концептуализации действительности, которая проявляется на уровне взаимодействия концептуальных и семиотических областей репрезентации рассматривается как когнитивный инструмент познания.

Специфика языковой репрезентации концепта «язык-слово» заключается в комплексном применении лингвокогнитивного, семиотического и дискурсивного подходов. Реализация совокупности подходов в нашем исследовании отвечает основным параметра и соответствует выдвигаемой цели когнитивной лингвистикой для наиболее оптимального изучения отражения окружающего мира в языковом сознании человека и общества в целом. Концепт «язык-слово» представляет собой ментально-лингвальную сущность, отражающую процессы управления и жизнедеятельности любого этноса, лингвокультурной общности. В качестве ключевого элемента концепта «язык-слово» рассматривался комплексная когнитивная структура «язык-слово», включающие национальные, ментальные ценности, представляющая ценностно-нормативные и этические характеристики языка и культуры, вербально репрезентируемая на различных уровнях языкового выражения, который находится в отношениях тесного взаимодействия и взаимопроникновения, отражая лингвокогнитивную сущность определенного этноса, народа, так:

На словах — как на гусях, а на деле — как на балалайке. He promises mountains and performs molehills. (Обещает горы, а выполняет с кротовую кочку). A homey tongue, a heart of gall. Язык из меда, а сердце из желчи. Actions speak louder than words. (Пастишки говорят громче слов).

Произведенный анализ языкового материала свидетельствует о том, что в процессе концептуализации феномена «язык-слово» происходит взаимодействие целого ряда концептуальных пространств, связанных с функционированием организации как в этнической среде, так и в социуме. Вследствие подвижности границ концепта этносов, реализация

его потенциала, его ассоциативной сферы в процессе языковой объективации наблюдается соприкосновение целого ряда языковых значений, что ведет к репрезентации многообразия вновь возникающих смыслов и, следовательно, появления новых концептуальных пространств.

Несмотря на определенные различия в вербальной репрезентации «язык-слово», детерминированные типом дискурса, можно говорить о ключевом концептуальном образовании «язык-слово», представляющем ценностно-нормативные и этические характеристики этноса. Примеры в казахском языке:

Айтқан сөз-атқан оқпен бірдей. Сказанное слово — пущенная стрела. (A word spoken is an arrow let fly — Сказанное слово — что выпущенная стрела). Сладким словом брюхо не насытишь. (Fair words fill not the belly). Хвастливое слово гнило. (A man s praise in his own mouth stinks — Похвала себе из собственных уст дурно пахнет). Язык без костей. (The tongue breaks bone, though itself has none — Язык ломает кости, а сам их не имеет). Языком молоть — не дрова колоть, спина не заболит. (Talk is chaps — Разговор это дешева/Deeds, not words).

Приведенные примеры в рассматриваемых языках свидетельствуют, что рамки пересечения и взаимодействия концептуальных образований, актуализация концепта «язык-слово» осуществляется за счет потенциала значений взаимосвязанного функционирования языковых и неязыковых знаков. Вербализация концепта «язык-слово» объективирует весь потенциал значений (номинативных, терминологических, нейтральных, экспрессивно-окрашенных и страноведческих реалий).

Представленность концепта «язык-слово», объективирующей некий синтез языкового и энциклопедического знания в концептуальной культуре человеческого сознания, представляется в рамках тесного взаимодействия концептуальных и семиотических пространств в дискурсивной речевой деятельности языковой личности. Например:

Азбуки не знает, а читать садится. Learn to say before you sing. Научись говорить прежде, чем петь. Баснями закрома не наполнишь. Many words will not fill a bushel. Многими словами не наполнить бушеля. Баснями сыт не будешь.

Fair words fill not the belly. Красивые слова не наполняют желудок. Fine words butter no parsnips. Красивыми словами не намаслишь. Бог дал два уха, а один язык. Nature has given us two ears, two eyes, and but one tongue; to the end we should hear and see more than we speak. Природа дала нам два уха, два глаза и только один язык, поэтому мы должны больше слушать и смотреть, а не говорить. Где слова редки, там они вески. Deliver your words not by number but by weight. Произноси слова не по количеству, а по весу. Глупый болтает, умный думает. Foolish tongues talk by the dozen. Глупые языки много болтают. Держи язык за зубами. Keep your tongue within your teeth. Держи язык за зубами. Добрый пример лучше ста слов.

Example is better than precept. Пример лучше наставления. Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится. Slander leaves a score behind it. Клевета оставляет после себя глубокий след. It the ball does not stick to the wall, it will at least leave a mark. Если шар и не прилипнет к стене, он по меньшей мере оставит след. Throw dirt enough, and some will stick. Набросай достаточно грязи, и часть ее прилипнет. Злые языки страшнее пистолета.

An ill tongue may do much. Злой язык может много чего наделать. There is no venom to that of the tongue. Нет яда страшнее, чем яд языка. Иной раз и дурак молвит слово в лад. A fool may sometimes speak to the purpose. И дурак может иногда сказать по делу. A fool's bolt may sometimes hit the mark. Стрела дурака может иногда попасть в цель. A fool may give a wise man counsel. И дурак может дать умному человеку совет. Ласковое слово и буйную голову смиряет. A soft answer turneth away wrath. Мягкий ответ гнев отверщает. Good words cool more than cold water. Добрые слова охлаждаются быстрее, чем холодная вода. Ласковое слово не трудно, да спору. Good words are worth much and cost little. Добрые слова очень дороги, а стоят мало. Good words cost pought. Добрые слова ничего не стоят. Ласковым словом многого добьешься. There is great force hidden in a sweet command. В мягком приказании скрывается великая сила. All doors open to courtesy. Все двери открываются перед вежливостью.

Отмечаем, что языковые средства репрезентации концепта «язык-слово» показывают способы и формы осмысления концептуального содержания этого явления человеком посредством языка, тем не менее, при этом репрезентируется лишь часть всей концептуальной сферы языкового сознания, что невозможно полностью репрезентировать в речи все.

Таким образом, концепт в современной науке представляет собой своего рода междисциплинарное понятие, получающее освещение в различных научно-философских школах и направлениях. Существующее множество пониманий этих понятий (концепт, концептосфера) выступает скорее как его аспектуализация, параметризация, что позволяет рассматривать концепт, концептосферу как многоаспектное явление¹. В роли концепта, концептосферы языкового сознания, культуры выступают слова, у которых абстрактный компонент значения становится ведущим, это слова, которые обозначают морально-нравственные категории или философские универсалии. Смещение в понимании концепта и концептосферы таких различных аспектов, как логическое, аналитическое и синкретическое, метафорическое закономерно отражает сложную природу концепта, концептосферы, их расплывчатость. В лингвистике концептосфера, в самом широком смысле, — это результат семантического описания, т. е. концептуального анализа². Но именно благодаря важнейшей роли языкового знака в процессе концептуализации мира, языкового сознания этноса объективируется семиотическая репрезентация действительности, результаты исследования способствуют дальнейшему изучению специфики сложного и многогранного феномена концептуализации языка и культуры в современном полиязычном социуме Казахстана, способствуя развитию и взаимопониманию в межкультурной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бабурина М. А. Концепт «муза» и его ассоциативное поле в русской поэзии Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. С. 20.

² Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 41.

Chingisova A. A.

SPECIFICITY OF CONCEPT IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The author discusses an example of set phrased describing some analogies of the concept of «language is the word» in such different languages as Russian, Kazakh and English, revealing the human and ethnic, national and universal, to facilitate mutual understanding in intercultural communication.

Keywords: concept, language consciousness, verbalization, cognitive tool of knowledge, representation.

ПРОБЛЕМА «ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ»

В статье представлены наблюдения над эмоциональными речевыми актами. Автор рассматривает эмоциональные механизмы речи и размышляет об эмотивной функции языка.

Ключевые слова: эмоции, мысли, человек, культура, эпоха.

Проблема «эмоции в языке» активно разрабатывается лингвистами. В результате все увеличивающегося интереса ученых различных областей науки к эмоциям, в том числе и в области языкознания, при Гарвардском университете в 1985 году был создан Международный центр по исследованиям эмоций.

Являясь частью естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах. Выделяются фундаментальные эмоции, количество которых в разных школах различно, так же как и нет однозначного мнения по каталогу (инвентарю) эмоций человека. Признается, что все эмоции конституируются социокультурными параметрами¹, поэтому, помимо универсальных эмоций, наблюдаются и специфические для определенной культуры. Напомним, что культура находит свое отражение в языке, а так как эмоции являются составной частью культуры любого народа, то они облигаторно концептуализируются и вербализуются в его языке.

Нормы выражения эмоций тоже нестабильны от культуры к культуре, от эпохи к эпохе внутри одной культуры, от одного социального класса к другому. Со временем они предписывают различные средства (vocal/nonvocal, verbal/nonverbal) и способы выражения эмоций. Так, в XVIII веке — веке эмансипации эмоций — было модным падать в обморок (см. сенсуальные романы западноевропейских писателей), запрещено произносить и печатать инвективы, носовой платок входил в семиотику горя, разлуки. В середине XIX века, судя по художественной литературе того времени, англоговорящие народы демонстрировали холодность и безразличие друг к другу, сменившиеся в XX веке сочувствием и теплотой.

Известно также, что в XVIII веке сентиментальность была и привлекательна, и модна, а в XX — нет. Соответственно и языковые (равно как и неязыковые) средства выражения сентиментальности потеряли актуальность и прагматичность. В настоящее время выпущено большое количество специализированных словарей нецензурной лексики², общие толковые словари свободно включают в себя инвективы, в том числе и предельно нестандартные, а художественная литература, театр и телевидение сняли все преграды на пути вербальной эмоциональной

агрессии и self expression. Этические нормы, плюзовавшие вульгарные аффективы, либерализовались в современной русской языковой общности, и отрицательная эмоциональная энергия, которая соотносит человека с нашим реальным миром, обрушилась на голову и душу русской языковой личности.

И все-таки, говоря о нормах выражения эмоций в различных языковых культурах, Эдмонсон справедливо замечает, что они касаются не столько того, как их выражать, сколько того, в каких условиях это средство разрешено³.

Известно также, что есть эмоции, есть их физиологическая экстернизация (смех, слезы, тремор и т. д.) и есть их вербализация (называние, выражение, описание). Другими словами, имеются как минимум две семиотические системы эмоций — Body Language и Verbal Language, находящиеся в соотношении, которые науке еще предстоит изучить и описать. В общих чертах уже установлено, что первичная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем.

Многие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее действительности, его семантическое пространство неполностью покрывает весь мир. Каждый из нас не раз испытывал «муки слова» при выражении и коммуникации своих эмоций: степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций далека от желаемого всегда. Тем более, что эмоции никогда не проявляются в чистом виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна⁴. Тем более, что одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе и неязыковых, например, от фона общения. По меткому замечанию Хеллера, эмоции всегда когнитивны и ситуативны⁵, а следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен.

Интересно, что художественная литература, помимо когнитивной и эстетической функций, выполняет и функцию репозитора для слов, обозначающих эмоции, она учит нас идентифицировать и называть эмоции. Например, в романе С. Моэма «Театр» содержатся названия 25 эмоций, составляющих эмоциональный фонд его героев Джулии и Тома.

Всеми лингвистами отмечается такая семантическая универсалия — в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если же сравнить эмотивную лексику, взяв за критерий тип оценочного знака, то во всех языках четко вырисовывается такая картина: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, но употребляются они при общении друг с другом значительно реже, чем последние. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные си-

стемы разных народов и культур похожи, т. к. негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (ср.: happy and sad, sad and happy), что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другим схожим моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны.

Для языка безразлично, каков референт вербализуемой эмоции — внутренний или внешний, реальный или имитированный. Его словная семиотика переводит кинетическую и фонационную семиотику в художественном тексте в свой код, который и осуществляет выражение и коммуникацию эмоций с иной (меньшей) степенью прагматичности.

Существуют различные концепции теории эмоций: философская, биологическая, когнитивная, психологическая, социальная, физиолого-активационная, мотивационная, неврологическая, информационная, познавательная, функциональная, энергетическая, экзистенциальная, трехфакторная.

Можно добавить к этому перечню прототипную теорию, провозглашающую оценку прототипом эмоции: «мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой»⁶, ибо эмоция — это форма оценки субъектом объекта мира.

Многообразие и многочисленность концепций эмоций объясняется их сложностью и многоаспектностью целого ряда наук.

В связи с обилием теорий эмоций напрашивается вывод о том, что ни одна из них не является исчерпывающей. Универсальной теории пока не выработано наукой. Все вышеперечисленные концепции не объединены единой методологией, единими фактами, единой терминологией и единой теорией. Их различия, по мнению В. К. Вилюнаса, обусловлены непохожестью научных традиций стран — родины концепций, терминологических систем различных языков, на которых эти концепции разработаны, а также различным пониманием сути эмоций, класса и объема этого объекта. Их различие объясняется и отсутствием преемственности между разными концепциями. И все же, как замечает В. К. Вилюнас, формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказываются больше взаимодополняющим, противоречащими⁷. При всех различиях их объединяет единый объект — эмоции как явление действительности. Другое дело, что разные концепции (теории) эмоций представляют собой различные этапы их исследования, абсолютизирующие для себя всего лишь одну из подструктур эмоций.

То, что в номенклатуре концепций отсутствует лингвистическая концепция эмоций, объясняется просто — лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом, и из-за отсутствия должного

объема знаний о нем еще не сформулировала свою концепцию. В настоящее время в лингвистике эмоций можно выделить следующие проблемы, складывающиеся в несколько приоритетных направлений:

- типология эмотивных знаков, служащих для различного проявления эмоций (какие языковые знаки каким соответствуют эмоциям);
- влияние эмоционального типа mind style на формирование языков картины мира (ЯКМ), понятие эмоциональной ЯКМ;
- коммуникация эмоций (какие эмоции вовлечены в различные речевые акты, как осуществляется трансляция эмоций в иные языковые и культурные общности);
- корреляция лексиконов эмоций различных языков мира (проблем номинации одной и той же эмоции в разных языках);
- национально-культурная специфика выражения эмоций (временные, графические, культурные различия);
- критерии эмотивности языка и его знаков (что считать эмотивностью);
- соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций;
- влияние эмансипации эмоций на языковые процессы (словообразование, словопреобразование, большой и малый синтаксис — изменение фонда эмотивных средств языка, динамика эмотивных смыслов);
- эмоциональная окраска текста (эмотивный план или эмотивный тип текста, проблема его трансляции на иностранный язык, эмотивная лакунарность в аспекте практической сложности и теоретической невозможности ее элиминации, приращение эмотивных смыслов в тексте);
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- лексикография эмотивности (система помет, структура словарной статьи, специальные словари эмотивных фондов, словари антропоцентрической ориентации);
- прагматика описания и выражения своих сиюминутных, прошлых и чужих эмоций. Сокрытие, имитация, симуляция эмоций.

Естественно, что этот перечень основных направлений и их проблематики далеко не полный: это то, что давно «лежит на поверхности» и настойчиво стучится в двери эмотологии и когитологии.

Тот факт, что мы — лингвисты — являемся одновременно эмоциональными людьми (животными) и языковедами, делает лингвистику эмоций трудным и сложным делом, поскольку исследователю эмоций в языке невозможно быть отстраненным, беспристрастным и вне грамматики эмоциональных проявлений.

Мысли и чувства в модели взаимодействия нашего сознания с миром являются двумя способами его восприятия. Отражение имеет две сферы — интеллектуальную и аффективную. Взаимодействие этих способов и сфер, рационального и эмоционального в сознании и мышлении, проявляется в том, что человек может эмоционально переживать то, что отражает. Это переживание проявляется в эмоциональном отношении языковой личности к предмету речи.

Эмоциональное отношение (состояние) может само стать предметом отражения в языке и, следовательно, быть осознаваемым членами языкового коллектива. Поэтому эмоции могут быть более или менее адекватно выражены языком и тем самым включены в коммуникацию — общение языковых личностей друг с другом.

Эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов (гештальтов). «В результате создается эмоционально окрашенное и обладающее побудительной силой поле отражения воспринимаемой действительности»⁸.

Отражение — процесс психический. Эмоциональная сфера человека является отдельным пластом психического образа, который как бы надстраивается над познавательным и потому занимает положение между этим образом и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т. п.). При такой локализации эмоции легко вписываются в строение образа как носителя субъективного отношения к тому, что в нем отражается, и тем самым формируется эмоциональный образ объекта мира.

Двойная обусловленность эмоций — потребностями субъекта и ситуацией, а также указанные выше взаимоотношения эмоций с процессами познания и с их языковым опосредованием придают большую адекватность внелингвистическому обоснованию лингвистики эмоций, одна из целей которой — устранять недооценку роли эмоций в языке.

В общем виде суть лингвистической концепции эмоций заключается в том, что есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Но как языковая личность он отражает не механически все подряд, а пристрастно, только то, что необходимо в данный момент или по каким-либо причинам представляется ценным. Этот процесс отражения регулируют эмоции, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. Они выражают значение объектов мира для говорящего и слушающего. Эмоции как психическое явление отражают (т. е. воспроизводят) в сознании человека его эмоциональное отношение к действительности, которое хотя и является субъективным, но социально осознанным и потому более или менее типизированным.

Фиксирование отражения эмоциональных оценок действительности говорящими субъектами проходит через психический механизм их отображения в семантике слов, словосочетаний и языковых структур, используемых для вербализации. Отображение видового опыта эмоционального состояния говорящего локализуется в смысловой структуре соответствующих слов как образов тех объектов, с которыми они соотносятся.

Это отображение кодируется специфическими семантическими компонентами, которые формируют эмотивность слова, т. е. его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов к тому, что несет данное слово-образ. Эмоция хранится в слове в виде идеи о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции.

Думается, что так эмоции проникают в слова, закрепляются, хранятся в них и при необходимости манифестируются, демонстрируются, выражаются и опознаются с их помощью. В процессе языкового опосредования эмоциональность как психическое явление трансформируется в эмотивность, которая есть уже языковое явление, а эмотивные знаки языкового пространства являются в нем субститутами эмоций предельного для языка мира.

Говоря словами Ю. М. Лотмана (сказанными по другому поводу), «пространство, лежащее за языком, попадает в область языка и превращается в содержание только как составной элемент дихотомии содержание — выражение. Можно говорить о противопоставлении области языка с его содержанием и выражением вне языка лежащему миру»⁹.

Однако следует оговориться, что формулировка «язык выражает эмоции» является метафорой, т. к. «выражение принадлежит только речи, которая выражает на основе представленного и с помощью средств, которые предлагает представление»¹⁰. Язык, как общеизвестно, ничего не выражает, он представляет, он овеществляет и кодирует эмоции в своем лексико-семантическом пространстве. Акт эмоциональной речевой деятельности начинается не с произнесения слов, предназначенных для передачи эмоций, а «более ранней, лежащей в его основании операции, представляющей собой сигнал, с которым мысль в момент своего выражения обращается к языку, находящемуся в постоянном распоряжении мышления»¹¹. По мнению Г. Гийома, в этом и заключается главная функция языка — находиться в постоянном распоряжении мышления.

Наблюдения над эмоциональными речевыми актами, авторами которых являются языковые личности, должны привести ко все углубляющемуся пониманию эмоциональных механизмов речи и эмотивной функции языка. По мнению Г. Гийома, именно так формируется наука, это — ее единственный путь развития: «опыт, представляющий собой наблюдение, ценен только тогда, когда он ведет к новому, не достигнутому у этого времени пониманию. Научная деятельность — это колебание от наблюдения к пониманию, превосходящему наблюдение, и от этого понимания к наблюдению на новом уровне»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. М., 1988. С. 26.

² Язык. Сознание. Этнос. Культура: Тез. докл. XI Всерос. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.

³ Флегон А. За пределами русских словарей. Лондон, 1973. С. 64.

⁴ Шаховский В. И. Указ. соч. С. 26–27.

⁵ Heller A. A Theory of Feelings. Lexington Books, 2009. P. 182.

⁶ Heller A. Op. cit. P. 72.

⁷ Виллюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций. М., 1984. С. 5.

⁸ Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи. М., 1980. С. 70.

⁹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 45.

Chuprinina S. V.

ON THE PROBLEM OF «EMOTION IN THE LANGUAGE»

The article deals with the problem of emotional speech acts. The author describes the emotional mechanisms of speech and emotive function of the language.

Keywords: emotion, thoughts, person, culture, epoch.

Шаклеин Виктор Михайлович

Российский университет дружбы народов, Россия

vmshaklein@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ИДЕАЛА КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Настоящая статья посвящена анализу идеальных образов языкового поведения в период XX–XXI веков, предпринята попытка определить идеальный вектор формирования лингвокультурного идеала современной русской языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурный идеал, русский язык, русская языковая личность, языковое поведение.

Прошедшие без малого сто лет русской истории показывают, что каждая историческая эпоха выдвигала свой идеал языковой личности. Во всяком случае, такой идеал обозначался властью именно как идеал языкового поведения, к которому должен стремиться каждый гражданин страны. Конечно, многие из таких идеальных образов языкового поведения можно считать дискуссионными. Тем не менее, они оказывали на общество влияние, формировали некий вектор культурных стремлений целых поколений.

Закончившаяся революционная эпоха нашла отражение в период первых пятилеток. С точки зрения власти, был востребован человек, искренне верящий в будущее могущество СССР, ни в чем не сомневающийся, профессионально подготовленный и работающий с максимальной отдачей. На экраны страны выходят фильмы о героическом революционном прошлом — «Юность Максима», «Ленин в октябре», «Чапаев». Именно в этих фильмах определяется лингвокультурный идеал 20-30-х годов: человек простоватый, с хитринкой, нередко многословный, говорящий на народном языке, несущий в своем образе явно рабоче-крестьянское происхождение, обладающий классовым чутьем. Речь, одежда, круг общения, интересы — все это составные части образа нового человека, по-своему привлекательного, служащего образцом для подражания.

Отсутствие хорошего образования отражалось в языке героев фильмов, например, в знаменитой песне Максима («Крутится, вертится шар голубой...»).

В этой связи можно вспомнить язык положительных героев кинофильма «Чапаев» (Чапая, Петьки, Анки-пулеметчицы, крестьянина, которому некуда податься). Его суть состоит в том, что весьма сложные проблемы они выражают через простейшие, близкие народу, универсалии. Так, Чапай, объясняя Петьке сущность поведения командира на поле боя, расставляет на столе картошку.

Внедряя в общество подобного рода лингвокультурный идеал, власть сигнализировала о том, что защита и развитие нового государства — дело народа.

Этот идеал имел, что называется, прямое действие. Так, страна за две пятилетки существенно превзошла довоенный уровень. Многие в этой системе держались на энтузиазме народа. В его основе лежал новый лингвокультурный идеал.

Подобного рода лингвокультурный идеал дополняли образы патриотов, борющихся за независимость родины. Здесь нужно сделать поправку на то, что страна готовилась к войне. Так, большое место в кинорепертуаре предвоенных лет, как известно, заняли фильмы, посвященные истории борьбы народов Советского Союза, — «Петр Первый», «Александр Невский», «Суворов», «Богдан Хмельницкий» и др. Герои фильмов избавляются от чрезмерного многословия, хотя в своем языке стремятся следовать определенной (народной) традиции. В результате получался образ человека, твердо знающего свою цель, думающего только о деле и нередко говорящего афоризмами и лозунгами («Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет», «Дети мои, богатыри мои...», «Не щадя живота своего...» и т. п.). Эти фильмы, утверждающие патриотические традиции народов СССР, звучали особенно актуально в обстановке надвигающейся военной угрозы.

Характерно, что структура образа, символизирующего советский лингвокультурный идеал 30-х — первой половины 40-х годов, дополняли герои знаменитых комедий «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Подкидыш» и многие другие киноленты, герои которых только строили новую жизнь весело, с энтузиазмом. Не случайна была и знаменитая фраза Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселей!». Этот настрой отражался также в песнях («Марш энтузиастов», «Москва майская», «От Москвы до самых до окраин...»).

В результате создавался некий лингвокультурный идеал человека, молодого, сильного, рабоче-крестьянского происхождения, говорящего на народном языке, патриотично настроенного, честного, сосредоточенного на работе, верящего в предлагаемые государством идеи, смотрящего на трудности как на временное явление.

В отличие от кинематографа, в действительности лингвокультурный идеал, выглядел по-другому. Партийная элита того времени, за редким исключением, уже утратила навыки ораторского искусства. В партийную моду стал входить рабоче-крестьянский стиль коммуникации, например, речевые ошибки, неправильная расстановка ударений. Появилась традиция чтения докладов по бумажке. Тон здесь задавала советская партийная элита. Таким же был подражавший ей управленческий корпус.

30–40-е годы XX века — время, когда лингвокультурный идеал, предлагаемый системой государственной пропаганды, практически полностью совпадал с собственно народно-люмпенским лингвокультурным идеалом. Все это время власть говорила с народом, что называется, на одном языке.

В конце 50-х — первой половине 60-х годов ситуация начала меняться. Выполняя грандиозные по своим масштабам образовательные программы, существенно поднимая жизненный уровень населения, партийная элита в плане пересмотра лингвокультурного идеала почти не предложила ничего нового. Лингвокультурный идеал, выстроенный официальной пропагандой, стал существенно различаться с идеалом, сформировавшимся в среде разросшихся слоев интеллигенции. В стране, где литературное творчество традиционно находилось на высоком уровне, где творческие профессии стали престижными, где была ликвидирована система ГУЛАГа, где процветал самиздат, манера выражаться, свойственная кинематографическим Чапаю или Суворову, уже не могла восприниматься, иначе как с юмором. Так, мастерски выписанные на экране Максим, Чапаев, Петька, Анка-пулеметчица постепенно превратились в комические персонажи, а фильмы «Чапаев», «Ленин в октябре», «Юность Максима» стали восприниматься по-другому.

На авансцену вышел новый, чрезвычайно искусственный образ «строителя коммунизма». С этого момента пропагандируемый властью лингвокультурный идеал настолько стал различаться с идеалом действительным, что культура страны фактически раскололась надвое — культуру официальную и культуру протестную. Наряду с образами героев-производственников, заботящихся о выполнении государственного плана, стали возникать герои протеста. Это лирические герои песен В. Высоцкого, герои фильмов С. Параджанова, А. Тарковского. Так, вопреки возвышенному образному ряду официальной пропаганды, визуальное решение фильма Д. Тарковского «Сталкер» — грязные и унылые пейзажи, разваливающиеся дома; герои, тяготеющие к интеллектуальным разговорам.

В конце 60-х — 70-х годов XX века в качестве протестной расцвела культура эмиграции, вершиной которой стали произведения А. Солженицына. Выписанные им образы людей, невинно пострадавших от власти большевиков, определили новый лингвокультурный идеал, который, собственно, стал одним из могильщиков всей советской лингвокультуры. Это был образ независимой языковой личности, желающей жить так, как ей нравится. Эта личность не была озабочена борьбой с режимом, равно, как вообще с какой-либо идеологией. Всего, чего хотела эта личность, — это лишь независимости от официальной пропаганды.

Одновременно новый лингвокультурный идеал был неотделим от официальной пропаганды, поскольку мог существовать лишь в условиях советского строя в виде романтической идеи. Прежде всего, это был образ интеллигента, работавшего в непромышленной сфере, пользовавшегося всеми благами СССР (системой перераспределения, бесплатной медициной, бесплатным образованием, социальным обеспечением), но не желавшим мириться с сопутствующими несвободами с закрытостью общества и экономической системы, очередями, бытовыми проблемами и нехваткой продуктов питания. Официальная пропаганда для него

была чужда, и он не упускал возможности посмеяться над ней («Давно я не лежал в Колонном зале...», «И вновь я не замечен с Мавзолея...»)¹.

Кто чувствовал в себе силы и способности переменить жизнь, тот эмигрировал, или попросту сбежал во время турпоездки или заграничных командировок (отсюда происходил целый лингвистический ряд: «невозвращенец», «дважды еврей Советского Союза», «И Родина напутствует: «С возвратом!»...»). Кто в себе таких сил не находил, то демонстративно уходил в бедность, погружался в писание «в стол» без надежды увидеть свои сочинения на страницах опубликованных книг или на большом экране.

Работавший на полную мощность «социальный лифт» вывез в производственное начальство десятки тысяч представителей крестьянства и рабочего класса. Следует отдать им должное. Это были самородки, обладавшие острым умом, народной хваткой, не отделявшие себя от культуры власти, жившие в этой культуре, и как следствие, находившие именно в ней свой идеал — человека, не утруждавшего себя говорить на хорошем русском языке.

Большая часть такой «новой советской интеллигенции» оседала в руководстве фабрик, заводов, райкомах, обкомах партии, сосредоточив в своих руках реальную власть и управление общественной собственностью. Как таковые большие знания в сфере культуры здесь не требовались. Творческая интеллигенция, говорившая на хорошем русском языке, была для них все-таки чуждой социальной прослойкой, без которой, однако, обойтись было сложно. Кто-то ведь должен был писать патриотические песни, рисовать плакаты, читать лекции в вузах. «Новая советская интеллигенция» собственно интеллигенцией себя не считала, видя лингвокультурный идеал в персонах Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева.

Часто, получив неплохое образование в советском вузе, «новый интеллигент» намеренно искажал свою речь, или прибегал к приему абсурда, подтверждая свою принадлежность к рабочему сословию. Так, Президент СССР М. Горбачев постоянно приводил в недоумение своих оппонентов подобными приемами. К примеру, его излюбленным выражением была искаженная (искаженная сознательно, а вовсе не от косноязычия) поговорка «Вот, где собака роется». Аналогично на первом съезде народных избранников Михаил Сергеич, отключив у какого-нибудь особенно разгоряченного оратора микрофон, благосклонно отвечал на протесты последнего: «Да, я вас понимаю, я вас очень понимаю...». Но микрофон не включал.

То же самое можно сказать о языке В. Черномырдина, который иногда буквально обезоруживал собеседника: «Мы выполнили все пункты: от А до Б», «У меня к русскому языку вопросов нет»².

На протяжении десятилетий формировалась ситуация, когда интеллигенция была отделена от власти некоей культурной пропастью. Народ, традиционно доверяя интеллигенции в части культурно-нравственных оценок, не получал подтверждения истинной легитимности

власти. Итогом данной ситуации явился отрыв власти не только от народа, но и от интеллигенции. Народ был дезориентирован отсутствием необходимого лингвокультурного идеала. И даже обретенные в 90-х годах XX века демократические свободы мало что изменили в культурном восприятии власти народом и интеллигенцией.

Ситуация изменилась в самом начале XXI века, когда к власти пришел В. Путин. Интеллигенция, народ увидели, что власть не только может говорить на хорошем языке, но и предложить собственно столь необходимый лингвокультурный идеал, объединяющий в себе манеру говорить и держаться на публике.

Именно поэтому Путина можно воспринимать как специалиста в области коммуникации, наведения контактов, владения разными языками. И он очень хорошо понимает силу такой полистилистики. Она дает ему возможность говорить с представителями равных слоев населения, не уронив достоинства интеллигента. Более того, Путин определил новую моду среди чиновников, моду на владение языком.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как в небытие уходит язык корпуса советских руководителей и рождается новый лингвокультурный идеал. Это означает, что у россиян появилась надежда на правильный вектор эволюции общества в целом. Так, в странах Западной Европы всегда существовал национальный лингвокультурный идеал, который представляли высшие классы: дворянство, крупная буржуазия и политики. Именно эти слои общества указывали на некую культурную вершину, к которой должны стремиться все.

Таким образом, тенденции языковой и культурной моды на формирование объективно высокого лингвокультурного идеала дают основание для надежд на то, что русский язык сможет отвоевать утраченные в последние десятилетия позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Вишневский В.* Одностишия [Электронный ресурс]. URL: <http://esto.narod.ru/vishnevsky.html>.

² См., напр.: Афоризмы. Виктор Степанович Черномырдин [Электронный ресурс] // Orator.ru [сайт]. URL: <http://www.orator.ru/chernomyrdin.html>

Shaklein V. M.

LINGUOCULTURAL IDEAL FORMATION AS A TREND OF RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY DEVELOPMENT IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The article analyzes ideal linguistic behaviour of the 20th — 21st centuries. The author tries to find a linguistic and cultural ideal tendencies of modern Russian linguistic personality.

Keywords: linguistic and cultural ideal, Russian language, linguistic behaviour.

Ширэн Цолмон
Бадрах Анар

Монгольский государственный
университет образования, Монголия

Tsomuush_sh@mail.ru, anarka128@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОГО ФОНА

В статье описываются основные образы отражения национальной культуры в двух сопоставляемых языках. Национально-культурная семантика монгольских и русских фразеологизмов может отражаться следующим трояким образом: комплексно, расчлененно и своими прототипами — свободными словосочетаниями. Результаты исследования могут быть использованы в решении вопросов о составлении двуязычных словарей, фразеологического пособия-справочника, построенного по тематико-идеографическому принципу.

Ключевые слова: лингвокультурология, национально-культурная семантика фразеологизмов, лакуны.

В лингвокультурологии фразеологизмы исследуются как носители культурного фона потому, что они ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи.

Особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и ее идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение. В фразеологический состав языка входят не только идиомы и устойчивые словосочетания, но также пословицы и поговорки, крылатые выражения, и составляют основную, наиболее существенную часть национально-культурной семантики данного языка, которые играют особую роль в создании языковой картины мира.

Фразеологизмы были и остаются в языке на протяжении всей его истории, о чем свидетельствуют и древние памятники, и литературные произведения нового времени, а также записи живой разговорной речи.

Во фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей.

Изменяясь во времени, национальный язык как социально-историческая категория никогда не теряет своей конкретной сущности, что позволяет ему сохранить важное свойство передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций. Национальный характер проявляется в отражении особенностей природы, быта, обычаев, истории и культуры, главным образом в строевых его единицах, к числу которых мы относим и фразеологизмы.

Особые трудности возникают в сфере национально-культурной специфики фразеологии, когда наличие фразеологической единицы одного языка соответствует лакунам в других сравниваемых языках.

Коротко остановимся на понятие «лакуны». В. Л. Муравьев указывает, что для выявления лакун необходимо привлечение этнографических факторов. Лакуны связаны непосредственно с внеязыковой реальностью, что заставляет нас каждый раз констатировать наличие или отсутствие того или иного явления в быту для данного народа. Отсутствие фактов одного языка, взятых в сопоставлении с другим или другими языками, вскрывает существование несоответствий в планах их содержания, что приводит к наличию в языке «белых пятен» — лакун (впервые этот термин был введен французскими лингвистами Ж. Вилле и Ж. П. Дарбельне, которые определяли лакуну как явление, которое имеет место тогда, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом)¹.

На тот факт, что лакуны сигнализируют о специфических реалиях, процессах и состояниях, противоречащих узальному опыту носителя того или иного языка, указывал Ю. А. Сорокин в статье «Метод становления лакун как один из способов выявления специфических локальных культур», где лакуны понимаются им как «набор традиционно-разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации фактов, явлений и процессов вербального поведения людей»².

Фразеологические лакуны, не являясь предметом специального исследования, рассматривались в работах Л. К. Байрамова, И. О. Захырова, И. Краснянской. Так, И. О. Захыров называет фразеологической лакунарностью «отсутствие в одном из сопоставляемых языков фразеологически закрепленного образа, положенного в основу того или иного фразеологизма в другом языке»³. Из приведенного определения явствует, что под лакуной понимается фразеологизм, не имеющий в другом языке эквивалента в виде фразеологизма.

Г. З. Садыкова в своей работе пыталась установить некоторые принципы, которые могли бы составить теоретическую базу для установления принципов определения лакунарности во фразеологии:

- подобно лексической, фразеологическая лакунарность возникает в языке тогда, когда в нем отсутствует эквивалент для адекватной передачи значения фразеологизмов другого языка;
- фразеологическая лакунарность может быть выявлена только при сравнении двух и более языков и порождается безэквивалентностью языка-источника;
- фразеологическая лакунарность ограничивается фразеологическим уровнем;
- фразеологическая лакунарность тесно связана с историей перевода.

Таким образом, фразеологическую лакунарность Г. З. Садыкова считает языковой категорией, которая вскрывает отсутствие фразеологического эквивалента у фразеологической единицы языка-источника в сопоставляемом языке и находит свое формальное выражение в наличии бинарной оппозиции: «лакунарных фразеологических единиц». Характерной чертой данной категории также является то, что она носит универсальный характер и отображает незаполненность тех или иных участков одной языковой системы, так и в национальных чертах харак-

тера, связанных с бытом народа⁴. Наличие безэквивалентных фразеологических единиц предполагает внимательное изучение национально-культурного характера фразеологии.

Итак, национально-культурная семантика монгольских и русских фразеологизмов может отражаться тройко.

1. *Фразеологизмы монгольского и русского языков могут отражать национальную культуру комплексно*, т. е. своим идиоматическим значением, всеми компонентами вместе, что составляют суть любого фразеологизма. Например, монгольский фразеологизм *Цаг цагт нэг цаддаг, цагаан сараар нэг цаддаг* (иногда мы бываем сытыми, особенно во время Цагаан Сара) дает сложную непонятную информацию русскому человеку, так как *Цагаан сар* (Белый месяц) не сходится постоянно ни с одним из русских праздников потому, что монголы придерживаются собственного календаря. При этом данный фразеологизм переводится на русский язык описательным переводом. Также особый интерес вызывает для монголов русское выражение *кисейная барышня*, поскольку оно не имеет эквивалента в монгольском языке. Это выражение из повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1860) бытует в русском языке, по крайней мере, сто лет. Женский тип, обозначаемый выражением *кисейная барышня*, для русской действительности оказался весьма устойчивым, а само выражение широко употребляется в современном русском языке. Оно также переводится на монгольский язык описательным переводом.

Итак, видно, что именно носитель языка, опираясь на знание своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологизмов, и остающиеся непонятными для иностранца.

2. *Фразеологизмы монгольского и русского языков могут отражать национальную культуру расчлененно*, т. е. элементами своего состава. Стержневой компонент таких фразеологизмов является почти безэквивалентным. Например, монгольское выражение *жанч халах* (сменить жанч), означающее ‘скончаться’, непонятно русским. *Жанч* — это широкая длинная одежда в виде плаща. Со стародавних времен и по сию пору жанч надевают все ламы, являющиеся главными представителями монгольской буддийской религии. В этом же значении ‘скончаться’ употребляются следующие синонимичные фразеологизмы в монгольском и русском языках, которые отражают национальную культуру своими составными элементами: монг. *бурхан дор одох; сүнс халих; ертөнцийн мөнх бусыг үзүүлэх; талийгаач болох; хадан гэртээ очих; долоон гол нь тасрах; ясаа тавих; диваажинд очих; төрөл арилжих; гүзээ шородох; нирваан дүр үзүүлэх и др.*; русс. *отдавать богу душу; ложиться в гроб; отправляться к праотцам; сходить в могилу; протянуть ноги; дать дуба; отойти в вечность и др.*

3. *Фразеологизмы монгольского и русского языков могут отражать национальную культуру своими прототипами* — свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события в жизни народа и многое другое. На наш взгляд, среди фразеологизмов монгольского и русского языков данной группы можно выделить два основных типа.

1. Фразеологизмы, в которых употребляются названия животных. Если проведем частотное наблюдение над монгольскими и русскими фразеологизмами, в которых употребляются слова *собака* и *лошадь*, мы увидим, что такие фразеологизмы, в основном характеризуют человека, его поведение, отношения между людьми, физическое состояние и т. п. Например, **физическое состояние:** *нохой гурав харагдтал уух* (досл. «собака троится в глазах»); *спит как коней продавши*; **возраст:** *хун болох багаасаа, хөлөг болох унаганаасаа* (досл. «стать человеком с детства, стать конем с жеребенка»); *стар, что собака, а мал, что щенок*; **положение в обществе:** *эх нь хээр алаг бол унага нь шийр алаг* (досл. «если мать — кобылица гнедая, то ноги у жеребенка гнедые»); *как пес бездомный*; **поведение:** *галзуу нохойн аманд гараа хийхээс буцахгүй* (досл. «не отказываться сунуть руку в рот бешеной собаки»); *ничего бояться, что собаки лают; чешишь конь с конем, а свинья с углами* т. д.

2. Фразеологизмы, содержащие в своем составе стереотипы народного быта и национальной самобытности. Например, монг. *ноёнтой өшөөтэй бол хонгогүй, нохойтой өшөөтэй бол хормойгүй* («с собакой поссорись — останешься без подола, с нойоном поссорись — головы тебе не сносить»); *нэг бүдрэхэд долоо бүдэрнэ* (досл. «если один раз споткнулся, да и споткнешься и семь раз»); русс. *Гвардия умирает, но не сдается* и т. п.

Несомненной культурно-национальной значимостью обладают индивидуально-авторские афоризмы. Они отражают своеобразие индивидуального творческого мировосприятия, основывающегося на образно-концептуальном содержании фольклорных формул, символов. Примеры: *Всем дается бочка меда, Бочка дегтя, свет и тьма; Каждый — сам себе свобода, каждый — сам себе тюрьма* (В. Шефнер). *Нохой шарваач, ноён урваач* (Б. Ринчен) «Нойон виляет языком, как собака — хвостом» и т. д.

Таким образом, народный опыт и национальная самобытность языка получает наиболее яркое и непосредственное проявление во фразеологии, так как она соотнесена прямо с внеязыковой действительностью. Выявление собственно национальных свойств семантики фразеологизмов одного языка может осуществиться только в сопоставлении данного фразеологизма с аналогами другого языка. Выделение общих черт во фразеологизмах двух языков облегчает понимание культурно-языковой специфики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муравьев В. Л.* Лексические лакуны. Владимир, 1975. 97 с.

² *Сорокин Ю. А.* Метод установления лакун — один из способов выявления специфики локальных культур /Художественная литература в лингвокультурологическом аспекте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 120–136.

³ *Захыров И. О.* О межъязыковых фразеологических параллелях и лакунах //Известия АН ТАССР, Сер. общ. наук. Ашхабад, 1979. № 6.

⁴ *Садькова Г. З.* Межъязыковая фразеологическая лакунарность и средства ее компенсации (на материале татарского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1989. 17 с.

Shirnen Tsolmon, Badrakh Anar

PHRASEOLOGICAL UNITS AS CARRIERS OF CULTURAL BACKGROUND

The article describes the basic images of national culture reflection in two languages. National and cultural semantics of Mongolian and Russian phraseological units can be reflected in the following three ways: complex, subdivision and by their prototypes, free phrases. The results of the research can be used in solving the problems of establishing bilingual dictionaries, phrase-books, idiomatic directory built by topic-ideographic principle.

Keywords: linguoculture, national and cultural semantics of phraseology, lacunae.

Шишков Максим Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

m.shishkov@spbu.ru

ЖИЗНЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МОСКОВСКОЙ РУСИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБИХОДНО-БЫТОВОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье на основе анализа материалов «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» рассматриваются некоторые особенности концептуализации жизни в языковой картине мира человека позднего Средневековья, которые отражают взаимодействие религиозных и обиходно-бытовых представлений.

Ключевые слова: Московская Русь, XVI–XVII вв., лексика, языковая картина мира, жизнь.

Жизнь — один из базовых концептов любой лингвокультуры. Он всегда связан с религиозными представлениями, которые объясняют сущность жизни, объясняют ее границы или их отсутствие. Понятие жизни оказывается включенным в объяснение природы человека, его существования, материальной и духовной составляющих.

Говоря об изменениях данного понятия в Древней Руси, В. В. Колесов отмечает, что в семантике слов с корнем *-жи-* в их развитии «отразилась реальная последовательность в восприятии „жизни“: только физической — *животъ*, по преимуществу нравственной и духовной — *жизнь* и, наконец, социально значимой — *житие*»¹. Такое представление, как указывает автор, впервые появляется в «Домострое» в середине XVI века.

То есть уже к начальному периоду формирования обиходного языка Московской Руси была сформирована триада жизни физической, духовной и социально значимой.

Семантическое развитие данного понятия было, несомненно, связано и с происходившими в это время социально-экономическими и общественно-политическими преобразованиями.

Рассмотрим лишь несколько положений, которые показывают изменения в восприятии жизни.

Если обратиться к источникам церковной письменности, то мы увидим, что данное понятие входит в круг интересов церковных авторов XV–XVI вв. Примечательно, что жизнь в трудах прп. Максима Грека, прп. Иосифа Волоцкого и прп. Нила Сорского рассматривается в противопоставлении жизни мирской и жизни монашеской². Отправной точкой размышлений преподобных было христианское учение о жизни. В нем жизнь представляется проявлением свойства Бога, дарующего ее твар-

ным, но свободным существам, цель существования которых — вернуться к источнику жизни и бессмертия. Основой такого взгляда служит библейский рассказ о сотворении человека («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» — Быт. 2: 2), а также ряд новозаветных положений. Именно в иночестве церковные авторы видели этот путь, максимально приближающий человека к Богу. Однако при общих собственно религиозных представлениях прп. Нил Сорский и прп. Иосиф Волоцкий имели различные взгляды на социальную составляющую жизни (в том числе и жизни иноческой), что нашло отражение в их известном противостоянии. То есть социальная составляющая жизни человека стала влиять и на религиозное восприятие самого понятия «жизнь».

В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»³ представлены несколько слов, репрезентирующих интересующий нас концепт и показывающих происходящие изменения в его структуре.

Все три слова — *живот*, *жизнь* и *житие* — активно функционировали в русском языке указанного периода, практически совпадая в основном значении:

- *живот* — ‘жизнь, пребывание в живых’;
- *жизнь* — ‘существование человека от рождения до смерти’;
- *житие* — то же, что *жизнь*.

Наиболее богатым по количеству устойчивых сочетаний оказывается слово *живот* — около 20 фразеологизированных сочетаний, в которых наиболее ярко отражаются все три основных смысла понятия жизни: состояние, деятельность и длительность.

Жизнь как состояние, противоположное смерти, проявляется чаще всего в контекстах, в которых эти два понятия оказываются соположенными, например⁴:

Милосердый, г[осударь], пожалуй меня, х[олопа] своего, бѣднаго и заключеннаго иноземца для Спаса и Пречистыя Богородицы и для своего государственнаго многолѣтнаго здравья, подай, г[осударь], свою г[осударскую] милость вмѣсто смерти животъ. Сид, 353, 1628 г.

При этом и в обиходном представлении *жизнь* связывается с божественным началом, что отражает закрепившееся в языке религиозное представление:

Животомъ и смертью Бгъ владѣть. Сим. Послов., 99, XVII в.

Про мужа своего Корнѣя не писала грамотки что волею Бжюею в животъ его не стало. МДБП, 15, 1668 г.

Какъ по млстивому изволенню (!) всемогущаго Бга в животъ не стало светлѣшишево и высокорозженна князя Оранског его высочества владѣтеля и державца сих Соединенных провинцѣи. В-К V, 27, 1651 г.

Жизнь как временной отрезок (то есть время до смерти) находит отражение в большинстве устойчивых выражений с компонентом *живот*, например:

– «до живота» ‘до конца жизни, до смерти’: *Митрополита Афония за его воровство... бояре наши приговорили сослать въ заточение до его живота.* Сид, 112, 1636 г.

– «во все дни (во весь день, лет) живота» ‘в течение всей жизни’: *По сем буди гдѣрь мои [А. Н. Самарин] Бгом храним во вся дни лет живота твоего с сею и з дѣтушки и со всем твоим благодатным домом.* ИНРЯ, 188, 1686 г. и другие.

Социальный компонент также может актуализироваться во фразеосочетаниях:

Живот свой мучить — ‘жить в тяжелых условиях, страдать, испытывать муки’: *И от тѣх ран по ся мѣсто живот свой мучил, лежал и умер [казак Завьялка Данилов].* Ст. печ. пр., 11, 1613 г.

Эти примеры показывают, что семантика слова *живот* по большей части все еще относится к физическому существованию человека. Но в то же время особое место занимает устойчивое сочетание *вечный живот*, соотносимый с *вечной жизнью*:

Ты не наши вѣры чловѣкъ. Вѣруи во Исусъ Христа, которой животъ вѣчныи сподобилъ и посулилъ всемъ вѣрующимъ въ него. Лудольф, 72, 1696 г.

Ср.: *Не забывайте труда матерня и отцова... да и сами мзду отъ Бога приимѣте, и жизнь вѣчную наслѣдите.* Дм., 31, XVI в.

Жизнь вечная противопоставляется *жизни временной*, земной:

На хвалу на кабак потекл еси, малоумне чловече, и той тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру, с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити. Служба кабаку, 60, XVII в.

Как видим, именно в устойчивых сочетаниях закрепились взгляды, отсылающие к христианскому представлению. В памятниках обиходного языка данного периода за словом *живот* не закреплено значение исключительно физической жизни:

Родится на смерть а умретъ на животъ. Сим. Послов., 138, XVII в.

При этом в памятниках церковной письменности *жизнь* и *живот* могут противопоставляться:

Свою душою и телом, и животом, и смертью, и жизнью вечною, и мукою во лжю и на праве не клялся еси? Исповед., 419, XVI в.

Таким образом, мы можем увидеть, что, с одной стороны, в языке Московской Руси закрепились религиозные представления о жизни (преимущественно в виде формул), а с другой — возросшая роль социального фактора в свою очередь начала влиять и на религиозную трактовку понятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 67.

² См.: Казарян А. Т. Жизнь // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2008. Т. 19. С. 195–246.

³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 6: Доучиваться–Заехать / под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. СПб.: Наука, 2014. С. 233–238, 246–247, 257–258, 262–273.

⁴ Здесь и далее иллюстрации приводятся по шестому выпуску Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII в. После цитат следует указание на источник, страницу издания и дату источника. Перечень сокращенных названий источников:

- В-К V — Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подг. В. Г. Демьянов; отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996;
Дм. — Домострой / изд. подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994;
ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964;
Исповед. — *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2002 [тексты XVI–XVII вв.];
Лудольф — *Лудольф Г. В.* Русская грамматика 1696 г. Оксфорд, 1696 / переизд., перев., вступит. статья и примеч. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 509–658;
МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968;
Сид — *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. М., 1911;
Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899;
Служба кабаку — Служба кабаку: Праздник кабацких ярыжек // Русская демократическая сатира XVII в. / подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 46–64.
Ст. печ. пр. — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпцы печатного приказа / под ред. Л. М. Сухотина // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1–202.

Shishkov M. S.

“LIFE” IN THE MUSCOVITE RUS’ LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: INTERACTION BETWEEN COMMON AND RELIGIOUS CONCEPTIONS

The article deals with some peculiarities of the life conceptualization in the late Middle Ages, that show interaction between common and religious conceptions. The article is based on the material of the “Dictionary of quotidian Russian of Muscovite Rus’ of the XVI–XVII centuries”.

Keywords: Muscovite Rus’, lexis, language picture of the world, life.

Янгутова Рита Робертовна

Бурятский государственный университет, Россия

maryyang@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

В статье прослеживаются истоки лингвофилософской концепции основателя общего языкознания и философии языка В. Гумбольдта. Особое внимание обращается на эстетические аспекты в работах философа, т. к. «дух народа» полнее всего выражается в языке поэзии.

Ключевые слова: философия, эстетика, поэзия, язык, искусство, слово.

Его жизнь совпала с тем периодом литературы и философии в Германии, который принято называть классическим, его творчество стало плотью от плоти немецкой классики.

А. В. Гулыга¹

Выдающийся философ, филолог, государственный деятель и дипломат, Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) родился в старинной дворянской семье в Потсдаме. В 1787 году он поступает в университет во Франкфурте-на-Одере, где изучает юриспруденцию, а в следующем году переходит в Гёттингенский университет, в котором лекции по филологии, истории литературы и древностей читал Г. Гейне. В Гёттингене Гумбольдт знакомится с великим немецким поэтом Ф. Шиллером, исследования которого по эстетике оказали на него большое влияние. Интерес к проблемам эстетики заставил Гумбольдта обратиться к философии И. Канта и Ф. Шеллинга. Затем внимание Гумбольдта привлекли вопросы языкознания. В 1799 году он указывает, что философски обоснованное сравнение нескольких языков составит задачу его будущих исследований. Он был современником величайших представителей своего народа, языка².

В. Гумбольдт был и крупным государственным деятелем: выполнял дипломатическую миссию в Ватикане, Вене, Праге, Лондоне, Париже; являлся Почётным членом Петербургской и Берлинской академий наук; стал основателем Берлинского университета (1810).

С 1820 года он целиком посвящает себя науке, — лингвистике, философии, истории. Он свободно владеет английским, французским, испанским, итальянским, латынью, греческим, баскским, провансальским, венгерским, чешским, литовским, многие годы изучает языки туземцев Южной и Северной Америки, затем коптский, древнеегипетский, китайский, японский, санскрит. Начиная с 1827 года изучает языки народов Индонезии и Полинезии. Гумбольдт испытывает «высшее наслаждение» от осознания того факта, что с каждым новым языком вступаешь в «но-

вую систему мыслей и чувств», так же как бесконечно привлекает наличие внутренней, «удивительно таинственной связи всех языков».

Именно в это время он пишет главные работы по лингвистике, философии языка, философии истории, этике и эстетике. «О каком бы предмете ни шла речь, его всегда можно соотнести с человеком, а именно с целым его *интеллектуального и морального организма* [выделено авт. — имеется в виду эстетического и этического]» — пишет Гумбольдт в своей работе «Эстетические опыты»³ (1797–1798). Для Канта основная задача философии состоит в ответе на вопрос: «Что такое человек?». Гумбольдт согласится с Кантом и придёт к оригинальному ответу на этот вопрос: «Человек — есть человек благодаря языку; а для того, чтобы создать язык, он уже должен стать человеком».

Лингвофилософская концепция Гумбольдта заключалась в том, что он отвергал характерную для XVII–XVIII веков механистическую, а также логическую и универсалистскую концепции языка и рассматривает язык не как средство общения, а как *средство существования самого человека*. Язык понимается как непрерывная творческая деятельность (*energeia*), некое энергетическое направление — «глубочайшего и тончайшего вторжения языков» в «движение духа». В языке царит определяющий отношения между вещами в грамматических формах и категориях «дух народа». Гумбольдт утверждает, что это («дух народа») полное всего выражается в языке поэзии и языке философии — там больше метафоризации, следовательно, больше «связок», следовательно, больше работы мысли. Язык не инструмент: он живет в деятельности. Учение о тождестве «духа народа» и его языка (язык народа «есть его дух, и его дух есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное») является основным в лингвистической концепции Гумбольдта. Сказывается влияние идей⁴ И. Канта, Ф. Шеллинга и Г. Г. Гегеля. Философия природы Шеллинга и его трансцендентальный идеализм основывались на тождестве духа и природы. Следует отметить, что учение Гумбольдта о «духе народа» является преломлением учения Гегеля об абсолютной идее, изложенного в его «Феноменологии духа». Первоначальное тождество, образующее субстанциональную основу мира, является, по мнению Гегеля, тождеством бытия и мышления. Подчёркивая неразрывную связь и даже тождественность языка и «народного духа», Гумбольдт утверждает, что эта связь «недоступна для нашего разумения», что она «остаётся для нас необъяснимой тайной». В этом мы видим следование положению И. Канта о непознаваемости «вещей в себе».

В своей работе «Характер народа и характер языка»⁵ философ пишет: «... различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями». Язык — основа всех видов человеческой деятельности, основа «картины мира»⁶, уникальной для каждого народа.

В своей работе «О „Германе и Доротее“ Гёте», Гумбольдт⁸ пишет о «всеобщей ужасной катастрофе», если человечество в сей же момент не разработает теорию эстетики. «Полная же разработка подобной теории была бы наиболее желательной именно сейчас — она привела бы в более тесную связь, чем прежде, искусство и моральную культуру [эстетику и этику. — авт.], всё время сопрягая искусство с человеком [природа. — авт.] и его внутренним существом [дух. — авт.]».

Эстетическая мысль Гумбольдта движется от общего к частному: от общего определения искусства⁹ к искусству слова — поэзии. Исходный пункт рассуждений — идея Канта о продуктивной силе воображения, как потенции, формирующей весь духовный мир человека. «Искусство — это закономерное умение наделять продуктивностью силу воображения. Таково первичное понятие искусства — оно же и высшее его понятие»¹⁰. Гумбольдт выходит за пределы кантианства, проявляя интерес к природе, отмечая неразрывную связь между природой и человеком. Сила воображения действует в рамках, предписанных природой. «Искусство — это устранение природы как действительности и воссоздание её как продукта силы воображения»¹¹. «Природа прекрасна вообще лишь в той степени, в какой её представляет себе фантазия»¹². Для Гумбольдта вершина искусства — достижение идеала. Если для Канта идеал — это нечто неосуществимое, а для Гегеля идеал — это стремление к высокой цели, то для Гумбольдта идеал воплощается в искусстве. Сама художественная форма идеальна в том смысле, что она противостоит созданиям природы, поэтому не действительностью. Но есть и другое, считает философ, более высокое понятие идеального, реализация которого возможна только в таком виде искусства как поэзия. Поэт обязан создать нечто, превосходящее действительность, он делает это помимо своей воли «лишь потому, что, исполняя своё призвание поэта и предоставляя своей фантазии исполнение этого призвания, он изымет природу из ограниченной действительности и перенесёт её в страну *идей* [выделено авт.], превращая своих индивидов в идеалы»¹³. Художник достиг цели тогда, когда «перенёс в мир свою сокровенную, свою лучшую природу, превращая мир в существо, которому можно отныне всецело симпатизировать»⁴. Он считает, что поэзия чрезвычайно важна для существования этноса и нации, ибо она являет собой дух нации. Созвучен Гумбольдту и известный литературовед Ю. М. Лотман¹⁵: язык не может существовать без того, чтобы на нём не писали стихов: «...невозможно существование семиотической системы типа естественного языка и сложнее, если на нём нет поэзии».

В работе «О современной французской трагической сцене» Гумбольдт¹⁶ пишет о том, что существуют такие виды искусств, где силы воображения формируют предмет полностью или частично, но есть «...и такие, которые его непосредственно представляют, привнося в него од-

новременно идеальное. Последние, полагаю я с уверенностью, должны обладать более высокой степенью совершенства». Это положение он позже сформулирует как «закон наивысшей чувственности», воплощённый в поэзии. Именно она, поэзия — «наивысшая чувственность»¹⁷.

В 1789 году, 22-летний Гумбольдт стал свидетелем Великой французской революции. Впечатление было настолько мощным и сильным, что вся его последующая жизнь и деятельность были пронизаны чувством и разумом этих событий. В 1791 году он пишет свою первую статью «Идеи о государственном устройстве, вызванные новой французской конституцией». В 1792 году — «Идеи к опыту, определяющими границы деятельности государства». По мнению Р.Гайма¹⁸, это наиболее завершённое произведение Гумбольдта. В восьмой главе «Исправление нравов»¹⁹ читаем: «Поэзия наиболее полно соединяет обе стороны, ...с одной стороны, самое совершенное из всех искусств, а с другой — и самое слабое [слово — абстрактное, понятийное, знаковое. — авт.]. Поэзия — «самое совершенное» и «самое слабое» у Гумбольдта — оказывается ближе всего к истине, к «внутренней жизни человека», благодаря своей способности «облекать мысли и чувства самым легчайшим покровом [словом. — авт.]».

Эти размышления приводят к другому важнейшему положению его лингвофилософской концепции — понятию «внутренней формы языка» (innere Spfachform). Благодаря наличию внутренней формы язык хранит для нации «весь её способ мышления и восприятия, всю массу добытого ею духовно, как ту почву, ступив на которую, ноги обретают крылья и становятся способными к новым порывам, как колею, коя, не сужая принудительно, именно ограничением восхитительно приумножает силу». Это возможно потому, что язык человека представляет собой особый мир — «мир, который расположен посредине между являющимся нам внешним миром и миром, действующим в нас». Этот тезис Гумбольдта, прозвучавший в работе 1806 года, через сто с небольшим лет превратится в важнейший неогумбольдтианский постулат о языке как промежуточном мире (Zwischenwelt). История²⁰ этого термина Гумбольдта прошла длинный путь: от античности (Плотин «внутренний эйдос» через Средние века (Августин), когда оно стало философски-богословским понятием, к Новому времени, через Гумбольдта и Гёте и далее к традициям неогумбольдтианства (до «чистого языка» Э. Гуссерля и «внутреннего, потаённого языка М. Хайдеггера).

В заключение следует сказать, что колоссальное наследие выдающегося немецкого философа и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта можно полностью понять и оценить не только в том случае, если оно будет прочитано в контексте его общетеоретических идей, которые органично влились в тот мощный поток культурного развития, который мы именуем немецкой классической философией, но и в свете фактов

его незаурядной биографии, которые стали «глубочайшим и тончайшим вторжением» в процесс становления Гумбольдта — основателя философии языка как самостоятельной дисциплины, подобно «глубочайшему и тончайшему вторжению языков» в «движение духа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры / общ.ред. А. В. Гулыга, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 7.

² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем./ общ. Ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

³ Гумбольдт В. Указ.соч. С. 161.

⁴ Дамбаева В. Д., Затеев В. И., Янгутов Р. С. История философии и социологии / отв. ред. В. И. Затеев, И. И. Осинский. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 285 с.

⁵ Гумбольдт В. Указ. соч. С. 370.

⁶ Лобанова Л. П. Языковая картина мира и её описание в философии языка В. ф. Гумбольдта // Филологические науки. № 1, 2010. С. 64–74.

⁷ Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики: Учебное пособие. М.: Комкнига, 2007. 168 с.

⁸ Гумбольдт В. Указ. соч. С. 276.

⁹ Яковлев Е. Г. Эстетика. М.: Гардарики, 1999. 464 с.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ Humboldt W. Gesammelte Schriften, hrsg. von A. Leitzmann, Bd 1–17, Berlin, 1903–36; Berlin, 1968; С. 584.

¹² Гумбольдт В. Указ.соч. С. 171.

¹³ Там же. С. 172.

¹⁴ Там же. С. 180.

¹⁵ Лотман Ю. М. Феномен культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 463, Тарту, 1978. С. 33.

¹⁶ Humboldt W. С. 389.

¹⁷ Удивительное сходство в определении природы поэзии, мы находим у О. Мандельштама, назвавший поэзию «чудовищной уплотнённой реальностью». Он, как и Гумбольдт, обращает внимание на то, что поэтическое слово живёт сразу в нескольких измерениях: в нём запечатлён культурный, социальный, исторический, философский фон, который актуализируется в поэзии. Отсюда ощущение недосказанности, порождающих «бездну смысла» и той тайны, которая присуща Поэзии.

¹⁸ Гумбольдт В. О границах деятельности государства // Гайм Р. Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1898. С. 3; «После него он не написал ничего, что равнялось бы ему по законченности, по строгости и ясности мысли» (С. 54).

¹⁹ Гумбольдт В. Указ. соч. С. 80.

²⁰ Рассел Б. История западной философии. New York: chaldize publication, 1981, 855 с. Русский перевод печатается / науч. ред. В. Ф. Асмус. М.: Взд-во иностранной литературы, 1959.

Yangutova R. R.

ORIGINS OF WILHELM VON HUMBOLDT'S LINGUOPHILOSOPHICAL CONCEPTION

The article traces the origins of the linguaphilosophical conception of Wilhelm von Humboldt, the founder of general linguistics and philosophy of language. Particular attention is given to aesthetic aspects of the philosopher's work «The Ethos of People». The latter is prominent in the highest expression of poetry. The author argues that the topic of this article has also a great importance from a biographical viewpoint.

Keywords: philosophy, aesthetic, poetry, language, art, word.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СЛЕПОТА В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ МАГИИ

Статья посвящена акциональным и вербальным ритуалам, направленным на символическое ослепление противника, в традиции славян. Рассмотрены основные типы обрядовых действий (вербальные, акциональные, ритуал-диалог). «Слепота» используется для защиты от мифологических персонажей, от дурного глаза, а также в хозяйственной магии для оберегания посевов, урожая, скота и домашней птицы от вредителей. Во вредоносной и любовной магии «ослепление» применяется с целью получить власть над объектом воздействия.

Ключевые слова: славянская этнолингвистика, вербальная магия, зрение, слепота, глаза.

Зрение / слепота (свет / тьма) — одна из основных семантических оппозиций в традиционной народной культуре славян. Она тесно связана с такими оппозициями, как жизнь / смерть, добро / зло. Зрение, глаза мыслятся как сосредоточение жизненной силы, в том числе силы вредоносной (если речь идет об опасных существах, от которых необходимо защититься — мифологических персонажах, животных-вредителях и др.).

В обрядовых практиках нередко применяется магический прием, который можно условно назвать символическим, или ритуальным ослеплением: он не подразумевает причинения противнику реальной физической слепоты, речь идет о символической «слепоте» — введении адресата «ослепления» в некое состояние, при котором определенные объекты становятся недоступными его зрению, скрыты от него. Ниже мы рассмотрим, что собой представляют ритуалы символического ослепления, на каких принципах они строятся, на кого они направлены и с какими целями практикуются.

Ритуальное ослепление применяется, прежде всего, в апотропеических целях. Часто именно ослепление, наряду с другими действиями, используется, чтобы обезвредить противника, лишить его вредоносной силы¹. Для этого выполнялись различные действия (пускание по ветру пепла, втыкание на поле острых предметов и др.), которые интерпретировались как воздействие на глаза и зрение воображаемого противника. В качестве противника выступали демонические силы: в северо-западной Сербии (в Мачве) при приближении градовой тучи пепел из очага, на котором пекли рождественский сакральный пирог, рассеивали вокруг дома, чтобы гонящие тучу злые силы (дьяволы, «ветрогони», нечестивые, души умерших) временно ослепли от попавшего в глаза пепла и обошли село, в соответствующих отгонных формулах содержится угроза выжечь им глаза пеплом². Болгары в Сакаре в канун дня св. Георгия

втыкали в посеvy ветки и колючки боярышника, «да им бучка на мамнице в очите, да не мож да видят»³. Этим же мотивировались различные действия на Ивана Купалу: бросание в темноту головни от купальского костра с целью сжигания ведьм или выжигания им глаз⁴. В Полесье во время сожжения чучела ведьмы приговаривали: «Шчоб ў видьмы ногы крутылы, тыи руки покрутылы, глаза выпальылы!»⁵.

«Символическое ослепление» практиковалось с целью защитить человека от сглаза: считалось, что, если носитель дурного глаза не увидит объект, он не сможет причинить ему вреда. В качестве оберега от сглаза могли выступать части тела слепых животных (крота, летучей мыши) или предметы, так или иначе с ними связанные. Македонцы и болгары зашивали крыло или голову летучей мыши в одежду, они полагали, что как летучая мышь днем ничего не может видеть, так и дурной глаз не увидит и не сглазит человека⁶. На Русском Севере невесте перед отправлением к венцу кладут в башмак или в карман **крота**, чтобы по дороге в церковь на нее не могли напустить порчу (вологод.)⁷. Землю, вырытую **кротом**, болгары зашивают маленькому ребенку в шапку, чтобы его не сглазили⁸. Другим распространенным оберегом является соль. Мотив ослепления с помощью соли присутствует как в обрядах, так и в словесных формулах от сглаза. При встрече с урочливым человеком нужно было произнести: «Соль тебе в очи, головня (камень, деркач) в зубы!». Эти формулы распространены у восточных славян, у южных славян существуют аналогичные тексты, в которых вместо соли упоминаются лук и чеснок.

«Ритуальное ослепление» активно применялось в хозяйственной магии с целью защитить скот или посеvy от угрожающих им опасностей (волка, коршуна, воробьев, мышей и др.). Обрядовые действия чаще всего основаны на принципе **имитативной магии**: у южных славян в дни разгула волков («волчьи дни») различными способами закрываются (залепляются, замазываются, зашиваются и т. д.) разного рода отверстия, закрывание которых, по принципу подобия, должно провоцировать замыкание глаз и пасти животного-противника. Например, в качестве оберега от волка практикуется *зачесывание, закрывание, зашивание, залатывание* глаз и пасти⁹, глаза волка символически замазываются глиной, грязью, навозом¹⁰. В Витебской губернии на Рождество воробьев называют *слепцами*¹¹. В Киевской области записан заговор от воробьев: «Гаю мой, гаю, птаство у тебе маю, дзюби затинаю, а очи заслепляю. Дай Бог помоч»¹². В Вятской губернии считали, что, если опрокинуть горшок, вороны *ослепнут и не смогут увидеть* цыплят¹³.

Иногда магические действия, направленные на «ослепление» противника, предписывается совершать **в темноте** (что также должно способствовать слепоте противника), здесь имеет место функциональная синонимия понятий «слепота» и «темнота», когда и то и другое в конечном итоге имеет единую цель, чтобы противник не увидел охраняемый объ-

ект. Македонцы Охрида совершают обряды от волков глубокой ночью, чтобы волк был слеп и не видел овец¹⁴. «Многие магические приемы защиты от воробьев используют мотив слепоты, ночной темноты, сокрытия, забвения, тишины, молчания..., чтобы воробьи не видели, не заметили посевов, не слышали и не знали о них»¹⁵.

Часто обрядовые действия следовало выполнять **тайком**: как противник не видит и не знает о них, так бы он не видел и не знал об оберегаемом объекте: например, поляки или белорусы Виленской губернии топят печь до зари, **чтобы воробьи не видали** дыма и, соответственно, не клевали зерна¹⁶.

Еще одна стратегия, которая способствует лишению противника зрения, это выполнение перечисленных выше обрядовых действий с **закрытыми глазами (не глядя)**. Слепота выполняющего обряд должна сообщиться противнику: сеятель **завязывает себе глаза**, говоря при этом: «*Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян*» (поверье севернорусского населения Забайкалья)¹⁷. В Македонии женщины зашивают одежду, **закрыв глаза** и произнося заклинания: «*Завезомо, закрпимо уста да не зева, закрпимо очи да не гледа*»... «*Зачешља му очи да не гледа! Нека иде где је гора, где се вода раздваја и где нема куће*»¹⁸. На границе Брестской и Волынской обл. во время ужина (коляды) с кутьей **все члены семьи закрывают глаза**, а кто-нибудь стучает ложкой по лбу одного из сидящих, обычно детей, который должен угадать, кто его ударил. Это делается, «*абы ячмэня ў лити воробухы нэ аб’яідалы*»¹⁹. В районе Кривой Поланки в канун «волчьих дней» хозяин или хозяйка с **закрытыми глазами** и ртом сучит конопляную веревку руками, заложенными за спину с приговором: «*Уста да му се затворе, очи да му се затворе, ноге да му се смрзну*»²⁰. С **закрытыми глазами** замазывают свежим навозом или грязью дверь или трубу над очагом, чтобы замазать волчьих глаза и пасть, замазывают глиной дымоход, чтобы замазать глаза волку²¹. У поляков пастухи трижды обходят вокруг стада, останавливаются, а главный пастух, глядя на скот, говорит: „Спаси, Боже, наше стадо и каждую скотинку от всякого гада бегающего и от злого зверя”, после этого все отворачиваются от стада и смотрят в открытое поле, крича, как будто отпугивая волков, а один из пастухов громко щелкает бичом, тогда главный пастух кричит: «Соль бросаю в глаза» (диким зверям, волкам). В тот момент, когда раздается крик пастуха, один из его помощников бросает перед собой горсть соли в открытое поле²².

С закрытыми глазами выполняются также ритуальные действия, направленные на «запирание» своего собственного зрения. Человек, желая избежать встречи с какими-либо объектами, делает их «невидимыми» для себя. В этом случае глагол *не видеть* выступает в значении ‘не видется, не встречается’. Например, довольно много обрядов посвящено тому, чтобы не видеть змей. В Сврлиге рано утром на Сорок мучеников

и на Благовещение идут к реке, умываются, перебрасывают через себя камешек, **зажмурив глаза** и заткнув уши, чтобы не слышать и не видеть, где он упадет, — тогда все лето не будешь видеть змей и слышать о них²³. В Пиротском округе накануне обходят вокруг дома с **закрытыми глазами**, стуча в печной совок, и говорят: «*Јеремија у поље, змија у море!*»²⁴. Целый ряд магических действий основан на принципе: не смотреть на что-либо в какой-то определенный момент времени (обычно в праздник, сакральное время), чтобы не видеть этого (или другого объекта, каким либо образом связанного с объектом, на который запрещается смотреть) в будущем. Связь может быть основана на принципе подобия: веретено — змея (змея крутится и извивается, как веретено, в некоторых районах змея называется *веретеница*), веревка — змея (по форме). В Хомолье в день сорока мучеников не берут в руки веревок, вожжей, уздечек и других гибких предметов, **чтобы не видеть** летом сплетенных в клубки змей²⁵. Русские и белорусы верили, что если на Рождество или на Благовещение **взглянуть** на веретено, летом встретишься со змеей²⁶. В Полесье следили, «*на Коляды штоб не було ни прадзива, ни верацён, ничего. Так хавали, штоб его савсем не бачили. У кутки такие закидали, шоб очи не бачили. Дак казали, як у лес пойдзеш, дак не бачицьмеш вужа ци змей*»²⁷. Совершение ритуала тайком (чтобы никто не видел) — частое условие, которое было призвано подчеркнуть его сакральность: например, для выведения крыс хозяин и хозяйка после полуночи на всех дверях дома делают надпись освященным мелом, причем так, чтобы их никто не видел и чтобы они сами, предварительно условившись, не встретились друг с другом во время этого занятия²⁸. Иногда это мотивировалось опасением сглаза, что повлекло бы за собой неуспех ритуала.

Ослепление встречается в качестве одного из мотивов в заговорах. В заговорах от детской бессонницы встречаются формулы-угрозы в адрес болезни: «*Золотым ножом глаза выколю*». «*Горска мајко, горска вештице, горска мама подуро, досте си моју децу пудила. Ја имам златне ножеве — очи ћу ти извадим, зубе ћу ти положим, сад се ти плаши од мене и моје деце...*»²⁹. „*Święty Mikołaju, weź kluczyki z raju! Zamknij psa wściekłego i wilka leśnego, niech nie patrzy na te owce, co ja pase*»³⁰.

Мотив ослепления часто выражен в форме ритуальных диалогов в лечебной магии. Например, детскую бессонницу грозят «*сжечь в печи*», «*запарить глаза кипятком*»³¹. В Полесье две женщины разыгрывали следующий диалог: «*Што вы робытэ?*» *Льющая кипятком отвечает: «Ночницы парим!» Первая говорит: «Парь, парь да очи запарь!»*³². Ритуальные диалоги характерны и для болгарских оберегов от мышей: в «волчьих праздники» женщины зашивают себе подол красной ниткой спереди и сзади, а дети спрашивают: «*Какво шиеш, бабо?*». Она отвечает: «*Шия на мишките очите!*»³³. Женщина засовывает головешку в мыш-

ную нору. Её спрашивают: «*Кво мучиш, бабо?*» — «*Муша на мишките дупките, да им изгора очите да не ядат*»³⁴.

Помимо значений, связанных с визуальным восприятием ('видеть', 'встретаться, видеться'), слепота может также пониматься в переносном смысле — как неведение, незнание (ср. рус. *тёмный* — 'необразованный', диал. 'слепой'), а также как попустительство, невмешательство (ср. рус. фразеологизмы *закрывать глаза на что-либо*, *смотреть сквозь пальцы на что-либо*). Например, чтобы муж не знал и не видел, что делает жена и не имел над ней власти, жена давала ему съестть зад филина (серб.)³⁵. В Верхокамье полагали: если макнуть в брагу слепого кутенка и напоить мужчину — его жена будет гулять, а муж, как слепой, ничего не будет замечать³⁶. В любовной магии символическое ослепление использовалось с целью вызвать у объекта воздействия «слепую любовь», то есть любовь, при которой влюбленный не видит недостатков предмета своего обожания: например, у русских девушка давала парню съестть в хлебе сердце крота, тогда он будет любить ее так же слепо, как слеп крот³⁷.

Таким образом, символическое «ослепление» делает адресата неспособным увидеть охраняемый объект, узнать о его существовании и причинить ему вред (этот прием часто встречается в хозяйственной магии, выступает в качестве оберега от нечистой силы и сглаза). «Ослепление» применяется во вредоносной и любовной магии с целью лишить адресата знания и возможности иметь власть над совершающим магическое действие, а также вызвать у адресата «слепую» любовь, что обусловлено «этимологической» магией. В ряде случаев актуализируются смыслы, имеющие отношение к вторичным и переносным значениям глаголов зрительного восприятия, например, *не видеть* 'не знать', 'не встречаться'.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. С. 67–68.

² Толстые Н.И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1981. С. 83.

³ Сакар. Етнографско, фольклорно и езиково изследване. София, 2002. С. 358.

⁴ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Kultura duchowa. T. 2, cz. 1.

⁵ Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 265.

⁶ Тановић С. Урок — урочовајне. (Из околине Ђевђелије) // ГЕМБ, књ. 9. Београд, 1934. С. 32.

⁷ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916. Вып. 1. С. 269.

⁸ Захариев Й. Кюстендилско крайще // СбНУ, кн. 32. София, 1918. С. 60.

⁹ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 123–124.

¹¹ Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897. С. 228.

¹² Гура А. В. Указ. соч. С. 592.

¹³ Зеленин Д. К. Указ. соч. Вып. 1. С. 420.

¹⁴ Гура А. В. Указ. соч. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 592.

¹⁶ Szukiewicz W. Wierzenia i praktyki ludowe (zabobony, przesydy, wróżby i t. d.), zebrane w gubernji wileńskiej // Wisła. T. 17. Warszawa, 1903. S. 278.

¹⁷ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 58.

¹⁸ Гура А. В. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Полесский этнолингвистический сборник. М., Наука, 1983. С. 76.

²⁰ Гура А. В. Указ. соч. С. 146.

²¹ Там же. С. 156.

²² Moszyński K. Op. cit. S. 289.

²³ Борђевић Т. Р. Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. 2. С. 143.

²⁴ Там же. С. 144–145.

²⁵ Там же. С. 142.

²⁶ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 176.

²⁷ Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 23.

²⁸ Гура А. В. Указ. соч. С. 408.

²⁹ Зечевић С. Митска бића српских предања. Београд, 1981. С. 19.

³⁰ Успенский Б. А. Указ. соч. С. 51.

³¹ Виноградова Л. Н. Указ. соч. С. 313.

³² Полесский этнолингвистический сборник. М.: Наука, 1983. С. 147.

³³ Попов Р. Кратък празничен народен календар. София, 1993. С. 76.

³⁴ Гура А. В. Указ. соч. С. 411.

³⁵ Гура А. В. Указ. соч. С. 51.

³⁶ Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.

³⁷ Гура А. В. Указ. соч. С. 268–269.

Yasinskaya M. V.

SYMBOLIC BLINDNESS IN SLAVIC FOLK MAGIC

The author studies actional and verbal Slavonic rituals, aimed at symbolic blinding of an enemy. All the main types of ritual actions (verbal, actional, "ritual-dialogue") are analyzed as a part of Slavic traditional culture. The Slavs are using the «blindness» in order to protect themselves against the mythological characters, from an «evil eye». The «blindness» also becomes part of the rural magic, which aim is to protect crops, harvest, livestock and poultry from pests. In malefic and love magic the blinding helps to gain power over the recipient.

Keywords: Slavic ethnolinguistics, verbal magic, vision, blindness, eyes.

СОДЕРЖАНИЕ

Авлова Т. Б.	
Мир природы в миниатюрах сибирских писателей	5
Аврамова В.	
Языковой код культуры	13
Алавердян К. Г.	
Проблема коммуникации в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	19
Амирова Ж. Г.	
Коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспект личных местоимений русского языка	25
Аристова Н. С.	
Эволюция базовых единиц лингвокультурологического анализа: концепт, лингвокультурный типаж, мем	31
Атабаева М. С.	
Этнокультурные особенности обозначения понятия «расстояние» в межкультурной коммуникации	37
Ахметжанова З. К., Мирзоева Л. Ю.	
Аксиологический потенциал концепта чуждости (на материале религонима <i>басурман</i>)	43
Байгарина Г. П.	
Метаязыковой дискурс как проявление национально-культурной специфики языкового сознания	49
Бектемирова С. Б.	
Образ <i>собаки</i> в тюркской и славянской культурах	55
Боженкова Н. А., Боженкова Р. К.	
Механизмы лингвокультурологического моделирования новых возможных смыслов	61
Болдырев Н. Н.	
Концептуальное взаимодействие как основа речевого общения	66
Бугаева И. В.	
Современное состояние изучения языка религиозной сферы	72
Вардзелашвили Ж. А., Певная Н. П.	
Лексема <i>терпение</i> как единица языка и гипертекста русской культуры	77
Васильева Г. М.	
Динамика ассоциативно-вербального поля «Испания» в сознании носителей русского языка	83

Вендина Т. И. Русская традиционная культура сквозь призму диалектного слова	87
Вильегас Кара Ф. М. Политический дискурс В. В. Путина как элемент формирования национальной идеологии в России	94
Винникова Т. А., Федорова М. А. Восприятие кинотекста в разных лингвокультурах	99
Вознесенская М. М. Русская фразеология о бюрократии и бюрократах	105
Воробьев В. В. Лингвокультурология 30 лет спустя: есть ли теоретические достижения в описании взаимодействия языка—культуры— личности и каковы прикладные перспективы в обучении иностранным языкам?	110
Воронина Т. М. Основные характеристики пространства и их репрезентация в русском языке (на материале синонимических рядов)	117
Вотякова И. А. Словообразовательное поле концепта «страх» в русском языке	123
Габуния З. М. Этнокультурная концептуализация <i>дома</i> в произведениях русскоязычного писателя Ф. Искандера	128
Гетка Й. П. Россия и русский язык в польских изданиях XVIII века (на основании изданий василианских типографий)	135
Глазанова Е. В. Психолингвистическое исследование стереотипных представлений носителей русского языка (образ типичного мужчины и типичной женщины)	141
Голубева-Монаткина Н. И., Шестакова Л. Л. О корпусном подходе к изучению эмигрантской русской речи	146
Голяк С. В. Номо sapiens и «человек неразумный» в образах славянской фразеологии	151
Гоциридзе Д. З., Имнадзе Б. Л., Джагоднишвили Т. И. Взаимодействие разнофактурных блоков в структуре плакатного текста	157
Гоциридзе З. Д., Гаприндашвили Н. Н., Твалтвадзе Д. Ш. Человек как объект лингвокультурологического описания	162

Григорьева Т. В. Аксиологические особенности оппозиции ‘острый — тупой’ в русском языке	168
Губайдуллина А. Н. «Взрослое слово» в языке современной поэзии для детей	172
Гузи Л. Исторические образы в языке как отражение единиц этнолингвокультурного сознания	179
Гусаренко С. В. События культурной жизни России в суперструктурах и макроструктурах газетно-публицистического дискурса	184
Давыдова О. А. Русские и казачьи формулы приветствия (в языке произведений М. А. Шолохова)	189
Демешкина Т. А. Когнитивные операции с чужой речью в диалектной коммуникации	195
Денисенко В. Н. Функция и значение единиц языка	200
Денисенко Е. Н. Символическая семантика наименований предметов одежного комплекса в русском обрядовом контексте	205
Диасамидзе Х. Г., Шамилишвили И. А. Историческая и культурная картина Батуми начала XX века в зарисовках Осипа Мандельштама	211
Долгополова Т. А. Интернационализация и взаимопроникновение правовых систем как культурно-лингвистический аспект обучения	216
Ермекова Ж. Т. Мировосприятие русскоязычного казаха (на примере фитообразов)	222
Жаналина Л. К. Ассоциативное поле слова <i>заяц</i> в русском языке	230
Зиновьева Е. И., Абыякая О. В. Человек, испытывающий чувство холода, в русской языковой картине мира (на фоне китайского и японского языков)	236
Карпенко Л. Б. Русский язык как «преемник общеславянского литературного языка»	242

Касым Балкия Касымкызы Образно-оценочная мотивация метафорических наименований и их функциональная деятельность.....	248
Касимова Р. Т. Обыденное толкование слов как отражение наивной картины мира	254
Кириченко С. В., Ракидель Г. Интеллигентность в современной русской языковой картине мира	259
Клименко Г. В. Части тела человека в аспекте лингвокультурологии	265
Ковшова М. Л. Наименования и образы головных уборов в русской лексике и фразеологии	270
Козубенко И. И. Мифологическое имя в русской лексике	276
Кокетти С., Менгель С. Преподавание литературы и культуры: традиционный и творческий подходы.....	282
Колясева А. Ф. Обыденное и профессиональное языковое сознание: медицинская сфера	287
Корнеева А. Ю. Сознание как категория когнитивной лингвистики	293
Костомаров В. Г. Раздумья о родном языке	298
Красных В. В. Основные функции языка, культуры и лингвокультуры в свете психолингвокультурологии	304
Креч Т. В. Языковая личность в зеркале современных социолингвистических вызовов.....	310
Ласорса С. К. Обиходно-бытовые представления о Нумене в русском языке в сопоставлении с итальянским языком	315
Лебедева Н. Б. К типологии русской речевой личности (на примере образов рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч»)	322

Лисенкова И. М. Колоративы как одно из средств репрезентации эмоциональной сферы персонажей романа Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил»	328
Литовкина А. М. Идеосемантика топонима Байкал в русской языковой картине мира	333
Лопухина Р. В. Отражение «логики здравого смысла» в русском языке.....	339
Лукьянова Е. А. Основные ономастические процессы формирования региональной топонимии (на материале Владимирской области) ...	345
Лычкина Ю. С. Семантическое поле «Волевые черты характера» в русском языке ..	351
Мажитова Ж. С. Ораторские слова как средство сохранения культурного наследия народа.....	357
Малькова В. В. Устойчивые сравнения: автор и адресат как представители культуры.....	361
Матрусова А. Н. Русская и славянская песня: больше, чем текст	365
Милевская Т. В. Отражение социокультурной маркированности фрейма в семантическом пространстве текста	368
Михайлов А. В. Об источниках российской «народной идеологии»	372
Михалёв А. Б. Фоно- и лексико-семантический параллелизм концепта «Силовой контакт» в русской языковой картине мира	377
Мишанкина Н. А. Роль метафорической концептуализации в структурировании научной информации	382
Мякшева О. В. Языковая личность сквозь призму разных жанров	388
Никитевич А. В. Деривационный потенциал русского диалектного слова в культурно-историческом аспекте.....	393
Николаева Е. К. О культурной семантике устойчивых сравнений	399

Николенко О. Ю.	
Феномен родства как объект лингвокультурологии	405
Нистратова С. Л., Нистратов А. А.	
Репрезентация ценностей в русском и итальянском языковом сознании	410
Панченко С. А.	
Лингвистические параметры киноанонса	416
Петкова-Калева С. Я.	
Интерпретация размера с точки зрения нормы ожидания	421
Пименова М. В.	
Национально-культурная специфика обозначений цвета (на материале русского и монгольского языков).....	427
Приказчикова Е. В., Савченко Е. П.	
Языковое выражение агрессии в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина и Б. Обамы)	433
Прокофьева Л. П.	
Синестетические эксперименты в иллюстрированной поэзии: А. Крученых, В. Хлебников, О Розанова.....	438
Радбиль Т. Б.	
Национально-обусловленные речевые стратегии в современной русской диалогической коммуникации	442
Романова Н. Ю.	
Образ дизайнера в русском дискурсе дизайнера	448
Романцова Т. Д.	
Просветительный потенциал региональной лексикографии: «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» школьникам о народной сказке	454
Рябова М. Ю.	
Новые концепты постсоветской культуры	460
Савойская Н. П., Нефедова Л. А.	
Особенности конструирования оценочных высказываний в русском языке	465
Садыкова И. А.	
Пословицы с семантикой запрета как языковые маркеры национально-культурного сознания русских (на материале этноречевых запретов)	471
Салиева Л. К.	
Современный дискурс на фоне диалога «М. М. Бахтин — Ю. В. Рождественский»	476
Сванидзе К. А.	
Лингвокультурологический механизм воплощения творческого дуализма писателя	481
Себепова Р. М.	
Ментальная сфера языка в оценке	486
Селиверстова Е. И.	
Стилистическая игра — средство или назначение текста СМИ? ...	490
Сиоридзе М. А., Таварткиладзе С. Ю.	
Символика универсального концепта «небо» во французском, итальянском и русском культурных пространствах в свете фразеологии	496
Сипко Й.	
Литературные ассоциации в освещении СМИ украинского кризиса	501
Снетков В. Н.	
Влияние профессионального русского языка на правосознание ...	507
Сосновски В., Яскот М.	
Категория обращения как пример безэквивалентной лексики.....	511
Старикова Г. В.	
<i>Самопожертвование</i> в языковом менталитете русских и датчан...516	
Стародубец С. Н.	
«Верующая вера» как символ духовности в русской лингвокультуре.....	522
Стоянова Е. В.	
К вопросу об эмотивном компоненте современной медийной метафоры	528
Суши М.	
Уникальные термины семейного родства у русских и у индонезийцев (Бали) как отражение их культуры.....	534
Тарасенко В. Е.	
Чаепитие: семантические и лингвокультурологические аспекты ..538	
Треблер С. М.	
Русская языковая картина мира: чувства vs эмоции.....	542
Третьякова Л. Н., Никитина Е. В.	
Военные фразеологизмы в языке современной газеты	548
Туманова А. Б., Чекина Е. Б.	
Контаминации в языке как показатель особой языковой картины мира писателя-билингва	554
У Хао	
Кульм природы в русской и китайской языковой картинах мира ..558	

Узелли Генюль	
Поэтическое своеобразие стамбульского пейзажа в работах русских художников XIX века	563
Фомина З. Е.	
Экотопонимы как отражение этнической ментальности русской языковой личности XXI века.....	570
Фролова О. Е.	
Европа в номинативном и коннотативном значениях.....	576
Цулейскири Н. Г.	
Анализ языкового контекста.....	581
Цыганкова А. В., Чудинов А. П.	
Метафорическая презентация образовательных концептов.....	585
Чалькова Т. И.	
Мифологические корни и семантические рефлексы концепта <i>кузнец</i>	590
Чепурная Т. С.	
Вербализация периферии концепта в письменной речи мультилингва сквозь призму субстрата родного языка (на материале писем Екатерины II и Г. А. Потёмкина)	595
Чеховская О. Е.	
Европейские путешествия представителей русской писательской интеллигенции в XIX — начале XX вв. как форма межкультурной коммуникации	600
Чжао Цюе	
Сопоставительный анализ национального менталитета, языкового сознания и образа ассоциации китайцев и русских	606
Чингисова А. А.	
Специфика концепта в языковом сознании	611
Чупринина С. В.	
Проблема «эмоции в языке»	616
Шаклеин В. М.	
Формирование лингвокультурного идеала как тенденция развития русской языковой личности начала XXI века	623
Ширнэн Цолмон, Бадрах Анар	
Фразеологизмы как носители культурного фона	628
Шишков М. С.	
<i>Жизнь</i> в языковой картине мира Московской Руси: взаимодействие обиходно-бытового и религиозного представлений	633
Янгутова Р. Р.	
К вопросу об истоках лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта.....	637
Ясинская М. В.	
Символическая слепота в славянской народной магии	642

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года

Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ

В 15 томах

ТОМ 6

НАПРАВЛЕНИЕ 5
ЯЗЫК. СОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

ISBN 978-5-9906635-0-3

ISBN 978-5-9906635-6-5

Подписано в печать 01.09.2015.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 41,125.

Тираж 1200 экз. (CD)